This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

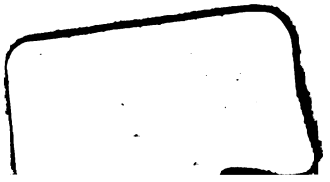
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PSlav 605.10

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

PSlaw 605.10

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY



РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

КНИГА IV.

МОСКВА.

1881.

Редакція и контора журнала: Долгоруковская улица, въ домѣ Дреземейеръ.

Типо-литогр. И. Н. Кушнерева и К°., Пименовская ул., д. Кушнеревой.

Slav 30.11
P Slav 605.10

Harvard College Library.
Mar. 17 1904.
By Exchange.
N. Y. Public Lib'y.

DUPLICATE.

-7477-
DUPLICATE

ASTOR LIBRARY
FEB
8
1892
NEW YORK

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. СЪ 1 МАРТА ПО 1 АПРѢЛЯ	1
II. МОСКВА, 26 МАРТА 1881 ГОДА	9
III. ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ ВЪ РОССІИ XVIII СТОЛѢТІЯ. Окончаніе.—**И. И. Дитятина**	1
IV. ТИХІЯ ВОДЫ ГЛУБОКИ. Повѣсть. Окончаніе.—**Н. М. Коваленской**	31
V. КЪ ВОПРОСУ О ПРЕОБРАЗОВАНІИ ВОЛОСТН. СУДОВЪ.—**В. Е. Денскаго**	58
VI. КРЕСТЬЯНСКОЕ ЦАРСТВО. Очерки и впечатлѣнія лѣтней поѣздки на Валаамъ. XVIII—XXV.—**В. И. Немировича-Данченко.**	99
VII. НОВАЯ ИРЛАНДІЯ (переводъ съ англійскаго). I — III.—**А. М. Сулливана**	140
VIII. ПОДСѢЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО, ИЛИ ЗЕМСТВО СТРОИТЪ ЖЕЛѢЗНУЮ ДОРОГУ. Романъ. Часть II-я, гл. III—VI.—**М. П. Забѣлло**	135
IX. КЕСАРЬ. Историческій романъ (переводъ съ нѣмецкаго). Гл. IV—VII.—**Георга Эберса**	260
X. ИЗЪ ПѢСЕНЪ О ВОЗРОЖДЕНІИ. Стих.—**Л. И. Пальмина.**	309
XI. НАРОДНЫЯ АРТЕЛИ.—**Г. П. Сазонова**	311
XII. НОЧИ. Стих. *Альфреда де-Мюссэ* (перев. съ французск.).—**П. А. Козлова**	333
XIII. ОЧЕРКИ ИНОСТРАН. ЖУРНАЛИСТИКИ.—**Сергѣя Невѣрова.**	1
XIV. НОВЫЙ ТРУДЪ КН. А. И. ВАСИЛЬЧИКОВА: «Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи».—**А. И. Скворцова**	11
XV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—**В. Г.**	21

XVI. КАКЪ НАШЕ ЗЕМСТВО ЗАРОЖДАЛОСЬ И ПОДРАСТАЛО. Окончаніе.—Бар. **Н. А. Корфа**. 35

XVII. ХРОНИКА ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИЗНИ. Корреспонденція *Русской Мысли*.

Вопросъ дня: выборы по департаментамъ и выборы по округамъ; отношеніе къ нимъ гамбеттистовъ и анти-гамбеттистовъ; обновленіе палаты по частямъ.— Внѣшняя политика: миролюбіе Франціи и ея отношеніе къ греческому и ирландскому вопросамъ; Парнель въ Парижѣ.— Вопросъ объ уничтоженіи смертной казни и вопросъ о разводѣ.— Юбилей Виктора Гюго.—Кончина одного изъ министровъ второй имперіи.—Мериме и его переписка съ Панизци.—Кузенъ, его любовно-литературныя увлеченія и его послѣдователи.— «Жена маршала Вильяра и ея время», г. Жиро.—«Графъ де-Сэрръ, его жизнь и его время», Карла Лакомба.—«Та или другая», романъ графини Апраксиной.— Чѣмъ замѣнили цензуру римской куріи и попытка раздѣлаться съ Гёте и Дидеро.—Карнавалъ въ Парижѣ.—Скандальный процессъ въ Вордо.—Пятнадцатилѣтній убійца.—Театръ: возобновленіе «Лукреціи Борджіа»; «Нана».—Выставки картинъ.— Антикваріи и собиратели рѣдкостей: Леопольдъ Дублъ и Маріетъ Бей.—Трагическая смерть внука маршала Нея.—**W****. . . 79

XVIII. ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ ВЪ АМЕРИКѢ НАКАНУНѢ ИЗБРАНІЯ НОВАГО ПРЕЗИДЕНТА. Окончаніе.—**W. F.** 102

Въ конторѣ редакціи, въ Москвѣ, на Долгоруковской улицѣ, въ домѣ Дреземейеръ, находится складъ слѣдующихъ изданій В. М. Лаврова и В. А. Ѳедотова:

Ф. Д. Нефедова—«Очерки и разсказы». Изд. 2. Москва. 1878 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Кондратовича Людвига (В. Сырокомли) — «Избранныя стихотворенія». Т. 1. Москва. 1879 г. Цѣна 2 р.

Кромѣ того: «Мессалина». Драма Пьетро Косса. Пер. въ стихахъ Ал. Аксакова. М. 1880 г. Цѣна 1 р.

Новыя стихотворенія Л. И. Пальмина М. 1881 г. Цѣна 50 к.

Л. И. Пальмина — «Сны на яву». Собраніе стихотвореній. Изд. 2. Москва. 1881 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Подписчики *Русской Мысли* пользуются при покупкѣ этихъ изданій уступкой 20%.

1-го марта 1881.

Пережили мы тяжкіе, страшные дни, отъ какихъ да сохранитъ Господь всѣ будущія поколѣнія наши,—дни ужаса, подавляющаго мысль и горя безпримѣрнаго, которому не видишь конца. Невозможное совершилось, немыслимое стало дѣйствительностью: Русскій Царь среди бѣлаго дня, въ своей столицѣ поверженъ на землю и плаваетъ въ крови; великій и первый благодѣтель русскаго народа, освободившій милліоны, снявшій множество оковъ съ нашей совѣсти, нашей мысли, нашего слова, открывшій для насъ возможность жить человѣческой жизнью и указавшій широкій путь къ обновленію русской жизни въ духѣ правды, добра и свободы,—кончается среди насъ въ невыносимыхъ мукахъ. Сердце изнемогаетъ, мысль цѣпенѣетъ и слово замираетъ... Невольное чувство стыда за Русскую землю, на которой совершилось это позорное дѣло, прокрадывается въ душу и томительно охватываетъ ее; но совѣсть наша возстаетъ противъ того и громко вопіетъ, что между нею и проклятымъ, невозможнымъ для нея, дѣломъ—бездна непроходимая. Чиста, какъ чистое зеркало, совѣсть русскаго народа, свѣтла какъ солнце и пламенна любовь его къ почившему и горяча молитва за него къ Богу. Нѣтъ, нѣтъ, русскій народъ не можетъ принять на свою голову этого позора: онъ всецѣло падаетъ только на отверженцевъ Русской земли, слѣпыхъ и безсмысленныхъ орудій замысла враговъ нашихъ за предѣлами Русскаго государства, куда ведутъ и всѣ нити неестественнаго для русскихъ дѣла.

Самое это чувство невольнаго стыда за Русскую землю ядовито гложетъ нашу душу, какъ тяжкое оскорбленіе, и отъ него

спѣшитъ избавить насъ и исцѣлить царственнымъ словомъ своимъ Сынъ и преемникъ почившаго Благодѣтеля Россіи словомъ, переданнымъ намъ устами градоначальника г. Петербурга: «Несмотря на весь ужасъ преступленій, сердце Императора ни на одну секунду не повѣрило тому, чему вѣрить нельзя, т. е. чтобы могло существовать что-нибудь общее между сплошною массою русскаго народа и горстью негодяевъ, нравственныхъ уродовъ, не принадлежащихъ ни къ какой группѣ населенія, ни къ какой націи, и позорящихъ все человѣчество, нося видимый образъ человѣка».

Народъ русскій видитъ въ страшномъ событіи знакъ гнѣва Божія, разразившагося надъ нимъ. Не крики, не вопли отчаянія, все болѣе и болѣе раздирающіе душу, не страстныя неистовства, затемняющія только мысль — намъ нужны, но смиренное мужество терпѣнія, сила воли, подавляющая невыносимую душевную боль, и могущество спокойнаго, яснаго разума. Великій примѣръ тому и образъ нравственнаго вѣличія и могущества духа и разума являетъ намъ въ себѣ Верховный Вождь русскаго народа, воспріявшій власть отъ вѣнценоснаго своего Родителя. Кому былъ ближе, какъ не Ему, великій Мученикъ, растерзанный злодѣями? Чье негодованіе и чей гнѣвъ на преступниковъ можетъ быть острѣе и сильнѣе Его негодованія и гнѣва? Кто можетъ, кто посмѣетъ сравнить свое горе, свои душевныя страданія, при тяжкой утратѣ, съ Его невыразимымъ горемъ, съ мученіями Его сердца? И вотъ, на другой же день ужасающаго своею безпримѣрностію событія Онъ передъ нами во всеоружіи ничѣмъ неколеблемаго высокаго духа. И народъ русскій съ первыхъ шаговъ Его царственнаго дѣла уразумѣлъ въ Немъ царя правды и добра. Таковъ и истинно-русскій человѣкъ: глубока и могущественна его природа, умѣетъ и въ силахъ онъ переносить мужественно величайшія бѣды и горести и овладѣвать своимъ разумомъ, все понимающимъ и взвѣшивающимъ, сохраняя его въ невозмущенной величавой чистотѣ, если только, такъ сказать, насильственно, неразумными криками или другими способами не поднимутъ со дна его души страстной бури, имъ сдерживаемой, которая такъ же ужасна, безбрежна и неодолима, какъ могущественны его воля и разумъ въ нормальномъ его состояніи. Кто

изъ насъ за это время не былъ свидѣтелемъ его безконечнаго горя и невыразимаго гнѣва на злодѣевъ и кто не удивлялся ясности его мощнаго трезваго разума? Онъ сумраченъ, подавленъ горемъ, видитъ въ немъ наитіе наказующей десницы Божіей, благоговѣйно, тепло молится за погибшаго своего Царя-благодѣтеля, какъ за святыню своей души, и мысль его занята неправдою, разлитою по Русской землѣ, за которую, по его убѣжденію, и постигла насъ кара Божія.

Только при такомъ сосредоточеніи въ себѣ, только при такомъ опирающемся на силу воли спокойствіи разума, одушевленнаго пониманіемъ и чувствомъ правды и добра,—только при такомъ состояніи духа возможно опредѣлить зло въ его границахъ и безошибочно истребить его. Только при этомъ условіи могутъ быть съ точностію отдѣлены зараженные гангреною и уже безвозвратно погибшіе члены организма отъ здоровыхъ и тѣхъ, которые еще могутъ быть спасены, и можетъ быть произведена необходимая ампутація рукою твердою, не рѣжущею по живому тѣлу. Только при этомъ возможно ясное пониманіе самыхъ корней зла и средствъ, которыми можетъ быть возбуждена дѣятельная энергія здоровыхъ силъ нашей общественной и народной жизни, воздѣйствіемъ которой сами собою уничтожатся глубоко сокрытые, невидимые для насъ, источники недуговъ, таящихся въ нашемъ народномъ организмѣ.

Однимъ изъ глубочайшихъ, думаемъ, источниковъ зла, разъѣдающаго нашу жизнь, служитъ почти полное невѣдѣніе нашей народной жизни, ея бытовыхъ основаній и формъ, въ которыхъ однако скрыты всѣ ея зиждительныя силы, вся ея энергія и весь ея разумъ, почти всѣми, за крайне малыми исключеніями, представителями русской мысли и русскаго самосознанія. Это невѣдѣніе обрекаетъ на безсиліе въ области мысли, когда идетъ рѣчь о строительствѣ русской жизни, какъ тѣхъ, которые хотя и искренно, но при настоящихъ условіяхъ все-таки самозванно мнятъ себя вѣщателями народной правды и присущихъ природѣ русскаго народа идеаловъ, которыхъ однако они точно опредѣлить не умѣютъ, ибо народа, какъ слѣдуетъ, не изучали, а потому и осуждены возвѣщать только общія мѣста безъ содержанія, давно всѣми слышанныя, способныя лишь вліять

на маломыслящихъ и возбуждать въ нихъ страстныя движенія разныхъ инстинктовъ и добрыхъ и дурныхъ,—такъ и тѣхъ, которыхъ мысль, стоя на высотѣ современной науки и проникнутая идеалами, выработанными умственною дѣятельностію всего человѣчества, часто останавливается въ недоумѣніи, какъ приложить добытыя ею общечеловѣческія истины къ русской жизни, которыхъ и она, будучи жизнью человѣческой, не можетъ быть чужда, — въ недоумѣніи тѣмъ болѣе тяжкомъ, что они одушевлены такою же безкорыстною любовью къ народу, какъ и первые. Страшное, трагическое положеніе!... Неудержимая сила разбуженной мысли, согрѣтая силою любви къ народу, требуетъ немедленнаго, живаго дѣла, но неразрѣшимость ея задачи, за невѣдѣніемъ данныхъ, парализуетъ ее, а подъ нею и вокругъ ея многочисленная масса народа, въ молчаливомъ могуществѣ своихъ пластически развивающихся зиждительныхъ, творческихъ силъ, неодолимыхъ, какъ стихійныя силы природы, предъявляетъ неотклонимыя всемогущія требованія, не давая срока.

Мысль отвлеченная, не опирающаяся на точные факты, крайне удобоподвижна, смѣла и безъудержу дерзка. Въ своей отвлеченности и дерзкой удобоподвижности, или строитъ она легковѣсныя теоріи, прекрасные воздушные замки, которые силою своей обаятельности влекутъ хотя и къ добрымъ цѣлямъ, но обманчивыми путями, разрушающими въ корень и то доброе, къ которому стремится,—или, увлекая за предѣлы возможнаго, раздражая чувства и возбуждая дикіе инстинкты, порождаетъ иногда и такія чудища мысли и дѣла, отъ которыхъ содрогается нравственная природа человѣка.

Вотъ зло, неминуемо порождаемое отвлеченностью мысли, когда предпринимаетъ она рѣшать задачи жизни. А на эту отвлеченность какъ бы судьбою обречена русская мысль, при почти полномъ молчаніи, лишенной всякой живой самодѣятельности, какъ бы окаменѣвшей въ своей недвижности, въ себѣ запертой народной жизни.

Есть однако на Руси люди, одушевленные глубокою любовью къ русскому народу и ни передъ какими трудностями не отступающимъ стремленіемъ проникнуть въ глубь, въ тай-

ники его жизни, стать, отбросивъ всевозможныя постороннія цѣли и предвзятыя мысли, не учителями его, а учениками, и смиренно, не мудрствуя лукаво, изучить всѣ элементы его бытовой жизни, уразумѣть ея разумъ и слиться искренно съ его душой. Это—соль Русской земли. Они вынесутъ намъ свѣтъ, которымъ озарятся пути нашей здоровой дѣятельности. Но много ли такихъ?...

Съ другой стороны, изъ этой же отвлеченности русской мысли возникло и дерзкое отношеніе къ жизни русскаго народа; изъ нея получило начало и воздвинлось ходомъ нашей исторіи то средостѣніе между русскимъ народомъ и священною для него верховною властію, въ которой сосредоточены всѣ его упованія,—средостѣніе, сквозь которое изрѣдка только можетъ проникать голосъ народа въ неискаженной и чистой его правдѣ до престола,—средостѣніе, которое мы называемъ *бюрократическимъ* слоемъ въ организмѣ нашей государственной жизни. Въ рукахъ этого слоя вся жизнь русскаго народа и отъ составляющихъ его русская народная жизнь болѣе сокрыта, чѣмъ отъ представителей мысли,—между ними и народомъ стоитъ стѣна взаимнаго педовѣрія. Люди этого бюрократическаго слоя, при самыхъ лучшихъ, самыхъ чистыхъ своихъ намѣреніяхъ (не говоримъ уже о своекорыстіи, тщеславіи и эгоизмѣ, къ несчастію, столь свойственныхъ человѣческой природѣ и особенно развивающихся въ человѣкѣ вмѣстѣ съ безапелляціонностью его дѣйствій), принуждены, вслѣдствіе невѣдѣнія народной жизни, дѣйствовать, не обращая вниманія на ея характеръ и ея требованія, произвольно и, ради охраненія необходимаго авторитета власти, подрываемаго ежеминутно инстинктивнымъ протестомъ самой жизни, поддерживать силою свой властный произволъ. Не отсюда ли и неспособность этихъ людей и трудность для нихъ справиться даже съ открытымъ зломъ? Не въ этомъ ли кроется причина, что часто удары, наносимые послѣднему, попадаютъ мимо и, употребляя прежнее наше сравненіе, часто, при ампутаціи гангренозныхъ членовъ нашего общественнаго организма, ножъ нашихъ государственныхъ хирурговъ рѣжетъ по живому тѣлу и пластаетъ здоровые члены, возбуждая противъ себя негодованіе общества? Не отсюда ли и раздражительная недовѣрчивость этихъ людей ко всѣмъ проявленіямъ живыхъ силъ въ нашей общественной и вообще народной жизни и ихъ отношеніе къ ней какъ къ какому-то мерт-

вому матеріалу? Не отсюда ли и нравственное омертвеніе послѣдней — истинный источникъ духа нигилистическаго, сокровенно и явно разъѣдающаго нашу жизнь и сказывающагося или въ неутолимой жаждѣ къ наживѣ, чему мы всѣ свидѣтели, или въ безпрерывныхъ хищеніяхъ наглыхъ и грабежахъ безстыдныхъ, или въ дикихъ увлеченіяхъ, безпочвенной, безсодержательной отвлеченной фантазіи нѣкоторой части нашего молодаго поколѣнія и, наконецъ, открывшагося во всей ужасающей силѣ своей въ извращенной, почти не человѣческой природѣ изверговъ, преслѣдовавшихъ жизнь покойнаго Императора и погубившихъ ее злодѣяніемъ невѣроятнымъ, ужаснувшимъ весь міръ. Изъ неестественнаго положенія дѣлъ—и послѣдствія противуестественныя.

Но русскій народъ вѣруетъ, что сердце Царево — въ рукѣ Божіей и что въ этомъ сердцѣ — сердце народное и источникъ силы, которая отомкнетъ всѣ тайники, въ которыхъ еще скрыты сокровища народныхъ творческихъ силъ, выведетъ эти силы на просторъ широкой, свободной дѣятельности, мирною, зиждительною энергіей которой все болѣзненное преобразуется и воскреснетъ къ здоровой и свѣтлой жизни, расточатся враги русскаго народа и исчезнутъ, какъ исчезаетъ ночь передъ днемъ. Русскій народъ вѣруетъ, что по указанію своего Верховнаго Вождя онъ пойдетъ прямымъ и широкимъ путемъ къ исполненію назначенія, заложеннаго въ его природу, и знаетъ, что упованія его утверждены на незыблемомъ основаніи.

Благословляя восшествіе на Русскій Престолъ Сына великаго Благодѣтеля Россіи, народъ русскій съ благоговѣйною радостью мыслитъ, что Онъ, принимая державство отъ Обновителя русской жизни, воспитанъ Его великимъ духомъ, участіемъ въ Его подвигахъ и въ совѣтахъ Его высокихъ царственныхъ думъ, исполненныхъ любви къ народу.

Русскій народъ, утѣшаясь въ своей скорби о Почившемъ доблестями новаго своего Монарха, новаго свѣтила своей жизни, узрѣлъ Его въ первыя же минуты постигшаго Его тяжкаго горя, при первомъ Его шагѣ на царственномъ пути во всемъ величіи духа, исполненнаго правды и благости, во всемъ нравственномъ могуществѣ, во всеоружіи высокаго разума, которыхъ не въ силахъ ни смутить никакія силы, ни уклонить

съ путей добра и любви къ народу, ввѣренному Ему Богомъ. Русскій народъ услышалъ Его слово, изрекшее обѣтъ посвятить всю свою жизнь попеченіямъ о благоденствіи, могуществѣ и славѣ Россіи и великое, исполненное благости, намѣреніе слѣдовать Отцу Своему и закончить дѣла, начатыя Имъ. Все это слышалъ, видѣлъ и уразумѣлъ русскій народъ, глубоко-благоговѣйно сложилъ въ своемъ сердцѣ и отдался всецѣло своему Верховному Вождю. Русскій народъ знаетъ, что въ свободномъ единеніи духа, въ неразрывномъ союзѣ любви съ такимъ царемъ онъ воздвигнетъ—уже не изъ камня и металла, а изъ самого себя, своей великою и славною будущностью—нерукотворенный памятникъ погибшему Основоположнику русскаго величія, и въ этомъ живомъ, безсмертномъ памятникѣ будетъ вѣчно жить духомъ неразлучно съ своимъ народомъ великій почившій Благодѣтель Россіи.

Ред.

МОСКВА, 26 МАРТА 1881 ГОДА.

Сегодня Москва хоронитъ основателя, директора, душу и силу Московской консерваторіи, Николая Григорьевича Рубинштейна, скончавшагося въ Парижѣ 12 марта сего года. Заслуги покойнаго вѣдомы не только Москвѣ, не только Россіи, но всему музыкальному міру.

Тяжелая, горестная утрата!... Мы потеряли въ немъ и одного изъ величайшихъ виртуозовъ нашего времени, и высоко-честнаго труженика - гражданина, всю жизнь свою до послѣдняго, можно сказать, вздоха посвятившаго безкорыстному служенію излюбленному дѣлу.

Въ слѣдующей книгѣ редакція журнала *Русская Мысль* намѣрена посвятить нѣсколько страницъ воспоминаніямъ плодотворной дѣятельности Николая Григорьевича. Въ данную минуту друзья покойнаго и люди близкіе къ нему, близко знавшіе обстоятельства его жизни, люди цѣнившіе его дѣятельность и могущіе правильно ее характеризовать и очертить, слишкомъ глубоко потрясены этимъ новымъ горемъ, выпавшимъ на нашу долю въ эту и безъ того страшную, тяжелую годину.

Редакція журнала *Русская Мысль* имѣетъ честь предупредить господъ подписчиковъ, пользующихся разсрочкой, что тѣмъ изъ нихъ, которые до выхода майской книги не уплатятъ втораго, назначеннаго къ 1 апрѣля, взноса, высылка журнала будетъ пріостановлена.

Въ контору редакціи поступило:

а) На сооруженіе памятника Н. В. Гоголю: отъ служащихъ въ главной конторѣ строителя Донецкой и Маріупольской желѣзныхъ дорогъ 154 рубля.

б) Въ пользу раненныхъ при взятіи Геокъ-тепе: отъ тѣхъ же лицъ—82 рубля.

Обѣ суммы редакціей препровождены по назначенію.

Оставшіеся экземпляры журнала *Русская Мысль* 1880 г. продаются по 8 рублей, а съ пересылкой—по 10 руб. годъ.

Верховная власть въ Россіи XVIII столѣтія.

*(Окончаніе *).*

II.

«Уставы и всякіе законы, отъ самодержцевъ въ народъ исходящіе, у подданныхъ послушанія себѣ не просятъ аки бы свободнаго, но истязуютъ яко должнаго».

Правда воли монаршей.

«Играютъ (законами) какъ въ карты, прибирая масть къ масти».

Изъ указа Петра Великаго.

«*Не персоны управляютъ законами, а законъ — персонами*», выразился одинъ изъ шляхетскихъ проектовъ. Эти золотыя слова слѣдовало бы шляхетству XVIII столѣтія поставить во главѣ всѣхъ своихъ проектовъ. Смыслъ этихъ словъ, идея, въ нихъ заключающаяся, содержится и въ той статьѣ нашихъ «основныхъ законовъ», указаніемъ на которую начали мы настоящую статью и которая объявляетъ, что наше отечество «управляется на *твердомъ* основаніи положительныхъ законовъ». А этотъ смыслъ, эта идея, выраженная какъ словами шляхетства XVIII столѣтія, такъ и только-что указанною статьей основныхъ законовъ, одна изъ плодотворнѣйшихъ и могучихъ идей въ общественно-государственной жизни; но въ то же время и одна изъ такихъ, которыя наиболѣе медленно, туго, вырабатываются этою жизнью, сознательно осуществляются ею или, лучше, примѣняются въ ней.

Въ нашемъ Сводѣ Законовъ, подъ только-что цитированною нами статьей, мы находимъ двѣ ссылки на постановленія верховной власти XVIII и первыхъ годовъ нашего столѣтія, трак-

*) *Русская Мысль*, мартъ.

тующія объ этомъ же предметѣ, что̀ и статья, о которой идетъ рѣчь, т. е. о необходимости управленія имперіей на «твердомъ основаніи законовъ». Не справившись, по этимъ ссылкамъ, съ самыми постановленіями, можно подумать, что ст. 47 основныхъ законовъ, такъ сказать, составлена изъ нихъ, что мысль о «твердомъ основаніи законовъ», какъ базисѣ, на которомъ должно строиться все государственное зданіе, такъ же категорически ясна, какъ въ этой статьѣ была высказана уже во второй половинѣ прошлаго столѣтія въ формѣ спеціальнаго, «основнаго» закона. На самомъ дѣлѣ это далеко не такъ. Первое постановленіе, на которое ссылаются составители Свода Законовъ, издано было Екатериной II-й въ 1766 году, 14 декабря, по поводу извѣстной коммиссіи объ Уложеніи, созванной въ 1767 году. Оно представляетъ собою не что иное какъ *манифестъ*, объявляющій вѣрноподданнымъ о предстоящемъ, небываломъ на Руси, событіи и объясняющій имъ мотивы созванія коммиссіи и цѣли ея; при этомъ одною изъ послѣднихъ императрица ставила «*видѣть законы въ своей силѣ и почтеніи, а правосудіе—въ дѣйствіи*». Очевидно, составители 47 статьи, ссылаясь на этотъ манифестъ, имѣли въ виду общій смыслъ, духъ его, о которомъ они заключили изъ сопоставленія указанной цѣли, поставленной императрицей коммиссіи съ такими, напр., мотивами созванія послѣдней, какъ «великое помѣшательство въ судѣ и расправѣ..., несовершенное различеніе между непремѣнными и временными законами»,—и по которому можно судить лишь о *стремленіи* императрицы водворить начало законности въ будущемъ, въ управленіи своимъ государствомъ. То же самое нужно сказать и о постановленіи 1810 года. Это — тоже манифестъ, изданный по поводу учрежденія государственнаго совѣта, которое въ этомъ манифестѣ и объясняется стремленіемъ законодателя—«по мѣрѣ просвѣщенія и расширенія общественныхъ дѣлъ учреждать постепенно образъ управленія на твердыхъ и непремѣняемыхъ основаніяхъ закона».

Разъ къ *такой* цѣли стремились въ началѣ текущаго столѣтія, значитъ—въ прошломъ такихъ стремленій со стороны верховной власти или вовсе не было, или эти стремленія ни къ чему не повели. Изъ только-что приведенныхъ словъ манифеста Екатерины мы видѣли, что идея о необходимости управленія на основаніи законовъ сознавалась представителями верховной власти въ XVIII столѣтіи и что объ осуществленіи этой идеи, о примѣненіи ея къ жизни,

повидимому, не мало заботились. Та же Екатерина, воспитанная на Монтескьё и энциклопедистахъ, *теоретически* не мало поработала надъ развитіемъ этой идеи въ своемъ пресловутомъ Наказѣ, однимъ изъ основныхъ положеній котораго является положеніе, что «повиноваться» слѣдуетъ лишь «законамъ» подъ властью самодержавнаго монарха, что «законы основаніе державы составляютъ» и дѣлаютъ *«твердымъ и неподвижнымъ установленіе всякаго государства»*. Какъ послѣдствіе изъ этихъ основныхъ положеній, царственный авторъ Наказа устанавливаетъ, что задача законодателя должна состоять въ томъ, *«чтобы всѣ* (граждане) *подвержены были тѣмъ же законамъ»;* что «законы» должны, «поелику возможно, предохранять безопасность каждаго особо гражданина»; что закону вообще «надлежитъ быть такову, чтобъ одинъ гражданинъ не могъ бояться другаго, а *боялися* бы всѣ *однихъ законовъ*»; что, наконецъ, только законы, по мнѣнію императрицы, водворяютъ *«вольность»*, которая, по ея опредѣленію, *«есть право все то дѣлати, что законы дозволяютъ»*, а эти послѣдніе, т. е. законы, ничего не должны запрещать «кромѣ того, что можетъ быти вредно или каждому особенному или всему обществу». Разъ дѣянія гражданина ничего подобнаго въ себѣ не содержатъ, они «не подлежатъ законамъ, которые не съ инымъ намѣреніемъ установлены, какъ только чтобы сдѣлать самое большое спокойствіе и пользу людямъ, подъ сими законами живущимъ». Все это высказывалось въ Наказѣ, составленномъ въ руководство извѣстной коммиссіи, образовавшейся въ 1767 году изъ представителей всей земли Русской и призванной къ выработкѣ и созданію именно *такихъ* законовъ, имѣющихъ своею цѣлью *такія* цѣли, о какихъ говоритъ императрица. Мы знаемъ исходъ собранія представителей. Не даромъ же великій итальянецъ увѣряетъ, что благими намѣреніями весь адъ устланъ. Благія намѣренія поклонницы Вольтера, по данному вопросу, только намѣреніями и остались, какъ и многое другое изъ ея гуманныхъ намѣреній и стремленій. Въ ея законодательствѣ, послѣдовавшемъ за изданіемъ Наказа, можно, и безъ особаго труда, найти массу постановленій не только игнорирующихъ, но прямо противорѣчащихъ всѣмъ тѣмъ гуманнымъ идеямъ, красивымъ фразамъ о законѣ и его значеніи для всѣхъ и каждаго, съ которыми мы только-что познакомили читателя. Дѣйствительность и въ моментъ изданія Наказа, и послѣ него была совершенно чужда всѣмъ этимъ высокимъ идеямъ. Идеи оставались идеями. Онѣ остались

бы таковыми даже и въ томъ случаѣ, еслибы выражены были не только въ Наказѣ—произведеніи въ сущности чисто-литературнаго характера, но даже и въ какихъ-либо указахъ. Этого мало. Скажемъ больше. Идея о необходимости созданія и построенія администраціи на законѣ, несомнѣнно, сознавалась въ правительственныхъ сферахъ гораздо раньше XVIII столѣтія. Она сознавалась и высказывалась, и притомъ высказывалась не въ литературныхъ произведеніяхъ, а въ законодательныхъ актахъ—сборникахъ и указахъ. Эта идея не разъ высказана была тишайшимъ и благочестивѣйшимъ царемъ XVII вѣка, Алексѣемъ Михайловичемъ, по поводу составленія Уложенія. Она высказывалась и «неистовымъ кровопійцей», какъ называетъ Грознаго царя Карамзинъ: даже этотъ царь московскій, несомнѣнно, стремился водворить въ своемъ государствѣ начало законности,—само собою разумѣется, какъ онъ его, это начало, понималъ. Онъ, мы знаемъ, издалъ Судебникъ, по примѣру дяди своего, великаго князя московскаго Ивана III, чтобъ опредѣлить, «какъ судити бояромъ и окольничимъ, и дворецкимъ, и казначеемъ, и дьякомъ, и всякимъ приказнымъ людемъ, и по городамъ намѣстникомъ, и по волостемъ, и ихъ тіуномъ и всякимъ судіямъ». Всѣмъ этимъ лицамъ царь, не знавшій никакихъ предѣловъ своему дикому произволу, грозитъ своей опалой за нарушеніе постановленій Судебника; ради той же цѣли болѣе чѣмъ полустолѣтіемъ раньше издается такой же сборникъ постановленій еще Иваномъ III.

Стремленіе къ законности управленія съ извѣстной точки зрѣнія высказывалось не одними Судебниками, и притомъ гораздо раньше ихъ; это стремленіе съ успѣхомъ можно искать во всѣхъ этихъ уставныхъ, губныхъ, даже жалованныхъ грамотахъ, въ наказахъ воеводамъ и т. д., и т. д. Смотря на дѣло исключительно съ точки зрѣнія этихъ законодательныхъ актовъ Московскаго государства, отрѣшившись отъ дѣйствительной жизни его, можно пойдти очень далеко и, пожалуй, придти къ заключенію, что идея законности въ этотъ тяжкій періодъ нашего прошлаго не только сознавалась, но и практиковалась въ жизни. Но къ такому курьезному заключенію можно придти именно только отрѣшившись отъ дѣйствительной жизни общества, государства, ограничившись однимъ ознакомленіемъ со всѣми этими судебниками, грамотами, наказами, какъ формами, въ которыя вылились отдѣльныя постановленія законодательной власти. А по справедливому замѣчанію такого юриста, какъ Уерингъ, «ни одно уложе-

ніе, ни одинъ теоретическій сборникъ права, какого бы то ни было времени и какого бы то ни было народа, не могутъ быть поняты безъ знанія *реальнаго* состоянія этого народа и этого времени»—и, прибавимъ отъ себя, безъ такого знанія народа и времени немыслимо давать какія-либо положительныя заключенія на основаніи этихъ уложеній, постановленій, и такъ далѣе, о спеціально интересующемъ насъ предметѣ—господствѣ въ жизни идеи, начала законности. Я говорю—*положительныя* заключенія, а не отрицательныя. Дѣло въ томъ, что внимательное ознакомленіе съ этими памятниками законодательства Московскаго государства непремѣнно поведетъ—безъ всякаго покушенія заглянуть за кулисы, приподнять занавѣсъ, заслоняющій отъ насъ самую дѣйствительность—къ заключенію, относительно значенія начала законности въ эту эпоху, чисто *отрицательному*. Вникните въ эти памятники—и вы увидите, что каждый изъ нихъ, въ ихъ хронологической послѣдовательности, *борется* съ началомъ противоположнымъ началу законности—съ произволомъ, беззаконіемъ въ дѣятельности тѣхъ правительственныхъ органовъ, въ назиданіе и руководство которымъ они издаются. Они только стремятся водворить начало законности въ средѣ этихъ органовъ, направить ихъ дѣятельность на путь закона, заставить ихъ «ходить» («и они, намѣстники, *ходятъ* по сей нашей грамотѣ») по этому пути. Если сопоставить законодательные памятники начала Московскаго государства съ памятниками конца его и, мало того, если тѣ и другіе сравнить съ законодательными мѣрами XVIII столѣтія, то невольно придешь къ печальному заключенію: въ продолженіе четырехъ столѣтій обнаруживается одно и то же стремленіе, одна и та же борьба законодателя,—стремленіе водворить законность въ управленіи, борьба съ началомъ противоположнымъ этой послѣдней. Въ самомъ дѣлѣ, въ XV столѣтіи великій князь московскій охраняетъ «горожанъ и становыхъ людей, и волостныхъ» отъ всякихъ «обидъ» со стороны намѣстниковъ, волостелей и другихъ исполнителей своей великокняжеской воли, запрещаетъ «отъ суда посулы имати, судомъ мстити, дружити». Отъ того же хочетъ, какъ мы видѣли, охранить въ слѣдующемъ столѣтіи грозный внукъ великаго князя «въ *работу*» ему данныхъ людей его. А какія мѣры принимались противъ этихъ «обидъ»!... И однако въ XVII столѣтіи—то же самое: тѣ же «обиды», тѣ же, повидимому неослабныя, мѣры противъ нихъ. Уложеніе царя Алексѣя имѣло цѣлью—«государево царственное и земское дѣло» поста-

вить твердо, незыблемо. И, увы, XVIII столѣтіе наслѣдовало это «дѣло», какъ увидимъ далѣе, въ самомъ отчаянномъ, самомъ безнадежномъ положеніи. За него принимается, и принимается съ необычною, порой страшною, энергіей такой гигантъ власти, какъ Петръ, и, смѣло утверждаемъ, не достигаетъ даже сотой доли того, чего можно было бы ожидать и чего онъ, несомнѣнно, самъ ожидалъ отъ этой дѣятельности. Если взглянуть на законодательную дѣятельность этого гиганта, необходимо придешь къ заключенію, что работа предшествовавшихъ столѣтій прошла почти безслѣдно.

Повторяю, къ этимъ заключеніямъ приходишь, когда сопоставишь законодательныя распоряженія на пространствѣ четырехъ вѣковъ,— на основаніи того, что всѣ эти распоряженія преслѣдуютъ одно и то же, стремятся водворить одно и то же, причемъ каждое послѣдующее указываетъ на несостоятельность предыдущихъ. А отрѣшитесь отъ юридической сферы, перейдите отъ памятниковъ законодательства къ памятникамъ самой жизни—и у васъ не останется и тѣни сомнѣнія въ томъ, что въ этой *жизни*, на всемъ протяженіи этихъ четырехъ вѣковъ, начало законности «въ *государевомъ* царственномъ *и земскомъ* дѣлѣ» вполнѣ отсутствовало. Оно ни въ чемъ неповинно относительно этого «дѣла». Откройте любое сочиненіе любаго изъ нашихъ авторитетнѣйшихъ изслѣдователей общественно-государственнаго строя за періодъ времени отъ XIV до XIX вѣка, прочтите внимательно тѣ страницы ихъ, гдѣ идетъ рѣчь спеціально объ управленіи, его органахъ, ихъ злоупотребленіяхъ,—и вы неизбѣжно согласитесь съ только-что высказанною мыслью. Обратитесь къ непосредственному свидѣтельству памятниковъ—и вамъ придется быть-можетъ даже изумляться тому, что *идея законности* могла зародиться въ нѣкоторыхъ головахъ и даже высказаться въ актахъ законодательства. Я ограничусь лишь тѣмъ, что приведу два-три факта въ подтвержденіе всего сейчасъ сказаннаго. Возьмемъ XVII и XVIII столѣтія. Посмотримъ на дѣятельность любаго административнаго органа правительства Московскаго государства въ XVII вѣкѣ,— все равно, будетъ ли это должностное лицо изъ «приказныхъ», т. е. поставленныхъ къ своей должности изъ Москвы, правительствомъ, или—изъ выборныхъ, поставленныхъ къ ней «міромъ». Въ общей массѣ эти служилые люди обѣихъ категорій поражаютъ своею дѣятельностью. Для нихъ, несмотря на всѣ эти уставы, наказы, грамоты, судебники, по-истинѣ законъ не писанъ. По свидѣтельству самихъ царей московскихъ (въ данномъ

случаѣ—Михаила Ѳеодоровича), «въ городахъ воеводы и приказные люди... всякія дѣла дѣлаютъ *не по... указу* (царскому, т. е. не по закону) и... всякимъ людямъ *чинятъ насильства и убытки* и продажи *великія*, и посулы, и поминки, и кормы имѣютъ многіе».

Выборныя должностныя лица, напр. всякіе головы, старосты, не уступали приказнымъ—воеводамъ, волостелямъ: «отъ *насильства* и отъ налога (ихъ) жити невозможно», жалуются посадскіе люди; «многіе посадскіе людишки побрели рознь, да и остальные... людишки хотятъ разбрестись»; эти администраторы, «забывъ страхъ Божій, чинятъ *многое* дурно». Стоитъ взглянуть, въ чемъ выражались эти насильства, это многое дурно. Прежде всего оговоримся, въ видѣ общаго замѣчанія, что разнообразіе «насильствъ» и «дурна» обусловливалось разнообразіемъ и количествомъ тѣхъ функцій, завѣдываніе которыми поручалось этимъ органамъ. А эти функціи дѣйствительно были разнообразны въ высшей степени. Сѣтями мѣстныхъ правительственныхъ органовъ, можно сказать, уловлялись всѣ фибры общественной и даже частной жизни московскаго человѣка. Ничто не ускользало отъ ихъ зоркаго глаза. Широкое, безграничное поле для хищническихъ инстинктовъ! Разумѣется, «корысть» царила надо всѣмъ. Ради нея всякіе служилые люди на однихъ людяхъ преступленій «не сыскиваютъ», на другихъ ихъ взводятъ; однихъ заставляютъ тянуть государево тягло не по силамъ, другимъ мирволятъ; врываются въ области управленія, ихъ вѣдѣнію не подлежащія; не только поощряютъ всякіе виды корчемства, контрабанды, преслѣдовать которые составляетъ ихъ обязанность, но и сами ими занимаются; при взиманіи всякихъ податей и пошлинъ царилъ полный произволъ; «для своего воровскаго умыслу и бездѣльной корысти», помимо установленныхъ правительствомъ таможенъ и заставъ, ставятъ свои, на которыхъ и чинятъ «поборы великіе» съ торговыхъ и промышленныхъ людей. Кормамъ, посуламъ и всякимъ «поминкамъ», взимаемымъ съ уѣзднаго населенія лишь по праву «властнаго», конца края нѣтъ. Насилію, насилію грубому, животному, надъ личностью человѣка нѣтъ удержу: «*бьетъ* насъ, сиротъ, твоихъ посадскихъ людей,—жалуются царю шуяне на своего воеводу,—безъ сыску и безъ вины сажаетъ въ тюрьму для своей корысти и, вынимая изъ тюрьмы, бьетъ батогами до полусмерти безъ дѣла и безъ вины». Крестьяне одной волости бьютъ челомъ на приказнаго человѣка, ими завѣдующаго, что онъ посылаетъ по волости «по нихъ, крестьянъ», людей своихъ,

которые «ихъ, крестьянъ, *грабятъ*, ходятъ во дворѣхъ ихъ по клѣтямъ и емлютъ насильствомъ.... что попадетъ». За жалобы крестьянъ на этотъ грабежъ ему, приказному человѣку, онъ сажалъ ихъ въ тюрьму и «держалъ въ тюрьмѣ день по пяти и по шти и по недѣлѣ, и они изъ тюрьмы выкупались». Случалось, что царскій слуга устраивалъ объѣзды по деревнямъ собственной особой. Тутъ ужь никому и ничему спуску не было: «и ихъ, крестьянъ, билъ и мучилъ и по дворамъ, и по лѣсамъ за ними гонялся и вымучилъ на нихъ непомѣрною мукою на человѣкѣ рублевъ по пяти, и по шти, и болши». Эти «рубли» онъ вымучивалъ тюрьмой и голодомъ.

Кажется, можно ограничиться и этимъ. Замѣтимъ, что все это — далеко не исключенія, а почти заурядныя явленія, что видно изъ борьбы съ ними правительства Московскаго государства и изъ того поощренія и одобренія, съ которыми относилось это правительство къ рѣдкой, исключительной, честной дѣятельности какого-нибудь воеводы или приказнаго человѣка вообще.

Таково было положеніе дѣлъ въ XVII ст., несмотря на всѣ мѣры московскихъ царей водворить силу закона. Это положеніе вещей, завѣщанное XVIII вѣку, измѣнилось въ теченіе этого послѣдняго ни въ какомъ случаѣ не къ лучшему.

Въ могучія руки царя-революціонера административная машина Московскаго государства перешла въ такомъ состояніи, которое сами цари этого государства считали никуда негоднымъ. Если не основы ея, то отдѣльныя части, винты и колеса расшатались и измололись вовсе. Вся она расползалась по спайкамъ. Не болѣе годными оказались въ рукахъ перваго царя XVIII вѣка и тѣ правила и нормы, сообразно которымъ должна была дѣйствовать эта расшатанная, дребезжащая машина. Уложенія Алексѣя и новоуказныхъ статей, въ дополненіе его постановленій изданныхъ, стало недостаточно. Начинается ломка машины, а вмѣстѣ и тѣхъ руководящихъ правилъ и нормъ, сообразно которымъ она должна была функціонировать. Съ 1700 года начинаются заботы о составленіи новаго законодательнаго сборника, новаго уложенія; годомъ раньше создаются уже новыя учрежденія, съ иноземными названіями для управленія, по городамъ, торгово-промышленнымъ поселеніямъ. Съ этого момента пересозданіе машины идетъ шагъ за шагомъ: пересоздаются, повидимому, и мѣстное, и центральное управленія; создаются, какъ будто, и новыя учрежденія, должности. Все это созидается на развалинахъ старой «хра-

мины», притомъ въ значительной степени изъ самыхъ этихъ развалинъ, изъ тѣхъ камней и кирпичей, тѣхъ отдѣльныхъ флигелей и корпусовъ, которыхъ основы уцѣлѣли отъ разрушенія храмины. И разрушеніе, и созиданіе идутъ необычайно энергично. Рука и глазъ царя всюду видны. Каждое учрежденіе, каждое новое должностное лицо получаетъ регламентъ, инструкцію, наставленіе въ руководство своей дѣятельности. *Законъ* стремился опредѣлить все и вся въ ихъ дѣятельности. Но, увы, силъ и энергіи гиганта оказалось недостаточно. Авгіевы стойла не поддавались усиліямъ даже Геркулеса. Время господства закона все-таки еще не наставало. Не будемъ голословны. Сенатъ, учрежденный въ 1711 году съ цѣлью «имѣть о монаршеской и государственной пользѣ неусыпное попеченіе, *доброе бы простирать, а все, что вредно можетъ быть, всемѣрно отвращать*», былъ поставленъ во главѣ всего управленія имперіи съ самыми широкими уполномочіями. Этотъ сенатъ, посвидѣтельству царя, виновника появленія его на свѣтъ Божій, видѣвшаго въ своемъ новомъ дѣтищѣ органъ закона, правды и справедливости,—этотъ сенатъ, чуть не съ первыхъ дней своего существованія, оказался ниже поставленной ему задачи. Тамъ, въ этомъ новомъ оплотѣ закона, по словамъ самого государя, вмѣсто «крѣпкаго храненія правъ гражданскихъ.... *играютъ (законами) какъ въ карты, прибирая масть къ масти*»; члены этого охранителя, по желанію царя, правъ гражданскихъ и всякой вообще «правды» въ государственномъ управленіи «*зѣло тщатся всякія мины чинить подъ фортецію правды*». Охранители закона разрушаютъ его, ругаются надъ нимъ. «Фортеція правды» страдала благодаря все тому же старому злу общества, благодаря язвѣ, разъѣдавшей его еще въ Московскомъ государствѣ и перешедшей въ петербургское; въ этомъ послѣднемъ она не только не поджывала, но какъ будто еще разрасталась въ ширь и глубь, грозя обратиться въ злокачественную гангрену, могущую заразить весь организмъ. Эта язва — беззастѣнчивая *корысть* чиновника, его незнающее предѣловъ казнокрадство, грабительство всѣхъ и каждаго, кого могла достать его властная рука. Этой язвой поражены были почти поголовно всѣ «птенцы» Петра, ближайшіе исполнители его плановъ. Любимѣйшій птенецъ его, историческій Алексаша, былъ отъявленнѣйшій казнокрадъ и лихоимецъ. Никакіе указы и регламенты для него не существовали; никакая «фортеція» правды, закона, не могла устоять противъ его хищническихъ набѣговъ. Всякій, про-

бившій брешь въ этой фортеціи, всякій, обошедшій ее или только собирающійся обойдти, всегда находилъ въ Данилычѣ и опору, и защиту, разъ имѣлъ чѣмъ купить его. «Ты мнѣ представляешь плутовъ какъ честныхъ людей, а честныхъ людей выставляешь плутами», говорилъ разъ Петръ «дитятѣ сердца своего» (Herzens Kind), какъ онъ часто звалъ Меньшикова. Припомнимъ грабительскую дѣятельность Меньшикова въ Малороссіи и массу всяческихъ свидѣтельствъ объ его лихоимствѣ въ самой Россіи, при отправленіи всякаго дѣла, и мы поймемъ изреченіе о немъ Петра: «въ беззаконіи зачатъ, во грѣсѣхъ его роди мать его и въ плутовствѣ скончаетъ животъ свой, и если не исправится, то быть ему безъ головы». Этимъ чадомъ сердца царева былъ, по выраженію покойнаго Соловьева, «самый видный изъ господъ сената». Меньшиковъ не составлялъ исключенія,—зломъ заражено было все вокругъ царя. Шафировъ былъ приговоренъ къ смертной казни за тѣ же дѣянія. Этого, думаемъ, достаточно для характеристики отношенія учрежденій и лицъ высшаго государственнаго управленія къ закону.

Что же должно было дѣлаться въ сферахъ мѣстнаго управленія, вдали отъ зоркаго глаза царя?—Тамъ о «фортеціи правды», думать надо, едва ли могла быть и рѣчь. Тамъ всѣ эти губернаторы, коменданты, коммиссары, камергеры, ландрихтеры, бурмистры и всѣ царскіе слуги, имъ же имя легіонъ, предавались необузданному разгулу. Ихъ воля—законъ и другаго закона они знать не хотятъ. Сибирскаго губернатора, князя Гагарина, пришлось казнить за его разнузданное грабительство и безшабашный произволъ. Астраханскій оберъ-комендантъ продаетъ въ Персію казенный свинецъ, шедшій на пули. Ревельскій коммиссаръ, Яковъ Лопухинъ, казненъ смертію «за грабежъ казны». Нѣкій коммиссаръ Акишевъ, завѣдывавшій Устюгомъ, Сольвычегодскомъ и Тотьмою съ ихъ уѣздами въ 1713 году, съ цѣлью вымогательства, «бьетъ, увѣчитъ, убиваетъ до смерти, насилуетъ женщинъ», позоритъ ихъ, водя нагими по улицамъ, «даже самыя паперти церковныя оскверняетъ своими неистовствами», говоритъ авторъ сочиненія, изъ котораго мы заимствуемъ этотъ фактъ*). Казанскій ландрихтеръ, ради того, чтобъ оттягать у крестьянской общины облюбованную имъ землю, засадилъ многихъ изъ ея собственниковъ въ тюрьму и тѣмъ вымучилъ у нихъ письменное обѣщаніе не

*) *Мрачекъ-Дроздовскій*: «Областное управленіе Россіи XVIII вѣка».

искать отнятой у нихъ земли ни подъ нимъ, ни подъ его потомствомъ. Авторъ только-что названнаго сочиненія увѣряетъ, ссылаясь на цѣлый рядъ архивныхъ дѣлъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, что подобнаго рода дѣянія правительственныхъ органовъ въ первую четверть XVIII в. были «нерѣдкимъ» явленіемъ, что «по правилу: кто силенъ, тотъ и правъ,—лица, власть имѣющія, часто прибѣгали къ этому удачному способу грабежа».

Чтобы не показалось, что мы привели лишь отдѣльные случаи и стремимся обобщить ихъ, мы укажемъ на нѣкоторыя спеціальныя мѣры Петра, направленныя именно противъ этого зла, этой язвы, разъѣдавшей созидаемое имъ государство. Мы не будемъ говорить о лихорадочномъ перебѣганіи царя отъ однихъ учрежденій и лицъ къ другимъ, о частой замѣнѣ или смѣнѣ ихъ однихъ другими, хотя и въ этомъ трудно не видѣть доказательства несостоятельности всей системы управленія,—мы, повторяю, остановимся на спеціальныхъ мѣрахъ.

Уже учреждая сенатъ, Петръ видимо плохо надѣялся на него: вѣдь зналъ же онъ, изъ *какихъ* «персонъ» придется составить его. Это—во-первыхъ. А во-вторыхъ, сенатъ, при всемъ своемъ желаніи достичь поставленной ему цѣли, едва ли бы могъ это сдѣлать собственными средствами. Въ виду этого учреждается цѣлый институтъ *фискальства*. При сенатѣ, въ годъ его учрежденія, установлена была должность оберъ-фискала*), задачей котораго было «надъ всѣми дѣлами *тайно надсматривать* и *провѣдывать* про неправый судъ, такожъ въ сборѣ казны и прочаго, и кто неправду учинитъ, то долженъ фискалъ позвать его предъ сенатъ («какой высокой степени ни есть» то лицо провинившееся) и тамо его уличать, и буде уличитъ кого, то половина штрафа въ казну, а другая ему, фискалу». Подъ вѣдомствомъ оберъ-фискала—цѣлый рядъ провинціалъ-фискаловъ, «у каждаго дѣла по одному», т.-е. за каждой отраслью *мѣстнаго* управленія наблюдаетъ особый фискалъ, который «еще подъ собою нѣсколько нижнихъ имѣетъ». Первымъ оберъ-фискаломъ назначенъ былъ одинъ изъ дьяковъ знаменитаго преображенскаго приказа.

Рьяно началась фискальная дѣятельность. Нашлись фискалы по призванію, въ родѣ знаменитыхъ Нестерова или Курбатова. Первый «даже сына своего обучалъ фискальству», какъ говоритъ

*) Оберъ-фискалъ скоро замѣненъ былъ генералъ-фискаломъ.

Соловьевъ. Рвенію его не было предѣловъ. Вотъ теперь-то, казалось бы, началось царство закона. Не будемъ спѣшить заключеніями. Не прошло и двухъ лѣтъ со времени введенія фискальства, какъ мы встрѣчаемся съ рядомъ указовъ, изъ которыхъ нельзя не заключить, что плохо помогало и фискальство, что и оно не могло, говоря языкомъ указа 1713 года, «искоренить *неправедныя,* бѣдственныя, всенародныя тягости и *похищенія* лукавыя *государственной казны*». «Великія неправды и грабительства, лукавыя корысти и грабленія» царятъ, ни на что не взирая. Царь прибѣгаетъ къ такой страшной мѣрѣ, какъ всеобщій доносъ, какъ приглашеніе всѣхъ и каждаго доносить на правительственныхъ органовъ и частныхъ лицъ, нарушавшихъ законъ. «Ежели кто,—говоритъ царь,—такихъ преступниковъ и повредителей интересовъ государственныхъ и грабителей выдастъ, и тѣ-бъ люди безо всякаго опасенія пріѣзжали и объявляли о томъ самому его царскому величеству...; а кто на такого злодѣя подлинно донесетъ, тому за такую его службу богатство того преступника, движимое и недвижимое, отдано будетъ, а буде достоинъ будетъ, дастся и чинъ его». Къ этой мѣрѣ Петръ, правда, рѣшился прибѣгнуть лишь какъ къ временной. Онъ дѣлалъ опытъ всего на пять мѣсяцевъ. А вслѣдъ за этимъ, какъ бы въ видѣ дальнѣйшаго развитія приведенныхъ указовъ, въ концѣ 1714 г. изданъ новый. Ни передъ чѣмъ не останавливающійся царь всѣмъ, «которые ни во что иное тщатся, точію мины подъ всякое добро дѣлать и несытость свою исполнять», грозитъ лишеніемъ имущества, «весьма жестокимъ наказаніемъ на тѣлѣ», шельмованіемъ, «изъ числа добрыхъ людей изверженіемъ» и, наконецъ, смертною казнью. Всѣ эти мѣры царю очень скоро пришлось примѣнять. Такъ, напримѣръ, князю Гагарину пришлось умереть на висѣлицѣ. Сенаторъ Шафировъ (въ 1722 г.) едва не сложилъ голову на плахѣ. Эти мѣры пришлось прилагать даже и къ тѣмъ, которые были поставлены законодателемъ «надъ всѣмъ надсматривать тайно». Такіе «прибыльщики» государева дѣла, какъ Нестеровъ и Курбатовъ, оказалось, не клали и сами охулки на руку. Перваго въ 1722 году «по дѣламъ... *въ преступленіи указовъ* и во взяткахъ» пытаютъ въ застѣнкѣ и онъ поплатился головой. Одинъ изъ подчиненныхъ ему провинціалъ-фискаловъ, по дѣлу котораго открылись и злоупотребленія Нестерова, былъ «казненъ смертію» еще раньше своего начальника. Курбатовъ долгое время состоялъ подъ судомъ и даже умеръ подъ судомъ.

Что же оставалось дѣлать? Какъ водворить законность?—Неутомимый царь не покладалъ рукъ: онъ пыталъ, казнилъ, лишалъ имущества, шельмовалъ,—не помогало. Онъ безъ устали, безъ перерыва мѣнялъ лицъ, занимавшихъ ту или другую должность, чуть не каждый день мѣнялъ самыя должности, разрушалъ и создавалъ учрежденія,—и все напрасно. Никакой энергіи царя, очевидно, не хватало.

Таково положеніе дѣлъ при Петрѣ Великомъ. Чего же можно ждать отъ его преемниковъ?... Мы не будемъ останавливаться на дѣятельности по данному предмету ближайшихъ преемниковъ Петра, а перейдемъ прямо ко второй половинѣ XVIII вѣка, къ царствованію Екатерины II, которая собственными словами характеризуетъ намъ состояніе государственнаго управленія въ началѣ ея царствованія. Вотъ что говоритъ императрица о дѣятельности сената, въ которомъ она хотѣла видѣть «хранилище законовъ въ Россіи», въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ новому генералъ-прокурору, князю А. Вяземскому (Наказъ, § 26): онъ «выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни, — однимъ словомъ, почти все, и *утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ*.... Черезъ такія гоненія нижнихъ мѣстъ, они пришли въ столь великій упадокъ, что и *регламентъ вовсе позабыли*, которымъ повелѣвается противъ сенатскихъ указовъ, если оные не въ силѣ законовъ, представлять въ сенатъ.... *Раболѣпство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся, неописанное*, и добра ожидать не можно, пока сей вредъ не пресѣчется». А онъ въ теченіе всего столѣтія не пресѣкался и не пресѣкся. Самъ генералъ-прокуроръ (Глѣбовъ), назначеніемъ котораго было смотрѣть, «чтобы въ сенатѣ дѣла вершились не на столѣ только, но самымъ дѣйствомъ по указамъ исполнялись», по собственному усмотрѣнію императрицы, «мало имѣлъ старанія о правильномъ производствѣ дѣлъ и о казенномъ интересѣ», за что и долженъ былъ, по мнѣнію императрицы, подлежать «не только лишенію всѣхъ чиновъ, но и большему наказанію». Если такъ беззаконно дѣйствовало «хранилище законовъ», что же сказать объ учрежденіяхъ ему подчиненныхъ и вообще о нижнемъ управленіи какъ центральномъ, такъ и мѣстномъ? «Раболѣпствующія персоны», засѣдавшія, напр., въ коллегіяхъ, обратили, повидимому, эти учрежденія во что-то такое, надъ чѣмъ они просто хозяева, распоряжающіеся государственными дѣлами какъ своими собственными. На «кожеди-

рателей,—какъ выражалась императрица, — подлыя и ненавистнымъ сребролюбіемъ помраченныя души», или, лучше, ихъ дѣянія, коллегіи смотрѣли какъ на нѣчто очень обыкновенное, недостойное вовсе ихъ серьезнаго вниманія. Императрицѣ оказалось необходимымъ—вразумлять коллегіи спеціальнымъ указомъ, что онѣ не должны «выступать изъ предѣловъ своего званія»,—должны заботиться о томъ, чтобъ указы, изъ нихъ посылаемые, «самымъ дѣломъ (т.-е. въ дѣйствительности) исполнены были»,—«лихоимственныя дѣла не неважными, а разрушающими правосудіе и повреждающими государственное положеніе почитать». Какой длинный списокъ коллегіальныхъ дѣяній, «повреждающихъ государственное положеніе», можно было бы представить читателю, еслибы мы ограничились только тѣми матеріалами, которые даетъ намъ въ послѣднихъ томахъ своей «Исторіи Россіи» покойный Соловьевъ! Но мы боимся утомить читателя, а потому перейдемъ, въ заключеніе, къ мѣстному управленію и взглянемъ, насколько тамъ царило начало законности.

Читатель, разумѣется, уже изъ сообщеннаго о центральномъ управленіи сдѣлаетъ, навѣрное, заключеніе о мѣстномъ. И это заключеніе его не будетъ ошибочнымъ. Мы приведемъ нѣсколько фактовъ изъ мѣстной жизни, чтобы только иллюстрировать это его заключеніе. Князь А. Вяземскій, ѣздившій на восточную окраину Россіи усмирять, въ началѣ царствованія Екатерины, горнозаводскихъ крестьянъ, доносилъ государынѣ, что лихоимство разъѣдало весь организмъ мѣстной администраціи. «Лихоимство *нижнихъ* губернскихъ *чиновъ не менѣе прочихъ*»; бывшій симбирскій воевода, князь Назаровъ, «по воровскимъ и разбойническимъ дѣламъ приметывался и разорялъ до самой крайности съ мучительствомъ». Нѣсколько губернаторовъ и воеводъ за эти «лихоимства» и «мучительства» отдано было подъ судъ и разжаловано. Читаешь о похожденіяхъ этихъ мѣстныхъ «хозяевъ» цѣлыхъ округовъ и глазамъ не вѣришь. Это—маленькіе царьки въ своихъ губерніяхъ, не стѣснявшіеся никѣмъ и ничѣмъ въ своихъ «хозяйствахъ» ни въ роли частныхъ лицъ, ни въ роли «хозяевъ-администраторовъ». Изъ Коломны (что̀ подъ Москвой) епископъ пишетъ двумъ сенаторамъ, что мѣстный воевода «дни и ночи проводитъ въ пьянствѣ, въ канцеляріи мало бываетъ, да и то приходитъ пьяный же»; дѣлъ накопилось масса; колодниковъ, ждущихъ по тюрьмамъ своей участи отъ суда воеводскаго, дѣвать некуда,—мѣста не стало. Въ одинъ прекрасный день,

наскучивъ «пьянственнымъ житіемъ» въ своемъ городкѣ, безшабашный воевода, по свидѣтельству того же епископа, «оставя канцелярію и городъ никому не приказавъ, самовластно уѣхалъ въ Москву на маскарадъ». Въ семидесятыхъ годахъ мы встрѣчаемся съ любопытнымъ донесеніемъ одного прокурора изъ только-что присоединеннаго къ Россіи края—Бѣлоруссіи. Блюститель закона, по-истинѣ щедринскимъ языкомъ, доноситъ о дѣятельности мѣстнаго воеводы. Этотъ царскій слуга вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ совсѣмъ забылъ свои обязанности, канцелярію свою вовсе забросилъ «и производитъ нѣкоторыя дѣла на дому, но о нихъ въ канцеляріи неизвѣстно». Въ результатѣ, по словамъ прокурора, получилось слѣдующее: «не только между обывателями и между канцелярскими служителями, но и штатною командою, явилась распущенность, все пришло въ разстройство, между обывателями безпрестанно происходятъ ссоры и драки..., помѣщица Парцевская изъ провинціальной канцеляріи повелѣній не принимаетъ»... Какъ же не согласиться съ словами императрицы (указъ 1762 года), что «многіе судящіе освященное свое мѣсто, въ которомъ они именемъ нашимъ (императрицы) должны показывать правосудіе, въ торжище превращаютъ, вмѣняя себѣ... званіе судіи безкорыстнаго и нелицепріятнаго за пожалованный будто имъ доходъ въ поправленіе дома своего». Императрица права. Вся административная «храмина», выражаясь языкомъ Петра, въ XVIII столѣтіи представляла какое-то чудовищное торжище, на которомъ продавалось и покупалось *все*. На немъ продавался *законъ*. На немъ перелагались въ деньги, оплачивались ими такія дѣйствія, которыхъ, казалось бы, никакая фантазія, никакой изобрѣтательный умъ не можетъ перевести на мѣдь или серебро. Нашелся, однако, такой умъ. Его владѣльцемъ оказался регистраторъ Яковъ Ренберъ. Онъ бралъ деньги съ крестьянъ и вообще мелкаго люда *за принесеніе вѣрноподданнической присяги только-что вступившей на престолъ императрицѣ*. Въ томъ же самомъ указѣ императрица говоритъ: «*наше сердце содрогнулось*, когда мы услышали отъ князя Михайла Дашкова, что новгородской губернской канцеляріи регистраторъ *Яковъ Ренберъ*, *приводя нынѣ къ присягѣ намъ въ вѣрности* бѣдныхъ людей, *бралъ и за то съ каждаго себѣ деньги*, *кто присягалъ*». Есть отъ чего содрогнуться сердцу.

Императрица боролась не менѣе, пожалуй, энергично, чѣмъ и Петръ Великій, съ указаннымъ зломъ, которому не можемъ

найти другаго, болѣе подходящаго, названія, какъ *царство произвола*. И она, какъ ея предшественники и преемники, боролась съ нимъ двумя средствами — указами и угрозой наказывать страшно, безпощадно. Она, какъ и Петръ, не только угрожала, но и не останавливалась ни передъ какими наказаніями, и, однако, произволъ царилъ, а законъ, или, лучше, законы хранились въ канцеляріяхъ. Императрица не разъ сама въ этомъ сознается: «*многократно* въ народѣ печатными указами было повторяемо,—говоритъ она въ одномъ изъ своихъ указовъ по данному вопросу,—что взятки и мздоимство развращаютъ правосудіе и утѣсняютъ бѣдствующихъ...; но къ чрезмѣрному нашему сожалѣнію открылось, что и послѣ того нашего увѣщанія нашлися еще такіе, которые мздопріимствовали въ утѣсненіе многимъ и въ поврежденіе нашего интереса». При этомъ императрица сѣтуетъ особенно на то, что «сами *начальствующіе*, одолженные собою представлять образъ храненія законовъ подчиненнымъ своимъ, тѣ самые *преступниками учинилися* и ихъ въ то же зло завели».

Вмѣстѣ съ этимъ положеніемъ вещей правительства XVIII столѣтія завѣщали XIX и самое стремленіе измѣнить его, водворить въ управленіи имперіей начало законности. Императоръ Александръ I принялъ на себя задачу, ему завѣщанную его предшественниками, и въ началѣ своего царствованія взялся за ея разрѣшеніе съ необычною энергіей, обратившись, притомъ, съ этою цѣлью къ *иным*ъ методамъ, *иным*ъ путямъ.

Итакъ, несмотря на всѣ стремленія правительствъ какъ Московскаго государства, такъ и XVIII столѣтія, начало законности проявлялось только *въ идеѣ*, если можно такъ выразиться, въ жизни же оно не имѣло, относительно *управленія* государствомъ, почти никакого мѣста. Гдѣ же причины этого явленія?

Было бы смѣлостью, доходящею до дерзости, претендовать—указать на эти причины здѣсь, на нѣсколькихъ страницахъ журнальной статьи. Мы на это и не претендуемъ; но мы рѣшаемся сдѣлать на этихъ страницахъ нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній по данному вопросу.

Прежде всего необходимо сдѣлать оговорку. Говоря о началѣ законности, мы разумѣли и будемъ разумѣть это начало въ примѣненіи его къ устройству и управленію государства, т. е.

къ организаціи верховной власти и ея органовъ и къ ихъ дѣятельности.

Въ упомянутомъ уже нами манифестѣ императора Александра отъ 1810 года, объ учрежденіи государственнаго совѣта, говорится между прочимъ, что, учреждая этотъ совѣтъ, императоръ стремится «къ *утвержденію* и распространенію *единообразія* и *порядка въ государственномъ управленіи*». Отсюда само собою вытекаетъ заключеніе, что этихъ «единообразія и порядка» до сихъ поръ не существовало. Къ этому заключенію необходимо приходишь и послѣ сколько-нибудь близкаго знакомства съ положеніемъ государственнаго устройства и управленія нашего отечества въ XVIII столѣтіи.

Въ этой сферѣ царила полная *неопредѣленность*, отсутствіе всякаго единообразія и порядка во всѣхъ ея отдѣльныхъ сторонахъ, начиная съ организаціи, если можно такъ выразиться, самой верховной власти и кончая послѣднимъ административнымъ органомъ. Начнемъ съ верховной власти. Мы уже видѣли въ первой части настоящей статьи, что самое *существо* верховной власти, ея характеръ, въ теченіе всего столѣтія *юридически*, путемъ закона, въ сущности вовсе не было опредѣлено. О функціяхъ этой власти *по закону*, на основаніи закона, нигдѣ нѣтъ рѣчи въ смыслѣ *положительнаго твердаго* закона. Даже такой предметъ, какъ переходъ этой власти изъ рукъ одного ея носителя въ руки другаго (или, иными словами, преемство престола), вовсе не былъ установленъ на твердыхъ началахъ, разъ навсегда опредѣленныхъ.

Время Московскаго государства, путемъ обычая, болѣе или менѣе выработало опредѣленное начало по данному вопросу, хотя и не облекло его въ опредѣленную форму закона. Это начало—начало единонаслѣдія въ нисходящей линіи: престолъ переходилъ по смерти царя къ старшему изъ оставшихся въ живыхъ сыновей его. Начало это болѣе или менѣе прочно установилось къ концу XVI столѣтія. Но въ 1598 году, со смертью послѣдняго сына Грознаго, родъ Рюриковичей прекратился. Въ теченіе четырнадцати слишкомъ лѣтъ выработанное начало преемства стола не могло быть примѣнено. Представители верховной власти *избираются*. Родоначальникъ дома Романовыхъ вступилъ на престолъ *по всенародному*, на земскомъ соборѣ, избранію. Съ этого момента начало, сложившееся къ концу XVI столѣтія, снова беретъ свое: за Михаиломъ Ѳеодоровичемъ престолъ Мо-

сковскаго государства занимаетъ сынъ его, царь Алексѣй, а за этимъ—его сынъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ, со дня смерти котораго, 27 апрѣля 1682 года, и до дня смерти брата его, Ивана Алексѣевича, 29 января 1696 года, на Руси имѣло мѣсто нѣчто не бывалое ни до, ни послѣ этого: на престолъ *избирается* царевичъ Петръ Алексѣевичъ, но съ нимъ *соправительствуетъ* старшій братъ его, Иванъ, въ качествѣ царя же, а до 1689 г., хотя и не въ качествѣ царицы, вмѣстѣ съ ними государствомъ правитъ сестра ихъ, Софья Алексѣевна. Этого факта не подвести ни подъ какое начало. Не даромъ, по донесенію русскаго посла въ Венеціи, Волкова, домъ и сенатъ этой республики удивлялись, «*какъ служатъ* ихъ царскому величеству *подданные ихъ* такимъ превысокимъ и славнымъ *тремъ персонамъ государскимъ*». Удивляться по-истинѣ было чему.

Петръ понималъ все неудобство, всю опасность во всѣхъ отношеніяхъ такой неопредѣленности относительно столь важнаго вопроса въ монархическомъ государствѣ, какъ вопросъ о преемствѣ престола, и потому озаботился имъ. Онъ рѣшилъ установить точный и опредѣленный законъ по данному предмету. Такой законъ, въ видѣ знаменитаго указа отъ 5 февраля 1722 г., и былъ изданъ,—законъ въ высокой степени любопытный и важный, смѣемъ думать, въ дѣлѣ развитія начала законности въ государственномъ строѣ. Этимъ указомъ Петръ вводитъ относительно преемства престола начало завѣщанія царствующаго монарха,—другими словами, систему преемства престола царь хочетъ построить исключительно *на волѣ* царствующаго императора, *завѣщателя*. Она, эта *воля*, *возводится* по данному предмету *на степень закона*. Непосредственною причиной, заставившей царя-революціонера обратиться къ этому началу, были характеръ и поведеніе сына его, извѣстнаго своей печальною участью царевича Алексѣя. Царь не сомнѣвался, что сынъ его, сѣвъ на престолъ, своротитъ съ пути, съ такимъ страшнымъ трудомъ проложеннаго отцомъ его. Петръ могъ бы издать спеціальный, на этотъ случай, законъ, но онъ этого не сдѣлалъ, во-первыхъ, въ виду сознанія необходимости «твердыхъ» законовъ, законовъ постоянныхъ; во-вторыхъ, въ виду несостоятельности, по его мнѣнію, начала, выработаннаго Московскимъ государствомъ,—несостоятельности, въ которой онъ убѣдился на такихъ примѣрахъ, какъ царствованіе Ѳедора Ивановича, послѣдняго изъ Рюриковичей, своего старшаго брата Ивана, и, наконецъ, на

сынѣ своемъ Алексѣѣ, «авессаломскою злостью» и «нераскаяніемъ» зараженномъ. Въ указѣ 5 февраля царь прямо выражается: «За благо разсудили мы *сей* уставъ учинить, *дабы* сіе было *всегда въ волѣ правительствующаго государя: кому оной хочетъ, тому и опредѣлитъ наслѣдство*; и опредѣленному, видя какое непотребство, паки отмѣнить, *дабы дѣти и потомки не впали въ такую злость*, какъ выше писано, *имѣя сію узду на себѣ*». Любопытное явленіе—какъ не считалъ себя царь въ правѣ поступить въ данномъ случаѣ согласно только собственной волѣ. Хотя выраженіе этой послѣдней онъ и возводилъ на степень закона, тѣмъ не менѣе онъ нашелъ необходимымъ оправдать, объяснить, мотивировать свой указъ. Дѣло въ томъ, что царю въ данномъ случаѣ приходилось идти въ разрѣзъ съ *обычнымъ взглядомъ* массы своихъ подданныхъ — этой «уздой», полагающею нѣкоторые предѣлы всякой волѣ. Уже въ самомъ указѣ царь пускается въ объясненія своего постановленія и дѣлаетъ ссылки на историческіе примѣры. Но этимъ царь не ограничился и поручилъ Ѳеофану Прокоповичу написать сочиненіе, въ которомъ бы «яснѣе нѣчто и пространнѣе» показывалося то, что изложено въ указѣ 5 февраля. Написана была и издана уже извѣстная намъ «Правда *воли* монаршей». Въ ней, въ оправданіе «воли» царя по данному вопросу, излагаются «резоны или доводы», во-первыхъ, «отъ разсужденія власти всѣхъ обще родителей», гдѣ доказывается, что «за нераскаянное злонравіе сыновнее могутъ родители отвергать отъ себе сыновъ своихъ»,—не только могутъ, но и «должни суть злонравныхъ дѣтей отчуждати». Во-вторыхъ, авторъ приводитъ «доводы отъ разсужденія власти родителей-государей», которые «содержатъ подъ собою» сыновей своихъ «сугубою властью»—родителей и монарховъ. Здѣсь доказывается уже право отца-монарха отказать въ наслѣдствѣ престола своему сыну, въ силу его *самодержавной и неограниченной*, отъ Бога и народа полученной, какъ мы видѣли, *власти*. «Правда воли монаршей» пошла дальше указа 5 февраля: въ ней предусмотрѣнъ и разрѣшенъ тотъ случай, если императоръ умретъ безъ завѣщанія, т. е. не оставитъ себѣ преемника. Въ этомъ случаѣ народъ, въ данномъ вопросѣ, «долженъ есть его—государя своего—*волею* управлятися»: народъ долженъ «всякими правильными догадками испытовать, какова была или быти могла воля государева». Тутъ же рекомендуются и самыя средства «испытанія воли» монарха:

характеръ умершаго и его отношенія къ дѣтямъ. Если осталось нѣсколько сыновей, которыхъ «равно любилъ» умершій императоръ, то народъ *выбираетъ* старшаго. Если остался одинъ сынъ, то, независимо отъ характера его, отъ отношенія къ нему умершаго отца его, «долженъ народъ имѣти его за наслѣднаго государя». То же самое имѣетъ мѣсто и по отношенію къ дочерямъ умершаго монарха, въ случаѣ отсутствія сыновей. «Когда же оскудѣетъ вся ближайшая фамилія, а послѣдній въ ней государь никого въ наслѣдники не опредѣлилъ и безъ завѣта преставился, тогда воля бывшимъ монархомъ отданная возвращается къ народу», который уже и избираетъ себѣ новаго государя.

Вотъ *законъ*, изданный Петромъ Великимъ по предмету преемства престола. Законъ этотъ остался мертвымъ,—онъ никогда не примѣнялся.

Самъ Петръ, какъ извѣстно, умеръ, не назначивъ себѣ преемника, хотя, несомнѣнно, онъ, еслибъ успѣлъ, поступилъ бы согласно указу 5 февраля. До насъ дошло письмо его въ сенатъ съ театра турецкой войны, въ которомъ онъ, на случай его смерти безъ назначенія себѣ наслѣдника, рекомендовалъ выбрать «достойнѣйшаго». Вступленіе на престолъ Екатерины I вполнѣ нарушало указъ 5 февраля: во-первыхъ, у Петра оставались дочери и внукъ, изъ коихъ и слѣдовало, согласно «Правдѣ воли монаршей», избрать монарха; во-вторыхъ, если разъ пришлось избирать монарха, то, по той же «Правдѣ», избирать его долженъ былъ *народъ*. Екатерина возведена на престолъ «синодомъ, сенатомъ и генералитетомъ», какъ сказано въ манифестѣ о вступленіи на престолъ императрицы, въ дѣйствительности же — извѣстной придворною партіей съ Меньшиковымъ во главѣ.

Черезъ полтора года по вступленіи на престолъ такимъ порядкомъ Екатерина еще разъ обнародовала указъ Петра о престолонаслѣдіи, называя его притомъ «*вѣчнымъ* уставомъ». При этомъ императрица ссылается и на то, что уставъ этотъ «отъ всѣхъ подданныхъ генеральною присягою утвержденъ», каковою присягою «*всѣ* обязались, что ежели тому.... уставу явятся кто противны...., то за измѣнниковъ почтены и смертной казни и церковной клятвѣ подлежать будутъ».

Новое изданіе указа и «Правды воли монаршей» мотивируется тѣмъ, что «явились нѣкоторые воры и клятвопреступники, которые оное.... установленіе дерзаютъ толковать противнымъ

образомъ, какъ явилось въ одномъ подкинутомъ письмѣ». Такого факта новаго изданія, кажется, было достаточно для того, чтобъ убѣдить подданныхъ, что императрица, нарушивъ указъ 5 февраля при вступленіи на престолъ, впредь утверждаетъ его въ полной неприкосновенности и назначитъ себѣ преемника согласно установленному имъ началу. Дѣйствительно, Екатерина умерла, оставивъ *завѣщаніе*, которымъ назначала себѣ преемника. Но содержаніе завѣщанія прямо нарушаетъ смыслъ петровскаго «устава». Императрица не только назначаетъ себѣ преемника, но и старается установить *систему* престолонаслѣдія: въ случаѣ смерти Петра II бездѣтнымъ, завѣщаніе призываетъ на престолъ дочерей Петра Великаго—Анну, а потомъ Елизавету, а за ними—внуку его, Наталью Алексѣевну. Другими словами, съ момента опубликованія завѣщанія, превращенія его въ законъ, «вѣчный уставъ» Петра Великаго отмѣняется: ни Петръ II и никто изъ его преемниковъ уже не имѣютъ права выбирать себѣ преемниковъ,—въ силу вступаетъ старое начало преемства престола въ нисходящей линіи. Итакъ, на разстояніи пяти лѣтъ (завѣщаніе вскрыто въ маѣ 1727 года) — два, одно другому противорѣчащихъ, закона и фактъ вступленія на престолъ, несогласный ни съ однимъ изъ этихъ законовъ.

Петръ II умеръ бездѣтнымъ и, согласно распоряженію Екатерины, на престолъ должна вступить дочь Петра Великаго, Анна Голштинская. Въ дѣйствительности, мы знаемъ, на него вступаетъ Анна Курляндская, *племянница* Петра Великаго, притомъ *младшая*, въ обходъ старшей—Екатерины Мекленбургской. Анна вступаетъ, какъ мы видѣли, на престолъ *по выбору* нѣсколькихъ человѣкъ изъ придворной знати. Итакъ, законъ Екатерины I остался безъ примѣненія. Анна Ивановна возвращается, повидимому, къ началу указа 5 февраля: назначаетъ себѣ преемникомъ двоюроднаго внука своего, младенца Ивана Антоновича. Но этимъ, какъ и ея предшественница—Екатерина, Анна Ивановна не ограничивается: она опредѣляетъ порядокъ престолонаслѣдія и послѣ смерти избраннаго ею императора, лишая его самого такимъ образомъ права выбора и завѣщанія. Иванъ Антоновичъ и вступилъ на престолъ. Извѣстна судьба этого младенца-императора. Все время его царствованія, съ точки зрѣнія завѣщанія императрицы Анны совершенно законнаго, признается несуществовавшимъ. Этотъ годъ *со днями*—такъ недолго царствовалъ императоръ,—оффиціально, въ Полномъ Собраніи Законовъ», напр.,

до сихъ поръ называется временемъ правленія герцога Курляндскаго и принцессы Анны Брауншвейгъ-Люнебергской.

Елизавета Петровна вступила на престолъ, въ нарушеніе завѣщанія императрицы Анны Ивановны, лишь соглашаясь, по ея собственному заявленію въ манифестѣ по поводу восшествія ея на престолъ, на единогласную просьбу «всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чина, *а особливо лейбъ-гвардіи полковъ*». Въ томъ же манифестѣ, впрочемъ, императрица ссылается, какъ на *законное* право свое на престолъ, на *близость по крови* «къ самодержавнымъ вседражайшимъ родителямъ». Дочь Петра, воспользовавшись «уставомъ» своего отца, въ 1742 году объявляетъ своимъ преемникомъ племянника своего, внука Петра Великаго, герцога голштинскаго, Петра, но назначаетъ его въ силу его кровныхъ отношеній къ ней и Петру Великому, «яко *по крови ближайшаго* къ императрицѣ».

Въ концѣ концовъ, въ первой половинѣ XVIII ст., несмотря на отсутствіе «вѣчнаго устава» о преемствѣ престола, «близость по крови» всякій разъ, исключая вступленія на престолъ Екатерины I, играла такъ или иначе роль въ вопросѣ о преемствѣ престола, видимо *стремясь* обратиться въ законное начало. Но вступленіе на престолъ Екатерины II, состоявшееся благодаря насильственному перевороту, въ которомъ опять такую сильную роль играла гвардія, еще разъ нарушаетъ начало «близости по крови», которое возводится окончательно въ принципъ лишь въ концѣ XVIII ст. Правда, въ присягѣ на вѣрноподданство императрицѣ Екатеринѣ клятва въ вѣрности приносилась вмѣстѣ и ея сыну, великому князю Павлу Петровичу, *законному* всероссійскаго престола наслѣднику, но впослѣдствіи Екатерина, въ силу личнаго нерасположенія къ своему единственному сыну, снова обратилась было къ началу петровскаго указа отъ 5 февраля 1722 года и составила *завѣщаніе* въ пользу своего внука, Александра. Завѣщаніе это не было, однако, обнародовано.

Подъ вліяніемъ этой полной неопредѣленности, отсутствія начала *законности* по такому существенному вопросу въ организаціи верховной власти, Павелъ Петровичъ, еще будучи наслѣдникомъ престола, опредѣлилъ порядокъ престолонаслѣдія въ своемъ нисходящемъ поколѣніи. Порядокъ этотъ установлялся въ *завѣщаніи* будущаго императора. По вступленіи сына Екатерины на престолъ его завѣщаніе получило уже характеръ закона, притомъ *основнаго* государственнаго закона. Это совершилось 5

апрѣля 1797 года. Въ завѣщаніи прямо говорилось, что оно составляется съ тою цѣлью, «*дабы наслѣдникъ* былъ всегда назначенъ *закономъ самимъ*». Каждый изъ будущихъ монарховъ приглашался, «при вступленіи на престолъ и помазаніи», обязаться свято соблюдать *сей законъ* о наслѣдствѣ.

Несомнѣнно, стало-быть, что въ теченіе всего XVIII ст. ни одинъ носитель верховной власти не назначался на престолъ «*закономъ самимъ*»,—онъ вступалъ на него или *по волѣ* прежде царствовавшаго императора, или въ силу *переворота*.

Самый характеръ законодательной дѣятельности верховной власти въ теченіе XVIII ст. никоимъ образомъ не могъ содѣйствовать развитію начала законности какъ въ народѣ, такъ и въ административномъ персоналѣ. Указы, уставы, регламенты, какъ изъ рога изобилія, сыпались одинъ за другимъ, одинъ другой измѣняя, замѣняя или отмѣняя. Особенно въ первую четверть столѣтія, въ царствованіе Петра Великаго, учрежденія и должности появлялись на свѣтъ Божій чуть не каждый день. Иныя изъ нихъ жили, какъ говорится, безъ году недѣлю. Ихъ функціи переплетались, спутывались: одно въѣзжало въ область другаго. Правительство, что называется, не могло разобраться въ нихъ. Нѣтъ никакой возможности на основаніи всей этой массы узаконеній опредѣлить, напр., область вѣдѣнія того или другаго должностнаго лица, того или другаго учрежденія, и отношенія этихъ лицъ и учрежденій другъ къ другу—низшихъ къ высшимъ, равныхъ къ равнымъ. Почти каждый изъ органовъ администраціи вѣдаетъ и судъ, и управленіе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Прибавимъ къ этому, что самая форма обнародованія закона носитъ еще слишкомъ первобытный характеръ: кодексы или сборники законовъ отсутствуютъ; существуетъ старое Уложеніе царя Алексѣя XVII вѣка и съ нимъ вмѣстѣ необъятная масса отдѣльныхъ постановленій и регламентовъ, которые иногда, совершенно случайно, безъ всякаго плана, въ хронологическомъ порядкѣ, съ огромными пробѣлами и пропусками собираются въ одну книгу и издаются за нѣсколько лѣтъ. Все это вмѣстѣ даетъ необычайно-широкое поприще къ подбору «законовъ»—масть къ масти, выражаясь языкомъ Петра. Смѣлость, беззастѣнчивость дѣйствій на этомъ пестромъ полѣ обусловливается въ значительной степени еще и тѣмъ, что *надзора* за игроками почти

не существовало, какъ мы видѣли, въ дѣйствительности, хотя къ установленію его, повидимому, и принимались мѣры. Нѣтъ *надзора*, нѣтъ и *отвѣтственности*. Ея и не было, несмотря на то, что мы привели выше цѣлый рядъ казней и всякаго рода наказаній администраторовъ за злоупотребленія. Объяснимся. Мы видѣли, что начало надзора за правительственными органами установляется еще при Петрѣ въ видѣ фискальства, впослѣдствіи замѣненнаго прокурорскимъ надзоромъ; но функціи какъ фискаловъ, такъ потомъ прокуровъ точно не были опредѣлены: ихъ дѣятельность мало чѣмъ стѣснялась или, лучше сказать, опредѣлялась,—все зависило, въ сущности, отъ личныхъ качествъ того или другаго органа этого надзора. Стбитъ познакомиться съ инструкціями верховной власти, даваемыми этимъ правительственнымъ агентамъ, чтобъ убѣдиться, что это такъ. Эти органы надзора—не представители закона: нѣтъ, это — органы *личной воли монарха*. Прокуроръ—«око царево», а не закона.

Назначивъ въ 1764 году новаго генералъ-прокурора, кн. Вяземскаго, взамѣнъ Глѣбова, Екатерина написала ему, *въ видѣ инструкціи*, собственноручное письмо (секретно). Въ письмѣ этомъ императрица, въ руководство генералъ-прокурору, высказываетъ слѣдующія, напр., начала: «вреднѣе для общества ничего быть не можетъ, какъ генералъ-прокуроръ—такой, *который къ своему государю совершеннаго чистосердечія и откровенности не имѣетъ;* такъ какъ *и для него хуже всего не имѣть отъ государя совершенной довѣренности*, понеже онъ, по должности своей, обязывается сопротивляться наисильнѣйшимъ людямъ, и слѣдовательно *власть государская одна его опора*». Императрица говоритъ, что если новый генералъ-прокуроръ проявитъ въ своихъ дѣйствіяхъ «вѣрность, прилежаніе и откровенное чистосердечіе», то онъ можетъ, въ такомъ случаѣ, разсчитывать на «повѣренность безпредѣльную» со стороны ея, императрицы. «Въ чемъ же вы будете сумнительными,—продолжаетъ императрица,—*спроситесь со мной и совершенно надѣйтеся на Бога и на меня*, а я, видя такое ваше *угодное мнѣ* поведеніе, васъ *не выдамъ*».

Вотъ начала, которыми долженъ былъ руководиться въ своей государственной дѣятельности глава прокурорскаго надзора во второй половинѣ XVIII столѣтія. Нужны ли комментаріи? Воля Екатерины II должна была для генералъ-прокурора, кн. А. Вяземскаго, замѣнять законъ.

Она, эта воля императрицы, только она, и притомъ различно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, опредѣляетъ и степень *отвѣтственности* того или инаго должностнаго лица, въ случаѣ изобличенія его въ нарушеніи закона. Закона, опредѣляющаго отвѣтственность, въ такихъ случаяхъ, мѣру наказанія, въ XVIII ст. не существуетъ, но есть масса указовъ, изданныхъ ad hoc, на каждый отдѣльный случай,—указовъ, въ которыхъ воля верховной власти опредѣляетъ то или иное наказаніе своему преступному органу за то или иное преступленіе. Можно привести не мало случаевъ, когда за одно и то же преступленіе по должности одно лицо приговаривается къ смертной казни, другое — къ лишенію орденовъ, чиновъ и т. п., а третье — къ заключенію въ монастырь.

Упомянутое письмо Екатерины къ кн. А. Вяземскому можетъ дать и, дѣйствительно, даетъ, по нашему мнѣнію, матеріалъ для болѣе широкаго обобщенія, чѣмъ по вопросу только объ отношеніи верховной власти къ такимъ ея органамъ, какъ органы *надзора*. Сопоставляя содержаніе этого письма съ массою показаній, даваемыхъ намъ какъ разнаго рода правительственными распоряженіями того времени, такъ и самою жизнью, нельзя не придти къ заключенію, что «*личное* начало», какъ выражается профес. Градовскій, «проникавшее всѣ общественныя отношенія» въ первый періодъ нашей исторіи, періодъ княжеско-вѣчевой, далеко не сошло со сцены и играло очень и очень значительную роль еще и въ прошломъ столѣтіи.

Какъ тогда это начало выражалось относительно *управленія* государствомъ въ томъ, что оно, это управленіе, въ тѣхъ княжествахъ, волостяхъ, гдѣ вѣче уже лишилось своихъ верховныхъ правъ, составляло *личное* дѣло князя и его органовъ, а благодаря этому и прямо *частное его* дѣло,—такъ теперь, нѣсколько столѣтій спустя, монархъ XVIII столѣтія смотритъ на управленіе своимъ обширнымъ государствомъ еще въ значительной степени такъ же, какъ князь на управленіе своего, сравнительно микроскопическаго, княжества. Какъ тогда всѣ должностныя лица князя были въ сущности его *личными* слугами, такъ теперь всѣ правительственные органы, несмотря на ихъ сложныя функціи и хитрыя иноземныя названія, въ сильной степени еще носятъ такой характеръ личныхъ слугъ своего государя. Развѣ такого именно заключенія нельзя вывести изъ тѣхъ мѣстъ письма Екатерины

къ Вяземскому, которыя мы привели? Развѣ нельзя его вывести изъ того мѣста этого письма, котораго мы не привели еще и въ которомъ Екатерина высказываетъ мысль, что самодержавная и неограниченная форма правленія потому исключительно возможна и полезна Россійской имперіи, что «все прочее.... многое множество страстей разныхъ въ себѣ имѣетъ, которыя всѣ къ раздробленію власти и силы влекутъ, нежели *одного государя*, имѣющаго всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда и *почитая общее добро своимъ собственнымъ*»*). Императрица отличаетъ, видимо, свое добро отъ общаго, но она почитаетъ и послѣднее своимъ въ томъ смыслѣ, что вѣдаетъ его, правитъ имъ такъ же ревностно, какъ и своимъ.

Императрица—*мать* своему народу. Она обращается къ нему въ манифестахъ и указахъ съ своимъ «императорскимъ и *материнмъ* словомъ». Интересы *государственные* сплошь и къ ряду смѣшиваются съ *государевыми* въ оффиціальныхъ правительственныхъ актахъ, въ законахъ.

Всѣ правительственные органы несутъ свою службу, ожидая какъ милостей и наградъ, такъ и каръ отъ лица носителя верховной власти. Его рука милуетъ и караетъ независимо отъ закона. Мы видѣли, что, напр., кары за злоупотребленія—въ волѣ носителя верховной власти почти исключительно. Въ одномъ изъ указовъ начала своего царствованія Екатерина II объявляетъ, что «никто, обвиненный въ лихоимствѣ, яко прогнѣвающій Бога, не избѣжитъ *и нашего гнѣва*, такъ какъ мы милость и судъ Богу и народу обѣщали».

Отсюда «уздой», сдерживавшею незаконные порывы администраторовъ XVIII столѣтія, и притомъ *единственной* уздой, былъ страхъ передъ лицомъ монарха, его монаршею волей, какъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ—страхъ передъ «опалой» или «гнѣвомъ» его великаго государя, царя и великаго князя московскаго. Та же Екатерина, въ одномъ изъ указовъ, не разъ нами въ этой статьѣ цитированномъ, прямо говоритъ, что въ ея государствѣ «торжище» на мѣстѣ правосудія «вкоренилося *отъ единаго безстрашія*» передъ ея и Бога гнѣвомъ.

Взгляните на дѣятельность Петра Великаго: его гнѣвъ, благодаря его неусыпной зоркости и страшной энергіи, грозилъ всѣмъ и каждому и постигалъ очень и очень многихъ.

---

*) Все письмо цитировано по *Соловьеву*: „Ист. Россіи", т. XXVI, 18 и сл.

Но начало страха—начало очень ненадежное. Покойный Миль въ своихъ «Размышленіяхъ о представительномъ правленіи» говорилъ о рабѣ, котораго отношенія къ господину обусловливаются только страхомъ: «когда человѣкъ, внушающій ему страхъ, стоитъ надъ нимъ и грозитъ, онъ повинуется; но едва тотъ отвернулся, работа останавливается». Эта мысль, думаемъ, вѣрна и относительно той сферы, о которой мы говоримъ въ данномъ случаѣ. Въ такомъ сложномъ, громадномъ дѣлѣ, какъ управленіе государствомъ, есть полная возможность не только «остановить работу», но и направить ее въ обратную сторону, дать ей, вмѣсто созидательнаго и охранительнаго направленія, разрушительное, даже въ томъ случаѣ, когда во главѣ государства стоитъ такой зоркій и энергическій человѣкъ, какъ Петръ Великій. Развѣ все нами сообщенное о состояніи управленія при Петрѣ не служитъ этому достаточнымъ доказательствомъ? Если только вѣрна мысль, что учрежденія страны, не создавая нравовъ, однако способствуютъ въ значительной степени воспитанію, развитію ихъ въ извѣстномъ направленіи, которое будетъ обусловливаться характеромъ учрежденій,—то не трудно сдѣлать выводъ о степени и характерѣ вліянія государственныхъ учрежденій XVIII столѣтія на нравы того времени, а вмѣстѣ и на развитіе идеи о законности и на примѣненіе начала ея къ жизни.

Несомнѣнно, благодаря такому *личному* взгляду верховной власти на государственное управленіе, самое *законодательство* въ теченіе XVIII столѣтія составляетъ *личное* дѣло, личную функцію субъекта этой власти. Мы уже не разъ замѣчали, что *воля* императора или императрицы была закономъ. Здѣсь мы скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какъ должна была проявляться и проявлялась эта воля въ теченіе прошлаго столѣтія, чтобы стать закономъ,—другими словами, скажемъ нѣсколько словъ о формѣ закона, его появленіи, что, разумѣется, имѣетъ огромное вліяніе на развитіе начала законности.

И здѣсь мы опять наталкиваемся на ту же неопредѣленность, съ которою встрѣчаемся и по другимъ важнѣйшимъ вопросамъ государственнаго устройства. Противорѣчія ни малѣйшаго не существуетъ лишь относительно общаго положенія, что воля носителя верховной власти есть законъ. Что же касается формы ея выраженія, то Петръ Великій опредѣлилъ, что воля императора

считается закономъ лишь въ томъ случаѣ, когда она выражена *письменно* и когда письменный актъ «зарученъ», т. е. подписанъ императоромъ; но послѣ его смерти, до второй половины XVIII столѣтія, это постановленіе царя вовсе не было *твердымъ* закономъ до самаго 1762 года. Во весь этотъ періодъ времени *закономъ считалось* даже и простое словесное, *устное распоряженіе* императора или императрицы. Указомъ 1762 года у словесныхъ распоряженій не отнимается значеніе закона вообще, но лишь постановляется, что устное распоряженіе можетъ имѣть силу закона только тогда, когда оно объявлено будетъ чрезъ сенаторовъ, генералъ-прокурора и первыхъ трехъ коллегіи-президентовъ. Такіе «словесные высочайшіе указы» исполняются «*по всякимъ* матеріямъ, кромѣ лишенія живота, чести и имѣнія и раздачи денежныхъ знатныхъ суммъ, свыше 10.000 рублей, а также награжденія деревнями и чинами свыше полковника». Но такіе словесные указы не могутъ отмѣнять «собственно ея императорскаго величества рукою подписанныхъ... указовъ».

Сперанскій въ своемъ знаменитомъ проектѣ плана государственнаго преобразованія въ большую заслугу ставитъ Петру Великому, что «онъ *открылъ входъ наукамъ* и торговлѣ». Этимъ путемъ, по мнѣнію одного изъ лучшихъ и достойнѣйшихъ государственныхъ людей первыхъ годовъ настоящаго столѣтія, царь-реформаторъ «отверзъ двери политической свободѣ», хотя «во внѣшнихъ формахъ правленія ничего рѣшительнаго не установилъ въ пользу ея» *). Сперанскій говорилъ въ данномъ случаѣ неоспоримую истину. Онъ только высказывалъ ее, быть-можетъ, нѣсколько оптимистически. Двери были «отверзты» едва-едва замѣтно, и въ теченіе всего столѣтія онѣ отверзались постоянно, хотя опять-таки слишкомъ скромно. И отверзались, неоспоримо, подъ вліяніемъ именно той силы, на которую указалъ Сперанскій, плюсъ—непосредственное знакомство русскихъ людей извѣстнаго слоя съ западно-европейскимъ политическимъ строемъ. Разсказывали въ свое время анекдотъ о Сперанскомъ, что будто, во время пребыванія императора Александра I въ Эрфуртѣ, на вопросъ государя, «какъ нравится тебѣ за границей», онъ отвѣчалъ: «у насъ люди лучше, но *здѣсь лучше установленія*» **).

*) См. статью профессора *В. И. Сергѣевича*: «Государство и право въ исторіи», *Сборн. Гос. Зн.*, т. VII, стр. 91, прим. 1.

**) Бар. *Корфъ*: „Жизнь гр. Сперанскаго", т. I, стр. 109.

Такихъ людей, бывшихъ за границей и умѣвшихъ оцѣнить преимущества тамошняго строя и по собственнымъ наблюденіямъ, и по знакомству съ нимъ путемъ литературнымъ, не мало было и въ прошломъ столѣтіи. Они встрѣчались даже и въ XVII вѣкѣ, особенно въ концѣ его. Вотъ эти-то люди и вносили въ наше общество прошлаго столѣтія тѣ идеи и знанія, которыя и скромно, и, быть-можетъ, съ нашей точки зрѣнія, слишкомъ медленно пріотворяли двери «политической свободѣ», выражаясь языкомъ Сперанскаго. Подъ вліяніемъ тѣхъ же, несомнѣнно, причинъ пріотворялись двери для этой дорогой гостьи и такими монархами, какъ императрица Екатерина II. Созывая пресловутую коммиссію *) въ началѣ своего царствованія, императрица отворила дверь даже неожиданно широко. Широко мечтало и проектировало отворить ее, тридцать семь лѣтъ передъ этимъ, какъ мы видѣли, и московское шляхетство. Но въ обоихъ случаяхъ дверь была быстро и крѣпко захлопнута подъ напоромъ тѣхъ жизненныхъ условій, которыя вырабатывались вѣками и съ которыми такъ быстро и рѣшительно разсчитаться, какъ предполагалось, очевидно, было немыслимо. Но двери пріотворились не даромъ: рядъ идей, бывшихъ достояніемъ единицъ, сдѣлались достояніемъ десятковъ; а въ ряду идей, занесенныхъ этимъ путемъ, *идея законности* была главною. Тѣмъ же путемъ, надъ расчищеніемъ котораго не мало поработалъ Петръ Великій, внесена была, еще въ концѣ XVII ст., идея о *человѣческой личности*, ея свободѣ. Эта идея, «какъ необходимый элементъ всякой благоустроенной государственной жизни», выражаясь языкомъ профессора Сергѣевича, «не вымерла и въ петербургскомъ періодѣ (XVIII в.) нашей исторіи». Она не вымерла въ немъ, несмотря на то, что представители шляхетства, во второй половинѣ этого XVIII вѣка, просили даровать «дворянамъ *безпредѣльную власть надъ крестьянами*»; она не вымерла, несмотря даже на то, что дворянство и получило эту «вольность», выражаясь языкомъ того времени. Она не только не вымерла, она жила, и дѣятельно жила, подтачивая сгнивающія основы общественно-государственнаго строя. Правда, она жила и развивалась страшно медленно, но не безрезультатно. Двадцать лѣтъ тому назадъ она величественно всплыла на поверхность нашего общественнаго строя въ формѣ *Положенія 19*

*) См. о ней статьи—*В. И. Сергѣевича*: въ *Вѣстн. Евр.* 1878 г., № 1, и нашу—въ *Юр. Вѣстн.* 1879 г., №№ 3, 4 и 5.

февраля. Она, эта идея, проявляется и во многихъ реформахъ второй половины нашего столѣтія. Ею же «отверзутся двери» и дальнѣйшимъ реформамъ, которыя въ концѣ концовъ «создадутъ твердое и на законахъ основанное положеніе», къ достиженію котораго стремился Сперанскій въ своемъ планѣ.

15 января 1881 г. И. Дитятинъ.

Тихія воды глубоки.

Повѣсть.

*(Окончаніе *).*

Насталъ для меня рядъ блаженныхъ, счастливыхъ дней. Каждый день, иногда даже по нѣскольку разъ, забѣгалъ я къ Шепелевымъ. Настасьѣ Александровнѣ мы ничего не говорили, по желанію Вѣры, а она или не замѣчала, или дѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ. Во всякомъ случаѣ, не мѣшала и оставляла насъ въ покоѣ. Мы только того и хотѣли.

Къ намъ часто присоединялся Шамшинъ, всегда, впрочемъ, старавшійся отвлекать Настасью Александровну или садившійся за рояль и брянчавшій до тѣхъ поръ, пока мы сами его не окликали и не призывали къ себѣ. Нерасположеніе его ко мнѣ совершенно исчезло и онъ сталъ еще дружелюбнѣе.

Прошелъ мѣсяцъ. Вѣра была мила и очаровательна, но иногда начинала капризничать и принимала повелительный и даже насмѣшливый тонъ. Я сознавалъ, что самъ былъ виноватъ въ этомъ, черезчуръ повинуясь всѣмъ ея прихотямъ. Разъ, какъ-то, подобнаго рода сцена произошла при Шамшинѣ. Зашелъ споръ о томъ, слѣдуетъ ли ей читать какой-то новый французскій романъ. Я убѣждалъ, умолялъ не читать и, наконецъ, просто разсердился.

— Я васъ прошу не читать,—ну, что вамъ стоитъ?—горячился я.

— А я вамъ говорю, что мнѣ хочется прочесть!—упрямилась Вѣра. — Желала бы я знать, почему это мнѣ лучше не читать этого романа? Что, у меня нервы, что ли, разстроятся, или что такое?

---

*) *Русская Мысль*, мартъ.

— По многимъ причинамъ не слѣдуетъ! — уклончиво отвѣчалъ я.

— Не слѣдуетъ!—насмѣшливо сказала она.—Зачѣмъ же вы сами принесли мнѣ эту книгу, которую мнѣ не слѣдуетъ читать? Эхъ вы! говорите одно, а дѣлаете другое,—бросивъ книгу на столъ и вставая, презрительно добавила она.

— Вѣра Михайловна!—вскочивъ, въ волненіи началъ я,—грѣшно вамъ такъ....

— Нехорошая вы барышня! — раздувая тонкія ноздри, сердито перебилъ меня Шамшинъ.

— Это почему?—спросила Вѣра саркастично, быстро поворачиваясь къ нему.

— А потому, что ни за что, ни про что обижаете человѣка,— Вотъ почему!

— Позвольте мнѣ самой судить о томъ, кого и за что я обижаю,—выходя изъ комнаты, надменно проговорила она.

— Избаловалъ ты ее, братъ, вотъ она и манежится,—серьёзно проговорилъ Шамшинъ.

— Знаю,—грустно отвѣчалъ я.

— Да что, знаю!—передразнилъ онъ меня.—Нечего знать, а не слѣдуетъ баловать. Развѣ ты не видишь, какой у ней характеръ? Ужь если чего захочетъ, такъ вѣдь подавай сейчасъ. Своевольная, капризная дѣвчонка!—прибавилъ онъ злобно.

— Шамшинъ, я тебя прошу такъ не отзываться при мнѣ о Вѣрѣ Михайловнѣ!—вспылилъ я.

— Я ничего оскорбительнаго для ней не сказалъ,—нечего тебѣ злиться. А что она своевольна — это фактъ, и своеволіе это надо умѣрять, иначе оно плохо кончится, помяни мое слово. Ты замѣть, если ей чего хочется, пустяка ли, важной ли вещи, вѣдь она сама не своя, пока не достигнетъ этого. А вотъ какъ не дается ей что-нибудь въ руки, тутъ ей не сдобровать,—махнувъ рукой и выходя изъ двери, прибавилъ Шамшинъ.

Подобныя сцены случались все чаще и чаще. Послѣ каждой изъ нихъ Вѣра, чувствуя свою неправоту, дѣлалась милѣе и ласковѣе, но это продолжалось недолго. Она, замѣтно, начинала скучать и часто выражала желаніе, чтобы кто-нибудь пришелъ. Сначала я сильно негодовалъ на подобныя рѣчи, но потомъ, видя, до какой степени она оживлялась при появленіи какого-нибудь посѣтителя, пересталъ сердиться и самъ съ нетерпѣніемъ началъ ожидать кого-нибудь изъ гостей.

Между прочими посѣтителями, часто появлявшимися въ послѣднее время у Шепелевыхъ, былъ нѣкто Григоровскій, высокій, сухой брюнетъ, съ необыкновенно тонкими чертами и сухимъ, нѣсколько жесткимъ выраженіемъ лица. Онъ былъ изященъ, имѣлъ весьма красивыя манеры, движенія его были медленны, но онъ умѣлъ какъ-то внезапно оживляться и преображаться въ рѣзваго, шаловливаго мальчика, причемъ особенно бросались въ глаза его мелкіе, бѣлые зубы и сверкавшіе изъ-подъ пушистыхъ, низкихъ бровей глаза. Съ перваго нашего знакомства онъ мнѣ показался особенно антипатиченъ и я очень недружелюбно отнесся къ нему. Впрочемъ, сначала, я не имѣлъ ни малѣйшихъ поводовъ негодовать на него, такъ какъ онъ держалъ себя съ большимъ тактомъ и не обращалъ на Вѣру Михайловну почти никакого вниманія. Она, между тѣмъ, часто заговаривала съ нимъ, но, получая короткіе, хотя и крайне вѣжливые отвѣты, сердилась и уходила прочь. Меня сильно безпокоилъ и приводилъ въ негодованіе видимый интересъ, который въ ней возбуждалъ Григоровскій, и я началъ болѣзненно, зорко слѣдить за каждымъ ея словомъ и взглядомъ.

Мало-по-малу она начала заговаривать съ нимъ все чаще, разговоры дѣлались длиннѣе, оживленнѣе, причемъ онъ имѣлъ постоянно крайне равнодушный, усталый видъ и какъ бы снисходительно взиралъ на нее своими черными глазами. Оставшись наединѣ съ нею послѣ одного изъ такихъ разговоровъ, я не выдержалъ и заговорилъ:

— Вѣра Михайловна, послушайте, что вы можете находить интереснаго въ разговорахъ съ *этимъ* Григоровскимъ?

— Ничего особеннаго,—равнодушно отвѣчала она.

— Такъ зачѣмъ же, если такъ, вы по цѣлымъ часамъ разсуждаете съ нимъ?

— Ахъ, Боже мой! Да почему же мнѣ съ нимъ не разсуждать, если мнѣ это нравится?—засмѣялась она.

— Да вѣдь онъ глупъ!—возразилъ я, нѣсколько успокоенный равнодушнымъ тономъ, какимъ она говорила о Григоровскомъ.

— Не уменъ... Впрочемъ, и не глупъ,—отвѣчала она.—А вотъ мы съ вами глупы,—нашли о комъ разсуждать, о Григоровскомъ!—расхохоталась она.

Но меня непріятно поразилъ ея смѣхъ: слышалась фальшь, неискренность въ его рѣзкихъ нотахъ.

Я ничего не отвѣчалъ на ея послѣднія слова, стараясь убѣдить себя, что всѣ мои страхи и опасенія преувеличены.

— О чемъ задумался?—махнувъ мнѣ передъ глазами рукой, вдругъ спросила она.

Я оторвалъ глаза отъ точки, на которую нѣсколько минутъ безсмысленно смотрѣлъ, и, взглянувъ на ея смѣющееся лицо, вдругъ схватилъ ея руку.

— Вѣра, голубчикъ, любишь ты меня? — быстро проговорилъ я.

— Конечно, люблю!—равнодушно, какъ бы машинально, отвѣчала она.

— Ахъ, Боже мой, да нѣтъ, не такъ ты это говоришь! Любишь ли ты меня такъ, знаешь, какъ тогда, когда ты мнѣ это такъ смѣло сказала въ первый разъ?

— Какія глупости! Я вѣдь говорю, что люблю,—откусывая отъ канвы короткую красную шерстинку, невнятно произнесла она, между тѣмъ какъ тонъ ея голоса зарождалъ во мнѣ тоскливое, мучительное чувство.

— Нѣтъ, не то! — хорошенько не сознавая, что говорю вслухъ, проговорилъ я со вздохомъ, откидываясь на спинку стула.

— Какой вы, однакоже, нервный!—все тѣмъ же равнодушнымъ тономъ продолжала Вѣра.— Вамъ бы надо полѣчиться! — слегка прищуривъ глаза и сбоку разсматривая вышивку, проговорила она, мелькомъ, разсѣянно, взглянувъ на меня.

Я ничего не отвѣчалъ и молча, закрывъ глаза, долго просидѣлъ въ одной позѣ.

Съ этого разговора отношенія наши приняли какой-то странный, неестественный оттѣнокъ. Вѣра бывала со мной очень любезна, вѣжлива и предупредительна, но все это носило отпечатокъ чего-то холоднаго, исполнявшагося по принужденію. Такое обращеніе ея въ первое время повергало меня въ безпомощное, злобное отчаяніе. Уходя домой, я нѣсколько разъ давалъ себѣ слово нѣсколько дней не приходить, стараясь убѣдить себя, что подобное обращеніе ея со мною происходило отъ того, что я бывалъ у нихъ слишкомъ часто и просто надоѣлъ ей своимъ присутствіемъ. Но, проснувшись на другой день, начиналъ съ нетерпѣніемъ ожидать вечера и снова шелъ къ Шепелевымъ. Каждый день снова мнѣ казалось, что ужь сегодня, конечно, *это* измѣнится и не пойдетъ по-старому. Что такое было *это*, я хорошенько

самъ не зналъ, и еслибы пришлось объяснить, то я бы ничего не могъ найти предосудительнаго въ поведеніи Вѣры относительно меня. Все, что она говорила, было всегда вѣжливо, доказывало ея вниманіе ко мнѣ, а иногда и состраданіе. Для меня же все это составляло невыносимое страданіе. Я легко бы вынесъ грубости, упреки, насмѣшки, все, но не то молчаливое, безмолвное состраданіе, съ которымъ она иногда смотрѣла на меня своими зелеными, прозрачными глазами. Въ такія минуты мнѣ хотѣлось что-нибудь бить, ломать, но вмѣсто того, схвативъ шапку и ни съ кѣмъ не простясь, я выскакивалъ на морозъ и какъ шальной метался по пустыннымъ, промерзлымъ улицамъ, не чувствуя ни холода, ни усталости, ни о чемъ не думая и лишь видя передъ собой этотъ ея невыносимый, сострадательный взоръ и тонкія, крѣпко сжатыя, губы. Въ болѣе спокойныя минуты я съ удивленіемъ замѣчалъ перемѣну, быстро совершавшуюся въ характерѣ Вѣры. Съ нѣкотораго времени она сдѣлалась особенно сосредоточенна, часто задумывалась, долго смотрѣла куда-нибудь въ темный уголъ, все болѣе и болѣе наморщивая тонкія брови. Давно уже не раздавался ея звонкій смѣхъ, и когда она улыбалась, то это бывали странныя улыбки углами рта, какъ бы насильственно вызванныя. Глядя на нее, мнѣ казалось, что она уходила все глубже въ себя, окружала себя непроницаемою стѣной, за которою скрывался весь ея внутренній міръ. Пока она воздвигала эту стѣну, я какъ бы застывалъ внутри. Чувства и мысли мои какъ бы сжимались и холодѣли. Проходили дни за днями. Григоровскій бывалъ чаще и чаще и, наконецъ, сталъ являться каждый день. Мы молча кланялись при встрѣчѣ, не подавая другъ другу руки, и никогда не говорили ни слова.

Вѣра почти никогда не взглядывала на него и замѣтно волновалась и конфузилась въ его присутствіи. На меня же, напротивъ, она взглядывала часто, безъ стѣсненія и принужденія, и я въ эти минуты проклиналъ жизнь и всю бы ее отдалъ за одинъ сконфуженно-бѣглый, выразительный, взглядъ.

Разъ я не выдержалъ и рѣзко замѣтилъ ей:

— Что вы на меня такъ смотрите,—что я, стѣна что ли?

— Ахъ, извините, я не замѣтила!—холодно отвѣчала она, опуская глаза.

Послѣ этого я весь вечеръ слѣдилъ за ней, но она ни разу не подняла на меня глазъ.

— Вѣра Михайловна, за что вы меня избѣгаете и на меня сердитесь?—съ отчаяніемъ спросилъ я, прощаясь съ ней у дверей залы.

— Я васъ не избѣгаю и на васъ не сержусь! — серьёзно отвѣчала она.

— Такъ что же все это значитъ, Вѣра?

— Что все?

— Какъ, что все?... Да все это, вѣдь, такъ невыносимо!

Она отрывисто вздохнула, высвободила свою руку изъ моей и, вдругъ взглянувъ на меня, медленно проговорила:

— Я сама ничего не понимаю. Знаю только одно, знаю только одно, что я измучена. Понимаете, я измучилась!—вдругъ громко воскликнула она и, схватившись за голову, быстро скользнула въ дверь.

— Я постоялъ, посмотрѣлъ ей вслѣдъ и, ничего не понимая, пошелъ съ лѣстницы. Послѣднее восклицаніе ея ясно и мучительно звучало у меня въ ушахъ. Я глухо повторялъ его, стараясь вникнуть въ смыслъ, и никакъ не могъ.

Я вышелъ на улицу и безсознательно направился домой.

Ночь я провелъ скверно, не спалъ, а когда и засыпалъ, то просыпался чрезъ каждыя пять минутъ въ страшномъ волненіи, и долго не могъ опять заснуть.

На другой день погода была сырая, сильный туманъ покрывалъ всѣ улицы и неподвижно стоялъ въ тихомъ воздухѣ. Просидѣвъ у окна почти цѣлый день въ какомъ-то странномъ оцѣпененіи, я, наконецъ, рѣшилъ вечеромъ идти къ Шепелевымъ и окончательно объясниться съ Вѣрой. Входя по лѣстницѣ, я въ раздумьи остановился на предпослѣдней ступенькѣ, и въ то же время мнѣ послышались чьи-то мѣрные, неторопливые шаги въ залѣ. Я уже занесъ было ногу на послѣднюю ступеньку, но вдругъ остановился и прислушался. Шаги приближались и послышался тихій голосъ Вѣры.

«Стало-быть она не одна»,—подумалъ я и въ то же время услыхалъ сухой, рѣзкій кашель Григоровскаго.

— Вѣдь это правда?—съ грустью въ голосѣ, на распѣвъ, спросилъ онъ.

— Да, правда!—немного помолчавъ, тихо отвѣчала Вѣра.—Я его любила.

— Люби-*ла*, или люби-*те*?—строго переспросилъ онъ.

Я почувствовалъ, точно меня съ ногъ до головы облили сначала ледяной, затѣмъ кипящей водой. Весь превратившись въ слухъ, я привѣлъ на лѣстницѣ.

— Люби-*ла*,—отчетливо отвѣчала Вѣра.

— А теперь?—спросилъ Григоровскій.

— Теперь мнѣ его жаль очень.

— И только?

— Да, и только.

— А знаете, мнѣ кажется, вы его и прежде не любили, а просто вообразили, что любите,—продолжалъ онъ насмѣшливо.

— Можетъ быть,—печально отвѣчала она.—Да, даже очень вѣроятно! Но, во всякомъ случаѣ, то чувство, которое было, прошло, совсѣмъ прошло, и осталась.... одна жалость.

— Да почему же жалѣть? Развѣ вы виноваты?

— Конечно! Онъ такой хорошій, впечатлительный и вмѣстѣ такой странный, что его и жаль, и страшно за него! Я сознаю, что кругомъ виновата передъ нимъ, а между тѣмъ.... между тѣмъ....

— Между тѣмъ что?

— Между тѣмъ онъ мнѣ противенъ,—я съ трудомъ переношу его присутствіе, не могу слышать его голоса, не могу....

Но остальныхъ словъ ея я уже не слыхалъ. Въ началѣ послѣдней фразы ея я хотѣлъ вскочить, хотѣлъ бѣжать, кричать, но сердце внезапно, съ нестерпимою болью, какъ бы перевернулось въ груди, затѣмъ я почувствовалъ непобѣдимую слабость и потерялъ сознаніе.

Не знаю, сколько времени пробылъ я безъ чувствъ; помню только, что когда снова пришелъ въ себя, то очутился сидящимъ на верхней ступенькѣ, съ прислоненною головой къ периламъ лѣстницы. Около меня никого не было, въ залѣ же продолжали раздаваться все тѣ же шаги и тотъ же говоръ, только шаги стали медленнѣе, а голоса тише.

Я сталъ снова прислушиваться къ разговору, невнятно доносившемуся до меня, охваченный непреодолимымъ желаніемъ знать, что между ними происходитъ. Я невольно привсталъ и, схватившись слабыми руками за косякъ, приподнялся на одно колѣно и прислонился ухомъ къ двери. Въ эту минуту они подходили.

— Вы должны были знать и предчувствовать, къ чему вели всѣ наши съ вами разговоры,—произнесла Вѣра взволнованнымъ голосомъ.

— Извините меня, я не предполагалъ и не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, къ чему могли вести такіе простые разговоры, какъ наши съ вами,—наивнымъ тономъ отвѣчалъ Григоровскій.

— Ѳедоръ Семеновичъ, вы шутите?—серьезно спросила Вѣра, остановившись у той самой двери, за которой стоялъ я.

— Ни мало, Вѣра Михайловна!

— Васъ не удивляла, какъ нѣчто изъ ряда вонъ выходящее, моя откровенность съ вами?

— Боже мой! Да почему же вамъ, или какой-либо другой дѣвушкѣ, не быть со мной откровенной?

— Какой-нибудь другой? — задумчиво произнесла она, снова зашагавъ по залѣ.

— Послушайте, Ѳедоръ Семеновичъ,—съ дрожью въ голосѣ произнесла она нѣсколько фразъ, которыя я тщетно старался разслышать и не могъ,—изъ вашихъ словъ можно подумать, что вы ничего не угадываете и не понимаете. Но я убѣждена, что вы понимаете все. Вамъ хочется, чтобы я.... чтобы я первая начала.... Извольте, начну!—задыхаясь и останавливаясь, произнесла она.

Григоровскій молчалъ.

— Ѳедоръ Семеновичъ, я васъ безумно, страстно люблю! Я никогда, никого такъ не любила и не буду любить кромѣ васъ!

Она замолчала и слышно было лишь ея тяжелое, прерывистое дыханіе.

— Очень вамъ благодаренъ за признаніе,—съ глубокимъ вздохомъ, грустно, произнесъ Григоровскій, между тѣмъ какъ я, подвинувшись правѣе, впился глазами въ щелку, оставшуюся между косякомъ и дверью, и увидалъ Вѣру, блѣдную, съ побѣлѣвшими губами и широко раскрытыми глазами, неподвижно смотрѣвшую на стоявшаго передъ ней Григоровскаго, съ грустной улыбкой разсматривавшаго свои длинные, бѣлые ногти.

— Позвольте мнѣ только возразить вамъ слѣдующее: то чувство, о которомъ вы говорите, настолько кратковременно и внезапно, что было бы смѣшно повѣрить въ его прочность. Не забудьте, что недавно вы говорили то же самое этому.... этому Выстрѣлову или Стрѣльцову.... какъ его тамъ зовутъ! Согласитесь сами, что подобный прецедентъ не можетъ быть особенно успокоителенъ.

— Вы, что же, ревнуете?—внезапно оживившись, проговорила она.—Я вѣдь вамъ сказала, что не люблю Стрѣльцова и, повидимому, никогда не любила. Теперь же, повторяю вамъ, онъ мнѣ противенъ, я его не могу переносить!

— Pardon, вы нѣсколько ошиблись,—я не ревную и не имѣю на то ни права, ни повода. Я хотѣлъ только сказать, что вы слишкомъ легко поддаетесь увлеченіямъ. Конечно, я весьма польщенъ вашимъ вниманіемъ, но, pardon, не могу принять au serieux ни вашихъ словъ, ни вашихъ чувствъ.

— Тѣмъ не менѣе они настолько серьезны, эти мои слова и чувства, что я снова повторяю, что люблю васъ и прошу васъ сказать мнѣ, любите ли вы меня.

Григоровскій молчалъ.

Она подошла ближе, взяла его за руку и, придвинувъ къ лампѣ, едва слышно, сдавленнымъ голосомъ, повторила свой вопросъ.

— Вы меня удивляете! — съ хорошо разыгранным удивленіемъ произнесъ онъ, отходя отъ нея. —Я, кажется, ничѣмъ не подалъ повода къ подобнымъ вопросамъ. Я васъ очень уважаю, желаю вамъ всѣхъ благъ земныхъ, готовъ служить чѣмъ могу, но....

— Но любить меня не можете?—саркастично спросила она.

— Право, вы такіе дѣлаете странные вопросы... Я не знаю, могу ли, или не могу, но фактъ тотъ, что....

— Что не любите?—прервала она его.

Въ отвѣтъ на эти слова онъ молча поклонился. Она въ ужасѣ взглянула на него и закрыла лицо руками.

— Полноте горевать, выкиньте все это изъ головы!—вдругъ весело произнесъ Григоровскій, грустно и нѣжно глядя на нее.— Вѣдь ваша страсть ко мнѣ есть право одна фантазія вашего пылкаго воображенія, вы слишкомъ романтичны... Ну, что же вы такъ на меня смотрите?—тряся ее за руку, спросилъ онъ, между тѣмъ какъ она безсмысленно, тупо смотрѣла на него.—Прощайте! Не поминайте меня лихомъ и постарайтесь поскорѣе забыть. Надѣюсь, впрочемъ, что это вамъ будетъ не трудно сдѣлать...

На всю эту рѣчь она не отвѣчала ни слова.

Онъ взялъ ея руку, поцѣловалъ и, проговоривъ еще разъ «прощайте», быстро вышелъ и, не оглядываясь, пошелъ съ лѣстницы. Я каждую минуту ожидалъ, что онъ обернется и увидитъ меня у двери, но онъ поспѣшно спустился внизъ и чрезъ нѣсколько секундъ послышался скрипъ затворившейся за нимъ двери.

Я хотѣлъ идти, всталъ на ноги, но силы мнѣ измѣнили и, приподнявшись, всѣмъ туловищемъ прислонился къ одной половинкѣ двери, которая быстро, съ шумомъ захлопнулась. Снова оправившись, я шагнулъ впередъ и въ ту же минуту, почти въ упоръ, столкнулся съ Вѣрой, вышедшей изъ залы.

Увидавъ меня, она остановилась какъ вкопаная, сильно вздрогнула и вопросительно посмотрѣла на меня. Я тоже остановился и пристально взглянулъ на нее. Странное чувство въ эту минуту зародилось во мнѣ: я чувствовалъ, что страстно, безумно люблю ее и въ то же время ненавижу всѣми силами своей души, и ненависть эта возбуждала во мнѣ какую-то непобѣдимую жажду мщенія.

Она еще разъ взглянула на меня, вздрогнула и, отвернувшись, быстро прошла мимо и скрылась.

Я машинально сталъ спускаться съ лѣстницы, и нетвердою поступью дойдя до передней, сталъ надѣвать пальто.

На улицѣ меня обдало душною сыростью. Воздухъ весь состоялъ изъ капелекъ, которыя мелко и часто осаживались на волосахъ, лицѣ, шеѣ, но ни мало не освѣжали.

Безсмысленно оглянувшись по сторонамъ, я медленно зашагалъ по направленію къ своей квартирѣ.

Странное чувство наполняло все мое существо: я сознавалъ, что иду по улицѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ я самъ на себя въ то же время смотрѣлъ какъ бы на третье лицо. То мнѣ казалось, что «вотъ онъ, Стрѣльцовъ, идетъ», то становился я самимъ собой и начиналъ смотрѣть на окружающее какъ человѣкъ не принадлежащій ко всему этому, какъ посторонній свидѣтель, въ первый разъ попавшій сюда. Мнѣ казалось, что я былъ отдѣленъ отъ всего окружающаго какой-то завѣсой, какъ будто чрезъ кисею видѣлъ и слышалъ все. Медленно и машинально подвигался я по сырому тротуару мимо большихъ, ярко освѣщенныхъ оконъ магазиновъ, у которыхъ тамъ и сямъ собрались кучки зѣвакъ.

Вдругъ рѣзкіе, одинокіе звуки надтреснутой шарманки звонко разнеслись по улицѣ и послышался свѣжій, простой мотивъ вальса изъ Фауста. Мотивъ этотъ вдругъ перенесъ меня въ тотъ вечеръ, когда я, въ ложѣ Шепелевыхъ, слушалъ Фауста. Мнѣ ясно представилась тонкая, въ зеленоватомъ платьѣ, фигурка Вѣры, двѣ бѣлокурыя косы и пушистая, миніатюрная головка съ завитками. Я слушалъ вальсъ и мнѣ казалось, что еще не все потеряно,

что вотъ оно, вѣдь опять оно же, то самое хорошее, прежнее чувство, свѣжее и радостное поднимается со дна души и заглушаетъ все остальное. Стало-быть еще поправимо, еще можно возвратить прошедшее...

Вдругъ я почувствовалъ, какъ что-то разорвалось у меня въ груди, что-то поднимается все выше и выше и не даетъ дышать. Я хотѣлъ глубже вздохнуть, но въ эту минуту сердце больно стукнуло, кровь цѣлымъ потокомъ хлынула изъ горла и алою струей полилась на снѣгъ. Когда кровь перестала идти, я снова машинально зашагалъ по улицѣ, цѣпляясь за стѣны домовъ и едва передвигая ноги отъ слабости.

Не помню, какъ и когда я добрелъ домой; знаю только, что, проснувшись утромъ, увидалъ себя лежащимъ на постели въ шубѣ и шапкѣ.

Весь слѣдующій день я безсмысленно просидѣлъ на одномъ мѣстѣ, стараясь что-то сообразить, но не былъ въ состояніи на чемъ-либо сосредоточить свои мысли. Чувствовалась странная пустота въ головѣ.

Въ сумерки, когда я лежалъ на постели, безсмысленно уставясь на узкую полосу свѣта отъ фонаря, виднѣвшуюся на потолкѣ, ко мнѣ вдругъ вошелъ Шамшинъ.

— Ты дома?—спросилъ онъ.

— Дома.

— Пойдешь сегодня?

— Куда?

— Ну, вотъ еще, куда! Натурально, не ко мнѣ... Къ Шепелевымъ пойдешь?

Я не зналъ, что отвѣтить. Цѣлый день вопросъ этотъ ни разу не приходилъ мнѣ въ голову. Я привсталъ на постели.

— Да, пойду, пойду, пойду! — вдругъ рѣшительно проговорилъ я.

— Что ты это зачастилъ: «пойду, пойду»? Я и съ одного раза пойму!—досадливо отвѣчалъ онъ, зажигая свѣчу.

— Эге, братъ, да ты никакъ нездоровъ? — прибавилъ онъ испуганно, посмотрѣвъ на меня при огнѣ. Глаза-то у тебя точно плошки блестятъ.

— Нѣтъ, я здоровъ!—нетерпѣливо отвѣчалъ я.

— Нѣтъ, не правда, у тебя жаръ... Посиди-ка лучше вечерокъ дома, чайкомъ меня напой, а Шепелевы авось не умрутъ безъ тебя.

— Нѣтъ, пойду, пойду, пойду! — лихорадочно повторялъ я, бѣгая изъ угла въ уголъ.

Шамшинъ пристально посмотрѣлъ на меня и, схвативъ за фалду сюртука, серьезно спросилъ:

— Да что у васъ вышло, что ли, что?

— Ничего, ничего! Послѣ, послѣ узнаешь!

— Ну, какъ знаешь, иди. Только теперь еще рано, посиди, а тамъ вмѣстѣ отправимся. Я тебя подвезу,—мнѣ по дорогѣ.

Я согласился и Шамшинъ, велѣвъ подать самоваръ, принялся хозяйничать. Я машинально исполнялъ всѣ его приказанія, пилъ чай и ѣлъ калачъ, съ трудомъ проходившій мнѣ въ сдавленное спазмой горло.

— Ну, вотъ, ты теперь хоть на человѣка сталъ похожъ, — проговорилъ онъ,—а то, чортъ знаетъ, что такое, точно скелетъ, ревенантъ какой-то. Ты и Вѣрочку-то испугалъ бы.

При имени ея меня такъ сильно передернуло всего, что я выронилъ ложку изъ рукъ.

Шамшинъ при этомъ молча прищурился, пристально взглянулъ на меня и, тотчасъ отвернувшись, углубился въ мытье стакана. Черезъ часъ мы быстро катились по хрустѣвшему снѣгу и вскорѣ остановились у подъѣзда Шепелевыхъ.

Я быстро направился по лѣстницѣ. Вездѣ было пусто, темно и тихо. Домъ точно весь вымеръ. Я пріостановился и мнѣ невольно стало жутко.

Простоявъ секунды двѣ, прислушиваясь и ничего не слыша, я вошелъ наконецъ въ залу. Она была слабо освѣщена лампой, висѣвшей на лѣстницѣ. Присмотрѣвшись къ полумраку, я направился дальше, въ гостиную.

Подойдя къ двери гостиной, я остановился и мнѣ невольно вспомнилось, какъ она испугала меня, выскочивъ изъ-за портьеры. Вспомнился весь этотъ вечеръ съ его дорогими, мучительно-дорогими подробностями. О, какъ все это казалось давно! Наконецъ я рѣшился и, раздвинувъ опущенную портьеру, заглянулъ внутрь гостиной, слабо освѣщенной маленькой стѣнною лампой съ матовымъ колпакомъ. Догоравшій каминъ тихо потрескивалъ. Передъ нимъ на колѣняхъ, положивъ голову на сидѣнье кресла, лицомъ внизъ, неподвижно стояла Вѣра. Свѣтлыя косы ея, спустившись по обѣимъ сторонамъ, висѣли въ воздухѣ, между тѣмъ какъ правая рука ея судорожно сжимала ножку кресла.

Я тихо вошелъ, ступилъ шагъ впередъ и остановился. Меня поразила неподвижность, съ которой она стояла, и вмѣстѣ съ тѣмъ я не могъ оторвать глазъ отъ тонкой, бѣлой шеи съ свѣтлыми завитками, отчетливо выдѣлявшейся на темномъ фонѣ кресла. Я смотрѣлъ на эту шею и въ душѣ моей съ новою силой поднялось чувство любви и ненависти къ ней.

«Какъ!—думалъ я,—эти завитки, шея, косы, все это будетъ не мое?... Всѣ это обмануло меня, надсмѣялось надо мной и теперь, въ эту минуту, дразнитъ меня своей красотой. Каждый завитокъ надсмѣхается надо мной и нарочно сводитъ меня съ ума. Вотъ она вся! Вся она тутъ и могла быть, *хотѣла* быть моей, а теперь не хочетъ и никогда не будетъ моей. И ничьей, ничьей!...» Вдругъ страшная, уродливая мысль промелькнула у меня: «Задушить,—подумалъ я, не сводя глазъ съ тонкой, бѣлой шеи,—задушить, и тогда не будетъ ничья: ни моя и, за то, ничья».

Я вздрогнулъ, сдѣлалъ еще шагъ впередъ, нагнулся и еще ближе сталъ всматриваться въ завитки на затылкѣ. Сердце неистово билось, въ вискахъ стучало, глаза, казалось, лопнутъ отъ напряженнаго вниманія. Я поднялъ руку и медленно сталъ приближать ее къ головѣ Вѣры, пристально, безсмысленно смотря на одинъ завитокъ, забившійся подъ воротникъ. Волненіе мое достигло крайнихъ предѣловъ, силы вдругъ измѣнили и рука внезапно опустилась на шею Вѣры. Но въ то самое мгновеніе, какъ дотронулся до нея, я какъ дикій звѣрь отскочилъ прочь и въ ужасѣ, оледенившемъ всѣ жилы, какъ вкопанный остановился на мѣстѣ.

Едва дотронувшись рукой до ея шеи, я почувствовалъ тотъ страшный, ни съ чѣмъ не сравнимый, металлическій холодъ, къ которому никогда нельзя привыкнуть.

Я въ ужасѣ озирался кругомъ, ничего не понимая и не въ силахъ сообразить. Наконецъ, взглянувъ снова на маленькую черную фигуру, меня снова ужаснула ея неподвижность. Въ одинъ прыжокъ я очутился около нея и, осторожно взявъ за плечи, тихо произнесъ:

— Вѣра! Вѣра!

Отвѣта не было.

Я началъ трясти сильнѣе, звать громче.

Отвѣта все не было, между тѣмъ какъ тѣло ея грузно колыхалось подъ моими руками.

Внѣ себя отъ страха и отчаянія, я схватилъ ее за талію и, приподнявъ голову, заглянулъ въ лицо. Глаза были неподвижно-открыты, зубы стиснуты, а тонкія брови болѣзненно нахмурены. Все лицо носило отпечатокъ мучительнаго страданія и вмѣстѣ рѣшительности. Я поспѣшно началъ трогать лицо, руки, шею; все было холодно, безобразно, безсмысленно холодно... Я приложилъ руку къ ея сердцу, но въ ту же минуту отдернулъ прочь и въ ужасѣ увидалъ, что вся ладонь моя была въ крови, между тѣмъ какъ несообразно тяжелое, похолодѣвшее тѣло ея грузно повисло на моей рукѣ. Я еще разъ взглянулъ ей въ лицо, крикнулъ «Вѣра!»—и безъ сознанія, какъ снопъ, повалился на полъ. Падая, я смутно разслышалъ, какъ что-то тяжелое мягко упало рядомъ со мной, и затѣмъ уже окончательно потерялъ сознаніе.

Когда я пришелъ въ себя, то оказалось, что я лежу на кушеткѣ въ гостиной, вокругъ меня суетятся, чѣмъ-то меня спрыскиваютъ, трутъ виски.

Первое, что мнѣ попалось на глаза, былъ большой уголъ желтаго шкафа, на который я безсмысленно уставился глазами. Я со страхомъ оглянулся на то мѣсто, гдѣ все случилось, но.... ея уже не было, стула тоже не было. Все было въ порядкѣ, точно ничего не случилось... Когда я окончательно оправился, меня подняли, отвели въ карету и, сдавъ на попеченіе Шамшина, отправили домой. Я ничего не возражалъ на всѣ эти распоряженія и послушно исполнялъ всѣ приказанія, не произнося ни слова.

Проболѣлъ я долго, около двухъ мѣсяцевъ. Хорошенько не знаю, что со мной было. Помню только страшные припадки боли въ сердцѣ, доводившіе меня до изступленія. Но въ промежуткахъ между ними я чувствовалъ небывалое, непобѣдимое равнодушіе ко всѣмъ и ко всему. Казалось, еслибы моя кровать загорѣлась, я бы и то не всталъ, и не потому, что мнѣ хотѣлось умереть,—нѣтъ, а потому, что мнѣ все равно было, что бы ни случилось. У меня не было никакихъ опредѣленныхъ мыслей или желаній: я ни жить не хотѣлъ, ни умирать тоже, ничего не хотѣлъ и ни о чемъ не думалъ, лежалъ и безсмысленно смотрѣлъ на какую-нибудь одну точку. Мерещилось мнѣ только лицо матери моей, съ тѣмъ грустнымъ выраженіемъ, съ которымъ она въ послѣдній разъ смотрѣла на меня, провожая изъ Т.

Шамшинъ почти ни на минуту не отходилъ отъ меня во все время моей болѣзни. Онъ ни о чемъ не спрашивалъ, ни о чемъ не говорилъ со мной кромѣ самыхъ необходимыхъ вопросовъ о лѣкарствѣ, о томъ, хочу ли я ѣсть, не хочу ли спать, и т. д. Разъ только онъ сказалъ мнѣ, что было письмо отъ моей матери и что онъ уже отвѣчалъ за меня. Я тоже молчалъ и даже боялся его немного,—боялся я, какъ бы онъ не заговорилъ *о томъ*... Мнѣ и хотѣлось знать, и страшно, невообразимо страшно было. Во время болѣзни у меня явилась странная способность засыпать безпрестанно и во всякое время, но сонъ этотъ ни мало не подкрѣплялъ и не освѣжалъ меня. Почти каждый разъ, какъ я засыпалъ, мнѣ снился большой, страшный уголъ желтаго шкафа. Онъ постепенно приближался ко мнѣ, выросталъ, выросталъ все шире, все выше, и чѣмъ ближе подходилъ, чѣмъ больше становился, тѣмъ сильнѣе наводилъ на меня невообразимый страхъ и ужасъ. Я дѣлалъ усиліе, чтобы двинуться, хотѣлъ бѣжать, но невидимая гигантская сила удерживала меня на мѣстѣ. Я сильно вздрагивалъ и въ страхѣ просыпался, дрожа всѣмъ тѣломъ, весь покрытый холодною испариной.

Еще я лежалъ въ постели, слишкомъ слабый, чтобы встать, какъ однажды услыхалъ тихій шепотъ въ сосѣдней комнатѣ. Разговаривалъ Шамшинъ съ докторомъ, вѣроятно думая, что я сплю.

— Можетъ прожить долго,—говорилъ докторъ,—а можетъ и умереть мгновенно, если будетъ волноваться.

— Какая же это болѣзнь?—дрожащимъ голосомъ спросилъ Шамшинъ.

— Аневризмъ-съ, вотъ какая!—отвѣчалъ докторъ, выходя въ прихожую.

Даже и это извѣстіе, что я могу умереть во всякую минуту, ни мало не взволновало и не огорчило меня.

Мало-по-малу, однакожь, я началъ поправляться, силы возвращались, припадки боли сердца прекратились и, наконецъ, я могъ ходить по комнатѣ.

Разъ послѣ обѣда, когда Шамшинъ сидѣлъ съ папиросой и безсмысленно уставился глазами въ затопленную печь, я медленно прохаживался по комнатѣ и, вдругъ остановившись противъ него, спросилъ:

— Шамшинъ, *она* умерла?

Онъ вздрогнулъ, быстро взглянулъ на меня и, сильно поблѣднѣвъ, тихо произнесъ:

— Да, Сережа.

— Отчего?

— Застрѣлилась.

— Оставила что-нибудь, записку?

— Оставила.

— Мнѣ?

— Нѣтъ, голубчикъ, никому. Просто такъ, объясненіе...

— Что же тамъ?

— Да послѣ, Сережа! Что объ этомъ толковать... Ты еще слабъ.

— Нѣтъ, ничего, меня эта неизвѣстность мучитъ. Я и хочу все знать, и боюсь спросить. А теперь ужь заразъ,—началъ, такъ ужь скажи!

— Ну, видишь ли, она оставила письмо матери. Пишетъ, что сама застрѣлилась, и проситъ, чтобы мать не горевала, не жалѣла. А потомъ... потомъ... еще...

Шамшинъ вдругъ, какъ ребенокъ, громко, звучно зарыдалъ и уткнулъ голову въ колѣни.

Я подошелъ къ нему и началъ гладить его короткіе, густые волосы.

— Глупо!... Эдакая я скотина!—сдавленнымъ голосомъ проговорилъ онъ,—не могу равнодушно говорить объ этомъ.

— Ничего, ничего. Ты мнѣ только доскажи ужь сразу!

— Ну, вотъ: оставила еще записку, ни къ кому не обращенную, въ которой говоритъ, что оттого не хочетъ жить, что больше ей нѣтъ выхода. *Тотъ*, знаешь, ее не любитъ, и она не можетъ и не хочетъ,—такъ и говоритъ и подчеркиваетъ: *не хочу*,— этого пережить. А тебя... тебя, говоритъ, сдѣлала несчастнымъ и поправить этого не въ силахъ. Однимъ словомъ, говоритъ, что жить такъ не можетъ, а переживать это трудно и не стóитъ...

— Больше ничего?

— Ничего.

— Ко мнѣ ничего больше не было?

— Ничего, голубчикъ!

Я машинально началъ тереть сердце, тоскливо занывшее въ груди, между тѣмъ какъ глаза горѣли и дѣлались все шире и суше.

— Сережа! ты бы постарался заплакать. Вѣдь, право, тебѣ бы легче было,—ни разу ты не плакалъ...

— Не могу, голубчикъ,—нѣтъ слезъ!... А что, отъ матери было еще письмо?

— Было, — внезапно потупляясь, сконфуженно произнесъ Шамшинъ.

— Ну, что же пишетъ?

— Очень больна,—сильно поблѣднѣвъ и мелькомъ, испуганно, взглянувъ на меня, сказалъ онъ.

Я все понялъ изъ одного этого взгляда.

— Ты, Шамшинъ, обманываешь меня, она умерла?—пристально глядя на него, спросилъ я.

Онъ вздрогнулъ, поблѣднѣлъ и, испуганно взглянувъ на меня, молча опустилъ голову.

— Ну, да, такъ и должно было быть! Одно къ одному... Да и хорошо,—по крайней мѣрѣ не будетъ мучиться, на меня глядя,—сказалъ я, самъ удивляясь тому флегматичному тону, которымъ произносилъ эти слова.

Шамшинъ молчалъ и, видимо, глоталъ подступавшія слезы.

— Да, вотъ я и одинъ... совсѣмъ одинъ на свѣтѣ. Sempre solo... помнишь, изъ Фауста? — говорилъ я, слушая самъ свои слова и чувствуя, точно ихъ говоритъ кто-то другой, чужой какой-то, а я только слушаю и смотрю, какъ въ печкѣ, по потухающимъ уголькамъ, перебѣгаютъ синіе огоньки.

— Послушай, Стрѣльцовъ!—вставая и кладя мнѣ руки на плеча, серьёзно проговорилъ Шамшинъ.—Пока я живъ, ты не одинъ,—я за тебя въ огонь и въ воду пойду! Однимъ словомъ, я—твой другъ, твоя собственность. Можешь всегда располагать мною и, главное, долженъ знать, что я тебя люблю всѣми силами моей души!—дрожащимъ голосомъ произнесъ добрый малый, обнимая и цѣлуя меня.

— Спасибо, голубчикъ! Но только я такой истуканъ сталъ, что просто этого не стою... Ты мнѣ вотъ что скажи, гдѣ мать-то мою схоронили?

— Тамъ же, въ Т. монастырѣ. Она сама тамъ пожелала.

— А ее?

— Увезли къ нимъ въ имѣніе.

Мы оба замолчали и неподвижно просидѣли такимъ образомъ весь остальной вечеръ.

Черезъ мѣсяцъ здоровье мое настолько укрѣпилось, что я уже могъ выходить на воздухъ.

Начиналась весна и приходила пора экзаменовъ. Я, впрочемъ, не помышлялъ о нихъ, слѣдуя совѣту доктора и, главное, мольбамъ и увѣщаніямъ Шамшина, не хотѣвшаго допустить мысли о возможности занятій для меня.

Рѣшено было, что я останусь на курсѣ еще на годъ и тѣмъ временемъ поправлю свое здоровье. Рѣшалъ все это, впрочемъ, не я, а мои товарищи, особенно нѣжно и внимательно относившіеся ко мнѣ во время моей болѣзни. Что же касается до меня, то моя апатія и равнодушіе ко всему продолжались все такъ же и приводили Шамшина въ страшное уныніе.

Въ срединѣ мая я, наконецъ, собрался отправиться въ Т., на могилу матери. Распростившись съ товарищами и обѣщавъ вернуться осенью, я сѣлъ въ вагонъ и быстро помчался по унылымъ равнинамъ Петербургской губерніи.

Пріѣхавъ наконецъ въ Т. и переночевавъ въ гостиницѣ, я разспросилъ дорогу въ монастырь и отправился отыскивать могилу матери. Разнообразныя впечатлѣнія, стукъ и шумъ отъ желѣзной дороги наполняли мою голову и я, какъ бы еще болѣе застывъ, безсознательно подвигался впередъ.

Войдя на монастырскій дворъ, я остановился, оглянулся кругомъ и, завидѣвъ бѣлѣвшіеся направо памятники, направился къ нимъ. Кладбище, на которое я вошелъ, было маленькое, необыкновенно уютное и сплошь покрытое только-что высаженными цвѣтами, густо разросшимися вокругъ памятниковъ. Побродивъ по дорожкамъ, я наконецъ нашелъ могилу, представлявшую изъ себя возвышенный бугорокъ, обложенный молодымъ дерномъ съ простымъ, воткнутымъ по срединѣ, деревяннымъ крестомъ, на которомъ написано было имя моей матери. Я молча всталъ на колѣни и, положивъ голову на сырой дернъ, усиленно старался сосредоточить свои мысли и чувства. Но всѣ старанія мои были напрасны. Къ моей непобѣдимой апатіи и угнетенію въ эту минуту присоединилась какая-то тупая тоска и невозможность сосредоточиться. Всѣ мои чувства были точно обрѣзаны, всѣ мысли какъ бы тянуло изъ головы въ разныя стороны, не давая въ нихъ углубиться или понять ихъ. Я приподнялъ голову и, стоя на колѣняхъ, уткнувшись локтями въ дернъ, подперъ подбородокъ обѣими ладонями и неподвижно устремилъ глаза въ небо.

Долго стоялъ я такъ, какъ вдругъ почувствовалъ чье-то мягкое прикосновеніе къ плечу. Я медленно поднялъ голову и увидалъ древняго, какъ лунь бѣлаго, монаха, ласково и внимательно смотрѣвшаго на меня своими большими, проникавшими въ душу глазами.

— Ты тутъ что дѣлаешь?—нагибаясь и заглядывая мнѣ въ глаза,—простодушно спросилъ онъ.

— Ничего, вотъ на могилу матери пришелъ,—отвѣчалъ я.

— Родная твоя мать?

— Родная.

— Что же, ты самъ вздумалъ или по чьему-нибудь внушенію пришелъ?

— Самъ,—равнодушнымъ тономъ отвѣчалъ я.

— Ты что это такой странный,—боленъ что ли?

— Былъ боленъ, а теперь здоровъ.

Онъ грустно покачалъ головой и, вдругъ взявъ меня обѣими руками за щеки, приподнялъ кверху мое лицо.

— Твое лицо мнѣ нравится!—ласково проговорилъ онъ.

Я молча, съ удивленіемъ, взглянулъ на него.

— Ты не тоскуй, не убивайся!—продолжалъ онъ убѣдительно.—Вѣдь самъ знаешь, все къ лучшему дѣлается.

Я молчалъ.

— Да ты что такой угнетенный,—горя что ли много?

— Да, много,—все такъ же монотонно отвѣчалъ я.

— А ты перенеси, да не такъ, не безчувственно перенеси,—разбуди душу и перенеси. Легче будетъ.

Я молчалъ и, тяжело вздохнувъ, перевелъ глаза съ монаха на большой мрачный крестъ.

Онъ отошелъ прочь, постоялъ немного, посмотрѣлъ на меня и спросилъ:

— Если я тебѣ надоѣлъ, скажи,—я уйду тогда.

— Нисколько!—искренно отвѣчалъ я, съ первой же минуты почувствовавъ къ нему то непреодолимое влеченіе и довѣріе, которое онъ вселялъ во мнѣ.

Старикъ просіялъ, подошелъ ближе и, усѣвшись на зеленомъ дернѣ, посадилъ меня рядомъ съ собой.

— Ты въ монастырь не хочешь?—вдругъ спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не хочу.

— Отчего?

— Да не знаю,—никогда объ этомъ не думалъ.

— А бывалъ въ монастыряхъ?

— Нѣтъ.

— Побывай, можетъ-быть понравится. Когда я былъ въ міру, я все бывало въ монастырь ходилъ къ службамъ. Бывалъ и въ другихъ церквахъ, и пѣвчихъ хорошихъ слушалъ, а все не то,— нѣтъ той теплоты, что́ въ монастырѣ.

— А хорошо жить въ монастырѣ?—спросилъ я..

— Въ монастырѣ?—Хорошо. Только трудно. Въ міру трудно, да и въ монастырѣ не легче.

— А молодые, какъ я, часто поступаютъ?

— Часто. Только толку въ этомъ мало.

— Почему?

— А потому, что ты еще молодъ, и если хочешь въ монастырь, горишь весь, такъ хочешь, — не ходи, обожди; а когда станешь остывать, успокоишься, тогда иди,—тогда можно!

— Да почему же?

— А потому, что если человѣкъ горитъ, сильно чувствуетъ, то не вынесетъ монастырской жизни, опять въ міръ уйдетъ.

— Да почему же въ міръ уйдетъ, если ему такъ въ монастырь хотѣлось?

— Все равно. Я тебѣ говорю: кто горитъ—не выдержитъ, въ міръ уйдетъ. Когда у насъ монахъ слишкомъ хорошо читаетъ, слишкомъ чувствуетъ, что читаетъ, его сейчасъ отстраняютъ, не даютъ читать,—если позволить читать, то не выдержитъ, непремѣнно въ міръ уйдетъ.

— А вотъ мнѣ можно въ монастырь,—я не горю и ничего не чувствую, стало-быть и въ міръ не уйду.

— Ты отчего же не чувствуешь ничего?... Это съ тобой съ младенчества, что ли, такъ?

— Нѣтъ, вотъ боленъ былъ,—съ болѣзни.

— Съ болѣзни?... Ну, это у тебя, Богъ дастъ, пройдетъ, это у тебя тоже болѣзнь. Ты не то что ничего не чувствуешь, а, значитъ, такъ сильно горишь, что и сообразить ничего не можешь. Все равно, когда руку обваришь, первое время вѣдь онѣмѣетъ рука, ничего не чувствуетъ, такъ и ты — онѣмѣлъ отъ боли... Это пройдетъ!

Чѣмъ дольше слушалъ я его, тѣмъ упорнѣе зарождалась у меня дикая, самого меня удивлявшая, мысль—остаться въ монастырѣ. Мысль эта все болѣе и болѣе поглощала меня и, нако-

нецъ, разгорѣлась въ непреодолимое, первое послѣ болѣзни зародившееся во мнѣ, желаніе.

— Отецъ мой!—вдругъ проговорилъ я.

— Что?

— Какъ вы мнѣ посовѣтуете, если я останусь у васъ въ монастырѣ?

Старикъ пристально, пытливо, взглянулъ на меня.

— Зачѣмъ?—серьезно спросилъ онъ.

— Хочется. Мнѣ давно ничего не хотѣлось, а этого хочется. Да и болѣзнь у меня такая, что если буду волноваться, то могу умереть, а у васъ такъ тихо.

— Кто тебѣ про болѣзнь сказалъ?

— Докторъ.

Старикъ неодобрительно покачалъ головой.

— А родные у тебя есть?... Что они скажутъ?

— Никого нѣтъ,—я одинъ.

— Въ монастырѣ, ты думаешь, развѣ легко?... Не вынесешь!

— Вынесу.

— Скажи мнѣ, что съ тобой?—спросилъ онъ, пригибая мою голову къ себѣ на плечо.—Какое горе у тебя? Мать умерла—только?

— Нѣтъ, еще!—дрожа, проговорилъ я.

Онъ продолжалъ молча, ласково гладить меня по головѣ.

— Еще было у меня горе,—едва произнося слова отъ волненія, проговорилъ я.—Любилъ я дѣвушку, а она... она умерла, страшно... безобразно умерла... застрѣлилась!...

— Господи помилуй!—перекрестился старикъ.

— Да, это было ужасно... Но это еще не все. Страшно то, что я одну минуту, секунду одну, подумалъ, только вѣдь подумалъ: что, еслибы задушить ее?.. Безобразная, скверная мысль это была!... И пришла-то она, когда ужь *та*, когда *она* ужь мертвая была. А я не зналъ, не подозрѣвалъ. Стало-быть сколько она уже вынесла, сколько страдала, мучилась, если рѣшилась на это, а я, я... мнѣ вдругъ вотъ что пришло въ голову!.. Вотъ и не даетъ мнѣ это покоя ни днемъ, ни ночью,—ни о чемъ думать не могу, ничего не чувствую...

Я началъ тоскливо качаться изъ стороны въ сторону, крѣпко сжимая нывшее сердце.

Вдругъ старичокъ-монахъ поднялся съ своего мѣста, всталъ противъ меня и, обхвативъ мою голову своими старческими ру-

-ками, крѣпко прижалъ ее къ своей груди, а частыя слезинки одна за другой такъ и полились изъ его глазъ.

— Перенесешь, вижу, что перенесешь горе свое!—дрожащимъ голосомъ проговорилъ онъ, цѣлуя меня въ лобъ и въ глаза.— А теперь пойдемъ,—тебѣ отдохнуть надо,—пойдемъ ко мнѣ въ келью!

Я еще разъ сталъ на колѣни у могилы матери, поцѣловалъ влажный дернъ и, поднявшись на ноги, послѣдовалъ за старикомъ-монахомъ.

Прійдя въ чистую, уютную келью, онъ уложилъ меня на свою кровать и, взявъ книгу, сѣлъ у окна и углубился въ чтеніе.

Долго лежалъ я, прислушиваясь къ слабому шуршанью перебираемыхъ монахомъ сѣрыхъ четокъ, и въ первый разъ послѣ болѣзни своей почувствовалъ необыкновенное успокоеніе и тишину на душѣ. Тоскливое чувство, постоянно мучившее меня, какъ бы заволоклось какою-то мягкой дымкой и давало свободнѣе дышать. Я чувствовалъ себя хорошо въ новомъ, уютномъ, надежно-спокойномъ и невозмутимомъ мірѣ. Казалось, въ него не могли проникнуть никакія житейскія страсти и треволненія, въ немъ исчезали всѣ прежнія мученія и воспоминанія.

Чѣмъ дольше я лежалъ, тѣмъ становился спокойнѣе, внутри меня устанавливалась какая-то мягкая тишина и я незамѣтно погрузился въ ровный, глубокій сонъ.

Проснулся я отъ сильнаго, громко разносившагося по монастырскому двору, звона колоколовъ, призывавшихъ ко всенощной.

Старикъ-монахъ стоялъ на колѣняхъ передъ аналоемъ, на которомъ лежало большое евангеліе и крестъ, и тихо бормоталъ молитву. Дождавшись, когда онъ кончилъ, я всталъ съ постели и подошелъ къ нему.

— Что, поспалъ, отдохнулъ немного?—ласково спросилъ онъ.

— Да, отлично отдохнулъ. А должно-быть я долго спалъ?

— Да, долго. Да это тѣмъ лучше,—тутъ ты славно, спокойно такъ уснулъ. Пойдемъ-ка въ соборъ ко всенощной!— прибавилъ онъ.—Въ церкви небось давно не былъ?

— Давно.

— Не хотѣлось?

— Да,—немного сконфузившись, отвѣчалъ я.

— Ну, да, я такъ и зналъ... Тебя можетъ-быть даже досада, злоба брала, когда ты мимо освѣщенныхъ церквей проходилъ?

— Да,—отвѣчалъ я, удивляясь тому, какъ онъ могъ догадаться о томъ, что происходило у меня въ душѣ и въ чемъ я самъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета.

— Ну, такъ... А теперь вотъ пойдемъ,—можетъ-быть тебѣ наша монастырская служба понравится.

Я согласился, и мы отправились ко всенощной.

Не стану описывать нашъ старый, добрый соборъ, который вы сами такъ хорошо знаете, отецъ Иванъ. Скажу только, что сколько бы я ни жилъ на свѣтѣ, никогда не забуду этой всенощной и того, что происходило въ моей душѣ въ тотъ вечеръ.

Я сталъ въ темномъ уголкѣ, гдѣ было довольно мало народу, и, прислонившись къ стѣнѣ, съ ребячьимъ любопытствомъ началъ присматриваться къ службѣ. Чѣмъ дольше я стоялъ, чѣмъ больше смотрѣлъ, тѣмъ сильнѣе привлекало меня все то, что я видѣлъ и слышалъ, и съ каждою минутой увеличивалась во мнѣ способность воспринимать звуки могучаго хора, отчетливо выдѣлявшаго и поднимавшаго въ моей душѣ чувство какой-то спокойной, неизъяснимой радости и жгучаго наслажденія. Я неподвижно стоялъ на одномъ мѣстѣ, прислонившись головой къ стѣнѣ и вперивъ глаза въ темную, синевато-туманную глубь алтаря. Наконецъ, я сталъ на колѣни и, уронивъ голову на полъ, внезапно, неудержимо разрыдался. Слезы эти были первыя *съ тѣхъ поръ*, но онѣ не мучили, не терзали,—напротивъ, чѣмъ обильнѣе лились изъ глазъ, тѣмъ болѣе облегчали и успокоивали мою наболѣвшую душу. Долго я лежалъ, не въ силахъ удержать рыданій, и слушалъ доносившееся до меня, сверху внизъ, спокойное, величественное пѣніе «Хвалите имя Господне», стройно разлетавшееся по собору.

Наконецъ служба кончилась и я съ удивленіемъ увидалъ, что всѣ выходятъ изъ собора. Я до такой степени забылъ все, до такой степени отдался весь своимъ новымъ впечатлѣніямъ, что съ какою-то болью и недоумѣніемъ встрѣтилъ дѣйствительность со всѣми ея, показавшимися мнѣ въ эту минуту ненужными, мелкими и противными, подробностями.

Въ дверяхъ собора меня встрѣтилъ старичокъ-монахъ, который привелъ меня въ соборъ.

— Ну, что, усталъ?—ласково спросилъ онъ.

— Нѣтъ, нисколько... Еще бы столько же съ радостью простоялъ!—живо отвѣчалъ я.

Онъ прищурилъ глаза, пристально взглянулъ мнѣ въ лицо и тихо, какъ бы про себя, сказалъ:

— Ну, вотъ и слава Богу! Я такъ и зналъ. Теперь тебѣ легче будетъ,—весело прибавилъ онъ.—Ты теперь куда же?

— Въ гостиницу,—отвѣчалъ я.

— А завтра зайдешь ко мнѣ?

— Если позволите.

— Что ты, что ты! Я очень радъ,—ты мнѣ понравился.

— Отецъ мой, у меня до васъ просьба!—съ волненіемъ проговорилъ я.

— Какая?

— Я хочу къ вамъ въ монастырь поступить.

— Зачѣмъ?—серьёзно спросилъ онъ.

— Хочется мнѣ очень. Я одинъ на свѣтѣ, никому не нуженъ. Да и противно мнѣ все мірское,—такъ бы я тутъ и остался.

— Не совѣтую,—слишкомъ ты поспѣшно рѣшился. Погоди, поживи въ міру, можетъ и раздумаешь.

— Нѣтъ, не могу,—противно мнѣ все тамъ. Не могу, *не умѣю* я жить въ міру!—съ увлеченіемъ отвѣчалъ я.

— Какъ хочешь,—задумчиво произнесъ онъ.—Только я думаю, что ты опять въ міръ уйдешь... Лучше погоди, попробуй себя, остынь, успокойся!

— Да я и такъ спокоенъ,—съ мольбой въ голосѣ возразилъ я.

Старикъ съ недовѣріемъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, не спокоенъ. Въ монастырь долженъ поступать человѣкъ съ спокойнымъ духомъ, отрѣшившійся отъ всего мірскаго,—отвѣчалъ онъ.

— Да вѣдь я отрѣшился! Мнѣ противно все мірское.

— Тебѣ противно отъ того, что тебѣ слишкомъ тяжело досталось все это мірское. Ты и теперь подавленъ своими мірскими чувствами, страстями и волненіями. Вотъ когда все это уляжется, тогда поступай.

— Это никогда не уляжется, если я не поступлю къ вамъ въ монастырь. Я здѣсь только и чувствую спокойствіе.

— Какъ знаешь, какъ хочешь,—грустно произнесъ онъ.—Попробуй.

Черезъ недѣлю, несмотря на убѣжденія старичка-монаха отложить мое намѣреніе, я рѣшился и поступилъ въ монастырь.

Сначала я испытывалъ великую радость и вмѣстѣ съ тѣмъ относился ко всему спокойно и отчетливо. Въ свободное время я часто навѣщалъ старичка-монаха и по цѣлымъ часамъ проводилъ въ разговорахъ съ нимъ. Ко всей братіи я чувствовалъ необыкновенное благоговѣніе и всѣ монахи, съ которыми я сталкивался, обращались со мной необыкновенно добродушно и съ видимымъ сожалѣніемъ смотрѣли на мое блѣдное, худое лицо. Все шло своимъ обычнымъ порядкомъ, казалось тихо и безмятежно; но чѣмъ болѣе проходило время, тѣмъ замѣтнѣе росло во мнѣ, ничѣмъ необъяснимое, томительное безпокойство. То успокоеніе, которое монастырская жизнь давала мнѣ въ началѣ, прерывалось все чаще и чаще и меня охватывало непреодолимое волненіе и безпокойство. Отрѣшившись отъ всего мірскаго, строго соблюдая монастырскія правила и постановленія, я не могъ вполнѣ отдаться этой жизни, не могъ заглушить прежнихъ воспоминаній и пріучить себя спокойно относиться къ мысли, что все уже кончено для меня въ этой жизни.

Меня попробовали поставить въ хоръ, пользуясь моимъ довольно звучнымъ теноромъ, но вскорѣ я долженъ былъ бросить пѣніе, такъ какъ всякій разъ, какъ я пѣлъ, сердце мое начинало болѣть и показывалась кровь горломъ.

Такъ прошло два года. Прошли они ровно, монотонно, безъ всякихъ внѣшнихъ событій и приключеній,—прошли какъ сонъ.

Только во мнѣ самомъ, въ моемъ внутреннемъ мірѣ, происходили частыя бури и волненія. Проснувшіяся во мнѣ въ ту первую всенощную, способности чувствовать и воспринимать впечатлѣнія усиливались съ каждымъ днемъ. Я не пропускалъ ни одной службы, не давалъ себѣ отдыха ни одной минуты, надѣясь такимъ образомъ усмирить, успокоить себя. Но ничто не помогало, возбужденіе росло, впечатлительность усиливалась и мнѣ становилось все труднѣе и труднѣе справляться съ самимъ собой. По ночамъ мнѣ часто снились страшные сны. Иногда мнѣ мерещился все тотъ же желтый уголъ шкафа, а иногда ясно представлялась вся послѣдняя сцена съ Вѣрой. Я видѣлъ ее такъ живо, такъ поразительно-ясно, что, просыпаясь, долго не могъ придти въ себя и ни о чемъ другомъ не могъ думать цѣлый день. Въ подобныя минуты я отправлялся на могилу матери и долго просиживалъ на ней. Сознаніе, что тутъ, не далеко, за какіе-нибудь три, даже можетъ быть за два аршина, лежитъ мать,—та самая, которая баловала, ласкала и до конца любила меня,—со-

знаніе это какъ-то особенно успокоительно дѣйствовало на меня и примиряло съ жизнью и со всѣмъ окружающимъ. Иногда, сидя на ея могилѣ, я крѣпко засыпалъ и просыпался болѣе спокойнымъ и равнодушнымъ ко всему. Когда я бывалъ въ соборѣ, то старался никуда не смотрѣть и никого не замѣчать. При видѣ свѣтлыхъ волосъ меня охватывало непобѣдимое волненіе и съ новою силой и ясностью начинало преслѣдовать воспоминаніе свѣтлой, пушистой головки съ завитками и длинными, мягкими косами. Я невольно.... Отецъ Иванъ! сейчасъ со мной случилось нѣчто ужасное... страшное: былъ въ соборѣ, увидалъ ее... Нѣтъ, не ее, но точно, точно она! Свѣтлыя косы, нагнутая голова и эта шея, эта самая шея... Та самая!!.. Но нѣтъ, нѣтъ,—лицо другое, не ея,—доброе, круглое,—не ея лицо. И глаза не тѣ! Тѣ, ея глаза,—я знаю, хорошо знаю и помню,—зеленоватые, блестящіе, какъ хрусталь прозрачные и холодные глаза!... Что было со мной, не могу передать. Не помню, что сказалъ, что сдѣлалъ,—знаю, что испугалъ ее, и знаю, что боюсь, боюсь опять встрѣтить ее. Это даромъ не пройдетъ,—не вынесу! Понимаете, не вынесу вида этихъ свѣтлыхъ, пушистыхъ косъ... Господи помилуй! Укрѣпи меня, избавь меня отъ этой поразительной тонкой шеи, отъ этихъ страшныхъ, ужасныхъ косъ!... Боюсь идти, а вѣдь завтра опять онѣ будутъ въ соборѣ. Боюсь... И тянетъ, непобѣдимо, страстно тянетъ, и страшитъ. Что-то будетъ, Господи!... А если онѣ не придутъ, если я не увижу больше этихъ свѣтлыхъ косъ, тогда больше не стоитъ... Не понимаю, что говорю. Простите, отецъ мой! Простите и поймите, вѣдь я до сихъ поръ люблю ихъ, эти свѣтлыя косы... Онѣ мои, онѣ составляютъ все, что есть у меня дорогаго въ жизни! Еще были глаза... прозрачные, зеленые глаза, но нѣтъ, больше нѣтъ ихъ, они не мои! Чужіе стали... большіе... чужіе... холодные!!..

Отецъ Иванъ замолчалъ.

— Это не окончено,—сказалъ онъ немного помолчавъ.—Онъ писалъ эти послѣднія строки наканунѣ происшествія съ вашей загорѣвшейся косой, въ тотъ вечеръ, какъ въ первый разъ встрѣтилъ васъ въ пустомъ соборѣ. Когда я сидѣлъ при немъ первую ночь, онъ все бредилъ и вспоминалъ свѣтлую косу, просилъ ее, плакалъ какъ ребенокъ, повторяя, что она одна у него осталась, что онъ одну ее любитъ на свѣтѣ. Тогда-то я и попросилъ сестру взять у васъ ваши отгорѣвшіе волосы и отдалъ

ихъ отцу Серафиму. Не могу передать вамъ его радости и волненія. Онъ взялъ ихъ, долго, молча гладилъ рукой, потомъ сталъ тихо, беззвучно цѣловать ихъ, между тѣмъ какъ слезы градомъ сыпались по его худымъ, прозрачнымъ щекамъ. Онъ, видимо, вспоминалъ дорогое прошлое, воображая, что это были ея, Вѣрочкины, волосы. Мало-по-малу рыданія его стали затихать, онъ откинулъ голову на подушку и закрылъ глаза. Я смотрѣлъ на него и боялся пошевелиться. Вдругъ онъ снова широко раскрылъ ихъ, съ удивленіемъ взглянулъ на меня, привсталъ, схватился рукой за сердце, глубоко вздохнулъ разъ, вздохнулъ другой и, свѣсивъ голову на грудь, тихо упалъ на подушки и скончался... Такъ прекратилась эта тихая, полная глубокихъ страданій, жизнь. Не даромъ говорится: «тихія воды глубоки!»—со вздохомъ прибавилъ отецъ Иванъ, свертывая тетрадь и пряча ее въ карманъ.

Никто ничего не отвѣчалъ.

Евгенія Петровна громко барабанила пальцами по стеклу, отвернувшись отъ всѣхъ и украдкой вытирая слезы. Женя лежала на диванѣ и громко рыдала. Я не плакала, но чувствовала, что виски мои хотятъ разломиться отъ жестокой боли.

Н. Коваленская.

Къ вопросу о преобразованіи волостныхъ судовъ *).

I.

Неудовлетворительность дѣйствующаго волостнаго суда.—Приговоры надъ нимъ.

Едва ли найдется на Руси такой человѣкъ, который сталъ бы слагать панегирики дѣйствующему волостному суду. Въ газетахъ иногда встрѣчаются такіе курьезные факты изъ дѣятельности этого суда, которымъ и сами редакціи не рѣшаются вѣрить. Такъ, будто бы, село Безобразовку, Аткарскаго уѣзда, посѣтилъ торговецъ красными товарами; у него одинъ изъ крестьянъ стащилъ кусокъ кумачу, но былъ пойманъ; волостной судъ наказалъ вора 25 ударами розогъ, а торговца за соблазнъ—50 (*Молва* 1879 г., № 350. Подобн. въ *Отечеств. Зап.* 1873 г., кн. 9, стр. 104). Въ нашихъ толстыхъ журналахъ тоже можно встрѣтить очень и очень нелестные отзывы о волостномъ судѣ. Г. В. Назарьевъ, напримѣръ, говоритъ, что волостной судъ «съ каждымъ годомъ падаетъ все ниже и ниже, даже перестаетъ быть смѣшнымъ» (*Вѣстн. Европы* 1879 г., кн. 5, стр. 141); и далѣе, для иллюстраціи такого отзыва, пишетъ: у крестьянина «по рѣшенію волостнаго суда отобрана лошадь, будто бы промѣненная имъ въ безчувственно-пьяномъ видѣ» другому, какъ говорится въ рѣшеніи суда, «вполнѣ достовѣрному мужику». «Тетка Акулина нѣсколько разъ прибѣгала къ ненавистному ей волостному суду, но никогда еще не приходила она въ такое не-

*) Вопросъ о волостныхъ судахъ такъ тѣсно связанъ со всѣмъ строемъ крестьянскаго самоуправленія, что, говоря о судѣ, нельзя не касаться самоуправленія вообще. Дѣлаемъ эту оговорку заранѣе, такъ какъ для разъясненія разсматриваемаго вопроса по необходимости придется затрогивать и другія стороны крестьянской жизни.

описанное ожесточеніе, какъ послѣ рѣшенія о пропитыхъ мужемъ воротахъ,—рѣшенія, по смыслу котораго съ нея же, Акулины, взыскивались какіе-то три рубля неустойки» (Ibid., стр. 163). Г. Назарьевъ, въ подтвержденіе своего отзыва о волостномъ судѣ, ограничился ссылкой только на нѣсколько безобразныхъ рѣшеній; Кротковъ же В. въ 1873 г. ни болѣе, ни менѣе какъ къ ряду въ трехъ книжкахъ *Отечественныхъ Записокъ* группировалъ факты, рисующіе волостной судъ въ темномъ цвѣтѣ. Поэтому, думаемъ, нѣтъ нужды намъ здѣсь вновь заниматься этимъ дѣломъ,—нѣтъ нужды вновь группировать для характеристики суда частные факты: дѣйствительная неудовлетворительность дѣйствующаго суда давно уже констатирована.

Но о чемъ же говоритъ печальное состояніе волостнаго суда? О полной ли неспособности мужика къ самоуправленію, къ самоустройству и, значитъ, о совершенномъ уничтоженіи волостнаго суда,—о необходимости ли для волости культурнаго поводыря, или о чемъ-нибудь другомъ?—На поставленные сейчасъ вопросы, обыкновенно, не затрудняются отвѣтомъ. Нѣкоторые стоятъ за полное уничтоженіе суда. Такъ К. Н. Ж. (*Юрид. Вѣстн.* 1873 г., 2 кн., стр. 8) послѣ грозной, къ сожалѣнію состоящей только изъ звонкихъ фразъ, филиппики противъ волостнаго суда восклицаетъ: «ясно, что сама среда, изъ которой выбираются волостные судьи, не въ состояніи дать людей способныхъ отправлять судебныя обязанности». За полное же уничтоженіе волостнаго суда высказываются и г. В. Кротковъ, подтверждающій свое мнѣніе массой фактовъ, собранныхъ имъ при сношеніяхъ съ крестьянами въ роли адвоката (*Отеч. Зап.* 1873 г., кн. 5, 7 и 8), и въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ (сапожковскомъ, скопинскомъ) гласные изъ крестьянъ (*Юридич. Вѣст.* 1872 г., кн. 10, стр. 118). Князь же Васильчиковъ, предлагая волостной судъ замѣнить общимъ мировымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендуетъ «предоставить одноличной власти волостнаго старшины (имѣющаго цензъ по воспитанію или имущественный) рѣшеніе дѣлъ до 30 руб. и до семидневнаго ареста» («О самоуправленіи», томъ I, глава XV). Наконецъ, хотя и въ исключительныхъ случаяхъ, и сами крестьяне съ волостными судьями вмѣстѣ отказываются отъ своего суда *).

*) I томъ, стр. 235, 425, 812, и др. томы. См. далѣе таблицу. Такъ коротко мы будемъ обозначать ссылки на «Труды коммиссіи по преобразованію волост-

Даже противники уничтоженія волостнаго суда, люди, относящіеся къ нему симпатично, и тѣ желаютъ или ограниченія предѣловъ его подсудности (Зарудный: «Законы и жизнь», стр. 216 и 217), или усиленія юридическаго контроля надъ нимъ со стороны привилегированныхъ классовъ *); а особая земская коммиссія изъ гласныхъ по Рязанской губерніи доказываетъ необходимость изъять изъ вѣдѣнія волостнаго суда всѣ дѣла уголовнаго характера (*Юридич. Вѣстн.* 1872 г., кн. 10, стр. 115 и др.). Только рѣдкіе, какъ, напримѣръ, г. Оршанскій («Изслѣдованія по русскому праву обычному и брачному», Спб. 1879 г.), отстаивая самостоятельность волостнаго суда, остаются болѣе послѣдовательными. Мы же идемъ далѣе его и потому считаемъ нужнымъ высказаться.

II.

Основная причина неудовлетворительности крестьянскаго самоуправленія.

Прежде, чѣмъ говорить о волостномъ судѣ въ частности, обратимся къ вопросу о причинахъ печальнаго состоянія вообще всего крестьянскаго самоуправленія. Когда заходитъ рѣчь объ этомъ предметѣ, обыкновенно, какъ на отдѣльныя, самостоятельныя причины его неудовлетворительности, указываютъ: на давленіе кулаковъ, основывающееся на экономической репрессаліи; на произволъ писаря и старшины, вытекающій изъ злоупотребленія властью и закономъ; на апатію крестьянъ, на ихъ халатное отношеніе къ выборамъ; наконецъ, на неразвитость, тупость мужика и на слабость его къ вину.

На нашъ взглядъ всѣ эти причины, по скольку онѣ вредно отражаются на крестьянскомъ самоуправленіи, суть уже второстепенныя, производныя одной главной причины, или точнѣе—ея

ныхъ судовъ». Римская цифра будетъ обозначать томъ, арабская—страницу. Для желающихъ знать, къ какой мѣстности относятся ссылки, приводимъ перечень губерній, которыхъ касаются „Труды коммиссіи".

I. Тамбов. губ. (стр. 1—810) и одна волость Рязанской (812—820). II. Владимірская (1—90) и Московская губ. (91—670). III. Ярослав. губ. (1—293), Костр. (299—438) и Нижегор. (439—458). IV. Харьков. губ. (1—234) и Полт. (235—701). V. Кіевская губ. (1—380), Екатеринос. (381—567). VI. Самарск. губ. (1—346), Саратовск. (347—664), Вологодск. (665—710) и Новгор. губ. (711—754).

*) Е. Якушкинъ: *Юридич. Вѣстн.* 1872 г., кн. 3, стр. 6.—П. Чубинскій и А. Кистяковскій: «Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край», т. VI, стр. IX, 27.

слѣдствіе. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ мы укажемъ такіе уголки въ народной жизни, въ которыхъ эта основная причина не имѣетъ мѣста, и оказывается, что при отсутствіи ея мужикъ не повиненъ ни въ пьянствѣ, ни въ тупости, ни въ халатности, ни въ апатіи. Произволъ писаря и старшины, правда, вытекаетъ изъ злоупотребленія властью и закономъ; но здѣсь непонятно, благодаря чему этотъ произволъ, не зная границъ, не находитъ отпора со стороны крестьянъ, и почему старшинами бываютъ всегда безчестные люди, а писарями — отъявленные плуты,— не все же грамотное населеніе деревни таково. Что же касается до экономическаго давленія кулаковъ, будто бы на столько сильнаго, что противъ кулака никто не смѣетъ пикнуть, то если такое давленіе на самоуправленіе и существуетъ въ сколько-нибудь *крупныхъ размѣрахъ*, то это, думаемъ, если не исключительный фактъ, то во всякомъ случаѣ не повсемѣстный. Наше крестьянство такъ или иначе обезпечено землей, и трудно представить большинство его въ лапахъ кулаковъ, тѣмъ болѣе, что между послѣдними земельные цари—явленіе новое; и если у кого крестьяне находились нерѣдко въ тяжкой земельной зависимости, то этотъ земельный царь былъ обыкновенно помѣщикъ, человѣкъ сторонній самоуправленію. Равно и денежный царь, подрядчикъ, въ большинствѣ живетъ тоже внѣ волости. Въ поголовной зависимости у мѣстныхъ кулаковъ находятся развѣ только мѣстности съ *сильно* развитымъ, въ ущербъ земледѣлію, кустарнымъ или фабричнымъ промысломъ. Но это, повторяемъ, далеко не повсемѣстное явленіе, между тѣмъ какъ несамостоятельность волостнаго суда, какъ докажемъ вскорѣ цифрами, почти повсемѣстна. Поэтому, если нерѣдко и наблюдается давленіе кулаковъ на самоуправленіе, то оно, думаемъ, черпаетъ главную свою силу, имѣетъ основаніе, не въ экономическомъ порабощеніи большинства населенія, а въ чемъ-нибудь другомъ. Намъ лично ближе извѣстны двѣ мѣстности Вологодской губерніи. Первая—с. Иванищевское и сосѣднія съ нимъ общества Шуйской волости, Тотемскаго уѣзда—чисто-земледѣльческая мѣстность; кулаковъ въ ней нѣтъ совершенно, масса «перебивается своимъ» и самостоятельна; заѣточные и бѣдняки въ незначительномъ меньшинствѣ. Другая мѣстность—Березниковская волость, Вологодскаго уѣзда, съ населеніемъ, занимающимся преимущественно отхожими промыслами; часть работниковъ на свои средства добирается до большихъ городовъ, другая беретъ задатки у пріѣзжихъ прикащиковъ и только

меньшинство—у мѣстныхъ мелкихъ подрядчиковъ; но и эти подрядчики стоятъ въ сторонѣ отъ дѣлъ волости. Несмотря на отсутствіе кулацкаго гнета, состояніе самоуправленія въ той и другой мѣстностяхъ печально. На сельскихъ сходахъ въ большихъ обществахъ ворочаетъ дѣлами небольшая кучка «горлановъ-ябедниковъ», людей не всегда даже «пробивающихся своимъ», а на волости вмѣстѣ съ ними царитъ старшина и писарь. Благодаря чему же эта незначительная кучка людей, даже не всегда «пробивающаяся своимъ», верховенствуетъ надъ міромъ, который, по старинной пословицѣ, «если зинетъ, то камень лопнетъ, лѣсъ къ землѣ клонитъ»? Пойдемъ постепенно какъ къ отвѣту на этотъ вопросъ, такъ и къ выясненію зависимости всѣхъ вышеуказанныхъ причинъ, вредно отзывающихся на самоуправленіи, отъ одной основной.

Прежде насъ удивляло то обстоятельство, что въ волостные старшины, при наличности честныхъ, разсудительныхъ мужиковъ, попадали или отъявленные негодяи, или люди, про которыхъ можно было съ увѣренностью сказать, что при первомъ удобномъ случаѣ будутъ таковыми же. Эти личности иногда садились въ старшины, благодаря не чьимъ-либо происканъ,—напротивъ, они иногда занимали эту должность противъ желанія, и даже горланы-ябедники были не на ихъ сторонѣ; значитъ, они избирались самимъ міромъ. Такіе факты намъ были непонятны и мы обратились за разъясненіемъ ихъ къ самимъ крестьянамъ. Какъ извѣстно, крестьянинъ не привыкъ даже самому себѣ давать отчетъ въ своихъ поступкахъ, тѣмъ менѣе привыкъ онъ точно и подробно объяснять смыслъ ихъ. Поэтому и на нашъ вопросъ мы не вдругъ получили удовлетворительный отвѣтъ. Обыкновенно отвѣчали: «кого ни сади (въ старшины), все одно будетъ»; или: «если этотъ и намотаетъ, то у него есть чѣмъ и отвѣчать». Такіе отвѣты насъ не удовлетворяли, такъ какъ въ средѣ крестьянъ мы видѣли зажиточныхъ людей и честныхъ. Но, наконецъ, и не однажды, услышали отвѣтъ, раскрывшій намъ глаза, объяснившій, почему волостное начальство составило себѣ такую дурную репутацію: «да какъ ты посадишь, — говорили намъ,—въ старшины настоящаго-то мужика,—согрѣшишь еще и съ нимъ-то: тамъ, братъ, на волости-то, не наши распорядки-то, своимъ умомъ далеко не уѣдешь: *все надо по закону*; вотъ и выбираешь человѣка-то на всѣ руки годнаго, тертаго, бывалаго». То же самое говоритъ и отвѣтъ: «Этотъ хоть и воруетъ, да дѣло-то («порядокъ-то») знаетъ».

Такими отвѣтами мы удовлетворились и глубокую правдивость ихъ увидимъ далѣе. Но почему же честный-то, разсудительный старшина способенъ накликать только грѣхъ, бѣду на волость?— Да дѣло просто. Не будемъ медлить отвѣтомъ. Честный старшина, т. е. не тертый, не годный на всѣ руки, сѣръ, а у такого мужика законъ съѣлъ не только всѣ хорошія духовныя стороны его природы, какъ умъ, инстинктивное пониманіе своихъ выгодъ, доброжелательность и др., но даже уничтожилъ въ немъ и физическое ощущеніе. Пусть прежде другихъ говоритъ за насъ г. Якушкинъ, человѣкъ видавшій мужика вблизи *). Якушкинъ, странствуя по Орловской губерніи, поздно вечеромъ набрелъ на сходку крестьянъ, собравшуюся позади деревни «въ скрытномъ мѣстѣ, чтобы кто не провѣдалъ, кому знать не должно, чтобы послѣ всему міру въ отвѣтъ не идти...» Такіе «незаконныя» сходки были не рѣдки; на разспросы о данной цѣли крестьяне объяснили: «До царской воли барину мы каждую весну носили яйца,—съ каждаго тягла приказано было носить. Вышла царская воля, и яйца запрещено намъ, мужикамъ, барину давать. Только намъ все словно опасно... Вотъ собрали мы сходку, положили собрать барину яйца и отдать кому слѣдуетъ... Хорошо. Забрали, снесли — ничего, Богъ помиловалъ, за тѣ яйца намъ никакого наказанія не было. Проходитъ малое время, выдаютъ намъ за тѣ яйца деньги... Теперь что съ тѣми деньгами дѣлать?» — «Что же, мало что ли заплатили за тѣ вамъ яйца?»—спрашивалъ я. — «Да не объ томъ рѣчь... Пропади пропастью совсѣмъ и деньги тѣ!... А что съ тѣми деньгами дѣлать? Возьмешь тѣ деньги — бѣда! Понесешь тѣ деньги въ барскую контору — опять бѣда!» («Великъ Богъ земли Русскія», *Соврем.* 1863 г., кн. 1, стр. 40 и 41). Якушкинъ далъ совѣтъ взять деньги. Но какъ мужики ни ломали голову, чтобы не погрѣшить противъ закона, дѣла не рѣшили. Съ такими же, или еще съ болѣе характерными подробностями Якушкинъ разсказываетъ, что мужики всѣми силами старались соблюдать «трехдневку, по закону уложенную». Поэтому въ четвертый день на недѣлѣ не шли *къ своему* барину работать даже за крупныя деньги. Они думали, что стóитъ только разъ сдѣлать оплошность, отступленіе отъ закона, и ихъ весь

*) Мы остановимся здѣсь можетъ-быть долѣе, чѣмъ слѣдуетъ, въ виду нѣсколько разъ слышаннаго нами возраженія, что мужикъ страшится не закона и бѣжитъ отъ столкновеній не съ нимъ, а съ чиновничествомъ, злоупотребляющимъ имъ.

вѣкъ заставятъ работать на барщинѣ 4 или 5 дней въ недѣлю (Ibid., 31 и 32). «Мужики,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Якушкинъ,—всячески хотятъ дѣйствовать по закону, по царской волѣ, но, къ несчастію, не всегда имъ это сходитъ съ рукъ». Помѣщикъ Орлов. губ., А**, предложилъ работать не три дня на барщину, какъ сказано въ Положеніи, а взять годовой урокъ на обработку извѣстнаго количества земли. Мужики не соглашались на предложеніе—не только потому, что урокъ былъ не легкій, но они говорили:—«Какъ же это такъ? Пріѣдетъ кто, спроситъ: «работаете ли вы, ребята, по-царски, какъ царь указалъ, справляете ли трехдневку?!»—Мы скажемъ: «нѣтъ, царской трехдневки не справляемъ».—«Отчего же вы царской воли не сполняете?»—спроситъ онъ. А мы опять: «баринъ не приказалъ справлять по-царски, а приказалъ по-своему, по-барски». — «А кто больше: царь или баринъ твой?—«Царь больше».—«Какъ же вы, скажетъ онъ, какъ вы смѣете не справлять царской воли, царскаго указу, а послушались барина?»—Что ты тутъ ему скажешь?!... *Вотъ и будетъ бѣда!*... И вышелъ изъ этого бунтъ, и бунтъ съ усмиреніемъ».

Еще одна длинная цитата, но характерность ея, надѣемся, искупитъ длинноту.—Якушкинъ въ кабакѣ завелъ рѣчь о волѣ. «Что ты, братъ!—отвѣчали мнѣ съ испугомъ мужики,—про волю не толкуй!—«Отчего же?»—«Наказывать будутъ».—«За что же?»—«Сказано тебѣ: объ волѣ толковать никакъ не моги!... Объ волѣ станешь толковать, безпремѣнно сѣчь станутъ. Все тутъ теперь тебѣ сказано» [4]). Толковать о волѣ пошли въ деревню, домой: «дома свои стѣны, не выдадутъ!» На совѣтъ Якушкина жить посмирнѣе, чтобы не привели солдатъ, отвѣтили: «Мы зарокъ сдѣлали все на себѣ переносить, а съ бунтовщиками расправляться своимъ судомъ». Но, несмотря на смиреніе, порки не миновали. Какъ? За что?... За бунтъ?—«Какой тамъ бунтъ!... Бунта никакого нѣтъ!»—Не можетъ быть, чтобы ни за что, ни про что наказывали,—вѣроятно, за какое-нибудь дѣло.—«А можетъ-быть и за дѣло какое; только это никому неизвѣстно». —Дѣло было просто: пріѣхалъ чиновникъ, собралъ сходку,—человѣкъ 300 пришло, — покричалъ, поругался. «А тамъ какъ крикнетъ: «всѣхъ сѣчь!...» Какъ сказалъ онъ то слово..., а ребята всѣ въ полѣ

4) Ibid., стр. 25. Въ другомъ мѣстѣ Якушкина просили отыскать такое мѣсто въ *Положеніяхъ*, гдѣ сказано, что читающаго ихъ велѣно безпремѣнно сѣчь (стр. 18).

пахали, въ своемъ клину подъ паръ землю подымали.... Что ты будешь дѣлать.... Поймали Матюшку, такъ мальченко лѣтъ 11... «Садись, молъ, Матюшка верхомъ, бѣги въ поле скорѣй, кличь народъ съ поля сѣчься!» Побѣжалъ верхомъ Матюшка въ поле, кличетъ: «стунай сѣчься!»—Ну, кто услышитъ,—сейчасъ лошадь изъ сохи, да и домой—сѣчься.... Пріѣхали всѣ домой, ихъ передрали, они опять уѣхали въ поле пахать, а чиновникъ въ Орелъ поѣхалъ... У насъ, братъ, бунтовать никто не соглашается!» (Ibid., стр. 26 и 27). Далѣе изъ разсказа оказывается, что мужикъ, изъ желанія не проштрафиться передъ закономъ, ударяющему по ланитѣ подставляетъ со рвеніемъ обѣ, не только въ своемъ дѣлѣ, но и въ чужомъ: въ данномъ случаѣ подъ розги безъ приглашенія легъ и крестьянинъ другой волости, работавшій по найму въ полѣ.

Не одинъ только Якушкинъ рисуетъ въ такомъ видѣ состояніе крестьянъ во время реформы. Демертъ, служившій по крестьянскому дѣлу,—значитъ, тоже личный наблюдатель,—представляетъ крестьянъ не людьми, а какими-то автоматами. Что заставитъ помѣщикъ, то и дѣлаютъ; позоветъ онъ ихъ къ себѣ соглашать, идутъ гурьбой и слушаютъ его часъ, два безъ шапокъ, не шелохнутся. Только фраза помѣщика: «по рукамъ что ли, любезные друзья?»—будила мужиковъ, и они безстрашно, точно по заученному,—отвѣчали: «бумагъ мы никакихъ подписывать не станемъ, а желаемъ жить по-старому!» Такъ отказывались даже отъ выгодныхъ предложеній и послѣ отказа готовы были вновь слушать помѣщика или посредника еще долѣе прежняго *).

Такіе факты были обыденны не только во время реформы, когда мужикъ, могутъ сказать, не успѣлъ забыть вчерашняго дня, но они обыденны и въ позднѣйшее время; и мужикъ уже, освоившійся со своею «сипаціею» (по Якушкину—эмансипація), *при столкновеніи съ закономъ*, гдѣ своимъ умомъ не далеко уйдешь, держитъ себя подобнымъ же образомъ. Г. Кротковъ разсказываетъ, что за совѣтомъ къ нему пришли крестьяне. Они въ одно прескверное утро узнали, что помѣнялись землей съ помѣщицей. Это дѣло устроила помѣщица при содѣйствіи посредника и волостнаго старшины. Земельное дѣло—кровное. Крестьяне вздумали хлопотать и такимъ образомъ идти противъ началь-

*) *Отеч. Зап.* 1869 г., кн. 9, „Новая Воля", стр. 28 и 50. Подобн. Н. Аристова, *Библіотека для чтенія* 1864 г., кн. 8, стр. 9, «Замѣтки о сельскомъ управленіи въ Россіи».

ства. Старшина, узнавъ отъ нихъ о такомъ преступленіи, прикнулъ: «Всѣхъ перепорю, — разсказываютъ потерпѣвшіе Кроткову.—Приходите, говоритъ, ужо въ контору!» Ну, пришли мы въ контору, потому коли нашъ начальство приказываетъ, ослушаться права не имѣемъ. Сталъ онъ насъ сѣчь; мы и говоримъ: «За что-жь это вы насъ, Юфимъ Ликсѣичъ, сѣчете?!»—«А я, говоритъ, самъ про то знаю. Это,—говоритъ,—не ваше, а мое дѣло». Такъ и высѣкъ.—Ну, а вы что-жь?—спросилъ авторъ.—Ну, што-жь? Встали да и пошли. Нешто дожидаться будемъ!» (*Отеч. Запис.* 1873 г., кн. 8, стр. 180, «Волостные суды»). Крестьяне не протестовали противъ порки, очевидно, не изъ боязни прогнѣвить начальство и, конечно, не подъ вліяніемъ сознанія, что ее заслужили. Кротковъ же разсказываетъ про старика, тягавшагося съ богачомъ изъ-за усадебной земли цѣлыя шесть лѣтъ. «Одиннадцать прошеніевъ было подано посреднику». Наконецъ старикъ дѣло выигралъ: богачу велѣно снести домъ, построенный на мѣстѣ разломанной имъ избенки старика. Старшина и богачъ предложили мировую съ условіемъ, чтобъ «избы не тревожить». Старикъ, не боявшійся осаждать прошеніями посредника, помнится, державшаго сторону богача, испугался мировой: «Да вотъ только боимся мы, чего намъ не было бы,—спрашиваетъ онъ у Кроткова,—за то, что мы съ нимъ помиримся. Боюсь, не остаться бы мнѣ виноватымъ, што ёнъ свое строенье сносить не будетъ» (Ibid., стр. 177).

Другой наблюдатель народной жизни, Лялошъ, сообщаетъ, что государственные крестьяне Ведлозерской дачи, Олонецк. уѣзда, такъ были довольны нарѣзываемыми имъ земельными надѣлами, что даже не рѣшались вѣрить, чтобы на нихъ могла свалиться такая благодать. Межевые чины убѣдили. Но изъ-за межъ вышло недоразумѣніе: новыхъ межъ не надо, а старую уничтожить. Дѣлопроизводитель убѣдилъ принять и новыя, выгодныя для ведлозеръ, межи, но онъ былъ безсиленъ убѣдить «дать руки» и принужденъ былъ составить актъ, въ которомъ говорилось: «Хотя крестьяне и довольны своимъ надѣломъ, но они боятся такое удовольствіе завѣрить письменно, ибо думаютъ, что если «дадутъ руки», то все пропало и имъ вѣкъ не увидать подсѣкъ, а платить за нихъ штрафъ до втораго пришествія». Только поднятые на смѣхъ сторонними добросовѣстными, явившимися засвидѣтельствовать этотъ актъ, ведлозеры дали руки («Община въ Олон. губ.», *От. Зап.* 1874 г., кн. 2, стр. 236). Котельничане ока-

зались еще политичнѣе ведлозеръ. Земство котельническое, съ цѣлью примѣромъ доказать крестьянамъ пользу удобренія полей костянымъ компостомъ, ввело въ волостяхъ земскія запашки; обработка ихъ производилась наемными рабочими. Эти запашки «были частью стравлены, какъ видно, вовсе не по нерадѣнію. Въ одномъ мѣстѣ, по удостовѣренію члена ревизіонной комиссіи, Бородина, «крестьяне поливали озимь на запашкѣ горячею водою, чтобы не было урожая. Побужденіемъ къ тому было ложное и нелѣпое убѣжденіе, что введеніе земскихъ запашекъ указываетъ на намѣреніе сдѣлать ихъ (крестьянъ) удѣльными» (*Слово* 1879 г., кн. 10, «Предвѣстники земской ликвидаціи», стр. 3.).

Далѣе. Въ чемъ дѣло у донцовъ? Почему они упорно отбиваются отъ земства и руками, и ногами?—Оказывается, что одною изъ причинъ этого крупнаго факта есть тотъ же страхъ передъ закономъ. Неустрашимые казаки, предъ которыми, будто бы, трепещатъ и турка, и французъ, боятся, что только прими они земство, какъ тотчасъ же по какой-нибудь статьѣ закона ихъ сравняютъ съ мужиками. «Въ большинствѣ станицъ Черкасскаго округа,—пишетъ мѣстный окружной начальникъ,—существуетъ подозрѣніе, что земскія учрежденія введены съ цѣлью подготовить казаковъ къ обращенію ихъ въ податное сословіе» *). «На распространенность между казаками такого убѣжденія», по словамъ *Недѣли*, указываетъ *Донской Голосъ*. Объ этомъ же страхѣ приравненія казаковъ къ крестьянамъ заявлялъ въ земскомъ собраніи гласный, г. Мордвиновъ (*Недѣля* 1880 г., № 4). Тотъ же страхъ передъ закономъ еще въ 1878 г. привелъ казаковъ 4-хъ станицъ Хоперскаго округа на скамью подсудимыхъ. Въ мѣрахъ правительства къ сбереженію лѣсовъ въ области Войска Донскаго казаки увидѣли посягательство на ихъ права на лѣсъ, несмотря на то, что въ мнѣніи государственнаго совѣта вездѣ говорится: «станичные лѣса составляютъ собственность станицъ». Поэтому казаки гнали правительственныхъ землемѣровъ (одного побили), явившихся разбить землю на участки, стражѣ пригрозили избіеніемъ и «запоемъ» принялись истреблять лѣса (*Недѣля* 1878 г., №№ 32 и 51).

---

*) *Русское Богатство* 1880 г., кн. 11, стр. 61. Еремѣевъ: «Донцы и земство».—Подобное же сообщали и начальники Донецкаго, Хоперскаго и 2-го Донскаго округовъ. См. ibid.

Приведемъ изъ массы подобныхъ фактовъ еще одинъ. Года три тому назадъ мы наблюдали въ Березниковской волости, Вологодскаго уѣзда, любопытный фактъ. Рѣшался вопросъ о передѣлѣ земель между сообщинниками, бывшими крѣпостными. Поднятъ былъ вопросъ, кажется, простой, обычный для крестьянина, но онъ не поддался рѣшенію, такъ какъ вопросъ былъ поставленъ на почву закона. Одни доказывали, что передѣлять землю, по закону, можно во всякое время; другіе говорили, что только при ревизіяхъ; третьи отрицали право на передѣлъ, доказывая, что земля теперь, по закону, стала уже частной собственностью; четвертые говорили, что собственностью она будетъ только по истеченіи 49 выкупныхъ лѣтъ, тогда-то-де и потеряемъ право на передѣлъ ея, тогда-то, по закону, земля на вѣки останется на рукахъ тѣхъ, у кого она ко дню выкупа будетъ находиться; по мнѣнію же пятыхъ, тогда земля обратно отойдетъ на тѣ дворы, которымъ нарѣзана была при освобожденіи. Мыслями всѣхъ въ данномъ случаѣ заправлялъ одинъ царь-законъ, но ясности и единства въ мысли онъ не привнесъ. Фактъ, наблюдаемый нами, какъ видно, не единичный: въ *Русскія Вѣдомости* (1880 г., № 173) изъ Одоева, Тульской губ., пишутъ, что крестьяне, у которыхъ на рукахъ много общественной земли, не передѣлявшейся со времени ревизіи,—эти крестьяне «льстятъ себя неосновательною надеждой на то, что земли, которыми пользуются 20 лѣтъ, по истеченіи срока выкупныхъ платежей останутся въ ихъ личномъ владѣніи».

Не правда ли, что мужикъ сѣръ, а умъ и многое другое у него законъ съѣлъ?... Крестьянинъ и самъ сознаетъ это: припомните его классическое—«мы люди темные». И онъ примѣняетъ это изреченіе къ себѣ, когда столкнется съ закономъ; при другихъ же условіяхъ онъ посылаетъ его по другому адресу: «дворянскій судъ дѣлъ нашихъ порядкомъ не разберетъ» (I, 12,102; III, 307; IV, 297; V, 45). «Мужикъ мужика всего лучше разберетъ» (IV, 323; V, 435). Но, къ сожалѣнію, чрезвычайно рѣдко крестьянину приводится быть зрячимъ,—законъ преслѣдуетъ его на каждомъ шагу. Крестьяне слободы Покровской, Новоузенскаго уѣзда, прогнѣвали мѣстную полицію. Она, охраняя крестьянъ отъ пожара, обязала ихъ росписки не хранить лѣтомъ въ слободѣ сѣна. Теперь уже осень, но «стóитъ увидѣть у кого-нибудь на дворѣ клочокъ сѣна,—тотчасъ актъ, а финалъ у мироваго судьи, раздающаго крестьянамъ внушенія за неисполненіе требованій полиціи со взыска-

ніемъ штрафа, глядя по человѣку. «Громко кашлянулъ мужикъ—штрафъ за нарушеніе общественной тишины и спокойствія; высморкался въ полу—несоблюденіе санитарныхъ условій; свинью по улицѣ пустилъ—такие подъискивается соотвѣтствующая статья Уложенія о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями» (*Нов. Вр.*, 28 ноября 1880 г. *). Если еще не читали, ознакомьтесь, читатель, съ прекраснымъ очеркомъ Энгельгардта («Изъ деревни», *От. Зап.* 1880 г., кн. 11), и вы составите себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, какъ далеко можетъ простираться опека закона надъ мужикомъ. Возьмемъ два-три примѣра. И риги, и амбары мужикъ долженъ строить на извѣстномъ, опредѣленномъ въ законѣ, мѣстѣ; даже клѣвушокъ для гусей можетъ оказаться выстроеннымъ на неузаконенномъ мѣстѣ. Кажется, что можетъ быть похвальнѣй борьбы съ хищными звѣрями? Но если мужикъ вздумаетъ бороться съ ними весной, онъ долженъ испросить и на это разрѣшеніе начальства, иначе, благодаря корыстной или безкорыстной рьяности блюстителей закона, онъ можетъ оказаться виновнымъ въ нарушеніи извѣстной статьи послѣдняго. Какъ далеко можетъ простираться рьяность блюстителей закона, лучше всего свидѣтельствуетъ извѣстный циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, разъясняющій, что гулянья и бесѣды деревенской молодежи не есть противозаконныя сходбища.

Министръ, съ примѣрною энергіей оберегавшій свое дѣтище отъ какихъ бы то ни было нападокъ на него въ печати, самъ сдѣлалъ ему публично выговоръ. Значитъ, прославляемое имъ дитя пошаливало не въ мѣру! И это—правда. Вмѣсто десятковъ единичныхъ фактовъ, что урядникъ, напр., въ Можайскомъ уѣздѣ поролъ крестьянъ, что другой въ с. Росоховецъ, Курской губ., формально принимаетъ на себя роль судьи, разсылая свидѣтелямъ и подсудимымъ повѣстки для явки въ судъ и расправляясь кулаками и шашкой съ ослушниками (*Порядокъ* 1881 г., №№ 34 и 12),—вмѣсто ряда единичныхъ такихъ фактовъ приведемъ только короткое газетное извѣстіе о преніяхъ по вопросу объ урядникахъ въ тверскомъ губернскомъ земствѣ. «Одинъ изъ гласныхъ указалъ на вмѣшательство урядниковъ въ выборы сельскихъ должност-

*) Невѣроятные факты! Но цитата взята изъ серьезной корреспонденціи,—заключаемъ это по другимъ частямъ ея. И чего не бываетъ подъ луною! Крестьяне Шуйской волости, Тотемскаго уѣзда, увѣряютъ, что ихъ мѣстный мировой штрафовалъ за явку къ нему въ камеру въ лаптяхъ или въ одеждѣ съ заплатами.

ныхъ; другой, онъ же мировой судья, заявилъ собранію, что онъ заваленъ отъ урядниковъ безсмысленными прошеніями по дѣламъ, только отвлекающимъ крестьянъ отъ постоянныхъ занятій. Въ урядники,—сказалъ онъ,—идутъ люди преимущественно непригодные ни къ чему и даже незнающіе быта крестьянъ. Въ одной изъ деревень Новоторжскаго уѣзда уряднику вздумалось потребовать, чтобъ «окуты» у избъ были сняты. Крестьяне тщетно упрашивали его оставить окуты въ виду холодовъ и ветхости избъ. Урядникъ знать ничего не хотѣлъ и съ помощью понятыхъ раскрылъ избы, причемъ одну изъ нихъ развалили совсѣмъ. Не понимая Строительнаго Устава, урядники требуютъ иногда переноса риги или избы въ другое мѣсто. На праздникахъ и на свадьбахъ урядники, вламываясь въ среду пирующихъ, не только стѣсняютъ, но зачастую даже разгоняютъ ихъ; то же бываетъ и на посидѣлкахъ зимою, и въ хороводахъ лѣтомъ. Надѣлавъ безпорядковъ, они же еще составляютъ акты и препровождаютъ ихъ къ мировымъ судьямъ. Урядники вмѣшиваются даже въ дѣла школы, *семьи* и производятъ неуказанные въ законѣ поборы» (*Порядокъ*, 1881 г., № 1).

Но какъ бы противозаконно ни было распоряженіе рьянаго начальства, темный мужикъ долженъ исполнять его безпрекословно. «Какъ ты его не послушаешь?—говоритъ г. Энгельгардтъ.—Можетъ онъ и правъ, а если и не правъ, какъ ты не послушаешься начальника, который находится при исполненіи своихъ обязанностей... Чѣмъ это пахнетъ?» (*Отеч. Зап.* 1880 г., кн. 11, стр. 51). Необходимость подчиняться всяческимъ распоряженіямъ начальства *Вѣкъ* иллюстрировалъ слѣдующимъ примѣромъ. Исправникъ высылалъ изъ одной волости 400 человѣкъ крестьянъ за 500 верстъ исправлять дорогу. Мужики заупрямились. «Ораторы-бунтовщики» были закованы въ кандалы; дѣло закончилось денежною сдѣлкой. «Случись это иначе,—говоритъ *Вѣкъ*,—т. е. не заплати мужики требуемой отъ исправника дани и не исполни его распоряженія,—тогда они подлежали бы наказанію по 306 ст. Уложенія о наказаніяхъ (зачинщики подвергаются заключенію въ смирительномъ домѣ отъ 2 до 3 лѣтъ). Исполнили они это распоряженіе исправника и потомъ жалуйся,— исправникъ вышелъ бы изъ дѣла цѣлъ и невредимъ, потому что онъ дѣйствовалъ по росписанію о натуральныхъ повинностяхъ» (*Вѣкъ* 1862 года, № 11, стр. 99). Справедливость этихъ предположеній *Вѣка* засвидѣтельствовалъ длинный рядъ процессовъ. И не мужикъ въ

такомъ положеніи потерялъ бы голову!... А начальникъ или урядникъ въ деревнѣ «во все вмѣшиваться можетъ, потому — подъ все законъ подведенъ. Ты и не думаешь, и не гадаешь,—анъ, смотришь, не по закону. Никогда ты не можешь знать, правъ ты или нѣтъ. Ну, и боится человѣкъ!» (Энгельг., *Отеч. Зап.* 1880 г., кн. 11, стр. 52).

Этой-то слабою стороной сермяжнаго крестьянства, этою боязнью его накликать на себя бѣду, погрѣшивъ противъ закона, воспользовались нравственныя паріи его общества, люди наживы, тертые, бывалые; это, по отношенію къ самоуправленію, Хлестаковы крестьянства, не Хлестаковы злостные,—Хлестаковы потому, что, ознакомившись немного съ закономъ, чуть-чуть болѣе окружающей ихъ массы крестьянства, они считаютъ себя, можетъ-быть, иногда даже искренно, большими законовѣдами. Поэтому они встрѣчному и поперечному—не только изъ крестьянъ, но и изъ другихъ сословій—тычутъ въ зубы закономъ; при этомъ часто, какъ и Хлестаковъ, не останавливаются передъ самою смѣлой импровизаціей. Благодаря этому, они и заправляютъ дѣлами крестьянства тамъ, гдѣ всѣ умственныя и нравственныя способности простаго, сѣраго мужика парализуются отъ соприкосновенія съ закономъ. На сельскомъ сходѣ кучка «горлановъ-ябедниковъ» (ябедникъ, какъ извѣстно, человѣкъ любящій заводить судебныя, тяжебныя, кручкотворныя дѣла),—кучка, не имѣющая никакого экономическаго давленія на крестьянство, осаживаетъ каждый протестующій голосъ не призракомъ исправника или становаго, а возгласомъ: «а не знаешь, что законъ-то гласитъ?» Такъ же дѣйствуютъ старшина и писарь на волостномъ сходѣ. Случилось мнѣ быть на волостномъ сходѣ, когда рѣшался вопросъ, прощать ли бывшему старшинѣ 500 рублей общественныхъ денегъ, на которыя онъ завелъ торговлю. Новый старшина, выбранный волостью совершенно свободно, но про котораго послѣ первой встрѣчи можно было не колеблясь сказать, что будетъ хуже прежняго, созвалъ сходъ, когда большинство населенія ушло уже на заработки. За часъ до схода въ отдѣльныхъ кучкахъ шли толки: «ребята, простить надо,—мужика-то придется раззорить; а намъ-то велика ли корысть,—почитай по двѣ копѣйки на душу достанется!»—«Да хоть бы по грошу досталось, прощать не слѣдуетъ: одному прости, другому прости, а третій и голову отъѣстъ, если ихъ не остепенить».—Другіе добавляли: «дѣло не въ деньгахъ, а не тронь мірской копѣйки!»—«Просите лучше

вина сразу,—говорили въ другомъ мѣстѣ,—а то и ничего не видать: вонъ вѣдь у К. (старшина той же волости, которому растраты не простили) дѣло-то десять лѣтъ по начальству ходитъ, а какая прибыль міру-то?»—«Ты, поди, отца съ матерью продашь за стаканъ-то!»—осадили убѣждавшаго... Пожалѣлъ я старшину: придется, думаю, разстаться съ кровными денежками. Но вотъ открытъ и сходъ. Новый старшина изложилъ по-своему дѣло и закончилъ: «ну, какъ рѣшить волость?»—«Гдѣ здѣсь волость-то? Однѣ старосты съ подручными» — раздался протестъ. Старшина поправилъ знакъ: «Кто тамъ сзади кричитъ? Хочешь говорить, иди къ столу! Я не позволю у себя на волости мутьянить: надо, чтобъ все было въ порядкѣ, по закону»... Никто не вышелъ. Незаконность схода (малочисленность) не была обнаружена *). Освойся мужикъ съ закономъ, какъ со своими порядками, или не пугайся его больше чѣмъ чумы, онъ разсчелся бы надлежащимъ образомъ не только со старшиной, но и съ тѣмъ начальствомъ, которое по 10 лѣтъ держитъ подъ сукномъ его заявленія. Вечеромъ мужики пили водку на улицѣ. Находились юмористы; они останавливали прохожихъ: «Эй, зайдите сюда, выпейте стаканчикъ! У насъ вино не простое, вы такого и не пивали: по сту рублей ведерко!» Были мужики, ушедшіе со схода, не притронувшись къ вину; это—обыкновенный фактъ. Но кто рѣшится призывать громы небесные и на голову того мужика, который согласился принять стаканъ вина вмѣсто рубля, отнятаго у него? Если и пропивается правда на сходахъ, то не массой крестьянства,—по крайней мѣрѣ въ знакомыхъ мнѣ мѣстностяхъ,—а кучкой «ябеды». Эта кучка настолько незначительна, что въ сельскомъ обществѣ, насчитывающемъ у себя 400 домохозяевъ, состоитъ не больше какъ изъ 15 человѣкъ; но, несмотря на свою незначительность, она ворочаетъ дѣлами схода, опиваетъ праваго и виноватаго, держитъ въ своихъ рукахъ неопытнаго старосту и даже сельскаго писаря, а на волостномъ сходѣ горланы-законники—правая рука писаря и старшины. Они не боятся закона,—даже питерскому чиновнику самодовольно хвастаютъ: «Допрежъ

*) Какъ деревенскіе воротилы пугаютъ мужика закономъ и одновременно беззаконничаютъ, нѣкоторое понятіе объ этомъ можетъ дать очеркъ Т. И. Шамоня «Деревенскіе воротилы и порядки (Замѣтки волостнаго писаря)». Очеркъ хотя не талантливый, но, развѣ лишь за немногими исключеніями, вѣрный жизни. *Русская Мысль* 1880 г., кн. 11 и 12.

сего бумагой пугали неграмотныхъ, словно становымъ *), либо дитю волкомъ; а теперь сами видимъ, что бумагой иной разъ и отъ волка, и отъ становаго отобьешься» (I, стр. 606). И вездѣ, гдѣ только темному мужику прямо или косвенно приходится имѣть дѣло съ грозною бумагой или страшнымъ закономъ, онъ голосу горлановъ-ябедниковъ подчиняется безпрекословно,—мужикъ слушаетъ не только ихъ, но и всякаго бывалаго человѣка. П. Ефименко говоритъ, что опороченные по суду имѣютъ не только мѣсто на сходахъ, но «напротивъ въ иныхъ случаяхъ мнѣніе опороченнаго принимается сходомъ, какъ отъ человѣка *ходоваго*, напрактикованнаго» («Народн. юридич. обычаи въ Архангельской губерніи», стр. 201). И какъ не слушать голоса такихъ людей! Вѣдь «сходъ мало придаетъ значенія своимъ опредѣленіямъ потому, что крестьяне привыкли видѣть на дѣлѣ, что по общественнымъ предметамъ осуществились не ихъ постановленія, а распоряженія начальства», поэтому они полагаютъ, что «дѣло то и безъ ихъ мужицкаго мнѣнія обойдется» (Ibid, стр. 198 **).

Припомнимъ же причины, обыкновенно приводимыя для объясненія неудовлетворительности крестьянскаго самоуправленія. Теперь, думаемъ, ясна зависимость всѣхъ ихъ отъ одной главной—отъ *страха* передъ закономъ. И апатія, и тупость крестьянская, и пьянство на сходахъ имѣютъ источникомъ эту главную причину. Мы уже обѣщали указать позднѣе такіе уголки въ на-

*) И самъ-то становой, замѣтимъ, такъ страшенъ былъ потому, что часто возилъ съ собой «бумаги».

**) Чтобы не быть одностороннимъ, считаемъ нужнымъ замѣтить, что вліянію и силѣ горлановъ способствуетъ еще побочное обстоятельство: эти люди *въ большинствѣ* „не виновные“, т. е. они принадлежатъ или къ такимъ семьямъ, члены которыхъ состоятъ или состояли на военной службѣ, или къ такимъ, которые послужили міру безъ вознагражденія въ хлопотливыхъ должностяхъ сельскаго старосты, сотскаго, сборщика податей и другихъ; а отъ этихъ должностей крестьяне бѣгутъ какъ отъ огня. Поэтому домохозяинъ, не имѣющій за собою послуги передъ міромъ, боится поднимать и голосъ: горланы, крикнувъ: „да ты, братъ, виновенъ передъ міромъ, послужи-ка ему!“—обварятъ такою фразой какъ кипяткомъ; поэтому нерѣдко молчатъ, не возражаютъ противъ этой «ябеды» ужь ради того, чтобы не привлечь на себя вниманія'ея. Но вѣдь „невиновныхъ“ передъ міромъ въ обществѣ съ 400 домохозяевами не 15 человѣкъ (къ невиновнымъ кромѣ «заслуженныхъ» относятся и домохозяева „одиночки“, т. е. въ семьѣ которыхъ одинъ работникъ-мужчина). Есть не мало людей «невиновныхъ» въ то же время честныхъ, толковыхъ, посѣщающихъ сходы, но не поднимающихъ голоса тамъ, гдѣ дѣло можетъ быть поставлено на почву закона, этого невѣдомаго, неразгаданнаго крестьяниномъ существа, нерѣдко карающаго «темныхъ людей» за неумѣлое обращеніе съ нимъ.

родной жизни, гдѣ мужикъ, при отсутствіи ея (причины), является совершенно другимъ. Всесиліе кулака и горлана-ябедника, писаря и старшины имѣетъ мѣсто благодаря этой основной причинѣ. Она же объясняетъ и почти полное отсутствіе честныхъ людей между выборными отъ крестьянъ.

Чѣмъ же питается и благодаря чему живетъ страхъ мужика передъ закономъ? Въ силу какихъ обстоятельствъ произволъ и оргіи ябедниковъ съ каждымъ годомъ принимаютъ большіе и большіе размѣры?—Это вопросы крайне интересные и важные. Но отвѣтъ на нихъ не входитъ въ планъ нашей статьи,—онъ отвлекъ бы насъ въ сторону отъ главнаго предмета рѣчи—отъ волостнаго суда. Но мы думали было нѣсколькими характерными фактами напомнить читателю, какъ съ одной стороны невѣроятно-жестоко карался каждый нетактичный шагъ крестьянина, а съ другой—какія безбожныя, безчеловѣчныя злоупотребленія писаря, старшины и подобныхъ имъ оставались безнаказанными. Но мы затруднились въ выборѣ единичныхъ фактовъ: такая ихъ масса и настолько каждый изъ нихъ своеобразно-характеренъ, что не знаешь, которымъ отдать предпочтеніе. При остановкѣ на этихъ фактахъ они произвели такое тяжелое впечатлѣніе, что у насъ появилось болѣе чѣмъ простое желаніе скорѣй, скорѣй пройти мимо этой печальнѣйшей страницы послѣдняго двадцатилѣтія. Къ сожалѣнію, мы встрѣтимся съ аналогичной, хотя сравнительно и очень блѣдной, картиной въ жизни волостнаго суда. Обратимся къ нему.

III.

Непосредственный результатъ опеки волостнаго суда со стороны мировыхъ посредниковъ и другихъ культурно-административныхъ учрежденій и лицъ.

Рѣчь о волостномъ судѣ начнемъ знакомствомъ съ дѣятельностью опекуновъ его. Посмотримъ, что сдѣлали для волостнаго суда «естественные» охранители и уяснители принциповъ крестьянскаго самоуправленія, его культурные поводыри, къ усиленію контроля которыхъ многіе такъ взывали и взываютъ. Прежде всего мы видимъ, что писаря и старшины могли съ нихъ брать примѣръ безцеремоннаго обращенія съ судомъ. Е. Якушкинъ (*Юрид. Вѣст.* 1872 г., кн. 3) и г. Демертъ вмѣстѣ съ г. Кошелевымъ («Новая воля», *Отеч. Зап.* 1869 г., кн. 11, стр. 217 и 222) говорятъ, что уничтоженіе однимъ почеркомъ посред-

ническаго пера безъапелляціонныхъ приговоровъ волостнаго суда было фактомъ обыденнымъ и повсемѣстнымъ; что посредники не стѣснялись диктовать судьямъ рѣшенія и даже письменно излагали свои требованія,—значитъ, не опасались давать судьямъ въ руки вещественное доказательство своего беззаконія. Г. Оршанскій въ «Изслѣдованіяхъ по русскому праву обычному и брачному», цитируя «Труды коммиссіи по преобразованію волостнаго суда», приводитъ рѣшенія губернскихъ присутствій, ставящія на видъ посредникамъ, что они, посредники, не имѣли законнаго права, напримѣръ, «категорически указывать волостному суду, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ рѣшить данное дѣло», равно не имѣли права и штрафовать судей «за неправильное по существу рѣшеніе, за неправильное мнѣніе» (стр. 30). Далѣе г. Оршанскій указываетъ, что присутствія иногда отмѣняли порядки, установленные съѣздами,—порядки, препятствовавшіе подачѣ жалобъ на волостной судъ. «Но такое умѣряющее направленіе дѣятельности съѣздовъ,—добавляетъ Оршанскій,—губернскія присутствія даютъ сравнительно въ весьма немногихъ случаяхъ»; вообще и присутствія, и съѣзды солидарны (Ibid., стр. 30). Личные наблюдатели, какъ, напримѣръ, В. Кротковъ, рисуютъ дѣятельность посредниковъ болѣе яркими красками. Старшина, напримѣръ, на заявленіе недовольства судомъ смѣло говоритъ: «Куда хошь иди (съ жалобами), а что мы съ посредникомъ сдѣлали, то и будетъ» (*Отеч. Зап.* 1873 г., кн. 5, стр. 20); или: «Куда подавать (жалобу)! Я—самъ енаралъ-полковникъ» (Ibid., стр. 21). Посредникъ же рѣшившемуся жаловаться на енаралъ-полковника внушаетъ: «Если ты жалобу въ съѣздъ подашь, я тамъ буду и твою жалобу къ чорту выкину; а если еще куда полѣзешь, еще хуже тебѣ будетъ!» (Ibid., стр. 21). И вотъ мы видимъ, что старшинъ Бронницкаго уѣзда г. посредникъ пожаловалъ правомъ утверждать или отмѣнять приговоры волостнаго суда (II, 412, 405 и 439). Хотя это и неоффиціальная, и непоказная дѣятельность посредниковъ и смѣнившихъ ихъ присутствій, но она читающему газеты и журналы хорошо извѣстна, поэтому не будемъ на ней долѣе останавливаться; обратимся къ дѣятельности оффиціальной, показной, но, кажется, менѣе извѣстной, чѣмъ первая. Здѣсь естественно ожиданіе, что эта кассаціонная дѣятельность посредниковъ, какъ дѣятельность корпораціи, а не единицъ, можетъ-быть и помогала судьямъ становиться въ болѣе правильныя отношенія къ закону, помогала имъ уяснять свои

обязанности, свои права. Къ сожалѣнію, на дѣлѣ оказывается противоположное. Г. Оршанскій въ своей, уже выше названной нами, книгѣ цѣлыя тринадцать страницъ занялъ примѣрами противозаконныхъ рѣшеній мировыхъ съѣздовъ. Воспользуемся нѣкоторыми изъ его данныхъ. Будемъ при этомъ помнить, что какъ дѣла по наслѣдству, такъ и другія тяжбы, при отсутствіи формальныхъ сдѣлокъ и обязательствъ, законъ предоставляетъ суду рѣшать на основаніи мѣстныхъ обычаевъ (38 и 107 ст. Полож. 19 февраля). Съѣзды же посредниковъ и губернскія присутствія какъ будто и не знаютъ о существованіи этихъ статей. Они кассируютъ рѣшенія волостныхъ судовъ по дѣламъ о наслѣдствѣ, напр., на томъ основаніи, что рѣшеніе основано-де на духовномъ завѣщаніи не формальномъ *) (Оршан., стр. 17), или что въ силу закона всѣ ближайшіе родственники должны участвовать въ раздѣлѣ наслѣдства (Ibid., стр. 21 и 22). Не менѣе нелѣпы и противузаконны и кассаціи по дѣламъ о долговыхъ обязательствахъ. Волостной судъ опредѣлилъ взыскать долгъ съ односемейныхъ (наслѣдниковъ тожъ) умершаго должника; мировой съѣздъ отмѣняетъ рѣшеніе и *предписываетъ* взыскать долгъ съ поручителей (Оршанск., стр. 70). Другой съѣздъ кассируетъ рѣшеніе потому, что волостной судъ присудилъ долгъ на основаніи свидѣтельскаго показанія (Ibid., стр. 18). На 22 стр. г. Оршанскій указываетъ два примѣра отмѣны рѣшеній волостнаго суда о взысканіи долга за то, что не обращено вниманія на давность. Наблюдая въ дѣйствительной жизни, что крестьяне ссужаютъ безъ всякихъ росписокъ и безпроцентно другъ друга, иногда даже крупными, по крестьянству, суммами и не торопятъ нуждающагося должника уплатой долга, невольно спрашиваешь себя при чтеніи такихъ кассацій: неужели не миновалъ еще для Россіи XVII вѣкъ? Тогда, «въ 1635 году, велѣно было биричамъ прокликать повсюду, чтобы никто взаймы денегъ, хлѣба, кодъ

*) На сколько такое рѣшеніе противорѣчитъ крестьянскимъ обычаямъ, могутъ съ нѣкоторой убѣдительностью показать слѣдующія строки изъ книги профессора Пахмана—„Обычн. гражд. право въ Россіи“: „Завѣщанія въ крестьянскомъ быту бываютъ не только письменныя, но и словесныя: тѣ и другія существуютъ совмѣстно и пользуются одинаковою силою. Изустныя завѣщанія во многихъ мѣстахъ пользуются между крестьянами большимъ уваженіемъ, какъ „благословеніе умирающаго“ (т. 2, стр. 314). Далѣе, на страницѣ 334, г. Пахманъ указываетъ, для примѣра, 91 волость, гдѣ словесныя завѣщанія дѣйствительны, а на 315 стр. — 29 волостей, гдѣ письменныхъ завѣщаній не существуетъ вовсе.

залогъ платья, лошадей и всякой рухляди и никакой посуды *безъ кабалъ и безъ памяти* никому не давалъ и не ссужался» (Зарудный: «Законы и жизнь», стр. 40). Этотъ кличъ нынѣ кличутъ посредники и присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, заставляя мужика руководствоваться закономъ тамъ, гдѣ онъ имѣетъ право слѣдовать обычаю. Вотъ еще нѣсколько курьезовъ изъ дѣятельности «охранителей принциповъ крестьянскаго самоуправленія». Такъ, поводомъ для кассаціи служатъ: опредѣленіе очень строгой, по мнѣнію съѣзда, мѣры наказанія (Оршанск., стр. 22); взысканіе по побоямъ болѣе 3 рублей (убытки) въ пользу обиженнаго (Ibid., стр. 23, пять примѣровъ); несоблюденіе волостнымъ судомъ «никакихъ закономъ установленныхъ формъ» (не указано, какихъ; Ibid., стр. 27). Кассируются рѣшенія и потому, что не видно изъ нихъ, было ли предложено сторонамъ окончить дѣло примиреніемъ (три примѣра; ibid., стр. 20), и потому, что не изложены въ нихъ съ достаточною полнотой обстоятельства дѣла, отзывъ сторонъ и показанія свидѣтелей (Ibid., стр. 21 и 25; четыре примѣра). Наконецъ, неподсудными волостному суду признаются дѣла о неплатежѣ наемныхъ денегъ хозяиномъ рабочимъ, хотя хозяинъ и рабочіе—крестьяне (Ibid., стр. 24); неподсудно и дѣло о побояхъ, нанесенныхъ старшимъ работникомъ у помѣщика младшему,—не подсудно, видите ли, потому, что старшій работникъ—начальство и побои нанесены при исполненіи имъ обязанностей службы (Ibid., стр. 28).

Способна ли такая кассаціонная и руководительская дѣятельность уяснить судьямъ ихъ права и обязанности, освободить ихъ (судей) отъ страха передъ законовъ? Но было бы еще благодатью для судей, еслибы кассаціонная инстанція ограничивалась только навязываніемъ суду закона и его извращеніемъ. Но культурные поводыри, допуская непростительныя ошибки сами, задаютъ судьямъ встрепки нерѣдко даже и безвинно. Волостной судъ присудилъ убытки за отказъ вступить въ бракъ. Съѣздъ нашелъ дѣло неподсуднымъ (?) и за превышеніе власти (?) подвергъ судей взысканію (Оршанск., стр. 25). На судей наложенъ денежный штрафъ за то (поймите, читатель!), что «не вывели никакой законности своего разсужденія по заявленію старосты въ отсутствіи разбора и оцѣнки условія, между зятемъ и тестемъ существующаго» (Пахманъ: «Обыч. право», т. II, стр. 205). Волостной судъ два раза оправдалъ крестьянъ, обвиняемыхъ въ самовольномъ забраніи телѣги у крестьянки, не огородившей

своего огорода. Мировой съѣздъ при вторичной кассаціи опредѣлилъ, что если судьи еще разъ осмѣлятся признать преступленіе и насиліе народнымъ обычаемъ, то будутъ преданы суду по строгости закона (Оршанск., стр. 20). Сенатъ въ этомъ дѣлѣ всталъ на сторону волостнаго суда. Въ Богородскомъ уѣздѣ «мировой посредникъ сажалъ судей за неправое, по его мнѣнію, рѣшеніе дней на семь въ полицію. Теперь мужикъ, какъ отслужитъ судьею свой одинъ годъ, какъ не попадетъ въ отвѣтственность или въ полицію, такъ и слава Богу, уже болѣе въ судьи не пойдетъ» (II, 154).

Посредники давно уже замѣнены присутствіями по крестьянскимъ дѣламъ. — Данныхъ о кассаціонной дѣятельности послѣднихъ, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ. Но и эти учрежденія, смѣнившія посредниковъ, не пользуются хорошею репутаціей. Г. Кошелевъ, напримѣръ (*Голосъ*, сентябрь 1880 г.), говоритъ, что они даже ниже института посредниковъ. Ѳ. Ворапоновъ (*Слово* 1879 г., кн. 7, стр. 67 и 64) пишетъ, что «жалобы на уѣздныя присутствія теперь слышатся отовсюду», и что теперь «крестьянское самоуправленіе превращается лишь въ одну изъ частей уѣзднаго полицейскаго управленія». Напримѣръ, исправникъ Ряжскаго уѣзда, т. е. членъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, въ 1877 г. издалъ инструкцію, въ которой значится, что волостной судъ «не въ правѣ отказать волостному старшинѣ или сельскому старостѣ въ разборѣ дѣла и постановленіи приговора о тѣхъ крестьянахъ, которые, по указаніямъ старшины или старосты, окажутся несостоятельными къ платежу податей вслѣдствіе нерадѣнія» и т. д. (*Слово* 1879 г., кн. 7, стр. 65. Ѳ. Ворапоновъ). За такую инструкцію исправникъ подвергся административному взысканію; но это не столь важно: важнѣй—существованіе подобной инструкціи. «Только сильною привычкою къ подобному порядку,—замѣчаетъ г. Ворапоновъ,—можетъ объясниться самая возможность появленія смѣлыхъ письменныхъ инструкцій, въ родѣ цитированной нами» (Ibid., стр. 66). И дѣйствительно, она—не исключительное явленіе. Распространенность вмѣшательствъ въ дѣла крестьянъ вызвала даже особый циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ; въ этомъ циркулярѣ губернаторамъ отъ 6 октября 1878 г. онъ писалъ: «Цѣль настоящаго распоряженія состоитъ въ томъ, чтобы крестьяне не были принуждаемы къ исполненію такихъ повинностей, которыя не возлагаются на нихъ самимъ закономъ или не принимаются ими на себя дѣйствительно созна-

тельно и добровольно». Циркуляръ изданъ въ 1878 году, а въ *Недѣлѣ* за 1879 г. (№ отъ 16 сентября) читаемъ, что тамбовскій исправникъ разослалъ по волостямъ предложеніе обсудить на сходахъ вопросъ о замѣщеніи должностей сотскихъ и десятскихъ преимущественно отставными солдатами, съ назначеніемъ жалованья: сотскому 50 р., а десятскому 25 р. Причемъ добавлено, что если сходы не примутъ этихъ предложеній, то они будутъ введены помимо ихъ, съ отнесеніемъ расходовъ на счетъ крестьянъ; становые же могутъ выдвигать оффиціальныя кандидатуры. Вотъ и болѣе поздніе свѣдѣнія о дѣятельности присутствій. Беремъ только одинъ *Русск. Вѣдом.* и только за одинъ іюль 1880 г. Пронскій предсѣдатель присутствія «безъ всякаго къ тому повода, и лишь единственно по своему и своего секретаря усмотрѣнію, нимало не стѣсняясь тенденціозностью своихъ распоряженій, кассировалъ выборы (уполномоченныхъ отъ крестьянскихъ обществъ въ земскія учрежденія) въ семи волостяхъ и назначилъ новые для выбора сходы» (*Русск. Вѣдом.*, № 180). Рузское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе не разсмотрѣло до сихъ поръ дѣла о растратѣ старшиной Клементьевской волости 2.000 руб. мірскихъ денегъ, — дѣла, возникшаго 8 лѣтъ тому назадъ (*Русск. Вѣдом.*, № 192). То же присутствіе изъ 8 человѣкъ сборщиковъ податей и сельскихъ старостъ, обвинявшихся въ растратахъ мірскихъ суммъ, только противъ одного возбудило дѣло, остальныхъ удаливъ лишь отъ должностей; старшинѣ же Клочкову за денежную контрибуцію, производимую имъ систематично въ свою пользу съ волости, сдѣлало *лишь* выговоръ (*Русск. Вѣдом.*, № 171). Знать, присутствія до сихъ поръ примѣняютъ въ жизни воззрѣнія печальной памяти посредниковъ; послѣдніе, охраняя авторитетъ власти, говорили: «какъ же власть хоть и эту (сельскаго старосту) можно смѣнять (за растрату) по жалобѣ мужиковъ» (Якушкинъ, *Совр.* 1863 г., кн. 1, стр. 47).

Посредники и по крестьянскимъ дѣламъ присутствія существуютъ спеціально для опеки надъ крестьянами, а въ томъ числѣ и надъ волостнымъ судомъ; на голову бѣднаго, «темнаго» волостнаго судьи свалился не одинъ посредникъ. Кто только не опекаетъ этого бѣднаго Макара, кто только не помыкаетъ имъ! Мир. судья, В. Назарьевъ, говоритъ: «Явилось даже какое-то, не имѣвшее законнаго основанія, но все болѣе и болѣе входившее въ обычай — подчиненіе волостныхъ судовъ мировымъ судьямъ; даже

установился контроль послѣднихъ надъ первыми, такъ что нѣкоторые изъ судей, при передачѣ дѣлъ на волостной судъ, требовали копій съ постановленныхъ по тѣмъ дѣламъ рѣшеній» (*Вѣстн. Евр.* 1879 г., кн. 5, стр. 133). Эта опека мироваго, въ глазахъ крестьянъ—стража закона, оказываетъ свое дѣйствіе: «волостной судъ разбираетъ споръ между супругами по нежеланію жены жить съ мужемъ (по неспособности его къ сожитію) и, вслѣдствіе требованія мироваго судьи (вопреки гуманному и разумному обычаю крестьянъ) предписываетъ имъ совмѣстную жизнь» (IV. 340; Оршанск., стр. 31). Отъ слова мироваго обращаются въ ничто не только судьи, но и цѣлыя сельскія общества. Такъ, по смерти одного домохозяина остались тетка его и жена-вдова съ сыномъ. Общество, при раздѣлѣ, домъ оставило за женой; черезъ шесть мѣсяцевъ мальчикъ померъ; общество, послѣ смерти его, признало право на домъ за старухой; вдова къ мировому; «мировой и не приказалъ общественнымъ прикасаться ко вдовиному имуществу». Общество стушевалось. Тогда съ жалобой къ мировому пошла старуха; мировой отвѣтилъ: «я сказалъ, что судить тебя не могу, ты обществомъ обсуждена, а я пересуждать общества не могу». Общество и послѣ такого одобренія уже не могло изъ ничего превратиться въ нѣчто (В. Кротковъ, *Отеч. Зап.* 1873 г., кн. 8, стр. 178). И какъ же не стушеваться передъ мировымъ судьей? Онъ—не свой братъ, противорѣчить опасно. Какъ-то вятичи возмутились рѣшеніемъ мироваго судьи и вздумали въ мужицкомъ дѣлѣ быть набольшими: «Нельзя было не разсудить такого дѣла: сынъ отнялъ у матери мельницу, обобралъ и обидѣлъ старуху. Видимъ, что дѣло не ладно, несправедливо,—ну, мы, какъ слѣдуетъ, разобрали, рѣшили по совѣсти». Это объясняли уже не судьи, а подсудимые въ окружномъ судѣ (Чепцовъ: «Крестьянскія дѣла», *Отеч. Зап.* 1879 г., кн. 6, стр. 246). Не знаемъ, подвергаютъ ли отвѣтственности мировыхъ судей въ аналогичныхъ случаяхъ; но мы знаемъ, что «волостной судъ старается не разбирать такихъ дѣлъ (о раздѣлѣ имуществъ), потому что мировой судья отмѣняетъ иногда рѣшенія его по этимъ дѣламъ» (II. 459). На такую дѣятельность мировыхъ судей обратилъ вниманіе даже сенатъ (Зарудный: «Законы и жизнь», стр. 57).

Вслѣдъ за членами по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, вслѣдъ за мировыми судьями, на робкаго, приниженнаго Макара наводятъ страхъ и многіе другіе: «То полицейское управленіе

хлопочетъ о томъ, чтобы подвергнуть волостныхъ судей взысканію за принятіе дѣла имъ неподсуднаго, причемъ оказывается, однакожь, что дѣло волостному суду подсудно» (Ѵ. 357; Орш., стр. 30). То становой приставъ (въ Ряжскомъ и Кинешемскомъ уѣзд.), «вопреки волѣ судей», диктуетъ приговоры о наказаніи недоимщиковъ розгами (Ѳ. Воронановъ: *Слово* 1879 г., кн. VII, стр. 65; *Современность*, № 21-й 1880 г.). Въ Ряжскомъ и Кинешемскомъ уѣздахъ судьи подчиняются становому, представителю закона; а вотъ въ Полтавской губ. ими командуетъ уже частный человѣкъ (фактъ относится къ 1878 г.): «экономическій писарь предводительскаго имѣнія посылаетъ приказы въ волости *), касательно разрѣшенія частныхъ жалобъ» (Ibid., стр. 66). Отъ писарей посредническихъ, предводительскихъ и отъ разныхъ ихъ управляющихъ во вліяніи на судъ не отстаютъ и представители мира и кротости: священникъ села Любомірки, Елизаветградскаго уѣзда, «написалъ въ волостное правленіе бумагу, въ которой проситъ удалить двухъ штундистовъ, занимавшихъ должности волостныхъ судей, отъ занимаемыхъ ими должностей и замѣнить ихъ православными, иначе грозилъ донести высшему начальству» (*Бирж. Вѣд.* 1878 г., № 277). Священникъ села Кобелевки, Одесскаго уѣзда, послѣ неудачной бесѣды съ прихожанами о предположенной таксѣ за требы, отнесся въ волостное правленіе (въ волостной судъ прошенія поступаютъ черезъ волостное правленіе *рапортомъ*), гдѣ предлагалъ «внушить сомнѣвающемуся Бартькову болѣе правильный взглядъ на вещи» (*Молва* 1879 г., № 324).

Всѣ эти противозаконныя кассаціи, равно внушенія и взысканія, щедро налагаемыя на волостныхъ судей по прихоти начальства, это требованіе копій съ рѣшеній суда мировыми судьями, прямое и косвенное вмѣшательство въ дѣло суда ихъ и другихъ административныхъ органовъ и лицъ и даже частныхъ обывателей, эти инструкціи, рапорты, угрозы донести начальству—все это прямо или косвенно побуждало волостныхъ судей обращаться къ закону чаще, чѣмъ требовали интересы правосудія и собственныя нужды мужика, побуждало обращаться къ закону или за защитой своихъ правъ, или, что чаще, просто по чувству «страха и немочи», изъ опасенія «сбрендить», «прорваться», проштрафиться передъ закономъ. Но въ дѣятельности «естественныхъ руководителей и охранителей принциповъ кресть-

*) Увѣрены, что со ссылкой на статьи закона.

янскаго самоуправленія» мы встрѣчаемся и съ болѣе широкими мѣропріятіями. «Иныя губернскія присутствія разсылаютъ въ волостныя правленія извлеченія изъ статей XII т. Св. Зак. для обязательнаго руководства ими въ волостныхъ судахъ» (Зарудный: «Законы и жизнь», стр. 175). Это свѣдѣніе относится къ 1873 г. Теперь подъ руками у насъ «инструкція волостному суду», утвержденная въ 1878 г. вологодскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ. Она набита массой рѣшеній кассаціоннаго департамента, между тѣмъ какъ о правѣ суда рѣшать по обычаю упомянуто вскользь, безъ ссылки на статью закона, тогда какъ въ другихъ случаяхъ эти ссылки въ грозной позиціи фигурируютъ на первомъ планѣ. И такая отеческая заботливость многочисленныхъ старшихъ братьевъ о младшемъ имѣла непосредственнымъ результатомъ, что «волостной судъ старается примѣняться къ писаному закону, чтобы не было жалобъ на его рѣшеніе (V, 539; VI, 364). Это явленіе настолько распространено, что Зарудный, членъ комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, говоритъ: «вообще, сколько можно заключить изъ самыхъ тщательныхъ разспросовъ, а равно изъ обозрѣнія книгъ волостныхъ судовъ, волостной судъ въ своихъ рѣшеніяхъ чаще ссылается на законъ, чѣмъ на обычай» («Законъ и жизнь», стр. 93. То же говоритъ и г. Пахманъ. «Обычное право», т. I, стр. 393).

Обращеніе волостнаго суда къ закону—фактъ крупный и онъ имѣлъ огромныя послѣдствія.

IV.

Законъ и судъ.

Культурные поводыри гонятъ обычай съ волостнаго суда. Всѣ, кто имѣетъ хотя только чинъ будочника, тычутъ въ зубы судьѣ закономъ и, опираясь на него, беззаконничаютъ. Всѣ эти опекуны требуютъ отъ судьи, чтобъ онъ «свои распорядки» оставилъ и руководился вездѣ закономъ; закона же судья не знаетъ и трепещетъ передъ нимъ, какъ осиновый листъ. Что же дѣлать судьѣ въ такомъ положеніи?—Выходъ одинъ: искать «*естественнаго*» *руководителя и разъяснителя* и «принциповъ», и всего прочаго. И этого руководителя онъ могъ всего ближе найти въ лицѣ волостнаго писаря, рѣже старшины, еще рѣже въ лицѣ

своего брата-мужика, но мужика, знающаго толкъ уже не въ однихъ мужицкихъ распорядкахъ. Такъ и случилось въ дѣйствительности. Въ «Трудахъ коммиссіи» мы находимъ заявленія, что судьи, «чувствуя свою немочь и страхъ, ходятъ за совѣтомъ къ старшинѣ» (IV, 270); что «лучше было бы вовсе уничтожить волостной судъ, такъ какъ отъ него грѣхъ одинъ, да колгота, т.-е. шумъ, суетливость, да опаска, какъ бы не провраться» (I, стр. 235); что безъ совѣта писаря судьямъ «рѣшительно нельзя,—того и гляди сбрендишь» (VI, 627); что «вообще волостные судьи, по своей опаскѣ, рѣдко какой приговоръ изъ своей головы становятъ, а все болѣе слушаются старшины и писаря» (IV, 256). О причинѣ страха и немочи, равно и о причинѣ подчиненія суда писарю «темный мужикъ» судья еще въ 1864 г. заявлялъ: «безъ него-то (безъ писаря) мы—что безъ рукъ. Ему виднѣй тамъ по законамъ-то. А то мы что знаемъ?» (Н. Аристовъ: *Библ. для Чт.* 1864 г., кн. VIII, стр. 14). И черезъ 10 лѣтъ судья повсемѣстно говорилъ то же самое: «судьи всегда совѣтуются со старшиной и писаремъ, какъ рѣшить дѣло, и совѣтъ ихъ принимаютъ, такъ какъ они люди темные, законовъ не знаютъ и безъ помощи старшины и писаря имъ дѣло покончить трудно» (I, стр. 725). «Мы люди слѣпые, закона не знаемъ, совѣтуемся съ учеными; какъ писарь укажетъ, такъ и рѣшаемъ» (III, 453); писарь читаетъ судьямъ законъ, «котораго они не знаютъ по глупости, а между тѣмъ знать обязаны. Такъ какъ же имъ писаря-то и не слушать!» (IV, 304). Волостной писарь «указываетъ на законъ и, разумѣется, какъ онъ знаетъ больше судей, то ему вѣрятъ. Для того, чтобы писарю можно было вѣрить, волость и положила ему такое большое жалованье (т. I, стр. 260). «Писарь всегда говоритъ судьямъ: надо такъ наказать по закону. Какъ онъ скажетъ, такъ они и наказываютъ» (III, стр. 317). «Обычаевъ не знаемъ; въ дѣлахъ же о наслѣдствѣ болѣе спрашиваемъ писаря, какъ законъ позволяетъ и кому какая награда изъ наслѣдства слѣдуетъ» (III, стр. 449). «Что писарь читаетъ, Богъ его знаетъ; прочтетъ что-то, а мы его спрашиваемъ, какъ дѣло рѣшить» (т. I, стр. 94). Такимъ-то судьямъ писарь говоритъ: «что дѣло надо рѣшать не по обычаю, а по закону», и они его слушаютъ и руководствуются сельскимъ уставомъ и законами, напечатанными въ сборникѣ (частное изданіе) «Судъ и расправа» (VI, стр. 364). Но безплодно продолжать подобныя выписки,—ихъ не кончить.

Насколько распространено и повсемѣстно подчиненіе суда писарю и старшинѣ, покажетъ слѣдующая таблица, составленная нами на основаніи «Трудовъ коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ» *).

---

*) Иногда, по недостатку данныхъ, трудно было рѣшить вопросъ о самостоятельности или несамостоятельности суда. Вотъ примѣры этому и указанія, какъ мы поступили. „*Очередь* между судьями (ихъ 6) устанавливаетъ волостной старшина; по его созыву судьи собираются въ волостное правленіе". Старшина иногда дѣлаетъ отсрочку въ исполненіи наказанія; онъ же рѣшаетъ вопросы объ отводѣ судей. Грамотный судья только одинъ; судъ, при рѣшеніи дѣлъ, руководствуется законами и обычаями" (IV, 18). На основаніи такихъ данныхъ мы не рѣшили вопроса о самостоятельности или несамостоятельности суда. Но вотъ примѣры, гдѣ мы рѣшились констатировать внѣшнее вліяніе на судъ, хотя данныя для этого не особенно опредѣленны. „Старшина не принимаетъ никакого участія, волостной писарь записываетъ рѣшенія и указываетъ волостнымъ судьямъ относящіеся къ дѣлу законы". „Судьи, въ теченіе года, *даже поверхностно*, не могутъ ознакомиться со своими обязанностями". Судей отводитъ старшина (II, 23). „При разбирательствѣ дѣлъ волостнымъ судомъ, старшина и волостной писарь участія не принимаютъ, но писарь *объясняетъ* только судьямъ законы". „При обсужденіи дѣлъ руководствуются *преимущественно законами.*" „Выбираются судьи изъ крестьянъ, по *предложенію* старшины, на волостномъ сходѣ голосованіемъ. Было бы лучше производить выборы баллотировкою, тогда съ большею свободой и разборчивостью назначались бы судьи" (II, 27). Вотъ основанія, почему первую волость мы помѣстили въ рубрикѣ: „о самостоятельности или несамостоятельности суда нельзя судить", а послѣднія двѣ подъ рубрикой: „судъ подъ вліяніемъ писаря или старшины". Въ первой волости старшина и можетъ вліять на составъ суда и самовольно дѣлаетъ отсрочки въ исполненіи наказанія, но нѣтъ данныхъ, оказываетъ ли онъ давленіе на судъ при разбирательствѣ дѣлъ; далѣе, хотя судьи этой волости рѣшаютъ дѣла иногда, или даже нерѣдко, на основаніи закона, но вѣдь руководствоваться имъ они *могутъ* по указаніямъ своего грамотнаго товарища и что, главное, самостоятельно, по своему усмотрѣнію. Въ другихъ условіяхъ судъ послѣднихъ двухъ волостей. Здѣсь мы то же видимъ вліяніе старшины на составъ суда, но это не такъ важно; существеннѣй то, что здѣсь судьи во время самаго судопроизводства къ закону обращаются не самостоятельно, но *указываетъ* на него и *объясняетъ* имъ законъ писарь. При такомъ условіи темнота крестьянъ даетъ мало-мальски недобросовѣстному писарю широкій просторъ помыкать судомъ.

По поводу рубрики „никто на судъ не вліяетъ" мы замѣтимъ, что законъ запрещаетъ старшинѣ и писарю вмѣшательство въ дѣло суда; поэтому естественно желаніе ихъ скрыть передъ начальствомъ фактъ зависимости отъ нихъ суда. И мы, дѣйствительно, видимъ попытки ихъ къ этому, опровергнутыя присутствовавшими при опросѣ крестьянами (II, 579; III, 317; IV, 68, 270, 314; VI, 618). Всегда ли опровергались ложныя показанія такого рода, мы, конечно, не знаемъ.

Въ нашу таблицу не вошли свѣдѣнія о состояніи волостнаго суда въ нѣмецкихъ колоніяхъ. Кромѣ того о зависимости или независимости суда, о довольствѣ или недовольствѣ имъ, нерѣдко мы не находили никакихъ данныхъ. Вотъ рядъ волостей, не вошедшихъ по этой причинѣ въ нашу таблицу; для

примѣра беремъ два тома „Трудовъ“. II. 140. 163. 176. 203. 217. 227. 322. 329. 351. 361. 369. 381. 383, III. 1. 12. 50. 58. 68. 75. 79. 84. 92. 104. Вообще ни одинъ вопросъ не былъ предложенъ коммиссіею повсемѣстно, а иногда оправдывались ею только одинъ волостной писарь или одинъ старшина (II, 378. 401; IV. 161. 200).

	Никто на судъ не вліяетъ.	О самостоятельности или несамостоятельности суда по недостатку или противорѣчію данныхъ судить нельзя.
Крестьяне волостнымъ судомъ недовольны.		II. 285. Итого 1 вол.
Мировой судъ, по ихъ мнѣнію, лучше; сохранить послѣдній все же желаютъ.	II. 45. III. 338. V. 503. Итого 3 вол.	III. 21. 367. V. 88. 320. VI. 112. 187. Итого 6 вол.
Своимъ судомъ довольны, но права судиться у мироваго желаютъ.	I. 3 волости. II. 512. III. 178. IV. 323. 576. 588. V. 184. 188. 202. 429. VI. 258. 426. 448. 461. 465. 474. Итого 18 вол.	III. 32. 235. 251. 276. IV. 243. 248. 432. V. 127. VI. 18. 206. 292. 370. 419. 744 (9 волост.). 753. Итого 23 вол.
Своимъ судомъ довольны; о мировомъ не упоминается.	II. 377. 470. 528. 534. V. 94. 289. III. 130. 145. 161. 169. VI. 455. Итого 11 вол.	III. 288. 310. 382. V. 283. 293. 538. 543. VI. 705. 706. Итого 9 вол.
Волостнымъ судомъ крестьяне довольны, мироваго не хотятъ или о желаніи судиться у него не заявляютъ, хотя объ мировомъ рѣчь и заходила.	I. 246. II. 480. III. 117. 196. 201. 211. 327. 357. 397. 405. V. 108. VI. 211. 263. Итого 13 вол.	II. 1 волость. III. 189. 220. 245. 267. 307. IV. 20. V. 1. 120. 490. 494. 511. 533. 537. 543. 544. VI. 4. 16. 84. 93. 300. 442. 646. 649. 752. Итого 25 вол.
Довольны или не довольны своимъ судомъ, по недостатку или противорѣчію данныхъ, судить нельзя, равно и объ отношеніяхъ къ мировому.	III. 154. Итого 1 вол.	Свѣдѣнія, относящіяся сюда, не вошли въ таблицу, такъ какъ они указаній никакихъ не даютъ по недостатку данныхъ, (см. примѣчаніе) и для нашихъ выводовъ не имѣютъ значенія.
Итого . .	46 волостей.	Поэтому итогъ этой рубрики не подведенъ.

Судъ подъ вліяніемъ писаря или старшины.	Итого.
I. 235. 423. 812. II. 156. IV. 306. V. 9. 46. 310. 340. 442. VI. 48. 162. 305. 637. Итого 14 вол.	15 волостей.
I. 210. II. 111. 123. III. 314. 323. IV. 13. 25. 272. V. 21. 32. 38. 45. 53. 61. 73. 102. 139. 154. 396. 415. 507. VI. 51. 75. Итого 23 вол.	32 волости.
I. 25 волостей. II. 3 волости и 71. 93. 129. 488. 501. 544. 553. 588. IV. 107. 118. 237. 267. 297. 316. 355. 369. 388. 407. 413. 449. 503. 511. 521. 528. 569. V. 114. 140. 161. 176. 193. 216. 220. 225. 229. 248. 254. 257. 263. 268. 274. 418. 436. 466. 470. 477. 516. 525. VI. 44. 46. 194. 232. 258. 276. 348. 357. 364. 384. 401. 404. 470. 476. 596. 602. 620. 628. Итого 93 вол.	134 волости.
II. 5 волостей и 65. 256. 579. 602. III. 376. IV. 28. 53. 96. 183. 68. 257. 294. 339. 360. 382. 470. V. 6. 68. 236. 243. 279. 321. 331. 335. 458. 462. VI 491 (11 вол.), 703. Итого 43 вол.	63 волости.
I. 35 волостей. II. 135. 407. 414. 431. 439. 453. 458. 462. III. 284. 302. 330. 388. 410. 455. IV. 2. 9. 37. 91. 113. 142. 174. 212. 281. V. 16. 25. 138. 390. 492. 539. 541. 585. VI. 30. 54. 96. 122. 128. 322. 352. 360. 407. 591. 655. 666 (19 вол). 712 (10 вол.). 721 (8 вол.). 723 (8 вол.). Итого 122 вол.	160 волостей.
III. 319. 449. IV. 488. VI. 41. 142. 313. 367. 370. 701. Итого 9 вол.	Итогъ не подведенъ.
304 волости.	

Итакъ, о 304 волостяхъ можно съ увѣренностью сказать, что волостной судъ въ нихъ несамостоятеленъ и только въ 46 волостяхъ судъ не подъ сапогомъ писаря или старшины. Что побуждаетъ судей лѣзть подъ этотъ сапогъ, мы уже говорили; теперь же приведемъ болѣе точныя данныя. Изъ 240 волостей (304—64 волости Тамбовской губерніи. Тамбовская губ. не вошла въ эту новую таблицу, такъ какъ мы приступили къ составленію ея уже по прочтеніи перваго тома «Трудовъ»). Страхъ мужика проштрафиться передъ закономъ, какъ причина подчиненія суда писарю—старшинѣ, заявилъ себя въ 161 волости *), и только въ 14 волостяхъ онъ оказался не при чемъ: «законами почти-что никогда не руководствуются, и ихъ не знаютъ» (IV. 37. 53. 360. 388. 407. 413. II. 70. 588. V. 225. 477. VI. 29. 46. 232. 476). Относительно прочихъ 65 волостей мы не рѣшаемся сказать что-либо опредѣленное, хотя о причинахъ подчиненія въ нихъ суда и встрѣчаются, на нашъ взглядъ, нерѣдко недвусмысленныя заявленія. Беремъ три изъ нихъ. Двое судей (изъ 5) «печатное читаютъ». «При разбирательствѣ дѣлъ волостной старшина и волостной писарь объясняютъ судьямъ дѣло, а писарь при этомъ вычитываетъ законы». Судъ, «при обсужденіи дѣлъ, руководствуется законами, своими мѣстными обычаями, справедливостью, а также собственнымъ убѣжденіемъ, глядя по человѣку» (III. 376). «Волостной писарь всегда совѣтуетъ судьямъ и они *ему вѣрятъ волею-неволею*, такъ какъ онъ грамотный и испытанный, а судьи—простые мужики. Крестьяне выразили при этомъ, что они хорошо понимаютъ всю бѣду отъ неграмотности ихъ судей, такъ какъ изъ-за своего невѣжества—въ

*) II. 24. 38. 42. 64. 93. 111. 123. 135. 156. 412. 462. 501. 544. 602. III. 283. 319. 328. 386. 449. 453. IV. 9. 13. 25. 28. 68. 95. 118. 143. 182. 173. 212. 237. 251. 280. 295. 304. 502. 510. 521. 528. 569. V. 6. 8. 16. 21. 25. 32. 138. 139. 141. 154. 160. 175. 193. 219. 228. 235. 242. 247. 257. 262. 268. 273. 277. 310. 331. 333. 390. 393. 396. 415. 492. 516. 524. 539. 541. VI. 41. 44. 48. 51. 53. 74. 121. 128. 142. 161. 194. 291. 303. 310. 320. 352. 357. 360. 364. 367. 379. 384. 401. 404. 469. 491 (11 вол.). 585. 655. 666 (19 вол.). 703. 712 (10 вол.). 721 (8 вол.). 722 (8 вол.).—Нужно замѣтить, что не во всѣхъ приведенныхъ сейчасъ примѣрахъ вполнѣ опредѣленно указывается на законъ, какъ на причину несамостоятельности суда. Поэтому иногда мы принуждены были удовлетворяться хотя опредѣленными, но косвенными указаніями. Напримѣръ: «судей шесть: *всѣ неграмотны*». «Судъ при обсужденіи дѣлъ руководствуется *преимущественно* общими законами» (VI. 360. V. 539). Но данныя въ такомъ родѣ: «грамотный судья только одинъ; судъ руководствуется законами и обычаями» (IV. 18),—на нашъ взглядъ не были убѣдительны и не вошли въ эту таблицу.

рукахъ писаря, который всегда, если захочетъ, *можетъ подвести ихъ подъ обманъ*, хотя, разумѣется, тогда уже его грѣхъ» (V. 59). «Вмѣшательство и помощь волостнаго старшины, а въ особенности писаря, при рѣшеніи дѣлъ, по собственному сознанію самихъ судей и старшины, необходимо и неизбѣжно, такъ какъ судьи—люди неграмотные и малосвѣдущіе» (V. 215). Кажется, заявленія недвусмысленны; но на основаніи только ихъ мы не рѣшились счесть законъ причиной зависимости суда: борзый рецензентъ на основаніи двухъ-трехъ такихъ нашихъ промаховъ могъ бы назвать рядъ нашихъ цифръ подтасовкой, воскликнувъ: гдѣ же, милостивый государь, узрѣли вы страхъ мужика передъ закономъ? Въ первомъ случаѣ судьи руководствуются имъ между прочимъ, а въ послѣднихъ двухъ не упоминается ни о законѣ, ни объ обычаѣ?!... На вторую половину такого замѣчанія мы должны были бы отвѣтить или молчаніемъ, или просьбой вникнуть въ смыслъ данныхъ цитатъ, а по поводу первой теперь же замѣтимъ: человѣкъ, подчинившись по нуждѣ чьему-либо вліянію, два-три раза теряетъ уже увѣренность въ себѣ и самостоятельность; поэтому въ пятый разъ подчиняется тому же вліянію и безъ нужды. Застѣнчивый часто безъ нужды конфузится, лишь только попадетъ не въ свое общество. Такъ и для запуганнаго судьи уже то имѣетъ значеніе, что старшина—начальство, а слушать начальство законъ велитъ. На такого судью не прямая ссылка на законъ, а только указаніе, какъ дѣло дѣлается въ людяхъ (у мироваго, напр.), ссылка на то, что говорилъ какой-нибудь культурный дока въ законѣ, имѣетъ уже большое значеніе. И въ «Трудахъ коммиссіи» мы читаемъ: «судьи ему (писарю) всегда вѣрятъ, когда онъ даже не читаетъ закона, а только ссылается на него» (IV. 251); неграмотный старшина верховодитъ судомъ, «толкуя ему подходящіе къ дѣлу законы» (VI. 128). Послѣ этого мы не находимъ особенно страннымъ и слѣдующее показаніе: судьи «всегда *совѣтуются со старшиною и съ писаремъ*, какъ рѣшить дѣло, и совѣтъ ихъ принимаютъ, *такъ какъ* сами люди темные, *законовъ не знаютъ* и безъ помощи старшины и писаря имъ дѣло покончить трудно». «*Законами* при рѣшеніи дѣлъ *не руководствуются*, а рѣшаютъ больше по совѣсти» (I, стр. 725).

V.

Иллюстрація цифръ.

Цифры краснорѣчивы и убѣдительны; но присмотримся поближе, что подъ ними скрывается.

Судьи во время суда боятся издавать членораздѣльные звуки, а если шевелятся, то какъ автоматы. Вотъ засѣданіе фетиньинскаго волостнаго суда, Вологодскаго уѣзда. Судьи сидятъ; тяжущіеся вызваны старшиной; жалоба прочитана: староста проситъ за личное оскорбленіе его «взыскать съ виновнаго по закону». «Продолжительное молчаніе, во время котораго судьи то поглядываютъ на старшину и писаря, то смотрятъ другъ на друга. *Старшина* (истцу и отвѣтчику). Подойдите поближе! Чего вы запрятались?—Опять продолжительное молчаніе. *Старшина* (судьямъ).—Ну, что же? Начинайте! Сперва пускай староста жалобу говоритъ! — Послѣ этого заявленія присутствующіе говорятъ въ такомъ порядкѣ: староста, старшина; староста, старшина; староста, отвѣтчикъ; староста, отвѣтчикъ; староста, отвѣтчикъ; староста; страшный шумъ между свидѣтелями (ихъ до 70 человѣкъ), старшина кричитъ; вновь шумъ, старшина; *наконецъ-то*, издалъ звукъ и одинъ изъ судей. Далѣе дѣло идетъ подобнымъ же образомъ. Наконецъ старшина говоритъ судьямъ: «Надо покончить дѣло». Шумъ продолжается. Судьи разговариваютъ со свидѣтелями и между собою. Ничего нельзя разобрать. *Старшина*.—Какъ рѣшили? Нечто подъ арестъ? —*1-ый судья* (автоматъ, замѣтимъ отъ себя). Надо посадить подъ арестъ.—*2-ой судья*. Пусть сидитъ три дня.—*Писарь*. Такъ рѣшеніе написать велите?—Судьи ничего не отвѣчаютъ. Писарь садится и пишетъ рѣшеніе. Шумъ продолжается. Судьи сидятъ молча» (VI. 680—683). Вотъ другое засѣданіе пригороднаго волостнаго суда Борисоглѣбскаго уѣзда, Тамбовской губерніи. Судьи стоятъ. При открытіи суда—продолжительное молчаніе; судьи переглядываются между собой. Старшина и во 2-ой разъ писарь помогаютъ судьямъ прервать его: 1-ый вызвалъ тяжущихся, 2-ой прочиталъ жалобу. Отъ крестьянина ушелъ по болѣзни работникъ послѣ 3-хъ недѣль работы. Хозяинъ проситъ взыскать весь задатокъ и 3 р. неустойки. Работникъ соглашается все выплатить, но проситъ отсрочить уплату до Рождества, пока не выздоровѣетъ и не поправится (дѣло въ августѣ). Судьи совѣтуются часа полтора, но толку нѣтъ; большинство согласно отсрочить уплату на недѣлю. Писарь вызвался,

«по обыкновенію, склеить приговоръ» и написалъ: взыскать немедленно задатокъ, неустойку и дать за мошенничество десять ударовъ розгами. *Писарь*. Такъ вы постановили?— *Судьи*. Такъ». Жалованье старшины 250 руб., писаря 450 руб., помощника его 210 р. (I. 392).

Писарь такимъ образомъ «склеиваетъ рѣшенія» не только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ судьи не умѣютъ совѣтоваться между собою, но и тамъ, гдѣ они относятся къ дѣлу вполнѣ осмысленно, самостоятельно. Такъ г. Зарудный, членъ коммиссіи, по поводу засѣданія суда въ Кубенской волости, Вологодскаго уѣзда (VI. 684—693), пишетъ: «послѣ долгихъ и оживленныхъ преній между судьями, свидѣтелями и посторонними, одинъ изъ судей объявилъ въ краткихъ и простыхъ словахъ рѣшеніе. Когда же, на другой день, рѣшеніе это было формулировано волостнымъ писаремъ, то оно оказалось на нѣсколькихъ листахъ, съ ссылками на разные томы Свода Законовъ и прочими, не совсѣмъ понятными самому автору, юридическими, весьма притомъ туманными, утонченностями» («Законы и жизнь», стр. 16). По поводу подобныхъ же фактовъ П. Матвѣевъ замѣчаетъ: «Дѣла, разбиравшіяся при мнѣ на волостномъ судѣ (Самарской и Орловской губерніяхъ), по запискѣ ихъ въ книгу, проходя черезъ редакцію грамотея писаря, дѣйствительно становились неузнаваемы. Нерѣдко старики-судьи, въ такихъ случаяхъ, только вздыхали, приговаривая: «ахти! темные мы люди, грѣхи наши большіе» (*Русская Рѣчь* 1879 г., кн. 9, стр. 285).

Мы уже упоминали, что, подобно писарю—старшинѣ, помыкаетъ судьями иногда и ихъ сотоварищъ, тертый мужикъ. Такъ во все время засѣданія норскаго волостнаго суда, Ярославскаго уѣзда, всѣмъ дѣломъ руководилъ одинъ судья (къ характеристикѣ его: онъ истца называетъ «мужичкомъ»). Другіе судьи не произнесли *ни одного слова*; даже когда первый, формулировавъ рѣшеніе, «смотритъ на другихъ судей, они ничего не возражаютъ, а только киваютъ головой» (III. 22). Въ подгорномъ волостномъ судѣ, Полтавской губерніи, «прочіе судьи только поддакивали нервому, одобрительно подкрякивая», и первый судья, не посовѣтовавшись съ остальными, объявилъ отвѣтчику довольно суровый приговоръ (IV. 259). Не удивительно, что темные судьи къ дѣлу относятся механически: «судьи ничего не смыслятъ и судятъ, какъ писарь укажетъ, и только норовятъ скорѣй покончить дѣло, чтобы домой удрать» (V. 340. VI. 231. 273 и др.).

Однимъ словомъ, судьи превращены въ «коптильщиковъ» печатей. Такъ, по словамъ Демерта, прозвалъ ихъ народъ («Новая воля»; *Отеч. Зап.* 1869 г., кн. II, стр. 222). Положеніе судьи лучше всего рисуетъ тотъ фактъ, что ихъ иногда, на ряду съ крестьянами, наказываютъ розгами (I. 813. IV. 8. 24).

Въ противоположность приниженности судей, старшины-писаря нерѣдко поражаютъ развязностью. Они не стѣсняются заявлять, что «въ сущности волостной судъ ни болѣе, ни менѣе какъ самъ старшина да писарь» (I. 224), и «что если онъ (старшина) судьямъ не посовѣтуетъ, то они Богъ знаетъ что постановятъ и, вообще, безъ руководства его (старшины же) ни одно дѣло разбирать не могутъ» (I. 675. Подобное же I. 750. II. 552). Волостной писарь, помнится, положа руку на сердце, признается, что въ силу невѣжества и «природнаго неразумія крестьянъ ему необходимо принимать участіе въ разборѣ, такъ какъ иначе судьи напутаютъ непремѣнно» (VI. 635). Развязность этихъ зрячихъ людей не знаетъ границъ. Такъ, старшина Солнцевской волости, Рязанской губерніи, продиктовавъ путемъ прозрачныхъ вопросовъ (грубый дидактикъ) судьямъ рѣшеніе, «толкаетъ въ двери» тяжущихся, распоряжается: давайте розги (розги приносятъ). Ложись! *Миронъ* (подсудимый). Возьмите лучше деньги. *Судья*. Ну, что-жь, ты можешь дать 3 рубля? *Миронъ*. 3 рубля много. Овцу возьмите, у меня денегъ нѣтъ. *Старшина*. Ложись! *Мать Мирона*. Я сама лягу (становится на колѣни). Не дамъ его бить!—Посредникъ напоминаетъ старшинѣ, что надо предварительно написать и объявить рѣшеніе. *Старшина*. Писарь, напиши черновую! Рѣшеніе написано. *Старшина* (къ судьямъ). Ну, давайте печати (судьи даютъ печати, старшина коптитъ ихъ на свѣчкѣ). Максимъ, прикладывай (судья прикладываетъ). Туже, туже! Ишь, какъ славно» (Другія печати прикладываетъ самъ старшина.) (I. 817—818). Такъ беззастѣнчиво держитъ себя старшина по отношенію къ суду въ присутствіи членовъ петербургской комиссіи, предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей, мироваго посредника и мироваго судьи. В. Кротковъ, какъ частный наблюдатель, рисуетъ вполнѣ аналогичную же картину суда, но несравненно болѣе густыми красками (*Отеч. Зап.* 1873 г., кн. 7, стр. 3—7).

Писарь и старшина не просто вліяютъ на судъ,—они систематически топчутъ его въ грязь, ставятъ ни во что и самодурствуютъ. Прежде всего видимъ, что они вліяютъ на составъ суда и могутъ произвольно мѣнять его. Еще при избраніи судей «стар-

шина зорко слѣдитъ за выборными (избирателями) и, предчувствуя озарничество (слова старшины) съ чьей-нибудь стороны, не пускаетъ вовсе на сходъ такихъ выборныхъ» (VI. 627. 600). Въ нѣкоторыхъ волостяхъ «обыкновенно выбираютъ въ судейскую должность тѣхъ, на которыхъ укажетъ старшина» (II. 54. III. 30. 403. 409. IV. 265. V. 126 и др.). Между выбранными судьями (если ихъ 6—12 человѣкъ) очередь для явки на судъ установляетъ часто опять же старшина по своему усмотрѣнію (V. 71. 86 и мн. др.). Право отвода судей почти повсемѣстно въ рукахъ его, и этимъ правомъ старшина часто пользуется въ широкихъ размѣрахъ: «судьи, по заявленію сторонъ старшинѣ, могутъ быть устраняемы не только по родству и кумовству, но даже по близкому сосѣдству» (IV. 247. 243. 265); «устраненныхъ судей старшина замѣщаетъ новыми, по своему усмотрѣнію. Въ этомъ случаѣ старшина дѣйствуетъ произвольно: онъ можетъ по своему желанію измѣнить весь составъ судей» (VI. 348). Далѣе, какъ извѣстно, жалобы въ судъ идутъ всегда черезъ руки старшины, а онъ иногда по своему усмотрѣнію прекращаетъ дѣло, не допускаетъ до суда; недовольные такимъ произволомъ идутъ съ жалобой на старшину не въ судъ, а къ посреднику или къ становому приставу (V. 37. 277. IV. 256). Вліяніе писаря-старшины на судъ, во время самаго производства дѣла, мы уже видѣли; видѣли также, что старшины Бронницкаго уѣзда пожалованы посредникомъ правомъ утверждать или не утверждать приговоры. Далѣе видимъ, что «недоимщиковъ по одному приговору, вслѣдствіе заявленія старшины, присуждаютъ къ розгамъ по 50 и болѣе человѣкъ за разъ». Это дѣлается «по одному требованію старшины, безъ всякаго разбирательства» (II. 127); «заявленіе старшины о необходимости наказать неплательщика розгами всегда уважается судомъ» (II. 544 и мн. др.). Не только въ дѣлахъ о недоимщикахъ, но и вообще старшина даетъ *приказы* судьямъ перерѣшить дѣло или измѣнить приговоръ (V. 51. 112. IV. 111). Не слушаютъ судьи приказа,—старшина распускаетъ непокорныхъ: судьи признали М. въ кражѣ барды на винокуренномъ заводѣ невиновнымъ за бездоказательностью. Писарь убѣдилъ старшину удалить судей и созвать другихъ; новые судьи безъ опроса свидѣтелей, по желанію писаря, постановили приговоръ о взысканіи съ М. 15 руб. и о наказаніи его 15 ударами розогъ (I. 837. № 14). Писарь или старшина, даже и безъ доклада суду, перемѣняютъ его рѣшенія: писарь въ книгахъ записываетъ «часто совсѣмъ не

согласное съ рѣшеніемъ» (II. 54); судьи окончили дѣло примиреніемъ, но, когда они разошлись, подсудимый былъ наказанъ 20 ударами розогъ,—такъ записано и въ книгѣ рѣшеній (II. 579). «Старшина, по просьбѣ отвѣтчиковъ, измѣняетъ срокъ и уменьшаетъ сумму взысканія» (IV. 266), а «коли смилуется, такъ и проститъ» (VI. 305). Заявленій о неисполненіи старшинами и старостами рѣшеній суда или объ извращеніи рѣшеній очень много *); жалуются на эти злоупотребленія обыкновенно посреднику. Но и жаловаться часто опасно: судъ «приговариваетъ жалобщика къ тѣлесному наказанію, признавая такое дѣйствіе оскорбленіемъ начальства. Такъ, одного крестьянина, подавшаго мировому посреднику три жалобы на незаконныя дѣйствія старшины, волостной судъ за каждую жалобу приговорилъ этого крестьянина, какъ оскорбителя власти, къ 20 ударамъ розогъ» (II. 124). «За цѣлый годъ былъ только одинъ случай наказанія розгами за оскорбленіе старшины» (IV. 464). Вообще, не мало мѣстностей, въ которыхъ если наказаніе розгами и употребляется, то преимущественно, или даже исключительно, за «гордость передъ начальствомъ и грубіянство», и за накопленіе недоимокъ **).

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ самодурствующими дебоширами все же признается существованіе суда. Но иногда они идутъ далѣе. «У насъ только сильный и богатый можетъ добиться отъ него (отъ суда) правды: богатый магарычи поставитъ, а сильный, если онъ съ писаремъ знакомъ, ничего не подаритъ, разгонитъ судей, прикрикнетъ на нихъ, и дѣло за нимъ останется» (IV. 120). И къ чему «енараламъ-полковникамъ» судьи, тѣмъ болѣе, что «печати почти всегда хранятся у него (писаря) въ столѣ, особенно, гдѣ судьи не постоянные, а очередные, т. е. еженедѣльно мѣняющіеся» (*Отеч. Зап.* 1873 г., кн. I, Г. Ф.: «По вопросу о преобразованіи волостныхъ судовъ», стр. 88)? Судъ для нихъ только излишнее стѣсненіе: судъ имѣетъ право дать не болѣе 20 лозъ, а «старшина поретъ безъ суда, закатываетъ по 50 лозъ и болѣе» (III. 455. Подобное: V. 60. 501. III. 160). Волостной судъ не имѣетъ права нака-

*) I. 313. 317. 326. 338. 358. 364. 380. 387. 261. 280. 391. 451. 456. 460. 523. II. 47. 54. 65. 70. 330. 363. 376. 405. 452. V. 93. 278. 284. 289. 294. 382. 390. 415. 477 и др. При ревизіи губернаторомъ волостныхъ правленій Тамбовской губерніи, въ 1879 году, было вновь констатировано, что приговоры волостныхъ судовъ по нѣсколько лѣтъ не приводятся въ исполненіе (*Молва* 1880 г., № 30).

**) I. 274. 280. 285. 416. 460. 253. 442. 487. 505. VI. 233. 262. 274. 300. II. 37. 41. 228. 255. 330. 352. 384 и др.

зывать стариковъ даже розгами, а безъ суда можно и 70 и 85-лѣтнихъ стариковъ (не говоря уже о людяхъ, надъ которыми и законъ дозволяетъ производить экзекуціи) подвѣшивать въ холодномъ подпольѣ за бороды и держать въ такомъ положеніи, пока подвѣшенные не лишаются чувствъ и пока анучи ихъ не примерзнутъ къ ногамъ (*Недѣля* 1878 г., № 49. Изъ Бугуруслана) *). Чтобы привлечь къ суду человѣка, нужно въ чемъ-нибудь обвинять его; безъ суда же можно засадить его въ кутузку «неизвѣстно за что» не только для караемаго, но и для карающаго (III 405) и на вопросъ перваго: за что меня бьешь? отвѣтить: «отгадай, за что?» **).

Вотъ въ какомъ положеніи находится правосудіе, благодаря страху темнаго мужичка передъ «грядущимъ вдали закономъ». Думаемъ, духъ законовъ не возрадуется и не возликуетъ при видѣ начерченной выше картины. Не только духъ, но и буква закона не можетъ ликовать: въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, говоритъ С. Пахманъ на основаніи «Труд. ком.», нерѣдко помѣщаются ссылки и на законы, но, большею частію, не видно никакой связи первыхъ съ послѣдними» («Обычн. право», т. I, стр. 394). Для характеристики приводимъ три примѣра: «А. проситъ понудить дядю У. выдѣлить ему часть изъ имущества; У. заявилъ, что истецъ (32 лѣтъ), со дня совершеннолѣтія своего, т. е. въ теченіе 14 лѣтъ, о выдѣлѣ нигдѣ не просилъ,—слѣдовательно, потерялъ право на отыскиваніе. Волостной судъ, въ виду заявленія, что А. пропустилъ закономъ опредѣленный срокъ, опредѣлилъ: жалобу А. оставить безъ послѣдствій» (Пахманъ: «Обычн. право», т. II, стр. 310). Другой примѣръ: «Судъ отмѣнилъ распоряженіе завѣщателя о томъ, чтобы тетка его жила въ завѣщанномъ брату домѣ, такъ какъ это, за силою 1018 ст. X т., не могло, по словамъ суда, составлять предметъ завѣщанія» (С. Пахманъ: «Обычн. право», т. II, стр. 343). В. Кротковъ разска-

*) Одинъ старикъ отъ стыда и мученій „вскорѣ заболѣлъ и, прохворавъ, умеръ». Старшина во всемъ сознался и приговоренъ судомъ къ «аресту при полиціи на 7 дней. Подсудимый остался доволенъ этимъ рѣшеніемъ».

**) Такъ глумился старшина Малокитской волости, Балтскаго уѣзда, Подольской губ. Крестьяне подавали посреднику на старшину и писаря жалобу, гдѣ послѣдніе обвинялись въ истязаніи крестьянъ, въ обращеніи ихъ въ рабочую силу въ свою пользу, въ незаконномъ составленіи приговоровъ и т. п. Посредникъ жалобы не принялъ, а сельскій учитель, сообщившій въ печать объ этомъ фактѣ, сѣлъ на скамью подсудимыхъ, хотя и былъ оправданъ (*Молва* 1880 г., № 16. Судебн. хроника).

зываетъ *): «волостной судъ, разбирая дѣло о кражѣ крестьяниномъ А. у крестьянина Б. кошелька съ 9 рублями денегъ, постановилъ: такъ какъ крестьянинъ А. въ кражѣ кошелька у крестьянина Б. сознался, причемъ объяснилъ, что уплатилъ уже Б. 4 рубля, что тотъ и подтвердилъ, то, на основаніи 102 ст. Общ. Пол., взыскать съ А. въ пользу Б. еще 3 рубля серебр. Такимъ образомъ воръ не только избѣгнулъ наказанія, но и остался еще въ барышахъ на 2 рубля. Объяснить, почему такъ поступилъ волостной судъ, очень легко: волостные судьи находятся въ убѣжденіи (можно ли говорить объ убѣжденіи, когда умственныя силы парализованы?), что они не могутъ взыскивать по уголовнымъ дѣламъ въ пользу потерпѣвшаго свыше размѣра, указаннаго въ ст. 102 Общ. Пол., по которой волостной судъ властенъ подвергнуть виновнаго взысканію до 3 рублей, такъ что волостные судьи не отдѣляютъ уголовную кару, штрафъ въ 3 рубля, отъ вознагражденія» (*Отеч. Зап.* 1873 г., кн. 8, стр. 171 и 172 **).

Какъ же послѣ всего этого относится масса крестьянъ къ своему суду?

Мужики въ одной мѣстности жалуются, что они не понимаютъ, отчего мировой съѣздъ отмѣняетъ правильныя и утверждаетъ неправильныя рѣшенія (IV. 266). Въ другой мы слышимъ, что никакіе обычаи относительно наслѣдованія женщинъ не могли установиться, ибо рѣшенія волостнаго суда, основанныя на обычаѣ, всегда отмѣняются съѣздомъ, а постановленныя по закону утверждаются (III 430). Въ третьей крестьяне заявляютъ слѣдующее: «очень имъ горько, что посредникъ заставляетъ, чтобъ и дочки наслѣдовали» (Оршанскій, стр. 31). Нарушеніе обычаевъ иногда бываетъ такъ горько для мужика, что, по словамъ Е. Якушкина, «въ 1865 г. крестьяне одной деревни Даниловскаго уѣзда силою воспротивились приведенію въ исполненіе судебнаго рѣшенія (о наслѣдствѣ), которое относилось даже не къ нимъ лично, но къ женщинѣ одного съ ними селенія» (*Юрид. Вѣстн.* 1872 г., кн. 3, стр. 12). Но такіе протесты не остаются безнаказанными; отстаивать же свои права, оставаясь на законной почвѣ, мужикъ не умѣетъ, да это въ

*) На этотъ же фактъ указываетъ и поноситъ за него судъ и К. Н. Ж. (*Юрид. Вѣстн.* 1873 г., кн. 2, стр. 6).

**) Мы уже видѣли, что за попытку отдѣлить взысканіе отъ штрафа посредники кассировали рѣшенія волостныхъ судей.

большинствѣ и невозможно. Поэтому мужику остается примириться съ statu quo, молчать и махнуть на все рукой. И дѣйствительно мы видимъ, что крестьяне къ волостному суду нерѣдко относятся довольно апатично. «При выборѣ судей на сходъ допускается всякій, лишь бы было не менѣе 60 человѣкъ (съ волости въ 3.600 душъ муж. пола)» (IV. 463). Въ судьи выбираютъ тѣхъ, на кого укажетъ посредникъ (III. 366. V. 32. 505) или старшина (II. 54. III. 30. 403. 409. IV. 265. V. 126); судейскую должность, «какъ повинность, всѣ отправляютъ по очереди» (IV. 294. 304. II. 141. V. 277. 283. 329. 339. VI. 584 и др.); въ судьи выбираютъ «виновныхъ» (VI. 706. 709. 711 (10 вол.)), бездомныхъ пьяницъ (I. 423. VI. 299); иногда боятся выбирать только грамотныхъ: они все больше «кляузники, которые бы только народъ морочили», «мошенники», «все общество замотаютъ» (V. 253. 318. VI. 299). Избираемые въ судьи идутъ не охотно, «какъ въ солдаты», и употребляютъ всѣ средства, чтобъ избавиться отъ этой тяжкой (отвлеченіе отъ хозяйства) повинности» (V. 5. 7. 15. 24. 140. 153. 247. 177. 283. 298. 307. 318. 320. 329. 339. 381. 389. 392. 414. 416. IV. 1. 7. 12. 18. 104. 235. 304); это явленіе замѣчается даже и въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ судьи получаютъ жалованье (II. 110. 127. 133. 141. 154. 161. 218. 285. 329. 361. 369. 587). Далѣе видимъ, что судьи-автоматы, въ противоположность тому ореолу, которымъ окружены старшины, часто со стороны крестьянъ не пользуются ни малѣйшимъ уваженіемъ. «Крестьяне не имѣютъ никакого уваженія къ волостному суду»; во время судоговоренія тяжущіеся и свидѣтели «бранятъ и ругаютъ другъ друга, а иногда даже судей» (VI. 273. Подобное: II. 71. 329. V. 392. VI. 299. 303 *). Несчастные судьи терпятъ иногда въ чужомъ пиру похмѣлье, расплачиваясь за самодурство и произволъ своихъ «естественныхъ руководителей»: даже «честные и умные» судьи, но бѣдные, «противъ старшины и богатаго мужика пойти не посмѣютъ», и помимо старшины и

*) При чтеніи отчетовъ комиссіи о засѣданіяхъ суда, наше вниманіе было остановлено слѣдующимъ обстоятельствомъ: тамъ, гдѣ судьи были автоматами, а всѣмъ дѣломъ заправлялъ старшина, тамъ и свидѣтели, и тяжущіеся шумѣли, ругались между собой и съ судьями,—однимъ словомъ, безпорядокъ невообразимый (I. 815. 393. VI. 677. 680). Напротивъ, если судьи отнеслись къ дѣлу осмысленно, самостоятельно, ничего подобнаго не было: судьи и между собой, и съ тяжущимися вели пренія-совѣтъ спокойно, а подсудимые и свидѣтели ничѣмъ непристойнымъ себя не заявляли (VI. 20. 670. 685. III. 104. I. 4).

писаря «ни одно дѣло не рѣшается»; такихъ-то самостоятельныхъ судей «недовольные рѣшеніемъ ихъ ругаютъ не только заглазно, но, зачастую, и прямо въ лицо, а иногда даже просто бьютъ» (VI. 162. V. 442). Впрочемъ, такое отношеніе къ волостному суду констатировано въ меньшинствѣ волостей. Вообще же крестьяне, несмотря на печальное состояніе своего суда, дорожатъ имъ, или точнѣе — идеей его, отстаиваютъ его. Но объ этомъ рѣчь послѣ.

В. Е. Денскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

КРЕСТЬЯНСКОЕ ЦАРСТВО.

(ОЧЕРКИ И ВПЕЧАТЛѢНІЯ ЛѢТНЕЙ ПОѢЗДКИ НА ВАЛААМЪ.)

XVIII *).

Монахъ тоскующій.

Дорога — лѣсомъ. Солнце, сухой стрекотъ кузнечиковъ. Монастырскіе овсы остались позади — густые, дородные. Кругомъ по Ладогѣ неурожай, а тутъ точно невидимая сила помогаетъ, всего же вѣрнѣе—обиліе лѣсовъ и горы, закрывающія поля отъ непогоды. Иду одинъ, куда глаза глядятъ; топь встрѣтилась—топью. Лягушечья мелочь въ травѣ прыгаетъ чуть не изъ-подъ самыхъ ногъ въ стороны. Черный дроздъ вверху поетъ свою заунывную пѣсню. Невольно останавливаешься, чтобы не пропустить этихъ грустныхъ, грустныхъ тоновъ, совершенно подъ-стать сумрачному сѣверному лѣсу. Вотъ—мелководное озеро, осокой по краямъ поросло. Утки полощатся. Солнце въ немъ горитъ тысячами яркихъ бликовъ. Смолкъ и дроздъ; тишина совсѣмъ, только листва шумитъ, да и то временами, точно кто вздыхаетъ въ чащѣ. О чемъ?... Прелестный уголокъ этотъ «зимниками» называется. Вонъ узенькій мысокъ и выходъ въ море. На самомъ носу у мыска дерево поднялось—кудрявое, веселое, все въ свѣту, точно пронизано имъ. Вонъ другой мысокъ; рощица на немъ тоже подъ солнцемъ млѣетъ. Сквозь нее небо видно.

Что за прелестная пустыня! И главное—ни одной черной рясы подлѣ.... Улеглось старое горе, точно его и не было никогда. Точно еще вчера, въ безсонную ночь, не томило оно на жесткой постелѣ въ кельѣ, гдѣ самые своды будто давятъ и гнетутъ

*) *Русская Мысль*, февраль 1881 г.

живую душу. «Коли бы горя не было, Бога бы не было», говорятъ монахи. Зачѣмъ тогда Богъ?... Вонъ стрекоза проплыла мимо въ тепломъ воздухѣ. Сквозныя крылья ея блещутъ на солнцѣ. У нея горя нѣтъ до зимы, а зима — смерть. Хорошо, когда за горемъ смерть идетъ, если вмѣстѣ они. Легко тогда... Какъ пришибетъ, такъ и заснешь, а во снѣ всякая скорбь сносна.... Проснешься ли только? Да и къ чему просыпаться? Не стóитъ....

Прошлогодній листъ хруститъ подъ ногами. Гдѣ-то утка разоралась громко, громко.... Ей такой же отвѣтъ изъ другой заводи.... Разговоръ пошелъ. Эко мѣсто сухое выдалось — мягкое, мохъ пушистый выстлалъ его склоны. Сверху клены раскинулись и протянули вѣтви надъ этою пустынькой.... А солнце все-таки со стороны бьетъ въ нее.... Улегся я—мягко, сухо, чудесно.... Кто-то сталъ между солнцемъ и мною. Когда я открылъ глаза,— высокая, худая фигура. Мертвенное, страшно блѣдное лицо, некрасивое, только глаза на меня чуть не пламенемъ пышутъ; подошелъ поближе—несомнѣнно молодой человѣкъ, а какія морщины на немъ.

— Здравствуйте!

Низко, низко поклонился. Хотѣлъ было мимо пройти, да что-то въ памяти мелькнуло.

— Вы NN?—назвалъ онъ меня.

— Я....

— А меня не узнаете? Всмотритесь.... Перемѣнился?

Сколько грусти въ этомъ молодомъ голосѣ!

— Не ошибаетесь ли вы?... Положительно не помню.

— О—въ!

Я вскочилъ,—такъ было это неожиданно. Встрѣтить товарища дѣтскихъ лѣтъ—и гдѣ же?—на Валаамѣ!

— Давно слышалъ, что ты.... вы здѣсь.

— Пожалуйста, другъ, по-старому.

— Эхъ, старое, старое!... Коли бы вернуть его. Помнишь ли ночи, когда мы, бывало, по набережнымъ шлялись до утра? Луна свѣтила намъ ясная, ясная.... И жизнь была ясная.... Мечты о счастіи общемъ, о подвигахъ, о великодушіи, и въ концѣ-концовъ—жертва за всѣхъ, крестная смерть.... Какія сновидѣнія!... Гдѣ они? Куда ушли?... Какой вѣтеръ ихъ снесъ? Еще ты работаешь, знаютъ тебя.... А я.... видишь?—показалъ онъ на черный клобукъ.

— Скажи, какъ ты попалъ сюда?

— Что спрашивать.... Не все ли равно? Много подъ рясой схоронено.... Не слѣдуетъ вырывать мертвецовъ.

— Измѣнился.... Похудѣлъ.... Сѣдой совсѣмъ....

— Да.... Это въ послѣднія шесть лѣтъ.... Не все снами да грёзами длилось.... Какъ листья осенью, облетѣлъ. Пнями голыми стали мы. Снѣгъ кругомъ, холодъ.... Небо въ тучахъ.... Тучи и въ сердцѣ, безразсвѣтныя....

— Ты по-прежнему поэтъ?

— Нѣтъ, это тебя увидѣлъ. Сегодня я послушаніе свое рано кончилъ, вотъ и хожу.

— Что-жь ты раньше ко мнѣ?

— Въ келью-то? А порядки наши?—Поди спросись.... А спросишься, еще благословятъ ли.... И въ гостиницѣ то и дѣло братія бы сновала. Что, да какъ? Пробовалъ ли ты сажать, ну, хоть стрекозу вотъ эту въ муравейникъ?

— Нѣтъ, удивился я.

— А судьба сажаетъ. Ей, стрекозѣ, солнца, воздуха надо, а тамъ—темень. Работа тамъ идетъ подземная.... Всѣ работаютъ.... А зачѣмъ—никто не знаетъ. И крылья остались, да летѣть некуда.

Сѣлъ около меня, охватилъ колѣна руками и задумался.

— Помнишь, мы разъ съ тобой на Николаевскомъ мосту стояли?... Вечеръ былъ сумрачный, темный. Рѣка точно свинцовая стремилась подъ арки.... Я и говорю тебѣ: коли бы мы знали свое будущее, такъ можетъ-быть оба—черезъ перила туда, на дно. У тебя тоже съ той поры было много.... Я знаю, слышалъ, да ты выстоялъ,—боевая натура. А вотъ я—нѣтъ. Не хватило силы, тишины захотѣлъ; а гдѣ тишина какъ не на Валаамѣ. И въ муравейникѣ тихо.... Ты знаешь, я женатъ? То-есть былъ....

— Овдовѣлъ?

— Нѣтъ, она жива.

— Изъ-за нея?...—не докончилъ я.

— Да.... нѣтъ.... Но другому бы прошло, а меня сломило.

— Гдѣ она?

— Въ Петербургѣ. Тоже мученица... Знаешь, ужь не люблю я ее, а такъ мнѣ ее жаль, такъ безконечно жаль.... Загубила она и себя, и меня загубила.... Ахъ, натура какая была!... Чистая, честная.... Безъ удержу на все.

— А виноватъ кто—она?

— Кто?...—монахъ потупился. Слезы стали въ глазахъ.— Я виноватъ.... я одинъ.... Ее не хочу мыслью даже обвинить, не токмо словомъ. Богъ съ ней.

— Какъ же случилось это?—взялъ я его за руку.

— Случилось?... А вотъ.... Ты знаешь, увлекался я всегда. Такая ужь натура. Во Франціи меня бы на баррикадахъ убили, въ Италіи подъ ножомъ бы умеръ. Ну, а у насъ ни баррикадъ, ни ножей, за то вотъ такія могилы для живыхъ есть,— махнулъ онъ головою по направленію къ монастырю. Оттуда въ это время зазвонили и тягучіе удары колокола всколыхнули на минуту торжественное молчаніе этого зеленаго царства.—Да, вотъ такія живыя могилы. Увлекался я, ты знаешь, женщинами часто, много. Узды на себѣ не чувствовалъ.... Свободой дорожилъ.... Ну, она все видѣла, все знала.

— Жена?

— Да. Томилась, терпѣла, таяла.... таяла.... Цѣлыя ночи навзрыдъ плакала,—потомъ ужь я все это дознался,—да вдругъ и сломала...

— Ушла, бросила?

— Зналъ бы ты куда ушла!...—Голосъ его точно охрипъ вдругъ,—такъ трудно было ему выжимать слово за словомъ.— Куда ушла-то, куда....

— Къ другому?

— Еслибы.... Нѣтъ.... Уѣзжалъ я въ Москву.... Назадъ вернулся — вся семья безъ памяти. Двое дѣтей было. Малютки ревмя ревутъ: «Мамы нѣтъ, мама пропала!...»

— Ну?...

— Отыскалъ маму.... Я нашелъ самъ.... Знаешь гдѣ, знаешь?

Онъ меня схватилъ за руку. Ротъ его скривился, судороги жали по лицу....

— Въ публичномъ домѣ—вотъ гдѣ!... Въ публичномъ домѣ нашелъ.

— Взялъ ты ее?

— Не пошла.... Не винилъ я, нѣтъ! На колѣняхъ стоялъ, молилъ... Дѣтей привезъ—и къ дѣтямъ охладѣла, и не взглянула на малютокъ.... Мимо глаза скользнули... «Все равно теперь», говоритъ.

— Дальше-то, дальше что?...

— Убѣдилъ ее уйти, наконецъ.... Привезъ домой, не вспоминалъ ни разу... Сама себя съѣла: мучилась, билась, нить начала, безобразно пить.... Знаешь, какъ водку жрутъ?... Ну, вотъ.... Можешь видѣть въ Питерѣ на улицахъ. Бѣгаетъ вездѣ, въ части ночуетъ.... Разъ привезли ее ко мнѣ съ городовымъ. Что я ей могъ сказать?

— А дѣти?

— Дѣтей я отдалъ брату.... Онъ увезъ ихъ.... Я сюда вотъ.... въ живую могилу.... А какая душа была!... Какая душа — чистая, святая, свѣтлая! Какъ сквозь стеклышко вся насквозь видна была.

— Неужели спасти нельзя было, увезти?...

— Пробовалъ. Куда увезешь, когда недугъ въ ней самой, куда?... Всюду его за собой таскаетъ.... Разъ, наконецъ, ушла и годъ пропадала. Эхъ! гдѣ, братъ, тѣ ночи свѣтлыя, тѣ грёзы молодыя?... Жизнь-то, жизнь какая мерещилась! А теперь я что?— Вонъ прошлогодній листъ на грязной дорогѣ, подъ ногами у всѣхъ.... затоптанный.... А знаешь, и теперь ночи бываютъ.... Ахъ, какія страшныя ночи..... Дѣти мои, дѣти!

Слова утѣшенія показались бы пошлыми въ виду такого горя. Я молчалъ.

— Знаешь, я думалъ, здѣсь трудъ свыше мѣры,— утомленіемъ убить, работой. Не убилъ горя.... Измаешься, устанешь, уйдешь въ келью, смертный сонъ моритъ. Ляжешь, заснешь.... А черезъ часъ вдругъ точно что въ сердце толкаетъ. Встанешь — и дышать нечѣмъ, воздуха точно нѣтъ. Грудь въ тискахъ.... Голова тяжела, тяжела.... Душитъ всего.... А въ глазахъ длинная улица. Дождь сѣчетъ, подъ дождемъ она бѣжитъ пьяная, грязная. Бьютъ ее — и все это по больной душѣ. Душа у нея больнѣй моей. Думаю, бѣжитъ она теперь и раззореное гнѣздо вспоминаетъ, дѣтей отнятыхъ.... Вскочишь съ койки, какъ бѣшеный. Нѣтъ мочи, грудь сжимаетъ.... Заплакать бы—слезъ нѣтъ. Во дворъ уйдешь — темень. Сказать некому.... Можешь ли ты понять это—сказать некому?... Ни одной души! Услышать слова не отъ кого. Ахъ, другъ мой, другъ мой! Къ духовникамъ ни-дался. Да развѣ это люди, развѣ люди? «Таковую мать и жалѣть нечего, говорятъ. Какая она мать, если единородныхъ чадъ бросила? И грѣха на тебѣ нѣтъ», утѣшаютъ. Да развѣ я о грѣхѣ, да развѣ я грѣха боюсь?... Будущаго искупленія! Мнѣ ее жаль,— не понимаютъ они,— ее одну жаль!...

— Ты не долженъ былъ уходить въ монастырь.... Этимъ не спасешь ни себя, ни ее.

— Знаю, знаю... Поздно! Мнѣ иногда кажется, я бы лучше сдѣлалъ, еслибъ убилъ ее и самъ на каторгу ушелъ... И ей бы легче, и мнѣ.

— Ты правъ,—согласился я, оцѣнивъ весь этотъ ужасъ.

— Лучше было бы, лучше.... Прощай!—порывисто всталъ онъ,—прощай!

— Куда ты?

— Ахъ, опять душитъ.... Уйду въ лѣсъ.... Прощай.... Ночи мнѣ страшны, ночи.... Прощай!...

— Увидимся?

— Нѣтъ, зачѣмъ.... Прощай!...—уже донеслось до меня издали и черная, длинная фигура совсѣмъ пропала изъ глазъ....

Наконецъ и въ этой общинѣ упорныхъ рабочихъ и крестьянъ-монаховъ нашелся хотя одинъ тоскующій инокъ. Съ его появленіемъ вся эта обитель уже явилась передо мною въ иномъ свѣтѣ. Уже не было такъ противно самодовольствіе примиренныхъ черноризцевъ. Точно вдохнули сюда душу живу.

XIX.

Въ монастырскихъ садахъ.—От. Никаноръ-садовникъ.—От. Израиль.—Ссыльный протоіерей.

«Да, полно, на Сѣверѣ ли я?»—думалось мнѣ, когда я осматривалъ валаамскіе сады. Одинъ изъ нихъ подъ монастыремъ. Длинная аллея яблонь ведетъ въ него, вся опушенная бѣлыми цвѣтами, благоухающая.

— Это у насъ бѣлый наливъ. Онъ всегда дозрѣваетъ, а остальные сорты, случается, хоть и рѣдко, не выходятъ.... А бѣлаго налива мы страсть сколько собираемъ!... Здѣсь еще что, а вотъ въ другомъ саду, повыше, истинное изобиліе плодовъ земныхъ! Тамъ у насъ куда лучше.... Тѣмъ садомъ чудесно верховодитъ о. Никаноръ. Онъ прежде въ Гатчинѣ былъ аптекаремъ. Я у него здѣсь и учился садоводству этому.

Объяснялъ мнѣ все это о. Степанъ, красивый монахъ изъ корелъ, молодой еще, строго слѣдящій за тѣмъ, чтобы мальчики-трудники не воровали у него ягоды.

— Бѣда! Чуть не усмотришь, въ какомъ-нибудь кустѣ ужь копошатся.

Бесѣдка, густо заросшая акаціями, манитъ въ свою прохладу и тѣнь. Отъ сегодняшней жары настоящее спасеніе. Нѣсколько лѣтъ назадъ здѣсь былъ крутой спускъ и только. Мѣсто это понравилось іеромонаху Гавріилу, изъ богатыхъ купцовъ.

— Благослови саду тутъ быть!—обратился онъ къ о. Дамаскину.

— На свой счетъ станешь разводить?

— Для обители отчего не потрудиться.

Сдѣлали площадку, навезли сюда плодоносной земли и, при помощи дароваго труда братіи, въ самое короткое время разбили прекрасный садъ. Первое время онъ давалъ девятьсотъ четвериковъ яблоковъ, а теперь только сто,—недородъ нонѣ.

— Мы и братію сюда не пускаемъ. Строго.... И безъ того все изъ сада въ трапезу братскую идетъ. Плоды поспѣютъ — плоды, изъ ягодъ тоже. Себѣ ничего не утаиваемъ.

Другой садъ — верхъ роскоши. Я приглашаю любителей садоводства съѣздить на Валаамъ, благо недалеко. Регелевскіе въ Петербургѣ не выдерживаютъ сравненія съ этимъ. Онъ находится подъ управленіемъ о. Никанора, серьезнаго и умнаго монаха, глубоко изучившаго это дѣло. Помимо свѣдѣній, онъ страстно любитъ природу и воспитываетъ ее у себя съ такою нѣжностію и вниманіемъ, съ какою могла бы воспитывать только мать своего ребенка. Онъ очень сумраченъ, когда говоритъ съ вами, молчаливъ; но нужно видѣть, что выражается въ его лицѣ, въ его глазахъ, когда онъ смотритъ на чудеса, созданныя имъ здѣсь,—разумѣется, чудеса для Сѣвера. На одномъ деревѣ, напримѣръ, привито девять сортовъ яблоковъ разныхъ цвѣтовъ и величины,—одни маленькіе, другіе въ полуфунтъ вѣсомъ.

— Какъ поспѣютъ, иллюминація какая!—гладитъ онъ, проходя мимо, это деревцо.— Одно сквозитъ, а другое словно налито густо, густо.... Еще привью.... Пусть только яблонька пуще въ силу войдетъ.... Вотъ она! И деревомъ вѣдь назвать нельзя,—такъ, кустикъ маленькій.

— Это — вишня?

— Шпанка.... А съ нея до девяноста фунтовъ снимаемъ. Нонѣ у насъ недородъ.

Здѣсь отлично культивируется земляника. Доходитъ такъ-называемая «президентская» до 15 золотниковъ ягода. Яблоковъ же здѣсь разводится девяноста сортовъ.... Опортовые

яблоки бываютъ по фунту каждое, а бѣлый наливъ достигаетъ 90 золотниковъ. Неутомимый о. Никаноръ съ 1866 года развелъ здѣсь, одинъ, тысячу пятьсотъ фруктовыхъ деревьевъ на сравнительно небольшомъ пространствѣ. Притомъ все это распредѣлено имъ такъ, что почва не истощается, свѣжа, какъ и въ первое время. Въ Америку онъ послалъ слѣпки шестидесяти семи сортовъ валаамскихъ яблоковъ и съ нѣкоторыхъ выставокъ садъ этотъ получилъ золотыя и серебряныя медали, не говоря уже о похвальныхъ и почетныхъ отзывахъ. Садъ этотъ имѣетъ большое вліяніе на весь околодокъ. Никаноръ роздалъ береговымъ финнамъ и кореламъ болѣе 300 деревьевъ и продолжаетъ раздавать ихъ далѣе. Благодаря этому обстоятельству, въ странѣ начинается культура такихъ растеній, которыхъ прежде не было. Я нисколько не погрѣшу противъ истины, если назову этого монаха-аптекаря истинно-просвѣщеннымъ садоводомъ.

— Прошлымъ лѣтомъ здѣсь отъ засухи осыпались плоды. Тутъ же небольшой прудъ. На немъ плаваютъ лебеди.

— Откуда вы ихъ добыли?

— Дикіе были. Позднею осенью летѣли, отъ стада своего отбились. Подняли мы ихъ больными,—отморозили должно-быть лапы,—ну, отводили ихъ и приручили. Теперь у насъ живутъ, а на зиму мы ихъ въ сарай прячемъ.

Отецъ Никаноръ замѣняетъ въ обители и врача. Впрочемъ, для всѣхъ окрестныхъ мѣстъ онъ единственный цѣлитель. Отъ одной глазной болѣзни къ нему ходятъ лѣчиться человѣкъ пятьсотъ въ годъ и еще болѣе—отъ чесотки; случается—и отъ зубной боли. Всего монастырь за свой счетъ пользуетъ отъ трехъ до четырехъ тысячъ.

— Былъ страшно тяжелый годъ—1868-й; тогда къ намъ въ обитель до 5.000 больныхъ явилось.

— Администрація тогда доносила, что голода нѣтъ, а это только одни пустые слухи?

— Какое слухи! Да тутъ по Приладожью отъ голода до пятидесяти тысячъ человѣкъ примерло! Доноси, пожалуй, что хочешь...

Роскошная папоротниколистая липа шумѣла надъ нами.... Вѣтра не было, за то въ ея золотистой чащѣ гудѣли тысячи пчелъ.

— Это—дикія все къ намъ пожаловали. Тоже обителью питаются Божьи работнички.

— Имъ эта липа — что гостиница, только что денегъ не берутъ.

— Странноприимница!

— Веселое дерево.... Иной разъ задумаешься внизу, а пчелы гудутъ надъ тобою, точно лѣсъ вдали шумитъ, либо волны по взморью ходятъ.

— Жалятъ?

— Нѣтъ, насъ не жалятъ. Примѣру не было.... Она, пчела эта, страсть табаку не любитъ.... Ежели бы кто табакомъ занимался,—ну, тогда.... Только у насъ некому.

— И тайкомъ не курятъ?

— Какъ знать, что въ сокровенности совершается. А только, я такъ полагаю, не малодушествуютъ вовсе. Какая отъ него, отъ табаку этого, польза? Грудь сушитъ, ну... и въ мысляхъ какъ бы затмѣніе,—пояснилъ о. Алимпій, выходя со мной изъ этого прекраснаго монашескаго «вертограда».

На встрѣчу намъ сумрачный монахъ. Взглядъ внизъ, поступь неувѣренная.

— Отецъ Израиль!—привѣтствовалъ его мой спутникъ.

Тотъ пугливо оглянулся и — въ сторону, точно застыдился чего-то.

— Что это онъ?

— Хорошій былъ прежде монахъ, да искушеніе.... Надежный монахъ былъ. Бѣсъ его попуталъ. Врагъ силенъ, — ну, и изловилъ его... А былъ хорошій монахъ... Нынѣ въ несчастіи...

— Какомъ?

— Умомъ какъ будто помутился, но только работаетъ, ничего. А онъ до какой степени дошелъ: назначенъ былъ съ Валаама въ другую обитель настоятелемъ!... Ну, не выдержалъ, и вернули его къ намъ, какъ бы на смиреніе.

— Чего не выдержалъ и за что его смиряютъ?

Но о. Алимпій сообразилъ, что и безъ того сказалъ много.

— Нѣтъ, такъ.... Не надо осуждать. Всѣ мы слабы, одинъ Богъ безъ грѣха.... Ничего и не было.

Только впослѣдствіи, встрѣтившись съ моимъ гребцомъ Юдинымъ, узналъ я исторію о. Израиля. Былъ онъ, дѣйствительно, монахъ надежный или, какъ выразился Степка, пень. Пень, видите ли, потому, что свернуть его съ пути истиннаго трудно было. Одинъ изъ монастырей небольшихъ славился своею распущенностью. Нужно было для исправленія назначить туда

маленькаго о. Дамаскина! Искали, искали,—куда же обратиться, какъ не въ Валаамъ? Израиль жизнью своею былъ столь примѣренъ, что его, не обинуясь, послали отсюда править обителью. Первый годъ онъ, дѣйствительно, правилъ какъ слѣдуетъ, а на второй вселился въ старца «піяный» бѣсъ и сталъ этотъ піяный бѣсъ столь злокозненъ, что вслѣдъ за собою привелъ еще и блуднаго бѣса. Сіи два совсѣмъ овладѣли Израилемъ.

— Пріѣзжаю я къ Израилю,— повѣствовалъ Степка,— а у него на столѣ въ кельѣ водка. «Пей, Степка! кричитъ.— Это, братъ, не Валаамъ. Довольно, будетъ, помучили! Тутъ я положилъ дать себѣ волю. Гуляй душа!»... Ну, я сейчасъ же выпилъ и онъ выпилъ... Спрашиваю у братіи, каковъ новопоставленный?—«А пьянъ всегда», говорятъ.

За одной бѣдой всегда слѣдуетъ другая. Сила, которая дана была старцу Валаамомъ, за предѣлами его не дѣйствовала вовсе. Около обители, гдѣ правилъ Израиль, деревня была, а въ деревнѣ приглянулась ему баба.

— Хорошая баба!—одобрялъ Юдинъ.—Такая баба... крѣпкая, толстая баба, ржаная!

Израиль обратилъ на эту бабу благосклонное вниманіе. Бабѣ жилось голодно,— ну, монастырскимъ хлѣбамъ обрадовалась. Еще пуще на нихъ окрѣпла. А въ слѣдующій пріѣздъ Степки у ржаной бабы оказались ужь и монашки,—разумѣется, не чудеснаго зачатія, а отъ чреслъ Израилевыхъ.... Тутъ Израиля еще пуще въ голову ударило.

— Совсѣмъ съ узды сорвался старецъ.... «Хочу я, говоритъ, по-людски жить. Есть у меня младенцы,— буду я имъ родителемъ настоящимъ. Пей, Степка, въ мою голову,—здѣсь не Валаамъ! Братія, пей....» И въ скорости монастырь этотъ совсѣмъ піянымъ монастыремъ сталъ. Ну, тутъ ужь начальство узнало. Не помиловали старца: разжаловали и вернули на смиреніе въ Валаамъ. Что случилось съ ржаной бабой и ея маленькими Израилями, о томъ преданіе не говоритъ.

Израиль-отецъ въ Валаамѣ духомъ смирился. Піяный и блудный бѣсы отошли отъ него. Теперь онъ смутенъ разумомъ и недуженъ сердцемъ. Ходитъ какъ потерянный и ни единому брату не можетъ въ глаза смотрѣть.

Нужно отдать справедливость братіи,— смутнаго старца не укоряютъ, а напротивъ, жалѣючи его слабость, всячески стараются утѣшить.

Тутъ на смиреніи бывали и интересные люди.

Вотъ, напримѣръ, протоіерей Левашовъ. Онъ попалъ сюда за то, что покойному императору Николаю Павловичу написалъ «отеческое увѣщаніе» въ защиту крестьянъ противу откуповъ. Сначала думали, не съумасшедшій ли онъ, потомъ привезли его сюда. Здѣсь онъ оказался старцемъ прозорливымъ и мудрымъ. Притекавшихъ къ нему богомольцевъ сладкими словесы утѣшалъ несказанно. Съ монахами онъ сходился не особенно. При первой возможности Левашовъ оставилъ Валаамъ и перебрался въ Глинскую пустынь, гдѣ и умеръ схимникомъ Парѳеніемъ.

Объ этой интересной личности я довольно настойчиво собиралъ свѣдѣнія, но не добился ничего, у кого ни спрашивалъ.

— Знали Левашова?

— Зналъ. Тутъ онъ въ скитѣ Всѣхъ Святыхъ у насъ былъ.

— Разскажите.

— Не подлежитъ.

— Да почему же не подлежитъ? Сколько времени прошло?

— По политической прикосновенности, какъ же...

А потомъ просто рукой отмахивались.

Старцы валаамскіе не только жизнь ведутъ скромную, но и на языкъ куда какъ осторожны, даже свыше мѣры. Простодушныхъ соловецкихъ типовъ тутъ мало. Народъ все выдержанный, замкнутый. Говоря съ вами, они изучаютъ васъ и взвѣшиваютъ каждое слово. Здѣсь во-истину соблюдается правило — «во многоглаголаніи нѣсть спасенія». Даже образованные монахи какъ-то дичатся и держатъ языкъ на привязи. Съ мірскимъ человѣкомъ, видимо, настоящей дружбы не сведутъ. Какъ ни простъ душою былъ, напримѣръ, о. Алимпій, котораго за искренность называли «прелестнымъ» старцемъ, но и тотъ смущался.

— Ахъ, милый,— въ припадкѣ любви изъяснялся онъ,— и сказалъ бы я тебѣ, да вѣдь вонъ у тебя книжка. Чиркаешь ты въ нее все.... Тебѣ скажешь, а ты сейчасъ—чиркъ. А Господь знаетъ, на пользу ли это святой обители. Можетъ, ты и иновѣръ какой.

— Вотъ еще!—запротестовалъ я.

— Да вонъ у тебя взоръ какой.... Легкій.... Вольный у тебя глазъ.... Страха не видитъ. А тутъ, знаешь, какое дѣло, страхъ надобенъ. Ахъ, и какой еще страхъ надобенъ! Чтобы душа въ тебѣ трепетала, чтобы всякое помышленіе твое было: Господи, помилуй мя грѣшнаго. А ты вонъ все въ книжку. Я ужь и то думаю, православный ли ты.

— Какже иначе?...

— Постой!... Вонъ, сказываютъ, армянскіе люди тоже Христа не отрицаются, а лѣвой рукой крестятся.

— Не правда.

— Ну, вотъ, благодарю, утѣшилъ ты меня въ печали моей! А то я все за нихъ духомъ скорбѣлъ. «Какже это такъ?—думалъ,—въ Христа вѣровать вѣруютъ, и лѣвой рукой....» По лѣвую-то руку, ошую, знаешь ли кто?—Духъ зла!... А все же настоящаго трепета въ тебѣ нѣтъ. Это ты, братъ, какъ хочешь, а нѣтъ. Можетъ и вѣра есть, а страха—нѣтъ.

— Зачѣмъ же страхъ?

— Да какъ же передъ могуществомъ Его?... Однимъ дыханіемъ своимъ убить Онъ тебя можетъ, а ты трепетать не хочешь. Духъ въ тебѣ гордыни мятется—вотъ что!

XX.

Смолокурня.—Известковый заводъ.

— Не угодно ли нашей смолокурней полюбоваться?—пригласилъ меня какъ-то о. Виталій, обязательный и симпатичный монахъ, попавшій въ обитель изъ петербургскихъ мѣщанъ.—Знакомое вамъ дѣло?

— Какъ же, на сѣверѣ я видѣлъ у крестьянъ.

— Что у крестьянъ! Монастырь это дѣло большимъ хозяйствомъ ведетъ, на широкую ногу.

— А именно?

— Заводски. Приспособленія мы особыя придумали. Сами увидите. Вы какъ думаете, наша курня съѣдаетъ пятьдесятъ саженъ дровъ, да пятьдесятъ саженей пня. Всего выгоняется сто восемьдесятъ девять пудовъ скапидару. Нашъ скапидаръ въ Петербургѣ извѣстенъ, высоко цѣнится,—чистый, какъ слеза. Сто пудовъ мы продаемъ Штолю и Шмиту по 3 р. 50 к. за пудъ, а остальное себѣ на краску и на прочее. Смолы выкуриваемъ тысячу пуд.,—250 пудовъ для себя, а 750 въ продажу судовщикамъ, по 70 к. за пудъ. Курню наши рабочіе страсть не любятъ! Мы монаховъ ставимъ.

— Почему?

— Да вотъ—не угодно ли рубить пни?... Самое каторжное дѣло: двое рабочихъ надъ саженью провозятся недѣлю, и ужь если очень хорошіе трудники—ну, полторы нарубятъ. А и платы

всего за сажень рубль. Зимой только и находимъ на это дѣло рабочихъ. Безкормица у нихъ, они и идутъ. Случается, что и на пятьдесятъ копѣекъ идутъ иногда съ охотой. Меньше гривенника недѣля приходится. Все равно ему,—съ голода дома пухнетъ. Тутъ народъ бѣдный. Иной разъ изъ-за пятака-то потѣетъ, потѣетъ. Тутъ такой народъ, что если умеръ человѣкъ, прямо его въ рай, потому онъ натерпѣлся. Вы какъ полагаете: нарубилъ, да и кончилъ?—Нѣтъ, ты сначала выворочай пни въ лѣсу, изъ земли, либо выруби ихъ, доставь сюда, да здѣсь и руби. Да еще очисти ихъ отъ грязи, потому грязный пень какую онъ смолу дастъ?

Смолокурня хорошо отстроена, только вся прокопчена. Внутри—двѣ громадныхъ печи. Внизу у нихъ стоки для воды и смолы. Вышина каждой печи—двѣ съ половиною сажени, въ діаметрѣ—двѣ сажени. Помѣщеніе для дровъ сбоку; отсюда жаръ идетъ внутрь, спиралью, по особо-устроенному ходу.

— Лѣтомъ печь не работаетъ. Никто сюда не ходитъ,—ишь какъ запустѣло.

Въ темнотѣ на полу поднялись даже какіе-то противные бѣлые грибы. Пахло смолой и скипидаромъ. Липкія черныя лужи стояли по угламъ....

— На все своя очередь у насъ. Первые четыре дня скапидаръ идетъ. Въ первый день три пуда изъ каждой печи, во второй—два, а на пятый ужь смола течетъ. Скапидаръ вверхъ испаряется, выводится въ холодильникъ трубками, а смола внизъ бѣжитъ.

— Почему же лѣтомъ не работаете?

— Да потому, что для холодниковъ очень студеная вода нужна и ледъ....

Тутъ съ котлами требуется страшная осторожность. Дрова и пни, положенные въ нихъ, отъ дѣйствія жара прѣютъ и обугливаются. Стоитъ попасть туда частичкѣ воздуха и они вспыхнутъ. Взрывомъ всѣ эти кирпичныя кладки и сараи разнесетъ во всѣ стороны.

— Пуще всего боимся этого. Всѣ дыры замазываемъ крѣпконакрѣпко. Работа зимою идетъ у насъ на двѣ смѣны—денно и нощно, безъ отдыха, потому что печь затопишь ужь на всю недѣлю. Сразу на сорокъ пудовъ смолы, да на десять скапидара разсчитано.

Съ каждой топки остается 30 кулей угля, который въ свою очередь служитъ для кузницы и слесарни. Работа идетъ такъ: въ воскресенье печь остываетъ отъ старой топки, а въ понедѣльникъ выгребаютъ уголь, насаживаютъ на его мѣсто свѣжіе пни и затапливаютъ. Зола и пудра угольная остается массами, но ее не бросаютъ: она идетъ на обкладку водопроводныхъ трубъ, чтобы не ржавѣли лѣтомъ и не мерзли зимой, а слѣдовательно и не лопались. Остальные дни—вторникъ, среда, четвергъ и пятница—парится и течетъ скипидаръ и смола. Ну, а въ субботу, ввечеру, кончается все дѣло. Теперь вокругъ смолокурни и въ ней самой мертвая тишина. Только лѣсъ шумитъ кругомъ, да посвистываютъ коростели по оврагамъ.

О. Виталій шесть лѣтъ пробылъ на смолокурнѣ. Всякаго почти монаха гонятъ сюда на первыхъ порахъ. Отъ грязной работы никто не вправѣ отказываться. О. Пименъ кандидатомъ университета сюда пріѣхалъ, да и то въ смолокурню поставили. Дамаскинъ чернорабочихъ монаховъ приводилъ въ примѣръ остальнымъ. По старому своему крестьянскому свычаю, ужасно любилъ онъ этотъ «грязный» трудъ.

— Бывало съ субботы на воскресенье вернемся въ обитель,—разсказывалъ о. Виталій,—несетъ отъ насъ за версту смолой. Братія—которые морщатся, а о. Дамаскинъ сейчасъ: «Поближе, поближе ко мнѣ, отцы! Эхъ, какъ хорошо пахнетъ отъ васъ, спаси васъ Господь,—видимо трудились, не бѣлоручничали!»

— У насъ этихъ чистоплюевъ нѣтъ, чтобъ совсѣмъ гнушались, а все-жь непріятно,—пояснилъ другой монахъ.—Разъ къ намъ изъ другой обители чистоплюя такого прислали на смиреніе. Онъ было носомъ повелъ, а о. Дамаскинъ его самого сейчасъ на смолокурню послалъ. Отъучился. Потомъ ему этотъ запахъ ужь не претилъ... Грѣхи!

— Вы у аптекарей поспрошайте о нашемъ скипидарѣ. Мы его такъ очищаемъ, что онъ у насъ ничѣмъ не пахнетъ. Вотъ въ стклянкѣ, понюхайте.

Дѣйствительно, запаха не было вовсе никакого.

— Какъ же вы этого достигаете?

— А это секретъ нашъ. Сами придумали, сами и дѣлаемъ.

Отъ смолокурни не далеко было до известковаго завода. Онъ построенъ весь изъ огнеупорнаго кирпича, приготовляемаго въ самой обители. Внутри сарай заваливаютъ кусками бѣлаго мрамора и восемь сутокъ топятъ нѣсколько печей, устроенныхъ въ

стѣнахъ его. Когда мраморъ такимъ образомъ обожжется, онъ разсыпается известкой. Сразу укладывается сюда двадцать четыре кубическихъ сажени камня. Всѣхъ печей двѣнадцать, по пяти съ каждой стороны. Топятъ такъ: пять сутокъ съ одной и трое сутокъ съ другой стороны. Сначала заводъ этотъ поставили изъ простыхъ кирпичей, такъ стали плыть они; тогда намѣстникъ, о. Аѳанасій, сталъ употреблять огнеупорный. Послѣ того, какъ известка готова, заводъ два дня остываетъ.

— Ночью зимней здѣсь на подобіе какъ бы ада! Печи пышутъ, жаромъ объемлютъ.... Думается: «Господи, ужь-ли же нонремъ, такъ же будемъ, какъ бы пни эти, въ непрестанномъ огнѣ горѣть?... Ну, испугаешься! Иной по своей жестоковыйности и не умилился бы, а какъ сюда придетъ, да посмотритъ, да одумается,— смотришь, слезу прольетъ и взмолится. Шумъ тутъ у насъ тогда, большой шумъ, трескъ. Камень трещитъ, дрова тоже. Искры летятъ подъ самое небо, а кругомъ тьма кромешная. Зимнія ночи такія бываютъ, что въ двухъ шагахъ ни зги не видно.

— Особливо молодымъ, непривычнымъ, трудно. У печей жаръ, а выскочитъ—морозомъ его охватитъ. Другой прямо отсюда въ больницу, коли не побережется. Нужно такъ: влѣзъ въ жару, такъ и сиди въ ней, не остывай, иначе бѣда, — сводетъ совсѣмъ, очумѣешь.... Въ субботу-то придешь въ обитель, словно ты въ рай попалъ.

На смолокурнѣ и на известковомъ заводѣ исключительно работаютъ иноки.

XXI.

Ильинскій скитъ.

— Сегодня я вамъ покажу красоту нашу дивную,—вошелъ ко мнѣ о. Пименъ.—Вставайте-ка.... Спаси васъ Богъ.

— Куда мы направимся?

— Въ скитъ Александра Свирскаго. Мѣста увидите — скажете, куда-нибудь на далекій югъ попали, въ Крымъ что-ли....

Дорога шла лѣсомъ, густымъ и красивымъ, и каковъ бы ни былъ зной, тутъ вѣчная прохлада. Тѣсно обступаютъ путь въ самомъ разнообразномъ смѣшеніи березы, сосны, клены и ели, на горы взбираются, съ горъ по откосамъ сползаютъ въ лощины, скалы опутываютъ цѣпкими порослями. Часовенка въ лѣсу словно охвачена зелеными облаками. Вѣтви рвутся въ окна, ревниво сто-

рожать двери. Гранитъ то и дѣло взрываетъ почву; иной разъ у самыхъ корней лѣснаго великана острый гребень утеса борется съ мягкимъ мохомъ и желтыми лишаями. Вотъ, вотъ заткутъ его совсѣмъ.... Издали еще слышны волны.... Ладога бьется въ берегъ, словно и ей хочется дорваться до этого красиваго, тихаго, словно заколдованнаго царства дремы и тѣни. Избушка на курьихъ ножкахъ у самой воды. Думаешь, баба-яга выйдетъ, а вышли иноки.

— Наши рыбари!... Ну, какъ дѣла, Господи спаси?

— Ловится, ничего. Господь посылаетъ.... Благословенная, сама въ сѣть идетъ.

— Потрудитесь, потрудитесь, отцы....

Три большія соймы вытащены на берегъ. Въ голубомъ просторѣ четвертая скользитъ подъ парусомъ. Каменная отмель; на ней сѣти раскинуты, сушатся подъ солнцемъ. Парусъ около, тоже сушится. Часовня далеко въ Ладогѣ; насыпь къ ней съ берега. Просто завалено озеро каменьями, на каменья щебень наброшенъ, а по щебню дорога. Море (будемъ ужь такъ называть Ладогу) бьется въ подножіе часовни, окружая ее каймой бѣлой пѣны. Море бьется и въ длинную насыпь. Уныло посвистываетъ какая-то пташка.

— Тутъ вода дерзновенная,—замѣтилъ одинъ рыбарь-монахъ.

— Почему это?

— На Савватіевскую часовню посягаетъ. Въ непогодь волненіе стихій таково, что до кровли ее забрасываетъ. А черезъ дорогу-то сплошь волна перекидывается, ходуномъ ходитъ. Мы разъ даже иконостасъ оттуда выносили,—думали, совсѣмъ размечетъ святыню. Таково было бореніе, но токмо,—стихія утихла, а святыня и доселѣ стоитъ. Такъ и въ жизни. Если кто Богу вѣренъ и на ангела своего хранителя уповаетъ, волны моря житейскаго хотя и вздымаются отвнѣ, а душѣ его ничего сдѣлать не могутъ, и стоитъ онъ безмятежно и благолѣпно.

Когда мы шли къ часовнѣ по этой насыпи, въ совершенно покойную погоду, волны Ладоги лизали наши слѣды, съ глухимъ шумомъ набѣгая съ востока. Что за красивые виды отсюда! Направо—длинная линія берега, пропадающая въ ослѣпительномъ блескѣ солнца; прямо—открытое море; налѣво чуть виденъ островокъ, весь покрытый соснами, весь млѣющій въ жарѣ и свѣтѣ, точно окутанный золотистымъ облакомъ. Вѣчный шумъ волнъ, вѣчное колыханіе вѣтвей.... Въ сентябрѣ тутъ празд-

нигъ. Къ тому времени отлично ловится палья-кумжа и изъ обители братія съѣзжается сюда на ловы.

Даль морская—совсѣмъ воздушная. Не отличишь, гдѣ море сливается съ небомъ. Въ безконечности море видно, въ безконечности и небо видно, а черты, отдѣляющей ихъ одно отъ другаго, нѣтъ. Точно въ сказочномъ царствѣ,—такъ и ждешь, не блеснетъ ли гдѣ-нибудь облачная колесница Царь-Дѣвицы, не разрѣжетъ ли воздухъ золотое перо Жаръ-Птицы. А волны ласково, ласково шепчутъ, точно милыя вѣсти несутъ откуда-то изъ милаго, дорогаго края. Небо сегодня—тоже что и вода. Вода здѣсь—то же небо, только струистое.

Съ рыбаками-монахами — цѣлая артель рыбаковъ мірскихъ, трудниковъ. Этихъ около двадцати, всѣ здѣсь съ самаго дѣтства. Головой у нихъ Титъ; онъ лѣтъ тридцать при обители, а всего ему сорокъ два года.

— Мы сюда еще пойгами поступаемъ.

— Что значитъ пойга?

— Пойга—мальчикъ,—пояснилъ Пименъ.

— Были пойгами, а теперь стали укко. И все при обители.

— А укко—старикъ. По здѣшнему говору такъ выходитъ. Самые это надежные люди у насъ, которые такъ-то съизмала. Ишь бережокъ-то, точно полированный!

Гранитные отвѣсы блистали на солнцѣ; совсѣмъ темная въ ихъ изгибахъ билась вода.

— Ну, рыбари, потрудитесь лодочку!

Лодку подали. Поплыли мы налѣво, въ цѣлый лабиринтъ острововъ, которые всѣ выходятъ сюда своими мысами. Лодка прихотливо скользитъ по капризнымъ проливамъ, изгибается по сторонамъ, точно ей самой хочется насмотрѣться на эти тихія приволья, безмятежныя заводи. Блестящее голубое небо струится подъ нами, блестящая голубая вода недвижно застыла въ недосягаемой выси. И опять задаешься тѣмъ же вопросомъ: гдѣ вода, гдѣ небо?... Или все небо кругомъ, или все—вода?... Мнѣ никогда не забыть этой очаровательной поѣздки. Въ самой глубинѣ широкаго пролива виденъ крутой берегъ острова, на которомъ стоитъ скитъ Александра Свирскаго. Весь онъ—красивой, правильной формы. Точно на каменномъ пьедесталѣ выросъ лѣсъ. Крутизна обрушивается налѣво, правый конецъ его полого сходитъ въ воду. Надъ крутизной блестятъ какія-то искры: это—часовня и храмъ скитскій. Долго островъ запираетъ выходъ изъ

пролива; только когда лодка подплыла ближе направо, и налѣво блеснули серебристые просвѣты.

Необыкновенно страненъ этотъ островъ: точно одинъ цѣльный камень, кверху ощетинившійся густымъ лѣсомъ.

— Истинно святой! Названіе-то, спаси Боже, какъ подходитъ. Истинно святой! Святому и краса такая подобаетъ.

Я видѣлъ до своей поѣздки сюда рисунки валаамскихъ видовъ, видѣлъ снимки съ этого острова, но они не даютъ никакого понятія о всей этой прелести. Вокругъ острова разбросано много иныхъ и всѣ одинъ краше другаго. Когда лодка наша вплыла въ этотъ архипелагъ, между ними легли во всѣ стороны живописные и спокойные проливы, гдѣ вода тиха, какъ въ чашкѣ, и такъ тиха, что глубоко видны въ ней гранитные изломы дна, палья, пробирающаяся въ тихія пристанища неподвижныхъ водорослей, юркая щука, гоняющаяся за какою-то мелкотой.

Крутизна Александра Свирскаго смотритъ на сѣверъ, въ открытое озеро. Оттуда, сквозь проливы, какъ въ открытыя окна, мерещется морская даль и на ней точно тучи. Острова ли это или марево?—Скорѣе марево въ возбужденномъ пигментѣ глаза. Столько свѣту и красокъ,—по-неволѣ чудится....Кое-гдѣ у подводныхъ камней бѣлые всплески,—вода играетъ. Паритъ на озерѣ. Сегодня 26° въ тѣни, а на солнцѣ и того больше. Чѣмъ мы ближе къ Святому острову подплываемъ, тѣмъ онъ какъ будто все далѣе и далѣе отодвигается отъ насъ.

— Прямо на Святой, или сначала на Байоный островъ,—какъ хотите?

Я предоставилъ Пимену. Взяли направо. Байоный и Святой острова далеко отошли отъ остальныхъ. Тутъ мы ужь вышли изъ предѣловъ проливовъ. Въ лицо повѣялъ освѣжающій вѣтеръ, лодка стала покачиваться. Не волны, а какое-то пріятное дыханіе ходило по Ладогѣ.... Озеро точно дышало.

— Ну, ставьте, ребята, парусъ!

Именно не волны ходятъ, а озеро дышетъ какъ грудь, вздымается и опускается—медленно, спокойно, точно во снѣ.... Какъ обманываетъ пространство на водѣ! Давно ли казался Святой островъ близко, а теперь онъ все еще далеко; давно ли Байоный былъ вотъ у конца пролива, а теперь и проливъ остался далеко позади, и острова все-такъ же бѣгутъ отъ нашей лодки къ сѣверу. При этомъ ощущаешь не волненіе, а дыханіе озера, еще болѣе похожаго на небо, по которому бѣгутъ мелкія тѣни.

Байоных островов три. Средний называется Большой Лембосъ, самый высокій.

— Что это за названіе — Лембосъ?

— Видите ли, батюшкѣ хотѣлось Лемносъ,—ну, а иноки, спаси ихъ Богъ, по малоумію и невѣжеству ошиблись и вышелъ Лембосъ, такъ и идетъ теперь. Лемносъ забыли, а Лембосъ остался.

Тутъ очень трудно было оріентироваться. Кажется одинъ островъ, а проплывешь мимо, онъ разбивается на три. Такъ изъ одного общаго, видѣннаго нами издали, теперь выдѣлились: Святой, Малый, Черный, Крюкъ, Байоный и Лембосъ. Между ними опять тѣ же открытыя окна въ море — проливы. Большой Лембосъ все растетъ и растетъ. Что-то мелькаетъ въ лѣсу, вѣнчающемъ его.

— Это церковь Ильинскаго скита,—объясняетъ мнѣ Пименъ.

На берегу монашки-подростки. Часовня въ сторонѣ.... Узенькая бить воды вдается въ островъ. Черезъ нее простенькій мостикъ изъ жердей. На мосту старикъ, сѣдой, ветхій, всматривается въ насъ подслѣповатыми глазами.

— А, Христовы угоднички! — привѣтствуетъ онъ, сбѣгая внизъ.—Вотъ не ждалъ гостей! Вотъ радость-то.... Спаси васъ Богъ, что посѣтили меня недужнаго....

Оказалось, монахъ за овцами смотритъ.... Еще въ рясофорѣ, поэтому о. Пимену прямо въ ноги.

— Старикъ любезный, что это ты.... Господь съ тобой.

— Благослови, отче!...—И давай цѣловаться со всѣми.

За баранами смотритъ,—кротость овечья и къ нему перешла. Агнецъ совсѣмъ. Ни злобы ни къ чему, ни зависти, ни жалобы.

— Покажи-ка намъ паству свою.

— Паству?... Хорошо.—Пикъ-пикъ-пикъ!

На пиканье со всѣхъ сторонъ стали сбѣгаться бараны. Всѣ оказались стриженными. Старикъ и живущіе здѣсь монахи изъ овечьей шерсти чулки дѣлаютъ для братіи.

— Ну, а стрижецъ здѣсь?

— Тутка гдѣ-то. Стрижецъ, а стрижецъ!

Явился и этотъ молодой монахъ. Пришелъ онъ въ обитель когда-то мальчикомъ-чухной, безграмотенъ былъ, а теперь настолько умудрилъ его Господь, что онъ и другихъ въ школѣ учитъ. Сверхъ этого онъ закройщикъ въ монастырской швальнѣ и приватно еще стрижетъ паству о. Парѳенія. Помогаютъ ему въ этомъ невинномъ занятіи трое портныхъ и трое сапожниковъ,

тоже иноки. Отецъ Иванъ, стрижецъ, повелъ меня въ сарай, гдѣ отъ насъ живо шарахнулись во всѣ стороны еще нестриженые бараны, тотчасъ впрочемъ обнаружившіе и баранью глупость. Поманили ихъ хлѣбомъ, сбѣжались и давай топтаться. Выбравъ одну жертву, о. Иванъ захватилъ ее и вскинулъ на воздухъ; остальные—опять шарахъ по угламъ. Захваченный предательски военно-плѣнный кротко подчинился своей участи. Связали ему ноги, бросили на мохъ и давай стричь. Точно платье съ него снимали,—совсѣмъ оголѣлъ. Время отъ времени, чтобы барану не было скучно, давали ему кусочки сухарей.

— Такъ и съ людьми,—поднялъ голову о. Иванъ.—Стригутъ ихъ, а изрѣдка поманятъ кускомъ,—ну, люди и довольны.

— Что-жь, если кому на пользу,—вмѣшался старецъ Парѳеній.—Ужь коли стригутъ, то значитъ кому-нибудь надо, а коли надо—стриги.

— Утѣшительный у насъ старичокъ!—подѣлился со мною своимъ впечатлѣніемъ о. Иванъ.—Незлобивый, умилительный!

Качество мѣстнаго корма таково, что шерсть на здѣшнихъ баранахъ замѣчательно густа, хоть и нѣсколько груба. Пока у обители нѣтъ фермы для барановъ, но собираются строить.

— Каменную?

— Да, съ гранитной обшивкой.

— Стоитъ!

Далеко, далеко по Ладогѣ плыветъ корабль, едва его видно, подъ парусомъ, словно чайка плещется. Поплыли и мы къ Ильинскому скиту. Каменныя луды по сторонамъ. Вода шипитъ на нихъ, точно ее кто-то кипятитъ снизу. Лембосъ обрушивается на западъ круто, гранитнымъ обрывомъ. Въ сторонѣ—пристань, заваленная каменьями, чтобы не снесло. Вѣтры дуютъ тутъ сильные. Сѣно на берегу сушится. На высотѣ церковь простенькая, но изящная; она—въ концѣ взбѣгающей вверхъ аллеи крупныхъ лиственицъ.... Позади за нею насупился лѣсъ. Два домика двухъ-этажныхъ по сторонамъ. Тутъ помѣщаются кельи. Солнечные часы—на гранитномъ пьедесталѣ; колодезь, обшитый сѣрымъ гранитомъ и вырубленный, какъ и всѣ здѣсь, въ скалѣ.

— Откуда вода тутъ?

— А гора давитъ камень и сочитъ воду,—объяснилъ по-своему монахъ.—Каждое мѣсто у насъ, Господи спаси, имѣетъ свою игру, каждая пядень особой красоты. Какъ человѣкъ на человѣка

не похожъ, такъ и мѣсто отъ мѣста отличествуетъ. Взойдите на колоколенку, посмотрите, какой оттуда пейзажъ.

Съ колокольни — островъ точно въ озерѣ, проливы заставлены мысами. Огороды внизу зеленѣютъ. Видъ совсѣмъ плохъ и никакой игры въ немъ, хотя отшельники и приходятъ въ восторгъ. За то на противоположной сторонѣ Лембоса видъ диву подобный. Обрывъ саженъ въ двадцать высоты. Морская даль за нимъ легла. Направо мерцаетъ кайма далекихъ береговыхъ горъ Олонецкаго края.

— Когда вѣтеръ оттуда, горы точно подымаются; а съ полудня если — опускаются внизъ. Такъ мы и замѣчаемъ. Тутъ непогода бываетъ буйная.

Строитель, о. Анатолій, старикъ изъ орловскихъ купцовъ. Въ свое время онъ провелъ пятнадцать лѣтъ въ Питерѣ при Валаамской часовнѣ. Попросился оттуда назадъ.

— Не подобаетъ иноку въ мірѣ жить. Міръ—что море лютое!

Хотѣли старца іеромонахомъ сдѣлать, не принялъ мантію.

— Не хощу.

— Смиренію покорствуетъ, спаси его Господи! Ишь какой онъ у насъ старецъ добродѣтельный.... Въ низкомъ званіи пожелалъ окончить вѣкъ свой.... У насъ такой монахъ былъ, мантію ему дали, а онъ ее взялъ да и сжегъ. Хотѣли его силой заставить носить, а онъ по горло въ коровій калъ вымазался да и пришелъ въ обитель. «Вотъ,—говоритъ,—моя мантія. Мнѣ, скоту, и сія достаточна.... И даже слишкомъ она для меня великолѣпна»... Таково смиреніе было. Ужь мы его умолили надѣть на себя рясу рваную, чтобы богомольцы на старца не соблазнялись.

Въ дали морской суда показались.... На берегъ выползъ какъ-то о. Амоній, у котораго на клобукѣ былъ пришитъ громадный картузъ. Сему старцу было не менѣе 80 лѣтъ.

— Куда это, спаси Господи?

— Рыбку.... для обители рыбку половить хочу. Завтра вамъ отошлю.

Въ скиту, какъ и въ другихъ, рыбы не полагается.

Кстати вотъ что удивительно. Отшельники, здѣсь питающіеся исключительно растительною пищей, живутъ до поразительной старости, сохраняя зрѣніе и силы. Пѣшкомъ они бродятъ сколько угодно. Я—хорошій ходокъ, а уставалъ, тогда какъ этимъ старцамъ все ни почемъ. Сообщаю объ этомъ для свѣдѣ-

нія профессора Бекетова. Право, невольно убѣждаешься, что животная пища вовсе не такъ необходима организму. Вѣдь не чудо же въ самомъ дѣлѣ здѣсь совершается и не одинъ же здоровый воздухъ Валаама поддерживаетъ эту мощь тѣла и мысли у старцевъ, въ возрастѣ которыхъ наши вовсе выживаютъ изъ ума.

— Вонъ этотъ послушникъ у насъ версинецкій,—сообщилъ старикъ-монахъ, указывая на коловшаго дрова инока.

— Какой?

— Ну, какъ тамъ по-вашему, изъ версинета. Въ Питерѣ въ версинетѣ былъ, но только бросилъ все и сталъ искать спасенія. У насъ оное обрѣлъ. Науку земную оставилъ, къ Небесному Учителю прибѣгъ. И онымъ былъ утѣшенъ несказанно. Небесный-то Учитель больше знаетъ. Онъ не то, что маги египетскіе.... Ваши-то маги куда сколь гордыбачутъ и превозвышаются, а Небесный Магъ ихъ всегда по затылку посрамить можетъ. И посрамляетъ! Пусть-но земной магъ травку родитъ,—такъ, безо всего,—ну-ко, пущай онъ травку одну, махонькую!... А Небесный Магъ ишь какіе лѣса намъ выростилъ. Вотъ оно какъ! Вотъ и ты теперь,—указалъ онъ на меня,—въ книжку все.... Сказываютъ, книги пишешь. А что толку?... На главѣ твоей я клобукъ прозрѣваю. И когда оный надѣнешь, тогда истинную науку узнаешь, какая она есть.

— Старецъ прозорливый!—умилялись рядомъ.—Это — пророчество.

Пророчество, во всякомъ случаѣ мнѣ большаго удовольствія не доставившее.

XXII.

Александръ Свирскій.

Лѣсные острова выплываютъ по сторонамъ на встрѣчу. Длинный слѣдъ бѣжитъ за нами. Чайка вьется надъ парусомъ нашей лодки. Медленно покачиваясь, челнокъ пристаетъ къ острову Святому. Дорога вверхъ бѣжитъ круто по гребню острова. Направо и налѣво сквозь деревья мерцаетъ озеро. «Строго живутъ отшельники!»—говоритъ о. Пименъ, стучась въ ворота скита.

— Кто крещеный?

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

— Аминь.

Медленно скрипя, отворились ворота. За ними—деревянныя кельи, деревянная церковь въ древне-русскомъ стилѣ. Мы про-

ходимъ мимо могилы, вырытой здѣсь для себя Александромъ Свирскимъ. Она обложена камнемъ. За убогимъ храмомъ крутой спускъ внизъ,—едва можно удержаться на немъ. Сверху громадныя скалы нависли надъ дорогой. Вотъ, вотъ сползутъ и задавятъ насъ. Первозданныя громады въ дикомъ хаосѣ громоздится наверху. Онѣ давятъ воображеніе; мысль перестаетъ работать, невольно принижаясь передъ этими колоссальными размѣрами, передъ этими чудовищными массами.

Узкая щель въ гору.

— Пещера, гдѣ жилъ Преподобный.

Островъ въ тѣ времена былъ безлюденъ. Среди этихъ дикихъ скалъ, перемѣшанныхъ съ дикимъ лѣсомъ, одиноко блуждалъ Александръ Свирскій. Въ темныя ночи, въ долгіе дни только одна Ладога бушевала да лѣсъ шумѣлъ, повинуясь вѣтру, налетавшему сюда съ сѣвера. Логово пустынника было непригляднѣе его жизни. Синайскіе отшельники жили такъ же среди своихъ сожженныхъ солнцемъ утесовъ. Узкая щель, — пройти только одному. Сверху ее давитъ, точно расплющить хочетъ, громадная скала. За щелью тьма. Я зажигаю восковую свѣчку. Дикая пещера. Сверху каплетъ. Чудится или нѣтъ, только въ сердцѣ горы слышится какое-то журчаніе. Источникъ ли, запертый въ каменную тюрьму, плачется на свое заключеніе?... Въ пещерѣ можно держаться согнувшись. Она вся выдолблена въ твердомъ гранитѣ. Точно все опускается въ тебѣ; чувствуешь безотчетный страхъ,—страхъ передъ этою жизнью, полной нечеловѣческихъ лишеній, ужасъ передъ этимъ самопожертвованіемъ—ради чего?... Холодно, сыро. Рокотъ запертаго въ гору ключа кажется жалобой какого-то затворника.

Нѣсколько шаговъ—и предо мною, во всей своей прелести, блестящая, безконечная, вся мерцающая подъ солнцемъ, лазуревая даль Ладоги. Тепло стало, опять день кругомъ, день и на душѣ, которая еще нѣсколько мгновеній назадъ была охвачена вѣчною ночью. Теперь дорога, вся по узкому карнизу, идетъ надъ глухошумящими внизу волнами. Голова кружится. Невольно схватываешься за сосну, выросшую на самомъ свѣсѣ и вытянувшую одинъ корень впередъ въ воздухъ, точно руку, просящую пощады у озера, вѣчно подмывающаго этотъ откосъ. Карнизъ все уже, дорога опаснѣе и красивѣе. Громадные утесы далеко внизу кажутся камешками, брошенными въ мыльную пѣну постояннаго прибоя.

— Вонъ тюлень внизу. Ишь полощется! Голова одна видна.

Всматриваюсь и ничего не вижу. Чтобы различать, надо жить именно здѣсь, на этихъ скалахъ и кручахъ, вѣчно видѣть передъ собою эти неоглядныя дали. Самый великолѣпный пунктъ еще нѣсколько шаговъ впереди. Сверху виситъ надъ карнизомъ чудовищная скала. Дорога вся подъ нею выбита. Изъ скалы куда дальше дороги выбрасываются, словно вырывающіяся изъ какихъ-то оковъ, сосны; но оковы ихъ держатъ крѣпко и онѣ напрасно протягиваютъ къ безоблачному сегодня небу свои умоляющія вѣтви. Небо спокойно смотритъ на узниковъ сѣраго утеса и только иногда быстро бѣгущія тучки кропятъ ихъ своими холодными слезами. Всего лучше, всего красивѣе безбрежный просторъ Ладоги.

Тутъ устраиваются перила. Самую дорогу только-что проложили.

— Страшно, спаси Господи!—проговорилъ о. Пименъ, крестясь.

— Тутъ посидишь, Бога узнаешь. Онъ вѣдь одинъ держитъ эту скалу. Опустилъ бы,—гдѣ бы мы были?

Эти граниты—точно круглыя башни надъ дорогой. Они колятся не отвѣсно, а поперекъ, точно слои камней какими-то гигантами уложены одинъ на другой чудовищными жерновами.

— Ишь море внизу-то злится! Дальше оно что зеркало, а тутъ неспокойно. У него съ нашими береговыми скалами вѣчная война.

Отецъ Алимній, въ синихъ очкахъ, съ чрезвычайно умнымъ, даже интеллигентнымъ лицомъ, былъ, очевидно, немножко поэтомъ. Да какъ же имъ и не быть, живя на этихъ скалахъ, среди этого чуднаго простора!

— Берегъ-то далеко, далеко, точно въ небѣ повисъ. Воздуха много между нимъ и моремъ. Хорошую погоду Господь, значитъ, даетъ.

Корни дѣятельно работаютъ надъ разрушеніемъ этихъ скалъ, корни и вода; но пройдутъ еще цѣлые вѣка прежде, чѣмъ они докончатъ свое дѣло. Я думаю, точно такъ же любовался на ихъ настойчивую работу и Преподобный, когда ходилъ мимо, оставляя свою звѣриную пещеру. Точно преслѣдуемая идея, корень идетъ въ самыя нѣдра, въ самое нутро скалы, и тамъ невидимо, но вѣрно дѣлаетъ свое дѣло. Вмѣстѣ со скалами пропадутъ и деревья, разрушившія ихъ,—что нужды?—Подымется новая зелень на обломкахъ павшихъ скалъ и снова начнется дѣло разрушенія,

и снова корни станутъ вползать во всякую скважину, уничтожая своего стараго, исконнаго врага. Да погибнутъ скалы и да здравствуетъ зеленое царство вѣчнаго, любящаго просторъ, солнце и свободу, лѣса!

— Тутъ у насъ въ скважинахъ пара вороновъ завелась. И гнѣздо вьютъ въ камнѣ. Изъ года въ годъ все одна и та же пара прилетаетъ. Дѣтей выведутъ, дѣти не вернутся, а старые вороны—все сюда, все сюда. Тоже отшельники.

— Гдѣ же они?

— Днемъ на ловлѣ,—днемъ ихъ не увидишь. Они сюда по ночамъ....

— Да тутъ какъ на Шибкѣ у насъ: скала вверху, скала внизу, а посреди мы.

— Какъ на Шибкѣ?—оглядываюсь я на молодаго послушника.

— Онъ былъ на войнѣ. Онъ у насъ балканецъ, — рекомендуетъ его о. Алимпій.

— Какъ же вы попали сюда?

— А какъ нашу 24 дивизію вымораживать начали, такъ я обѣтъ далъ, если уцѣлѣю, на годъ сюда. Вотъ и пріѣхалъ. Теперь недѣлю осталось. Я вольноопредѣляющійся былъ, изъ купцовъ. Наша лавка въ Питерѣ.

Какія тутъ должно-быть бываютъ бури!... Вонъ вывернуло деревья. Одно аршина полтора въ діаметрѣ, а легло такъ же безсильно, какъ и малыя жерди, что̀ снесло вѣтромъ.

Въ виду бурь, здѣсь и пристани двѣ: одна—сѣверная, другая—полуденная. Если къ одной нельзя пристать, другая къ услугамъ иноковъ. Была большая каменная пристань, но въ Покровъ ее разбросало безъ слѣда. При этомъ перебило и нѣсколько валаамскихъ соймъ, стоявшихъ около. Одну изъ нихъ выбросило на берегъ, на скалу вышиной въ семь саженъ,—саженъ на 30 отъ берега. Я было не повѣрилъ, но мнѣ показали это мѣсто и несомнѣнно-правдивый человѣкъ, о Пименъ, вполнѣ подтвердилъ это.

— Тутъ, братъ, умнутъ бурку крутыя горки!

Отшельникамъ впрочемъ буря доставляетъ нѣкоторое развлеченіе. Они сходятся подъ скалу надъ карнизомъ и любуются оттуда на бѣшенство стихій, стремящихся разрушить эти нервозданныя скалы. Хотя онѣ находятся здѣсь на высотѣ шестидесяти саженъ, но вѣтеръ хлещетъ ихъ пѣною волнъ; срывая съ нихъ цѣлые гребни, несетъ ихъ прямо въ лица инокамъ, точно негодуя на то, что они являются свидѣтелями его безсилія, злости.

XXIII.

Нашествіе иноплеменныхъ.—Монахи и финны.

Воротился я. Въ нашей гостиницѣ шумъ и гомонъ. Какіе-то люди совсѣмъ страннаго вида бродятъ по корридорамъ, поютъ, разговариваютъ во все горло, аукаются, перекликаются съ конца въ конецъ. Смотрю, мой о. Никандръ совсѣмъ съ ногъ сбился. Вбѣжалъ ко мнѣ весь въ поту.

— О, Господи, вотъ искушеніе-то!

— А что?

— Да эти чухны изъ Якимваари привалили сюда, на нашемъ же пароходѣ, тридцать дамовъ и мужчиновъ. Теперь ихъ всѣхъ надо кормить и поить, лютеровъ невѣрныхъ-то! Каково это намъ?

— Зачѣмъ же?—Пріѣхали не во-время, пусть такъ и останутся.

— Какъ, помилуйте! Они сколько однихъ бунтовъ заведутъ. Вѣдь тутъ ландсманъ ихній, пасторъ, докторъ,—ну, и прочіе которые. И для богомольцевъ безпокой какой—а? Теперь кои устали, къ утрени отдохнуть хотятъ, а развѣ тутъ отдохнешь?—Тутъ не отдохнешь никакъ. Весь монастырь спитъ. Помилуйте, одиннадцать часовъ. Буди теперь эконома, повара буди, намѣстника,—это для лютеровъ-то! Они часто,—у нихъ это замѣсто прогулки... Пакостятъ обитель только, табаку теперь напустятъ. Въ корридорахъ боятся, а всѣ кельи куревомъ поганымъ закастятъ. Ахъ ты, Господи, вотъ искушеніе-то! Намъ-то и сна настоящаго три часа, а тутъ съ этими!... Какъ не согрѣшишь? Завтра, теперь ждемъ мы человѣка два ста богомольцевъ, а эти заняли двадцать номеровъ. Вотъ и оборачивайся. Самимъ пароходъ нуженъ, за сѣномъ посылать,—нѣтъ, жди ихъ, когда имъ назадъ угодно будетъ.

— Кто же вамъ велитъ возиться съ ними?

— Помилуйте, засудятъ. Тутъ и судья ихъ. Вы не знаете нашихъ правовъ. Вѣдь мы подъ финскимъ начальствомъ. Насъ къ финнамъ отчислили. Какже!... Отъ этихъ народовъ, спаси Господи, великая смута и поношеніе обители.

Это какой-нибудь становой такъ распоряжается въ обители. Послушникъ сбился съ ногъ, а вѣдь весь день какъ чумной совался, подавалъ самовары, платья чистилъ, комнаты мелъ.

— Изъ-за нихъ, изъ-за этихъ чухонъ, какая теперь притча вышла. Совсѣмъ даже чудесно,—разсказывалъ другой монахъ.— Старецъ одинъ, изъ пустынныхъ прозорливцевъ онъ, стоитъ въ церкви и видитъ—привалила эта чухна, сонище лютерское. Ну, шумъ,—извѣстно, стоятъ въ храмѣ вольно, безъ страха. Кто голову задралъ, кто бокомъ, а кто у стѣнъ ходитъ иконы перстами щупаетъ, точно онъ ихъ покупать собирается. Прозорливецъ-то и не выдержалъ. Но только его и мысли было, что «свиньи». Какъ бы вы полагали?—за это за самое, за осужденіе иновѣрныхъ, на два мѣсяца благодать отъ него, прозорливца, и отступила. Чухны-то они—чухны, а тоже и изъ-за нихъ влетаетъ,—и ихъ трогать нельзя.

— Какая же благодать отступила?

— А такая, пустынная благодать.

— Не могу понять, какая.

— Въ нощи ему видѣнія бывали разныя, пророческія, а тутъ точно срѣзало. Ну, и людей понимать могъ. Придутъ къ нему богомольцы, онъ ихъ сейчасъ наскрозь, а тутъ всѣ точно на одно лицо.... Гласы ему прежде разные чудились, а тутъ и гласовъ не стало. Такъ онъ, прозорливецъ-то, плакалъ, плакалъ, молился, молился изъ-за лютеровъ-то...

— А къ нимъ-то, въ Якимваари, придешь, къ лютерамъ этимъ—бѣда. Точно какъ бы въ родѣ нечистой свиніи. На порогъ тебя пустятъ, а дальше—нѣтъ.... Намъ бы русскихъ правовъ надо. Сказываютъ, о. Дамаскинъ хлоталъ, чтобы на россійское положеніе, но только не вышло. Два генерала дали согласъ, а одинъ, главный, говоритъ: не хочу.... Такъ и не выгорѣло.

Съ финнами вообще лады плохіе.

— Чухна теперь водкой торгуетъ. Привезетъ на дальніе острова и давай торговать. Поймаютъ его — къ судьѣ, а ихніе оправдываютъ. Его бы сослать куда для примѣра, чтобы знали, а они напротивъ совсѣмъ. Лѣсъ рубить къ намъ ѣздятъ. Кажется, тутъ вотъ его словилъ, представилъ,—нѣтъ, оправдали и пустили—ходи вольно. Здѣсь, на одномъ островѣ, они у насъ лѣсъ пожгли совсѣмъ. Начали мы дѣло,—ужели-жь спускать?—Ничего не выиграли. Говорятъ, уликъ мало; а его бы, негоднаго, за это самое въ каторгу услать. Тутъ въ одномъ скитѣ монашки у насъ. Рыбка у нихъ была.... Ушли въ лѣсъ погулять; вернулись назадъ, глядь—изъ амбаровъ чухны эти самые вытаскиваютъ снасти, рыбку уже въ лодку къ себѣ снесли, пять кулей муки

выкрали. Монашки къ нимъ.... Что бы вы думали? — ружьемъ застрѣлить иноковъ погрозились. Ну, инони, извѣстно, отступили. Въ лицо всѣхъ чухонъ этихъ видѣли и по именамъ знали, потому изъ нашихъ работниковъ. Какъ бы ты думалъ?—и ихъ оправдали. Иди, говорятъ, воруй еще,—у Валаама довольно! Вотъ какія наши права! Что подѣлаешь...

— Они, сказываютъ, нечистые?—вступился молодой монахъ.

— Такіе же, какъ и мы.

— Ну, вотъ, откуда такіе! Первое дѣло—въ пѣтуха вѣруютъ, въ настоящаго пѣтуха, какъ есть.... Вотъ ты и толкуй съ ними! Тоже народъ, поди-ка. Нашъ братъ языкъ распустилъ, а они точно по аностолу Павлу живутъ: хощу рещи лучше пять словъ умомъ, нежели тысящу языкомъ...

На другой день бѣдный о. Никандръ тоже не имѣлъ покоя.

— Куда вы?

— Да вотъ лютеры рыбы пожелали, такъ рыбки....

— А теперь куда?—встрѣчаю другой разъ.

— Самовары лютерамъ понадобились.... Ставить надо.

При этомъ замѣтьте, что монастырь за все это не получаетъ ни единаго обола. Съ богомольцевъ еще что-нибудь сойдетъ. Когда уѣзжаютъ, о. Никандръ становится съ тарелочкой и кто сколько можетъ, столько и даетъ.

— Ну, а тутъ бы съ тарелочкой...

— Нѣтъ, они притворяются, что не понимаютъ. Еще сами сорвали бы что! Просвирки тамъ, образковъ. А на что образа имъ, лютерамъ, на какую потребу? Одинъ пріѣхалъ,—давай, говоритъ, мнѣ русскаго Бога.... Я ему на небеса и указую. «Вотъ гдѣ, говорю, русскій богъ, лови его». Не поймалъ!.. Ахъ, ты, Господи, забылъ булокъ!... Скорѣй, а то заругаются лютеры.—И о. Никандръ во весь духъ побѣжалъ въ обитель.

XXIV.

Валаамскій Шеффильдъ.

Въ обители, несмотря на черные клобуки и черныя мантіи, несмотря на отрицаніе суетнаго міра и всѣхъ его грѣховныхъ прелестей, необыкновенно могущественно развилась производительность. Она поставлена здѣсь такъ, какъ дай Богъ это видѣть въ образцовыхъ фермахъ, заводахъ и другихъ предпріятіяхъ, устроенныхъ вполнѣ научно и раціонально. Откуда все

это взялось у монаховъ, скажемъ впослѣдствіи. Теперь только умѣстнымъ будетъ подчеркнуть: все это — крестьянское, создано и поддерживается крестьянами, безъ всякаго вмѣшательства какой-либо иной силы. Я подробно осмотрѣлъ здѣшнія мастерскія и могу сказать одно: среди мужицкаго царства Валаамскаго онѣ являются мужицкимъ Шеффильдомъ,—разумѣется, въ маленькихъ размѣрахъ. Я вездѣ встрѣчалъ тутъ новыя приспособленія, сооруженныя здѣсь же машины, обязанныя своимъ существованіемъ какому-нибудь, насквозь пропотѣвшему, отцу Іоакиму или Иринарху изъ корелъ или изъ великороссовъ, несомнѣнно мужицкаго происхожденія. Вездѣ—знаніе дѣла, смѣтливость, изобрѣтательность. Ничего не упущено изъ виду, ничто не тратится даромъ, со всего снимаютъ пѣнки. Ужь если гдѣ на обухѣ рожь молотятъ, такъ это именно здѣсь. Нужно самому видѣть Валаамъ, чтобы повѣрить. Въ Павловѣ, въ Ворсмѣ, въ Ивановѣ все это бы нисколько не удивляло, но на Валаамѣ механики въ черныхъ ризахъ и техники въ скуфейкахъ производятъ столь сильное впечатлѣніе, что по-неволѣ нужно употребить нѣкоторыя усилія—не забыть и другихъ сторонъ этой въ высшей степени оригинальной обители. Соловки пошли дальше, но тамъ средства грандіознѣе и дѣло по времени старѣе. Отношеніе ихъ къ Валааму то же, что стараго завода къ новому. Въ первомъ и машины поистерлись, и не такъ блестятъ новизною, и дѣло идетъ будничнымъ порядкомъ, а во второмъ—все съ иголочки, все носитъ нѣсколько праздничный характеръ.

— Кто же у васъ главный механикъ?—добивался я, видя приспособленія, невольно обнаруживавшія научныя свѣдѣнія автора.

— А все тотъ же о. Аѳанасій.

— А ему кто-нибудь помогалъ? Спеціалисты были?

— Невидимо—Преподобные. Они, братъ, завсегда намъ съ полнымъ удовольствіемъ, потому нашъ Валаамъ искони ихъ отчиною былъ. Поди-ка поищи спеціалистовъ лучше! Имъ сверху виднѣе нашего.

Отецъ Аѳанасій съ своей стороны создалъ школу механиковъ-самоучекъ и техниковъ, пришедшихъ въ обитель изъ окрестныхъ селъ безграмотными. «Не боги горшки обжигаютъ»—нигдѣ эта пословица не можетъ быть примѣнима лучше Валаама. Являются лапотники отъ сохи, съ годъ проводятъ при механическомъ дѣлѣ и, благословясь, начинаютъ сами. Опять-таки глубокоуважаемому мною Глѣбу Успенскому я поставлю вопросъ, гдѣ

тѣ гориллы, которыхъ подъ видомъ русскаго крестьянина рисуетъ онъ въ своихъ талантливыхъ очеркахъ? Въ какихъ Брынскихъ лѣсахъ можно наблюдать сихъ человѣкообразныхъ?

Зданіе мастерскихъ выведено въ три этажа съ надстройкою вмѣсто четвертаго. Еще издали, подходя сюда, уже слышишь пыхтѣніе машинъ, свистъ мѣховъ и шумъ передвигающихся колесъ, стукъ молотковъ, визжаніе пилъ и всю эту—не знаю какъ кому, а мнѣ чрезвычайно пріятную—музыку труда. Первое отдѣленіе мастерскихъ занято паровою пильною машиной, дѣйствующею такъ же, какъ и на англійскихъ лѣсопильняхъ, видѣнныхъ мною въ Онегѣ и въ Маймаксѣ. Сверхъ того, тутъ устроены различныя приспособленія, чтобы распиливать дерево не только для досокъ, но и для рѣшетокъ, лодокъ и т. д. Все это создано и все это блюдется о. Іоанномъ, крестьяниномъ-монахомъ, подъ надзоромъ котораго работаютъ послушники. Іоаннъ—тоже и литейщикъ, и дѣло это ему чудесно знакомо. Онъ—новгородецъ и пришелъ въ монастырь въ дѣтствѣ. Обитель замѣтила въ немъ способности и послала обучиться лѣсному дѣлу въ Питеръ, а тамъ онъ кстати и литейнаго малую толику прихватилъ.

— Вотъ теперь и орудуемъ! Все съ Божьяго соизволенія.... На мірскихъ заводахъ рабочій недоглядитъ, а машина, смотришь, и испорчена. А тутъ у насъ *послушаніе*. Тутъ непрестанно угодники Божьи предстоятъ. Рабу лѣнивому и неловко, какъ будто угодничковъ-то и совѣстно.

Паровая машина за всѣхъ отвѣтчица. Она и лѣсъ пилитъ, и воду качаетъ, и всякую другую работу ведетъ. Пока она малая—въ восемь силъ. Хотятъ ставить больше. Содержится удивительно чисто.

— За ней у насъ о. Алексѣй глядитъ.

Мужичокъ въ камилавкѣ подошелъ къ намъ.

— Мы нонѣ паромъ и хлѣбъ мелемъ. Чудесная мельница вышла, и мука скусная.

— Гдѣ выучились?

— А что сказано: Вси бо вы едино есте о Христѣ Іисусѣ. Шабашъ! Коли другой можетъ, и я могу. Коли бы для себя,—ну, тогда Господь пожалуй и не помогъ бы, а вѣдь мы на Преподобныхъ труждаемся въ потѣ лица своего. Азъ же и домъ мой служити будемъ Господеви.

Паровая машина работаетъ за всѣхъ. На всѣ этажи она разбросала свои приводы. Мнѣ пришло въ голову сравнить ее съ

сердцемъ, а послѣднія съ артеріями. Сердце заготовляетъ тутъ кровь, разгоняетъ ее по всему организму и организмъ живетъ, организмъ работаетъ.

— А вотъ у насъ подъемный кранъ. О. Анастасій устроилъ.

Въ слесарнѣ монахи тоже за дѣломъ. На токарныхъ машинахъ вездѣ клеймо «трудами валаамскихъ иноковъ». Все это до послѣдняго бурава сработано здѣсь въ обители. Въ настоящее время въ монастырѣ «созидается», по выраженію сопровождавшаго меня инока, рѣшетка чугунная саженъ въ шестьдесятъ длиною. Въ слесарнѣ при мнѣ сверлили, а въ кузницѣ гнули желѣзныя арабески для нея. Свистъ, визгъ разносился отсюда далеко. Визжало желѣзо, насквозь провертываемое буравами, жаловался чугунъ на свѣжія раны отъ винтовъ, безпощадно входившихъ въ него. Тутъ же, въ слесарнѣ, работаются громадные часы для колокольни. На каждой детали ихъ механизма все та же надпись: «трудами валаамскихъ иноковъ». Оказывается, что всѣ сдѣланы тутъ же. Насколько велики эти часы, видно изъ того, что одна гиря ихъ вѣситъ десять пудовъ. Часы—съ особенными приспособленіями, придуманными невиднымъ монашкомъ въ засыпанной желѣзными стружками рискѣ. Въ слесарной работаетъ такихъ монашковъ десятеро. Они сплошь въ поту, говорить некогда,—видимо, дѣло идетъ спѣшное, неотложное,—запоздать нельзя.

— Мы такъ: нужны намъ были цилиндры для пароходовъ, а дѣлать никто не умѣлъ. Купили одинъ, посмотрѣли, посмотрѣли,—ну-ка, благословясь,—и сдѣлали нѣсколько сами. Теперь и для ладожскихъ чужихъ пароходовъ обитель дѣлаетъ. Благо милость не оскудѣваетъ.

О. Алексѣй, завѣдующій этимъ, ученикъ намѣстника. Онъ и пароходами выучился управлять.... Вотъ, говорятъ, при подобномъ дѣлѣ намъ безъ нѣмца нельзя, а тутъ одни мужики обходятся чудесно....

Свѣжій смолистый запахъ сочнаго лѣснаго дерева обдалъ насъ, когда мы вошли въ столярную. Тутъ подвизается о. Антонинъ съ братіей. Строгое лицо, нахмуренное. Дѣло кипитъ подъ руками.

— Съ нимъ не разговаривайте,—предупредили меня.

— А что?

— Не любитъ, строгъ.... «Коли дѣло,—говоритъ,—такъ не болтай! Дѣло словъ не терпитъ»... Опять же онъ и глухъ.

Лицо строгое, строгое, а какъ улыбнулся чему-то—улыбка такая добрая, дѣтски-наивная вышла, что, не знаю, какъ-то привязываешься къ этому неболтливому старцу. Здѣсь и инструменты для столярнаго дѣла сработаны въ обители. О. Антоній создаетъ превосходныя вещи изъ корельской березы.... Въ свое время, т. е. въ міру, онъ былъ на Охтѣ краснодеревщикомъ. Другіе также изъ краснодеревцевъ.

— Вонъ этого,—поясняетъ спутникъ,—недавно посвятили. Отецъ его померъ отъ своей трезвости.

— Это какъ же?

— Пилъ запоемъ. Ну, и сынъ отъ своей трезвости въ обитель ушелъ. Въ ноги къ о. Дамаскину: «спасите, погибаю.... Не могу я въ мірѣ жить».... Ну, о. Дамаскинъ принялъ его сначала сюда на послушаніе. Такъ вы какъ думали?—первое время куда онъ ни пойдетъ, вездѣ ему чудится, что водкой пахнетъ. Извѣстно, бѣсы его это смущали.... Мѣсяцъ это онъ такъ-то болтался, не смогъ. Приходитъ опять къ Дамаскину. «Ну, что?»—«Не имѣю силъ,—говоритъ.—Совсѣмъ меня трезвость моя сушитъ и губитъ». Ну, и велѣлъ ему игуменъ всю ночь передъ Преподобными распростертымъ ницъ пролежать. Тутъ-то и было ему видѣніе. Какъ бы лики къ нему низошли и благоуханіе окрестъ. «Возстани,—слышитъ онъ,—отнынѣ да не смущаешься навожденіемъ бѣсовскимъ».... Такъ, повѣрите ли, какъ онъ утромъ вышелъ, такъ до сихъ поръ его не мутитъ нисколько. Вотъ-съ!... А говорятъ, нынѣ чудесовъ нѣтъ. А это-то что?—чудо явленное. Оно, дѣйствительно, въ мірѣ чудесовъ мало, потому міръ, вѣдь, по князю власти воздушныя нечестивыми путьми грядетъ — прямо въ геену огненную.

Пристройка надъ третьимъ этажомъ занята громадными баками для воды. Въ эти два желѣзныхъ чудовища входитъ двѣ тысячи восемьсотъ ведеръ. Тутъ же и водокачка; она шибко ходитъ, накачивая всю эту массу въ полтора часа. Вода тутъ подымается на 133 фута вверхъ и предварительно дѣлаетъ еще 40 саженъ длиннику.

— Все свои, все свои! Ни одинъ мірской не помогъ — ни совѣтомъ, ни дѣломъ. Мужицкими руками сработано: все наши, черноризцы поставили,—хвастаетъ монахъ, сопровождающій меня,—все наши!

Изъ оконъ отсюда чудесный видъ. Голубой проливъ, или поздѣшнему сальма, зеленые острова, вонъ садокъ для рыбы.

— Пропасть туда напущено! Мы такъ, чтобы до праздника гуляла, а въ праздникъ выловимъ и на трапезу. И намъ хорошо, и ей не обидно.

Почему это рыбкѣ не обидно быть свареной, монахъ не пояснилъ.

За садкомъ—лѣсное царство. Золотятся въ немъ купола Всесвятскаго скита, точно они выплыли изъ лѣсу и сейчасъ опять утонутъ въ немъ. Направо, подъ красною шапкой, Никольскій скитъ тоже вынырнулъ изъ зеленыхъ волнъ и озирается. А тамъ, дальше, спокойная, величавая гладь неподвижной сегодня Ладоги.

— Теперь у насъ каждое званіе свой куражъ имѣетъ.

— Что?

— Каждому сословію свой куражъ данъ. Слесаря у насъ въ пожарныхъ куражатся. У нихъ и струментъ пожарный бережется. Чуть что, должны они орудовать кто кишкой, кто топоромъ. Но только до сихъ поръ Господь хранилъ. А вотъ сюда пожалуйте, если жары не боитесь. Тутъ у насъ катальня.

Катаютъ бѣлье паромъ. Громадныя полки, у каждаго отца свое отдѣленьице, гдѣ его бѣлье. Сухой жаръ такъ и обдаетъ въ сушильнѣ. Тутъ работы считаются легкими и завѣдуютъ ими, по этому случаю, не крестьяне, а купцы. «Такъ ужь о. Дамаскинъ ихъ малодушію не препятствовалъ».

— Работа у насъ веселая,—сообщаютъ купцы въ скуфейкахъ.

— Изъ гостинодворцевъ, а не скучаютъ,—изумился и монахъ, въ понятіяхъ котораго величіе гостинаго двора едва ли уступало Зимнему дворцу.—Вотъ онъ нашъ Валаамъ какъ можетъ утѣшить! Въ какомъ званіи были и, вдругъ, катай бѣлье монашкамъ.

— Не угодно ли въ келью ко мнѣ?—пригласилъ одинъ изъ завѣдующихъ.

Келья маленькая, маленькая. Въ окно виднѣется весь зеленый, весь волнующійся лѣсной просторъ. Въ углу жасминовый кустъ сплошь наполняетъ своимъ ароматомъ эту крохотную комнату. Войлокъ вмѣсто кровати и постели.

— Цвѣтками о. Скапидаръ малодушествуетъ? (о. Скапидаръ оказался о. Спиридономъ).

— Да.... Господь взрастилъ, а я въ досужее время обоняю. Сколь этотъ цвѣтъ прекрасенъ! Истинно, по слову Соломонову, нѣтъ его великолѣпнѣе, ибо одежды ему самъ Богъ соткалъ изъ лучей небесныхъ и соковъ подземныхъ. Я часто такъ-то лежу

по ветхости и слабости своей, смотрю на произрастеніе сіе и думаю, сколь оно чудесно устроено и какую утѣху можетъ предоставить, если кто понимаетъ.

Для мытья бѣлья особыя приспособленія, а для выжиманія его гидравлическій прессъ. Рядомъ—громадная баня въ двѣнадцать саженъ. Въ сыромъ сумракѣ ея, когда мы вошли, мылись какіе-то изможденные старцы. Видимое дѣло, подражаютъ идеаламъ монашеской нечистоплотности,—все тѣло въ ссадинахъ и царапинахъ. Поѣдомъ ѣстъ ихъ всякая тля.

— Ахъ, Господи спаси, сколь эти старцы Богу угодны!—восхитился монахъ.

— Почему это?

— Ишь какъ ихъ разрисовало-то! Труждаются, а тѣло омываютъ рѣдко, рѣдко. Всякому малому звѣрю и то пропитаніе даютъ.... На что вошь—животная подлая, а и та за нихъ Бога благодаритъ, за старцевъ-то.... Иной бы убилъ, а они и вшу по добротолюбію своему терпятъ.

Опять громадный подъемный кранъ и рядомъ лебедка, поднимающіе бѣлье на верхъ. Одинъ монахъ такимъ образомъ работаетъ за десятерыхъ. Старое бѣлье изъ бани передается лебедкой и краномъ въ третій этажъ, въ прачечную обители. И кранъ, и лебедка сдѣланы въ валаамскихъ кузняхъ.

— Не ушибло ли васъ паромъ?—освѣдомился о. Василій, выходя изъ бани.

— Нѣтъ, ничего.

— Здѣсь паръ легкій. Однако, кто вновѣ, ушибаетъ. Тутъ паръ иногда совсѣмъ зеленый ходитъ по банѣ,—ну, тогда и старцы, самые крѣпкіе, отъ него чумѣютъ.

Сарай. Въ немъ сложены плуги, придуманные и сдѣланные здѣсь изъ желѣза, для распашки новыхъ мѣстъ, и сдѣланы такъ, что попадись гранитная скала подъ такой плугъ, не устоитъ. Рядомъ—кузница на четыре горна. Шумъ огня, свистъ мѣховъ, стукъ молотовъ о калёныя полосы встрѣтили насъ опять тою же энергическою музыкой труда. Пламя взрывалось кверху, тысячами искръ брызгало изъ-подъ молотовъ. Высокій, благообразный, «трудникъ» сѣдобородый работалъ тутъ, уча иноковъ.

— Богъ помочь, братъ Михаилъ!

— Спаси Господи!

— Хорошій мастеръ. Въ Питерѣ у него свое заведеніе,—шепчетъ мнѣ Василій.—Но только его сюда піяный бѣсъ привелъ....

Преподобные оказали свою заступу, уничтожили піянаго бѣса,—ну, братъ Михаилъ и трудится теперь по обѣту, чугунную рѣшетку намъ ставитъ.

Это былъ единственный работникъ—не монахъ, котораго я встрѣтилъ въ осмотрѣнныхъ сегодня мастерскихъ. Въ кузницѣ при мнѣ дѣлали минные бурава для просверливанія гранита.

Брату Михаилу и литейная около тоже подвѣдомственна. Подъемный кранъ для плавки и чугунный черенъ сегодня бездѣйствовали. За то въ сторонѣ заваливали уголъ землей и приготовляли мѣсто для формовки.

— Сколько монастырей видѣлъ, а такого нѣтъ!—сообщилъ братъ Михаилъ.—Истинно-утѣшительный! Видите, всѣ за дѣломъ. Такъ каждый день и зиму, и лѣто.

— Труждающійся да ястъ, сказано. Въ трудѣ и грѣхъ на умъ не приходитъ.

Рядомъ съ литейною временный деревянный сарай для рѣшетки, гдѣ въ потѣ лица работаютъ трое монаховъ подъ наблюденіемъ все того же питерскаго радѣльца, честно выполняющаго обѣтъ, данный имъ Преподобнымъ. Валаамъ дошелъ здѣсь даже до такой роскоши, что отъ самаго монастыря къ мастерскимъ продѣланъ туннель, мимо кладбища, длиною въ семьдесятъ саженъ, вышиною въ одну и шириною въ два съ половиной аршина. По туннелю, вдоль стѣны, тянется и водопроводная труба, чтобы зимой въ ней вода не мерзла. Туннель внизу обшитъ гранитомъ, а сверху выложенъ кирпичомъ. Сначала его хотѣли сдѣлать совсѣмъ въ землѣ, но потомъ чуть-чуть приподняли надъ ея поверхностью, что дало возможность устроить вверху окошечки для свѣта. Когда мы шли здѣсь, пахло сыростью.

— Для покойничковъ большое безпокойство.

— Гдѣ покойники?

— Да нора-то эта черезъ кладбище проверчена. Положимъ, они въ блаженномъ успленіи почиваютъ, но и того одобрить нельзя, что святое мѣсто опакощено.

— Почему же опакощено?

— Мертвому спокой требуется. Онъ вѣдь что во храмѣ. У него руки-то благоговѣйно на груди крестомъ сложены и въ персты ему молитва дается. Ну, значитъ, непрестанно молится, а тутъ черезъ нору-то эту братія бѣгаетъ изъ мастерскихъ въ обитель, изъ обители въ мастерскія. Гдѣ же тутъ ему спокой?

— Да вѣдь покойники не чувствуютъ.

— Не чувствуютъ, какъ же!... Вы на кладбищахъ подолгу сиживали?

— Нѣтъ.

— А вы посидите вечеркомъ, какъ меркнетъ.

— Ну?

— То-то, что ну.... Гудутъ!

— Кто?

— Мертвецы гудутъ.

— Вотъ-те и разъ!

— Самъ слышалъ. Ляжешь это головой на могилу, а въ ней—гу-гу-гу.... Точно онъ тамъ молитву читаетъ.

— Да это вы, отецъ Ѳерапонтъ, не того?...

— Какъ передъ истиннымъ Богомъ, слышалъ. Есть и другіе, которые слышали. А инымъ не дано, потому что если съ легкимъ сердцемъ придти, ничего не услышишь. Это вѣрно! А ты расположись, чтобы душа у тебя страхъ чувствовала, потому тайна сія велика есть. А при страхѣ и вся остальная къ тебѣ приложится. Нынче больше безстрашіе свирѣпствуетъ, — ну, и гласовъ слышать никому не дано.

Туннелемъ мы прошли въ самый монастырь къ позолотчикамъ. Тутъ колеровали иконостасы. Послѣ шума и гама мастерскихъ насъ охватила тишина невозмутимая. Слышно было только, какъ муха звонко бьется въ стекло, да изъ рукомойника, висящаго на веревкѣ, капли воды шлепаются о полъ. Работа шла въ полномъ молчаніи. Отецъ Петръ, завѣдующій позолотчиками, безмолвно поклонился намъ и опять принялся за дѣло. Никто не поднялъ головы. Отецъ Ферапонтъ только выйдя отсюда заговорилъ, да и то шепотомъ.

— Тутъ имъ болтать не приходится.

— При работѣ-то?

— А какже? Какое дѣло, гляди,—иконостасъ!... Тебѣ это слово легко, а монашествующаго оно объемлетъ... Ты подумай-ко, сколько иноковъ и богомольцевъ будутъ передъ нимъ слезы проливать! Какія тыщи мятущихся духомъ преклонятъ передъ этимъ иконостасомъ колѣна!... Это вѣдь страшное дѣло у нихъ, у позолотчиковъ. Не токмо имъ болтать не приходится, но и за всякимъ своимъ помышленіемъ слѣдить надо, чтобъ оно было беззлобно, чисто и боговдохновенно. Это, братъ, не то, что тяпъ да ляпъ и—пѣсню пой. Тутъ не споешь.

Отсюда пошли мы къ рѣзчикамъ. Тамъ верховодилъ всѣмъ нѣкто о. Моисей. Работа тоже шла истово и безмолвно. Вышли отсюда, на встрѣчу къ намъ бравый монахъ: клобукъ на бекрень, поступь воинственная.

— Погляди-ко, сколь у насъ сей старецъ видомъ побѣдоносенъ. Совсѣмъ по образу не инокъ, а больше на птицу-орла похожъ.

— Кто это?

— Да Авраамъ. Онъ былъ въ Питерѣ городовымъ и много зла совершилъ, но въ ономъ покаялся. Ты какъ полагаешь, ему въ будкѣ видѣніе было. Вотъ онъ какой!... Хотѣли мы его опредѣлить за рабочими смотрѣть, да нельзя....

— Почему?

— А все въ зубы лѣзетъ. Болѣзнь такая у него,—Господь за прежнее его наказуетъ. Искушеніе, право!... Ну, рабочіе обижаются, да и для обители зазорно. Говорили ему, да ничего не подѣлаешь. «Не могу, говоритъ, воздержаться,—какъ увижу ихнее неповиновеніе, такъ рука сама...» Мы рѣшили ужь, что онъ побѣдоноснымъ духомъ одержимъ. Богъ съ нимъ, пущай его!

Посмотрѣли мы и переплетную обители, благо недалеко.

— Золотымъ обрѣзомъ мы ужь можемъ,—пояснили мнѣ.—А богатыхъ переплетовъ пока не дерзаемъ,—матеріалъ боимся снортить.

— А теперь пожалуйте нашъ Вавилонъ посмотрѣть.

— Это что же?

— А водопроводъ. Созиданіе по-истинѣ удивленія достойное, и тѣмъ наиболѣе, что простыми, немудреными, неискусившимися иноками содѣяно.

XXV.

Водопроводъ.

У монаховъ все крупное является чудомъ.

Еще наканунѣ говорили мнѣ:

— Завтра мы вамъ покажемъ наше диво дивное. Нѣдра горныя у насъ камень жесткій, и мы его съ Божьей помощью побѣдили. Толцыте—и отверзется вамъ, и дѣйствительно отверзилась гора, и теперь скрозь нее вода по всѣмъ мѣстамъ нашей обители бѣжитъ.

— Вотъ, сказываютъ, наука нужна, а у насъ о. Аѳанасій и безъ всякой науки водопроводъ поставилъ, да еще какой! А то

наука... механика. У насъ небесная механика дѣйствуетъ, тайная пружина орудуетъ, невидимо какими путями. Поди-ко поучись у Господа Бога! Онъ вотъ младенца умудрилъ, и младенецъ созидаетъ....

— Ну, тоже,—вступился другой монахъ,—о. Аѳанасій, слава Богу, сколько годовъ на заводѣ работалъ, пріучился.

— На какомъ заводѣ?... То—заводъ, а то—водопроводъ!... На заводѣ онъ вотъ рельцу дѣлалъ.

— Все едино,—умъ ему данъ, онъ и понимаетъ.

— Не умъ, а просвѣтленіе!

— Нѣтъ, умъ.

— А я тебѣ говорю—просвѣтленіе!... Снизошло,—ну, и можетъ онъ разобрать. Вонъ отецъ Памва уменъ,—какія книги читаетъ! И отецъ Гермогенъ — тоже, даже по-аглицкому можетъ. А пущай-ка они водопроводъ созиждутъ!

— У нихъ умъ другой. У нихъ словесность дѣйствуетъ, а нашъ о. Аѳанасій словесности не можетъ. У него словесности нѣтъ.

— То-то и есть. Замѣсто словесности—просвѣтленіе!

На другой день утромъ я дѣйствительно увидалъ чудо.

Валаамскій водопроводъ—сооруженіе грандіозное въ той обстановкѣ, въ которой онъ находится. Сквозь гору, сверху внизъ, пробита жила насквозь до самой рѣки. Въ этой жилѣ устроено сто семьдесятъ ступеней, по которымъ вы можете сойти къ водѣ. Ступеньки лѣстницы устроены надъ трубой водопровода. Жилу рвали порохомъ и сводъ надъ ней вывели изъ кирпича. Сумракъ охватываетъ, когда спускаешься туда. Точно идешь въ какое-то подземное царство, гдѣ рождаются ключи и умные гномы собираютъ среди вѣчнаго мрака свои сокровища. Каплетъ съ потолка вверху, сочится со стѣнъ. Вверху выбиты кое-гдѣ окна и таинственный полусвѣтъ оттуда придаетъ лицамъ почти мертвенную блѣдность. Чѣмъ ниже вы опускаетесь, тѣмъ болѣе вамъ кажется, что назадъ уже возврата нѣтъ, что съ каждою ступенькой все дальше и дальше, все безповоротнѣе уходите вы отъ свѣта, тепла и жизни въ мракъ, холодъ, въ безмолвіе могилы.

— Да, тутъ была работа! Вся братія о Христѣ потрудилась.... И игуменъ руки приложилъ. Началъ о. Аѳанасій дѣло-то вести, сколько одного смѣху надъ нимъ было,—не по силамъ-де на рамена свои ношу возложилъ. Ну, а онъ, дай ему Богъ, сми-

ренно бывало поклонится братіи, да за дѣло свое опять. Увидѣла братія его непреклонность,—помогать стала.

Безмолвіе было только наверху. Чѣмъ ниже опускались мы по влажнымъ ступенькамъ, тѣмъ явственнѣе слышались какіе-то мучительные вздохи, точно изъ горныхъ нѣдръ неслись они. Казалось, что тамъ, въ самомъ сердцѣ этой гранитной массы, замурованный на вѣки, мятется и воетъ о пощадѣ невѣдомый великанъ. Еще нѣсколько десятковъ ступеней—и дѣло объясняется. Во мракѣ, внизу, что-то двигается. Какія-то желѣзныя руки по временамъ тускло поблескивали, будто утомленный труженикъ вскидывалъ ихъ къ верху, желая вырваться изъ крѣпко приковавшихъ его къ скалѣ цѣпей.

— Это у насъ вторая паровая машина. Она въ зависимости отъ той, что вы видѣли въ мастерскихъ.

Если я послѣднюю сравнилъ съ сердцемъ, разносящимъ кровь по всему каменному организму Валаамскаго Шеффильда, то, очевидно, здѣсь бился одинъ изъ главныхъ пульсовъ этого сердца.

— Въ самомъ низу колодезь запертъ рѣшеткой, а этому колодцу четыре сажени глубины и весь онъ высверленъ въ гранитѣ.

— Вѣрно узкій?

— Ну, нѣтъ. Онъ четырехугольный и каждая сторона въ аршинъ. Отъ него высверлена труба въ воду и продолжена до средины пролива, чтобы брать воду не «съ краю», т. е. не съ берега, а съ средины рѣки.

Этотъ колодезь внизу—точно адская щель какая-то. Едва-едва глазъ различаетъ въ немъ смутное очертаніе машины, слышно хрипѣніе насоса и кажется, что тамъ, на днѣ колодца, совершается какое-то черное злодѣяніе, кто-то душитъ жертву и не даетъ ей даже возможности вскрикнуть. Жертва хрипитъ и бьется.

— Въ нѣмецкихъ сказкахъ читалъ я,—пояснилъ мнѣ образованный монахъ,—о чудесныхъ существахъ, что въ горѣ самой живутъ. Ну, когда я одинъ здѣсь стою, мнѣ такъ и кажется, что это они возятся.

Оглянувшись назадъ, я изумился длинѣ этой громадной жилы водопровода.

— Неужели опять вверхъ придется подыматься?

— Зачѣмъ же?—Вотъ....

Яркій свѣтъ Божьяго теплаго дня блеснулъ въ глаза. Отецъ Виталій отворилъ дверь, устроенную въ самомъ низу, въ одной изъ стѣнокъ жилы. Ярко такъ, что глаза пришлось зажмурить. Вѣтеръ прямо съ горъ сегодня благоуханіемъ цвѣтовъ обноситъ. Жадно послѣ этой холодной и сырой дыры легкія пьютъ ароматъ весенняго дня. Рѣка внизу зыблется и мерцаетъ подъ солнцемъ. Острова млѣютъ въ его живительномъ теплѣ.

— Вонъ видите скалу?

Въ проливъ обрушивается утесъ. Онъ-то и пробитъ водопроводною жилой. Подъ водой изъ него идетъ чугунная труба въ середину пролива. Отсюда изумляешься высотѣ, на которую поднята вода. Когда началъ о. Аѳанасій строить свой водопроводъ, его увѣряли пріѣзжавшіе сюда на богомолье спеціалисты, что онъ задумалъ дѣло не по разуму, что его предпріятіе не удастся ни подъ какимъ видомъ. Но о. Аѳанасій, какъ выражаются монахи, одержимъ упорствомъ. Это одинъ изъ тѣхъ людей, что, разъ увѣровавъ въ успѣхъ своего дѣла, не оставитъ его и не устанетъ, а неуклонно пойдетъ къ цѣли, не бросаясь ни въ одну, ни въ другую сторону. Препятствія питаютъ ихъ энергію, неудачи раздуваютъ ее яркимъ полыменъ. И при этомъ скромность выше мѣры. Ни по стѣнамъ гранитной жилы, ни внѣ, на крестѣ, воздвигнутомъ въ благодарность за оказанную Богомъ помощь при ея созиданіи, нѣтъ имени строителя. Простая и ничего не говорящая сердцу надпись: «поднята вода 1863 года декабря 12 дня». Вотъ и все! Даже не прибавлено, на какую высоту это сдѣлано и сколько времени потребовалъ для своего осуществленія нечеловѣческій трудъ прежде, чѣмъ монахъ на верху горы могъ пить воду, текущую внизу, не сходя къ ней по старымъ, ужь и тогда развалившимся, ступенямъ.

Когда мы возвратились назадъ, намъ повстрѣчался о. Аѳанасій. У него только глаза поблескивали, когда онъ разсказывалъ объ этомъ сооруженіи и ни слова о себѣ. Все «братія», «братія», «отецъ игуменъ Дамаскинъ»—и только. Теперь, вглядываясь въ это простое, совсѣмъ простое лицо, я понялъ и эту энергическую складку губъ, и этотъ спокойный, спокойный, но, при всемъ своемъ кажущемся спокойствіи, страшно-упорный взглядъ добродушныхъ глазъ. Это дѣйствительно упрямая, не знающая препятствій, сила.

И опять-таки пришлось дивиться мнѣ, какъ дивился я прежде. Куда ты прячешься, великая русская сила? Въ какія трущобы

нужно загнать тебя, чтобы ты проявилась живучая, создающая все изъ ничего?... Тотъ же о. Аѳанасій, работая на Бердовскомъ заводѣ подъ началомъ англичанъ и нѣмцевъ, далѣе десятника бы не пошелъ и сгинулъ бы со всѣми своими планами, начинаніями, со всею своей громадною энергіей. Къ чему былъ бы ему тамъ, въ этомъ царствѣ машинъ и труда, его глубокій умъ? А тутъ, гдѣ ничего не было, *между своими*, простой среди *простыхъ*, онъ развернулся съ неожиданною мощью. Отецъ Антонинъ*) заглохъ въ Святыхъ Горахъ на Донцѣ. Тамъ иныя условія. Явись тотъ же о. Антонинъ на Валаамъ, тутъ бы онъ надѣлалъ чудесъ, какъ надѣлалъ ихъ о. Аѳанасій. И опять та же назойливая мысль, какъ надоѣвшій напѣвъ старой пѣсни: куды ты прячешься, русская сила? Что за тяжкая судьба выпала на твою долю—расцвѣтать въ дремучихъ лѣсахъ, созидать по безлюдьямъ? Когда же наконецъ, выведенная на просторъ, развернешься ты на диво всему Божьему міру? Проснись, Илья Муромецъ,—пора! Довольно тебѣ на печи лежать. Скверно дышется у насъ, плохо живется. Проснись, богатырь!

В. И. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

*) Отецъ Антонинъ, одинъ изъ лучшихъ типовъ южно-русскаго монашества, выведенъ авторомъ въ его книгѣ: «Святыя горы» (Очеркъ Успенскаго монастыря на р. Донцѣ).

Ред.

НОВАЯ ИРЛАНДІЯ.

А. М. Сулливана *).

(Переводъ съ англійскаго.)

I.

Взглядъ назадъ.

Время отъ пятидесятыхъ до восьмидесятыхъ годовъ этого столѣтія составляетъ во всеобщей исторіи періодъ полный событіями. Повсюду оно принесло великія перемѣны для націй и народовъ. И даже тамъ, гдѣ не было слышно звука оружія, другія силы производили перевороты, другія причины вызывали разрушеніе стараго и водвореніе новаго. Древнія границы нарушались, старинные обычаи, привычки и традиціи исчезали и, въ большинствѣ случаевъ, вся физіономія общества измѣнилась въ ту или другую сторону. Въ Ирландіи этотъ періодъ былъ также свидѣтелемъ глубокихъ превращеній. Съ увѣренностью можно сказать, что старой Ирландіи—Ирландіи сорокъ лѣтъ тому назадъ—уже больше не существуетъ.

Во время своей недавней поѣздки въ мѣста, гдѣ протекла моя юность, я чувствовалъ живѣй, чѣмъ когда-нибудь, перемѣны послѣднихъ тридцати лѣтъ. Я снова катался по голубымъ водамъ залива, которыми былъ, такъ сказать, выняньченъ; я взбирался на холмы, бродилъ по мрачнымъ ущельямъ Галингариффе и Биры,

*) *Предисловіе автора.* Въ теченіе менѣе чѣмъ полстолѣтія въ общественной и политической жизни Ирландіи произошли перемѣны, составившія настоящую революцію. Въ слѣдующихъ страницахъ я хотѣлъ не столько обрисовать во всѣхъ фазахъ эти перемѣны или изложить формальную исторію этого періода, сколь дать читателю рядъ очерковъ или разсказовъ, преимущественно изъ личнаго наблюденія, которые могли бы помочь ему при оцѣнкѣ полученныхъ результатовъ.

по тропинкамъ и проходамъ, знакомымъ еще съ дѣтства и памятнымъ до сихъ поръ. Внѣшняя природа, во всей своей дѣвственной красотѣ и дикомъ величіи, осталась та же; но было ясно, что новый порядокъ вещей уже народился,—новыя лица окружали меня, новыя манеры, привычки и общественные обычаи. Кельтскія привѣтствія слышались уже рѣдко: мѣсто «спаси васъ Богъ»—по-ирландски заняло «прекрасный день, сэръ»—по-англійски. Мои ноги стояли на родной почвѣ, но я чувствовалъ себя на чужбинѣ. Тѣхъ смѣлыхъ рыбаковъ и наивныхъ горцевъ, среди которыхъ протекло мое отрочество, нужно было искать не здѣсь, а въ Бостонѣ, Мильвоки и С.-Франциско. Однакожь, отложивши въ сторону естественное тоскливое чувство, я сознавалъ, что перемѣна не была несчастіемъ. Правда, много было потеряно, но много и пріобрѣтено.

Не было ли все то, что я видѣлъ, все, что я потерялъ, лишь отраженіемъ, миніатюрнымъ образомъ, того, что совершилось на всемъ островѣ? Несомнѣнно, этотъ округъ и его населеніе долго играли типичную роль, такъ сказать, въ превратностяхъ нашей національной жизни. Крайній юго-западъ Ирландіи, атлантическій уголъ западнаго Корка и Керри долго представлялъ особенный интересъ для изучающаго общественную и политическую исторію Ирландіи. Фроудъ считаетъ его ареной характеристическихъ событій 17 и 18 столѣтій. Въ послѣдней отчаянной борьбѣ гальскихъ князей за свое господство на островѣ эта мѣстность играла на югѣ ту же самую роль, какую Донегалъ — на сѣверѣ. Три человѣка, подъ предводительствомъ которыхъ была совершена за-

---

Я, конечно, имѣлъ въ виду, что томъ этотъ будетъ изданъ и, надѣюсь, читаемъ въ Англіи; тѣмъ не менѣе я рѣшилъ писать его не *для* англичанъ и не *по-англійски*, а по-своему и съ своей точки зрѣнія. Я не претендую быть обезличеннымъ. Я принималъ, какъ будетъ видно изъ послѣдующаго, дѣятельное участіе въ нѣкоторыхъ изъ самыхъ бурныхъ сценъ ирландской общественной жизни, по крайней мѣрѣ за четверть столѣтія, и хочу удержать за собой мѣсто человѣка опредѣленныхъ взглядовъ и твердыхъ убѣжденій. Тѣмъ не менѣе, я увѣренъ, меня не станутъ обвинять въ непониманіи той отвѣтственности, которая возлагается на человѣка, взявшагося сдѣлать попытку, какъ бы она скромна ни была, излагать исторію своего времени, а не политическіе и полемическіе дебаты.

Быть-можетъ съ моей стороны будетъ слишкомъ смѣлымъ и самонадѣяннымъ выразить надежду, что эти главы могутъ помочь установиться между новой Англіей и новой Ирландіей лучшимъ отношеніямъ и болѣе теплымъ чувствамъ, чего, несомнѣнно, должны желать всѣ истинные патріоты какъ той, такъ и другой стороны. Но, какъ бы то ни было, не менѣе серьезныя соображенія и не менѣе высокія надежды заставили меня предпринять этотъ трудъ.

ключительная кампанія 1595—1599 годовъ, были: Гугъ О'Нейль—князь тиронскій, Гугъ О'Доннель — князь тирконнельскій и Доналъ О'Сулливанъ—глава Биры. Союзницей ирландскихъ вождей на этотъ разъ была Испанія, и близость оконечностей Карбери и Биры къ Иберейскому полуострову, удобства, представляемыя ихъ глубокими заливами и природными гаванями для выгруженія войскъ, оружія, субсидій и посылокъ—придавали этому округу то значеніе, которое онъ удерживалъ за собой вплоть до 1796 г., когда сдѣлался ареной попытки или, лучше сказать, замысла французскаго вторженія подъ предводительствомъ Гоша. Объявленная конфискованной, въ концѣ упомянутой кампаніи, въ 1607 г. и дѣйствительно конфискованная въ 1641 и 1691 годахъ, Бира окончательно была потеряна для О'Сулливановъ. Послѣдній благородный членъ этого семейства *), лишеннаго своего наслѣдства, вступилъ во французскую службу вмѣстѣ съ ирландской арміей подъ начальствомъ Сарсфильда, при капитуляціи Лимерика. Народъ хмурился на своихъ новыхъ ландлордовъ, которые въ теченіе очень долгаго времени буквально даже не бывали въ своихъ владѣніяхъ.

Отъ 1700 до 1770 года, какъ это очень живописно рисуетъ Фроудъ, Бантри и прилегающіе къ нему заливы служили дорогами, по которымъ, несмотря на силу и бдительность правительства, отправлялись рекруты для «ирландской бригады» (такъ-называемые «дикіе гуси» въ грузовыхъ билетахъ) и грузы шерсти (вывозъ которой былъ запрещенъ въ это время) во Францію, Испанію и другія южныя страны. Населеніе занималось этимъ выгоднымъ и рискованнымъ ремесломъ—контрабандным вывозомъ шерсти и ввозомъ шелка, водки и табаку—почти вплоть до начала прошлаго столѣтія. Съ тѣхъ поръ оно посвятило себя исключительно и энергично соединенію рыболовства съ мелкимъ земледѣліемъ; на его характерѣ и обычаяхъ, привычкахъ и традиціяхъ, добродѣтеляхъ и порокахъ болѣе или менѣе отразилась та предшествовавшая исторія, которую я только-что пытался обрисовать вкратцѣ.

Наиболѣе рѣзкія перемѣны въ предѣлахъ нынѣшняго поколѣнія во всей Ирландіи произошли именно въ средѣ этого земледѣльческаго класса. Ирландское крестьянство сорокъ лѣтъ тому

*) Его сестра была женой полковника Макъ-Магона, прямаго предка маршала Патрика Макъ-Магона, герцога маджентскаго, президента Французской республики. *Прим. авт.*

назадъ, его домъ, его привычки, обыкновенія, платье, его остроуміе и юморъ, его нѣжныя чувства, его страсти и застарѣлые предразсудки — все это съ бо́льшими или меньшими преувеличеніями было описано уже сто разъ (въ Англіи). Каррикатура сдѣлала съ своимъ оригиналомъ все, что могла сдѣлать; однакожь и справедливость все-таки касалась этой темы. Одну изъ наиболѣе пріятныхъ перемѣнъ нашего времени составляетъ тотъ фактъ, что неуклюжій, «балаганный ирландецъ» уже больше не провозглашается съ восторгомъ вѣрнымъ дѣйствительности. Ирландецъ крайне чувствителенъ къ сатирѣ или насмѣшкѣ, и пародированіе его національнаго характера въ жалкихъ романахъ и грубыхъ фарсахъ для увеселенія господствующей расы (ирландскаго крестьянина обыкновенно изображали смѣсью идіота и шута) вызывало въ немъ раздраженіе, питавшее ненависть между двумя народами гораздо больше, чѣмъ самая свирѣпая брань тѣхъ «агитаторовъ», которымъ принято приписывать исключительную фабрикацію ирландскихъ возстаній.

Банимъ, Гриффинъ, г-жа Голлъ и Каристонъ оставили картины ирландской жизни и ирландскаго характера, которыя въ цѣломъ, по вѣрности и эффектности, трудно превзойти. Только одного класса не фотографировалъ никто изъ нихъ, это—рыбачьихъ общинъ, населявшихъ тридцать лѣтъ тому назадъ берега Канаута и Мюнстера. Теперь онѣ совершенно исчезли. Ирландская рыболовная коммиссія изъ году въ годъ оплакивала ихъ исчезаніе; военный и коммерческій флоты потеряли въ нихъ крѣпкихъ и безстрашныхъ моряковъ, съ дѣтства привыкшихъ бороться съ волнами и вѣтромъ и всегда готовыхъ къ услугамъ вдоль всѣхъ западныхъ и южныхъ береговъ острова. Собственно такъ-называемымъ «рыболовствомъ въ глубокомъ морѣ» общинники почти не занимались, — лодки и снасти западнаго берега совершенно не годились для этой цѣли. Правда, Кинселъ и Канъ-Клиръ славились своими «крючечниками», занимавшимися ловлей китовъ и морскихъ налимовъ, но шестивесельныя селедочныя лодки были во всеобщемъ употребленіи. Когда лунный свѣтъ становился слишкомъ ярокъ для рыболовства, они воздѣлывали картофель на небольшихъ фермахъ или участкахъ земли на скалахъ, такъ что отъ этого картофеля и запаса рыбы для домашняго употребленія зависѣло все ихъ жалкое существованіе. Между Канъ-Клиръ и островомъ Дорсей на ихъ долю иногда выпадало немного лоцманства, хоть эти «лоцмана» имѣли и очень смутныя понятія о

компасѣ и ивадрантѣ. Одинъ изъ нихъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ разъ чуть было не утерялъ хорошаго «дѣла» (пяти фунтовъ стоило) потому, что не могъ сказать компаса капитану вестъ-индскаго судна, шедшаго домой. «Какъ, ты не знаешь компаса?— вскричалъ капитанъ.—И ты лоцманъ?»—«О, нѣтъ, сэръ, я хотѣлъ сказать — не знаю его по-англійски. Вы видите, сэръ, мы всѣ въ своей деревнѣ, что на берегу, говоримъ по-ирландски, а я и мои ребята знаемъ немного по-англійски потому, что ходимъ съ судами».—«Ладно,—сказалъ капитанъ послѣ нѣкотораго молчанія,—скажи по-ирландски». Онъ не безъ основанія думалъ, что на всѣхъ языкахъ можно узнать, слѣдуютъ ли слова другъ за другомъ въ такомъ порядкѣ, какъ — сѣверъ, сѣверо-востокъ, сѣверо-сѣверо-востокъ, сѣверо-востоко-сѣверъ и т. д., но старый Джакъ Доунингъ былъ такъ же находчивъ, какъ капитанъ проницателенъ. Въ кабалѣ у мистрисъ Кроуней онъ очень и очень часто слыхалъ, какъ матросы говорятъ компасъ, и хотя самъ не пытался повторить его, но зналъ, какъ это звучитъ для уха.

— О, будьте увѣрены, сэръ, я скажу вамъ его по-ирландски.—И онъ началъ декламировать на своемъ доморощенномъ гальскомъ:—Мой дѣдушка, моя бабушка, моего дѣдушки бабушка, моей бабушки дѣдушка, мой пра-пра-прадѣдушка...

— Будетъ, будетъ!—вскричалъ капитанъ, видимо убѣжденный. — Я вижу, пріятель, что напрасно усомнился въ тебѣ... Веди судно!

Не много найдется зрѣлищъ, которыя были бы такъ живописны, какъ церемонія формальнаго открытія рыболовнаго сезона въ заливѣ. Выбравши особенно благопріятный, тихій и ясный день, рыбачьи лодки собирались въ назначенное мѣсто со всѣхъ окрестныхъ рѣчекъ и затоновъ на много миль вокругъ. Затѣмъ торжественною процессіей, со священникомъ впереди, онѣ выплывали въ море на разстояніи рыболовнаго района и тамъ останавливались. Тогда священникъ облачался, на кормѣ устанавливался импровизованный алтарь, весь флотъ размѣщался вокругъ и ни одна голова не оставалась покрытой и не наклоненной, пока совершалась обѣдня. Я видѣлъ эту «обѣдню въ океанѣ», когда не было ни малѣйшаго вѣтерка, и звонъ колокольчика да шепотъ священника составляли единственные звуки, долетавшіе до моего уха; голубые холмы Бантри виднѣлись позади насъ, а впереди — ровно ничего до самаго американскаго берега.

Гдѣ все это теперь?... Обѣдня въ океанѣ—дѣло прошлаго, о ней не слышно, ея не видно больше,—одинъ изъ старинныхъ обычаевъ, очевидно, исчезъ навсегда. А рыбаки — эти красивые и рослые молодцы, съ засмоленными руками и слѣдами бурь на лицѣ?... Если не рабочій домъ и не могила унесли ихъ, то навѣрно они работаютъ гдѣ-нибудь въ докахъ на Темзѣ или Мерси, на Гудсонѣ или Миссисипи. А лодки?... Я видѣлъ едва ли не всѣ ихъ, когда былъ въ послѣдній разъ въ бухтѣ, которая во времена моего дѣтства была способна вмѣстить чуть не цѣлый флотъ. При низкой водѣ, то тамъ, то тутъ изъ песку торчали ребра ихъ скелетовъ или ихъ жалкіе обломки безпомощно бились подъ упавшимъ въ воду во время прилива деревомъ.

Возлѣ западнаго берега Ирландіи есть нѣсколько острововъ, которыхъ населеніе, предшествовавшее теперешнему поколѣнію, никогда не имѣло нужды покидать своихъ домовъ-тюремъ. Материкъ—Ирландія—былъ для нихъ огромнымъ континентомъ, гдѣ, говорятъ, можно видѣть удивительныя чудеса. Островъ Торри (Innis Toraigh—островъ башни), около Донегала, и до сихъ поръ еще въ значительной степени сохранилъ за собой эту уединенность,—онъ до сихъ поръ еще управляется «королемъ» рыбаковъ, выбраннымъ общиной трехъ или четырехъ сотъ душъ. Очень недавно, сколько мнѣ извѣстно, на немъ были построены полицейская казарма и пограничная таможня, но, несмотря на это, авторитетъ «короля» и до сихъ поръ остался верховнымъ. И не странно ли, теперешній самодержецъ Торри—протестантъ и единственный проповѣдникъ своей вѣры на островѣ (конечно, внѣ казармы и таможни)?

Торри принадлежалъ къ какому-то баронству на сосѣднемъ материкѣ; но не дальше какъ два-три года тому назадъ никому и не снилось настаивать на этомъ законномъ фактѣ и требовать съ торрійцевъ уплаты баронскаго налога на поправку дорогъ въ странѣ по ту сторону «пролива». «Мы свои собственныя дороги строили сами, никакими другими не пользовались и ни за какія другія налоговъ платить не будемъ», такъ отозвался «король». Сборщикъ уже началъ-было снаряжать флотилію для нападенія на островитянъ съ не менѣе опредѣленнымъ намѣреніемъ, чѣмъ Вильгельмъ Нормандскій собиралъ свои струги на рейдѣ С.-Валери, но, къ счастію, власти придумали компромиссъ, который и отвратилъ враждебное столкновеніе съ такой своеобразною общиной, такъ сильно располагающею къ себѣ ихъ симпатіи.

Тяжкое преступленіе было и, я увѣренъ, остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ въ средѣ этихъ островитянъ. Первыя незаконныя роды на Торри, насколько хватаетъ памяти старожилъ, случились всего лѣтъ двадцать тому назадъ и причинили не малые переполохъ и страхъ всей общинѣ. Одна торрійская дѣвушка работала на фермѣ материка и возвратилась домой, чтобы наложить на характеръ своего роднаго острова первое нравственное пятно такого рода, какое еще никогда не было ему знакомо. Вся община собралась подъ предсѣдательствомъ «короля» и въ одинъ голосъ объявила несчастной подсудимой *ссылку въ Ирландію*. Когда же она и ребенокъ достаточно окрѣпли, ихъ перевезли черезъ проливъ. Сосѣди надавали ей подарковъ на всякій случай въ будущемъ и она уже не возвратилась на Торри.

Теперешній епископъ Керри, преподобный д-ръ Моріарти, разсказывалъ мнѣ, какъ онъ ѣздилъ по своему округу близъ острова Бласкета въ 1856 г. Этимъ случаемъ воспользовался одинъ молодой островитянинъ, который хотѣлъ жениться, но не могъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ этого сдѣлать безъ разрѣшенія его преподобія. Съ этою цѣлью онъ переправился на материкъ, гдѣ никогда прежде не бывалъ, и удивлялся всему, что ни попадалось ему на глаза. Епископъ хотѣлъ удостовѣриться въ знакомствѣ его хотя съ основными истинами христіанскаго ученія.

— Послушай, мой милый, какъ ты думаешь, сколько боговъ на свѣтѣ?—спросилъ онъ ирландца.

— Ну, великій и святой духовникъ, — отвѣчалъ тотъ, — у насъ въ Бласкетморэ только *одинъ*, а здѣсь, въ этомъ большомъ свѣтѣ, очень можетъ быть, что и больше.

Отецъ Казей долженъ былъ посвятить нѣсколько дней наставленію его въ истинахъ христіанскаго катехизиса, а затѣмъ разрѣшилъ ему и супружескій союзъ.

Этотъ классъ островитянъ атлантическаго берега отъ Канъ-Клиръ до Мелинъ-хедъ жестоко пострадалъ и былъ почти уничтоженъ во время голода 1847 года. Это — храбрая и крѣпкая раса, во многомъ отличающаяся отъ крестьянъ ирландскаго материка. Уединенность спасла ихъ отъ столкновеній, которыя дезорганизовали аграрную систему въ другихъ частяхъ королевства. Ихъ тяжелая доля и скромная жизнь представляли мало соблазна для зависти и жадности. Океанъ—ихъ главная «ферма» и на ней никакіе ландлорды не могутъ повысить своихъ рентъ. Война классовъ, расъ и исповѣданій, по временамъ свирѣпство-

вавшая по всей Ирландіи, никогда не касалась этихъ общинъ. Каждый человѣкъ для нихъ — сосѣдъ, каждый чужестранецъ — другъ. Даже теперь, изнуренные тяжелымъ испытаніемъ послѣднихъ тридцати лѣтъ, они представляютъ интересъ для изученія, какъ единственные, быть-можетъ, чистые остатки кельтскихъ крестьянъ Ирландіи стараго времени.

Вглядываясь въ эти сцены, вызывая въ себѣ эти воспоминанія, я не чувствую себя достаточно стоикомъ для того, чтобы хладнокровно смотрѣть на картину, представляющуюся моему взгляду теперь. Однакожь необходимо помнить, что въ этихъ обращеніяхъ къ прошлому часто не отдавалось должной справедливости настоящему; рѣдко придавалась настоящая цѣна прогрессу, который среди сраженій и борьбы, часто казавшихся безплодными, страданій и жертвъ, повидимому не вознаграждавшихся, былъ тѣмъ не менѣе во всемъ свѣтѣ основанъ на ростѣ цивилизаціи.

II.

Школьный учитель.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ школьный учитель въ Ирландіи не былъ внѣ границъ. Въ прошломъ столѣтіи ему гораздо лучше было совсѣмъ не существовать, если онъ не хотѣлъ быть обвиненнымъ въ уголовномъ преступленіи по 8 th. Anne, cap. iii, sec. 16. Въ большинствѣ земледѣльческихъ приходовъ Ирландіи, меньше полустолѣтія тому назадъ, человѣкъ, умѣвшій прочитать газету или написать письмо, былъ выдающимся лицомъ, полезнымъ и важнымъ дѣятелемъ. Онъ становился философомъ своего околодка. Онъ писалъ письма для всего прихода и читалъ отвѣты тѣмъ сосѣдямъ, которые получали ихъ. Въ воскресенье, послѣ обѣдни, если только мѣстный священникъ былъ достаточно богатъ, чтобы получать газету, тотъ же самый общественный грамотей читалъ новости всего свѣта изъ послѣдняго недѣльнаго или двухнедѣльнаго широкаго листа отца Тома. Въ хорошую погоду, сидя на дерновой оградѣ, а въ бурную — на наковальнѣ ближайшей кузницы, онъ повѣствовалъ любопытной и благоговѣйной толпѣ о послѣдней рѣчи О'Коннеля или Шейля, Пиля или Станлея. Въ иныхъ мѣстахъ случалось, что роль приходскаго писателя писемъ и общественнаго чтеца считалась ремесломъ, какъ это и до сихъ поръ существуетъ въ Италіи, и

оплачивалась извѣстнымъ жалованьемъ. Нѣкоторые изъ этихъ практиковъ вырабатывали опредѣленныя формы для писемъ разныхъ сортовъ, откуда быть-можетъ и возникла идея печатнаго «Полнаго Письмовника».

Въ такихъ упражненіяхъ особенно цѣнились длинныя, странно и незнакомо звучащія слова. Предполагалось, что четырехсложное слово вдвое сильнѣе двухъ или односложнаго. Приходскій писака въ Бирхевенѣ, хваставшійся тѣмъ, что онъ «сломалъ», т. е. добился отставки, трехъ мѣрщиковъ и перевелъ на другія мѣста двухъ субъ-инспекторовъ, былъ однажды приглашенъ составить жалобу на полицейскаго. Окончивши послѣднюю, онъ прочелъ ея конецъ своимъ смущеннымъ кліентамъ: «онъ преимущественно (supereminently) непріятенъ для народа».—«Слышите это?— сказалъ онъ, кладя перо и съ гордостью посмотрѣвъ вокругъ, — *преимущественно*!... Одного этого слова достаточно, чтобы снять съ него мундиръ».

Что такіе ученые писатели писемъ существуютъ кое-гдѣ въ Ирландіи и до сихъ поръ, я не одинъ разъ имѣлъ случай убѣдиться во время моей публицистической дѣятельности въ Дублинѣ. Изъ цѣлой груды такихъ курьезовъ я приведу только два сообщенія, присланныя для напечатанія въ одномъ изъ моихъ журналовъ. Первое трактуетъ о закрытіи кабаковъ по воскресеньямъ:

«Сэръ, для разума всякаго силлогистическаго политико-экономa абсолютно непроницаемъ тотъ несомнѣнный фактъ, что заботливость британскихъ представителей о золотоносномъ прогрессѣ акциза лишаетъ ихъ чувства филантропіи, всякаго пониманія общественныхъ несчастій, нравственнаго паденія и домашней нужды обольщенныхъ посѣтителей общественныхъ домовъ (кабаковъ) въ воскресенье. Но, переходя отъ общаго принципа къ фактамъ въ частности, я думаю, что половина ирландскихъ кабатчиковъ обращаютъ очень мало тщательнаго вниманія на повелѣнія совѣсти, извлекая выгоды изъ раззоренія потребителей. Что кабатчикова шкатулка есть вмѣстилище огромнаго количества богатствъ страны, ясно выражается въ томъ фактѣ, что ихъ жены суть живая панорамма *bon ton'a*, — по всей видимости, онѣ существуютъ для постояннаго предупрежденія всѣхъ многоразличныхъ измѣненій въ модахъ. Достовѣрно извѣстно, что нѣкоторые спиртовые торговцы коварно употребляютъ магнетическую систему корыстнаго присвоенія, чрезъ посредство обольстительныхъ дѣвицъ, за прилавкомъ которыхъ продажная улыбка невыразимаго сладкорѣчія неизмѣнно разсчитана на возбужденіе расточительныхъ наклонностей молодыхъ ремесленниковъ».

Уважающій васъ Сатурнъ.

Изъ другаго письма того же корреспондента по поводу преславутаго вопроса о «Коннемарскомъ прозелитизмѣ» я беру слѣдующую выдержку:

Конгъ, 12 апр. 1874 г.

«Сэръ, я искренно вѣрю, что не буду сочтенъ за олицетворенное выраженіе состояній, посредствующихъ между великимъ и смѣшнымъ, если скажу, что ирландецъ католикъ, котораго ревность къ уничтоженію различныхъ толкованій сектантскихъ спорныхъ вопросовъ можетъ довести его до грубаго отвращенія ко всякимъ религіознымъ диспутамъ, не можетъ имѣть ровно ничего противъ помѣщенія между самыми очевидными язвами Ирландіи отвратительнаго вліянія въ отдаленныхъ округахъ умноженія числа наемныхъ чтецовъ Библіи, которыхъ суетная идея лицемѣрія оправдывается ортодоксіей, какъ нисколько не противорѣчащая предписаніямъ корыстнаго вдохновенія ихъ неутомимой проповѣди великаго ученія, что царствіе небесное доступно всякому умершему паписту только при посредствѣ чтенія различныхъ писаній и системы непомѣрныхъ дозъ уха. Встрѣтивши случайно одного изъ такихъ подлунныхъ джентльменовъ и не будучи въ состояніи превзойти трудностей аналитическаго выкапыванія писаній, я почувствовалъ себя подъ тяжестью суровой и повелительной необходимости прибѣгнуть къ небрежной уверткѣ, что повергло его библейскія цитаты въ фактическое состояніе химерическаго смѣшенія».

Увы, эти ученыя упражненія никогда не появлялись передъ глазами публики; однако мой товарищъ, бракованшій ихъ для печати, бережно передавалъ ихъ мнѣ для помѣщенія въ портфель литературныхъ сокровищъ.

Не невѣжество, а нелитературность господствовали сорокъ лѣтъ тому назадъ въ Ирландіи. Ирландскій крестьянинъ отъ природы смышленъ и владѣлъ совершенно достаточнымъ количествомъ познаній о вещахъ, необходимыхъ для его занятій, а сверхъ всего этого онъ вѣжливъ и обходителенъ въ обыкновенномъ деревенскомъ смыслѣ слова. Неучъ — грубіянъ, неотесанный или глупый—служилъ мишенью насмѣшекъ всего прихода *).

Въ то время, какъ въ другихъ странахъ, особенно въ Англіи и Шотландіи, народное образованіе развивалось и расширялось въ общественную систему, въ Ирландіи законодательство издавало статутъ за статутомъ, воспрещавшіе и каравшіе какое бы то

*) Одно изъ новыхъ явленій въ средѣ ирландскаго крестьянства составляетъ ирландецъ, побывавшій въ Америкѣ; возвратясь домой, онъ обыкновенно не обращаетъ вниманія и презираетъ мелкія предписанія вѣжливости, которыя считаетъ холопствомъ. Въ странѣ свободы и республиканскаго равенства онъ выучился стыдиться того, какъ въ былыя времена дома снималъ шляпу передъ всякимъ, кто выше его по общественному положенію. Это былъ рабскій обычай, думаетъ онъ, и бросаетъ его, усвоивая пріемы, которые считаетъ признакомъ независимости и равенства, но которые на самомъ дѣлѣ очень часто бываютъ просто грубостью. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Ирландіи можно было видѣть униженное и раболѣпное холопство, подавленныхъ и пресмыкающихся рабовъ, съ непокрытыми головами въ дождь и снѣгъ стоящихъ возлѣ дороги, въ то время, какъ какой-нибудь сквайръ болтаетъ передъ ними своимъ языкомъ. Но между этимъ и неподдѣльною вѣжливостью ирландскаго крестьянина лучшаго типа была большая и ясная разница.

ни было образованіе—университетское, среднее или элементарное — для девяти десятыхъ населенія. Это было великимъ несчастіемъ, горькіе плоды котораго долго еще будутъ ощущаться, несмотря даже на дружныя усилія искоренить ихъ.

Иначе говоря, все большинство населенія были католики, и *penal laws* *) противъ католическихъ школъ фактически запрещали образованіе для массы народа,—законы, по которымъ католику быть учителемъ, помощникомъ учителя или наставникомъ считалось преступленіемъ, а всякому ребенку, воспитанному такимъ учителемъ, грозила гражданская смерть. Было бы безполезно перечислять на этихъ страницахъ всѣ узаконенія, сопровождавшія въ теченіе почти всего прошлаго столѣтія страшное гоненіе. Статутъ за статутомъ, наказаніе за наказаніемъ сыпались на голову народа.

«Присѣвши подъ заборомъ или лежа въ горной травѣ,
Учитель съ ученикомъ преступно встрѣчались— учиться».

Тотъ, кто безсознательно или по незнакомству съ фактами рѣшается обвинять или упрекать ирландскій народъ въ невѣжествѣ,—самъ не знаетъ, о чемъ онъ говоритъ. Какихъ бы упрековъ и замѣчаній ни заслужилъ онъ въ чемъ другомъ, но въ дѣлѣ образованія онъ не преступникъ, а жертва.

Начиная съ 1783 года англійское законодательство начало отмѣнять самыя суровыя изъ этихъ узаконеній противъ католическаго обученія въ Ирландіи и къ 1830 году они почти всѣ были уничтожены. А въ слѣдующемъ году покойный лордъ Дерби, тогда еще м-ръ Станлей, главный секретарь Ирландіи, проектировалъ и основалъ теперешнюю систему государственныхъ школъ. Въ Дублинѣ былъ учрежденъ правительственный совѣтъ для руководства и администраціи элементарнаго образованія во всей Ирландіи. Само правительство не основывало и не учреждало новыхъ школъ,—оно только приглашало мѣстныхъ попечите-

*) Подъ этимъ именемъ извѣстенъ цѣлый длинный рядъ узаконеній противъ католической церкви, духовенства, католическаго образованія и католиковъ вообще, издававшихся и обновлявшихся въ разное время, начиная съ реформаціи и кончая Вильгельмомъ Оранжскимъ. По нимъ католическое богослуженіе воспрещалось, церкви были заперты и духовенство изгнано или сослано на острова и въ другіе отдаленные углы, возвращеніе откуда грозило имъ висѣлицей. Католику воспрещалось на свое или чужое имя владѣть землей; до 16 лѣтняго возраста всякій католическій юноша долженъ былъ три раза быть спрошенъ, не хочетъ ли перейти въ протестантство, и въ случаѣ согласія немедленно получалъ ½ имущества своего отца.

лей и учредителей ихъ присоединяться къ совѣту и получать, въ такомъ случаѣ, ежегодныя правительственныя субсидіи, сообразуясь въ расходованіи ихъ съ правилами новой системы. Школамъ, находящимся подъ вѣдѣніемъ совѣта, члены его доставляли школьныя принадлежности по уменьшенной цѣнѣ и пособія на жалованье учителямъ. Съ другой стороны, правительственные инспекторы посѣщали такія школы и подавали о нихъ рапорты въ совѣтъ; въ случаѣ нарушенія основныхъ правилъ выдача пособій прекращалась.

Правда, недостатка снабдить Ирландію общественными школами не было и до 1831 года, но это были семинаріи, посѣщать которыя ирландскіе католики ни за что не хотѣли и убѣдить ихъ дѣлать это не было никакой возможности. Въ 1608 г. существовали королевскія даровыя школы, въ 1733 г.—школы Эразма Смита, въ 1811 г.—лондонское ибернійское школьное общество и многія другія кромѣ этихъ. Всѣ они имѣли цѣлью—болѣе или менѣе энергичное «отвлеченіе ирландскаго юношества отъ папства»; ирландское же юношество только еще энергичнѣй отказывалось быть отвлеченнымъ и отшатывалось отъ семинарій *en masse*. Въ тяжеломъ выборѣ между потерей школьнаго образованія съ одной стороны и пожертвованіемъ религіозными убѣжденіями—съ другой, ирландцы-родители предпочитали для своихъ дѣтей первое, и не потому, чтобъ они не цѣнили образованія,—напротивъ, они страстно покланялись ему, тосковали по немъ, какъ слѣпые, которые могутъ долго смотрѣть на чудеса неба и земли, много слыхать о нихъ, но никогда—видѣть ихъ. Они смѣло шли на наказаніе по 7 Will. III, cap. IV, sec. 1, который грозитъ гражданскою смертью каждому папистскому ребенку, воспитанному въ заграничной католической школѣ. Контрабандные школяры въ началѣ прошлаго столѣтія часто составляли обратные грузы уходящихъ судовъ, которыя привозили по ночамъ шелкъ и водку въ ирландскія рѣчки и заливы. Ирландцы высоко цѣнили образованіе, но религію они любили больше.

По поводу этой школьной системы, основанной Станлеемъ въ 1831 году, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ шла ожесточенная полемика. Въ одномъ отношеніи во всѣхъ случаяхъ и болѣе чѣмъ въ одномъ отношеніи въ очень многихъ случаяхъ она имѣла замѣчательный успѣхъ, несмотря на обстоятельства сильно вредившія ей и ограничивавшія ея дѣйствіе. Иначе говоря, хотя эта система въ сущности только болѣзненно напоминала о той,

которой ирландцы послѣ столькихъ страданій и жертвъ имѣли нѣкоторое основаніе ожидать, именно — о системѣ общественнаго образованія настолько же согласной съ ихъ религіозными убѣжденіями, какъ англійская и шотландская,—тѣмъ не менѣе они подчинились ей, и въ первый разъ въ англо-ирландскихъ лѣтописяхъ ирландскія дѣти тысячами потекли въ правительственныя школы.

Лордъ Станлей въ исторіи считается авторомъ школьнаго плана; на самомъ же дѣлѣ ее придумалъ и предложилъ лордъ Клонкюри, а главный секретарь Ирландіи лишь съ теченіемъ времени и довольно туго бралъ ее подъ свое покровительство. Но, разъ онъ взялся за вопросъ, дѣйствовалъ уже твердо и не только приступилъ къ полному рѣшенію его, насколько позволяли обстоятельства, но смѣло пошелъ дальше того, что, вѣроятно, предложили бы другіе на его мѣстѣ. Несомнѣнно, онъ думалъ, что дѣлаетъ все практически-возможное и что во всякомъ случаѣ его планъ будетъ встрѣченъ не иначе, какъ благодѣяніе сравнительно съ предшествовавшимъ положеніемъ вещей въ Ирландіи. Съ одной стороны, всѣ прежніе опыты имѣли болѣе или менѣе прямою цѣлью—отвращеніе ирландцевъ отъ католицизма; съ другой стороны, ирландцы требовали системы католическихъ школъ точно такъ же, какъ Англія и Шотландія имѣли протестантскія. Его же проектъ стремился какъ прекратить прозелитизмъ, такъ и исключить изъ школы опредѣленность исповѣданія: «совмѣстное учебное преподаваніе и отдѣльное—религіозное». Въ назначенное время, или спеціальные часы, Св. Писаніе, катехизисъ или другія религіозныя наставленія могутъ быть преподаваемы учителемъ или другимъ лицомъ, уполномоченнымъ родителями; но въ остальное время дня, въ теченіе собственно школьныхъ часовъ, не должно преподаваться ничего подобнаго религіознымъ истинамъ. Въ первые годы существованія системы (едва ли согласно съ точною буквой правилъ) была сдѣлана попытка въ сторону того, что можетъ быть названо преподаваніемъ «общаго христіанства». «Общій урокъ» изъ Св. Писанія былъ включенъ въ программу по распоряженію совѣта, которое и висѣло въ каждой школѣ и должно было читаться и учителемъ, и учениками каждый день. Въ первыхъ руководствахъ помѣщались отрывки изъ библейской исторіи, а преподобный д-ръ Уатлей, протестантскій архіепископъ въ Дублинѣ (одинъ изъ членовъ совѣта), составилъ книгу религіозныхъ наставленій, названную—«Уроки объ исти-

нахъ христіанства», которую совѣтъ сдѣлалъ учебникомъ въ школахъ. Но скоро щекотливый опытъ рушился, общее религіозное преподаваніе оставлено и система все болѣе и болѣе съуживалась до ея основной нерелигіозной формы. Свѣтскія школы были крайне противны сектантскимъ католическимъ принципамъ. Однакожь новая система была такимъ великимъ пріобрѣтеніемъ въ сравненіи съ порядкомъ существовавшимъ прежде, что католическіе прелаты, за немногими исключеніями *), рѣшили, что противиться ей было бы неразумно и, кромѣ того, могло бы показаться противодѣйствіемъ съ ихъ стороны образованію. Нѣтъ сомнѣнія, что планъ принадлежалъ не имъ,—государство дѣйствовало въ этомъ случаѣ согласно своимъ собственнымъ взглядамъ, сообразуясь съ государственными цѣлями, и на государственныя средства. Прелаты приняли систему съ оговоркой, что постараются сдѣлать изъ нея всевозможное и въ надеждѣ при случаѣ развить ее въ нѣчто ближе подходящее къ ихъ убѣжденіямъ.

Опытъ лорда Дерби представляетъ хорошій примѣръ невыгоды компромиссовъ. Протестантское общество, включавшее почти всѣхъ землевладѣльцевъ, чувствовало себя оскорбленнымъ. По мнѣнію землевладѣльцевъ, такое образованіе милліоновъ католиковъ, которое не помогло вывести ихъ изъ духовнаго рабства и суевѣрія, могло имѣть только дурной исходъ, если не было прямо грѣховнымъ. *Они* не намѣрены оказывать какой бы то ни было поддержки мѣстнымъ подпискамъ въ пользу такого отступничества отъ библейскихъ принциповъ. Съ другой стороны, католики, какъ мы уже видѣли, имѣли *свое* неудовольствіе: «Правительство толкуетъ намъ,—говорили они,—что эти школы именно то, что мы должны имѣть; но вѣдь это его выборъ, а не нашъ,—пусть же оно и платитъ за него». Между этими двумя претензіями ирландскія національныя школы были оставлены существовать почти исключительно на средства государства; мѣстныя усилія, мѣстная помощь имѣли едва замѣтные размѣры. Несчастные учителя жестоко страдали при этомъ порядкѣ вещей. На 25 или 30 фунтовъ стерлинг. въ годъ молодая женщина съ образованіемъ, примѣрнаго поведенія и приличнаго положенія должна была одѣваться, поддерживать себя и изо дня въ день преподавать въ школѣ, куда въ провинціальныхъ округахъ ей приходилось ходить за

*) Преподобный д-ръ Мак'Гале, архіепископъ туамскій, съ самаго начала рѣшительно отказался одобрить или принять новую систему.

3—4 мили подъ лѣтнимъ зноемъ и зимнимъ дождемъ. За послѣднія 10 лѣтъ жалованья были значительно увеличены, и теперь средній окладъ учителя ирландскихъ національныхъ школъ равняется 50 фун. въ годъ.

Основаніе этой организаціи школъ и доведеніе ея до настоящихъ размѣровъ и сравнительнаго успѣха — было гигантскимъ предпріятіемъ. Тѣ, кто принимаетъ участіе въ работахъ англійскихъ школьныхъ совѣтовъ, знаютъ, какъ трудно вводить новую систему даже въ богатыхъ городахъ, гдѣ такія или иныя школы уже существуютъ, тогда какъ въ трехъ четвертяхъ Ирландіи все приходилось дѣлать ab initio и кромѣ того при страшныхъ неудобствахъ и препятствіяхъ. Гдѣ было взять школьные дома? Гдѣ найти учителей? А прежде всего—откуда добыть средства? Правительственныя пособія, въ лучшемъ случаѣ довольно скудныя, должны были даваться въ помощь школамъ уже основаннымъ. Какимъ же образомъ основать школы?

Теперь всякій путешествующій по Ирландіи, къ счастію, видитъ много чистыхъ и опрятныхъ небольшихъ школьныхъ домиковъ съ черепичатыми крышами и досчатыми полами. Не таковы были первыя жалкія временныя помѣщенія національныхъ школъ: убогія хижины, крытыя соломой, съ земляными полами, холодныя и мрачныя зимой и убійственно дѣйствующія на здоровье учениковъ и учителей. А между тѣмъ устроить даже одну такую школу въ округѣ было большимъ подвигомъ. Я самъ видѣлъ, какъ дѣти отъ шести до шестнадцатилѣтняго возраста бредутъ (конечно, босоногія) по болотамъ и оврагамъ, утесамъ и тропинкамъ за 4—5, а иногда и 7 миль изъ дома въ школу.

Члены школьнаго совѣта, располагавшіе парламентскими пособіями, могли бы оказать въ дѣлѣ устройства школьныхъ домовъ гораздо большую помощь, чѣмъ они это дѣлали; теперешнія же улучшенія почти всѣ обязаны своимъ существованіемъ тяжелымъ и неутомимымъ стараніямъ духовенства, которое въ большинствѣ случаевъ и состоитъ попечителями и руководителями школъ, подвѣдомственныхъ совѣту. Однакожь теперь съ каждымъ годомъ увеличивается число случаевъ, гдѣ землевладѣльцы, отчасти или вполнѣ на свой счетъ, строятъ приличные школьные дома на своихъ владѣніяхъ. Едва ли не самымъ капитальнымъ улучшеніемъ ирландскія школы обязаны щедрости одного человѣка—мистера В. Фостера. Во время одной изъ своихъ пѣшихъ прогулокъ по Ирландіи, какія онъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать

ради благотворительныхъ цѣлей въ теченіе четверти столѣтія, онъ былъ пораженъ тѣмъ самымъ фактомъ, на который я указывалъ выше—убогимъ видомъ и пездоровостью сыраго земляпаго пола въ школахъ для босоногихъ дѣтей. Не говоря никому ни слова, онъ замѣчалъ размѣры школъ по всей странѣ и по окончаніи путешествія снабжалъ ихъ на свой счетъ досчатыми полами *).

Въ теченіе первыхъ 12 лѣтъ своего существованія національныя школы хотя и претендовали не принадлежать къ опредѣленному исповѣданію, но въ дѣйствительности принадлежали. Только въ немногихъ школахъ ученики были «смѣшанные». Въ Ульстерѣ, въ школахъ, основанныхъ протестантскими попечителями, никогда не бывало католическихъ дѣтей; въ другихъ же провинціяхъ, въ католическихъ школахъ, основанныхъ большею частію католическими священниками, никогда не появлялось ни одного протестантскаго ученика. Нелѣпость скоро сдѣлалась слишкомъ очевидною, что, изъ уваженія къ совѣсти воображаемаго ребенка другаго исповѣданія, котораго приходъ никогда не видѣлъ въ дѣйствительности,—цѣлая школа должна быть изъ году въ годъ ведена такимъ образомъ, какъ будто онъ на самомъ дѣлѣ присутствуетъ въ школѣ. Нѣсколько времени спустя и учителя, и попечители перестали обращать вниманіе на теорію и долгое время, несмотря на букву правилъ совѣта, въ школахъ какъ съ католическимъ, такъ и съ протестантскимъ комплектомъ учениковъ господствовало то или другое опредѣленное исповѣданіе. Въ Ульстерѣ Библія читалась свободно во всѣ часы; на югѣ католическій катехизисъ примѣшивался къ занятіямъ цѣлаго дня. И едва ли не вѣрно то, что на дѣлѣ и сами члены совѣта закрыли глаза на все это и благоразумно давали системѣ сначала во что бы то ни стало приняться — пустить корни и прорости: важно, чтобы школы были основаны, а примирить практику съ правиломъ они имѣли возможность и впослѣдствіи. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ этотъ процессъ примиренія былъ пущенъ въ ходъ, мнѣ однажды случилось быть свидѣтелемъ прекурьезной иллюстраціи его примѣненія.

---

*) М-ръ В. Фостеръ — одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей Ирландіи. Его часто можно встрѣтить на проселочной дорогѣ отдаленнаго угла страны въ простой ирландской, самодѣльной сѣрмягѣ, съ ранцемъ за спиной и здоровымъ терномъ въ рукахъ, когда онъ, по обыкновенію, молча обдумываетъ или изобрѣтаетъ какой-нибудь новый благотворительный планъ.

Въ King's Inn Street въ Дублинѣ, среди очень бѣднаго и чисто-католическаго населенія одно изъ ревностно проповѣдующихъ протестантскихъ обществъ основало школу, подлежащую вѣдѣнію совѣта и получающую отъ него пособія. Хотя въ ней и соблюдались правила совѣта насчетъ часовъ религіознаго преподаванія, однакожь протестанты умѣли сдѣлать такъ, что во время этихъ классовъ чтенія Св. Писанія всегда присутствовали оборванные маленькіе паписты, — въ это время раздавали завтракъ и полдникъ. И точно, когда я былъ въ школѣ, въ подвалѣ кипѣли котлы съ супомъ.

Католическое духовенство скоро узнало объ этихъ продѣлкахъ, совершаемыхъ подъ эгидой системы совѣта, и ходатайствовало о прекращеніи ихъ, но совѣтъ ничего не могъ сдѣлать, потому что его правила не были нарушаемы. Впрочемъ преподобнымъ ходатаямъ было сказано, что и они могутъ открыть въ этомъ же округѣ свою школу, подвѣдомственную совѣту. Такъ и было сдѣлано: въ той же улицѣ, напротивъ протестантской, явилась другая школа — католическая, такъ что на разстояніи нѣсколькихъ саженей другъ отъ друга были двѣ національныя школы, принимающія участіе въ поединкѣ исповѣданій. Я слышалъ обо всемъ этомъ и рѣшилъ убѣдиться своими собственными глазами. Когда я пришелъ въ школу № 2 — католическую, гдѣ преподавали монахини, былъ законный часъ для религіознаго урока. Я былъ не мало удивленъ, увидавши въ концѣ комнаты прекрасную небольшую часовню, обвитую цвѣтами и освѣщенную восковыми свѣчами, въ то время какъ дѣти на хорахъ пѣли католическій гимнъ.

— Какимъ образомъ совѣтъ позволяетъ вамъ имѣть эту часовню?—спросилъ я дежурную сестру.—Вѣдь воспрещается имѣть всякія религіозныя картины, символы или знаки, и даже молчаливое склоненіе головы на грудь во время умственной молитвы объявлено противозаконнымъ, а вы здѣсь нарушаете все это?

— О, нисколько!—отвѣчала монахиня.—Подождите немного, когда часы пробьютъ законный часъ для продолженія учебныхъ занятій, и вы увидите.

И точно, при звонѣ часовъ совершилось превращеніе, которое еще болѣе удивило меня. Складныя двери часовни, которыхъ я сначала не замѣтилъ, заперлись, верхъ перекинулся черезъ нее, впередъ выдвинулись ступеньки и, вдругъ, появилась «учительская каѳедра».

Я едва нашелся, что сказать,—настолько смутное чувство овладѣло мною въ первый моментъ; но очень короткое размышленіе привело меня къ выводу, что такое рѣзкое разграниченіе «свѣтскаго» и религіознаго едва ли можетъ оказывать хорошее нравственное вліяніе на дѣтей.

Я пересѣкъ улицу, вошелъ въ протестантскую школу и вступилъ въ разговоръ съ учителемъ. Онъ горько жаловался на учрежденіе школы по другую сторону улицы и съ чувствомъ говорилъ объ убыли, происшедшей въ комплектѣ его ежедневныхъ слушателей.

— Всего хуже, сэръ, вотъ что: мы открыли, какъ маленькіе плуты приходятъ къ намъ по утрамъ завтракать, а потомъ идутъ на ту сторону улицы къ монахинямъ.

— Вы ихъ, конечно, вычеркнули изъ списка?

— Мы не имѣемъ на это права, но пробовали замѣчать отдѣльныхъ мальчиковъ, которые поступали такимъ образомъ, и не давали имъ завтрака. Однако теперь мы нашли способъ, который вполнѣ уничтожитъ это.

— Что-жь это такое?

— А мы не будемъ дѣлать завтрака прежде, чѣмъ не окончится у насъ классъ Св. Писанія, т. е. не раньше трехъ часовъ.

Въ теченіе многихъ лѣтъ какъ протестантское духовенство, такъ и свѣтскіе протестанты держались совершенно въ сторонѣ отъ національныхъ школъ. Они не хотѣли поддерживать народное образованіе, которое не было религіознымъ и не основывалось на Св. Писаніи. Они ни въ какомъ случаѣ не хотѣли имѣть школы безъ открытой Библіи, т. е. гдѣ бы Библія то закрывалась, то открывалась на извѣстные часы. Еслибъ ихъ нерасположеніе вытекало изъ сожалѣнія, что такимъ образомъ теряется очень удобный случай обращать католиковъ въ протестантство, тогда, конечно, не могло бы быть и вопроса; но у большинства духовныхъ и свѣтскихъ протестантовъ оно являлось прямо изъ нравственнаго принципа и имѣло въ виду прежде всего и главнымъ образомъ юношество своего собственнаго общества. Долгое время напрасно велись переговоры и дѣлались уступки, чтобы только обезпечить дѣлу ихъ симпатіи. Однимъ изъ главныхъ препятствій было правило, запрещающее учителю позволять ученикамъ другаго исповѣданія оставаться въ школѣ во время его религіозныхъ уроковъ, хотя бы даже они доставили на это разрѣшеніе своихъ родителей. Протестантскій пасторъ, готовый въ

другихъ отношеніяхъ работать вмѣстѣ съ совѣтомъ, оставался непоколебимымъ въ этомъ пунктѣ. «Мое посвященіе и мое чувство долга,—говоритъ онъ,—запрещаютъ мнѣ взять кого бы то ни было за плечи и вывести, чтобъ онъ не могъ слышать моей проповѣди Евангелія. Я вполнѣ готовъ дать обѣщаніе не *принуждать* ученика оставаться въ моей школѣ, находящейся въ вѣдѣніи совѣта, и позволить ему отсутствовать во время религіознаго наставленія, если онъ того хочетъ; но, разъ онъ пришелъ, я, конечно, не буду гнать его вонъ».

Съ другой стороны, школьный совѣтъ отзывался, что интересы вѣры заставляютъ его охранять дѣтей отъ риска или повода присутствовать при религіозной проповѣди другаго исповѣданія въ той самой школѣ, куда готовы идти массы ирландскаго народа. Такія пререканія продолжались отъ 1844 до 1847 года. Корреспонденція со стороны протестантскаго духовенства искусно велась покойнымъ архидіакономъ митскимъ, Станфордомъ, и въ сентябрѣ 1847 г. между нимъ и совѣтомъ былъ установленъ слѣдующій компромиссъ:

Съ этихъ поръ ни одинъ учитель не обязывается заботиться объ удаленіи дѣтей другаго исповѣданія во время его религіозныхъ уроковъ; но разъ онъ присутствуетъ, учитель обязанъ послать родителямъ объ этомъ печатное объявленіе. На это новое правило (извѣстное въ народѣ подъ именемъ «правила Станфорда») согласилась большая часть протестантскаго епископальнаго духовенства и почти все пресвитеріанское; но именно по этому же поводу и на томъ же основаніи возникло неудовольствіе католиковъ на нарушеніе вѣры и требованіе пособій по числу душъ различныхъ исповѣданій, чего католики издавна такъ усердно добивались.

Такова вкратцѣ исторія, таковы начало и прогрессъ національной системы образованія въ Ирландіи.

Первые слабые признаки ея вліянія за порогомъ школы появились не раньше какъ черезъ 10 или 12 лѣтъ со времени ея дѣйствительнаго основанія. Но тѣ, кто вращались среди народа или близко наблюдали фазы его жизни, уже въ 1845 году начали замѣчать значеніе и вліяніе школьнаго учителя внѣ школы.

Съ 1845 г. и до настоящаго дня національныя школы ежегодно выпускали тысячи, десятки тысячъ юношей. Средняя цифра постоянно посѣщавшихъ школы, особенно въ земледѣльческихъ

округахъ, и до сихъ поръ еще очень низка вслѣдствіе того, что дѣтямъ позволяютъ посѣщать школы, вмѣсто того, чтобы работать въ полѣ или дома, только въ теченіе очень короткихъ періодовъ, и притомъ очень непостоянно. Но какимъ бы малымъ ни казалось пріобрѣтеніе, съ точки зрѣнія образованія, въ политическомъ и соціальномъ смыслѣ произошло не что иное какъ революція. Теперь трудно найти ферму или рабочую семью, гдѣ бы не было мальчика или дѣвочки лѣтъ 15, молодаго парня и женщины лѣтъ 25, которые не могли бы читать старикамъ газеты или вести ихъ корреспонденцію. Нашъ интересный пріятель—приходскій писатель писемъ—почти совершенно исчезъ. Его занятія не стало. Насчетъ общественныхъ новостей крестьяне уже больше не полагаются на воскресныя сплетни послѣ службы. Относительно своихъ политическихъ взглядовъ они уже болѣе не зависятъ абсолютно отъ совѣта и руководительства отца Тома. Быть-можетъ ирландскій крестьянинъ никогда не найдетъ себѣ совѣтника болѣе преданнаго и искренняго, и политическое направленіе, которому онъ теперь будетъ слѣдовать, можетъ быть смѣлѣй или выгоднѣй, разумнѣй или ошибочнѣй, но — худо ли, хорошо ли—оно его собственное. Онъ дѣйствительно будетъ теперь болѣе довѣрять только тѣмъ, кого считаетъ достойнымъ своего довѣрія; онъ будетъ твердо слѣдовать за нимъ, но не такъ, какъ встарину.

Не всякій сразу пойметъ, какъ много и какія важныя перемѣны явились слѣдствіемъ этихъ измѣненныхъ обстоятельствъ. И, повторяю, не что другое произвело эту революцію, какъ скромная и миніатюрная, крытая соломой, національная школа, или, выражаясь точнѣе, національная школа вмѣстѣ съ дешевой народною литературой произвели ее въ Ирландіи. Политическое руководительство въ такомъ видѣ, въ какомъ оно существовало во времена нашихъ отцовъ, исчезло навсегда и, кажется, невозможно уже теперь. А вмѣстѣ съ этимъ руководительствомъ одного могущественнаго генія или одного довѣреннаго класса исчезли и многіе пріемы и обычаи политической жизни и дѣйствія стараго времени. И достойно удивленія, какъ мало людей, которые замѣчаютъ эти перемѣны, такъ очевидно, хотя и тихо совершавшіяся на ихъ глазахъ въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ. Каждый день мы слушаемъ людей, память которыхъ охотно останавливается на періодѣ реформы, эмансипаціи или отмѣны, и которые говорятъ намъ, *что* и *какъ* должно быть сдѣлано теперь, потому

что оно *дѣлалось* и именно *такъ*, а не иначе, дѣлалось тогда. Такимъ же точно образомъ они могли говорить о Брайонѣ Бору. Къ лучшему или къ худшему, но съ тѣхъ поръ народилась новая Ирландія.

III.

О'Коннель.—Отмѣна.

Выдающимся руководителемъ ирландской жизни тридцать пять лѣтъ тому назадъ былъ Даніэль О'Коннель. Оглядываясь на тотъ періодъ, мы видимъ его грандіозную фигуру отраженной на ирландскомъ небѣ, подобно одному изъ титановъ, возвышавшихся цѣлою головой надъ человѣческою расой.

Въ Ирландіи его со страстью именуютъ «освободителемъ», въ Англіи онъ извѣстенъ за «ирландскаго агитатора», а въ Римѣ его память хранится съ благодарностью, какъ одного изъ «бойцовъ церкви». Съ тѣхъ поръ, какъ онъ покоится въ мавзолеѣ Глазневина, предразсудки и страсти не переставали бороться надъ его могилой и не позволяли отнестись къ нему объективно, какъ къ исторической личности.

Нѣтъ ни одного человѣка во всей ирландской исторіи, который достигъ бы такой популярности, какою пользовался о'Коннель въ 1844 году, когда онъ, можно сказать, былъ въ зенитѣ своего вліянія. Подобно многимъ другимъ выдающимся личностямъ въ исторіи, онъ достигъ извѣстности—опираясь единственно на свою собственную твердую волю и силу громаднаго своего генія. Онъ не наслѣдовалъ лордскаго титула и не получилъ обширной поземельной собственности, но принадлежалъ къ древнему и уважаемому кельтскому семейству въ западномъ Керри и ожидалъ наслѣдства отъ дяди—«Старой Охотничьей Шапки», который оставилъ бы ему значительныя средства, еслибы будущій трибунъ не женился по любви и не огорчилъ стараго и богатаго сквайра. Онъ пустился въ адвокатуру. Достоинъ замѣчанія фактъ, что обѣ выдающіяся личности послѣднихъ 100 лѣтъ, бывшія дѣйствительно народными вождями Ирландіи, были адвокаты, пріобрѣтшіе себѣ народное довѣріе прежде всего своими юридическими способностями, именно Даніэль О'Коннель и Исаакъ Бэттъ. Адвокатура во всѣхъ странахъ, гдѣ она существуетъ, должна доставлять въ большомъ числѣ «руководителей общественнаго мнѣнія»; изъ ея среды, подъ какими бы ненормальными

вліяніями ни находилось общество, скорѣе чѣмъ изъ какой-нибудь другой должны выходить люди наиболѣе способные отстаивать и двигать впередъ общественное дѣло. Въ Ирландіи же были исключительныя и важныя причины, выдвигавшія адвоката впередъ, какъ политическаго вождя. Человѣкъ, который могъ, какъ выражался О'Коннель, «провести черезъ всякій актъ парламента карету съ четверикомъ», который могъ разбить генералъ-прокурора и осмѣять корону, который былъ готовъ вести дѣло слабаго противъ сильнаго и находить справедливость для бѣднаго,— такой человѣкъ неизбѣжно долженъ былъ пользоваться популярностію въ особенности среди такого народа, какъ ирландскій. Его искусство, его ученость, его краснорѣчіе и остроуміе были испробованы, выставлены и доказаны передъ глазами народа. Кромѣ того, въ Ирландіи не проходило ни одного поколѣнія безъ возбуждающаго зрѣлища государственныхъ процессовъ или политическихъ преслѣдованій. Осужденные переходили со скамьи подсудимыхъ на эшафотъ, изъ тюремной камеры—на арестантскій корабль, завѣщая безсмертныя имена и воспоминанія деревенской балладѣ или разсказамъ у очага, а адвокатъ, защищавшій ихъ, особенно если въ немъ предполагается симпатія къ кліентамъ, дѣлался героемъ.

Когда приходится говорить о популярности О'Коннеля, необходимы оговорки и ограниченія. Она проявлялась почти исключительно къ одной части націи, хотя, пѣтъ сомнѣнія, что въ той именно, которая представляла собою подавляющее большинство. О'Коннель не только не былъ популяренъ между ирландскими протестантами, но составлялъ предметъ ихъ ужаса. Можно назвать много ирландскихъ національныхъ вождей до него, въ его время и послѣ него, которыхъ послѣдователи были разсѣяны среди различныхъ подраздѣленій, исповѣданій и классовъ ирландскаго общества,—таковы: Генри Граттанъ, Джонъ Мартинъ, Исаакъ Бэттъ. Но О'Коннеля его современные протестанты считали чѣмъ-то въ родѣ комбинаціи изъ Гай-Фокса, претендента и римскаго папы. Когда въ 1844 году надъ нимъ происходилъ или вѣрнѣе начался судъ, одинъ старый джентльменъ по имени Фоліаттъ, типичный представитель упорнаго стараго тори-джентльмена того времени въ Ирландіи, лежалъ на смертномъ одрѣ въ одномъ изъ южныхъ графствъ.

— Возложили ли вы, м-ръ Фоліаттъ, всѣ ваши надежды на прощеніе Спасителя нашего? — сказалъ ректоръ, стоя у его постели.

— Да, я сдѣлалъ все, — прошепталъ умирающій человѣкъ.

— Направили ли вы всѣ ваши помыслы къ Іерусалиму небесному,—м-ръ Фоліаттъ?

— И никуда больше,—былъ отвѣтъ.

— А прежде всего, я увѣренъ, вы простили каждаго человѣка и чувствуете себя въ мирѣ со всѣми людьми?

— Со всѣмъ человѣчествомъ, — отвѣчалъ геніальный лисій охотникъ.

Настала торжественная пауза.

— М-ръ Галлидей, — прошепталъ онъ, — а что, дублинская почта пришла?

— Да, сэръ, около часа назадъ.

Умирающій тотчасъ же приподнялся и съ рѣзкою горячностью спросилъ:

— А что о процессѣ?... О'Коннель осужденъ?

— Признанъ виновнымъ, сэръ.

— Благодареніе Богу! — была послѣдняя благочестивая молитва достойнаго стараго сквайра.

Всѣ эти чувства—любовь и довѣріе, страхъ и ненависть—О'Коннель стяжалъ себѣ на поприщѣ бойца за эмансипацію католиковъ въ періодъ отъ 1810 года, когда онъ, можно сказать, только-что вступилъ въ общественную жизнь, и до 1829 года, когда онъ окончательно и вполнѣ побѣдилъ враждебную силу правительства Пиля—Веллингтона. Отъ 1830 до 1840 года онъ былъ занятъ едва ли менѣе важною борьбой по вопросу о «десятинахъ и муниципальной реформѣ», такъ сказать—заключеніемъ католической эмансипаціи.

Что касается до «отмѣны акта о сліяніи парламентовъ», то ей была посвящена первая рѣчь О'Коннеля; этотъ вопросъ, а не католическая эмансипація, привлекалъ къ себѣ его первыя симпатіи. Для очень многихъ, вѣроятно, покажется страннымъ, что въ то время самыми усердными агитаторами въ пользу отмѣны сліянія въ Ирландіи была партія крайнихъ протестантовъ и тори. Тѣмъ не менѣе это—историческій фактъ. Резолюціи оранжистскихъ ложъ противъ сліянія заняли бы нѣсколько печатныхъ страницъ.

Протестантскіе банкиры и купцы Дублина конкурировали съ протестантскимъ дворянствомъ и аристократіей провинцій въ порицаніи сліянія. Но всѣ ихъ старанія никогда ни на одинъ мигъ не могли измѣнить вида всего дѣла. Такъ какъ тогда ни-

сколько не сирывалось, что правительственное большинство формируется цѣной большихъ денегъ, то народъ смотрѣлъ на все это почти такъ же, какъ нью-йоркскіе граждане смотрѣли на «заявленіе» твидовскаго гранжюри, котораго 13 членовъ состояли у него на жалованьи, т.-е. какъ на нахальное и успѣшное мошенничество, прикрытое личиной законности. Католики въ это время, можно сказать, едва принимали участіе въ политическихъ дѣлахъ; и хотя ихъ епископы*) были болѣе чѣмъ подозрѣваемы въ уніонистскихъ стремленіяхъ, чувства огромнаго большинства народа восторженно были на сторонѣ его протестантскихъ соотечественниковъ. Движеніе въ пользу отмѣны «union» фактически началось въ 1810 г., когда дублинское гранжюри заявило шерифамъ—сэру Эдуарду Станлей и сэру Джемсу Риддалю—требованіе, чтобъ они созвали публичный митингъ изъ свободныхъ людей и собственниковъ Дублина, съ цѣлью составленія петиціи въ парламентъ объ отмѣнѣ этого ненавистнаго и вреднаго акта. На этомъ митингѣ, состоявшемся 18 сентября 1810 г., ультра-протестантскіе и торійскіе купцы и дворянство Дублина начали движеніе, которое, тридцать лѣтъ спустя, О'Коннель сдѣлалъ своимъ собственнымъ.

Отсюда рождаются вопросы: какимъ образомъ движеніе потеряло свой чисто-протестантскій характеръ? Почему молодой О'Коннель и его единовѣрцы посвятили себя достиженію эмансипаціи прежде, чѣмъ отмѣны?

Впослѣдствіи О'Коннель часто высказывалъ сожалѣніе, что не сталъ въ 1810 г. вмѣстѣ со своими послѣдователями на сторону протестантскихъ требованій отмѣны и добивался эмансипаціи ирландскаго народа больше, чѣмъ ирландскаго законодательства. «Возстановите, если хотите, penal laws, но отмѣните сліяніе!» Таковы были его желанія и требованія послѣдующихъ лѣтъ. Но дѣло въ томъ, что въ 1810 г. ирландскіе католики со всѣхъ сторонъ получали обѣщанія помощи въ пользу эмансипаціи отъ сильной парламентской партіи, тогда какъ въ дѣлѣ отмѣны ни одна партія не стала бы помогать ни католикамъ, ни протестантамъ. Такимъ образомъ здравый смыслъ сильно соблазнялся тою борьбой, которая была доступнѣй и имѣла больше шансовъ на

*) Питтъ обѣщалъ имъ, что католическая эмансипація будетъ проведена однимъ изъ первыхъ актовъ парламента, но, конечно, обѣщаніе никогда не было исполнено.

практическій успѣхъ. Англійская либеральная партія убѣждала католическихъ вожаковъ добиваться освобожденія, которое на половину уже проведено и въ которомъ она будетъ помогать имъ. «Сначала добейтесь равенства, какъ граждане,—говорили убѣждающіе совѣтники,—и тогда уже, если захотите, воспользуйтесь вашими правами свободныхъ людей для того, чтобы добиваться отмѣны вмѣстѣ съ вашими соотечественниками-протестантами». О'Коннель поддался и сталъ на эту точку зрѣнія. Онъ не предвидѣлъ, что, въ пылу отчаянной борьбы за религіозное равенство, протестантское движеніе за отмѣну должно будетъ исчезнуть. Когда эмансипація была добыта,—когда тяжесть десятины была смягчена и протестантскій ректоръ не выходилъ уже больше съ вооруженными людьми отбирать у католическихъ крестьянъ каждый десятый снопъ ихъ жатвы,—когда муниципальныя корпораціи графства, какъ и самый парламентъ, сдѣлались доступны католикамъ, а ихъ гражданскія права были обезпечены,—О'Коннель почувствовалъ, что пришло время для вопроса болѣе крупнаго, чѣмъ всѣ эти,—для того вопроса, которымъ онъ наивно и ошибочно мечталъ объединить католиковъ и протестантовъ Ирландіи. Онъ искалъ вокругъ себя противниковъ отмѣны, но ихъ уже не было.

Тогда-то и сдѣлалось неизбѣжнымъ то рѣшеніе, которое О'Коннель и принялъ—взять въ свои собственныя руки знамя, которое выронили протестантскіе вожди. Хотя изученіе всѣхъ обстоятельствъ показываетъ намъ, что вождь, добывшій католическую эмансипацію, не могъ имѣть успѣха въ дѣлѣ отмѣны, тѣмъ не менѣе тогда ни самому О'Коннелю, ни ирландскимъ католикамъ не представлялось другаго, болѣе удобнаго, пути. Еслибъ они взяли себѣ за девизъ—«отдыхъ и благодарность», еслибъ они, добившись религіозныхъ правъ, остановились на нихъ, протестанты могли бы вѣчно упрекать ихъ въ нарушеніи торжественнаго обѣщанія 1810 года, когда они обязались посвятить первыя свои усилія, какъ свободныхъ людей, вопросу чуждому сектантства, — вопросу о національномъ законодательствѣ. «Эти католики,—сказали бы они,—думаютъ только о своей церкви; освободивши ее, они вполнѣ довольны и оставляютъ свою страну вывертываться своими собственными силами».

Когда О'Коннель началъ свою агитацію въ пользу отмѣны, онъ потратилъ много труда, чтобы смягчить ирландскихъ протестантовъ; но напрасно. Онъ слишкомъ хорошо понималъ, что въ

новой борьбѣ исповѣданія должны слиться, что движеніе должно быть національнымъ, а не сектантскимъ, иначе оно погибнетъ. Однакожъ становилось яснымъ, что обстоятельства, давшія ему неотразимое вліяніе на массы, въ этомъ дѣлѣ роковымъ образомъ обрекали его на безсиліе. Слишкомъ близко было время, слишкомъ отчаянна и остра была борьба, въ которой онъ и его презрѣнные «папскіе болотники» («Papish bogtrotters») побѣдили надменную протестантскую аристократію острова. Когда они видѣли, что человѣкъ, только-что поколебавшій и уничтожившій твердыню исключительнаго протестантскаго господства, выступаетъ впередъ съ требованіемъ возстановленія ирландскаго парламента,—съ требованіемъ, которое ими самими прежде было поставлено,—они приходили въ бѣшенство отъ тревоги: «А, теперь онъ хочетъ папскаго парламента,—кричали они,—чтобъ осудить всѣхъ насъ на висѣлицу и костеръ!»—и въ первый разъ въ своей исторіи становились уніонистами изъ страха передъ Даніэлемъ О'Коннелемъ и папой. О'Коннель скоро понялъ, какая огромная перемѣна произошла за послѣднія 30 лѣтъ въ положеніи партій и въ постановкѣ общественныхъ вопросовъ. Въ 1805, 1810 и даже 1820 гг. было сравнительно еще очень просто и легко возвратиться къ знакомымъ, хотя и давно уничтоженнымъ, учрежденіямъ королей, лордовъ и общинъ въ Ирландіи. «Отмѣна» тогда означала просто отмѣну одного акта парламента, изданнаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—мѣру, которая установила бы тотъ же порядокъ вещей, какой существовалъ вчера. Ни въ какомъ новомъ механизмѣ не было надобности. Стоило бы только вице-королю еще разъ, какъ бывало прежде, проѣхаться въ парадѣ изъ дублинскаго замка въ зданіе парламента въ Гринъ-Колледжѣ и прочитать королевскій спичъ пэрамъ и общинамъ Ирландіи—и все пошло бы по-прежнему: нѣсколько лѣтъ беззаконнаго междуцарствія были бы забыты во всеобщей радости, явились бы тѣ же самые выборы, то же представительство, тѣ же формы и тѣ же внутреннія и международныя отношенія.

Не то было теперь, по прошествіи 40 лѣтъ. Событія, случившіяся за этотъ періодъ, сдѣлали возвращеніе къ простому и не тронутому старому порядку—невозможностью. Тѣ самыя реформы, надъ выполненіемъ которыхъ О'Коннель работалъ въ теченіе 40 лѣтъ, стояли на пути этого возвращенія. Католическая эмансипація дала католикамъ право засѣдать въ парламентѣ, тогда какъ въ ирландскомъ законодательствѣ могли имѣть мѣсто только

протестанты. Билль о реформѣ 1832 года революціонизировалъ старыя системы выборовъ и представительства и объ избраніяхъ въ ирландскій парламентъ, на старыхъ основаніяхъ теперь не могло быть и рѣчи. Было ясно, что необходимы новыя соглашенія, что отмѣна акта о сліяніи, возвращающая вещи къ старымъ формамъ существованія, была бы абсурдомъ, если не весьма непрактическою невозможностью.

Вотъ почему требованіе О'Коннеля означало гораздо больше, чѣмъ одну отмѣну, — оно имѣло цѣлью не только уничтоженіе акта о сліяніи, но и замѣну или добавленіе древнихъ формъ, правъ, запрещеній и возраженій—тѣми важными перемѣнами, которыя верховное законодательство декретировало и ввело за этотъ періодъ времени.

Это дало правительству прекрасный новый поводъ аргументировать свой отказъ. «Въ исключительно протестантскомъ ирландскомъ парламентѣ,—говорило оно,—Англія, какъ страна протестантская, имѣла извѣстную гарантію за цѣлость связи; но ирландскій парламентъ, съ преобладаніемъ католиковъ при новомъ порядкѣ и со старыми правами, такой гарантіи не представлялъ бы». Правительственная партія во всякомъ случаѣ отказала бы въ просьбѣ даже о простой отмѣнѣ, а противъ такой «отмѣны, съ прибавкой еще чего-то»—она готова была сражаться съ гораздо большею рѣшимостью.

О'Коннель чувствовалъ всю трудность положенія и напрасно старался отвратить ее, объявляя, что онъ былъ бы доволенъ даже уничтоженіемъ католической эмансипаціи, если она стоитъ на дорогѣ отмѣны; но это не могло имѣть серьезнаго значенія. Едва ли кто повѣрилъ бы, что католики согласятся подчиниться такому плану. Лучшее, что ему оставалось—это продолжать свою агитацію, безсмысленно давя такимъ образомъ на то, что онъ называлъ «золотымъ звѣномъ короны», и утверждая, что два парламента (ирландскій и британскій) скоро пришли бы къ миролюбивому соглашенію по всѣмъ пунктамъ, касающимся общихъ интересовъ. Быть-можетъ они пришли бы, а быть-можетъ и нѣтъ. Какъ бы то ни было, имперіалисты ни мало не были расположены отдавать себя на волю случая—что̀ можетъ и что не можетъ сдѣлать ирландскій католическій парламентъ съ такими широкими или неопредѣленными правами, какими обладалъ протестантскій парламентъ 1782 года.

Несомнѣнно, что еслибъ О'Коннель принялъ образъ дѣйствій, усвоенный въ 1870 г. «home rule», и заранѣе точно обозначилъ бы извѣстныя международныя соглашенія, компромиссы, сдѣлки и гарантіи, онъ значительно смягчилъ бы опасенія и обезоружилъ враждебность, которыми съ такимъ упорствомъ было встрѣчено его движеніе. Одно время онъ самъ намѣкалъ на свое намѣреніе поступить такимъ образомъ, но народное чувство въ пользу стараго имени и старой формы національнаго требованія казалось слишкомъ сильнымъ. Онъ боялся, чтобы народъ не принялъ этого за уступку хотя бы одной іоты изъ его требованія «отмѣны», т. е. отмѣны при католической эмансипаціи, избирательной и муниципальной реформахъ; но съ этого самаго часа онъ долженъ былъ чувствовать, что борется на ложномъ пути и обреченъ на неуспѣхъ.

Любовь и благодарность ирландскаго народа къ «освободителю», которыя онъ вполнѣ заслужилъ отъ нихъ, не позволяютъ слишкомъ свободно критиковать его планы и политику, его поведеніе и характеръ. Въ немъ были черты и элементы, которые не вызвали бы удивленія въ наши дни, но которые тѣмъ не менѣе возвышали его достоинство для того дѣла, которому онъ служилъ. Онъ былъ человѣкомъ своего вѣка и времени, человѣкомъ спеціальной дѣятельности и назначенія, которыя онъ былъ призванъ выполнить. Во многихъ отношеніяхъ онъ былъ бы совершенно не на мѣстѣ въ общественной жизни 1877 года; но за то ни одинъ человѣкъ 1877 года не былъ бы способенъ выполнить геркулесовскія испытанія его карьеры. Нужны были истинное величіе души и непобѣдимое мужество для того, чтобы преодолѣть всѣ тѣ трудности, которыя онъ съ радостью встрѣчалъ и съ тріумфомъ побѣждалъ. Судьба ирландскихъ католиковъ была по-истинѣ безнадежна, когда онъ, пренебрегши всѣми блестящими видами своей профессіи и жертвуя своимъ честолюбіемъ, посвятилъ всю свою жизнь такому страшному предпріятію ихъ искупленія. Въ началѣ своей общественной дѣятельности и даже долго послѣ этого онъ былъ предметомъ нерасположенія и ненависти для многихъ католическихъ прелатовъ и большей части католическихъ дворянъ Ирландіи. Они называли его не иначе какъ «демагогомъ». Здѣсь «высшій классъ» католиковъ снова доказалъ правительству своего времени и народу Англіи, что «крайняя» идея свирѣпыхъ агитаторовъ объ эмансипаціи была для нихъ, какъ умѣренныхъ людей и законныхъ гражданъ,

положительно враждебна. Столѣтнее господство penal codex'а сдѣлало съ этими людьми свое дѣло. Они дрожали изъ-за всякаго малѣйшаго волненія, боясь, чтобъ оно не лишило ихъ той сравнительной терпимости, которою они теперь пользовались.

«Ваше сіятельство, надѣюсь, не будете винить меня за глупость тѣхъ людей, которые обращаются ко мнѣ со словами: my lord,—писалъ одинъ католическій архіепископъ временъ О'Коннеля къ дюку Веллингтону.—Позволеніе жить казалось уже многимъ для того, кто въ юности былъ свидѣтелемъ такихъ явленій, какъ «обличители» или «охотники на поповъ» *).

О'Коннель, котораго краснорѣчіе было тяжело и шероховато, а иногда грубо и рѣдко классично, отвѣчалъ католической аристократіи порицаніемъ и презрѣніемъ за ихъ холопство и трусость. Однако епископовъ онъ старательно обходилъ. На своей

*) „Обличителями" называли людей, которые бродили по странѣ, ища данныхъ для наполненія „билля обличенія", какъ ихъ называли, противъ папистовъ, тайно владѣющихъ собственностью, или противъ протестантовъ, тайно держащихъ землю по довѣрію сосѣднихъ папистовъ. Разсказываютъ, что имѣнія Брайоновъ изъ Дженкинстырна, выдававшагося и богатаго католическаго семейства, были спасены отъ конфискаціи въ теченіе всего 18 ст. благодаря рыцарской честности и вѣрности протестантскихъ маркизовъ Ормандовъ. Они держали на свое имя изъ поколѣнія въ поколѣніе, въ теченіе 100 лѣтъ, всѣ правовые акты, а ренту тайно передавали Брайонамъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, послѣдніе не получили законнаго права открыто владѣть и пользоваться своими обширными имѣніями. Такимъ-то образомъ, благодаря благородству отдѣльныхъ протестантскихъ личностей, почти всѣ древнія католическія имѣнія до одного окра были сохранены для папистскихъ владѣтелей въ вѣкъ ужасныхъ эдиктовъ.

„Охотники на поповъ" составляли классъ людей, извлекавшій свои средства къ жизни изъ наградъ за охоту на запрещенныхъ католическихъ священниковъ. Западныя и сѣверныя графства Ирландіи 30 лѣтъ тому назадъ были полны традиціями объ этихъ охотникахъ на поповъ. Въ моемъ родномъ округѣ всякому туристу показываютъ гору „Попова скачка" (Priest's Leap Mountain, „Leam-a-thogart" по-ирландски). Согласно мѣстной традиціи, которой едва ли кто вѣрилъ съ большимъ благоговѣніемъ, чѣмъ я, здѣсь совершилось великое чудо. Святой отецъ, долго удачно избѣгавшій рукъ тѣхъ, кто искалъ его крови, ѣхалъ однажды верхомъ по глухой тропинкѣ, которую также показываютъ до сихъ поръ, какъ вдругъ ему навстрѣчу ѣдетъ „Shanna Soggart". «Ага, ваше преподобіе, наконецъ-то я накрылъ васъ!" — засмѣялся преслѣдователь. Тогда священникъ вынулъ свой требникъ, прочелъ три слова по-латыни и пришпорилъ лошадь; она прыгнула прямо въ воздухъ и опустилась на землю только за 6 миль, у Датскаго лѣса. Отъ этого-то скачка и получились на каменной скалѣ отпечатки лошадиныхъ колѣнъ и пяти пальцевъ поповой руки. Часто и много разъ я видѣлъ эти вещественныя доказательства разсказа и былъ однажды весьма огорченъ, открывши, что эти слѣды образовались отъ паденія на камень капель дождя со стараго дуба.

Прим. автора.

же сторонѣ онъ имѣлъ немногихъ католическихъ дворянъ, почти всѣхъ католическихъ купцовъ и средній классъ, многихъ свѣтскихъ или приходскихъ священниковъ и религіозные ордена до единаго человѣка. Что же касается до низшихъ классовъ, то едва ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что каждый мужчина, каждая женщина и дитя были готовы умереть за него.

Нѣкоторые изъ его наиболѣе выдающихся собратовъ по кампаніи въ пользу эмансипаціи (какъ, наприм., Ричардъ Лалоръ Шейль) отказались слѣдовать за нимъ въ движеніи объ «отмѣнѣ». Многіе же другіе остались вѣрны ему, какъ изъ личной преданности, такъ и изъ-за политическихъ убѣжденій. Но во всякомъ случаѣ были и такіе, которые протестовали противъ стремленія О'Коннеля смягчить нравы «стараго времени», когда не проходило ни одного банкета, ни одного общественнаго собранія безъ того, чтобы кто-нибудь не получилъ приглашенія «встрѣтиться» съ кѣмъ-нибудь «на пятнадцати шагахъ».

Послѣ роковой дуэли О'Коннеля съ Д'Эстерромъ, окончившейся смертью послѣдняго, онъ далъ и сдержалъ торжественную клятву никогда болѣе не посылать и не принимать вызововъ,—обстоятельство, имѣвшее сильное вліяніе на изгнаніе политическихъ дуэлей изъ Ирландіи. Этотъ мирный способъ агитаціи очень не нравился такимъ людямъ, какъ О'Гармонъ Магонъ, имѣвшій на своемъ вѣку не меньше 13 дуэлей. О'Коннель однажды произносилъ въ Repeal Association рѣчь въ отвѣтъ на политическія нападки, цѣлью которой было снова подтвердить свое рѣшеніе—не принимать болѣе вызововъ въ теченіе всей своей жизни; къ этому онъ прибавилъ нѣсколько крайне благочестивыхъ замѣчаній насчетъ грѣховности этого обычая.

— Г. предсѣдатель,—сказалъ тогда О'Гармонъ Магонъ, когда О'Коннель сѣлъ,—быть-можетъ будетъ полезно замѣтить, что я не давалъ такой клятвы: не дай Богъ *).

---

*) Около трехъ лѣтъ тому назадъ мы всѣ въ Ирландіи были не мало испуганы появленіемъ этого типическаго ветерана временъ эмансипаціи и отмѣны. Въ теченіе цѣлой четверти столѣтія его никто не видалъ и не слыхалъ, какъ вдругъ его высокая, солдатская фигура, широкоплечая и прямая, какъ поднятое копье, съ бѣлыми какъ снѣгъ волосами, роскошно падающими по его плечамъ,—явилась среди насъ, какъ видѣніе, на конференцію лиги самоуправленія («home rule») въ 1873 г. Въ этомъ случаѣ онъ былъ однимъ изъ дюжины гостей, обѣдавшихъ съ руководящими представителями лиги въ парламентѣ. Два католическихъ священника были также въ числѣ гостей. Нашъ разговоръ вертѣлся на тѣхъ страшныхъ временахъ, когда человѣкъ могъ быть

Въ связи съ карьерой О'Коннеля на политической аренѣ въ первый разъ появляется историческая фигура, элементъ силы, который больше чѣмъ какой-нибудь другой возбудилъ англійское воображеніе, — это «ирландскій священникъ въ политикѣ». Въ томъ видѣ, какъ мы встрѣчаемъ его лѣтъ 30 тому назадъ, онъ болѣе уже не существуетъ. Ни одна изъ перемѣнъ, принесенныхъ временемъ, не выражаетъ рѣзче разницу между старой и новою Ирландіей, какъ прежнее и настоящее положеніе, значеніе и характеръ священника въ ирландской политикѣ. Онъ не оставилъ арены и не встрѣтилъ враждебныхъ вліяній или охлажденія довѣрія къ себѣ; но, въ политическомъ смыслѣ слова, теперь онъ стоитъ въ новыхъ, вполнѣ и совершенно новыхъ, отношеніяхъ къ народу. Тѣ, кои смотрѣли на эту историческую фигуру издали, совершенно не поняли ея. Для англичанъ деспотическая власть ирландскаго духовенства въ политикѣ и тотъ способъ, какимъ народъ повиновался ему или слѣдовалъ за нимъ, не могли казаться чѣмъ-нибудь инымъ, какъ печальнымъ зрѣлищемъ клерикальной тиранніи съ одной стороны и рабскаго подчиненія — съ другой. Но эта власть и это повиновеніе возникли изъ особенныхъ обстоятельствъ времени, вмѣстѣ съ которыми они должны были и исчезнуть.

Когда О'Коннель — молодой и смѣлый дуэлистъ, краснорѣчивый и безстрашный адвокатъ — взялся за дѣло католическихъ рабовъ, трусость и себялюбіе заставили и безъ того немногочис-

---

каждый день вызванъ встрѣтить смерть изъ-за какого-нибудь воображаемаго повода въ политической рѣчи, — и особенно на числѣ случаевъ, по которымъ нашъ пріятель полковникъ «являлся на судъ Божій». Надо отдать справедливость,—онъ сурово молчалъ, какъ бы нисколько не интересуясь этими воспоминаніями объ его дуэльныхъ подвигахъ. Одинъ изъ священниковъ думалъ, что наши строгіе отзывы о дуэляхъ могутъ оскорбить полковника, и хотѣлъ смягчить дѣло.

— Однако,—сказалъ онъ,—я хорошо понимаю, что въ то же время, когда все общество одобряло этотъ предосудительный обычай, всякій долженъ былъ чувствовать себя вынужденнымъ, какъ это и было, — ему не оставалось выбора, разъ онъ вызванъ. Отказъ равнялся безчестію, общественному остракизму. Въ дѣйствительности вина, приписываемая тому, кто все вызывалъ, а *получивъ* вызовъ и выходилъ драться по принужденію, была, такъ сказать...

Полковникъ не могъ дольше выдерживать.

— Господа,—сказалъ онъ, вставая,—въ защиту своей чести, какъ джентльмена, я считаю долгомъ заявить, что хотя я, такъ сказать, по несчастію, и былъ участникомъ многихъ враждебныхъ встрѣчъ, но ни разу не получалъ вызова,—*я самъ всегда вызывалъ*!

Взрывъ хохота привѣтствовалъ сердитое возраженіе полковника, къ неудовольствію преподобнаго отца, хотѣвшаго, какъ онъ думалъ, оправдать его.

ленный высшій классъ его единовѣрцевъ оставить народъ, такъ сказать—предать его. Отвлеченная правда его дѣла и жестокая тяжесть его оковъ пріобрѣли ему симпатіи лучшихъ и благородныхъ людей даже въ средѣ исключительно протестантскаго законодательства; о немъ много говорили, за него заступались, какъ говорили и заступались Вильберфорсъ и Горасъ Грилли за негровъ. Были ли дѣйствительно ирландцы люди и братья, это составляло не малую часть вопроса. Что должно быть и что можетъ быть сдѣлано *для* нихъ — было постояннымъ предметомъ дебатовъ. Человѣкъ и братъ, возстающій въ своихъ цѣпяхъ и гордо выступающій на политическую арену въ защиту *своихъ собственныхъ* правъ, пугалъ всякаго, какъ ужасное привидѣніе. Еслибъ ирландцы были не католики, а баптисты, пресвитеріане, методисты или епископальные протестанты, и еслибъ они оказались въ томъ же положеніи, въ какомъ были теперь,—случилось бы то же самое. Обыкновенно даже въ странахъ съ широкимъ распространеніемъ образованія и политическихъ правъ политическими вождями народа становятся люди средняго и высшаго классовъ,—его національныя и религіозныя симпатіи болѣе или менѣе тождественны съ ихъ собственными. При такомъ положеніи вещей появленіе духовенства въ качествѣ чрезвычайныхъ и выдающихся вождей, очень естественно, вызвало бы всеобщее удивленіе. Но не то было съ католическими массами въ Ирландіи 40 лѣтъ назадъ. Единства политическихъ и религіозныхъ чувствъ, которое могло бы связывать ихъ съ дворянствомъ въ одну общину съ общимъ интересомъ, не существовало. Онѣ были безграмотны, безправны и лишены своихъ естественныхъ руководителей. Однако во всякомъ приходѣ былъ одинъ человѣкъ (и во многихъ дѣйствительно *только* одинъ) ихъ собственнаго образа мыслей, образованный и способный, независимый отъ правительства, преданный ихъ интересамъ и—мало этого—заслуживающій ихъ довѣрія съ тысячи сторонъ. Онъ былъ для нихъ не только духовное лице и пастырь, но и мѣстный законодатель и посредникъ, примиритель, судья и совѣтникъ, единственный адвокатъ и защитникъ, который всегда былъ готовъ (они это хорошо знали) посвятить всю свою энергію ихъ благу. Если же, по счастію, въ какомъ-нибудь одномъ приходѣ изъ десяти и оказывался одинъ или два джентльмена, то, при первомъ же появленіи новой идеи объ участіи народа въ политическихъ дѣлахъ, эти немногіе благородные собственники съеживались и дрожали отъ тревоги, боясь гнѣва

правительства. *Сельскій священникъ* былъ единственнымъ человѣкомъ, котораго простой, темный, но рѣшительный крестьянинъ могъ облечь своимъ неограниченнымъ довѣріемъ. Скоро явился и опытъ, говорившій ему, что, довѣряясь и повинуясь этому политическому адвокату, онъ выигрываетъ права и освобождается отъ ограниченій извилистыми и трудными путями общественной борьбы. Сами священники, сначала неохотно (и большею частію въ разрѣзъ съ желаніями своихъ малодушныхъ епископовъ) принимавшіе на себя новыя функціи и отвѣтственность, дѣлались смѣлѣе и довѣрчивѣе подъ вліяніемъ ободреній и побужденій О'Коннеля. Мало-по-малу они сдѣлались его агентами, при помощи которыхъ онъ организовалъ и двигалъ цѣлое королевство. Они думали за народъ, дѣйствовали и говорили за него: по ихъ указаніямъ все и дѣлалось, и вотировалось; ихъ враговъ народъ ненавидѣлъ, а друзей ихъ благословлялъ.

Громадна была власть, оказавшаяся такимъ образомъ въ рукахъ ирландскаго духовенства. И, конечно, результатъ вовсе не былъ абсолютнымъ добромъ. Неизбѣжныя злоупотребленія появились. Въ нѣкоторыхъ немногихъ случаяхъ, дѣйствительно, обладаніе властью повело къ надменности и деспотизму, въ другихъ же оно тѣсно слилось съ духовнымъ вліяніемъ и породило, съ точки зрѣнія мыслящихъ людей, не меньшее зло. Но все-таки свободная отъ партійности критика должна признать, что въ политическихъ дѣлахъ никогда не бывало того громаднаго вліянія, которое въ цѣломъ было бы такъ самоотверженно и такъ искренно употреблялось бы въ интересахъ тѣхъ, ради кого оно было пріобрѣтено. Это была прерогатива, которая могла возникнуть только при анормальныхъ условіяхъ общества,—власть, которая не могла существовать одновременно съ широко-распространеннымъ образованіемъ и самостоятельнымъ политическимъ образомъ дѣйствій со стороны народа. Необходимость вызвала ее, съ необходимостью же она и исчезла.

При такихъ-то обстоятельствахъ и съ такими-то союзниками О'Коннель, предметъ обожанія народа и ненависти аристократіи, началъ свою агитацію. Онъ настолько участвовалъ въ движеніи и руководилъ имъ, что оно неизбѣжно должно было прекратиться вмѣстѣ съ его жизнью,—такую важную часть въ немъ составляла его личность. Его политика состояла въ томъ, чтобы поддерживать въ Ирландіи состояніе вещей, которое было бы не то миромъ, не то войной, которое дразнило бы главнокомандующаго и утом-

ляло перваго министра. Странно сказать, что, доводя народъ до послѣдней степени возбужденія, господствующимъ стремленіемъ его души оставалось—удерживать его внѣ петель закона, отвращать открытое столкновеніе, такъ, чтобъ онъ самъ могъ сражаться съ закономъ въ предѣлахъ самого закона. Благодаря такой тактикѣ, онъ добился эмансипаціи, а путемъ повторенія ея онъ надѣялся получить отмѣну. Но энергія народа подвергалась слишкомъ большому напряженію, и то неимовѣрное натянутое состояніе, котораго требовала эта политика, не могло долго продолжаться. Это была политика высокаго давленія, возбужденіе, которое трудно сдерживать. Ирландцы еще не успѣли убѣдиться, насколько выгоднѣе замѣнить свой энтузіазмъ менѣе эффектною, но за то несравненно болѣе сильною, терпѣливою и постоянною настойчивостью.

О'Коннель снова и снова обѣщалъ своимъ послѣдователямъ успѣхъ, неограниченный и неминуемый успѣхъ, при единственномъ условіи повиновенія его распоряженіямъ; а въ минуту слабости и опрометчивости даже провозгласилъ, что «отмѣна» будетъ получена «въ теченіе 6 мѣсяцевъ». Въ этотъ моментъ все было кончено и съ О'Коннелемъ, и съ отмѣной. Правительству стоило только продержаться на своемъ одинъ или два года—и великій трибунъ лишился бы довѣрія, чары его вліянія рушились бы. Но оно сдѣлало больше,—оно смѣло перешло въ нападеніе, доходившее до такихъ пріемовъ, которые едва ли бы были терпимы общественнымъ мнѣніемъ нашего времени. Въ началѣ движенія тогдашній лордъ-лейтенантъ объявилъ, что ни одинъ сторонникъ отмѣны не можетъ занимать правительственныхъ должностей. Это былъ ловкій ударъ, но не смертельный,—онъ не имѣлъ особенно важныхъ послѣдствій. Однакожь нѣсколько позднѣе политика отставокъ изъ коммиссіи мира всѣхъ уѣздныхъ судей (county magistrate), которые были какимъ бы то ни было образомъ связаны съ движеніемъ отмѣны, была пущена въ ходъ. Чтобъ отвратить этотъ ударъ, О'Коннель устроилъ по всей странѣ народные третейскіе суды, такъ что правительственные низшіе суды остались безъ употребленія. Правительство объявило свое рѣшеніе подавить движеніе за отмѣну, но О'Коннель отвѣчалъ презрѣніемъ. Онъ назначилъ гигантскій митингъ для подачи петиціи королевѣ на поляхъ Клоптаржа, замѣчательныхъ великою побѣдой Ард-Ри-Брайона I надъ датчанами въ 1014 г. Правительство ночью наканунѣ назначеннаго дня издало прокламацію, запрещавшую собраніе, а къ самому часу его наводнило

городъ кавалеріей, пѣхотой и артиллеріей. Только благодаря невѣроятной энергіи вождя и его друзей, въ теченіе ночи и утра были предупреждены и остановлены десятки тысячъ народа, шедшаго на мѣсто собранія, и еслибъ этого не было сдѣлано, столкновеніе сдѣлалось бы неизбѣжнымъ. О'Коннель рѣзко обвинялъ исполнительную власть въ замыслѣ Петерлоо и обѣщался начать процессъ противъ Пиля, Веллингтона и Грея. Они отвѣтили ему еще болѣе тяжелымъ ударомъ: онъ и нѣкоторые изъ его главныхъ помощниковъ были арестованы по обвиненію въ составленіи тайнаго общества (conspiracy) для возмущенія: его сынъ Джонъ О'Коннель и Чарльзъ Гаванъ Диффи—въ редакціи газеты *Nation*, д-ръ Грей—въ ред. газ. *Freeman*, Томъ Стилъ, Т. М. Рай, Р. Барроттъ—въ ред. газ. *Pilot*, а также преподобные Г. Тиррелль и Г. Тирней. Тысяча восемьсотъ сорокъ четвертый годъ, «годъ отмѣны», какъ предлагалъ называть его О'Коннель за 6 мѣсяцевъ для этого, засталъ великаго трибуна арестантомъ въ ричмондской тюрьмѣ.

При выборѣ жюри для суда надъ ними оказалось, что нѣсколько листовъ или лоскутковъ длиннаго списка присяжныхъ *потеряны*, какъ выразился коронный адвокатъ, или *украдены*, какъ объявили противники. Генералъ-прокуроръ доказывалъ, что жюри все-таки достаточно сильно для того, чтобы вести процессъ; судьи согласились и судъ состоялся. Обвиненные были найдены виновными и приговорены къ различнымъ штрафамъ и срокамъ тюремнаго заключенія. Однако, въ палату лордовъ былъ внесенъ кассаціонный протестъ именно по поводу потерянныхъ или украденныхъ лоскутковъ списка присяжныхъ. То, что ирландскіе судьи торжественно признали маловажнымъ и несущественнымъ, законовѣды Вестминстера объявили весьма важнымъ и необходимою принадлежностью суда присяжныхъ. «Если допускать подобныя вещи,—сказалъ лордъ Донманъ,—судъ присяжныхъ обратится въ посмѣшище, комедію и ловушку». Приговоръ былъ отмѣненъ и О'Коннель съ своими товарищами по заключенію были вынесены изъ тюрьмы съ торжественною процессіей, затмившей собою всѣ когда бы то ни было до тѣхъ поръ видѣнныя въ Ирландіи общественныя демонстраціи.

Такова вкратцѣ исторія этого богатаго событіями времени. Позади и рядомъ со всѣмъ этимъ существовали причины и вліянія, способныя сами по себѣ вызвать важныя политическія перемѣны. Съ 1846 года въ Ирландіи занялась заря переходнаго времени.

Школы и газѣты уже начали давать себя чувствовать. О'Коннель замѣчалъ, что вокругъ него нарождается новое поколѣніе, клокочетъ подъ благодѣтельнымъ деспотизмомъ его предводительства и протестуетъ противъ его канона «безпрекословнаго повиновенія», разъ оно имѣетъ свое собственное мнѣніе. Онъ теперь уже былъ старикомъ, а не прежнимъ блестящимъ и великодушнымъ керрійцемъ дней эмансипаціи. Онъ дрожалъ за возможныя безразсудства тѣхъ пылкихъ ораторовъ и мятежно-патріотическихъ поэтовъ, которые быстро вливали свой смѣлый духъ въ окружающія массы. Во время своей юности онъ цѣнилъ Телля и Гоффа и до поры до времени горѣлъ удивленіемъ передъ 300 въ Ѳермопилахъ. Но теперь, уязвленный въ самое больное мѣсто неудачей своихъ обѣщаній и политики и подавленный мрачными предчувствіями невозможности болѣе отвращать столкновеніе между народомъ и правительствомъ,—онъ уже не могъ выносить всего этого. Онъ называлъ молодыхъ ораторовъ и поэтовъ «партіей войны», но ошибался,—ни одинъ изъ нихъ тогда не мечталъ о войнѣ или обращеніи къ физической силѣ. Заботясь объ огражденіи законнаго существованія «Repeal Association», онъ однажды предложилъ резолюціи, въ которыхъ если и не высказывалось, то подразумѣвалось рѣшительное осужденіе всякой попытки—въ какое бы то ни было время или вѣкѣ, климатѣ или странѣ—устранять политическое зло путемъ вооруженнаго возстанія. Эти резолюціи были направлены противъ тѣхъ людей, которые тогда уже были извѣстны подъ именемъ «молодой Ирландіи» и составляли интеллектуальный цвѣтъ движенія объ отмѣнѣ,—люди, которыхъ геній возвысилъ и облагородилъ, а труды ихъ укрѣпили ирландскую политику. Они заявили свою готовность подписать такія резолюціи по отношенію къ своимъ собственнымъ цѣлямъ и стремленіямъ; но отказались, какъ они выражались, клеймить людей другаго времени и другой борьбы. О'Коннель съ этимъ не былъ согласенъ, и изгнаніе или отлученіе, съ цѣлью оказать успокоительное дѣйствіе на ирландскую политику, раскололо «Repeal Association» на-двое.

Съ поверхностной точки зрѣнія большей части англійскихъ политиковъ, все это было лишь «ирландскою ссорой», политическимъ споромъ. Еслибы подобныя же обстоятельства явились въ бельгійской, итальянской или французской исторіи, политическіе философы изучали бы ихъ. Громадныя выгоды, несомнѣнно иногда представляемыя сосредоточеніемъ политической власти и автори-

тета въ рукахъ одного человѣка, были куплены цѣной тяжелыхъ опасностей и наказаній. Когда возрастъ ослабилъ умъ диктатора, противорѣчіе для него становится все болѣе и болѣе невыносимымъ, а лесть—болѣе и болѣе пріятна его слуху. Подхалимство называется вѣрностью, а честная независимость подозрѣвается, какъ противозаконное стремленіе. Старый великій трибунъ, опустившись физически и умственно, сдѣлался предметомъ игры въ нашептываніе ревности и подозрѣній. Привыкши пользоваться неограниченнымъ авторитетомъ, получать безпрекословное повиновеніе и подъ вліяніемъ вдохновеній, управлявшихъ имъ въ то время, онъ видѣлъ въ ученикахъ новой умственной школы лишь стакнувшихся и завистливыхъ претендентовъ на его тронъ.

Но помимо всего этого теперь настало время бѣдствія, подъ давленіемъ котораго все должно было остановиться. Голодъ 1846 и 47 гг. прошелъ по землѣ, какъ разрушительная буря. Въ такой моментъ политическая агитація или организація были бы такъ же неумѣстны, какъ среди экипажа гибнувшаго судна или обитателей горящаго дома. Дикая борьба за жизнь, за одно существованіе, перевѣшивала всякое другое стремленіе. Казалось, общество разлагается на свои примитивные элементы. Объятый ужасомъ, смотрѣлъ О'Коннель на развалины дѣла, на разложеніе народа, которому онъ отдалъ всю свою жизнь. Въ душевной агоніи онъ кинулся на послѣднее средство, чтобы спасти его. Онъ уже не громилъ презрѣніемъ,—онъ рыдалъ и молился: «о Боже, твой народъ погибаетъ!» Борьба была слишкомъ невыносима. Великое сердце и громадный мозгъ подались. Печально и безнадежно опускался старикъ въ могилу. Онъ жилъ слишкомъ, слишкомъ долго и видѣлъ разрушеніе всего, что такъ любилъ. Въ Римъ, въ Римъ, стремился онъ теперь; онъ хотѣлъ видѣть передъ смертью преемника Св. Петра и посѣтить алтарь апостоловъ. Но ему не суждено было сдѣлать этого: на пути онъ остановился въ «Генуѣ великолѣпной», какъ онъ выразился, чтобы немного отдохнуть. Близкіе люди видѣли, что уже не далекъ и его великій отдыхъ. 15-го мая 1847 г. все было кончено: ирландскаго «освободителя» не стало.

Печальный конецъ для великой карьеры!... Стеченіе фатальностей!... Теперь всякій можетъ понимать, что далеко прежде, чѣмъ первая тѣнь голода появилась на сценѣ, катастрофа была неизбѣжна. Великая организація, такъ широко охватившая національ-

ныя надежды и стремленія, была дѣйствительно при концѣ своего существованія. Послѣ отлученія молодой Ирландіи правительству не было нужды заниматься своимъ нѣкогда страшнымъ врагомъ. Власть О'Коннеля была уничтожена навсегда. Но ничто не могло лишить его чела лавровъ прошлаго. Онъ сыгралъ свою роль; онъ благородно выполнилъ возложенную на него задачу. «Я долженъ былъ пасть подъ Ватерлоо», сказалъ съ грустью Наполеонъ на островѣ Св. Елены. О'Коннель долженъ былъ умереть въ «двадцать девятомъ» или можетъ-быть въ великій день Тара—въ тысяча восемьсотъ сорокъ третьемъ году.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

ПОДСѢЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО,

или

ЗЕМСТВО СТРОИТЪ ЖЕЛѢЗНУЮ ДОРОГУ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ *).

Вредный человѣкъ въ „средѣ народа“ и читаетъ „народу“ стихи.

I.

Петербургъ. Прошелъ почти годъ, какъ Могутовъ уѣхалъ изъ С—ля. Лели нѣтъ и онъ не имѣетъ о ней извѣстій. Онъ прилежно занимался предметами, которые читались въ институтѣ, усиленно работалъ въ мастерскихъ, а остальное время посвящалъ на чтеніе серьезныхъ книгъ на русскомъ и французскомъ языкахъ, учился нѣмецкому языку, старался, насколько позволяло время, прочитывать толстые русскіе журналы, рѣдко бывалъ въ театрѣ, не игралъ на билліардѣ, не бывалъ въ танцовальныхъ классахъ, не имѣлъ знакомыхъ и только каждый вечеръ, отъ 9 до 10 часовъ, проводилъ въ трактирѣ «Царицынъ», исключительно посѣщаемомъ студентами института, гдѣ читалъ *Петербургскія Вѣдомости*, не пропуская въ нихъ и музыкальной хроники Цезаря Кюи. Жилъ онъ въ одной комнатѣ съ товарищемъ по курсу, угрюмымъ, сосредоточеннымъ на занятіяхъ, некрасивымъ, лѣтъ двадцати двухъ, заикающимся студентомъ, по фамиліи Коптевымъ. Коптевъ провелъ дѣтство въ школѣ кантонистовъ, гдѣ его однажды, послѣ порки, засадили въ карцеръ и позабыли объ его существованіи, а когда, черезъ четыре дня, случайно вспомнили, то нашли его полумертваго и возвратили къ жизни, но Коптевъ съ тѣхъ поръ началъ сильно заикаться. У него также не было знакомыхъ, онъ не любилъ даже бывать въ обществѣ

*) *Русская Мысль*, мартъ.

товарищей, не любилъ читать романы и повѣсти, считалъ Шекспира за ничто, хотя и страстно любилъ театръ. Онъ-то иной разъ вытаскивалъ Могутова посмотрѣть ни игру Самойлова, Васильева, Брошель, Линской и послушать Петрова, Комисаржевскаго, но не итальянцевъ. Ни Могутовъ, ни Контевъ не имѣли уроковъ и не пробовали искать: у нихъ не было свободнаго времени, хотя они спали не болѣе пяти часовъ въ сутки. Денегъ имъ никто и никогда не присылалъ и оба жили на стипендію, кое-какъ сводя концы съ концами отъ перваго и до перваго числа.

Первое число іюля мѣсяца. Жаркій день. 12 часовъ дня. Въ парадныя двери института вошелъ Могутовъ.

— За стипендіей пожаловали, г. Могутовъ?—встрѣтилъ его швейцаръ, солидный, высокій и полный мужчина, съ сѣдыми бакенбардами и въ длинномъ двухбортномъ, тонкаго сукна, сюртукѣ съ бархатнымъ воротникомъ.

— Здравствуйте!... Да, за стипендіей,—отвѣчалъ Могутовъ.

— Десятаго числа потрудитесь пожаловать, потому казначей боленъ и ранѣе десятаго числа выдачи не будетъ.

— Нехорошо,—сказалъ Могутовъ и сѣлъ на лавку въ швейцарской.

— Совсѣмъ изъ Колпина переѣхали? — спросилъ швейцаръ.

— Нѣтъ, только за стипендіей пріѣхалъ.

— Пріѣзжайте десятаго числа, потому казначей боленъ.

— Позвольте мнѣ адресную книгу.

— Да вамъ кого?

— Уржумцева.

— У Тучкова моста, домъ № 302, квартира № 18. Только вы ихъ теперь не застанете. Они утромъ были и сказывали, что ежели кто изъ студентовъ будетъ спрашивать кассира, такъ чтобы даромъ не ходили, потому ранѣе вечера дома не будутъ. А вамъ для чего ихъ?

— Думаю, призанять до полученія стипендіи денегъ изъ кассы.

— Ранѣе вечера не застанете Уржумцева, потому сами заходили и сказывали, а квартира ихъ у Тучкова моста, домъ № 302, квартира № 18.

— Прощайте!—сказалъ Могутовъ и вышелъ.—«Скверно,—думалъ онъ, идя по улицѣ. — Хорошо, если въ кассѣ деньги есть; а если нѣтъ, что дѣлать?... Вернуться въ Колпино,—билета купить не на что, а тамъ просуществовать до десятаго

числа можно... Развѣ пойти пѣшкомъ? Двадцать пять верстъ—пустяки; а тамъ опять черезъ десять дней двадцать пять верстъ пѣшкомъ — тоже пустяки... Сапогъ истопчешь на цѣлковый... Скверно!»

Онъ пріѣхалъ за стипендіей изъ нѣмецкой колоніи близъ Колпина, куда переселился на время каникулъ, чтобы практиковаться въ нѣмецкомъ языкѣ, и теперь не имѣлъ ни гроша въ карманѣ.

«Нельзя ли тутъ работишку какую найти дней на десять?—продолжалъ думать онъ.—Какую можно найти работу?... Переписку только, пожалуй, и найдешь, да и то—какъ и гдѣ?»

Онъ дошелъ до Сѣнной площади и остановился.—«Куда теперь?... Направо—на Невскій; налѣво—на Никольскій рынокъ... Развѣ попробовать поденьщины, пойти на Никольскій рынокъ,—тамъ во всякое время и всякій народъ стоитъ,—стать съ нимъ да и ждать, пока кто наймetъ на поденную работу?.... Очки сброшу, а костюмъ ничего. Въ Питерѣ не обращаютъ вниманія на костюмъ.... А какую работу я могу дѣлать?... Всякую,—физической силой Богъ не обидѣлъ».

Онъ пришелъ на Никольскую площадь. На мѣстѣ, гдѣ разный людъ предлагаетъ себя на поденную работу, сидѣло подъ деревяннымъ навѣсомъ человѣкъ шесть мужчинъ и двѣ женщины. Они молча ѣли черный хлѣбъ, посыпая его солью.

— Хлѣбъ да соль!—сказалъ Могутовъ, подойдя къ нимъ.

— Благодаримъ покорно,—сказали нѣкоторые изъ рабочихъ, а двое изъ нихъ лѣниво поднялись на ноги.

— Людей надыть?—спросилъ икнувши одинъ изъ вставшихъ, а другой, продолжая жевать хлѣбъ, молча осматривалъ Могутова съ головы до ногъ.

— Я самъ пришелъ наниматься на работу, — сказалъ Могутовъ.

— Опоздалъ!—весело вскрикнулъ спрашивавшій, какъ будто радуясь, что его не возьмутъ на работу.

— Опоздалъ, молодецъ! Ты ужо рано завтра приходь,—сказала одна изъ женщинъ.

— Кто, на обѣдъ глядя, на работу беретъ? Кому нужно, съ утра взялъ, — пережевывая хлѣбъ, говорилъ одинъ изъ рабочихъ.

— А кому и занадобится, болѣе пятіалтыннаго не дастъ, а то и всего гривенничекъ... По крайности отдохнешь, — сказалъ другой.

— Мы тутъ такъ. Жара,—куда пойдешь? Хлѣбушка поѣдимъ, а опосля заснемъ. Тутъ прохлада, мухи нѣтъ,—сказала женщина.

— Спасибо за совѣтъ, — сказалъ Могутовъ и хотѣлъ было идти.

— Завтра приходь. Завтра можетъ твое счастье, — сказала женщина.

— Кто счастливый, Богъ вѣдаетъ,—сказалъ рабочій.

— Прощайте,—сказалъ Могутовъ и отошелъ отъ нихъ.

«Куда теперь? — думалъ онъ. —Къ Тучкову мосту, конечно. Въ Петровскомъ паркѣ подожду до вечера, а потомъ къ Уржумцеву... Если нѣтъ денегъ, — попробую завтра рано на Никольскій.... А ночевать гдѣ?—Да въ паркѣ.... Мѣсто глухое, грабить нечего.... Ишь, на какомъ славномъ жеребцѣ ѣдетъ!» —глядя на проѣзжавшаго мимо него бородатаго коммерсанта, думалъ онъ, идя къ Николаевскому мосту.

По обѣ стороны улицы тянулись громадные дома съ красивыми фасадами, громадными вывѣсками, всевозможными товарами въ окнахъ лавокъ и дорогими занавѣсами въ окнахъ верхнихъ этажей; по улицѣ неслись щегольскіе экипажи, тарахтали ломовые извощики, трусцой бѣжали лошади легковыхъ извощиковъ, шелъ богатый и бѣдный людъ. «И среди этого царства собственности, — думалъ онъ, глядя по сторонамъ улицы, — гдѣ все точно раздѣлено на мое и твое, гдѣ одинъ богатъ не въ мѣру, а другой бѣденъ до голодной смерти,—не мечта ли фабрика съ полнымъ равенствомъ для всѣхъ? Положимъ, артельное начало живетъ доселѣ въ русскомъ народѣ; положимъ, что propriété c'est le vol все болѣе и болѣе подтверждается научными изслѣдованіями вотъ этой собственности (онъ указалъ на домъ Утина), но въ силахъ ли единицы завести иную жизнь?... Трудъ и упрямая воля развѣ не дѣлаютъ чудесъ? Развѣ не было уже примѣровъ?...» И рядъ мыслей, сценъ и картинъ закружился у него въ головѣ. Вотъ стоитъ передъ нимъ громадная фабрика. На ней не видно, что и какъ приготовляется, какъ сбывается, на чьи деньги она построена, но за то видны довольные, счастливые, сытые и прекрасно одѣтые рабочіе, видны библіотеки, школы, больницы... Вотъ роятся мысли Мальтуса, Милля, Прудона, Лассаля. Онѣ противорѣчатъ одна другой: то поддерживаютъ возможность осуществленія дивной фабрики, то разрушаютъ ее въ пухъ и прахъ; но въ концѣ концовъ логика беретъ верхъ и возможность дивной фабрики становится несомнѣнной,

благодаря тому, что мы, русскіе, сохранили артельное начало, что собственность и капиталъ не сильно еще развиты у насъ, что людей готовыхъ работать на общее благо у насъ всегда было довольно... И вотъ несутся передъ нимъ герои русской жизни, благодаря которымъ шевелилась мысль въ русскомъ обществѣ. Онъ любуется героизмомъ, стойкостью и смѣлостью Рылѣева и другихъ декабристовъ; онъ, полный грустнаго участія и любви, смотритъ на худое, съ большими, кроткими глазами, лицо Бѣлинскаго; онъ дрожитъ, вспоминая трагическую судьбу Полежаева; онъ съ наслажденіемъ смотритъ на Добролюбова... И вѣрованія, стремленія, надежды, жизнь и смерть этихъ людей наполняютъ его голову... Онъ незамѣтно дошелъ до Тучкова моста, остановился около перилъ, лицомъ къ Петербургу, и, свѣсивъ голову, смотрѣлъ на Малую Неву, а въ головѣ новыя мысли и образы. Онъ видитъ Іоанова, и любуется, и завидуетъ его стойкому, ровному, упрямому характеру; онъ видитъ Краснова, но не Краснова больнаго, чахоточнаго, а полнаго силъ, мужества, отваги, похожаго на сатану Мильтона, — и онъ любуется и завидуетъ ему; онъ видитъ Сидорова, припоминаетъ все, что зналъ изъ его жизни,—и находитъ и его вполнѣ достойнымъ любви... «А что же я самъ?»—задаетъ онъ вопросъ и, вмѣсто отвѣта, предъ нимъ пробѣгаетъ вся его жизнь. Вотъ промелькнуло его дѣтство—сухое, плаксивое, безъ красныхъ, памятныхъ, ясныхъ дней. Вотъ проносятся годы отрочества, но и тамъ слезы, горесть, злость, несправедливость, свистъ розогъ... Вотъ проносится передъ нимъ образъ Лели и заволокъ собою все,—онъ смотритъ на него, любуется имъ и слезы подступили къ глазамъ... Онъ тряхнулъ головой, провелъ рукою по волосамъ и проглотилъ слезы, не вызвавъ ихъ наружу... «Гдѣ ты теперь, моя дорогая?»—хладнокровно задалъ онъ себѣ вопросъ и обдумывалъ, почему нѣтъ Лели въ Петербургѣ, почему она не пишетъ къ нему, въ С—лѣ ли она?... «Что, если ее убили дорогой?... И я виновникъ этому?... Да, я, одинъ я!...» Что-то сжало его, мысли оставили его и онъ, угрюмый, смотрѣлъ на темную воду Малой Невы.

Изъ-подъ моста, какъ балетная фея изъ-за кулисъ, выпорхнула хорошенькая лодка. У руля сидѣла дѣвушка, вся въ бѣломъ, съ распущенными свѣтлыми волосами и въ матросской шляпѣ, съ золотою надписью «голубка» на ободкѣ и съ двумя длинными, черными лентами, съ золотыми якорями на концахъ. За веслами сидѣли два молодыхъ мужчины, въ бѣлыхъ ките-

лахъ, съ погонами гвардіи, и въ бѣлыхъ фуражкахъ. Лодка шла быстро. Гребцы ровно и сильно налегли на весла и вѣтеръ шаловливо игралъ и волновалъ змѣйками волосы и черныя ленты шляпы рулеваго. Вѣтеръ дулъ на встрѣчу лодки.

— Впередъ, гребцы! — раздался звонкій голосъ дѣвушки у руля, а вѣтеръ подхватилъ его и понесъ по Невѣ, на мостъ и далеко, далеко.—Гребите, браво! Будетъ считать отъ моста вашъ капитанъ!...

Головка въ шляпѣ «голубка» оглянулась на мостъ.

Могутовъ вздрогнулъ. Онъ смотрѣлъ на лодку, и эта рѣзвая, живая барышня, повернувшаяся теперь лицомъ къ нему, была очень похожа на его Лелю, была вылитая его Леля.

— Леля, Леля! —закричалъ онъ во все горло, самъ не сознавая, что онъ дѣлаетъ, и, какъ шальной, схватился за перила моста, наклонился весь впередъ и еще разъ закричалъ, что было мочи:—Леля, Леля!... Я—Гордюша! Узнай меня!

Голосъ его оборвался. Хорошенькая головка въ шляпѣ «голубка» смотрѣла на него, смотрѣли на него и гребцы, военные въ кителяхъ, опустивъ весла, а лодка двигалась сперва по инерціи впередъ, но все тише и тише, потомъ стала и начала неправильно пятиться назадъ. Прошла минута. Дѣвушка быстро повернула головку назадъ и, какъ ружейный выстрѣлъ, пронесся по рѣкѣ ея звонкій, молодой, пѣвучій крикъ: «впередъ!» Военные схватились за весла, дружно налегли на нихъ — и лодка понеслась. «Что за сумашедшій я человѣкъ,—продолжалъ думать Могутовъ. — Мало ли похожихъ есть на свѣтѣ?... Тамъ, тамъ, далеко отсюда, моя Леля, моя сестра! Здѣсь нѣтъ ея,—она бы нашла меня... А можетъ-быть ея и на свѣтѣ уже нѣтъ?... Что я за несчастный Макаръ, — зачѣмъ преслѣдуетъ меня горе-злосчастье?... Любилъ отца—и отецъ погибъ, погибъ опозоренный! Любилъ брата—и братъ погибъ, погибъ подъ розгами! Нашелъ самъ себѣ сестру, любилъ ее больше себя—и, навѣрно, погибла и ты, моя Леля,—погибла тоже не отъ радости и счастья!...»

Онъ тряхнулъ головой, хотѣлъ идти съ моста, но ноги не двигались, а глаза все смотрѣли на лодку. Лодка неслась скоро; вотъ она видна уже съ моста чуть-чуть, вотъ совсѣмъ не видать лодки, а онъ все стоитъ, въ глазахъ его мелькаетъ лодка; онъ видитъ Лелю въ лодкѣ у руля, въ шляпѣ съ распущенными волосами; онъ слышитъ ея звучный, пѣвучій крикъ «впередъ!»— и не военныхъ онъ видитъ за веслами, а себя и своего сожителя

Коптева, и быстро несется лодка подъ ударами веселъ въ ихъ могучихъ рукахъ, и вотъ едва видна она, вотъ и совсѣмъ не видно лодки.... Какой-то туманъ заволокъ его глаза...

II.

«Какъ мнѣ ѣсть хочется!»—отходя отъ моста, сказалъ онъ громко и, пройдя мостъ, вошелъ въ первую мелочную лавочку. За прилавкомъ сидѣлъ рябой лавочникъ, въ рубахѣ на выпускъ и въ растегнутомъ жилетѣ вмѣсто сюртука.

— Дадите мнѣ три фунта хлѣба полубѣлаго и два фунта ветчины за это портмоне?—сказалъ Могутовъ, показывая лавочнику не новый, но совершенно цѣлый портмоне, за который онъ полгода назадъ заплатилъ рубль двадцать копѣекъ.

Лавочникъ взялъ портмоне, осмотрѣлъ его снаружи, открылъ, осмотрѣлъ внутри, засунулъ въ каждое отдѣленіе пальцы и долго возился ими тамъ; потомъ вынулъ изъ своего кармана грязный, старый, маленькій портмоне и долго посматривалъ то на свое, то на Могутовское.

— Можно,—сказалъ онъ наконецъ и началъ перерѣзывать цѣлый хлѣбъ пополамъ.

— Три фунта съ осьмой, да пущай,—сказалъ лавочникъ, взвѣсивъ одну половину хлѣба.—Два фунта съ лишнимъ, да пущай,—сказалъ онъ опять, когда отвѣсилъ кусокъ ветчины.

«Вотъ теперь сядемъ подъ деревомъ, да и закусимъ»,—думалъ Могутовъ, выходя изъ лавки съ хлѣбомъ и ветчиной, завязанными въ носовой платокъ... Онъ сѣлъ подъ деревомъ въ Петровскомъ паркѣ. Мѣсто не было глухое, видна Малая Нева, шагахъ въ тридцати—шоссе на Петербургскую сторону, по шоссе двигались, хотя и не часто, проѣзжавшіе и пѣшеходы. Онъ сидѣлъ лицомъ къ шоссе и ѣлъ хлѣбъ и ветчину, поглядывая по сторонамъ. Ему хотѣлось не думать о Лели и, глядя на людей, возбудить въ головѣ мысли не о себѣ и не о ней; но не слушалась голова и только Лелей была полна она.

«Какъ бы я то прокатилъ тебя, Леля, въ такой лодочкѣ!... Я бы не занимался для себя только, а работалъ бы на сторонѣ: давалъ уроки, чертилъ, переписывалъ.... Зарабатывалъ бы еще рублей тридцать пять, а на пятьдесятъ, шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ мы съ тобой славно зажили бы... Какой бы я тебя умницей сдѣлалъ! Ты бы брала уроки музыки, упражнялась въ язы-

кахъ, а тамъ и сама помогала бы заработывать деньги: ты вѣдь у меня умницей была, доброй, послушной и смѣлой.... Черезъ три года—конецъ ученію, я—техникъ, и хорошій техникъ, вольный казакъ, дорога широкая.... Но отчего же нѣтъ тебя? Отчего не пишешь ты къ Гордюшѣ?... Ушла, навѣрно ушла, изъ С—ля. Но гдѣ же ты, моя дорогая? Жива ли? Или...» Голова его сама собой наклонилась, челюсти перестали жевать, лицо стало злымъ, руки безсознательно сжимали хлѣбъ и ветчину.... Онъ тряхнулъ головой, началъ скоро и жадно ѣсть и пристально всматриваться кругомъ. Онъ смотритъ на рѣку; но широкая, покрытая блестящею зыбью, рѣка не вызываетъ въ немъ мыслей. Онъ смотритъ на берегъ, видитъ у берега лодку—и въ головѣ опять рисуется лодочка съ рулевымъ въ шляпѣ «голубка», но онъ силой гонитъ прочь и лодочку, и рулеваго.

«Не примутъ ли меня дней на десять въ перевозчики?—говоритъ онъ громко.—Я пробовалъ грести въ Колпинѣ,—кажется, хорошо... Вотъ поѣмъ, отдохну, да и отправлюсь на набережную... Сперва нужно къ Уржумцеву. Хорошо, если есть деньги, а если нѣтъ?... И безъ денегъ уйду пѣшкомъ. Тамъ регулярно уже устроимся, мысли глупыя не полѣзутъ въ голову».

Онъ смотритъ направо отъ себя и видитъ правильные ряды крупнаго гранита—камня, сложеннаго въ полукубики, а позади—человѣкъ десять рабочихъ, въ однѣхъ рубахахъ и шароварахъ, съ подвязанными мочалою волосами, чтобы вѣтеръ не забрасывалъ волосъ на глаза, съ обвернутыми въ тряпки ногами. Они брали камни, клали ихъ между ногъ и разбивали ихъ желѣзными молотами.

«Попробую я камень бить съ ними,—громко говорилъ онъ.—Пойду, разспрошу, и если что, то и того... Не вздумай только, мой милый, съ ними такъ разговаривать,—Боже тебя сохрани! Говори рѣчью, какая у тебя есть: ложь—всегда ложь, т. е. вещь никуда негодная...» И онъ, завернувъ остатокъ хлѣба и ветчины въ платокъ, направился къ рабочимъ у камней.

— Богъ въ помощь!—сказалъ онъ, подойдя къ рабочимъ.

— Спасибо!... Благодаримъ покорно!—сказали въ отвѣтъ нѣкоторые изъ нихъ.

Онъ началъ разсматривать рабочихъ. Наклоненныя лица ихъ плохо видны и онъ прежде всего увидѣлъ ихъ темно-желтыя, грязныя груди, видныя чрезъ разстегнутый воротъ рубахи, потомъ — голыя до локтей руки. Онъ сравниваетъ свои руки съ

руками рабочихъ, такъ какъ все дѣло въ рукахъ при битьѣ камня. У трехъ рабочихъ были толстыя, сильно мускулистыя руки, которыя онъ находилъ гораздо сильнѣе своихъ, но руки остальныхъ кажутся ему почти такими, какъ и его. «Но у меня нѣтъ такихъ толстыхъ, налитыхъ кровью и такъ сильно выдавшихся изъ-подъ кожи жилъ, какъ у нихъ,—думаетъ онъ, продолжая разсматривать рабочихъ.—А работа не легкая!... Какъ она окарявила ваши грязные пальцы и сколько пальцевъ со струпьями запекшейся крови! Какъ порваны на васъ рубахи и какое темно-желтое, грязное тѣло видно сквозь прорѣхи рубахъ!...»

Онъ старается разглядѣть ихъ лица, но видно только, что лица чисто-русскія, скуластыя, одно—съ большою, густою бородой, а у остальныхъ—небольшія, жиденькія бородки; у всѣхъ длинные волосы на головѣ и подвязаны мочалкой.

Прошло минутъ пять. Рабочіе молча дробили камень.

— Для-че опосля «Богъ въ помощь» «спасибо» сказываютъ, а нѣтъ, что «работать просимъ?» — сказалъ одинъ изъ рабочихъ, кладя молотъ. Онъ раздвинулъ широко ноги, поёрзалъ на сидѣньи, лѣниво всталъ, потянулся, поднялъ лицо вверхъ, посмотрѣлъ на солнце и, усмѣхнувшись, сказалъ:—«Хлѣбъ да соль», такъ—«милости просимъ», а «Богъ въ помощь», такъ—«покорно благодаримъ!»—Онъ посмотрѣлъ на Могутова и пошелъ, почесывая спину, въ лѣсъ.

— Чудакъ!—кладя новый камень между ногъ, началъ бородатый.—Ѣда—не работа... А и палитъ!.. Кажись, къ вечеру дѣло, а палитъ.

— Вѣтра жару гонитъ, дядя,—бойко кладя молотъ и порывисто засовывая руку въ карманъ шароваръ, пояснилъ парень, моложе всѣхъ по виду.—А ну, родная, прочисти глотку!—И онъ вынулъ трубку, досталъ прямо изъ кармана щепотку махорки, растеръ ее между ладонями и набилъ ею трубку.

— Знать курить захотѣлъ, Яша? — хрипло сказалъ самый тощій по виду рабочій.

— А ты думалъ нюхать?.. Гляди, ребята, Птаха нюхать захотѣлъ.

— А ты што же, касатка, не сказала,—я бы-те въ лѣсъ взялъ понюхать!—сказалъ тотъ, который ходилъ въ лѣсъ, возвратясь оттуда.

Всѣ рабочіе, кромѣ худаго Птахи, засмѣялись.

— Ай да Митро!—сказалъ одинъ изъ нихъ при этомъ.

— А ну, Птаха, дѣбудь огня: трахни дюже по камню, чтобъ огонь показался,—сказалъ опять Дмитрій, доставая изъ кармана трубку и новенькій ситцевый кисетъ.

— На-те огня, закуривай!—сказалъ молодой и наиболѣе здоровый по виду парень, и, ухорски, высоко поднявъ молотъ, онъ со всего плеча трахнувъ имъ по камню. Огонь брызнулъ, камень разлетѣлся въ разныя стороны мелкими кусками и одинъ изъ нихъ долетѣлъ до ногъ Птахи.

— Важно, Ваня, хватилъ! Акъ Сидорычъ спужался, — сказалъ бородатый.

— Вишь-те дядя не Птахой, а Сидорычемъ величаетъ,—сказалъ тотъ, что ловко трахнулъ по камню.—Ты, Сидорычъ, дядѣ за эфто водки поднеси.

— А ты денегъ дашь?—хриплымъ голосомъ сказалъ Птаха.

— Знать у тя нѣтъ?... А ты барина позычь, онъ-те дастъ,—вишь онъ на-те заглядѣлся.

Рабочіе смотрѣли на Могутова. Онъ почувствовалъ неловкость отъ ихъ взглядовъ и, сдвинувъ брови, сказалъ:—Я хочу самъ поработать съ вами. Вотъ если заработаю на вашей работѣ за восемь дней рублей пять,—рубль на водку.

— Тяжела наша работа, баринъ,—ой, тяжела!... Особливо въ первой,—сказалъ бородатый.

— А ты для-че, баринъ, хлѣбъ у насъ отбивать захотѣлъ?—сказалъ Дмитрій, съ добродушной улыбкою смотря на Могутова.

— У меня, братцы, исторія вышла. Пріѣхалъ я въ городъ деньги получить, да говорятъ, подожди до десятаго. Нужно ждать. Пріѣхалъ я изъ-за Колпина; двадцать пять верстъ будетъ отсюда. Денегъ у меня нѣтъ, вернуться не съ чѣмъ. Хочу попытаться найти работу на эти девять дней. Барскую работу скоро не найдешь, да и хочется мнѣ вашу, крестьянскую, работу отвѣдать. Былъ я для этого на Никольскомъ рынкѣ, да поздно уже пришелъ туда. Сюда пришелъ по пути къ одному пріятелю. Пріятель вечеромъ будетъ дома, такъ я промѣнялъ пустой кошелекъ на хлѣбъ, сѣлъ вонъ тамъ подъ деревомъ, да и началъ ѣсть. За ѣдой увидѣлъ васъ, смотрѣлъ на вашу работу. Теперь посмотрѣлъ вблизи и сильно желаю поработать съ вами, если не побрезгуете,—сказалъ спокойно Могутовъ, просто, не поддѣлываясь подъ народную рѣчь.

— А што, ребята, не пора полдничать?—сказалъ Птаха.

— Для-че не пора?... Пора,—сказали нѣсколько рабочихъ.

— Я за свѣженькой сбѣгаю,—сказалъ Дмитрій, взявъ ведро, и пошелъ къ рѣкѣ.

Бородатый досталъ изъ-за камней мѣшокъ, вынулъ изъ него хлѣбъ и бумажку съ солью, разостлалъ мѣшокъ на камень, положилъ на него соль и хлѣбъ, разрѣзавъ его на куски. Рабочіе сѣли вокругъ камня, брали куски хлѣба и начали ѣсть. Могутовъ присматривался къ ихъ ѣдѣ. Одни макали куски въ соль, другіе посыпали солью хлѣбъ, а третьи брали соль въ руку и, во время самой ѣды, забрасывали ее въ ротъ. Всѣ ѣли медленно, запивали часто водой, передавая ведро изъ рукъ въ руки, и внимательно и тщательно подбирали крошки хлѣба съ колѣнъ и клали ихъ въ ротъ.

— А ты съ нами, баринъ, хлѣбца не поѣшь?—сказалъ бородатый.

— Спасибо. Ѣсть не хочу, а воды дайте напиться.—Онъ не сказалъ рабочимъ «хлѣбъ да соль», боясь, чтобъ они не подумали, что онъ напрашивается на ѣду.

— На, баринъ, пей!—отнимая ведро отъ своего рта, громко и съ выкрикомъ сказалъ Дмитрій.

— Такъ ты, баринъ, всурьёзъ мужицкую работу опробовать желаешь?— сказалъ бородатый, медленно жуя хлѣбъ и запивая водой.—Тяжела эта работа, особливо въ-первой!

— Коли што, да по ногѣ ухнешь,—вотъ-те калѣка и есть,—сказалъ Иванъ.

— Впервой всяко можетъ,—сказалъ Дмитрій.

— Ноги што? Безъ ногъ баринъ не помретъ; а вотъ коли глазы, тогда что?—сказалъ Птаха, скорчивъ лицо въ усмѣшку.

— Нѣшто то глазы?... Очки!—сказалъ серьезно Яковъ.

— Тогда что?—Стекло: разбилъ ево,—пошелъ да купилъ.... Голова!—сказалъ Дмитрій.

— Коли охота есть, работай,—сказалъ бородатый, посмотрѣвъ пытливо на Могутова.

— А вы какъ работаете: отъ себя, или отъ хозяина?—спросилъ Могутовъ.

— Купецъ Бычковъ насъ подрядилъ, ёнъ шассу справляетъ. За кубикъ девять цалковыхъ срядились. Щебенимъ, сколь по силамъ кому, кому сколь Богъ силы дастъ. Сколь нащебенимъ, за столь и деньги получаемъ по субботамъ.... Коли ребята согласятся, то и ты такъ-то: до субботы покрошишь, а въ субботу деньги получишь.

Бородатый кончилъ ѣсть, запилъ водой и, перекрестившись на востокъ, сѣлъ на свое мѣсто у работы. Скоро за нимъ и остальные покончили ѣду, крестились и садились къ работѣ.

— Пущай баринъ работаетъ, аль не надоть?—спросилъ бородатый, когда всѣ усѣлись опять за работу, но работать еще не начинали: кто закуривалъ трубку, кто поправлялъ сидѣнье, а кто посматривалъ по сторонамъ.

— А пущай работаетъ,—первый сказалъ Дмитрій. — Это я, баринъ, надысь пошутилъ,—гдѣ-те хлѣбъ у насъ отбивать.

— Бросишь, баринъ, опосля перваго дня.

— А то и дня не покрошить.

— День покрошитъ, не пустимъ.

— А намъ што?... Пущай.

— Коли што, а щебенки сколь ни на есть прибудетъ.

— Пущай.

— Такъ я, братцы, съ завтрашняго дня начну съ вами работать,—сказалъ Могутовъ.

— Приходь.

— Въ добрый часъ,—сказалъ бородатый.

— А какую мнѣ клѣтку начинать, дядя? — спросилъ Могутовъ бородатаго, котораго, какъ онъ замѣтилъ, всѣ называли дядей.

— Начинай непочатую, да и шабашъ. Всѣ одинъ бѣсъ!—сказалъ Дмитрій.

— Подъ рядъ-то лучше,—сказалъ дядя.—Начинай ужо подъ рядъ.

— Хорошо, дядя,—сказалъ Могутовъ.

Рабочіе принялись щебенить. Могутовъ хотѣлъ было проститься, но вспомнилъ, что нѣтъ у него молота, и задумался.— «Если въ кассѣ дадутъ деньги, то еще успѣю молотъ купить, а если нѣтъ, то какъ быть? Развѣ пальто продать или заложить?...»

— А штрументъ есть у те, баринъ?—спросилъ Дмитрій.

— Я вотъ и думаю, гдѣ его достать. Если достану у пріятеля денегъ, то успѣю купить,—отвѣтилъ Могутовъ.

— Бросишь работу, опосля молотъ за грошъ сбудешь. Я те завтра ужо свой молотъ принесу съ хватеры,—сказалъ Дмитрій.

— Да ты, Митро, ужо и оборы не пожалѣй для барина, — сказалъ Птаха, не то улыбаясь, не то, по привычкѣ, перекосивъ ротъ.

— А то у те попросимъ?... И оборы принесу! Вокуратъ завтра справлю, только приходь, баринъ!

— Спасибо, Дмитрій,—сказалъ Могутовъ.— Спокойной вамъ ночи. Прощай, дядя!

— Прощай,—сказалъ дядя и еще нѣсколько рабочихъ.

— Смотри, приходь, а то штрументъ задарма приволоку! — крикнулъ Дмитрій.

— Приду,—отвѣтилъ Могутовъ.

— Не забудь цалковаго,—самъ посулилъ!—крикнулъ Птаха въ слѣдъ уходящему.

«Не пойду я къ Уржумцеву и денегъ въ кассѣ брать не буду, — думалъ Могутовъ дорогою.—Попрошу рабочихъ кормить меня, а пальто имъ въ залогъ дамъ.... А теперь прямо въ Александровскій паркъ....».

Когда онъ пришелъ въ паркъ, солнце было за паркомъ и въ немъ было свѣтло, но тѣнисто. Онъ зашелъ въ глушь, выбралъ удобное для спанья мѣсто, сѣлъ тамъ и началъ думать о завтрашнемъ днѣ, когда онъ, первый разъ въ своей жизни, будетъ среди рабочихъ крестьянъ, среди народа, о грустной судьбѣ котораго онъ такъ много читалъ, «жить для котораго велитъ совѣсть, разсудокъ, благо и величіе родины, даже честолюбіе,—честолюбіе великаго человѣка, а не мелкаго буржуа».

«Какъ я долженъ вести себя завтра?» —задалъ онъ вопросъ и думалъ надъ нимъ болѣе двухъ часовъ, припоминая все, что зналъ изъ книгъ о народѣ, и, на основаніи этого, составлялъ себѣ программу до мельчайшихъ подробностей, какъ вести себя, что говорить, какъ работать и даже смотрѣть на рабочихъ. Въ паркѣ становилось все болѣе и болѣе тѣнистѣй, прохладнѣй, но было довольно свѣтло,—заря продолжалась во всю ночь. Въ крѣпости начали бить зорю и барабанная дробь разсыпалась по всему парку, пробѣгала по каждому дереву, шелестила каждымъ листомъ. Онъ началъ ѣсть остатокъ хлѣба и ветчины, продолжая думать о томъ же.

«Но мнѣ завтра нужно проснуться задолго до восхода солнца»,—подумалъ онъ и затѣмъ легъ и скоро заснулъ крѣпкимъ сномъ. И не тревожилъ его сна однообразный, плаксивый напѣвъ часовъ крѣпости, не будилъ его протяжный крикъ—«слушай!»—ея часовыхъ, не мѣшалъ ему спать глухой шумъ, носившійся цѣлую ночь по всему парку, отъ ѣдущихъ по Крон-

верскому проспекту экипажей, даже сны не тревожили его, хотя голова его лежала, въ надвинутой до ушей шляпѣ, на голой травѣ и почти въ ровень съ туловищемъ.

III.

Солнце еще не всходило, когда Могутовъ проснулся, но по парку носился еще болѣе сильный шумъ отъ ѣдущихъ по Кронверкскому проспекту экипажей, которые везли теперь по домамъ, изъ разныхъ загородныхъ увеселительныхъ мѣстъ, петербургскій людъ обоего пола и всевозможныхъ возрастовъ и профессій: отъ генеральскаго чина до юнкера и мелкаго чиновника, отъ убѣленнаго сѣдинами старца до безусаго юноши, отъ наштукатуренной и нарумяненной, жалкой въ эту пору, пожилой публичной женщины до еще не сформировавшейся, все еще съ дѣтскимъ прекраснымъ лицомъ, но уже съ потухавшимъ блескомъ въ глазахъ публичной дѣвочки.

Могутовъ всталъ и крупнымъ шагомъ пошелъ къ Тучкову мосту. Рабочихъ еще не было, когда онъ пришелъ къ клѣткамъ камня. Онъ спустился къ Малой Невѣ, умылся, утерся полою пальто, сѣлъ у берега и безъ мысли смотрѣлъ на рѣку. Покойно, хорошо становится на душѣ и въ головѣ человѣка, когда предъ глазами у него течетъ тихо, тихо, темносиняя, широкая рѣка, когда не смотрятся въ нее дома, не бѣгутъ по ней пароходы, съ черными клубами дыма у трубъ, не снуютъ лодки, не ползутъ неуклюжія барки, а смотрятся въ рѣку только наклонившіяся къ водѣ плакучія ивы, да зеленые берега,—когда ни одного звука не раздается надъ рѣкою и только она сама чуть слышно шепчется съ берегами и Богъ знаетъ какія рѣчи нашептываетъ берегамъ. Такова почти была въ то время Малая Нева, и покойно было тогда на душѣ и въ головѣ Могутова. Онъ смотрѣлъ, любовался, прислушивался къ рѣкѣ, но не думалъ разгадывать шепота рѣки съ берегами и ни о чемъ не думала его голова.

— Анъ есть!

— И то. Баринъ ранѣй нашего пришелъ.

— Кличь его, Митро!

Такіе голоса рабочихъ услышалъ Могутовъ, когда солнце еще не было видно, но рѣка покрылась матовыми, блестящими полосами-пятнами и начала заволакиваться легкимъ туманомъ. Могутовъ всталъ и пошелъ къ камнямъ.

— Здравствуйте!—сказалъ онъ, подойдя къ рабочимъ и поднявъ шляпу, но не кланяясь головою и не подавая руки.—Здравствуй, дядя!

— Здраствуй!

— Здраствуй, баринъ!

— Таки пришелъ?

— Не спужали,—пришелъ зарано!

— Вотъ те, баринъ, молотъ, а вотъ и оборы,—сказалъ Дмитрій и ухорски бросилъ къ ногамъ Могутова молотъ и комъ стараго бѣлья.

Рабочіе снялй свои свиты и сапоги и начали обувать ноги въ тряпки, а потомъ, перекрестясь, стали набрасывать камни изъ кучъ къ мѣсту работы; потомъ опять крестились и принимались дробить. Могутовъ раздѣлся тоже, засучилъ рукава рубахи, не крестясь набросалъ изъ кучи камней къ своему сидѣнью, сѣлъ и началъ дробить между ногами камень. Онъ дробилъ неторопливо, весь погрузясь въ работу и, благодаря молодости, здоровью, желанью и любви къ труду, началъ работать, не возбуждая смѣха въ рабочихъ. Онъ скоро забылъ о присутствіи рабочихъ, да и рабочіе почти не обращали на него вниманія. Работа шла тихо, безъ разговоровъ, развѣ кто зѣвнетъ, или скажетъ, какъ будто про себя, не обращаясь рѣшительно ни къ кому:

— Прохлада.

— Кабы такъ-то до вечера!

— Кабы дѣвкѣ борода, дѣвкой бы не была.

— Вишь, о дѣвкахъ Митро сказывать началъ!

Въ восемь часовъ рабочіе завтракали, въ первомъ часу — обѣдали, въ пять—полдничали; но разницы между обѣдомъ, завтракомъ и полдничаньемъ не было никакой: ѣли все тотъ же черный хлѣбъ съ солью, запивали тою же водой изъ Невы.

Во время завтрака дядя предложилъ Могутову принять участіе въ ѣдѣ. Могутовъ просилъ рабочихъ принять его въ свою среду на харчи и житье. Рабочіе согласились. Съ заходомъ солнца всѣ отправились на квартиру.

Квартира была въ глухомъ переулкѣ Петербургской стороны, болѣе версты отъ мѣста работы. По обѣ стороны переулка шли деревянные заборы, среди которыхъ, какъ бастіоны или башни крѣпости, далеко одинъ отъ другаго, стояло пять небольшихъ деревянныхъ домиковъ и одинъ большой, трехъ-этажный, каменный домъ. Деревянные домики были простенькіе, безъ балкон-

чиковъ, мезониновъ и какой-либо рѣзьбы, окрашены сѣрою краской и только вокругъ оконъ выведены были широкія каймы изъ узенькихъ, бѣлыхъ и синихъ, полосъ, что домикамъ придавало нѣкоторую пестроту, пріятную для глазъ, какъ розовый или голубой бантикъ на груди дѣвушки придаетъ какую-то особенную красоту и прелесть ея простенькому черному платью. На большомъ каменномъ домѣ не было ни одного выступа, карниза, цоколя или другаго какого украшенія; ряды его небольшихъ однообразныхъ оконъ, съ грязными стеклами, смотрѣли безжизненно, а тяжелая крыша спускалась далеко со стѣнъ и, казалось, давила домъ своею тяжестью. Надъ воротами была черная вывѣска съ надписью желтыми буквами: «Складъ москательныхъ и аптекарскихъ товаровъ петербургскаго купца Ивана Онуфріева Терехина», а надъ калиткою, на черной же дощечкѣ съ желтыми буквами, было написано, что «оптовая и розничная торговля сего склада помѣщается на Садовой улицѣ, домъ Патова, лавка № 30».

Подойдя къ калиткѣ этого дома и приподнявъ тяжелую клямку, рабочіе и Могутовъ, одинъ по одному, вошли на большой дворъ, обнесенный кругомъ деревяннымъ заборомъ, за которымъ вдали виднѣлись крыши и трубы домовъ, а вверху—темное петербургское небо. На дворѣ было нѣсколько деревянныхъ низенькихъ сараевъ и навѣсовъ, валялось много ящиковъ и обломковъ отъ нихъ, стояла бочка на двухколескѣ, съ поднятыми вверхъ коротенькими оглоблями. Одинокимъ, широкимъ и низкимъ входомъ рабочіе вошли въ темный корридоръ, изъ котораго одна дверь, запертая замкомъ, вела въ складъ, а другая—въ помѣщеніе для сторожа, что видно было по надписямъ на дверяхъ. Этою послѣднею дверью рабочіе входили въ большую комнату, ярко освѣщенную огнемъ топившейся печки, стоявшей почти по срединѣ комнаты. Они входили, крестились на образъ и безъ поклоновъ говорили: «Здраствуйте вамъ! Вечера добраго Степановнѣ!»— обращаясь къ женщинѣ, стоявшей у печи и занимавшейся стряпней. Женщинѣ было лѣтъ за сорокъ; лицо ея было некрасиво, морщинисто, глаза—большіе и тусклые, сама—небольшаго роста, широкая и мясистая.

— Гляди, Степановна, жильца новаго привели! — сказалъ дядя.

Женщина не отвѣчала на привѣтствіе рабочихъ и только послѣ словъ дяди обернулась и посмотрѣла кругомъ.

Рабочіе положили подъ лавки молоты, а на лавки — свиты. Могутовъ стоялъ у дверей и разсматривалъ комнату. Комната была большая и квадратная. Близъ стѣны съ тремя окнами, выходящими на дворъ, стоялъ небольшой деревянный, простой, столикъ, около стѣнъ—такія же лавки, въ одномъ углу—кровать, покрытая старымъ ситцевымъ одѣяломъ и съ двумя грязными небольшими подушками, близъ кровати—шкафикъ, а около печи—длинный столъ, на которомъ лежалъ хлѣбъ, стояли деревянныя чашки, валялись деревянныя ложки. Надъ кроватью висѣлъ большой образъ, на свѣтлой ризѣ и оправѣ котораго только и играло весело пламя печи, а все остальное въ комнатѣ было угрюмо, бѣдно, грязно и даже стекла въ окнахъ были сѣры отъ слѣдовъ мухъ. На одномъ окнѣ стояла банка съ геранiумомъ, желтые и опущенные безжизненно внизъ листья котораго, казалось, плакали и надъ самими собою, и надъ одинокимъ молодымъ побѣгомъ, такимъ молоденькимъ, хорошенькимъ и зелененькимъ, но который долженъ скоро погибнуть въ сумрачной атмосферѣ комнаты, хотя онъ теперь и бойко посматриваетъ и какъ бы увѣряетъ, что у него достанетъ силъ и энергіи приспособиться къ окружающему мраку, что онъ не погибнетъ въ немъ.

— Баринъ будете? — сказала женщина, посмотрѣвъ на Могутова.

— Постой, мать!—подходя къ Могутову, говорилъ Дмитрій.— Я те за ѣдой ужо разскажу исторію въ акуратѣ, а теперь ты его не трошь... Поглядь—погляди, а замать—не замай, потому баринъ сморился, а я—за дядьку и перво-на-перво распорядокъ на хватерѣ дамъ.

— Замѣстъ постели!—шлепая рукою по лавкѣ, стоявшей у самыхъ дверей,—продолжалъ Дмитрій. — Пока мать ѣду скухаритъ, пойдемъ, баринъ, на дворъ къ бочкѣ, хари да руки помоемъ.

Рабочіе всѣ вышли на дворъ и умывались около бочки. Каждый бралъ воду изъ ведра въ ротъ, выпускалъ ее потомъ на руки и старательно мылъ ею сперва руки, а потомъ лицо. Утирались-- кто рукавомъ рубахи, кто принесенною изъ комнаты тряпкою. Дмитрій умывался рядомъ съ Могутовымъ и далъ ему утереться своею тряпкой. Умывшись, человѣка четыре, которые были посолиднѣй, пошли въ комнату, а остальные, усѣвшись на ящикахъ у бочки, перебрасывались своими незатѣйливыми, самимъ къ себѣ обращенными, фразами, вопросами и поясненіями,

потомъ скоро затянули и пѣсню. Сперва началъ пѣть тихонько одинъ, потомъ къ нему присталъ другой, а тамъ и остальные приняли участіе въ хорѣ. Трудно было непривыкшему уху Могутова, сидѣвшему среди пѣвцовъ, разобрать слова пѣсни, какъ онъ ни старался это сдѣлать. Ухо ловило только звуки, которые то заглушали слова, то сплетали слова одно съ другимъ и неслись среди пустаго двора, на пустую улицу и далеко вверхъ, гдѣ густое, темное петербургское небо не манило взоръ, какъ прозрачное небо юга, проникнуть чрезъ него туда, гдѣ лучезарные ангелы, гдѣ величественный тронъ Бога, гдѣ любящій, всепрощающій, пролившій кровь свою за народъ Богъ-Сынъ. Угрюмо смотритъ петербургское небо уже въ іюлѣ, и хотя заря продолжается во всю ночь, но непремѣнно переходитъ небо къ горизонту въ хмурую тучу. И какъ гармонируютъ съ этимъ небомъ напѣвы пѣсенъ рабочихъ!... Это не мягкій, нѣжный и протяжный напѣвъ малороссійскихъ пѣсенъ, какъ мягко, нѣжно и необъятно небо малороссійской ночи; это не грустный напѣвъ, вызывающій слезы на глаза и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчающій грусть на душѣ,—нѣтъ, это—низкіе, какъ бы изъ глубины груди выходящіе вздохи, и высокіе, какъ бы взвизгивающіе, но правильно чередующіеся, стоны, которые то сливаются одинъ съ другимъ, то отдѣляются моментальными остановками, то прерываются продолжительными паузами и соединяются тихими, едва слышными звуками. Это—не слезы, а плачъ безъ слезъ. И чѣмъ долѣе пѣлась пѣсня, тѣмъ все ниже и ниже опускались одни звуки, тѣмъ все громче и громче поднимались другіе, тѣмъ все короче и короче становились промежутки, но все длиннѣе и длиннѣе продолжалась мертвая тишина между строфами пѣсни; потомъ опять все то же, но все crescendo и crescendo, и, наконецъ, мгновенно все замолкло, оборвалось совсѣмъ.

— Голосистая пѣсня!

— Пѣсня—какъ пѣсня.

— Дождику бы съ тоя тучи.

— Ёна съ таво мѣста ни-ни,—третій день тамотка.

— Аль на биркѣ счетъ ведешь?

— Спать Ваня захотѣлъ,—зѣваешь?

— Это къ ѣдѣ ротъ деретъ.

А кто-нибудь опять начиналъ тихонько пѣсню, другой подтягивалъ, и скоро опять пѣли всѣ,—пѣли какъ будто другую пѣсню, какъ будто веселую, ухарскую; но это только на пер-

выхъ порахъ такъ сдается, а прислушайтесь — прежняя грустная пѣсня, только быстрѣй чередуются грудные вздохи съ визгливыми стонами, только очень коротки эти вздохи и стоны, только быстро летятъ они одинъ за другимъ, и хочется подъ эти быстрые вздохи и стоны дрыгать ногами и руками, хочется пуститься въ бѣшеный русскій народный трепакъ.

— Вишь распѣлись!... Мать вечерять зоветъ!—раздается мягкій голосъ дяди. Но не сразу оборвалась пѣсня,—еще два колѣна пѣсни пронеслось по пустынному двору и далеко, далеко за нимъ.

Рабочіе, крестясь, сѣли за столъ у печки. На столѣ лежалъ нарѣзанный хлѣбъ, ложки, стояла солонка и большая деревянная чашка, полная жидкой гречневой кашицы, очень похожей на супъ, заправленный густо гречневою крупой. Не жирный это былъ супъ,—только кое-гдѣ плавали на поверхности его капельки жира, и долго блуждали эти капельки, пока одна изъ нихъ встрѣчала, наконецъ, другую и, какъ бы обрадовавшись долго жданной встрѣчѣ, сливалась съ другой, превращаясь въ одну немного большую капельку. Дядя начиналъ ѣду первый. Всѣ ѣли не спѣша, черпали ложками кашицу одинъ послѣ другаго, продѣлывая ту же исторію съ крошками хлѣба и солью, какъ и во время ѣды на работѣ у камней. Могутовъ сидѣлъ рядомъ съ Дмитріемъ и дядей. Онъ невольно подражалъ въ ѣдѣ рабочимъ, и ему казалось, что другаго порядка и заѣсти нельзя, что хлѣбъ дѣлается болѣе вкуснымъ, если его долго пережевывать во рту, что, собирая крошки и соля каждую ложку кашицы, ѣшь—словно дѣло дѣлаешь. Его заинтересовали капельки жира на поверхности кашицы. Капельки были такъ рѣдки, такъ ярко, какъ звѣздочки, свѣтились, такъ живо плавали и такъ аппетитно смотрѣли, что ему невольно хотѣлось захватить хоти одну изъ нихъ въ ложку и отправить въ ротъ. Онъ посмотрѣлъ на рабочихъ и замѣтилъ, что ихъ глаза тоже съ любовію смотрятъ на капельки жира, что они посматриваютъ въ каждую свою ложку, не попала ли капелька въ нее, что они подносятъ ложку ко рту съ большею бережливостью, если замѣчаютъ въ ней эту капельку; но всѣ черпаютъ кашицу у самыхъ краевъ чашки и никто не черпаетъ такъ, чтобы насильно загнать звѣздочку жира къ себѣ въ ложку.

По мѣрѣ того, какъ чашка съ кашицей опоражнивалась, рабочіе становились разговорчивѣе. Дмитрій повѣдалъ женщинѣ исторію, какъ баринъ пожелалъ работать съ ними. Онъ говорилъ медлен-

но, прерывая разсказъ ѣдою, и только при концѣ повѣствованія нѣсколько воодушевился и закончилъ его такъ:

— Теперь мы, мать, палишь! Съ бариномъ намъ куда смѣлѣй, ежели что тамъ унтеръ, аль самъ квартальный... Не тронь,— у насъ баринъ!

— Такъ, такъ,— равнодушно отвѣтила женщина.

Она все время сидѣла у печи и смотрѣла на рабочихъ, медленно переводя глаза съ одного на другаго; но трудно было отгадать, о чемъ она думала въ то время. Лицо ея было спокойно, руки лежали скрещенными на колѣняхъ, а глаза смотрѣли съ такимъ же блескомъ, какъ посматривали они и на горшокъ въ печи, въ которомъ грѣлась вода для мытья посуды.

— Подбавить каши-то? — спросила женщина, когда рабочіе начали задѣвать ложками дно чашки.

— Подбавь, Степановна, подбавь,— сказалъ дядя,— ребята устамши, а каша-те добрая.

— А што ежели теперича лукомъ кашу заправить?

— Ишь-те, луку захотѣлъ!

— А ти претитъ отъ луку-то?

— Чаво претитъ!... Давь,— съѣмъ за махароны.

— Нешто, Митро, ѣдалъ махароны?

— Эка цаца!... Ѣдалъ.

— Врешь.

— Чаво врать?.. На поденщинѣ, кухню чистимши, кухварка давала.

— Замѣсть меда сошло?

Такую и подобную ей вели рабочіе бесѣду подъ конецъ ужина. Дядя всталъ изъ-за стола первый, Птаха — послѣднимъ. Вставая, всѣ сперва облизывали хорошенько ложку, потомъ утирали ротъ рукавомъ рубахи, затѣмъ молились на образъ и говорили, кланяясь женщинѣ: «спасибо, мать». Почти сейчасъ послѣ ужина всѣ полѣзли спать. Женщина собрала со стола и вымыла горячею водой посуду, не вытирая поставила ее на столъ и, потомъ, поужинала сама такою же кашицей, какъ и рабочіе. Когда она кончила ѣсть, всѣ рабочіе лежали уже на лавкахъ, не укрытые, съ зипунами подъ головами, и одни уже храпѣли, а другіе еще почесывали свое корявое тѣло.

— Павла, а Павла! — раздался немного погодя голосъ женщины на дворѣ.

— Чаво тамъ?— откликнулся ей хриплый голосъ вдали.

— Хлѣба-те дать, аль самъ придешь?

— Неси сама!... Кабы опять грѣха не было!

Голоса затихли и слышны были только мѣрные удары колотушки о деревянные ящики. Женщина вернулась въ комнату, помолилась образу и полѣзла на постель. Въ комнатѣ было жарко и душно. Могутовъ долго не спалъ и ворочался на своей лавкѣ. Онъ хотѣлъ думать о только-что прожитомъ днѣ, о рабочихъ, но въ головѣ не шевелились мысли. Часа черезъ два голова стала тяжелѣть, въ глазахъ носился туманъ и онъ скоро заснулъ.

IV.

Могутовъ работалъ изо дня въ день. Первые три дня онъ прилаживалъ къ работѣ свои ноги и руки, приноравливалъ силу удара молотомъ, судя по камню, старался быстро сообразить, какъ лучше положить камень, чтобъ его скорѣе разбить и ловче держать между ногъ и пр., и только между дѣломъ приматривался къ рабочимъ, вслушивался въ ихъ рѣчи. Домой онъ возвращался усталый и поздно, такъ что, при короткихъ ночахъ, усталость и малое время для отдыха не давали возможности и дома глубже познакомиться съ рабочими. Рабочіе тоже не обращали на него особеннаго вниманія. Замѣтно было, что они смотрѣли на его работу какъ на прихоть и думали, что чрезъ день-другой прихоть пройдетъ и баринъ дастъ тягу. На четвертый день Могутовъ окончательно приспособился къ работѣ: молотъ его бойко, не боясь упасть вмѣсто камня на ногу, постукивалъ въ тактъ съ рабочими, и это дѣлалось теперь безъ усиленнаго смотрѣнія на камень, а почти механически. И если въ первые три дня онъ мало-что отставалъ въ итогѣ работы отъ рабочихъ, хотя уставалъ сильнѣе ихъ, то на четвертый день онъ не только сравнялся съ ними, но даже работа его была успѣшнѣе ихъ. Въ этотъ день онъ и началъ думать о рабочихъ. И вотъ его прежде всего останавливаетъ короткость фразъ разговора рабочихъ, что фразы эти построены были такъ, какъ будто говорившій фразу говорилъ ее самъ себѣ вслухъ, говорилъ не то вопросъ, не то отвѣтъ.

«Отъ чего это происходитъ?... Есть ли это неувѣренность въ умѣньи защищать высказанное, или это происходитъ отъ убѣжденія въ нетерпимости слушателей? Происходитъ ли это отъ полнаго отсутствія какихъ-либо убѣжденій или же отъ неумѣнья

высказать ихъ? Происходитъ ли это отъ окончательнаго загрубенія ума или отъ недостатка знаній, при глубокомъ желаніи знать истину? Происходитъ ли это отъ того, что всѣ они имѣютъ совершенно одинаковые взгляды на міръ, небо и человѣка, или отъ того, что не достигали до нихъ, на понятномъ для нихъ языкѣ, хотя какія-нибудь представленія обо всемъ этомъ?... Эти вопросы зашевелились въ головѣ Могутова, какъ только онъ началъ думать о рабочихъ. Онъ началъ пристально всматриваться въ лица рабочихъ, прислушиваться къ ихъ говору, замѣчать, что отражается при этомъ на ихъ лицахъ, какими жестами сопровождается ихъ говоръ. И вотъ, вслѣдствіе этихъ наблюденій, онъ замѣчаетъ въ каждомъ изъ нихъ много типичнаго, характернаго.

«Вотъ—дядя.... Онъ старѣе всѣхъ, у него длинная, густая борода, а его сѣрые глаза смотрятъ серьезно, но не зло, изъподъ густыхъ нависшихъ бровей; онъ виднѣе всѣхъ рабочихъ, солиднѣе, умнѣе, болѣе всѣхъ походитъ на предводителя. Онъ и есть предводитель ихъ, дядя.... И онъ ведетъ себя какъ истинный предводитель. Ни разу не было слышно, чтобъ онъ приказывалъ, распоряжался журилъ или хвалилъ... Но въ немъ нѣтъ и приниженія своей личности. Онъ первый беретъ ложкою кашу, онъ первый высказалъ мнѣніе и обо мнѣ, первый сказалъ: «работай, коли есть охота». Онъ—равный среди равныхъ, но онъ и первый среди равныхъ....

«Вотъ — Дмитрій. Онъ моложе всѣхъ и молодость бьетъ въ немъ ключомъ. Онъ никогда не кладетъ молота, а всегда бросаетъ игриво, шутя. Глаза его никогда не смотрятъ угрюмо, а бойко, серьезно и съ тонкою улыбкой на лицѣ.... Онъ первый нарушаетъ молчаніе. У Дмитрія яснѣе чѣмъ у остальныхъ пробивается наружу доброта, желаніе оказать услугу. Ты откровеннѣе всѣхъ, но ты, какъ всѣ, добрый, не глупый, простой, безхитростный человѣкъ.... И голосъ у тебя звонкій, и поешь ты весь отдаваясь пѣснѣ.

«Ну, а ты, скептикъ, съ хриплымъ голосомъ, но прозванный Птахой?.... У тебя — больной видъ и истасканное лицо, но не за это надъ тобой подсмѣиваются. Смѣются надъ тобой потому, что любишь ты зло подтрунить надъ человѣкомъ».

Такъ перебралъ Могутовъ каждаго изъ рабочихъ, и въ каждомъ онъ находилъ много искренности, безхитростной доброты, любви къ труду.

«Отчего же они говорятъ только отрывистыя фразы, и говорятъ въ курьезной формѣ?—продолжалъ думать Могутовъ.—Потому же самому, почему я съ своимъ сожителемъ Коптевымъ въ цѣлый день обмѣняемся много-много двумя десятками словъ. Занятые мы люди, нѣкогда намъ болтать зря,—ну, и молчимъ, да дѣло свое дѣлаемъ. Новости мы узнаемъ въ одно время, навязывать свои кое-какія идеишки не въ нашемъ вкусѣ, да и времени нѣтъ. Еслибъ и у нихъ, у рабочихъ, было свободное время, еслибы притомъ они были грамотны,—они бы и тогда не бросились въ болтовню, а тратили бы свободное время на чтеніе, на усвоеніе знаній, и тогда, конечно, ихъ короткія фразы имѣли бы болѣе смысла.... Но развѣ въ этомъ ихъ вина?—Виновата бѣдность, виновата система нашихъ налоговъ, падающая почти исключительно на крестьянина, берущая у него все и не дающая ему за это почти ничего... А что, если я попробую разсказать имъ что-либо? Вѣдь я много знаю того, чего имъ, навѣрно, и во вѣки вѣковъ не придется узнать. Съумѣю ли только передать понятно?.... Ну, а если попробовать разсказать имъ что-либо изъ нашихъ поэтовъ, которые знали народъ, любили его и писали на понятномъ для народа языкѣ? Это будетъ отлично.... Но что же выбрать на первый разъ?»

Онъ прежде всего остановился на Пушкинѣ. Онъ перебралъ въ умѣ всѣ сочиненія Пушкина, не выбравъ ни одного изъ нихъ. Поэмы Пушкина казались ему длинными, черезчуръ возвышенными, а сказки—черезчуръ дѣтскими. Гоголя онъ также нашелъ длиннымъ, языкъ его тяжелымъ, мысли и обороты высокопарными. За Крылова онъ ухватился горячо, находилъ мѣткимъ и понятнымъ его языкъ, а мораль басенъ характерно подобранною; но когда онъ началъ перебирать въ умѣ басни, чтобы выбрать изъ нихъ наиболѣе подходящую для рабочихъ, онъ не нашелъ ни одной, мораль и дѣйствующія лица которой глубоко бы затрогивали самихъ рабочихъ. Онъ смотрѣлъ на рабочихъ, какъ на солидныхъ, взрослыхъ людей, а всѣ басни казались ему написанными только для дѣтей. Басня «Пестрыя овцы и Левъ» была бы и ничего, но мораль басни казалась ему сухой, болѣе обширной, чѣмъ это слѣдовало изъ нея. Отъ Крылова онъ перешелъ къ Тургеневу, но не остановился и на немъ. Онъ находилъ, что не для народа написаны Тургеневымъ «Бѣжинъ лугъ», «Пѣвцы», «Хорь и Калинычъ» и всѣ «Записки охотника», а только для баръ, для возбужденія въ нихъ любви и уваженія

къ народу. Послѣ Тургенева онъ, не останавливаясь на Толстомъ, Писемскомъ, Гончаровѣ, Достоевскомъ и пр., прямо вспомнилъ о Некрасовѣ.

«Вотъ, вотъ!... Некрасовъ будетъ хорошъ: «Коробейники», или «Морозъ — красный носъ»; или «Кому на Руси жить хорошо» — полны народной жизни, языкъ ихъ лучше языка народныхъ пѣсенъ, морали нѣтъ совсѣмъ, — мораль сама, какъ впечатлѣніе отъ живыхъ сценъ и картинъ, заползаетъ въ голову».

Солнце садилось и рабочіе собирались идти домой, когда Могутовъ окончательно надумалъ познакомить ихъ съ «Коробейниками» Некрасова. Онъ привыкъ уже къ жаркой и удушливой атмосферѣ комнаты рабочихъ и спалъ теперь обыкновенно крѣпкимъ и покойнымъ сномъ, но въ эту ночь онъ не скоро заснулъ. Онъ долго думалъ о чтеніи наизусть «Коробейниковъ», обдумывалъ, когда это лучше сдѣлать, какъ читать и какъ навести разговоръ на чтеніе; но онъ никогда не находилъ подхода, всѣ приступы казались ему дѣланными, искуственность которыхъ эти тактичные и проницательные товарищи поймутъ сразу. Наконецъ, онъ рѣшилъ, что завтра, послѣ вечерняго свиданья, онъ прямо предложитъ рабочимъ послушать путешествіе двухъ русскихъ коробейниковъ.

«Они для меня сдѣлали добро — и не цѣлковымъ, а живымъ и умнымъ разсказомъ поэта поблагодарю я ихъ. Останутся довольны, — можно будетъ и еще что-нибудь, кромѣ Некрасова, прочитать.... А что бы еще?» — Не рѣшивъ этого вопроса, онъ успокоился и заснулъ.

V.

На слѣдующій за тѣмъ день Могутовъ прежде всего замѣтилъ перемѣну въ рабочихъ къ себѣ. Обыкновенно, вставши, умывшись и помолясь образу, рабочіе здоровались съ дядей и хозяйкой и только особенно дружные — между собою; Могутовъ тоже здоровался съ дядей, хозяйкой и съ Дмитріемъ, подавая послѣднему руку. Въ это же утро, какъ будто по уговору, всѣ здоровались съ нимъ и онъ имъ всѣмъ протягивалъ руку. Но кромѣ этой, уже очень замѣтной перемѣны, въ продолженіе дня видно было много и другихъ, не такъ бросавшихся въ глаза, жестовъ, посматриваній, словъ, мелкихъ услугъ, которыя указывали на происшедшую перемѣну. И вотъ, ловко стуча моло-

томъ по камнямъ, сдавленнымъ обернутыми въ тряпки ногами, Могутовъ думалъ о происшедшей перемѣнѣ къ нему со стороны рабочихъ. «За что это,—думалъ онъ,—такая, ясно бросающаяся въ глаза, любовь,—нѣтъ, не любовь,—любовь, говорятъ, откровенна,—а скорѣе сильное уваженіе? Они оказали мнѣ услуги, и они же готовы дѣлать для меня все, что только въ ихъ силахъ!... Я заработаю немного денегъ, я пріучу себя къ мускульному, упорному труду въ восемь дней, я познакомлюсь съ простымъ русскимъ человѣкомъ, съ которымъ мнѣ придется имѣть дѣло на фабрикахъ и заводахъ,—и это все чрезъ нихъ, благодаря ихъ же добротѣ,—и они, вмѣсто равнодушія, недовѣрія, даже пренебреженія и т. п., вполнѣ законныхъ чувствъ рабочаго къ барину,—они первые здравствуются со мною!... Да и не это одно: когда я прошу передать мнѣ ведро съ водой, кто-либо изъ нихъ говоритъ: «постой, баринъ, я принесу свѣжей водички», а кто-нибудь добавитъ: «знамо, свѣженькая водичка—лучше, угости барина....». Я не замѣтилъ, что мои оборы пробились въ одномъ мѣстѣ и голымъ тѣломъ прижималъ камень, а они замѣтили—и съ четырехъ сторонъ летятъ ко мнѣ тряпки съ совѣтомъ употребить ихъ на обору, а то «для-че ногу вередить», какъ сказалъ дядя. Меня обрадовало, что я, увлекшись работою, не замѣтилъ, что голымъ тѣломъ прижимаю камень,—я, какъ дитя, радовался, что огрубѣла моя кожа, но потомъ я долго слышалъ душевный голосъ дяди: «для-че зря ногу вередить?»... И за что все это? Развѣ за то, что я не убѣжалъ послѣ перваго дня?... Но за что же тутъ уважать?... Вѣдь при этомъ могла бы явиться скорѣе зависть... И больной Сидорычъ, дѣйствительно, болѣе прежняго серчаетъ на меня...»

Онъ долго думалъ надъ вопросомъ и не находилъ отвѣта. Онъ никакъ не могъ догадаться, что рабочіе въ первый разъ, во всю ихъ жизнь, увидѣли барина, чуждаго барскихъ замашекъ, желанія щегольнуть, потрунить или поучить крестьянина, поддѣлаться подъ его говоръ или подъ его нравъ; что они въ первый разъ увидѣли барина молчаливаго, серьезнаго, и притомъ такого не на часъ, не на день, а въ продолженіе четырехъ дней; что они въ первый разъ видятъ барина, работающаго ихъ крестьянскую работу упорно, безъ перерыва, съ одинаковою энергіей и добросовѣстностью въ продолженіе четырехъ дней... А этого всего вполнѣ достаточно, чтобы добрая душа русскаго крестьянина отнеслась съ уваженіемъ къ Могутову, по-

любила его. Но даже и эти причины не были ясно формулированы въ головахъ рабочихъ, судя по тому, что, когда дядя захотѣлъ пить и когда Могутовъ, выливъ воду изъ ведра, стоявшаго въ это время около него, и со словами: «погоди, дядя, я принесу свѣжей воды», ушелъ съ ведромъ за водой, — между рабочими произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Такъ, такъ, баринъ! Угости, угости дядю свѣженькой водичкой.

— Дядю кажной долженъ уважать... Знамо, дядя.

— Дядя — какъ дядя, а и баринъ у насъ, неча сказать, хорошій баринъ.

— Баринъ такой, что... Кажись, я бы его... все отдай, да и мало.

— Что такъ больно полюбили?... Смотри, кабы опосля чего...— не договорилъ Птаха.

— Чаво, Птаха, каркать!... Это баринъ душевный,—неча каркать!

— Фальши въ ево нѣту-ти.

Все это время погода стояла жаркая и душная, но въ этотъ день, когда рабочіе встали послѣ обѣда и принялись за работу, жара, кажется, дошла до наибольшаго своего предѣла, а воздухъ сдѣлался сильно тяжелымъ, разслабляющимъ. Неохотно двигались руки рабочихъ, не весело щелкали ихъ молота по камнямъ, сильно, во весь ротъ, зѣвалось имъ и Могутову и, несмотря на лѣнивую работу, потъ ручьями катился по ихъ лицамъ, дрянныя ситцевыя рубахи прилипали къ тѣлу и были мокры, холодная вода, поглощаемая часто и съ жадностью, не освѣжала, а еще болѣе отягощала.

— Душитъ.

— И не сказывай... Брюхо чуть не лопнетъ.

— Пьешь, пьешь, а гляди—опять те къ водѣ тянетъ.

— Къ ночи Богъ дождикъ дастъ.

— Гляди, кабы ранѣй не скупался.

— Спалось опосля обѣда, а ротъ те такъ и тянетъ, ажно скулы трещатъ.

— Эвто оно къ грому.

Въ это время Могутовъ рѣшилъ читать наизусть «Коробейниковъ». «На что лучше,—думалъ онъ.— Чтеніемъ разгоню нудьгу и себѣ, и имъ». Ему пришло на мысль спѣть начало «Коробейниковъ», такъ какъ начало похоже на пѣсню молодаго коробей-

нина, и если похвалять, то можно прямо сказать, не хотите ли, молъ, послушать эту пѣсню до конца; а если равнодушны будутъ, то можно и прекратить попытку знакомить ихъ съ «Коробейниками». Но онъ скоро нашелъ пѣніе фальшивымъ и прямо сказалъ:

— А что, братцы, ходятъ по вашимъ деревнямъ коробейники?

— Какъ не ходить, ходятъ.

— Эвтого добра есть.

— Бабу на деревнѣ не укаравулишь, кабы не явти купцы.

— Такъ, такъ! Не уберечь бабу, кабы не явти купцы.

— Хотите,—началъ Могутовъ, когда рабочіе замолчали,—я вамъ разскажу исторію съ двумя коробейниками?

— Разскажите, баринъ, а мы послухаемъ, — сказалъ дядя, первый разъ употребивъ окончаніе множественнаго числа.

«Не насмѣшка ли это?»—испуганно подумалъ Могутовъ и посмотрѣлъ на дядю и рабочихъ, кромѣ Птахи, злое лицо котораго онъ не хотѣлъ теперь видѣть. Рабочіе смотрѣли на него. Дядя смотрѣлъ серьёзно. Лица другихъ рабочихъ смотрѣли съ любопытствомъ, безъ усмѣшки, которая невольно выдаетъ простаго человѣка и его мысль: гдѣ, молъ, тебѣ знать, какъ и что дѣлается у насъ, у простыхъ людей?

Могутовъ успокоился, но все-таки съ сильнымъ волненіемъ началъ читать:

Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча.
Пожалѣй, моя зазнобушка,
Молодецкаго плеча!
Выйди, выйди въ рожь высокую,
Тамъ до ночки погожу,
А завижу черноокую,—
Всѣ товары разложу.
Цѣны самъ платилъ не малыя,—
Не торгуйся, не скупись:
Подставляй-ка губки алыя,
Ближе къ молодцу садись.

Онъ остановился, чтобы перевести духъ, такъ какъ волненіе стѣснило дыханіе; но эта остановка была такъ кстати. Послѣ прочитанной имъ удалой, самонадѣянной пѣсни или думы моло-

даго парня начинался стихъ поэта-повѣствователя, и, для оттѣненія одного отъ другаго, необходима остановка и измѣненіе голоса. Онъ опять посмотрѣлъ на рабочихъ. Рабочіе медленно и тихо постукивали молотами и смотрѣли по-прежнему; одинъ только Птаха упорно и зло смотрѣлъ и по его искривленному рту можно было заключить, что онъ, какъ ястребъ, караулилъ Могутова, чтобы напасть на него, поднять на смѣхъ, доказать, что ложь и чепуха—рѣчь барина о коробейникахъ, что гдѣ же барину знать, какъ ведутся дѣла на деревнѣ. Птаха не зналъ, что устами Могутова говорило вѣщее слово поэта, который самъ прошелъ горе и нужду, который зналъ народное горе и радость и повѣдалъ міру о нихъ въ дивныхъ стихахъ, какъ не повѣдать о своемъ горѣ и радостяхъ самому народу. Могутовъ оправился и продолжалъ чтеніе почти безъ волненія:

Вотъ и пала ночь туманная,
Ждетъ удалый молодецъ.
Чу, идетъ!... пришла желанная,—
Продаетъ товаръ купецъ.
Катя бережно торгуется,
Все боится передать.
Парень съ дѣвицей цѣлуется,
Проситъ цѣну набавлять.

Робость окончательно покинула Могутова. Онъ самъ увлекся правдивымъ, звучнымъ стихомъ поэта, и ему невольно сообщался тотъ творческій даръ, который посѣщаетъ актера и чтеца, когда они проникаются вполнѣ своею ролью и, безсознательно, по вдохновенію, мѣняютъ голосъ, жесты,— словомъ, все то, что заставляетъ зрителя и слушателя не видѣть актера, а видѣть того героя, котораго изображаетъ актеръ,—слышать только то, что читаетъ чтецъ, позабывъ самого чтеца. Въ такую роль чтеца вошелъ Могутовъ. Онъ, какъ бы ему самому жаль было разставаться съ только-что нарисованною картиною поэта, гдѣ нѣтъ роскошной обстановки, гдѣ краски просты, но гдѣ жизнь ключомъ бьетъ въ двухъ лицахъ,—продолжалъ:

Знаетъ только ночь глубокая,
Какъ поладили они.
Расцрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!

Онъ опять остановился, но не за тѣмъ, чтобы посмотрѣть, какъ слушаютъ рабочіе, а какъ останавливается, уходитъ въ себя всякій человѣкъ послѣ сильнаго впечатлѣнія. Далѣе онъ читалъ горячо, какъ бы читаемое вырывалось изъ его собственной души, отъ восхищенія предъидущею картиной:

Ой, легка, легка коробушка,
Плечъ не рѣжетъ ремешокъ!
А всего взяла зазнобушка
Бирюзовый перстенекъ.
Далъ ей ситцу штуку цѣлую,
Ленту алую для кось,
Поясокъ—рубаху бѣлую
Подпоясать въ сѣнокось;—
Все поклала ненаглядная
Въ коробъ, кромѣ перстенька:
«Не хочу ходить нарядная
Безъ сердечнаго дружка!»
То-то дуры, вы, молодочки!
Не сама ли принесла
Полуштофчикъ сладкой водочки,
А подарковъ не взяла?...
Такъ постой же! Нерушимое
Обѣщаньице даю:
У отца дитя любимое!
Ты попомни рѣчь мою:
Опорожнится коробушка,
Подъ Покровъ домой приду
И тебя, душа зазнобушка,
Въ Божью церковь поведу...

Когда Могутовъ читалъ:

Эй, Ѳедорушки! Варварушки!
Отпирайте сундуки!
Выходите къ намъ, сударушки,
Выносите пятаки!—

рабочіе перестали бить камень и, устремивъ глаза въ пространство, внимательно слушали. Одинъ только Птаха все еще, хотя и очень-очень медленно, постукивалъ молотомъ. Когда же Могутовъ читалъ:

Подошла война проклятая,
Да и больно ужь лиха.
Гдѣ бы свадебка богатая—
Цапъ въ солдаты жениха!
Врагъ дуритъ—народу горюшко!
Точитъ русскую казну,
Краситъ кровью Черно морюшко,
Корабли валитъ ко дну.
Переводъ свинцу да олову,
Да удалымъ молодцамъ...
Весь народъ повѣсилъ голову,
Стонъ стоитъ по деревнямъ.
Ой, бабье неугомонное
Полно взапуски ревѣть!
Причитанье похоронное
Надъ живымъ-то рано пѣть.
Не уймешь ихъ... Какъ отпѣтаго
Парня въ городъ отвезутъ,
Бабы сохнутъ съ горя этого,
Мужики въ кабакъ идутъ....

пересталъ и Птаха стучать, погрузился онъ весь въ слухъ, устремивъ, какъ и его товарищи, неопредѣленно въ пространство глаза... Но вотъ и голосъ чтеца дрогнулъ и началъ дышать тою неподдѣльной искренностью, которая бываетъ такъ рѣдка даже въ актерѣ, во время которой актеръ забываетъ все и послѣ которой онъ не скоро приходитъ въ себя: театръ уже превратился въ бурю хлопанья и крика, а актеръ, забывшій гдѣ онъ и что онъ, какъ бы просыпается отъ этой бури и сперва стоитъ въ недоумѣніи, потомъ нехотя кланяется, досадуя, что унесли его изъ сладкой грёзы, что унесли его изъ міра поэзіи въ дѣйствительный міръ шума, рукоплесканій, гама, нарядныхъ дамъ, франтоватыхъ мужчинъ и всякаго сброда нарядовъ на галлереѣ. Могутовъ въ это время читалъ думы Катерины, которая часто не спала по цѣлымъ ночамъ, хотя тяжелая доля заставляла ее изо всей моченьки молотить по утрамъ, стлать ленъ до поздней ноченьки по росистымъ лугамъ, косить траву, жать рожь.

Стелетъ ленъ, а неотвязная
Дума на сердцѣ лежитъ:
«Какъ другая дѣвка красная

Молодца приворожитъ?...
Какъ измѣнитъ?... Какъ засватаетъ
На чужой на сторонѣ?...»
И у дѣвки сердце падаетъ:
«Ты женись, женись на мнѣ!
Ни тебѣ, ни свекру-батюшкѣ
Николи не согрублю,
Отъ свекрови, твоей матушки,
Слово всякое стерплю.
Не дворянка, не купчиха я,
Да и нравомъ-то смирна,
Буду я невѣстка тихая,
Работящая жена.
Ты не нудь себя работою:
Силы мнѣ не занимать,—
Я за милаго съ охотою
Буду пашенку пахать.
Ты живи себѣ гуляючи
За работницей-женой,
По базарамъ разъѣзжаючи,
Веселися, пѣсни пой!
А вернешься съ торгу пьяненькій,
Накормлю и уложу:
«Спи, пригожій, спи, румяненькій!»
Больше слова не скажу.
Видитъ Богъ, не осердилась бы,
Обрядила бы коня,
Да къ тебѣ и подвалилась бы,—
Поцѣлуй, дружокъ, меня!...»

Предъ глазами Могутова носился въ это время образъ Лели, его сестры-друга. Некрасова читалъ онъ, а думы и грёзы — о Лелѣ, которая, гдѣ-то далеко, скучаетъ о немъ, такъ думаетъ о немъ, какъ Катерина о молодомъ коробейникѣ. И дрожалъ его голосъ тою дрожью, которая заставляетъ сжиматься сердце слушателя, вызываетъ слезы на глаза у слабаго нервами человѣка.

И человѣкъ съ такими слабыми нервами былъ среди слушателей Могутова. Птаха сидѣлъ въ это время понуривъ голову и слезы изъ его, всегда злыхъ, глазъ тихо текли по его худымъ, морщинистымъ и грязнымъ щекамъ. О чемъ онъ плакалъ? — Вспо-

нилъ ли онъ свое сватовство за деревенскую красавицу, Катерину, какъ не согласилась она идти за него, тогда еще браваго парня, но и тогда уже съ злыми глазами и такою же рѣчью;—какъ не захотѣлъ онъ, послѣ отказа любимой имъ дѣвушки,—любимой со всѣмъ пыломъ и страстью молодости,—искать другую, не захотѣли его дерзкія, самоувѣренныя рѣчи литься въ страстномъ упоеніи въ другой разъ;—какъ бросилъ онъ деревню, очутился въ городѣ еще самоувѣреннѣе, еще задорнѣе, но грусть и злоба подтачивали мало-по-малу эту самоувѣренность и... и скоро превратился онъ, когда-то «сорви-голова» добрый деревенскій молодецъ, въ городскаго, испитаго, злаго, оборваннаго рабочаго пролетарія?... Или вспомнилъ онъ, какъ любимую имъ и любящую его деревенскую красавицу отдали за немилаго, на зло и погибель его самого, или какъ попала она въ барскую усадьбу, и съ нимъ та же исторія? Или... Богъ знаетъ о чемъ думалъ Птаха, когда слушалъ думы Катерины «Коробейниковъ» и когда слезы тихо текли изъ его глазъ, по его худымъ, морщинистымъ щекамъ!...

Думы дѣвичьи, завѣтныя,
Гдѣ васъ всѣ-то отгадать!...
Легче камни самоцвѣтные
На днѣ моря сосчитать.....

продолжалъ читать далѣе Могутовъ.

Безъ перерыва со стороны слушателей дочиталъ онъ до конца эту живую, какъ сама жизнь, эту могучую и сильную, какъ могучъ и силенъ русскій народъ, но грустную ноему, какъ грустна жизнь русскаго народа. Подъ конецъ чтенія онъ усталъ и голосъ его немного хрипѣлъ, когда онъ читалъ:

И мірскія, и питейныя
Тотчасъ власти собрались.
Молодцу скрутили рученьки:
«Ты вяжи, вяжи меня,
Да не тронь мои онученьки!»
— Ихъ-то намъ и покажи!...
Поглядѣли: подъ онучами
Денегъ съ тысячу рублей—
Серебро, бумажки кучами.
Утромъ позвали судей.
Судьи тотчасъ все довѣдали

(Только денегъ не нашли!),
Погребенью мертвыхъ предали,
Лѣсника въ острогъ свезли...

Рабочіе продолжали сидѣть молча. Могутовъ утеръ рукавомъ рубахи потъ съ лица и началъ стучать молотомъ по камнямъ. Онъ доволенъ былъ молчаніемъ рабочихъ. Онъ зналъ по себѣ, что когда глубоко бываетъ пораженъ человѣкъ видѣннымъ или слышаннымъ, то невольно входитъ внутрь самого себя и только долго спустя раздѣляетъ свои впечатлѣнія съ другими,—и онъ приписывалъ, и, кажется, безошибочно, молчаніе рабочихъ этому самодумью,—и былъ доволенъ, и бойко стучалъ его молотъ по камнямъ, хотя сиротливо и скучно разносились кругомъ его одиночіе удары. Прошло минуты двѣ. Вотъ слышно уже два стучащихъ молота, потомъ три и скоро защелкали молотами всѣ рабочіе,—защелкали порывисто и скоро,—и только молотъ Птахи, начавшій стучать послѣ всѣхъ, стучалъ не въ тактъ съ другими: онъ отставалъ и на два удара другихъ рабочихъ слышался его одинъ ударъ. Разбитые нервы Птахи не скоро приходили въ свое обыкновенное состояніе и нехотя они поднимали его руки съ молотомъ, и тихъ былъ ударъ его молота.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Кто скрывается часто подъ видомъ немолодой горничной богатаго барскаго дома.

I.

За полчаса до начала чтенія Могутова изъ парка вышла женщина. На видъ ей было лѣтъ подъ двадцать пять, а по костюму она походила на не очень молодую старшую горничную или ключницу, которыя бываютъ въ домахъ знатныхъ помѣщиковъ и богатыхъ сановниковъ. На ней не было кринолина, которые носили въ то время всѣ женщины въ городахъ, отъ старой и дряхлой барыни до маленькой семи-восьмилѣтней барышни.... Но черное шерстяное платье женщины, вышедшей изъ парка, не висѣло на ней такою дудкой, какъ висятъ платья на пожилыхъ уже совсѣмъ старшихъ горничныхъ и ключницахъ, которыя лѣтомъ поверхъ рубахи надѣваютъ только платье, такъ какъ въ юбкахъ имъ уже очень жарко, а франтить имъ не къ лицу, но которыя безъ большаго чернаго кашемироваго платка на шеѣ никакъ не могутъ обойтись, считая его необходимою

принадлежностію своихъ лѣтъ и своего солиднаго званія, и который, т. е. платокъ, онѣ носятъ всегда, какъ носитъ всегда ленточку, манисты или крестикъ на шеѣ всякая молоденькая женщина, какъ носитъ всегда аксельбанты офицеръ генеральнаго штаба... Такой черный нашемировый платокъ, былъ и на вышедшей изъ парка женщинѣ. Лицо ея выглядывало солидно, взглядъ покойный, губы плотно сжаты, темные волосы зачесаны гладко въ косы и косы сложены на затылкѣ и приколоты чернымъ костянымъ гребнемъ. Цвѣтъ лица—здоровый, кожа чистая, слабосмуглая и на лицѣ не игралъ румянецъ, который—искуственный или естественный—всегда играетъ на лицахъ барынь такихъ лѣтъ, какія имѣла она. Только тонкія черныя брови и черные большіе глаза ея, смотрѣвшіе болѣе смѣло, чѣмъ бы это слѣдовало для горничной, да еще книга въ рукахъ—наводили на вопросъ: точно ли она принадлежитъ къ штату богатаго сановника.

Женщина сѣла подъ самымъ близкимъ къ рабочимъ деревомъ, развернула книгу и начала читать ее. Она почти каждый день въ этомъ мѣстѣ и въ это время читала книгу въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Рабочіе и Могутовъ видѣли ее, но не обращали на нее особаго вниманія.

Когда Могутовъ кончилъ чтеніе и рабочіе начали уже стучать молотами, женщина подошла къ нимъ.

— Извините,—начала она, обращаясь къ Могутову,—что я вамъ помѣшаю. Мнѣ хотѣлось...

Она замялась. Ея большіе черные глаза, смотрѣвшіе на Могутова, вдругъ опустились, когда онъ, въ своемъ грязномъ, неприличномъ въ присутствіи женщины, нарядѣ, положивъ молотъ на плечо, вскинулъ на нее свои большіе глаза. Она машинально ворочала въ рукахъ книгу и улыбалась, какъ улыбается школьникъ, когда нежданное появленіе наставника застало его за производствомъ смѣшной штуки надъ товарищемъ, когда онъ робко и заикаясь говоритъ, что это не онъ, ей-богу не онъ, но не успѣвшая сгладиться отъ веселой штуки улыбка на его лицѣ выдаетъ его.

— Я вотъ тутъ встрѣтила, кажется, французскую фразу... Я хотѣла,—я не знаю языковъ,—хотѣла продолжать чтеніе безъ перевода, но слѣдующее выходитъ непонятно,—говорила она съ перерывами.—Мнѣ показалось,—я вонъ тамъ въ лѣсу читала,—что вы знаете французскій языкъ и будете такъ добры, что не откажетесь перевести мнѣ... Я вамъ скажу за это великое спа-

сибо!—закончила она, сказавъ послѣднюю фразу отъ души, какъ умѣютъ говорить только женщины, когда желаютъ, чтобы просьба ихъ была непремѣнно исполнена.

Могутовъ былъ плохой знатокъ женской мимики. Ему казалось, что улыбка на лицѣ женщины—насмѣшка надъ нимъ и надъ его чтеніемъ «Коробейниковъ», которое она, навѣрно, слышала, сидя такъ близко отъ рабочихъ. Ему стало досадно; онъ хотѣлъ отвѣтить, что столько же знаетъ толку въ иностранныхъ языкахъ, какъ свинья въ апельсинахъ.—«Но зачѣмъ я буду лгать?—подумалъ онъ.—Да и за что отвѣчать ей грубо? Пусть смѣется. Я не виноватъ, если вышло смѣшно... И она не виновата, если имѣетъ впечатлительные нервы...»

— Давайте!—сказалъ онъ громко.—Если не очень трудныя фразы, переведу.

Она открыла книгу и пробѣжала строки.

— Я сейчасъ найду,—сказала она и начала скоро перелистывать страницы.—Вотъ это, подавая книгу и держа палецъ на французскихъ фразахъ, сказала она.

— J'aimais les fleurs, les bals, la musique et mon mari, qui était beau,—прочиталъ онъ и перевелъ.

— Вотъ еще здѣсь, и она опять скоро перелистовала страницы.

— Est ce ma faute, si je trouve parfoat les bornes, si ce qui est fini n'a pour moi aucune valeur?—прочелъ онъ и перевелъ, когда она отыскала эти фразы въ книгѣ и подала ее.

— Такъ сиверно, когда не знаешь языковъ,—говорила она.—Просто хоть перестань читать многія русскія книги. У меня на дому съ десятокъ книгъ отложено въ сторону, потому что въ нихъ встрѣчаются французскія и нѣмецкія фразы... Вы, вѣроятно, и по-нѣмецки знаете?

— Немного знаю,—нехотя отвѣтилъ Могутовъ и приподнялъ молотъ.

— Какая я чудачка!—продолжала женщина.—Я еще не сказала вамъ спасибо, какъ обѣщала, а ужъ опять имѣю къ вамъ просьбу... Очень, очень вамъ благодарна! Великое спасибо вамъ!—горячо сказала она и протянула ему свою руку.

Онъ опустилъ молотъ, посмотрѣлъ на свою руку и, найдя ее грязною и потною, вытеръ объ рубашку, взялъ ею руку женщины и, какъ всегда, пожалъ ее крѣпко.

— Не можете ли вы помочь мнѣ перевести иностранныя фразы и въ другихъ книгахъ? Я бы была премного благодарна...

Я отсюда живу очень близко: пятый домъ отъ угла, на правой сторонѣ вотъ той улицы,—указывая на ближайшую къ мосту улицу, говорила она.—На домѣ вывѣска: «Акушерка Апутина»—это и есть я. Можетъ-быть вы сегодня зайдете?

Могутовъ молчалъ. Онъ вспомнилъ о тѣхъ пустыхъ фразахъ, переводъ которыхъ сдѣлалъ, и думалъ, что, вѣроятно, для такихъ же пустыхъ фразъ она проситъ его и на домъ; но когда она назвала свою фамилію, ему показалась она знакомой и онъ думалъ: гдѣ онъ слышалъ подобную фамилію?

— Такъ вы зайдете сегодня?—спросила акушерка робко.

— Хорошо, зайду,—сказалъ онъ, не рѣшивъ, гдѣ онъ слышалъ фамилію Апутиной...

— Благодарю васъ!... Пока до свиданья,—сказала акушерка и хотѣла идти.

— А вы, барыня, нашего барина чайкомъ напойте,—обратился Дмитрій къ акушеркѣ,—а то мы его до васъ не пустимъ.

Онъ сказалъ это серьезно, какъ будто и впрямь могъ не пустить барина, если акушерка не пообѣщаетъ угостить барина чаемъ. Всѣ улыбнулись.

— Хорошо. Я непремѣнно угощу вашего барина чаемъ. Можетъ и вы бы зашли ко мнѣ, вмѣстѣ съ бариномъ, на чай?—улыбаясь сказала акушерка, довѣрчиво глядя на Дмитрія.

— Благодаримъ покорно. Вотъ ужо баринъ навчитъ на языкахъ болтать, то мы за барина къ вамъ на чаекъ хаживать будемъ,—отвѣтилъ тоже улыбаясь Дмитрій.

— Ну, такъ прощайте, госпожа,—сказала она и пошла тихой походкой. Дорогой она думала, какъ это иной разъ дѣлается все вдругъ, и не такъ, какъ предполагалось, а между тѣмъ—тоже очень недурно. Она хотѣла подойти и прямо попросить Могутова къ себѣ на короткое время для нѣкотораго, очень важнаго, дѣла, а какъ подошла, то и струсила... «Богъ знаетъ, откуда взялся французскій языкъ, просьба перевести сейчасъ и потомъ—перевести на дому... Но, во всякомъ случаѣ, вышло недурно, даже очень хорошо. Звать такъ, Богъ вѣсть зачѣмъ, было бы странно, а такъ—вышло очень хорошо... Но какая я до сихъ поръ барышня,—краснѣла, заикалась!... Придетъ ли онъ?... А я отгадала, что онъ изъ ученыхъ... Придетъ ли?—Придетъ»—подумала она и вздохнула.

А рабочіе, послѣ ухода акушерки, начали полудновать.

— А што, Митро, наши бабы такъ-то тужатъ на деревнѣ?— сказалъ Иванъ подъ конецъ ѣды.

— А какъ знать... Може которой и на свѣтѣ нѣту, — серьезно отвѣчалъ Дмитрій.

— Дядя Сидорычъ, а дядя Сидорычъ!—говорилъ Иванъ, глядя на Птаху.—Што, у те на деревнѣ баба есть?

— Чаво?—сердито прохрипѣлъ Птаха.

— Баба, говорю, на деревнѣ есть, аль нѣтъ?

— А тебѣ што?

— Мнѣ-то?... Мнѣ ничего,—такъ говорю.

Рабочіе сѣли за работу.

— Пойдемъ, Сидорычъ, коробъ носить,— сказалъ Яковъ.

— Дѣло,—сказалъ Дмитрій.—А капиталъ у васъ есть?

— У Сидорыча есть... Есть у тя, Сидорычъ, капиталъ эфтотъ?

Птаха сидѣлъ угрюмый. Рабочіе обращались къ нему ласково, вызывали его на разговоръ, какъ бы совѣтуя разговоромъ разогнать грусть и хандру; но ихъ участіе еще болѣе раздражало его. Послѣ вопроса Якова о капиталѣ онъ вскинулъ на него свои злые глаза, швырнулъ молотъ, порывисто сорвалъ съ ногъ оборы, всталъ, накинулъ на плечи зипунъ, напялилъ на голову истасканную шапчонку и скоро пошелъ отъ рабочихъ.

— Куда эфто, Сидорычъ?—спросилъ дядя.

— Куды?... Въ кабакъ — вотъ куды!— рявкнулъ Птаха въ отвѣтъ.

— Загулялъ теперь Сидорычъ,—сказалъ одинъ изъ рабочихъ, когда Птахи и слѣдъ простылъ.

— Пока зипунъ не пропьетъ, не жди касатки,— сказалъ Дмитрій.

— Такъ, такъ!—вздохнувши сказалъ дядя и почесалъ себѣ въ затылкѣ.

Разговоръ затихъ. Работа шла медленно и вяло. Воздухъ становился все болѣе и болѣе удушливымъ, — съ запада медленно ползла черная туча и закрывала собою четверть неба.

— Будя дождь.

— Какъ не быть,—инь кака!...

— А што, дяди, утекать, аль нѣтъ?

— Поброшимъ пока што,—отвѣчалъ дядя.

Могутовъ сидѣлъ насупившись. Онъ сперва досадовалъ на себя, на свое чтеніе, которое взбудоражило Птаху и погнало его въ кабакъ; но, прійдя къ заключенію, что червякъ, точившій

Птаху, и безъ чтенія погналъ бы его въ кабакъ,—только не сегодня, а завтра или послѣ-завтра,—онъ началъ думать о Птахѣ, о причинѣ его злости и жалкаго вида, о средствахъ къ исправленію подобныхъ натуръ... И скоро онъ забылъ и Птаху, и рабочихъ, и самого себя, и весь погрузился опять въ сладкія грёзы о дивной фабрикѣ, на которой, какъ въ раю, нѣтъ ни печали, ни воздыханія, но счастіе безконечное.

— А што, дядя, помнишь ты эфту войну?—спросилъ Иванъ.

— Гдѣ не помнить,—не махонькій о той поры былъ!—сказалъ дядя.

— Ну, и што, дядя?... Какъ эфта война была?—спрашивалъ Иванъ.

Дядя молчалъ.

— Разкажь, дядя, про войну!—сказалъ Дмитрій.

— Чего разсказывать?... Слыхалъ, какъ баринъ сказывалъ, такъ само и было,—отвѣтилъ дядя.

Черная туча заволокла половину неба. Солнце было далеко подъ тучей, лучи его не проникали изъ-подъ нея, не окрашивали нигдѣ тучи въ пурпуровые цвѣта,—рано наступили сумерки.

— Шабашъ!—крикнулъ Дмитрій.—Нудьга, а не работа,—шабашъ!

— И то пора,—сказалъ дядя.

— А къ барышнѣ, знать, не пойдете?—спросилъ Дмитрій Могутова, когда рабочіе двинулись къ своей квартирѣ и онъ шелъ съ ними вмѣстѣ.

— Надо пойти,—сказалъ онъ, вспомнивъ данное слово.

— Сходите, баринъ, сходите,—говорилъ дядя,—а мы ужо вечеру оставимъ, мать кашицу въ печь поставитъ... Коли тамъ што, у барыни-то, а дома—тепленькая кашица.

— Ну, такъ прощайте пока,—сказалъ Могутовъ и повернулъ въ улицу, указанную акушеркой.

II.

Домъ, на углу котораго была прибита небольшая, сѣрая дощечка, съ надписью на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: «Акушерка М. П. Ашутина»,—былъ небольшой деревянный, съ мезониномъ, въ три окна на улицу. Съ улицы не было входа и Могутовъ вошелъ на дворъ. На дворѣ играли два мальчика лѣтъ по девяти.

— Какъ мнѣ пройти къ акушеркѣ Ашутиной? — спросилъ онъ у мальчика.

— Къ тетѣ Машѣ?... Вонъ туда,—указывая на мезонинъ, звонко говорилъ одинъ изъ мальчиковъ. — Я васъ провожу къ тетѣ Машѣ.

— А вы ей племянникомъ будете?—спросилъ Могутовъ мальчика, идя вслѣдъ за нимъ по лѣстницѣ.

— Нѣтъ, это мы такъ. Она у насъ живетъ и мы ея знакомые. Мы ее тетей Машей такъ зовемъ... Тетя Маша! васъ какой-то господинъ спрашиваетъ, — стуча въ дверь мезонина, кричалъ мальчикъ.

Дверь отворилась и на порогѣ появилась акушерка.

— Ну, спасибо, что пришли. Войдите, пожалуйста. Ты мѣшаешь пройти,—беря мальчика за руку и потянувъ его къ себѣ, сказала акушерка.

— Я пойду, тетя Маша,—тамъ Гриша дожидается.

— Ну, съ Богомъ, только дай дорогу.

— Прощайте, тетя Маша! — кричалъ мальчикъ, сбѣгая съ лѣстницы.

Могутовъ, пройдя что-то въ родѣ кухни, вошелъ въ комнату и прищурилъ глаза отъ внезапнаго свѣта лампы.

— Позвольте вашу шляпу, — беря отъ него и кладя ее на стулъ у дверей, говорила акушерка.—Я васъ посажу вотъ сюда,— слабо держа Могутова за руку и подводя къ дивану, продолжала она,—а сама сяду вотъ тутъ, противъ васъ, и начнемъ прежде всего чайничать. Мнѣ страшно ѣсть и пить хочется. Я обыкновенно пью чай поздно, но сегодня рано проголодалась и прожаждалась... Можно сказать прожаждалась?—наливая чай въ стаканы, спросила она.

— Полагать надо, можно, а впрочемъ не знаю,—оглядывая акушерку, сказалъ онъ.

Акушерка была безъ платка, въ темномъ шерстяномъ платьѣ и казалась совсѣмъ другою. Ея большіе, черные глаза сильно блестѣли и смотрѣли гордо, умно, солидно-покойно; толстыя косы волосъ на головѣ не были заколоты гребнемъ на затылкѣ, а распущенныя и заброшенныя назадъ, казалось, тянули своею массивностью ея голову за собою,—и голова ея была поднята гордо вверхъ, а темный цвѣтъ волосъ, вмѣстѣ съ темными бровями и темнымъ платьемъ, смягчалъ смуглость ея лица, придавалъ ему матовую бѣлизну; на щекахъ замѣтенъ былъ румянецъ,

около тонкихъ, плотно-сжатыхъ, губъ была улыбка и ея мужественное, крупное лицо, съ большимъ блестящимъ лбомъ, было красиво, дышало силой и отвагой молодости. Она не имѣла и тѣни подобія не только съ горничными, но и съ особами, занимающими гораздо болѣе самостоятельное положеніе въ обществѣ.

«Совсѣмъ другой стала»,—подумалъ Могутовъ и началъ осматривать комнату.

Комната была не большая, но просторная и ярко освѣщена лампой. По срединѣ одной стѣны стоялъ диванъ, обитый пестрымъ ситцемъ, а у дивана—большой круглый столъ, покрытый бѣлою, чистою скатертью; на столѣ — небольшой, хорошо вычищенный самоваръ, тарелки съ сыромъ, масломъ, ветчиною и хлѣбомъ, два стакана, полоскательная чашка, металлическій чайникъ, полированный ящикъ для чая и сахара—все чистенькое, блестящее. У одной изъ стѣнъ стоялъ комодъ, а у прочихъ стѣнъ—шесть стульевъ. Стѣны были оклеены обоями, но были голы и только надъ диваномъ висѣла гравюра лермонтовскаго демона, склоняющагося надъ спящею Тамарой и нашептывающаго ей свои страстныя рѣчи, отъ которыхъ она полна нѣги, страсти и боязни. Изъ этой комнаты вела дверь въ другую комнату. Дверь была завѣшана черной коленкоровою занавѣской, подобранною по срединѣ и отведенною къ одной сторонѣ, такъ что, присмотрѣвшись, можно было замѣтить въ этой комнатѣ неширокую кровать, покрытую синимъ шерстянымъ одѣяломъ, этажерку съ тремя-четырьмя десятками книгъ, платяной шкафъ и на стѣнѣ, немного выше этажерки, въ темныхъ, простенькихъ рамочкахъ, фотографическія карточки Бѣлинскаго, Добролюбова и Чернышевскаго; на этажеркѣ лежало маленькое складное зеркало, гребешокъ и стояли будильникъ и банка помады.

— Я очень люблю чай,—говорила акушерка, подавая Могутову стаканъ,—и для меня чаепитіе—священнодѣйствіе... Лампа должна горѣть ярко, самоваръ—блестѣть и ворковать, какъ котъ, когда у него чешутъ за ухомъ. А сама я должна сидѣть вотъ такъ,—и она уперлась спиною въ спинку стула, а голову откинула назадъ, такъ что лицо смотрѣло въ потолокъ.—Потомъ я начинаю припоминать прошедшее,—сперва, какъ я была маленькой дѣвчонкой... Потомъ выпиваю стаканъ чаю,—сказала она, помолчавъ, и начала пить чай. Окончивъ стаканъ чая, она хотѣла опять наливать его, но, посмотрѣвъ на Могутова, на его

нетронутый стаканъ, она сложила руки на груди и смотрѣла на него шутливо-повелительнымъ взглядомъ, которымъ умѣютъ смотрѣть только женщины и которымъ онѣ повелѣваютъ всегда сильнѣе, чѣмъ мужчина своимъ самымъ грознымъ, съ насупившимися бровями, взглядомъ.—Я просить васъ не буду,—казалось, говорилъ взглядъ акушерки,—но если вы не будете пить и ѣсть, то нарушите мое священнодѣйствіе, и я тоже не буду пить и ѣсть, буду скучная и буду вотъ такъ смотрѣть на васъ.

Онъ сидѣлъ прижавшись къ спинкѣ дивана, какъ человѣкъ послѣ дождя и вьюги попавшій въ теплую, покойную комнату,—сидѣлъ безъ мысли, безъ движенія, только посматривая на акушерку, на всю обстановку, а самому было хорошо, тепло, уютно. Но вотъ онъ увидѣлъ дѣтски-наивный гнѣвъ на ея лицѣ; вотъ онъ, какъ будто, понялъ ея взглядъ, улыбнулся и посмотрѣлъ на нее просящимъ взглядомъ, который какъ будто говорилъ: — «извольте, я буду ѣсть и пить, только не трогайте меня, дайте мнѣ покойно смотрѣть, а вы говорите, смѣйтесь, только не отходите отъ меня». Онъ началъ скоро ѣсть буттерброды и пить чай.

— Прекрасно,—беря отъ него стаканъ и наливая ему и себѣ чай, начала она.—Вы устали, хотите отдохнуть?... Ну, я васъ не буду трогать... Потомъ я вспоминаю недавнее прошлое. Ахъ, какое это хорошее время было! Сколько жизни было тогда!... Потомъ я начинаю мечтать. Отчего это, думаю, смотря на эту гравюру, — она смотрѣла на гравюру лермонтовскаго демона,—нѣтъ прежнихъ демоновъ? Куда дѣвался полный сарказма Мефистофель? Гдѣ тотъ гордый, немного стыдливый демонъ Лермонтова? Гдѣ герой-гражданинъ, сатана Мильтона? — Пропали, ихъ нѣтъ! И мнѣ становится жаль, что они пропали, что жизнь безъ нихъ стала какой-то сѣренькой, буржуазной... И мнѣ начинаетъ рисоваться эта жизнь. Вотъ стоятъ красивыя, нарядныя женщины и такіе же мужчины; они улыбаются, что-то говорятъ, что-то дѣлаютъ. Я прислушиваюсь прежде всего къ голосу женщинъ,—вѣдь я сама женщина, — и до меня доходятъ все одни и тѣ же слова: «J'aimais les fleurs, les bals, la musique et mon mari, qui était beau». Я присматриваюсь къ ихъ дѣятельности и вижу, что всѣ эти «женщины возятся, точно бѣлка въ колесѣ, въ самыхъ мелочныхъ воззрѣніяхъ и стремленіяхъ, такъ же малопримѣнимыхъ къ жизни, какъ женскія ножницы къ рубкѣ лѣса, что имъ и въ голову не приходило быть чѣмъ-нибудь лучшимъ птички, вѣчно охорашивающейся, вѣчно порхающей съ мѣста на

мѣсто по влеченію прихоти; что нѣкоторыя изъ нихъ недовольны жизнію, потому что имъ негдѣ взять мелочей, въ которыхъ онѣ полагаютъ все свое счастіе, а не потому, что въ жизни міріады мужчинъ и женщинъ гибнутъ подъ гнетомъ порока и нищеты» *). Женщины становятся мнѣ противны, гадки, и я прислушиваюсь къ мужчинамъ, присматриваюсь къ ихъ дѣятельности и вижу, что «мужчины не могутъ не любить женщинъ и, такимъ образомъ, становятся рабами мелочныхъ побужденій, мелочныхъ существъ; такимъ образомъ въ нихъ подавляется всякое великое дѣло, всякое возвышенное стремленіе изъ-за существъ, которыя тратятъ жизнь на вздоръ» **), въ которомъ нѣтъ ничего общаго съ мужскою жизнью. Мнѣ становятся противны и мужчины. Я закрываю глаза, но у самыхъ моихъ ушей раздаются болѣзненные крики рожающихъ женщинъ, ихъ жалкія, страдающія лица и сморщенныя, некрасивыя, только-что явившіяся на свѣтъ дѣти... Мнѣ становится противно, гадко, я вскакиваю,—она вскочила со стула,—и вотъ такъ начинаю ходить по комнатѣ.

Она начала скоро и большими шагами ходить по комнатѣ, порывисто поворачиваясь у стѣнъ и ломая одною рукой пальцы другой, при чемъ суставы пальцевъ громко хрустѣли.

— Потомъ я сажусь опять на мѣсто и пью чай,—сказала она черезъ минуту, садясь на стулъ, и смотрѣла на Могутова тѣмъ же, просящимъ взаимности, взглядомъ.

Они молча ѣдятъ буттерброды и пьютъ чай.

— Потомъ,—продолжала она,—когда стаканы были выпиты и опять налиты,—я сажусь въ прежнюю позу,—она опять сѣла, откинувшись на спинку стула,—и громко декламирую:

Охъ, будетъ съ насъ купцовъ, кадетовъ,
Мѣщанъ, чиновниковъ, дворянъ,
Довольно даже съ насъ поэтовъ,
Но нужно, нужно намъ гражданъ!
Но гдѣ-жь они?...

Она глубоко вздохнула и, немного помолчавъ, сказала тихо:

А если есть онъ между нами,
Какими плачетъ онъ слезами!!...

— Затѣмъ моя поза мѣняется,—продолжала она, опять немного помолчавъ,—я кладу руки на столъ, склоняю на нихъ

*) «Феликсъ Гольтъ, радикалъ», романъ Джорджа Эліота. Спб. 1867 г., стр. 123.
**) Тамъ же, стр. 124.

мою несчастную голову и начинаю плакать... Но сегодня я не буду плакать,—мнѣ сегодня очень весело, какъ никогда еще не было. Вотъ еслибы вы превратились въ разбойника и начали душить меня, я продолжала бы смѣяться и говорила бы: души меня, пожалуйста, души! Мнѣ сегодня весело, я сегодня счастлива и желаю умереть веселой и счастливой... Ха-ха-ха! — засмѣялась она громко.

— Отчего вы не разбойникъ и не душите меня?—спросила она немного погодя и лицо ея приняло видъ разсердившейся старшей горничной. Онъ невольно улыбнулся, а она разразилась громкимъ смѣхомъ.

— Отчего же вы не спросите причину моей веселости?—продолжала она, успокоясь отъ смѣха.—Я нашла гражданина, который былъ «даже чуждъ душѣ поэта», и этому радуюсь... Нарисовать вамъ его?... Онъ крѣпокъ тѣломъ, суровъ на видъ, но у него добрые, хотя и задумчивые, даже немного угрюмые глаза. Онъ работаетъ съ простымъ народомъ его тяжелую работу и въ то же время развиваетъ его голову, но не душу,—душа народа всегда была лучшею душой... Онъ развиваетъ головы рабочихъ, чтобы потомъ измѣнить къ лучшему жизнь съ помощью рабочихъ, такъ какъ гражданинъ понялъ, наконецъ, что безъ участія народа онъ ничего не можетъ сдѣлать для блага родины, для счастья всѣхъ людей...

— Знаете ли что?—начала она опять немного погодя и гораздо живѣе.—Вотъ я завяжу узелокъ на одномъ концѣ платка, потомъ вотъ такъ возьму платокъ, — она взяла платокъ такъ, что поверхъ руки видны были только четыре коротенькихъ кончика, угловъ, платка,—и вы выберите, какой хотите, кончикъ, потомъ я пущу платокъ, и если на вашемъ кончикѣ будетъ узелокъ, то вы первый познакомите меня съ собой, а если нѣтъ, то я начну первая знакомить васъ съ моей персоной. Хотите?

Онъ сидѣлъ по-прежнему, но вотъ ему показалось, что отъ него требуютъ чего-то страшнаго, и онъ сдвинулъ брови.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу слушать! Я буду первая начинать,—замѣтивъ измѣненіе его лица, продолжала она.—Только я буду при этомъ ходить, и она начала тихо ходить по комнатѣ и знакомить «съ своею персоной».

«Я была крѣпостной дѣвкой у князя.... Мнѣ было тогда пятнадцать лѣтъ, я знала русскую грамоту и жила съ своими господами въ Петербургѣ, когда былъ объявленъ манифестъ

о волѣ. Мои господа давали мнѣ большое, по ихъ словамъ, жалованье, шесть рублей въ мѣсяцъ, и просили остаться по-прежнему горничной при барышняхъ, но я, какъ отъ розогъ, убѣжала отъ нихъ. Въ то время въ Петербургѣ были воскресныя школы, и я, сама не помню какъ, очутилась тамъ, а оттуда попала на квартиру, гдѣ жило много такихъ же, какъ и я, только-что освобожденныхъ, крѣпостныхъ дѣвушекъ. Днемъ насъ учили студенты и профессора, а вечеръ и до полночи смѣлыя и бойкія изъ насъ,—а я была такой,—на квартирахъ у студентовъ слушали чтеніе нашихъ поэтовъ, горячія рѣчи объ ихъ произведеніяхъ, о цѣли жизни и о свободѣ, равенствѣ и братствѣ, какъ говорили, смѣются, студенты... Дорогое, невозвратно прошедшее время!»

Она сѣла на стулъ и задумалась. Ея высокая грудь сильно волновалась.

«Здѣсь душно»,—сказала она и посмотрѣла на окна. Окна были отворены, на дворѣ было тихо, было одиннадцать часовъ, но душный воздухъ не прохлаждалъ комнаты. Она закрыла крышкой самоваръ, сдѣлавъ это механически, такъ какъ самоваръ давно заглохъ и захолодѣлъ.

«Кажется, такъ голодный не бросается на хлѣбъ, какъ я и подобныя мнѣ бросились на ученье,—продолжала она, опять заходивъ по комнатѣ.—Чрезъ два года я знала французскій и нѣмецкій языки и была умница, какъ любая барышня изъ самыхъ благородныхъ. На фортепьяно, правда, не умѣла играть, но пѣла по нотамъ. Потомъ... потомъ быстро, страшно быстро все перемѣнилось, ты Богъ видишь зачѣмъ и для чего... Начались нехорошія вещи... Идутъ студенты по Невскому проспекту въ своихъ красивыхъ мундирахъ и треуголкахъ, при шпагахъ, по два въ рядъ, а мы, любуясь на нихъ, какъ мальчишки за обезьяной, слѣдуемъ за ними.... Солдаты, смѣхъ, крикъ.... на площадкѣ около университета.... Большой пароходъ идетъ раннимъ утромъ отъ Петропавловской крѣпости внизъ по Невѣ и надъ Невою несутся громкіе, молодые голоса студентовъ, которыхъ увозили въ Кронштадтъ.... Хотите я вамъ спою ихъ тогдашнюю пѣсенку?

И, не дожидаясь отвѣта, она запѣла сильнымъ и чистымъ контральто, на голосъ изъ Травіаты:

Свобода!... Друзья поскорѣй собирайте пожитки,
Теперь мы избавились пытки.

Свобода!... Скажите, какому въ Европѣ народу
Давали такую свободу!...

Она сѣла на стулъ, щеки ея горѣли яркимъ румянцемъ, высокая грудь тяжело дышала, глаза сильно блестѣли, а округленныя руки, какъ вѣеромъ, махали концами толстыхъ черныхъ косъ. Лицо ея строго смотрѣло на гравюру, глаза горѣли гнѣвно, грудь порывисто дышала; она встала и медленно заходила по комнатѣ.

«А мы—я и такія, какъ я—мы плакали, ломали руки, сильно учились и берегли свою невинность и свободу.... Жизнь дѣлалась все скучнѣй и скучнѣй, пошли въ ходъ концессіи, усилилось чтеніе газетъ и уменьшилось число толстыхъ журналовъ; вмѣсто орловъ, улетѣвшихъ далеко, полѣзли изъ щелей самыя мелкія мошки и букашки.

«Теперь я считаюсь лучшей акушеркой въ городѣ, имѣю большую практику и, кромѣ того, перевожу для одного журнала англійскіе романы. Я къ вамъ подходила сегодня съ корректурными листами «Феликсъ Гольтъ» Эліота въ моемъ переводѣ, изъ котораго сейчасъ говорила вамъ длинныя тирады о мужчинахъ и женщинахъ.... Что же вамъ еще добавить?... Ну, я люблю гулять въ паркѣ, люблю тамъ, подъ деревьями, читать, люблю слушать, какъ говорятъ рабочіе свои короткія и очень ужь нехитрыя фразы... У меня шевелятся въ это время мысли... много мыслей».

Она немного помолчала и сѣла рядомъ съ нимъ на диванъ.

— Потомъ я увидѣла васъ среди рабочихъ,—начала она опять тихо, съ перерывами, но не робко,—и долго, цѣлые дни, смотрѣла на васъ, на ваше суровое и вмѣстѣ съ тѣмъ доброе лицо... Потомъ я не могла отогнать мыслей своихъ отъ васъ... Я слышала, какъ вы читали «Коробейниковъ» сегодня.... Я подошла къ вамъ, просила зайти ко мнѣ.... Теперь сижу около васъ... Хочу цѣловать тебя!—громко и внятно выговорила она и, обхвативъ его шею руками, горячо поцѣловала его, а потомъ голова ея склонилась ему на плечо.

Онъ по-прежнему сидѣлъ, прижавшись къ спинкѣ дивана. Онъ слышалъ все, но ему казалось, что это происходитъ во снѣ, и онъ боялся пошевельнуться, чтобы не улетѣлъ сладкій сонъ. Прошла минута. Она подняла голову съ его плеча, тихо и бережно повернула его голову лицомъ къ своему лицу и молча смотрѣла на него.

— Да, я люблю тебя!—заговорила она, продолжая всматриваться въ него.—Люблю какъ брата, друга, любовника... Какой мужественный видъ у моего любовника!... Но у него добрые, угрюмо-мягкіе глаза, какъ у дѣвушки,—сказала она подумавъ.—У него морщина на умномъ лбу,—онъ много любитъ думать, думы глубоко западаютъ и сильно волнуютъ его... Да, я люблю тебя!... Говорю это громко и безъ краски стыда, но съ сладкимъ и скорымъ біеніемъ сердца.—Она притянула его голову къ себѣ, поцѣловала его въ лобъ, потомъ хотѣла отвести его голову, но голова не слушалась бережнаго и легкаго усилія ея рукъ. Онъ порывисто обнялъ ее, прижалъ къ себѣ и страстно, горячо осыпалъ ее поцѣлуями....

Прошла минута, другая. Голова ея лежала у него на груди, онъ гладилъ рукою ея волосы и тихо говорилъ.

— Я тоже одинъ. Я тоже буду любить тебя, моя дорогая! Ты будешь моимъ другомъ, моей гражданской женой.... Я тоже все только читалъ и учился; слушалъ, смотрѣлъ, думалъ и только... Не покидай меня, люби меня!... Ты не покинешь меня, да? Да, дорогая моя?—и онъ опять цѣловалъ ее....

А на дворѣ разразилась гроза, не предупредивъ о себѣ даже самымъ легонькимъ вѣтеркомъ. Ударъ за ударомъ разносились съ грохотомъ кругомъ, гремѣлъ громъ, почти безъ перерыва, молніи освѣщали землю и лилъ ливмя дождь. Гроза продолжалась долго. Долго молніи освѣщали чрезъ открытое окно комнату въ мезонинѣ, но пусто было въ ней....

III.

Гроза прошла и къ началу третьяго часа ночи небо было чисто отъ тучъ. Въ это время акушерка, въ короткой блузѣ и въ туфляхъ, вышла изъ спальни. Она подошла къ окну. Было видно далеко отъ ночной зари, но восхода солнца еще не было и признаковъ. Она улыбнулась и подошла къ самовару, протянула къ нему руку, но не взяла его,—руки опустились и она медленно и тихо пошла посмотрѣть на спящаго Могутова, подняла занавѣсъ и стала около нея. Въ комнатѣ было темно. Она взяла свѣчу съ этажерки, зажгла ее и, со свѣчой въ рукѣ, опять стала у приподнятаго занавѣса. На постелѣ, бокомъ, лежалъ Могутовъ, положивъ подъ голову одну руку, а другую откинувъ на сторону; голая, смуглая, грудь его тихо дышала, глаза закрыты, лицо

блѣдно, одѣяло сиолзло въ одну сторону. Ей вспомнилась Селика «Африканки» Мейрбера, когда она въ тюрьмѣ поетъ колыбельную пѣсню надъ спящимъ Васко-де-Гамеосо.

«Да, таковъ былъ долженъ быть и Васко, — думала она. — Онъ такъ же долженъ спать спокойно... Онъ совершилъ свой долгъ, такъ что ему за дѣло до тюрьмы?... И какъ даже дикарка Селика любитъ его за это, жертвуетъ своею жизнью!... Я — твоя Селика, я ничего не пожалѣю для тебя»,—и она тихо, тихо запѣла пѣсню Селики надъ спящимъ Васко:

Солнца сынъ, мой ненаглядный,
На груди моей усни!
Ты, листъ лотоса священный,
Его вѣжды осѣни!

«Но я разбужу его, — подумала она. — Да, я буду твоей любовницей, но не женой,—продолжала она думать.—Ты будешь свободенъ со мной, я всегда отпущу тебя на твой корабль и, съ улыбкой одобренія, благословлю на смѣлый путь... Боже!— она тихо склонилась на колѣни,—если Ты видишь, если Ты есть на небѣ, дай ему и мнѣ силу быть до конца честными, полезными для родины людьми! Наставники, дорогіе сыны родины!— глядя на фотографическія карточки, продолжала она говорить сама съ собою, стоя на колѣняхъ, — довольны ли вы нами?... И неужели и онъ будетъ тамъ?!—сильно блѣдная, съ горящими страхомъ и ужасомъ глазами, продолжая смотрѣть на фотографіи, думала она. — Смерть отъ чахотки или.... О, Боже! будетъ жертвъ!... Уже много,—о, страшно-много было ихъ!... Помоги своею божественною силою двинуться впередъ моей родинѣ, и пусть Твои лучшіе сыны кончатъ жизнь не такъ, какъ они!».... Изъ глазъ ея полились слезы....—«Есть времена, есть цѣлые вѣка, въ которые нѣтъ ничего желаннѣе, прекраснѣе терноваго вѣнка»... Да, это такъ... Клянусь предъ вами, наставники, клянусь,—утирая слезы изъ глазъ, продолжала она говорить сама съ собой,— что бы ни грозило ему, я не буду помѣхой его цѣлямъ! Я буду двигать, если будетъ нужно, его впередъ, придавать ему энергію, облегчать горе, но пусть Господь убьетъ меня своимъ небеснымъ громомъ, если я буду тормозомъ на пути его жизни!»

Она встала съ колѣнъ, посмотрѣла на него долгимъ взглядомъ и вышла въ залъ. Взявъ со стола самоваръ, она ушла съ нимъ въ кухню и тамъ, тихо распѣвая колыбельную пѣсню

Селики, налила воды въ самоваръ, расколола ножомъ на мелкія спички сухую щепку, собрала спички въ руку, тонкими концами внизъ, запалила ихъ на свѣчкѣ и, когда спички разгорѣлись, опустила ихъ въ самоваръ. «Я для тебя покинула отчизну, забыла родину, домъ царскій свой» — начала она было напѣвать, стоя около самовара, но дымъ, повалившій изъ него, заставилъ ее закашляться, и она отошла немного далѣе отъ него. Она засучила рукава блузы, подошла къ умывальнику и начала умываться. Она умывалась долго, и ея руки только тогда перестали складываться въ чашечку и лить воду на лицо, когда умывальникъ опустѣлъ. Съ поднятыми руками она вошла въ залъ, мокрою рукой достала ключъ изъ кармана блузы, улыбнулась, когда ключъ издалъ чуть слышный щелкъ, отпирая ящикъ комода, достала изъ ящика полотенце и медленно утерлась имъ. Потомъ она осторожно собрала со стола посуду, тихо ушла съ нею въ кухню, перемыла и перетерла ее, достала изъ шкафчика бѣлый хлѣбъ и чашку съ водой, въ которой лежало масло, нарѣзала хлѣба, положила на тарелку масло, обрѣзала засохшіе края у вчерашнихъ сыра и ветчины и осторожно опять унесла все въ залъ. Самоваръ кипѣлъ, когда она вернулась въ кухню. Она прикрыла его крышкой, унесла въ залъ, заварила чай и прикрыла чайникъ полотенцемъ.

«Кажется, все въ порядкѣ», осмотрѣвъ столъ и комнату, подумала она, и еще осторожнѣе вошла въ спальню и вернулась оттуда съ своимъ платьемъ, складнымъ зеркаломъ и гребешкомъ. Она улыбалась, когда, глядя въ зеркало, поправляла свои волосы и когда, одѣвшись совсѣмъ, еще разъ посмотрѣла въ него. Она подошла къ растворенному окну. Востокъ начиналъ алѣть, гдѣ-то на дворѣ пѣтухъ прохлопалъ крыльями и его громкое кукареку нарушило мертвую тишину уходящей ночи. «Я пойду пройдусь», сказала она самой себѣ и осторожна пошла опять въ спальню. Вернувшись оттуда съ платкомъ, будильникомъ, бурнусомъ и календаремъ, она посмотрѣла, въ которомъ часу восходитъ солнце, поставила будильникъ на полчаса послѣ восхода, покрыла голову платкомъ, надѣла бурнусъ, заперла дверь, положила ключъ въ карманъ и вышла на улицу.

Было свѣтло, замѣтно было утреннее волненіе воздуха; на пустой улицѣ было тихо, свѣжо и легко дышалось. Она, продолжая напѣвать ту же пѣсенку, ни о чемъ не думая, тихо шла по шоссе и только, поровнявшись съ рядами камней въ сто-

ронѣ, остановилась и, подумавъ, подошла къ камнямъ. Она сѣла на камень, на которомъ обыкновенно работалъ онъ.

«Да, да! Такъ, какъ онъ, надо приготовить себя,—думала сидя она.—Мы всѣ доселѣ были чужды народу, и наша жизнь была печальна и грустна. Нужно пройти съ народомъ его суровую жизнь, и потомъ съ нимъ, великимъ и могучимъ, работать для блага и счастья всѣхъ, а не для себя только... А трудно это, тяжело!... Какой онъ грязный... Тяжелый трудъ!... На этомъ мѣстѣ онъ и сегодня будетъ сидѣть. Придетъ и начнетъ бросать камень, вонъ, съ той клѣтки, сюда... Попробую я набросать ему. Я, съ перваго дня твоей работы здѣсь, слѣжу за тобой,—я знаю хорошо твой день здѣсь». Она сняла бурнусъ, засучила рукава платья и начала швырять камни съ клѣтки. Она была сильна: маленькіе камни ловко летали, а большіе она съ легкою натугой подымала, прижимала къ груди и относила,—и только отъ непривычки грудь ея ускоренно дышала, руки брали неловко камни, они царапали кожу на рукахъ, но она ничего не замѣчала.

— Какой чортъ тамъ возится?— разбуженный стукомъ камней, сердито сказалъ городовой, дремавшій у Тучкова моста.—Кажись, лапотники еще не приходили,—какому лѣшему возиться тамъ?—бормоталъ онъ и, держа правую руку на эфесѣ шашки, торопливо пошелъ къ камнямъ.—Можетъ убійство... Проклятая служба!... Гимнастикой изволите, сударыня, заниматься? — подозрительно обходя клѣтки и заглядывая въ промежутки между ними, спросилъ городовой.

— Да,— продолжая бросать и носить камни, отвѣтила она.

— А по какой это надобности и для какой это цѣли изволите, сударыня, спозаранку гимнастикой заниматься? — подозрительно оглядывая акушерку, спрашивалъ городовой уже болѣе мягкимъ голосомъ, такъ какъ ничего подозрительнаго, а главное—убійства, не было пока видно.

— Мнѣ не спалось,—пошла гулять. Пришла сюда,—захотѣлось камни бросать. Я видѣла, какъ рабочіе набрасываютъ, дай и я набросаю одному изъ нихъ,—авось спасибо скажетъ.

Лицо ея горѣло румянцемъ и имѣло самый беззаботный видъ.

— Экое счастіе парню выпало! — совершенно успокоясь и подсмѣиваясь надъ странною фантазіей сударыни, говорилъ городовой.—Будетъ уже, сударыня, а то вонъ изъ пальца кровь идетъ, да и съ непривычки надорваться можно...

Она посмотрѣла на кучу наброшенныхъ камней. Ей показалось, что камней довольно для сегодняшняго дня. Она сильно вздохнула, надѣла бурнусъ и, переводя духъ, сказала:

— И то, довольно.

Востокъ началъ золотиться. Она взошла на Тучковъ мостъ, свѣсилась на перила и, напѣвая все ту же пѣсенку, безъ мыслей смотрѣла на Малую Неву. Раскинувшись широко, какъ въ сладкомъ снѣ съ дивными грёзами, едва замѣтно двигалась темная масса воды Малой Невы и только у ледорѣзовъ моста она нехотя какъ-то, меланхолически и вяло, тѣснилась, вздрагивала и тихо что-то бредила. Городовой прошелъ по мосту. Рѣка покрылась пятнами и полосами. Въ маленькое окошко внизу баржи, стоявшей у берега, кто-то выплескивалъ воду. По мосту проѣхала телѣга.

— А эфто знаемая барыня,—услышала она знакомый голосъ и оглянулась. Рабочіе, товарищи Могутова, проходили мимо нея.

— Здраствуйте вамъ, барыня! — говорили нѣкоторые и всѣ приподнимали шапки.

— Добраго утра вамъ!—отвѣчала она.

— А баринъ нашъ, чай, ужо постукиваетъ? — спросилъ Дмитрій.

— Нѣтъ, вашъ баринъ спитъ, но онъ скоро придетъ.

— Пущай его поспитъ.

— Пущай на здоровье поспитъ.

— Эфто точно: пущай на доброе здоровье поспитъ, — сказалъ дядя.

Рабочіе прошли. Она тихо пошла домой.

IV.

Шумъ и звонъ будильника разбудилъ Могутова. Онъ вскочилъ съ постели, протеръ глаза и осмотрѣлъ кругомъ. Въ спальнѣ было темно, но чрезъ приподнятый занавѣсъ видна была свѣтлая комната, слышенъ былъ шумъ самовара. Онъ быстро одѣлся. Лицо его стало задумчиво, губы подались къ верху и у рта образовалась брюзгливая гримаса.

«И это любовь!—думалъ онъ.—И это—то, что тысячи поэтовъ описываютъ и описывали и все не находятъ словъ, мыслей и образовъ для вѣрнаго изображенія?!...»

Онъ сѣлъ на постель и опустилъ голову на руки. Въ его головѣ начали мелькать герои и героини русскихъ и иностранныхъ романовъ, рисовались сценки любви, слова героевъ, робкія рѣчи героинь; ему вспомнилась Леля, молодая, красавица, добрая, смѣлая и вѣрующая въ него, съ устремленными на него большими, ангельскими голубыми глазами, и его слова: «я люблю тебя, Леля, какъ сестру, какъ друга,—больше этого, Леля, какъ сорокъ тысячъ братьевъ вмѣстѣ любить не могутъ!...»

«Гдѣ ты теперь, моя дорогая?... Быть-можетъ любишь и любима?... Или, какъ я, поддалась первому впечатлѣнію и бросилась на него?... Нѣтъ, она еще дитя, она любитъ меня, не измѣнитъ мнѣ. А я?... Почему у меня сжалась грудь, кровь прихлынула къ головѣ, какъ только явилась мысль, что она полюбила другаго?... Еслибъ я ее не любилъ, этого бы не было... А что же такое здѣсь?... Нѣтъ, я люблю ее... Леля—сестра и только...» Грудь сжалась по привычкѣ, какъ дѣлалось это прежде, при воспоминаніи о сестрѣ.

Онъ отгоняетъ мысли объ Лелѣ и начинаетъ думать о ней, о себѣ, о только-что прошедшей ночи. И вотъ она, его первая дѣйствительная любовь, его гражданская на самомъ дѣлѣ жена, какъ живая, сидитъ на стулѣ противъ него, съ гордо закинутою назадъ головой, и онъ слышитъ ея звучную, страстную, умную рѣчь. Лицо его приняло веселый видъ.

«Да, это—любовь, это страсть, это бываетъ разъ въ жизни и мнѣ улыбнулись счастье и любовь!... Я теперь не одинъ и меня любятъ».

Онъ вскочилъ съ постели и торопливо вошелъ въ залъ. Въ залѣ было свѣтло и свѣжо отъ растворенныхъ оконъ. Онъ прищурился, обвелъ глазами комнату, замѣтилъ приготовленный для чая столъ, шумѣвшій самоваръ; ему вспомнился будильникъ. Онъ улыбнулся и пошелъ въ кухню, гдѣ ему бросилось въ глаза бѣлое полотенце. Онъ постоялъ, потомъ подошелъ къ умывальнику, умылся, и запахъ свѣжаго полотенца пріятно щекоталъ его обоняніе. Онъ попробовалъ отворить дверь на лѣстницу.

— Вы меня заперли?... Ну, хорошо,—сказалъ онъ громко, думая, что она за дверьми и слышитъ его,—вы убѣжали, такъ я безъ васъ буду пить чай.

Онъ вернулся въ залъ, сѣлъ на свое вчерашнее мѣсто на диванъ и опять осмотрѣлъ комнату кругомъ.

«Теперь будемъ пить чай... Нѣтъ, какой я тутъ хозяинъ!... Возьму книгу, буду читать и дожидать васъ, тебя, моя дорогая!... А что если, какъ Подколесинъ въ «Женитьбѣ» Гоголя, въ окошко?... Откуда такія глупыя мысли идутъ въ голову?»

Онъ подошелъ къ этажеркѣ.

«Все акушерство, — глядя на верхнюю полку съ книгами, думалъ онъ.—Добролюбовъ, Некрасовъ, Тургеневъ,—читалъ онъ на переплетахъ книгъ на нижней полкѣ.—Ну, вотъ и почитаемъ Ивана Сергѣевича.

Онъ сѣлъ на диванъ, открылъ книгу на-угадъ и хотѣлъ было начать читать, но ему не читалось. Ему опять лѣзъ въ голову вопросъ: любовь ли это?

«Не укралъ ли я ея первую любовь? — И въ его головѣ опять закружились героини и герои романовъ.—Да, да, — думалъ онъ немного погодя.— Ромео и Джульета полюбили другъ друга съ перваго раза и при первомъ же свиданіи объяснились въ любви.... Татьяна Пушкина не продолжительнѣй тебя знала Онѣгина, какъ написала ему письмо. А княжна Мери Лермонтова?... Тамъ и не было любви,—тамъ только задѣтое самолюбіе... Ну, а у васъ, Иванъ Сергѣевичъ, какъ любятъ? — Наташа полюбила Рудина скоро и только слыша его сладкія рѣчи... Елена полюбила Инсарова, слушая только разсказы Берсенева и насмѣшки Шубина о немъ и послѣ двухъ свиданій,— да, она только два раза видѣла его... Лиза полюбила Лаврецкаго только за его грустный видъ, что онъ—одинокъ, и полюбила до монастыря, до самоубійства... Ну, и я одинокъ, жалкаго вида дѣтина, такъ отчего же не полюбить и меня?... Я жалче, навѣрно жалче, Лаврецкаго, но я моложе... Она меня видѣла «разъ по пяти въ день и четыре дня подъ рядъ», какъ она сама сказала... Да, она любитъ тебя, дурня! Она доказала это, а ты-то, ты любишь ли ее?... Не воръ ли ты?...»

Онъ задумался. Въ головѣ носились сцены прошедшей ночи, мелькали картины прошедшей жизни, рисовался образъ Лели, вспоминались слова героевъ, которымъ онъ особенно сочувствовалъ; но все это носилось безъ яснаго отвѣта на мучившій его вопросъ: любитъ ли онъ ее? Онъ сдвинулъ брови, губы сжались, щеки втянулись въ ротъ, а въ головѣ опять проносилась прошедшая ночь и слышались ея слова, мысли ея о томъ, какъ нужно работать съ народомъ и для народа... И, вмѣсто отвѣта на вопросъ, въ его головѣ нарисовалась громадная, земной рай-

фабрика, застучали молоты, зашумѣли машины, хлюпали ремни, визжали пилы, пылалъ огонь подъ котлами, свистѣлъ и шумѣлъ паръ, волновалась масса народа, двигались громадные обозы... Но, вотъ, наступило время обѣда, раздался протяжный, далеко слышный свистокъ,—и счастливые, довольные, съ улыбающимися лицами, съ шутками и пѣснями идутъ изъ фабрики рабочіе и рабочія по квартирамъ; и онъ и она, также счастливые и довольные, среди рабочихъ, идутъ въ свою, такую же какъ и у рабочихъ, но очень миленькую квартиру.

— А Леля?—вскрикнулъ онъ громко.

И онъ опять, съ тѣмъ же угрюмымъ видомъ, сидитъ и думаетъ, и опять, вмѣсто отвѣта на вопросъ, такъ горячо и громко заданный себѣ, въ голову лѣзетъ совершенно постороннее.

Въ дверяхъ щелкнулъ замокъ и послышались тихіе шаги. Мысли отхлынули отъ него, видѣнія пропали, сердце забилось, и онъ, со словами: я люблю, люблю тебя!—стоитъ у дверей съ протянутой рукой, съ глазами робко-нетерпѣливо смотрящими на дверь. Дверь отворилась. Она подала ему руку и, не глядя на него, закраснѣвшаяся, снимаетъ другою рукой бурнусъ и платокъ съ головы... Онъ крѣпко сжалъ ея руку и, не глядя на нее, безсознательно наклонилъ свою голову и страстно цѣловалъ ея руки разъ, другой, третій...

— О, какой вы джентльменъ! — поднимая глаза на него и бросая платокъ на стулъ, сказала она. — Вы отлично спали и теперь смотрите такимъ красавчикомъ. Я хочу поцѣловать вашъ лобъ,—и она нагнула его голову и поцѣловала его въ лобъ только разъ, но крѣпко и горячо.

— А я гуляла и повстрѣчала вашихъ товарищей. Они шли на работу, сказали мнѣ здравствуйте, а я имъ сказала, что ихъ баринъ—соня, что онъ измѣнилъ имъ, промѣнялъ ихъ на меня.

Она сѣла на свой вчерашній стулъ, а онъ очутился на диванѣ и робко посматривалъ на нее.

— Нѣтъ, шутки въ сторону!—продолжала она, наливая чай.— Теперь свѣжее, ясное утро,—приготовьте мнѣ буттербродъ,—нѣтъ духоты вчерашняго вечера и ночи (она подала ему стаканъ чая, а онъ ей буттербродъ), мы хорошо видимъ другъ друга, — и я должна вамъ сказать, сказать серьезно, что я люблю васъ, люблю разсудкомъ и страстью, но вы — свободны... Любите меня, — продолжала она гораздо тише, — покуда можете, пока не полюбите сильнѣе другую женщину, и продолжайте ваше дѣло,

какъ бы я и не существовала... Моя любовь не будетъ васъ стѣснять... Но если вамъ будетъ скучно, если захочется вамъ подѣлиться мыслію, если тяжело, очень тяжело будетъ у васъ въ головѣ и на сердцѣ, — приходите ко мнѣ. Я буду слушать васъ, буду дѣлиться съ вами своими мыслями... Я горячо прижму васъ къ себѣ и сниму своимъ поцѣлуемъ тяжесть, гнетущую подчасъ насъ, женщинъ, да, вѣроятно, и васъ, мужчинъ.

Она говорила это сидя, съ откинутою головой на спинку стула, когда же окончила, то выпрямилась и, не глядя на него, начала пить чай. По мѣрѣ ея говора, лицо его дѣлалось серьезнымъ, а когда она кончила, онъ пристально и долго смотрѣлъ на нее.— «Почему она не посмотритъ на меня? Нѣтъ, я долженъ серьезно говорить съ ней», подумалъ онъ и, дѣйствительно, серьезно заговорилъ, но не то, что думалъ сперва сказать. Онъ хотѣлъ сказать, что онъ любитъ ее горячо и крѣпко, что пусть она испытаетъ, если у ней есть сомнѣніе, пусть потребуетъ отъ него все, что хочетъ, только не брака, такъ какъ онъ далъ слово не вступать въ бракъ... Но вмѣсто этого онъ разсказалъ ей, какъ онъ проснулся отъ будильника, какъ и о чемъ онъ думалъ, съ какими словами онъ подбѣжалъ къ двери на встрѣчу къ ней.

Она внимательно слушала и то серьезно, то улыбаясь смотрѣла на него. «Онъ довѣряетъ мнѣ, онъ уважаетъ меня, онъ понимаетъ меня»,—думала она, по мѣрѣ его разсказа, а когда онъ кончилъ и вопросительно смотрѣлъ на нее, она громко сказала: «онъ любитъ меня!»

Они ѣли буттерброды, пили чай, смѣялись, краснѣли и болтали о прошедшей ночи.

— Сегодня суббота,—говорилъ Могутовъ чрезъ часъ,—я поѣду послѣ работы въ Колпино, заберу вещи и нереѣду въ Питеръ. Я хочу видѣться съ тобой...

Она сдѣлала брюзгливую гримасу.

— Съ вами,—поправилъ онъ.—Я не хочу бывать у васъ грязнымъ.

— Полюбите насъ черненькими, а бѣленькими.... чепуха.... Ну, прощайте до завтра,—сказала она, когда онъ взялъ шляпу и подошелъ къ ней.—Поцѣлуйте меня, только не въ губы, а вотъ сюда, подставляя ему щеку,—докончила она.

Онъ поцѣловалъ ее, пожалъ крѣпко руку и вышелъ.

Она подошла къ окну, свѣсилась черезъ него и, когда онъ проходилъ подъ окномъ, запѣла:

Много красавицъ въ аулѣ у насъ,
Звѣзды сіяютъ во мракѣ изъ глазъ,
Сладко любить ихъ, завидная доля!...
Но веселѣй молодецкая воля.

Онъ поднялъ голову, улыбнулся и проговорилъ на-распѣвъ:

Въ бѣгу ее конный не словитъ,
Въ бѣдѣ не сробѣетъ, спасетъ,
Коня на скоку остановитъ,
Въ горящую избу войдетъ....

И часто можно было видѣть съ того дня, во весь іюль и августъ мѣсяцы, Могутова, идущаго по вечерамъ чрезъ Тучковъ мостъ къ акушеркѣ. Потомъ, начиная съ сентября, его можно было видѣть каждую субботу, вечеромъ, идущимъ по тринадцатой ротѣ Измайловскаго полка, къ одиноко стоящему тамъ маленькому домику, на углѣ котораго была прибита небольшая дощечка, съ надписью на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: «Акушерка М. П. Ашутина». Но не одинъ Могутовъ такъ регулярно посѣщалъ этотъ домикъ. По субботамъ и воскресеньямъ, подъ вечеръ, много простаго народа, рабочихъ съ фабрикъ, приходило въ этотъ домикъ и слушало тамъ, какъ Могутовъ читалъ имъ не запрещенныя цензурой книги, разговаривалъ съ ними о многомъ, но не говорилъ онъ имъ въ то время о бунтѣ, о перемѣнѣ образа правленія, о равномѣрномъ распредѣленіи богатства, о принадлежности женщинъ всякому мужчинѣ, по прихоти ея сердца, что Бога нѣтъ, что душа—клѣточка. Тогда не было еще народныхъ чтеній въ Соляномъ-Городкѣ и другихъ мѣстахъ столицы, и чтенія, и бесѣды Могутова очень походили на теперешнія чтенія въ Соляномъ-Городкѣ, только безъ волшебнаго фонаря. Еслибы даже чуткое ухо прильнуло, по уходѣ рабочихъ, къ дверямъ, ведущимъ изъ большой комнаты въ маленькую, это чуткое ухо могло бы подслушать долгіе разговоры Могутова съ акушеркой о томъ, что мало того, что они дѣлаютъ для этого терпѣливаго, умнаго, но обиженнаго народа. И они обдумывали это большее и другое и въ концѣ концовъ та же дивная фабрика рисовалась имъ, какъ избавленіе отъ всѣхъ золъ и напастей въ сей земной жизни. Что же это за фабрика такая?... Имя и суть фабрики—утопія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Засѣданіе петербургскаго губернскаго земскаго собранія 1867 г. и что происходило послѣ него.

I.

. . . . . .

II.

. . . . . .

III.

. . . . . .

IV.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Зала бунта и крамолы.—Миръ праху твоему!

I.

Еслибы читатель 10 февраля 186* года вошелъ въ парадныя двери института, подошелъ къ извѣстному уже ему швейцару и спросилъ у него: «какъ пройти въ актовую залу», то получилъ бы отъ швейцара сердитый отвѣтъ: «сегодня нѣтъ актовой залы!» И еслибы читатель сдѣлалъ отъ такого отвѣта вопросительную мину, то швейцаръ, какъ очень сообразительный мужчина, отвѣтилъ бы на вашу мину такъ: «вѣрно говорю, что нѣтъ сегодня актовой залы! Я тридцать лѣтъ служу въ институтѣ и всегда была актовая зала, а сегодня ея нѣтъ! Сегодня это—зала бунта, зала крамолы!»—И онъ правъ, читатель! Дѣйствительно, впервые, со дня основанія института, въ тотъ день въ его актовой залѣ была крамола, былъ бунтъ. Съ самаго преобразованія института директоръ его держался либеральной системы. Онъ позволялъ студентамъ имѣть свою кухмистерскую, свою кассу, издавать самимъ, артельнымъ образомъ, записки лекцій,—словомъ, дѣлать все, что облегчаетъ житье небогатаго студента, даетъ возможность ему имѣть сносный и дешевый обѣдъ, призанять немного деньжатъ въ трудную минуту жизни, имѣть читаемыя лекціи за недорогую цѣну; да при этомъ и поболтать, и пошумѣть немного было не возбранено. Сносно жилось студентамъ и довольны они были директоромъ. Но вотъ, два года назадъ, были закрыты кухмистерская и касса и запрещены сходки. Какъ ни грустно это было для студентовъ, какъ

ни сильно ухудшалась ихъ жизнь отъ того, но они мирились съ этимъ, потому что директоръ толково и даже, какъ казалось студентамъ, съ дрожью въ голосѣ и со слезами на глазахъ объяснилъ, что все это—послѣдствіе безумнаго дѣйствія нѣкоторыхъ изъ числа молодежи (онъ намекалъ на дѣло Каракозова). «Но,—въ заключеніе сказалъ онъ,—если начальство увидитъ послушаніе молодежи, увидитъ ея терпѣніе и выносливость въ трудѣ, то взгляды перемѣнятся на молодежь и ей скоро возвратятъ все прежнее». А на то, что трудно будетъ жить студентамъ, что нужда одолѣваетъ ихъ и, въ крайности, рубль негдѣ будетъ занять, а заложить нечего, этотъ добрый директоръ сказалъ:—«Этому горю я помогалъ и буду помогать,—у меня на это есть около тысячи рублей. Кому ихъ давать, чтобы не было надувательства, я буду спрашивать товарищей по курсу. Но это должно остаться между нами»,—прибавилъ онъ. И оставалось это между ними, и были по-старому студенты института смирными и трудолюбивыми молодыми людьми. Но вотъ, мѣсяцъ назадъ, директоръ измѣнился.

Въ новый годъ, въ три часа дня, директоръ узналъ, что его обошли чиномъ и, какъ ему кто-то сообщилъ, что онъ наказанъ за «либерализмъ» и что оный грозитъ ему еще болѣе худыми послѣдствіями. Эти извѣстія сильно опечалили его и онъ, угрюмый и пасмурный, долго ходилъ по кабинету. Вотъ онъ сѣлъ, опустилъ голову на столъ и что-то въ родѣ слезъ подступило къ его глазамъ. «Зачѣмъ Ты покинулъ меня Господи! Зачѣмъ Ты отнялъ ее у меня и оставилъ на моихъ рукахъ трехъ малютокъ?»—говорилъ онъ, вспомнивъ годъ тому назадъ схороненную имъ жену, которая своимъ мягкимъ, добрымъ голосомъ и разсудительными мыслями всегда умѣла успокоивать его и поддерживать на высотѣ его положенія. Онъ сидѣлъ такъ долго, потомъ опять, но уже болѣе спокойно, началъ ходить по кабинету. «Да, да, я былъ слѣпъ,—думалъ онъ.—Я не видѣлъ, какъ шли въ гору люди, круто измѣнившіе своимъ убѣжденіямъ... А я-то что? Вѣдь, я тоже чиновникъ, занимающій извѣстный постъ, и, какъ всякій чиновникъ, службой долженъ пріобрѣсть себѣ подъ старость если не капиталы, то хотя пенсію. Я также долженъ быть послушной, поющею въ унисонъ частью извѣстной части чиновничьяго хора... Да, да!... У меня дѣти, у меня нѣтъ любящей жены, а у малютокъ—матери, и мнѣ не до самопожертвованія собою и ими защищать свои принципы....» И перемѣнился съ

этого дня директоръ института, и скоро узнала объ его перемѣнѣ конференція института, и обрадовалось большинство членовъ ея, и чуть не цѣловали они его за перемѣну, и укрѣпили они ее въ немъ, и заставляли его все шире и шире открыть свои объятія для крутыхъ мѣръ, и, наконецъ, заставили его, чтобы наверстать потерянное время, пуститься въ-запуски по пути— «не потерплю и раззорю!»

Въ концѣ января получено было директоромъ института письмо, въ которомъ директоръ пивоваренаго завода сообщалъ, что, присланный на его заводъ для практики студентъ института, Сластовъ, велъ себя дурно, что онъ позволилъ себѣ нагрубить мастеру и что, поэтому, онъ, директоръ завода, болѣе не пуститъ къ себѣ на заводъ ни этого буяна, ни другихъ студентовъ. Прочитавши письмо, директоръ института сперва хотѣлъ было отвѣтить, что молодость способна ошибаться, горячиться и иногда даже выпить, пошумѣть, но что такой солидный, умный и дорожащій успѣхами русской промышленной и фабричной дѣятельности человѣкъ, каковъ есть онъ, директоръ завода (это былъ нѣмецъ, ни слова не говорящій по-русски и умѣющій только русскими буквами подписывать свою фамилію), только въ первую минуту гнѣва принялъ такія суровыя мѣры, грозящія окончательнымъ паденіемъ русской промышленности, какъ отказывать студентамъ въ практикѣ на ввѣренномъ его опытности и знанію, единственномъ въ Россіи по порядку и научному устройству, заводѣ. Оканчиваться же письмо должно было тѣмъ, что институтъ принялъ самыя суровыя мѣры относительно этого молодаго человѣка, но что институтъ надѣется, что и директоръ завода снизойдетъ на покорнѣйшую просьбу института и дастъ возможность будущимъ студентамъ практиковать, а несчастному, уже наказанному сильно, молодому провинившемуся студенту дастъ возможность окончить практику, если онъ явится самъ съ извиненіемъ и просьбой. Такой отвѣтъ приготовилъ директоръ института директору завода, и онъ уже было хотѣлъ позвать буяна-студента, прочитать ему нотацію и убѣди[illegible] сходить извиниться передъ директоромъ завода и просить его позволить докончить практику, но не долго такая добрая, отеческая мѣра была въ головѣ директора. Она только тогда была въ его головѣ, когда онъ читалъ письмо безъ отношенія къ себѣ, когда промелькнули въ его головѣ, съ одной стороны, и заносчивый, педантическій до глупости характеръ директора-нѣмца, и его величіе [illegible]ское при движеніи по заводу,

и его система выслушиванія сплетенъ, и вѣра въ эти сплетни, если только ихъ подтверждалъ, если о нихъ сообщалъ помощникъ помощника мастера, безконечно лакейская физіономія котораго вызывала невольно къ нему отвращеніе у всякаго при первомъ на него взглядѣ; когда, съ другой стороны, промелькнули въ его головѣ и молодость съ ея спутниками — горячностью, увлеченіемъ, вспышками гнѣва изъ-за невѣрно понятаго слова, бойкими остротами и молодымъ, звонкимъ смѣхомъ при видѣ лжи, педантизма и глупости... Но раздался ли въ это время голосъ его дѣтей, увидѣлъ ли онъ на стѣнѣ портреты своихъ знакомыхъ, далеко двинувшихся впередъ,—только онъ скоро вспомнилъ о томъ, какъ его въ новый годъ обошли чиномъ, и иныя мысли явились у него. «Исключить студента и довести объ этомъ до свѣдѣнія высшаго начальства!» — сказалъ онъ громко; но вдругъ краска стыда разлилась по его лицу, что-то прильнуло горячо къ его сердцу, ударило въ голову и прежнее чувство шевельнулось въ немъ. Онъ задумался... «Пусть конференція знаетъ бумагу и дастъ рѣшеніе на отвѣтъ,— думалъ онъ. — Я долженъ быть точнымъ исполнителемъ ея постановленій и—только. На мнѣ лежитъ хозяйственная часть, а педагогическая и учебная—на конференціи... Но прежде ты не былъ такой,—ты прежде сообщалъ конференціи все, пропустивъ это все чрезъ свою добрую душу и придавъ всему тотъ цвѣтъ, который клала на все твоя добрая душа»,— подсказывало ему прежнее чувство, которое не хотѣло его покидать и которое, какъ ни гналъ онъ его прочь, лѣзло ему въ голову, какъ лѣзетъ въ голову атеиста, помимо его воли, идея божества, и какъ ни маскируетъ атеистъ эту идею, какъ ни гонитъ ее прочь, но часто, помимо его воли, видится ему Христосъ, несущій крестъ на Голгоѳу. «Ну, я даже положу свои два шара за Сластова», — думалъ директоръ, подъ вліяніемъ этого чувства. И доволенъ атеистъ, хотя онъ чувствуетъ, что не ему, влюбленному въ себя, нести тяжелый крестъ Христа, что не ему даже слѣдовать за Христомъ по стопамъ Его, — и доволенъ директоръ, хотя и онъ знаетъ, что не помогутъ студенту его два шара, что поняло громадное большинство конференціи новое, овладѣвшее его душой, чувство—идти по стопамъ міра сего, что потянетъ она его за собой, понимая даже, почему онъ свои шары положилъ за студента. «Нельзя же, господа,—будетъ говорить одинъ другому большинство, — такъ сразу отрѣшиться отъ прошлаго! Но это и хорошо. Наука... мы, предста-

вители науки, мы знаемъ, что только путемъ постепенности доходятъ до усвоенія истины. За то истина усвоивается крѣпко, солидно и ужь навсегда....»

Дѣйствительно, громадное большинство конференціи было возмущено письмомъ директора завода. «О,—говорили многіе члены конференціи,—распущенность современнаго юношества не знаетъ границъ! Современное юношество распущенно, задорно, грубо, дико, не вѣритъ ни во что и ни въ кого!... Пора обуздать, пора принять строгія карательныя мѣры!...» И подъ вліяніемъ этихъ рѣчей постановлено было, безъ провѣрки письма директора завода, безъ опроса Сластова, исключить его изъ института, съ воспрещеніемъ поступать впредь въ высшія учебныя заведенія, довести объ этомъ постановленіи конференціи во всѣ высшія учебныя заведенія въ Россіи и сообщить полиціи, дабы она приняла мѣры, чтобы пострадавшій студентъ не вызвалъ агитаціи въ своихъ товарищахъ.

Послѣдняя мѣра, быть-можетъ, была разумна; но или полиція не приняла быстрыхъ мѣръ для пресѣченія агитаціи въ защиту товарища, или чувство товарищества въ молодыхъ людяхъ, всосанное съ молокомъ матери, глубоко вкоренилось въ нихъ и вспыхиваетъ наружу прежде, чѣмъ даже самая образцовая полиція въ мірѣ (а такая полиція, съ Треповымъ во главѣ, была въ то время въ Петербургѣ) приметъ мѣры для пресѣченія этого чувства,— только на другой день тоскливо и подавленно выглядывали лица многихъ студентовъ и слышались слезы въ голосѣ ихъ, какъ бываетъ все это у людей, сильно подавленныхъ горемъ, но еще не осиленныхъ имъ до слезъ или до борьбы съ обстоятельствами, причинившими его. Такое состояніе грусти продолжалось у студентовъ болѣе недѣли. Злосчастнаго Сластова, вмѣстѣ съ его спутникомъ-жандармомъ, уже давно везла или машина желѣзной дороги, или почтовая телѣга, или, быть-можетъ, онъ былъ уже привезенъ на мѣсто своей родины подъ надзоръ полиціи, когда утихло чувство грусти у студентовъ. Они узнали изъ какихъ-то источниковъ, что Сластовъ не былъ виноватъ, что директоръ завода никого не разспрашивалъ, а повѣрилъ только сплетнямъ, что директоръ и конференція института тоже не разузнавали дѣла, не спросили даже пострадавшаго, а прямо исключили его.... И двѣ недѣли спустя, послѣ засѣданія конференціи, въ первыхъ числахъ февраля, актовая зала института превратилась въ залу крамолы и бунта, и сердито, су-

мрачно смотрѣлъ почтенный швейцаръ института. Да и какъ ему было не сердиться! Только въ этотъ день, въ половинѣ двѣнадцатаго, онъ одиноко сидѣлъ около своего стола въ швейцарской, тогда какъ до этого злополучнаго дня постоянно окружали его съ утра до вечера молодежь-студенты: тотъ спрашиваетъ письмо, тотъ узнаетъ адресъ пріятеля, тотъ вывѣшиваетъ объявленіе о продажѣ книги, другой—о продажѣ пальто; тотъ ищетъ переписки, тотъ—переводовъ, тотъ — уроковъ и т. д. Только сегодня одиноко сидитъ почтенный швейцаръ, и недоволенъ онъ, и сердито поглаживаетъ онъ свои сѣдыя бакенбарды. Были недовольны и профессора, лекціи которыхъ были въ эти часы, которые, войдя въ аудиторіи, нашли ихъ совершенно пустыми и думали, что студенты отказались, наконецъ, и отъ науки, олицетвореніемъ которой они считали себя. Но болѣе всѣхъ былъ недоволенъ, вѣчно ровный, вѣчно защищавшій студентовъ на конференціи, профессоръ Мелентій Меѳодіевичъ Еременъ, на лекціяхъ котораго никогда не бывало болѣе пяти-шести человѣкъ слушателей, ходившихъ по очереди между всѣмъ курсомъ. Въ этотъ злополучный день, потупивъ глаза въ землю, не смотря на лавки, какъ дѣлалъ всегда, онъ вошелъ въ аудиторію, взошелъ на каѳедру, положилъ на нее тетрадь и началъ говорить «о полученіи чего-то изъ чего-то, для полученія жалованья», какъ говорили о предметѣ его чтеній студенты. Но вотъ гдѣ-то раздался оглушительный шумъ, онъ невольно вздрогнулъ и, поднявъ робко глаза, теперь только замѣтимъ, что пусто въ аудиторіи, что онъ нѣсколько минутъ читалъ свою лекцію равнодушнымъ до всего стѣнамъ и лавкамъ. И злобно, быть-можетъ первый разъ во всю его жизнь, сверкнули его всегда меланхолическіе, смотрѣвшіе въ землю, глаза, и, понуривъ ихъ снова въ землю, онъ медленно вышелъ изъ аудиторіи. Какія мысли волновали твою сѣдую голову, какими чувствами дрожали фибры твоего сердца, сколько ударовъ дѣлало оно въ минуту?!...

II.

Большая актовая зала института была полна молодыми, горячими, увлекающимися до дерзости, смѣлыми до глупости студентами. Болѣе восьми сотъ человѣкъ было въ ней, и только по угламъ въ залѣ были клочки пустаго мѣста, а на всемъ остальномъ, на стульяхъ, диванахъ, окнахъ и даже въ дверяхъ, стояли

студенты. Авторъ не бывалъ, читатель, на войнѣ,—ему не удалось это, при глубокомъ его желаніи,—но ему кажется, что ни на одномъ солдатскомъ лицѣ, ни на одномъ лицѣ героя-офицера, даже на лицѣ Скобелева 2-го во время аттаки Ловчи не было столько энергіи, столько жизни, юношеской отваги, какъ на лицахъ почти всѣхъ этихъ молодыхъ людей. Чего хотятъ они?... Трудно разобрать,—въ залѣ шумъ, духота, табачный дымъ.

— Попросить пожаловать къ намъ директора!—гудитъ на окнѣ брюнетъ съ окладистою бородой и густой басъ его покрываетъ шумъ и слышенъ на всю залу.

— Попросить директора!—какъ эхо вторятъ ему десятки голосовъ, руководствуясь только однимъ чувствомъ разгоряченной крови.

— Мы всѣ должны будемъ практиковать на заводахъ и съ нами со всѣми можетъ повториться та же исторія,—говоритъ громко, махая руками, поднятыми вверхъ, надъ головами тѣснившихся около него, молодой, безъусый блондинъ, и по самодовольному, румяному лицу его видно, что онъ принимаетъ себя въ эту пору за сильнаго оратора, говорящаго громкимъ голосомъ великія истины.

— Карьера пропала,—несчастный на всю жизнь!

— Не принимать навсегда и ни въ одно высшее заведеніе—это хуже каторги!

— А вы думаете шуточная вещь надзоръ полиціи?—Это овца среди волковъ!

— Хуже! Это волкъ среди милліона собакъ!

— Просить директора! Позвать директора!

— Всю конференцію подать сюда!

— Желаемъ ихъ только лицезрѣть, а не что-либо прочее!

— Пусть не боятся,— мы—честные люди!

— Другихъ не обижали, но и себя въ обиду не дадимъ!

— Самое большее, что правдивымъ словомъ проймемъ до краски на щекахъ!

— Одинъ, другой языкъ имъ только покажетъ!

— Я узналъ, онъ только сказалъ: «я хотѣлъ у васъ спросить, да васъ не было». А тотъ на него крикнулъ: «такъ вашъ могъ постать, пока мой пришоль». А онъ ему только сказалъ: «я не зналъ, для меня время дорого». И больше ничего не было. А онъ на него: «вонъ!»—говорилъ рыжій баритонъ.

— Проклятый нѣмецъ!

— Какой онъ проклятый, онъ—нѣмецъ!

— Я-бъ его по зубамъ треснулъ!

— Плюнуть въ рыло,—для чего руки портить объ его костлявую рожу.

— Собрали-то ему на дорогу, да мало—всего рублей сто. Скоро его съ пересыльной на вокзалъ увезли. Ну, да ничего, мы ему пошлемъ,—рублей сто уже еще собрали,—говорилъ съ разбитою грудью, желтый, высокій и худой блондинъ, и впалые глаза его блестѣли какимъ-то фосфорическимъ блескомъ, и на его обтянутыхъ кожею костяхъ щекъ были бурыя, чахоточныя пятна.

— Требовать возвращенія!

— Пусть нѣмчура у насъ извиненіе попроситъ!

— Да, да, у всѣхъ извиненія!

— И нѣмчура, и директоръ!

— И вся конференція съ ними!

— Не уйдемъ, пока не возвратятъ!

— Въ дребезги разобью!—и чья-то могучая рука замахивается на стекла оконъ.

Такія слова неслись съ разныхъ концовъ залы,—неслись съ разныхъ мѣстъ вдругъ, заглушая одно другое, — и стоялъ въ залѣ шумъ, шумъ говора восьмисотъ молодыхъ глотокъ, ободряемыхъ воспаленною головой и сильно бьющимся сердцемъ.

— Директоръ идетъ! Директоръ идетъ! — раздается крикъ стоявшихъ у дверей, и толпа смолкла.

Директоръ вошелъ бодро, на лицѣ замѣтна слабая блѣдность, глаза чуть-чуть блестятъ болѣе обыкновеннаго. Онъ вошелъ одинъ, и вошелъ въ самую средину толпы; сопровождавшіе его деканъ и надзиратели остались у дверей. Онъ остановился возлѣ того безъусаго блондина, который воображалъ недавно себя ораторомъ и который, вѣроятно, былъ все еще того же мнѣнія о себѣ, такъ какъ глаза его бойко смотрѣли на стоявшаго противъ него директора. Директоръ окинулъ взоромъ молчаливую толпу, сперва по головамъ, потомъ вокругъ себя, свободно поворачиваясь, такъ какъ толпа пожалась и было довольно простора вокругъ него.

— Чего вы хотите?—обратился онъ къ безъусому блондину.

— Мы просимъ васъ,—бойко и громко отвѣтилъ безъусый блондинъ,—объяснить намъ причину исключенія Сластова. Намъ всѣмъ придется практиковать на заводахъ и съ нами можетъ

повториться та же исторія!—Онъ скоро сконфузился и послѣднія слова проговорилъ уже тише и еще болѣе покраснѣлъ.

— Надѣюсь, что вы не будете грубить служащимъ на заводѣ, гдѣ будете практиковать, и тогда за что же васъ исключать?—сказалъ директоръ.

— Онъ не грубилъ!

— Директоръ завода навралъ!

— Мало ли что они наговорятъ!—загудѣла толпа.

— Ну, а вы почемъ знаете, что онъ не грубилъ?... Вамъ Сластовъ сказалъ, а вы ему и повѣрили?... Конференція, ваши профессора, разобрали дѣло всесторонне и нашли, что, для вашего же блага, нужно наказать Сластова. Да, вы правы,—показывая рукою на безъусаго блондина, продолжалъ директоръ, — вамъ всѣмъ не только придется, вамъ нужно для своей собственной пользы практиковать на заводахъ, и хорошо ли будетъ, если васъ не пустятъ для практики, потому что поступокъ одного дурнаго вашего товарища остался безнаказаннымъ?

— Надо было спросить на конференціи Сластова.

— Его исключили, не спроси его самого!

— Повѣрили письму только!—опять загудѣла толпа.

Директоръ стоялъ, крикъ увеличивался. Онъ поднялъ немного руку, какъ бы желая говорить, и передніе ряды закричали: «Тише! Тише!... Молчаніе, господа!»

— Вы не знаете, спрашивала ли конференція или нѣтъ... Она повѣрила, быть-можетъ, мнѣ, которому до конференціи самъ Сластовъ разсказалъ исторію. Совѣтую вамъ разойтись и вѣрить, что васъ никто не желаетъ топить и исключать зря, но никто не желаетъ и гладить васъ по головкѣ, если вы будете дѣлать безобразія...

Директоръ гордо окинулъ взглядомъ толпу и хотѣлъ идти къ дверямъ. Передніе ряды стояли потупя глаза внизъ или водя неопредѣленно глазами одинъ по другому. Въ заднихъ рядахъ шелъ какой-то неопредѣленный шумъ, но сильно, сильно понизился этотъ шумъ. Это былъ шумъ случайно собравшейся толпы, гдѣ уже у каждаго было свое, а не общее дѣло, и каждому хочется поскорѣе удрать изъ толпы, но какое-то приличіе заставляетъ не уходить первому, и потому нужно перебрасываться словами съ сосѣдями. Въ это время Могутовъ, съ своимъ обыкновеннымъ суровымъ видомъ, стоявшій до сего молча

у самой стѣны на табуретѣ, пробрался сквозь толпу и сталъ впереди директора, какъ бы загораживая ему дорогу.

— Позвольте мнѣ, Иванъ Яковлевичъ, сказать вамъ нѣсколько словъ!—сказалъ онъ.

— Тише, тише!—понеслось изъ переднихъ рядовъ и толпа смолкла.

— Я—не товарищъ по отдѣленію Сластову,—продолжалъ Могутовъ, когда стихла толпа, совершенно покойнымъ голосомъ: видно было, что не одна энергія руководитъ его словами, но что есть тутъ опытность, привычка говорить.

Директоръ нетерпѣливо, насупивъ немного брови, смотрѣлъ ему въ глаза; но не моргалъ Могутовъ глазами и безъ особеннаго блеска смотрѣли его глаза до самаго конца его рѣчи.

— Я не товарищъ по отдѣленію Сластова, но меня, какъ и почти всѣхъ студентовъ, интересовало, что за провинность сдѣлалъ Сластовъ на заводѣ во время практики, за которую его исключила конференція... Чтобъ узнать эту провинность, я не разспрашивалъ Сластова, думая, что человѣкъ въ бѣдѣ безсознательно способенъ сказать ложь, выставить себя и свой грѣхъ лучше, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Я не разспрашивалъ и директора завода, такъ какъ и онъ не могъ сказать мнѣ правду,—вѣдь онъ тоже могъ, увлекшись, написать вамъ невѣрно и, слѣдовательно, при всей своей, быть-можетъ, честности, безсознательно способенъ прикрасить истину. Я рѣшился разспросить людей совершенно безпристрастныхъ, но которые были во время случая съ Сластовымъ на заводѣ. Такихъ людей мнѣ было найти не трудно. Дѣло произошло въ солодовенномъ отдѣленіи завода, въ 10 часовъ утра. Я узналъ, кто изъ заводскихъ рабочихъ работалъ въ это время въ солодовнѣ, собралъ ихъ всѣхъ и, когда они подтвердили бытность свою во время случая Сластова на заводѣ въ солодовнѣ, я сказалъ имъ: «Братцы! Сластовъ—мой товарищъ и онъ посланъ былъ нашимъ начальствомъ практиковать на заводъ. Понялъ ли онъ дѣло на заводѣ или не понялъ, это—его вина, но вы поймете, братцы, что для насъ, его товарищей, и для нашего начальства вредно и грѣшно, если онъ дрался, ругался, грубіянилъ или являлся пьянымъ на заводъ. Для насъ, его товарищей, это вредно потому, что, глядя на него, и объ насъ будутъ плохо думать: «Хорошъ, скажутъ студентъ! Вѣроятно, и всѣ такіе». Для нашего начальства нехорошо потому, что и объ немъ могутъ сказать: «Какъ это оно смотритъ?

Держитъ въ институтѣ буяновъ и пьяницъ, да не только держитъ, а еще при своемъ письмѣ на заводъ учиться посылаетъ». Вотъ я и явился къ вамъ, братцы, чтобы попросить сказать мнѣ по совѣсти, какъ священнику на духу, какъ было дѣло... Пьянъ ли былъ Сластовъ, грубилъ ли онъ, кричалъ или очень громко говорилъ? Или, быть-можетъ, даромъ, погорячившись, неправильно на заводѣ обидѣли его?.. Отъ вашего правдиваго отвѣта можетъ быть только добро и для Сластова, и для насъ, его товарищей, и для нашего начальства. Если онъ виноватъ, мы попросимъ наше начальство наказать его; если не виноватъ, мы заступимся за него предъ нашимъ начальствомъ, если директоръ завода пожалуется несправедливо на него. Не узнавши же правды, мы, его товарищи, оставить дѣло не можемъ. Паршивая овца все стадо портитъ! Но и грѣшно намъ, его товарищамъ, будетъ, если мы, узнавши дѣло доподлинно, какъ слѣдуетъ, не заступимся за него, если онъ правъ, а на него, Богъ вѣсть за что, обрушилась бѣда. Мнѣ кромѣ васъ, братцы, не отъ кого допытаться истины. Только вы можете сказать правду, какъ дѣло было. Я—не судья, въ судъ васъ не потяну, до директора вашего тоже не пойду.... Вамъ не для чего скрывать правды, и я прошу васъ сказать только правду, какъ подъ присягой. Хотите, ребята, разсказать, какъ было дѣло?—спросилъ я въ заключеніе.

— Сказать можно. Для-че не сказать,—отвѣтили мнѣ.

— И вы скажете мнѣ по правдѣ, по совѣсти, какъ на духу?

— Знамо, по совѣсти! Чего врать,—не корысть кака, али што. Какъ на духу скажемъ.

— И вотъ что они передали мнѣ: Сластовъ приходилъ вмѣстѣ съ рабочими, а надсмотрщики приходятъ позднѣе. Помощникъ директора, или пивоваръ, приходитъ въ восемь часовъ. Сластовъ, какъ только приходилъ, начиналъ работать: мѣрялъ посуду, смотрѣлъ за мочкой ячменя, работалъ самъ съ рабочими при перелопачиваніи проростающаго ячменя и все записывалъ; съ рабочими былъ ласковъ, а съ пивоваромъ и директоромъ кланялся. Въ тотъ день, когда произошелъ грустный для несчастнаго Сластова случай, онъ съ ранняго утра работалъ въ мочильнѣ, залѣзъ въ чанъ, мѣрялъ его и записывалъ въ книжку. Пришелъ пивоваръ, увидѣлъ, какъ Сластовъ вылѣзаетъ изъ чана, и сказалъ, зачѣмъ онъ безъ его спроса лазитъ вездѣ. Сластовъ отвѣтилъ, что онъ не зналъ, что лазить нельзя, такъ какъ ему директоръ

завода сказалъ, что онъ можетъ мѣрить и смотрѣть все, а нельзя измѣрить чанъ, зарытый въ землю, не влѣзши внутрь его. «А я вамъ говорю,—сказалъ громко пивоваръ,—что нельзя лазить, куда я вамъ не позволю!... Вамъ директоръ позволилъ, а я васъ прогоню!» Сластовъ усмѣхнулся, да и ушелъ. Вотъ что видѣли и слышали рабочіе сами. А вотъ что они слышали отъ другихъ: Сластовъ ходилъ и не засталъ дома директора завода; потомъ ушелъ къ себѣ на квартиру. Квартира его была внѣ завода,—минутъ десять ходьбы отъ нея до завода. Потомъ, когда пришелъ въ заводъ директоръ, въ 11 часовъ утра, пивоваръ сказалъ ему что-то по-нѣмецки, но они слышали отъ надсмотрщиковъ, что пивоваръ говорилъ директору о Сластовѣ, что Сластовъ былъ пьянъ и ему грубіянилъ. Директоръ завода рабочихъ не спрашивалъ и они не слышали, чтобы спрашивалъ и надсмотрщиковъ.... Я старался передать вамъ, Иванъ Яковлевичъ, слово въ слово свой разговоръ съ рабочими. У меня есть списокъ ихъ именъ, фамилій и откуда они жительствомъ. Я велъ разговоръ съ рабочими въ присутствіи двоихъ моихъ товарищей по курсу. Я, какъ и мои товарищи, пришелъ къ заключенію, что Сластова даромъ наказали, и наказали на всю жизнь: исключили изъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній и сослали подъ надзоръ полиціи. Институтъ каждый годъ посылаетъ на практику тридцать, сорокъ студентовъ; онъ не посылаетъ съ ними своихъ наблюдателей. Какимъ же образомъ избавиться студенту отъ случаевъ, подобныхъ случаю съ несчастнымъ Сластовымъ? И какъ оградить себя этимъ студентамъ отъ суровыхъ послѣдствій подобныхъ случаевъ?

— Правда, правда!

— Хоть не берись за практику!

— Хоть удирай изъ института!

— Этакъ будочникъ придетъ, скажетъ: такой-то сегодня на улицѣ пьянъ былъ, такъ студента сейчасъ—куда Макаръ телятъ не гоняетъ!

— Прямо на съѣденіе собакамъ отошлютъ!

— Возвратить Сластова!

— Возвратить Сластова!

Толпа загудѣла и загалдѣла громче и сильнѣе прежняго. Директоръ хотѣлъ говорить, но его не слушали, — и онъ началъ говорить одному Могутову:

— Скажите имъ, что пусть изберутъ изъ среды себя человѣкъ пять депутатовъ, а депутаты пусть подадутъ заявленіе съ

изложеніемъ всей исторіи съ Сластовымъ. Конференція разсмотритъ,—ну, она и измѣнитъ свое рѣшеніе.—Онъ говорилъ скоро, глаза его сердито бѣгали, усы вздрагивали.

Толпа не сразу угомонилась; она притихла, когда Могутовъ началъ громко передавать слова директора, но сейчасъ же опять поднялся гамъ.

— Сейчасъ подавайте Сластова!

— Подавайте, а то плакать буду!

— Чего плакать,—окна бить, институтъ разнести!

— Подавай... А какъ ты его подашь, когда его нѣтъ?

— Онъ тамъ, куда Макаръ телятъ даже боится гонять!

— Нельзя подать,—надо депутатовъ выбирать!

— Выбирать, сейчасъ выбирать!

— Могутова! Могутова депутатомъ!

— Конопатова! Конопатова и Иванова!

— Я предлагаю Спѣшнева и Безносова!

— Карасева, Онуфріева и Базарова!

Гамъ и крикъ, впрочемъ, продолжались не долго,—скоро всѣ успокоились, приступивъ къ выборамъ. Выбирали, записывая на листахъ свою фамилію и фамиліи четырехъ выбираемыхъ. Листы эти при директорѣ были провѣрены, сосчитано число голосовъ и оказались избранными: Могутовъ, Конопатовъ, Спѣшневъ и Безносовъ. Послѣ выборовъ скоро всѣ разошлись, а Могутовъ, сказавъ свою рѣчь, опять стоялъ до конца сходки у стѣны и ушелъ передъ началомъ выборовъ.

Но директоръ долго ходилъ по корридору съ деканомъ и надзирателемъ.

— Надо было по телеграфу за полиціей и жандармами послать,—говорилъ деканъ.

— Я послалъ въ третье отдѣленіе,—отвѣчалъ директоръ,—но жаль, что съ письмомъ,—надо было въ самомъ дѣлѣ телеграммой.

Сходка уже кончилась, когда къ институту на рысяхъ прискакалъ эскадронъ жандармовъ съ офицеромъ и сталъ у дверей, а въ двери вошелъ полковникъ, пріѣхавшій въ фаэтонѣ. Онъ сдѣлалъ недовольную мину, когда услышалъ отъ директора, что ему, слава Богу, удалось самому потушить бунтъ.

— Значитъ даромъ изволили требовать, полковникъ?—сказалъ военный полковникъ.

— Но это къ лучшему, полковникъ, къ лучшему!—отвѣчалъ директоръ.

— Имѣю честь кланяться, полковникъ! — сказалъ военный полковникъ.

— До свиданья, полковникъ!—сказалъ директоръ.

И два полковника пожали другъ другу руки.

Одинъ вышелъ на улицу и скомандовалъ: маршъ по домамъ,— и жандармы уѣхали; а другой, надѣвая шубу, поданную ему почтеннымъ швейцаромъ, продолжалъ повторять самому себѣ:— «Надо было по телеграфу, по телеграфу!... Скажутъ, даромъ тревожили»... Онъ отправился къ себѣ домой. Дома онъ долго не могъ успокоиться. Отъ досады и злости онъ перешелъ къ грусти на свою судьбу, на несправедливость ея къ нему. Судьба взяла его жену, оставила на его рукахъ троихъ малыхъ дѣтей, мѣшаетъ ему воспользоваться случаемъ... Потомъ онъ сталъ ходить быстро по кабинету, потомъ что-то шепотомъ заговорилъ, потомъ началъ говорить все громче и громче... Можно было подумать, что недоброе что-то творится въ его головѣ.

— Папаша, пойдемъ обѣдать,—вбѣжавши въ кабинетъ и обхвативъ его ноги ручонками, говорила маленькая, лѣтъ шести, дѣвочка, одѣтая какъ куколка, съ устремленными на лицо папаши голубенькими, свѣтлыми, полными дѣтской невинности и любви, глазками. Головка ея при этомъ совсѣмъ опрокинулась, русые волосы, мягкіе какъ ленъ, спали на бѣленькую, худенькую шейку, опоясанную узенькой черною бархатной ленточкой, на которой блестѣлъ черный крестикъ. Папаша не сразу остановился,— дитя не вдругъ успокоило роявшіяся въ его головѣ мысли, подъ вліяніемъ которыхъ онъ порывисто ходилъ и громко разговаривалъ,—и дѣвочкѣ пришлось скоро перебирать своими ножками и крѣпко цѣпляться кругленькими ручонками за его ноги, чтобы, не упавши, наконецъ, затормозить и остановить папашу.— Идемъ обѣдать, папаша! Дѣти уже за столомъ.... Знаешь, папаша? Я не хотѣла тебя огорчать, не говорила, что Наташа перестала слушать свою мамашу! Вѣдь это нехорошо, папа?— говорила тихо, какъ бы по секрету, дѣвочка, но голосомъ полнымъ важности и серьезности.

— Какъ же это ты допустила, что твое дитя, твое любимое дитя, тебя не слушаетъ? Не ожидалъ, не ожидалъ я этого отъ тебя, моей умненькой Лизы, моей большой Лизочки,—говорилъ папаша. Рука его гладила головку дѣвочки, лицо улыбалось, но въ голосѣ слышалась печальная нотка, подавленная грусть, проглоченныя слезы. Дитя такъ нежданно, на такой высокой нотѣ

остановило бурю, клокотавшую въ немъ, такъ нежданно вызвало собой дорогой для него образъ покойной жены, что однѣ эгоистическія мысли столкнулись съ другими и, какъ два шара на биллiардѣ, несущіеся съ одинаковою скоростью на встрѣчу одинъ другому, столкнувшись, мгновенно останавливаются,—тѣ и другія мысли оставили его и только слезы прихлынули къ глазамъ, но дѣтскій, тихій, серьезный и, потому, невольно утѣшающій говоръ заставилъ его проглотить слезы и улыбаться.

— Я избаловала мое старшее дитя, папа! Оно такое хорошенькое, я съ нимъ много шалю, но я уже буду меньше шалить... Папа, ты не говори объ этомъ моей дѣвочкѣ,— я тебѣ такъ сказала. Ты не скажешь ей, папа?

— Нѣтъ, нѣтъ! Ты у меня умница, нагибаясь и цѣлуя дѣвочку,—говорилъ совершенно успокоившійся папаша,—ты сама исправишь свою дочь, сдѣлаешь ее послушной. Ну, пойдемъ обѣдать, дитя мое!

III.

Чрезъ два дня депутаты подали директору прошеніе, въ которомъ излагалась исторія со Сластовымъ въ томъ видѣ, какъ она была на самомъ дѣлѣ, и покорнѣйше просилось отъ лица всѣхъ студентовъ института исправить невольно сдѣланную конференціей ошибку—дать возможность окончить курсъ Сластову и оградить посылаемыхъ на практику студентовъ отъ возможности въ будущемъ подобныхъ случайностей. Директоръ сухо принялъ депутатовъ съ ихъ прошеніемъ, при чтеніи котораго на лицѣ его проглядывала нехорошая улыбка.

— Хорошо-съ, будетъ сдѣлано, что слѣдуетъ,—отвѣтилъ онъ и отошелъ отъ сконфуженныхъ депутатовъ.

— Когда же можно будетъ узнать результатъ просьбы студентовъ?—спросилъ одинъ изъ нихъ тихо, какъ будто обращаясь не къ директору.

Директоръ оглянулся, зло перекосилъ ротъ и, искуственно раскланиваясь, проговорилъ громко:

— Имѣйте терпѣніе, господа! Ваше дѣло важное, безспорно важное, но и важнымъ дѣламъ есть очередь. До свиданья!

Сухость директора съ депутатами, выбранными по его же предложенію, происходила отъ того, что дошедшіе до него слухи окончательно сбили его со стараго пути, превративъ въ страстнаго поклонника новаго направленія, изъ друга сдѣлали вра-

гомъ студентовъ. По этимъ слухамъ, ему ставилось на видъ, что полумѣры всегда приводили къ повторенію въ большемъ и большемъ видѣ того, противъ чего онѣ употреблялись, и рекомендовалось за правило на будущее время не входить ни въ какія объясненія насчетъ требованій и разныхъ, какъ уже доказалъ опытъ, всегда фантастическихъ просьбъ студентовъ, а объявлять, въ случаѣ собранія сходокъ, что онѣ запрещены и что если студенты не прекратятъ сходки чрезъ десять минутъ, то будутъ разогнаны силой полиціи. Далѣе, по слухамъ, выходило, что за малѣйшее отступленіе отъ этихъ правилъ онъ будетъ прогнанъ со службы.

Засѣданіе конференціи для разбора прошенія студентовъ назначено было черезъ двѣ недѣли, въ видахъ того, чтобы за это продолжительное время могли успокоиться горячія, молодыя головы.

— Чрезъ недѣлю,—говорилъ деканъ директору, совѣтуя назначить такой длинный срокъ для засѣданія,—чрезъ недѣлю прекратятся толки о сходкѣ и о Сластовѣ, а черезъ двѣ—большинство начнетъ думать уже объ экзаменахъ и совершенно позабудетъ о томъ и о другомъ; а съ меньшинствомъ, съ прудонистами, мы найдемъ средство справиться и заставить ихъ позабыть и то, и другое.

Черезъ двѣ недѣли въ институтѣ было вывѣшено слѣдующее распоряженіе, за подписью директора, декана и секретаря: «Постановленіемъ конференціи института, стипендіатъ Гордѣй Могутовъ исключается изъ института съ лишеніемъ права поступать вновь въ высшія учебныя заведенія. Безплатные слушатели: Спѣшневъ, Конопатовъ и Безносовъ увольняются изъ института съ правомъ чрезъ годъ поступить вновь въ институтъ. Предупреждается, что, въ случаѣ повторенія сходокъ и безпорядковъ, будетъ немедленно употреблена вооруженная сила полиціи для подавленія оныхъ, а зачинщики и главные виновные будутъ немедленно исключены».

Постановленіе это произвело на студентовъ ошеломляющее дѣйствіе.

— Какъ, сами предложили избрать депутатовъ, а потомъ ихъ исключаютъ?!

— Это подло! Они, быть-можетъ, менѣе всѣхъ виноваты, въ чемъ бы то ни было!

— Пусть разгонятъ силою, а этого мы такъ не пропустимъ.

Такъ говорили студенты при чтеніи постановленія; но не такъ поступили они на другой день. Играло ли въ нихъ чувство страха предъ крутыми мѣрами, или планъ ихъ протеста приспособился къ этимъ мѣрамъ? Только на другой день, едва директоръ вошелъ въ корридоръ, какъ въ узкомъ, длинномъ корридорѣ, со множествомъ дверей, ведущихъ на дворъ, собралась толпа. Корридоръ слабо освѣщался; въ немъ было почти темно; толпа сплошь наполнила его. Толпа вдругъ замолкла, окружила директора и, при молчаніи переднихъ рядовъ, ясный и отчетливый крикъ началъ разноситься звонко подъ сводами корридора изъ заднихъ рядовъ.

— Такъ поступаютъ подлецы, господинъ директоръ!

— Вы сами предложили избрать депутатовъ, да потомъ сами ихъ и исключили! Вѣдь это свинство!

— Вѣдь это значитъ совершенно невинныхъ людей, повѣрившихъ только вашему слову, дѣлать несчастными! За это по мордѣ бьютъ!

— Сволочь! Тряпка! Трусъ поганый! Христопродавецъ! Извергъ!—неслось изъ заднихъ рядовъ.

Директоръ блѣдный, растерявшійся, обращался къ близстоящимъ съ просьбою пропустить его.

— Пропустите меня въ канцелярію, пропустите меня,—говорилъ онъ.—Я пошлю за полиціей, если вы не разойдетесь!— Но его никто не слушалъ.

— Насъ самихъ, Иванъ Яковлевичъ, приперли и не пускаютъ. Это чортъ знаетъ, что такое! Мы хотѣли идти въ лабораторію, какъ наскочили на насъ и приперли. Развѣ можно такъ? Это все равно, что человѣка изъ-за угла ограбить и побить!...—Такъ говорилось въ переднихъ рядахъ, окружавшихъ директора, говорилось негодующимъ голосомъ, которому трудно было не повѣрить, которому вѣрилъ и директоръ. Онъ сталъ и безъ движенія, пассивно, началъ ожидать, что будетъ далѣе. Но въ его головѣ, на душѣ, на сердцѣ, не было покойно.

«А что если они меня убьютъ?—мелькаетъ у него мысль.— За что, за что?»— И блѣдность покрываетъ его лицо; онъ невольно сжимаетъ кулаки, отодвигаетъ ногу, какъ бы становясь въ оборонительное положеніе и не желая терять свою жизнь безъ борьбы; но вотъ онъ видитъ своихъ малютокъ, изъ которыхъ старшая ломаетъ ручонки, у ней текутъ по щекамъ слезы и голосомъ, полнымъ отчаянія и скорби, говоритъ: «Папа, папа!

что я буду дѣлать безъ тебя съ моими малютками?» И у него подступаютъ слезы къ глазамъ.

— Вамъ бы слѣдовало наплевать въ лицо, побить васъ, какъ это дѣлаютъ съ подлецами!—раздается въ заднихъ рядахъ ясно, отчетливо, на весь корридоръ.

«Нѣтъ, они не убьютъ меня, — какъ молнія проносится у деректора мысль, и на одно мгновеніе радостная дрожь пробѣгаетъ по немъ. — Но они могутъ побить, опозорить, опозорить на всю жизнь! Это хуже смерти!...» И онъ хочетъ ринуться въ толпу, его глаза полны энергіи, а все лицо какъ бы говоритъ: убейте меня, я самъ иду драться съ вами. Но передніе ряды, какъ крѣпостная стѣна, какъ сильная земляная насыпь, стоятъ передъ нимъ.

— Не стоитъ на васъ слюну тратить! Ваши глаза станутъ чище отъ плевка, ваши щеки украсятся румянцемъ невинности отъ оплеухи! — опять доносится ясно, отчетливо изъ заднихъ рядовъ.

«Слава Богу! — мелькаетъ у него въ головѣ. — Но развѣ все это останется неизвѣстнымъ? Это будутъ знать всѣ! Развѣ они пожалѣютъ? Они будутъ смѣяться! Хуже,— они не найдутъ возможнымъ оставить меня здѣсь! Подать въ отставку, скажутъ...» — И мелькаетъ передъ нимъ бѣдность, нищета, голыя, оборванныя дѣти и онъ, просящій милостыню.

— У васъ самихъ есть дѣти, — раздается въ заднихъ рядахъ.—Хорошо ли вамъ будетъ, если съ ними поступятъ такъ?— слышитъ онъ съ одного конца корридора.

— Или они будутъ у васъ такими же подлецами, какъ и вы?—доносится къ нему съ другаго конца корридора.

«Въ самомъ дѣлѣ, какой я жалкій человѣкъ! — думаетъ онъ. — Я подлецъ, хуже подлеца, хуже разбойника! Пусть меня обошли чиномъ, пусть бы еще обошли, но я былъ бы честнымъ человѣкомъ, моя совѣсть была бы спокойна... Ну, я вышелъ бы изъ этой должности, меня бы причислили къ министерству, служба до пенсіона шла бы. Пришлось бы побѣдствовать... Но потомъ перемѣнились бы времена и я бы съ честью опять получилъ это или даже высшее мѣсто... Меня бы любили, уважали... А теперь?—Нищій, опозоренный нищій, съ укоромъ на всю жизнь, и этотъ укоръ коснется даже дѣтей!... Дѣти, дѣти! вѣдь это все для васъ я дѣлалъ!» — и къ его глазамъ опять подступили слезы.

— Жандармы, жандармы у моста! — раздаются голоса изъ толпы, близкой къ парадному входу.

И толпа, какъ вспугнутое стадо птицъ, съ шумомъ хлынула во всѣ двери, выходящія изъ корридора на дворъ,—хлынула по лѣстницѣ, ведущей въ чертежныя залы, и черезъ минуту лабораторія, мастерскія и чертежныя залы, пустыя до того времени, наполнились молодежью, принявшею серьёзный видъ и, какъ всегда, занимающеюся своимъ дѣломъ.

А взводъ жандармовъ, какъ и прежде, остановился у парадныхъ дверей института,—какъ прежде, военный полковникъ слѣзъ съ фаэтона и вошелъ парадными дверями. Отдавъ шубу почтенному швейцару, онъ хотѣлъ идти на верхъ по лѣстницѣ, но, увидѣвъ идущаго къ нему директора, остановился и, подавая медленно руку, началъ говорить тѣмъ голосомъ, въ которомъ, при снисходительно-ласковомъ тонѣ, слышенъ и укоръ, и гнѣвъ, и жалость, и досада, и смѣхъ, и, что главное, полное пренебреженіе къ говорящему.

— Скажите, полковникъ, когда вы перестанете даромъ тревожить насъ? Въ телеграммѣ—васъ окружила толпа, васъ чуть не бьютъ и въ корридорахъ шумъ, слышный за версту, а на самомъ дѣлѣ застаю васъ гуляющимъ по корридору! Съ войскомъ не шутятъ, полковникъ!... Послѣднія слова были полны презрѣнія.

Послѣ ухода толпы и до пріѣзда жандармскаго полковника голова директора была полна роемъ мыслей о самомъ себѣ. Ему въ сотый разъ мерещились дѣти, позоръ его, отставка, нищета; потомъ лѣзли проекты оправданія предъ начальствомъ, рисовались картины, въ которыхъ нужно было представить безпорядки студентовъ. Въ этихъ картинахъ студенты являлись то въ видѣ жалкихъ, увлекающихся юношей, къ которымъ должно было явиться чувство состраданія и слова прощенія, а онъ самъ — въ роли все понимающаго отца, у котораго чувство долга начальника борется съ чувствомъ долга отца къ дѣтямъ и у котораго, наконецъ, явилась идея примиренія въ своей особѣ обоихъ безъ ущерба для того и другаго; то рисовались картины, въ которыхъ студенты являлись толпою дикихъ, помѣшавшихся на современныхъ идеяхъ фанатиковъ, а онъ, такъ смѣло и высоко державшій жезлъ власти, удержалъ этотъ жезлъ безъ пятенъ, безъ царапинки, но самъ лично, какъ знаменоносецъ, пострадалъ сильно,—онъ былъ въ серединѣ боя, спасъ знамя, но самъ контуженъ,

контуженъ, кругомъ. Потомъ онъ думалъ, какой лучше изъ этихъ двухъ плановъ выбрать, чтобы не потерять ничего, и его беретъ страхъ, что не повѣрятъ ему, что прогонятъ его, что всѣ будутъ знать,—и нищета, позоръ, проклятіе дѣтей опять проносятся у него въ мысляхъ и опять слезы подступаютъ къ его глазамъ... Военный полковникъ и его слова, полныя укора и сказанныя такъ прямо, были ушатомъ холодной воды на его воспаленную голову. Онъ пришелъ въ себя, принялъ свой нормальный видъ и что-то въ родѣ чувства презрѣнія къ военному полковнику изобразилось на его лицѣ, но слова неплавно, робко шли съ языка.

— Я телеграммы вамъ не писалъ... Вѣроятно, деканъ погорячился... Такъ, пустяки. Собрались не на сходку, а такъ... Шли на работы въ мастерскія и лабораторію и повстрѣчали меня... Спрашивали и просили, нельзя ли помочь какъ-нибудь увольненнымъ... Больше ничего... Не безъ того, чтобы сзади не было крика... но ничего серьёзнаго, пустяки... Я имъ сказалъ, чтобы разошлись, они и разошлись. Лучше, если безъ насилія.

— У васъ все къ лучшему, полковникъ,—улыбаясь саркастически, отвѣчалъ военный полковникъ.—Мнѣ нѣтъ дѣла, кто писалъ телеграмму, но для меня непріятны ложныя тревоги. Наше начальство имѣетъ серьёзный взглядъ на свои обязанности. Я донесу ему, какъ вы мнѣ передаете, но вы дадите мнѣ письменное заявленіе, для чего насъ требовали и почему, когда мы пріѣхали, въ институтѣ былъ не шумъ, а невообразимая тишина.

— Хорошо, я вамъ дамъ подробное изложеніе,—говорилъ директоръ уже гораздо ровнѣе и повелъ военнаго полковника въ канцелярію.

IV.

Выпроводивъ гостя, директоръ успокоился и принялъ, повидимому, свой обыкновенный видъ. Онъ ходилъ по всѣмъ заламъ, чертежнымъ, мастерскимъ и лабораторіямъ, какъ всегда, разговаривалъ съ лаборантами и мастерами, — и только потому, что онъ проходилъ, какъ бы не замѣчая встрѣчающіеся кое-гдѣ безпорядки, чего прежде никогда не дѣлалъ, видно было, что онъ не совсѣмъ въ обыкновенномъ состояніи.

Въ пять часовъ, какъ всегда, онъ обѣдалъ и за столомъ противъ него сидѣли его малютки-дѣвочки; около старшей сидѣла гувернантка, пожилая нѣмка, а около младшей—старушка-няня; за обѣдомъ онъ тоже, какъ всегда, шутилъ и разсказывалъ. Послѣ обѣда онъ хотѣлъ заснуть, но сонъ бѣжалъ отъ него и ему на умъ опять шли тѣ же мысли: проекты подробнаго изложенія дѣла предъ начальствомъ, страхъ быть скомпрометированнымъ передъ нимъ, возможность отставки, семья, бѣдность... Онъ всталъ, одѣлся въ парадный мундиръ и вышелъ, не простясь съ дѣтьми, чего прежде никогда не дѣлалъ и о чемъ вспомнилъ, уже выйдя на улицу. Ему безсознательно хотѣлось разсѣять свои мысли и онъ искалъ людей, искалъ развлеченія, не хотѣлъ оставаться съ самимъ собою. Онъ шелъ прямо и скоро, разсматривалъ пристально проходящихъ, шевелилъ губами и тихо не то напѣвалъ что-то, не то разговаривалъ самъ съ собою. Онъ очутился около театра. Это хорошо,—думалъ онъ,—я тамъ развлекусь. Сегодня идетъ «Галька» Монюшки. Отлично. Музыка дѣйствуетъ на меня всегда успокоительно... Не тамъ встрѣтишь массу знакомыхъ, будутъ разспрашивать, соболѣзновать, коситься... Нѣтъ, лучше не пойду». Но, помимо своей воли, онъ отворилъ двери, вошелъ въ корридоръ, подошелъ къ кассѣ, взялъ билетъ и, только когда вошелъ въ освѣщенный залъ, сознаніе сдѣланнаго возвратилось къ нему.—«Все къ лучшему»,—мелькнуло у него въ головѣ. Онъ хотѣлъ принять серьёзный видъ, идти къ своему мѣсту, не смотря по сторонамъ, и онъ, вытянувшись черезчуръ уже прямо, пошелъ къ третьему ряду креселъ; но глаза не слушались его и блуждали по сторонамъ: вмѣсто правой стороны, онъ подошелъ къ лѣвой; замѣтивъ ошибку, нервно повернулъ налѣво, наступилъ кому-то на ногу и, не извиняясь, пролѣзъ къ своему мѣсту; но онъ и сидя все какъ-то возился, не могъ никакъ усѣсться покойно. Онъ старался слушать со вниманіемъ музыку и пѣніе; но звуки, какъ нарочно, бѣжали отъ него. Въ антрактѣ ему пришлось здороваться съ пятью-шестью знакомыми, и ихъ обыкновенныя, улыбающіяся лица казались ему подсмѣивающимися надъ нимъ. Они не разспрашивали его о происшествіяхъ въ институтѣ, потому что не знали о нихъ, — въ газетахъ еще ничего не было; но ему казалось, что знаютъ уже всѣ подробности, что смѣются надъ нимъ, что разговариваютъ съ нимъ изъ великодушія, и онъ старается подражать имъ — имѣть беззабот-

ный видъ, улыбаться и говорить о малозначительныхъ газетныхъ новостяхъ; но онъ радъ былъ, когда окончился антрактъ, когда онъ могъ оставить знакомыхъ. Онъ опять старался весь обратиться въ слухъ, ловить, какъ голодный песъ крошки хлѣба, звуки, но все-таки звуки бѣжали отъ него, въ голову лѣзли тѣ же мысли. Онъ началъ мысленно разговаривать самъ съ собою объ операѣ.—«Чортъ знаетъ что!—думалъ онъ.—Мужчина обманулъ дѣвку, дѣвка страдаетъ, какъ въ романахъ героиня-принцесса, объ измѣнникѣ!... Ложь, чепуха! Но дѣло въ музыкѣ; что это поютъ?»

Артистка, въ малороссійской вышитой рубахѣ, въ простенькой юбочкѣ, съ монистами на шеѣ, съ небольшимъ, но симпатичнымъ голоскомъ, пѣла: «Ахъ не плыть мнѣ рыбкой въ Вислѣ, беззаботной ласточкой не быть мнѣ, птичкой перелетной, нѣтъ! Мнѣ шепчетъ вѣтеръ: твой Янко возвращается!» Глубоко грустная, охватывающая душу скорбью пѣсенка, спѣтая артисткой уже черезчуръ естественно и искренно, наконецъ, дошла до его души, и ему думается, что такъ всегда, всегда бываетъ, что все хорошее, свободное бѣжитъ отъ человѣка, и ему остается только плакать и мечтать объ этомъ. Ему вспомнились его юношескіе годы, его начало службы, его увлеченіе повѣявшею свободой на Руси, его успѣхи по службѣ, успѣхъ за трудъ, энергію, честно-либеральное отношеніе къ своимъ обязанностямъ и правдивое, смѣло-честное отношеніе къ людямъ и ихъ мнѣніямъ. Какъ хорошо ему было, какое внутреннее довольство царило въ немъ и какъ отражалось это и въ его быстромъ взглядѣ, и въ его громкой рѣчи, и въ его скорой походкѣ, и въ тѣхъ привѣтливыхъ, любящихъ взорахъ, которыми смотрѣли на него друзья, и даже въ тѣхъ злыхъ, но полныхъ уваженія, взглядахъ, которыми смотрѣли его враги! И вотъ какая благодарность за все: она, она, его героиня, его покойная жена, съ гордымъ взглядомъ, съ величественною осанкой и съ мягкимъ, проникающимъ въ душу голосомъ, стоитъ и говоритъ ему, что она любитъ его, что она давно, давно любитъ его, любитъ за его мягкую, добрую душу, за его смѣлые поступки и слова, за его умъ... «Ее-ль голубку не любилъ, ее ли я не миловалъ! И кто-жь бѣдъ моихъ виною?—Ой калина! Ой малина! Галя бѣдная моя!»—слышитъ онъ жалобную пѣсню Яна, любимая дѣвушка котораго опозорена и брошена паномъ,—и слезы, сухія слезы, подступаютъ къ нему, и тяжело у него на душѣ. «За что, за что?—думаетъ

онъ. — Она умерла, дѣти маленькія и я опозоренъ, изруганъ, меня попрекаютъ именемъ отца, дѣтямъ сулятъ участь подлецовъ! За что?... Отчего Янъ не убиваетъ барина, а уходитъ съ толпой въ церковь? — вдругъ мелькаетъ у него въ головѣ новая мысль.—Вотъ женщина—такъ героиня! Она будетъ мстить, она подожжетъ и они сгорятъ... Трусиха! Баба!—думаетъ онъ, когда пукъ зажженой соломы падаетъ изъ рукъ Гальки, подъ вліяніемъ церковнаго напѣва.—Чего испугалась? Глупо!... Но она простая, глупенькая, бѣдная дѣвушка,—ну, а ты, ты что сдѣлалъ за свой позоръ?».... И вотъ ему кажется, что не Галька сошла съ ума, что это не она утопилась, а что это онъ вдругъ сталъ гадокъ и противенъ себѣ, что разсудокъ потерянъ у него, что ему больше ничего не остается дѣлать, какъ топиться. Онъ не дослушалъ конца оперы, онъ не могъ болѣе слышать и видѣть, какъ хоръ началъ пѣть надъ утопленицей, — кровь прильнула къ его головѣ, и онъ скоро вышелъ изъ залы театра. Въ корридорѣ уже было много народа, его часто останавливали, толкали, говорили надъ самымъ ухомъ и это успокоивало его; онъ неторопливо подошелъ къ платью, сдалъ билетъ, надѣлъ шубу. Морозъ охолодилъ его голову, и онъ задалъ себѣ вопросъ, что нужно сдѣлать завтра? Но вмѣсто отвѣта онъ опять задумался надъ недавно случившимся въ институтѣ, надъ послѣдствіями отъ того. «Развѣ я первый?—думалъ онъ, когда тревожныя мысли начали подавлять его и онъ инстинктивно хотѣлъ успокоить самого себя.—Мало ли скандальныхъ исторій случалось съ гораздо выше меня стоящими людьми?»... Онъ припоминаетъ скандальныя исторіи, случавшіяся съ сильными міра сего; ему вспоминается недавняя исторія съ солью и желѣзомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, и ему кажется, что эти случаи успокоиваютъ его, онъ какъ будто забываетъ себя. Предъ нимъ проносятся герои нижегородской покражи соли и желѣза... «Позоръ, позоръ! Дневной грабежъ!... И опоздай ревизія на пять дней,—всему конецъ! Разлилась бы Волга, кражи никто бы не видѣлъ, Вердеревскій былъ бы счастливъ, уважаемъ, у его любовницы были бы дома, рысаки, богатство... Случай, пустой случай — и всему конецъ... Каково ему было? Мнѣ, право, жаль Вердеревскаго... Но тамъ искупленіе въ наказаніи, а я обруганъ публично, осмѣянъ, какъ негодная дрянь, и меня прогоняютъ со службы»... И опять тѣ же мысли, и чѣмъ далѣе, тѣмъ все въ большемъ и большемъ ужасѣ, тѣмъ все съ бо́льшими и бо́льшими страшными послѣдствіями

представляется ему случай съ нимъ. Онъ тихо шелъ, но теперь пустился чуть не бѣжать по направленію къ своей квартирѣ. Онъ позвонилъ у двери; ему отперли, лакей взялъ шубу.—Что, дѣти спятъ? — спросилъ онъ самымъ покойнымъ голосомъ.—Спятъ,—отвѣтилъ лакей.—Хорошо,—сказалъ онъ и вошелъ въ залу, удивляясь, почему онъ не запыхался, почему онъ спокоенъ.—О, у меня сильный характеръ и я смогу перенести и не такое несчастіе! Пустяки, право, пустяки!...

Посреди залы стоялъ столъ, горѣла лампа, стояла холодная закуска и бутылка вина. Онъ сѣлъ на стулъ около стола, отрѣзалъ кусокъ сыру, налилъ въ стаканъ вина, взялъ въ руку кусокъ хлѣба, положилъ на него сыръ и поднялъ руку, поднося хлѣбъ ко рту; ротъ открылся на половину, но рука опустилась; онъ всталъ, бережно положилъ хлѣбъ на столъ и началъ ходить по залѣ. Онъ ходилъ то тихо, то порывисто-скоро, то опустивъ голову, то поднявъ ее вверхъ, то ломая руки, то заложа ихъ за спину. Но вотъ онъ посмотрѣлъ на слабо-освѣщенный портретъ женщины съ малюткой на рукахъ; онъ остановился, по глазамъ его бѣгутъ слезы, и ему легче. Онъ боится, чтобы слезы не прекратились; онъ боится, чтобы не ушелъ портретъ, онъ не видитъ уже его,—слезы мѣшаютъ смотрѣть,—но она, какъ живая, съ живымъ ребенкомъ на рукахъ, стоитъ передъ нимъ. Вотъ онъ цѣлуетъ ее, но она холодна, она не положила своей руки на его плечо, она не говоритъ, что дитя лучше ее и чтобы онъ поцѣловалъ дитя,—нѣтъ! «Прочь отъ меня! — говоритъ она ему.—Я не люблю тебя болѣе,—ты не тотъ, котораго я любила! Тотъ былъ честный, правдивый, смѣлый, а этотъ—трусъ, лгунъ, поруганный и опозоренный измѣнникъ правды... Прочь отъ меня!..» Онъ вздрогнулъ, широко раскрытыми глазами смотритъ по сторонамъ и залпомъ выпилъ стаканъ вина. Онъ вынулъ карманные часы. «Первый часъ!... Пора спать...»

Онъ вошелъ тихо въ спальню дѣтей. Лампадка передъ образомъ едва освѣщаетъ комнату и кроватку, на которой лежатъ двѣ дѣвочки. Одна, меньшая, свернулась клубкомъ, головка ея спущена на грудь и маленькія ручки подъ головкой, такъ что изъ-подъ одѣяла видна только головка и маленькіе пальчики рукъ. Другая, большая, «мама» меньшой, лежитъ бочкомъ, немного согнувъ ноги, одною рукой прижавъ къ себѣ меньшую, а другой, совсѣмъ голенькой, обложивъ меньшой головку, причемъ ея собственная головка, шейка и рука совсѣмъ открыты, лицо видно

въ профиль и тихое, едва слышное дыханіе издаетъ она, тогда какъ меньшая дышетъ ускоренно, гораздо громче, издаетъ не носовые, не гортанные, а только воздушные, почти музыкальные звуки. Онъ стоитъ передъ ними, любуется ими, хочетъ поцѣловать ихъ, но вмѣсто того креститъ, боясь разбудить ихъ сладкій сонъ... Онъ взялъ стулъ, сѣлъ около нихъ и закрылъ глаза. Ему казалось, что онъ не спитъ, но онъ погрузился въ дремоту; тихая, сладкая дремота посѣтила его. Ему снятся дѣти, они растутъ быстро, они большія; Лиза—невѣста и онъ выдаетъ ее замужъ; мужъ—молодой, серьезный... Что это?... Онъ вздрагиваетъ. Передъ нимъ стоитъ Могутовъ и его Лиза идетъ за него замужъ?... «Нѣтъ, нѣтъ!—кричитъ онъ.—Этого не будетъ! Онъ сосланный подъ надзоръ полиціи, онъ бѣдный, недоучившійся студентъ; онъ созывалъ толпу рабочихъ, онъ говорилъ съ ними, чтобы потомъ бунтовать въ институтѣ... Нѣтъ, нѣтъ, этого не будетъ!.. «Вѣдь это ты сдѣлалъ все, папа,—улыбаясь говоритъ Лиза. — Онъ былъ славный, учился хорошо, ты любовался его чертежами, такъ нравились тебѣ его дѣтски-угрюмые глаза... И ты, папа, сдѣлалъ его бѣднымъ, несчастнымъ! Не я добрая, папа, я пожалѣла его. У меня не было мамы, я скучала по ней, я искала ее во всѣхъ, я любила всѣхъ, я особенно любила тѣхъ, у кого нѣтъ мамы, кого никто не любитъ, кого обижаютъ. Его обидѣли, папа! Онъ—добрый, серьезный, и я буду его любить крѣпко, крѣпко»,—и она цѣлуетъ его... «Прокляну!»—кричитъ онъ.—«Бейте его, подлеца!—кричитъ вдругъ появившаяся толпа студентовъ.—Онъ—христопродавецъ! Онъ самъ предложилъ избрать депутатовъ и самъ потомъ исключилъ ихъ... Плюйте ему въ глаза!... Кто честный, тотъ пусть плюетъ на него!...» И вотъ они всѣ плюютъ и уходятъ, и вотъ подходитъ къ нему его Лиза... Какая она красавица, какіе у нея добрые, глубокіе голубые глаза, и эти глаза полны слезъ; но она смѣло идетъ, гордо поднявъ голову вверхъ.—«Папа, говоритъ она,—я любила тебя, я уважала тебя, я жалѣла тебя, я бы умерла за тебя. Но... ты перемѣнился, папа, ты сталъ другой, я плачу по тебѣ; но я плюну на тебя, папа! Я можетъ-быть умру послѣ этого, папа, но я плюну... Кто любитъ отца или мать паче Меня, тотъ не достоинъ Меня»...

Онъ вскочилъ. Онъ смотрѣлъ кругомъ и невольно, отъ страха, глаза его обращаются къ источнику свѣта, маленькой лампадкѣ, льющей слабый, желтоватый свѣтъ, который почти пропадалъ

въ концѣ комнатки, едва освѣщалъ спящихъ младенцевъ и только нѣжно-мягкій свѣтъ бросала лампадка на маленькій образъ Богоматери съ младенцемъ Христомъ на рукахъ и освѣщала его. «Прости, прости мнѣ Господи,—шепталъ онъ, упавъ на колѣни.—Для нихъ, для нихъ прости меня! Я—грѣшникъ, я отступникъ, но для нихъ укрѣпи меня и дай силу, не до конца изломаться подъ бременемъ жизни!..» Онъ долго молился безъ словъ. Онъ успокоился, хотѣлъ идти въ залъ, но опять подошелъ къ кроваткѣ и три раза перекрестилъ спящихъ дѣвочекъ. Рука его устала, силы были подавлены и при третьемъ разѣ рука тяжело упала на старшую дѣвочку. Онъ присѣлъ на постель и не замѣчалъ, что рука, какъ мертвая, лежала на груди дѣвочки.

— Папа, мнѣ такъ тяжело,—открывъ глаза и въ полуснѣ, говорила дѣвочка, растягивая слова и силясь совсѣмъ проснуться.

А онъ сидѣлъ какъ вкопанный, устремивъ глаза въ темный уголъ.

— Папа, мнѣ тяжело такъ. Папа, папа!... Ты спишь, папа? Папа, не души меня!... Папа!

— Нѣтъ, ты не пойдешь за него, я тебя задушу своими руками!—шипитъ онъ дикимъ голосомъ, и рука его все сильнѣе и сильнѣе жала дѣвочкѣ грудь, а другая лежала подъ нимъ, сидящимъ на постелѣ съ устремленными глазами въ темный уголъ комнаты.

— Папа!—крикнула дѣвочка, рванулась, вскочила, прыгнула, какъ серна, въ другую комнату, гдѣ на кровати спала няня и, рядкомъ съ ней, въ люлькѣ, ея пѣстунъ, полутора-годовой мальчикъ.

— Няня, няня!... Проснись, няня! —тормошa няню, кричалъ ребенокъ.

— Что тебѣ, касатка? — испуганно вскочила няня, какъ и дѣвочка, въ одной сорочкѣ.

— Пойдемъ къ намъ, мнѣ страшно... Пойдемъ, няня!—тащила дѣвочка няню.

— Ну, пойдемъ, пойдемъ!... Съ нами Господа нашего Іисуса Христа и его Матери Божіей, и Отца, и Духа Святаго, помощь и оборона,—шептала няня, идя съ ребенкомъ къ дверямъ.

— Да никакъ это папаша, а вы испугались?—говорила она, всматриваясь сквозь слабый свѣтъ въ сидящаго и инстинктивно подбирая рубаху у груди.

— Смерть, смерть!... Господи, прости меня!—и онъ повалился на полъ.

Миръ праху твоему, добрый, мягкій, честный человѣкъ! Миръ праху твоему!... Долго, долго страдалъ ты, прежде чѣмъ душа твоя отошла къ Тому, Кто видѣлъ твое страданіе, твое раскаяніе и Кто простилъ тебѣ твои вольныя и невольныя прегрѣшенія... Какъ слетѣвшіе съ неба два ангела, стояли двѣ малютки-дочери, молясь за тебя, у твоего гроба, когда ты, послѣ годоваго томленія отъ потери разсудка, лежалъ въ гробу, далеко, далеко отъ твоей родины, въ небольшомъ нѣмецкомъ городкѣ, гдѣ лѣчился ты у извѣстнаго доктора-психіатра и гдѣ пожелалъ быть похороненнымъ.

М. Забѣлло.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

КЕСАРЬ.

РОМАНЪ

Георга Эберса.

Глава четвертая *).

Огонь за огнемъ погасалъ въ окнахъ Кесареума, жилища императрицы, а во дворцѣ на Лохіи освѣщеніе становилось все болѣе и болѣе яркимъ. Во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ зажигались смоляныя бочки на крышахъ стараго дворца и всѣ выступы величественной постройки унизывались рядами плошекъ. Но никто изъ окрестныхъ жителей не видывалъ отъ роду, чтобы извнутри дворца лились такіе потоки свѣта, какъ въ эту ночь.

Сторожившіе гавань сначала съ испугомъ глядѣли на Лохію, думая, не случился ли тамъ пожаръ; но вскорѣ они были успокоены ликторомъ префекта Тиціана, передавшимъ имъ приказаніе держать въ теченіе этой и всѣхъ слѣдующихъ до прибытія императора ночей ворота гавани открытыми для всякаго, кому, по порученію архитектора Понтія, придется отправляться съ Лохіи въ городъ или возвращаться изъ города во дворецъ.

И дѣйствительно, далеко за полночь не проходило четверти часа, чтобы люди, призванные архитекторомъ, не стучались въ притворенныя, но бдительно охраняемыя ворота.

Домикъ привратника былъ также ярко освѣщенъ.

Спали въ немъ крѣпкимъ сномъ только птицы да котъ старухи, застигнутой поутру префектомъ спящею подлѣ кружки вина. Собачонки же не переставали неистово лаять, бросаясь на дворъ, какъ только появлялся новый посѣтитель черезъ отворенныя настежъ ворота.

---

*) *Русская Мысль*, мартъ.

— Замолчи, Аглая! Что о тебѣ подумаютъ люди?.. Талія! ну, прилично ли это умному животному?.. Сюда, Евфросина!.. Да будь же разсудительна, милая! — кричала особенно ласковымъ, вовсе не повелительнымъ, голосомъ старуха, которая теперь уже не сидѣла, а стояла за своимъ столомъ, складывая высушенное бѣлье.

Украшенныя именами трехъ грацій, собачонки ни мало не стѣснялись однако дружественными увѣщаніями хозяйки; только чувствительный ударъ ногой разсерженнаго ими прохожаго заставлялъ ихъ время отъ времени возвращаться съ трогательнымъ визгомъ домой и ласкаться къ своей госпожѣ, требуя утѣшенія. Старуха не заставляла себя долго просить, — каждый разъ брала она обиженную на руки и успокоивала ее ласковыми словами и поцѣлуями.

На этотъ разъ почтенная матрона была не одна въ своемъ уютномъ домикѣ. Въ глубинѣ комнаты, на узкомъ и длинномъ ложѣ, стоявшемъ подъ изваяніемъ Аполлона, лежалъ, одѣтый въ красный хитонъ, высокій, худощавый мужчина. Висѣвшая у потолка лампада тускнымъ свѣтомъ озаряла его самого и лютню, на которой онъ игралъ.

Подъ тихіе звуки струнъ этого довольно большаго инструмента, который онъ держалъ, утонувъ въ подушки своего ложа, онъ то напѣвалъ, то насвистывалъ длинныя мелодіи.

По два, по три и даже по четыре раза повторялъ онъ одинъ и тотъ же мотивъ.

Иногда онъ внезапно давалъ полный просторъ своему высокому и, несмотря на совершенно сѣдые его волосы, еще довольно звучному и пріятному голосу и пѣлъ тогда нѣсколько строфъ съ большимъ выраженіемъ и искусствомъ; иногда же, когда любимицы старухи начинали лаять черезчуръ отчаянно, онъ вскакивалъ съ своего мѣста, съ лютнею въ лѣвой рукѣ и съ длиннымъ, гибкимъ камышомъ въ правой, опрометью бросался на дворъ, кликалъ по именамъ непутевыхъ животныхъ и начиналъ дѣйствовать тростью, будто желая ударить ихъ; но удары его какъ-то никогда не задѣвали ихъ спинъ, а всегда падали только на каменныя плиты около нихъ.

Возвращаясь послѣ такихъ вылазокъ, онъ снова ложился на помятое имъ ложе.

— Эвріонъ, масло-то побереги! — восклицала тогда старуха, указывая на висѣвшую лампочку, за которую вспыльчивый супругъ ея часто задѣвалъ головой.

— Убери своихъ собачонокъ!—обыкновенно отвѣчалъ тотъ съ однимъ и тѣмъ же угрожающимъ движеніемъ руки и огненнымъ взглядомъ своихъ черныхъ глазъ.

Уже болѣе часа продолжались музыкальныя упражненія неутомимаго пѣвца, когда собаки не съ лаемъ, а съ долгимъ, радостнымъ визгомъ снова ринулись вонъ черезъ полуоткрытую дверь.

Старуха быстро отложила въ сторону бѣлье и стала прислушиваться.

— Передъ появленіемъ кесаря сюда слетается столько же птицъ, сколько чаекъ проносится надъ моремъ передъ бурею. Только бы насъ-то оставили въ покоѣ!—проговорилъ, поднимаясь на ноги, высокорослый Эвфоріонъ.

— Послушай, вѣдь это Поллуксъ; я знаю своихъ собакъ!—воскликнула жена его и со всей, возможною для нея, скоростью поспѣшила за порогъ сторожки.

Тамъ дѣйствительно уже стоялъ тотъ, кого она ждала, поочередно поднимая за затылокъ трехъ прыгавшихъ на него четвероногихъ грацій и давая каждой по легонькому щелчку въ носъ.

Увидавъ старуху, пришедшій взялъ ее обѣими руками за голову, поцѣловалъ въ лобъ и ласково промолвилъ:

— Добраго вечера, маленькая матушка!... Здорово, огромный батюшка!—крикнулъ онъ затѣмъ пѣвцу, пожимая протянутую ему руку.

— Самъ ты не ниже меня,—отвѣчалъ на это Эвфоріонъ и, притянувъ къ себѣ молодаго человѣка, положилъ свою широкую ладонь одновременно на собственную сѣдую голову и на украшенную густыми, темно-русыми, волосами голову своего перворожденнаго сына.

— Словно вынуты изъ одной и той же формы!—воскликнулъ юноша.

Дѣйствительно, сходство его съ отцомъ было поразительно, хотя, конечно, онъ походилъ на него такъ, какъ благородный конь походитъ на утомленную долголѣтнею работой лошадь, мраморъ на известнякъ или кедръ на лиственницу.

Оба были замѣчательнаго роста, имѣли тѣ же густые волосы, темные глаза и нѣсколько горбатый, совершенно одинаково очерченный, носъ; но веселость, свѣтившуюся во взорахъ юноши, онъ унаслѣдовалъ не отъ долговязаго пѣвца, а отъ прошечной женщины, которая, ласково гладя его по рукѣ, снизу смотрѣла ему въ лицо.

А откуда же взялось это могучее, не поддающееся никакому описанію «нѣчто», придававшее такъ много благородства его красивой головѣ,—то, о чемъ нельзя было опредѣленно сказать, сіяло ли оно у него въ глазахъ, или выражалось въ очертаніяхъ, совершенно непохожаго на отцовскій, лба?

— Я знала, что ты придешь,—заговорила мать.—Мнѣ это снилось сегодня послѣ обѣда и я докажу тебѣ, что ты не удивилъ меня своимъ приходомъ. Посмотри, тамъ, на угольяхъ, ожидаетъ тебя твое любимое кушанье—пареная капуста съ сосисками.

— Теперь я не могу остаться,—возразилъ Поллуксъ,—право не могу, какъ бы ласково ни улыбалось мнѣ твое доброе лицо и какъ бы заманчиво ни глядѣли на меня изъ-подъ капусты эти миленькія колбаски. Хозяинъ мой, Паппій, уже прошелъ впередъ и тамъ, во дворцѣ, намъ придется сдѣлать чудо въ болѣе короткое время, чѣмъ обыкновенно требуется для рѣшенія того, съ какого конца приняться за работу.

— Ну, такъ я принесу тебѣ капусту туда,—сказала Дорида, приподнимаясь на цыпочки, чтобы приблизить ко рту сына сосиску.

Поллуксъ не отказался отъ предложеннаго такимъ способомъ кушанья.

— Превосходно!—проговорилъ онъ, жуя.—Я бы желалъ, чтобы то, что мнѣ удастся слѣпить тамъ, во дворцѣ, могло съ такимъ же правомъ называться хорошею статуей, какъ этотъ сочный цилиндрикъ, который только-что исчезъ замѣчательно вкусною сосиской.

— Еще одну?—спросила Дорида.

— Нѣтъ, матушка! Да и во дворецъ не приноси мнѣ этой капусты. До полуночи мнѣ нельзя терять ни одной минуты,—только тогда могу я сдѣлать перерывъ,—а тебѣ до тѣхъ поръ надо уже давно видѣть всякіе пріятные сны.

— Я принесу тебѣ капусту,—сказалъ отецъ,—потому что мнѣ и безъ того долго не придется заснуть. При первомъ посѣщеніи императрицы долженъ быть исполненъ въ театрѣ «гимнъ Сабинѣ», сочиненный Месомедомъ. Мнѣ поручили высокій голосъ въ хорѣ старцевъ, которые молодѣютъ при взглядѣ на нее. Завтра у насъ репетиція, а я еще ничего не знаю. Старое такъ и сидитъ у меня въ горлѣ, звуки просто такъ сами и напрашиваются, а вотъ новое-то, новое-то!...

— Все улетучивается?—засмѣялся Поллуксъ.

— Хоть бы согласились они наконецъ поставить на сцену «Пляску Сатировъ» твоего отца или его «Тезея!»—воскликнула Дорида.

— Погоди, матушка! Я самъ посовѣтую это кесарю, какъ скоро онъ провозгласитъ меня Фидіемъ нашего времени и съ гордостью назоветъ меня своимъ другомъ. Тогда онъ, конечно, спроситъ, кто тѣ счастливые смертные, которые меня родили и вырастили. «Это—Эвфоріонъ,—отвѣчу я ему,—Эвфоріонъ, божественный поэтъ и дивный пѣвецъ... А мать моя—это достойная матрона, сторожащая дворецъ твой, это—та Дорида, что испачканный хламъ обращаетъ въ бѣлоснѣжную ткань!»

Эти послѣднія слова молодой художникъ пропѣлъ прекраснымъ и звучнымъ голосомъ на мотивъ одной изъ пѣсенъ, сложенныхъ его отцомъ.

— Зачѣмъ ты не сдѣлался пѣвцомъ?—воскликнулъ Евфоріонъ.

— Тогда бы я могъ имѣть въ виду,—отозвался Поллуксъ,—на закатѣ жизни сдѣлаться твоимъ преемникомъ въ этомъ маленькомъ домикѣ?

— А теперь-то что?—возразилъ старикъ, пожимая плечами.—Теперь ты за жалкую плату насаждаешь тѣ лавры, которыми украшается Паппій.

— Ударитъ же и его часъ,—перебила Дорида,—признаютъ люди и его талантъ! Не даромъ снился онъ мнѣ недавно съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ.

— Терпѣнье, отецъ, терпѣнье!—снова заговорилъ молодой человѣкъ, крѣпко пожимая руку старика.—Я молодъ, здоровъ и тружусь, сколько могу; въ головѣ же у меня цѣлый міръ прекрасныхъ мыслей. То, что я могъ самостоятельно выполнить до сихъ поръ, способствовало по крайней мѣрѣ славѣ другихъ, и хотя мои произведенія далеко не достигаютъ того образа красоты, который мерещится мнѣ гдѣ-то тамъ, въ туманной дали, мнѣ кажется однако, что еслибы счастье, въ минуту милости, уронило на все это хоть пару свѣжихъ росинокъ, изъ меня могло бы выйти нѣчто болѣе чѣмъ плохо оплачиваемая правая рука Паппія, который тамъ, наверху, въ настоящую минуту не знаетъ, что безъ меня и дѣлать.

— Только будь всегда веселъ да трудолюбивъ!—воскликнула Дорида.

— Безъ счастія и случая все это ни къ чему!—пробормоталъ нѣвецъ, снова пожимая плечами.

Молодой художникъ простился съ своими родителями и уже хотѣлъ было удалиться, но мать удержала его за руку, чтобы показать ему новый выводокъ щеглятъ, только вчера вылупившихся изъ яицъ.

Поллуксъ согласился, и не изъ желанія только угодить ей,—онъ самъ былъ не прочь полюбоваться на пеструю птицу, охранявшую и согрѣвавшую своихъ птенцовъ.

Рядомъ съ клѣткой стояла кружка для вина и отдѣланный имъ самимъ художественною рѣзьбой кубокъ его матери.

Взглядъ его упалъ на эти сосуды и онъ, задумавшись, сталъ передвигать ихъ съ мѣста на мѣсто.

Послѣ нѣкотораго молчанія онъ наконецъ собрался съ духомъ.

— Кесарь будетъ часто проходить здѣсь, матушка,—сказалъ онъ смѣясь.— Отложи-ка пока свое празднованіе Діонисіевыхъ торжествъ. Что бы тебѣ, право, помириться на одной четвертой вина и трехъ четвертыхъ воды? Вѣдь будетъ вкусно и такъ.

— Жаль портить прекрасный даръ боговъ,—возразила старуха.

— Ну, только четвертую долю вина, ради меня,—упрашивалъ Поллуксъ и, схвативъ мать за оба плеча, горячо поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Ради тебя, больное дитя?—переспросила Дорида со слезами на глазахъ.—Ради тебя, ежели на то пошло, хоть одну только презрѣнную воду!... Эвфоріонъ, ты пошлешь потомъ допить то, что осталось въ кружкѣ!

Архитекторъ Понтій съ того же вечера дѣятельно принялся за возложенную на него работу. При содѣйствіи своихъ помощниковъ, постоянно слѣдовавшихъ за нимъ, онъ неутомимо измѣрялъ, обдумывалъ, разсылалъ короткія письма, заносилъ числа, имена и соображенія свои на планъ или на двойныя восковыя таблицы и ни минуты не оставался празднымъ.

Занятія его то и дѣло прерывались появленіемъ на Лохію вызванныхъ имъ смотрителей мастерскихъ и фабрикъ, содѣйствіе которыхъ представлялось ему необходимымъ въ дѣлѣ возобновленія дворца. И они являлись, несмотря на поздній часъ, потому что были вызваны отъ имени префекта.

Однимъ изъ послѣднихъ прибылъ ваятель Паппій, хотя Понтій собственноручно написалъ ему, что имѣетъ сдѣлать ему для императора значительный, выгодный и, главное, спѣшный заказъ, къ выполненію котораго, можетъ-быть, придется приступить уже въ теченіе этой ночи. Дѣло шло о статуѣ Уранія, которую слѣдовало изваять въ самомъ дворцѣ, въ десять дней, особеннымъ способомъ, уже примѣненнымъ Паппіемъ при послѣднемъ празднествѣ въ честь Адониса, и по размѣрамъ, приложеннымъ архитекторомъ. Относительно другихъ работъ, которыя нужно было окончить не менѣе быстро, равно какъ и относительно вознагражденія Понтій предлагалъ ему уговориться на мѣстѣ и своевременно.

Ваятель былъ человѣкъ предусмотрительный и потому явился на Лохію не одинъ, а съ лучшимъ изъ своихъ помощниковъ, Поллуксомъ, сыномъ старыхъ дворцовыхъ сторожей, и съ цѣлою толпой рабовъ, которые везли за нимъ на тачкахъ и колесницахъ инструменты, доски, краски, гипсъ и другіе сырые матеріалы.

По пути на Лохію онъ сообщилъ молодому ваятелю, какого рода предстоитъ имъ дѣло, и при этомъ снисходительно объявилъ, что дозволитъ ему испытать собственныя силы на созданіи статуи Уранія.

У воротъ дворца онъ поручилъ Поллуксу привѣтствовать отъ его имени своихъ родителей и затѣмъ одинъ отправился во дворецъ, чтобы тамъ безъ свидѣтелей приступить къ переговорамъ своимъ съ архитекторомъ Понтіемъ.

Молодой помощникъ прекрасно понималъ своего хозяина.

Онъ зналъ, что ему придется одному создать и отдѣлать всю статую, и что Паппій, сдѣлавъ кое-какія ничтожныя измѣненія на готовой работѣ, выдастъ ее въ концѣ концовъ за собственное свое произведеніе.

Съ подобнаго рода постояннымъ образомъ дѣйствія Поллуксу приходилось не разъ мириться въ продолженіе двухъ лѣтъ и онъ безпрекословно подчинился и теперь намѣреніямъ своего хозяина. У послѣдняго было много заказовъ, а творчество представляло само по себѣ величайшее изъ наслажденій для молодого художника.

Паппій, рано принявшій его въ ученики и сообщившій все то знаніе и умѣнье, какими обладалъ самъ, не былъ скрягою, а Поллуксъ нуждался въ деньгахъ не только для себя, но и для прокормленія своей овдовѣвшей сестры съ ея дѣтьми, о которыхъ

онъ заботился, какъ будто это было его собственное семейство. Онъ радовался также всякому незначительному удобству, которое онъ могъ доставлять бѣднымъ родителямъ, охотно уплачивая за ученіе своего младшаго брата, Тевкра, посвятившаго себя рѣзьбѣ на камнѣ.

Иногда ему, правда, приходила въ голову мысль заявить своему хозяину, что онъ намѣренъ впредь стать на собственныя ноги и пожинать лавры для себя; но что же сталось бы съ тѣми, которые полагались теперь на его помощь, еслибъ онъ пожертвовалъ своимъ вѣрнымъ и все-таки порядочнымъ заработкомъ и, подобно многимъ неизвѣстнымъ начинающимъ, остался бы безъ заказовъ?

Къ чему послужили бы ему и творческій даръ, и искреннѣйшая рѣшимость, еслибъ ему не представилось случая исполнять свои произведенія изъ благороднаго матеріала? А пріобрѣтать его на собственныя средства онъ былъ не въ состояніи.

Въ то время, какъ онъ разговаривалъ съ своими стариками, Панній уже открылъ свои переговоры съ архитекторомъ.

Понтій обстоятельно изложилъ свои требованія ваятелю.

Послѣдній слушалъ съ большимъ вниманіемъ, ни разу не перебивая говорившаго, и только изрѣдка поглаживалъ правою рукой свое особенно тщательно выбритое, гладкое, какъ восковая маска, и раскрашенное лицо, какъ будто желая сдѣлать его еще болѣе гладкимъ, или измѣнялъ расположеніе складокъ на груди своей дорогой, голубаго цвѣта, тоги, которую онъ старался носить на подобіе римскихъ сенаторовъ.

Но когда Понтій, дойдя съ нимъ до конца предназначенныхъ для императора покоевъ, показалъ ему послѣднюю статую, которая требовала возобновленія, нуждаясь въ новой рукѣ, Панній рѣшительно воскликнулъ:

— Это дѣло неподходящее!

— Не слишкомъ ли это быстрое рѣшеніе? — возразилъ зодчій. — Или ты не знаешь прекраснаго изреченія, которое приписывается многимъ мудрецамъ, что неосмотрительнѣе называть невозможнымъ дѣло только трудное, чѣмъ браться за такое, которое можетъ, вѣроятно, превзойти наши силы?

Панній улыбнулся, разглядывая свою, покрытую золотыми украшеніями, обувь.

— Намъ, ваятелямъ, — сказалъ онъ, — труднѣе, нежели вамъ, работающимъ надъ громадными массами, сродниться съ мыслью

Однимъ изъ послѣднихъ прибылъ ваятель Пан-
тій собственноручно написалъ ему, что имѣетъ
императора значительный, выгодный и, гла
казъ, къ выполненію котораго, можетъ-бы
нить уже въ теченіе этой ночи. Дѣло
торую слѣдовало изваять въ самомъ
особеннымъ способомъ, уже примѣн
немъ празднествѣ въ честь Адони
нымъ архитекторомъ. Относит
нужно было окончить не мен
тельно вознагражденія Пон
мѣстѣ и своевременно.

Ваятель былъ челов
на Лохію не одинъ
Поллуксомъ, сыном
толпой рабовъ,
инструменты

По пути
рода пред
что дозв
туш
ег

Не доставало уже только часа до полуночи, а обѣдъ, присланный архитектору Тиціаномъ, оставался еще нетронутымъ.

Понтій чувствовалъ себя голоднымъ, но прежде, чѣмъ приняться за вкусное и заманчивое жаркое, огненно-красныя лангусты, коричневато-желтый паштетъ и разноцвѣтные плоды, которые рабъ разставилъ на мраморномъ столѣ, онъ счелъ своимъ долгомъ еще разъ пройтись по избранной для передѣлки амфиладѣ.

Слѣдовало удостовѣриться, работаютъ ли, какъ должно, и не нуждаются ли въ чемъ-либо занятые предварительною очисткой комнатъ рабы, которымъ оставалось трудиться еще нѣсколько часовъ до краткаго отдыха; послѣ чего они должны были съ утреннимъ свѣтомъ снова возвратиться въ усиленномъ количествѣ для продолженія своего спѣшнаго и тяжелаго труда.

Всюду требовали лучшаго освѣщенія, а рабочіе, чистившіе полъ и колонны въ залѣ музъ, громко кричали о невозможности продолжать работу при такомъ небольшомъ количествѣ факеловъ и лампъ.

минуту надъ перегородкою, окружавшей мѣсто, на-
изготовленія Уранін, показалась красивая голова
ника.

за съ небесною сферой въ рукѣ, — воскликнулъ
лосомъ,—покровительствуетъ астрологамъ и ло-
ночь, но только тогда, когда стоитъ окончен-
есталѣ. Чтобы лѣпить ее, надо свѣта, много
этомъ пустомъ стойлѣ слушать весь этотъ
чится, какъ скоро здѣсь станетъ свѣтлѣе.
къ, для моей богини и для этихъ хлопо-

чялъ глаза на Поллукса, произнесшаго

въ и будетъ услышанъ, другъ! —
ты, въ самомъ дѣлѣ, что въ свѣтѣ
чъ?

чѣтъ,—возразилъ Поллуксъ,—
олче.

...ьются и другія основанія, о которыхъ мы
съ тобою завтра во время отдыха, а теперь я пойду
ться о лампахъ и факелахъ.

— Да воздастъ тебѣ за это Уранія, которая покровитель-
ъ и изящнымъ искусствамъ!—крикнулъ Поллуксъ вслѣдъ
ившему архитектору.

Отыскавъ своего главнаго надсмотрщика, Понтій спросилъ,
былъ ли онъ, согласно его распоряженію, дворцовому управи-
телю, Керавну, явиться къ нему и представить лампы и смоля-
ныя плошки, заготовленныя для внѣшняго освѣщенія дворца.

— Трижды ходилъ я къ этому человѣку, — отвѣчалъ над-
смотрщикъ,—но онъ каждый разъ только отдувался какъ лягушка
и не удостоивалъ меня ни единаго слова. Дочь его, на которую
тебѣ стоитъ взглянуть, потому что она очаровательна, да еле
живой черный рабъ проводили меня, по его приказанію, въ чуланъ,
гдѣ я и нашелъ тѣ нѣсколько лампъ, которыя ты видишь здѣсь.

Архитекторъ съ недовольнымъ видомъ быстро повернулся къ
надсмотрщику спиной. Развернувъ планъ дворца и отыскавъ на
немъ жилище упрямаго Керавна, онъ взялъ стоявшую близъ него
лампочку изъ красной глины и, привыкшій руководиться черте-
жами, скоро нашелъ помѣщеніе управителя, отдѣленное отъ залы
музъ только нѣсколькими комнатами и длинною галлереей.

о титанической борьбѣ съ невозможнымъ. Я еще не вижу средствъ, присутствіе которыхъ могло бы укрѣпить мои силы для начатія подобнаго рода борьбы.

— Средства эти я тебѣ назову,—быстро и рѣшительно отвѣчалъ Понтій:—съ твоей стороны добрая воля, достаточное количество помощниковъ и работа по ночамъ, а съ нашей—благоволеніе императора и очень много золота.

Послѣ этихъ словъ переговоры приняли болѣе благопріятный оборотъ и быстро приблизились къ концу, причемъ архитекторъ принужденъ былъ, въ большинствѣ случаевъ, безусловно соглашаться съ дѣльными, обдуманными предложеніями вантеля.

— Теперь я отправлюсь домой,—сказалъ въ заключеніе Панпій, — а помощникъ мой немедленно же примется за подготовительныя работы. Намъ необходимо будетъ огородить мѣсто это щитами, чтобы никто не могъ нашъ мѣшать и тормозить дѣла своими замѣчаніями.

Полчаса спустя, среди залы, на томъ мѣстѣ, гдѣ должна была находиться Уранія, уже возвышался деревянный помостъ; вокругъ него ставились высокія рамы, затянутыя холстомъ, а вскорѣ за этими легкими ширмами уже работалъ Поллуксъ, занимаясь лѣпкою маленькой восковой модели, между тѣмъ какъ хозяинъ его направился къ себѣ домой, чтобы распорядиться приготовленіемъ всего необходимаго для будущихъ работъ.

Не доставало уже только часа до полуночи, а обѣдъ, присланный архитектору Тиціаномъ, оставался еще нетронутымъ.

Понтій чувствовалъ себя голоднымъ; но прежде, чѣмъ приняться за вкусное и заманчивое жаркое, отмѣнно-красныя лангусты, коричневато-желтый паштетъ и разноцвѣтные плоды, которые рабъ разставилъ на мраморномъ столѣ, онъ счелъ своимъ долгомъ еще разъ пройтись по избранной для передѣлки амфиладѣ.

Слѣдовало удостовѣриться, работаютъ ли, какъ должно, и не нуждаются ли въ чемъ-либо занятые предварительною очисткой комнаты рабы, которымъ оставалось трудиться еще нѣсколько часовъ до краткаго отдыха; послѣ чего они должны были съ утреннимъ свѣтомъ снова возвратиться въ усиленномъ количествѣ для продолженія своего спѣшнаго и тяжелаго труда.

Всюду требовали лучшаго освѣщенія, а рабочіе, чистившіе полъ и колонны въ залѣ музъ, громко кричали о невозможности продолжать работу при такомъ небольшомъ количествѣ факеловъ и лампъ.

Въ эту минуту надъ перегородкою, окружавшей мѣсто, назначенное для изготовленія Уранін, показалась красивая голова молодаго художника.

— Моя муза съ небесною сферой въ рукѣ, — воскликнулъ онъ звучнымъ голосомъ, — покровительствуетъ астрологамъ и любитъ всего болѣе ночь, но только тогда, когда стоитъ оконченная на своемъ пьедесталѣ. Чтобы лѣпить ее, надо свѣта, много свѣта! Не весело въ этомъ пустомъ стойлѣ слушать весь этотъ гамъ, который уменьшится, какъ скоро здѣсь станетъ свѣтлѣе. Давай же свѣта, человѣкъ, для моей богини и для этихъ хлопочущихъ людей!

Понтій съ улыбкой поднялъ глаза на Поллукса, произнесшаго эти слова.

— Твой вопль справедливъ и будетъ услышанъ, другъ! — сказалъ онъ. — Но думаешь ли ты, въ самомъ дѣлѣ, что въ свѣтѣ заключается сила заглушать шумъ?

— Но крайней мѣрѣ, гдѣ его нѣтъ, — возразилъ Поллуксъ, — каждый звукъ кажется вдвое громче.

— Ну, на это имѣются и другія основанія, о которыхъ мы потолкуемъ съ тобою завтра во время отдыха, а теперь я пойду позаботиться о лампахъ и факелахъ.

— Да воздастъ тебѣ за это Уранія, которая покровительствуетъ и изящнымъ искусствамъ! — крикнулъ Поллуксъ вслѣдъ уходившему архитектору.

Отыскавъ своего главнаго надсмотрщика, Понтій спросилъ, велѣлъ ли онъ, согласно его распоряженію, дворцовому управителю, Керавну, явиться къ нему и представить лампы и смоляныя плошки, заготовленныя для внѣшняго освѣщенія дворца.

— Трижды ходилъ я къ этому человѣку, — отвѣчалъ надсмотрщикъ, — но онъ каждый разъ только отдувался какъ лягушка и не удостоивалъ меня ни единаго слова. Дочь его, на которую тебѣ стоитъ взглянуть, потому что она очаровательна, да еще живой черной рабъ проводили меня, по его приказанію, въ чуланъ, гдѣ я и нашелъ тѣ нѣсколько лампъ, которыя ты видишь здѣсь.

Архитекторъ съ недовольнымъ видомъ быстро повернулся къ надсмотрщику спиной. Развернувъ планъ дворца и отыскавъ на немъ жилище упрямаго Керавна, онъ взялъ стоявшую близъ него ламночку изъ красной глины и, привыкшій руководиться чертежами, скоро нашелъ помѣщеніе управителя, отдѣленное отъ залы музъ только нѣсколькими комнатами и длинною галлереей.

о титанической борьбѣ съ невозможнымъ. Я еще не вижу средствъ, присутствіе которыхъ могло бы укрѣпить мои силы для начатія подобнаго рода борьбы.

— Средства эти я тебѣ назову,—быстро и рѣшительно отвѣчалъ Понтій:—съ твоей стороны добрая воля, достаточное количество помощниковъ и работа по ночамъ, а съ нашей—благоволеніе императора и очень много золота.

Послѣ этихъ словъ переговоры приняли болѣе благопріятный оборотъ и быстро приблизились къ концу, причемъ архитекторъ принужденъ былъ, въ большинствѣ случаевъ, безусловно соглашаться съ дѣльными, обдуманными предложеніями ваятеля.

— Теперь я отправлюсь домой,—сказалъ въ заключеніе Паппій, — а помощникъ мой немедленно же примется за подготовительныя работы. Намъ необходимо будетъ огородить мѣсто это щитами, чтобы никто не могъ намъ мѣшать и тормозить дѣла своими замѣчаніями.

Полчаса спустя, среди залы, на томъ мѣстѣ, гдѣ должна была находиться Уранія, уже возвышался деревянный помостъ; вокругъ него ставились высокія рамы, затянутыя холстомъ, а вскорѣ за этими легкими ширмами уже работалъ Поллуксъ, занимаясь лѣпкою маленькой восковой модели, между тѣмъ какъ хозяинъ его направлялся къ себѣ домой, чтобы распорядиться приготовленіемъ всего необходимаго для будущихъ работъ.

Не доставало уже только часа до полуночи, а обѣдъ, присланный архитектору Тиціаномъ, оставался еще нетронутымъ.

Понтій чувствовалъ себя голоднымъ, но прежде, чѣмъ приняться за вкусное и заманчивое жаркое, огненно-красныя лангусты, коричневато-желтый паштетъ и разноцвѣтные плоды, которые рабъ разставилъ на мраморномъ столѣ, онъ счелъ своимъ долгомъ еще разъ пройтись по избранной для передѣлки амфиладѣ.

Слѣдовало удостовѣриться, работаютъ ли, какъ должно, и не нуждаются ли въ чемъ-либо занятые предварительною очисткой комнатъ рабы, которымъ оставалось трудиться еще нѣсколько часовъ до краткаго отдыха; послѣ чего они должны были съ утреннимъ свѣтомъ снова возвратиться въ усиленномъ количествѣ для продолженія своего спѣшнаго и тяжелаго труда.

Всюду требовали лучшаго освѣщенія, а рабочіе, чистившіе полъ и колонны въ залѣ музъ, громко кричали о невозможности продолжать работу при такомъ небольшомъ количествѣ факеловъ и лампъ.

Въ эту минуту надъ перегородкою, окружавшей мѣсто, назначенное для изготовленія Уранін, показалась красивая голова молодаго художника.

— Моя муза съ небесною сферой въ рукѣ, — воскликнулъ онъ звучнымъ голосомъ, — покровительствуетъ астрологамъ и любитъ всего болѣе ночь, но только тогда, когда стоитъ оконченная на своемъ пьедесталѣ. Чтобы лѣпить ее, надо свѣта, много свѣта! Не весело въ этомъ пустомъ стойлѣ слушать весь этотъ гамъ, который уменьшится, какъ скоро здѣсь станетъ свѣтлѣе. Давай же свѣта, человѣкъ, для моей богини и для этихъ хлопочущихъ людей!

Понтій съ улыбкой поднялъ глаза на Поллукса, произнесшаго эти слова.

— Твой вопль справедливъ и будетъ услышанъ, другъ! — сказалъ онъ. — Но думаешь ли ты, въ самомъ дѣлѣ, что въ свѣтѣ заключается сила заглушать шумъ?

— Но крайней мѣрѣ, гдѣ его нѣтъ, — возразилъ Поллуксъ, — каждый звукъ кажется вдвое громче.

— Ну, на это имѣются и другія основанія, о которыхъ мы потолкуемъ съ тобою завтра во время отдыха, а теперь я пойду позаботиться о лампахъ и факелахъ.

— Да воздастъ тебѣ за это Уранія, которая покровительствуетъ и изящнымъ искусствамъ! — крикнулъ Поллуксъ вслѣдъ уходившему архитектору.

Отыскавъ своего главнаго надсмотрщика, Понтій спросилъ, велѣлъ ли онъ, согласно его распоряженію, дворцовому управителю, Керавну, явиться къ нему и представить лампы и смоляныя плошки, заготовленныя для внѣшняго освѣщенія дворца.

— Трижды ходилъ я къ этому человѣку, — отвѣчалъ надсмотрщикъ, — но онъ каждый разъ только отдувался какъ лягушка и не удостоивалъ меня ни единаго слова. Дочь его, на которую тебѣ стоитъ взглянуть, потому что она очаровательна, да еще живой черный рабъ проводили меня, по его приказанію, въ чуланъ, гдѣ я и нашелъ тѣ нѣсколько лампъ, которыя ты видишь здѣсь.

Архитекторъ съ недовольнымъ видомъ быстро повернулся къ надсмотрщику спиной. Развернувъ планъ дворца и отыскавъ на немъ жилище упрямаго Керавна, онъ взялъ стоявшую близъ него ламночку изъ красной глины и, привыкшій руководиться чертежами, скоро нашелъ помѣщеніе управителя, отдѣленное отъ залы музъ только нѣсколькими комнатами и длинною галлереей.

о титанической борьбѣ съ невозможнымъ. Я еще не вижу средствъ, присутствіе которыхъ могло бы укрѣпить мои силы для начатія подобнаго рода борьбы.

— Средства эти я тебѣ назову,—быстро и рѣшительно отвѣчалъ Понтій:—съ твоей стороны добрая воля, достаточное количество помощниковъ и работа по ночамъ, а съ нашей—благоволеніе императора и очень много золота.

Послѣ этихъ словъ переговоры приняли болѣе благопріятный оборотъ и быстро приблизились къ концу, причемъ архитекторъ принужденъ былъ, въ большинствѣ случаевъ, безусловно соглашаться съ дѣльными, обдуманными предложеніями капителя.

— Теперь я отправлюсь домой,—сказалъ въ заключеніе Панній, — а помощникъ мой немедленно же примется за подготовительныя работы. Намъ необходимо будетъ огородить мѣсто это щитами, чтобы никто не могъ намъ мѣшать и тормозить дѣла своими замѣчаніями.

Полчаса спустя, среди залы, на томъ мѣстѣ, гдѣ должна была находиться Уранія, уже возвышался деревянный помостъ; вокругъ него ставились высокія рамы, затянутыя холстомъ, а вскорѣ за этими легкими ширмами уже работалъ Поллуксъ, занимаясь лѣпкою маленькой восковой модели, между тѣмъ какъ хозяинъ его направился къ себѣ домой, чтобы распорядиться приготовленіемъ всего необходимаго для будущихъ работъ.

Не доставало уже только часа до полуночи, а обѣдъ, присланный архитектору Тиціаномъ, оставался еще нетронутымъ.

Понтій чувствовалъ себя голоднымъ, но прежде, чѣмъ приняться за вкусное и заманчивое жаркое, огненно-красныя лангусты, коричневато-желтый паштетъ и разноцвѣтные плоды, которые рабъ разставилъ на мраморномъ столѣ, онъ счелъ своимъ долгомъ еще разъ пройтись по избранной для передѣлки амфиладѣ.

Слѣдовало удостовѣриться, работаютъ ли, какъ должно, и не нуждаются ли въ чемъ-либо занятые предварительною очисткой комнатъ рабы, которымъ оставалось трудиться еще нѣсколько часовъ до краткаго отдыха; послѣ чего они должны были съ утреннимъ свѣтомъ снова возвратиться въ усиленномъ количествѣ для продолженія своего спѣшнаго и тяжелаго труда.

Всюду требовали лучшаго освѣщенія, а рабочіе, чистившіе полъ и колонны въ залѣ музъ, громко кричали о невозможности продолжать работу при такомъ небольшомъ количествѣ факеловъ и лампъ.

Въ эту минуту надъ перегородкою, окружавшей мѣсто, назначенное для изготовленія Уранін, показалась красивая голова молодаго художника.

— Моя муза съ небесною сферой въ рукѣ, — воскликнулъ онъ звучнымъ голосомъ,—покровительствуетъ астрологамъ и любитъ всего болѣе ночь, но только тогда, когда стоитъ оконченная на своемъ пьедесталѣ. Чтобы лѣпить ее, надо свѣта, много свѣта! Не весело въ этомъ пустомъ стойлѣ слушать весь этотъ гамъ, который уменьшится, какъ скоро здѣсь станетъ свѣтлѣе. Давай же свѣта, человѣкъ, для моей богини и для этихъ хлопочущихъ людей!

Понтій съ улыбкой поднялъ глаза на Поллукса, произнесшаго эти слова.

— Твой вопль справедливъ и будетъ услышанъ, другъ! — сказалъ онъ.—Но думаешь ли ты, въ самомъ дѣлѣ, что въ свѣтѣ заключается сила заглушать шумъ?

— Но крайней мѣрѣ, гдѣ его нѣтъ,—возразилъ Поллуксъ,—каждый звукъ кажется вдвое громче.

— Ну, на это имѣются и другія основанія, о которыхъ мы потолкуемъ съ тобою завтра во время отдыха, а теперь я пойду позаботиться о лампахъ и факелахъ.

— Да воздастъ тебѣ за это Уранія, которая покровительствуетъ и изящнымъ искусствамъ!—крикнулъ Поллуксъ вслѣдъ уходившему архитектору.

Отыскавъ своего главнаго надсмотрщика, Понтій спросилъ, велѣлъ ли онъ, согласно его распоряженію, дворцовому управителю, Керавну, явиться къ нему и представить лампы и смоляныя плошки, заготовленныя для внѣшняго освѣщенія дворца.

— Трижды ходилъ я къ этому человѣку, — отвѣчалъ надсмотрщикъ,—но онъ каждый разъ только отдувался какъ лягушка и не удостоивалъ меня ни единаго слова. Дочь его, на которую тебѣ стоитъ взглянуть, потому что она очаровательна, да еще живой черный рабъ проводили меня, по его приказанію, въ чуланъ, гдѣ я и нашелъ тѣ нѣсколько лампъ, которыя ты видишь здѣсь.

Архитекторъ съ недовольнымъ видомъ быстро повернулся къ надсмотрщику спиной. Развернувъ планъ дворца и отыскавъ на немъ жилище упрямаго Керавна, онъ взялъ стоявшую близъ него ламночку изъ красной глины и, привыкшій руководиться чертежами, скоро нашелъ помѣщеніе управителя, отдѣленное отъ залы музъ только нѣсколькими комнатами и длинною галлереей.

о титанической борьбѣ съ невозможнымъ. Я еще не вижу средствъ, присутствіе которыхъ могло бы укрѣпить мои силы для начатія подобнаго рода борьбы.

— Средства эти я тебѣ назову,—быстро и рѣшительно отвѣчалъ Понтій:—съ твоей стороны добрая воля, достаточное количество помощниковъ и работа по ночамъ, а съ нашей—благоволеніе императора и очень много золота.

Послѣ этихъ словъ переговоры приняли болѣе благопріятный оборотъ и быстро приблизились къ концу, причемъ архитекторъ принужденъ былъ, въ большинствѣ случаевъ, безусловно соглашаться съ дѣльными, обдуманными предложеніями вантеля.

— Теперь я отправлюсь домой,—сказалъ въ заключеніе Панній, — а помощникъ мой немедленно же примется за подготовительныя работы. Намъ необходимо будетъ огородить мѣсто это щитами, чтобы никто не могъ намъ мѣшать и тормозить дѣла своими замѣчаніями.

Полчаса спустя, среди залы, на томъ мѣстѣ, гдѣ должна была находиться Уранія, уже возвышался деревянный помостъ; вокругъ него ставились высокія рамы, затянутыя холстомъ, а вскорѣ за этими легкими ширмами уже работалъ Поллуксъ, занимаясь лѣпкою маленькой восковой модели, между тѣмъ какъ хозяинъ его направился къ себѣ домой, чтобы распорядиться приготовленіемъ всего необходимаго для будущихъ работъ.

Не доставало уже только часа до полуночи, а обѣдъ, присланный архитектору Тиціаномъ, оставался еще нетронутымъ.

Понтій чувствовалъ себя голоднымъ, но прежде, чѣмъ приняться за вкусное и заманчивое жаркое, огненно-красныя лангусты, коричневато-желтый паштетъ и разноцвѣтные плоды, которые рабъ разставилъ на мраморномъ столѣ, онъ счелъ своимъ долгомъ еще разъ пройтись по избранной для передѣлки амфиладѣ.

Слѣдовало удостовѣриться, работаютъ ли, какъ должно, и не нуждаются ли въ чемъ-либо занятые предварительною очисткой комнаты рабы, которымъ оставалось трудиться еще нѣсколько часовъ до краткаго отдыха; послѣ чего они должны были съ утреннимъ свѣтомъ снова возвратиться въ усиленномъ количествѣ для продолженія своего спѣшнаго и тяжелаго труда.

Всюду требовали лучшаго освѣщенія, а рабочіе, чистившіе полъ и колонны въ залѣ музъ, громко кричали о невозможности продолжать работу при такомъ небольшомъ количествѣ факеловъ и лампъ.

Въ эту минуту надъ перегородкою, окружавшей мѣсто, назначенное для изготовленія Уранін, показалась красивая голова молодаго художника.

— Моя муза съ небесною сферой въ рукѣ, — воскликнулъ онъ звучнымъ голосомъ,—покровительствуетъ астрологамъ и любитъ всего болѣе ночь, но только тогда, когда стоитъ оконченная на своемъ пьедесталѣ. Чтобы лѣпить ее, надо свѣта, много свѣта! Не весело въ этомъ пустомъ стойлѣ слушать весь этотъ гамъ, который уменьшится, какъ скоро здѣсь станетъ свѣтлѣе. Давай же свѣта, человѣкъ, для моей богини и для этихъ хлопочущихъ людей!

Понтій съ улыбкой поднялъ глаза на Поллукса, произнесшаго эти слова.

— Твой вопль справедливъ и будетъ услышанъ, другъ! — сказалъ онъ.—Но думаешь ли ты, въ самомъ дѣлѣ, что въ свѣтѣ заключается сила заглушать шумъ?

— Но крайней мѣрѣ, гдѣ его нѣтъ,—возразилъ Поллуксъ,—каждый звукъ кажется вдвое громче.

— Ну, на это имѣются и другія основанія, о которыхъ мы потолкуемъ съ тобою завтра во время отдыха, а теперь я пойду позаботиться о лампахъ и факелахъ.

— Да воздастъ тебѣ за это Уранія, которая покровительствуетъ и изящнымъ искусствамъ!—крикнулъ Поллуксъ вслѣдъ уходившему архитектору.

Отыскавъ своего главнаго надсмотрщика, Понтій спросилъ, велѣлъ ли онъ, согласно его распоряженію, дворцовому управителю, Керавну, явиться къ нему и представить лампы и смоляныя плошки, заготовленныя для внѣшняго освѣщенія дворца.

— Трижды ходилъ я къ этому человѣку, — отвѣчалъ надсмотрщикъ,—но онъ каждый разъ только отдувался какъ лягушка и не удостоивалъ меня ни единаго слова. Дочь его, на которую тебѣ стоитъ взглянуть, потому что она очаровательна, да еще живой черной рабъ проводили меня, по его приказанію, въ чуланъ, гдѣ я и нашелъ тѣ нѣсколько лампъ, которыя ты видишь здѣсь.

Архитекторъ съ недовольнымъ видомъ быстро повернулся къ надсмотрщику спиной. Развернувъ планъ дворца и отыскавъ на немъ жилище упрямаго Керавна, онъ взялъ стоявшую близъ него ламночку изъ красной глины и, привыкшій руководиться чертежами, скоро нашелъ помѣщеніе управителя, отдѣленное отъ залы музъ только нѣсколькими комнатами и длинною галлереей.

Полупритворенная дверь ввела его въ темную переднюю, за которой слѣдовала другая комната и обширный, порядочно убранный покой, очевидно, служившій пріемной и столовой хозяину.

Входъ въ нее былъ безъ дверей и закрывался только широко раздвинутыми полинялыми занавѣсками.

Понтій могъ такимъ образомъ, оставаясь незамѣченнымъ, безпрепятственно оглядѣть столъ, на которомъ, между блюдомъ и тарелками, красовался огромный бронзовый свѣтильникъ.

За столомъ, обративъ свое круглое, раскраснѣвшееся лицо ко входу, сидѣлъ, развалясь въ широкомъ креслѣ, толстый управитель, и раздосадованный архитекторъ не преминулъ бы быстро и рѣшительно появиться передъ нимъ, еслибы до слуха его, едва онъ вступилъ во вторую комнату, не донеслось тихое, но болѣзненное рыданіе.

Плачущая была стройная молодая дѣвушка, которая только-что вошла черезъ боковую дверь и остановилась подлѣ управителя, поставивъ передъ нимъ дощечку съ хлѣбомъ.

— Ну, не плачь же, Селена! — сказалъ Керавнъ, медленно ломая хлѣбъ и видимо стараясь успокоить дочь.

— Какъ же мнѣ не плакать?—отвѣчала дѣвушка.—Позволь мнѣ хоть завтра купить для тебя немного мяса: вѣдь ты знаешь, что врачи запретили тебѣ есть постоянно одинъ только хлѣбъ!

— Человѣкъ долженъ же быть сытымъ,—перебилъ толстякъ,—а мясо дорого. У меня девять ртовъ, которые приходится кормить, не считая рабовъ. Откуда же возьму я деньги, чтобы покупать мясо для всѣхъ?

— Мы легко обойдемся и безъ него, но тебѣ-то оно необходимо.

— Нельзя, дитя мое, нельзя! Мясникъ больше въ долгъ не отпускаетъ, другіе заимодавцы не даютъ покоя, а у насъ до конца мѣсяца остается всего-на-все десять драхмъ.

Слова эти заставили дѣвушку поблѣднѣть.

— Но, отецъ,—боязливо сказала она,—ты еще сегодня утромъ показывалъ мнѣ три золотыхъ, которые достались на твою долю изъ подарка, раздѣленнаго между гражданами по случаю пріѣзда императрицы?

Управитель нѣкоторое время медлилъ отвѣтомъ и съ озадаченнымъ видомъ перекатывалъ между пальцами кусочекъ хлѣбнаго мякиша.

— Я купилъ на нихъ эту пряжу съ отшлифованнымъ оникомъ,—наконецъ, заговорилъ онъ.—Просто, знаешь ли, до смѣшнаго дешево! Кесарь, когда пріѣдетъ, долженъ сразу увидѣть, кто я такой, а въ случаѣ моей смерти всякій съ радостью дастъ вамъ за это произведеніе искусства вдвое болѣе, чѣмъ я заплатилъ. Повѣрь мнѣ, деньги императрицы въ этой вещицѣ не пропадутъ.

Селена ничего не отвѣтила, но, глубоко вздохнувъ, окинула взоромъ рядъ совершенно безполезныхъ предметовъ, которые управитель накупилъ исключительно вслѣдствіе ихъ «дешевизны», въ то время, какъ она и семеро младшихъ нуждались въ самомъ необходимомъ.

— Отецъ,—снова начала она послѣ нѣкотораго молчанія,— ты запретилъ мнѣ объ этомъ говорить, но я все-таки скажу, хотя бы ты на меня и разсердился. Архитекторъ, который распоряжается тамъ работами, уже два раза присылалъ за тобою.

— Молчи!—крикнулъ управитель, окончательно побагровѣвъ и ударивъ по столу кулакомъ. — Ты забыла, что ли, кто этотъ архитекторъ и кто я?

— Я знаю, что ты благороднаго, македонскаго происхожденія, что ты, можетъ-быть, даже находишься въ родствѣ съ царственнымъ домомъ Птоломеевъ и засѣдаешь въ собраніи гражданъ, но на этотъ разъ будь все-таки снисходителенъ и добръ. Вѣдь у него работы по-горло, онъ усталъ....

— И мнѣ сегодня не пришлось посидѣть спокойно. Что подобаетъ, то подобаетъ. Я—Керавнъ, сынъ Птоломея, предки котораго прибыли въ Египетъ вмѣстѣ съ великимъ Александромъ и участвовали въ основаніи этого города,— это знаетъ всякій. Богатство наше, правда, уменьшилось, но именно потому-то я и стою на томъ, чтобы признавали благородство нашей крови. Понтій велитъ позвать Керавна... Ха-ха-ха! Не будь это такъ возмутительно, это во всякомъ случаѣ было бы смѣшно, потому что... Знаешь ли ты, кто этотъ человѣкъ, кто онъ такой? Я ужъ тебѣ это говорилъ. Дѣдъ его былъ вольноотпущенникъ покойнаго префекта Клавдія Бальбилла, а отецъ его вышелъ въ люди и разбогатѣлъ только по милости римлянъ. Значитъ, онъ потомокъ рабовъ, а ты хочешь, чтобъ я былъ его покорнымъ слугой, чтобъ я шелъ, когда ему вздумается позвать меня.

— Но, отецъ, отецъ! вѣдь онъ велѣлъ просить къ себѣ не сына Птоломея, а управителя этого дворца!

— Пустое вранье, говорю тебѣ. Замолчи! Я шагу къ нему не сдѣлаю.

Дѣвушка, закрывъ лицо руками, зарыдала такъ громко и жалобно, что Керавнъ содрогнулся.

— Клянусь великимъ Сераписомъ! — закричалъ онъ внѣ себя, — не могу я этого долѣе выносить. Ну, къ чему это хныканье?

Селена собралась съ духомъ и, ближе подойдя къ взволнованному отцу, заговорила прерывающимся отъ слезъ голосомъ:

— Ты долженъ идти, отецъ, долженъ непремѣнно! Я говорила съ надсмотрщикомъ и онъ рѣшительно и холодно объявилъ мнѣ, что архитекторъ дѣйствуетъ здѣсь отъ имени императора и можетъ, если ты не послушаешься, немедленно отставить тебя отъ должности. Что же будетъ съ нами, если это случится?... Отецъ, отецъ! подумай о слѣпомъ Геліосѣ и бѣдной Вероникѣ! Мы съ Арсиноей еще какъ-нибудь найдемъ себѣ пропитаніе, но меньшіе, меньшіе-то...

Дѣвушка не договорила и, опустившись на колѣни, съ рыданіемъ простерла къ упрямцу руки.

Вся кровь прилила къ головѣ и глазамъ Керавна. Барабаня пальцами по раскраснѣвшемуся лбу, онъ, будто пораженный ударомъ, тяжело опрокинулся на спинку кресла.

Испуганная дочь немедленно вскочила на ноги и подала ему стоявшій на столѣ бокалъ съ разбавленнымъ водою виномъ, но Керавнъ отстранилъ его рукою.

— Меня отставить отъ должности!—вскричалъ онъ задыхающимся, хриплымъ голосомъ, — меня выгнать хотятъ изъ этого дворца!... Тамъ, въ этомъ ящикѣ изъ чернаго дерева, лежитъ рукописаніе Эвергета, передающее предку моему Филиппу должность управителя этого дворца, какъ званіе наслѣдственное въ его семействѣ. Супруга этого Филиппа имѣла честь быть любовницей или, какъ утверждаютъ другіе, дочерью царя. Тамъ хранится документъ, написанный красными и черными чернилами на желтомъ папирусѣ и снабженный печатью и подписью втораго Эвергета. Всѣ цари изъ дома Лагидовъ подтвердили его, всѣми римскими префектами онъ принимался въ уваженіе, а теперь, теперь...

Управитель съ видомъ отчаянія ломалъ себѣ руки.

— Но вѣдь ты еще въ должности,—перебила его Селена,—и еслибы тебѣ только было угодно...

— Угодно, угодно!— кричалъ толстякъ, потрясая жирными руками надъ налитою кровью головой.— Мнѣ *будетъ* угодно! Я не повергну васъ въ несчастіе. Я пойду, пойду къ нему! Ради дѣтей моихъ позволю имъ наругаться надо мной. Какъ пеликанъ, буду кормить птенцовъ своихъ собственною кровью. Но ты должна понимать, что мнѣ стоитъ такое самоуниженіе! Оно невыносимо для меня и сердце мое готово разорваться на части. Развѣ этотъ архитекторъ не потѣшался надо мной, какъ будто я его слуга? Развѣ онъ не крикнулъ мнѣ,—я слышалъ это своими ушами,— мнѣ, которому и безъ того врачи угрожаютъ ударомъ, на прощаніе свое дурацкое пожеланіе, чтобъ я задохся отъ собственнаго своего жира?... Оставь, оставь меня! Я знаю, что римлянамъ все здѣсь дозволено. Ну, вотъ я и всталъ. Принеси мнѣ мой желтый палліумъ, который я надѣваю въ совѣтѣ, достань мнѣ мой золотой обручъ для головы! Какъ жертвенное животное украшу я себя, я покажу ему...

Стоявшій въ сосѣдней комнатѣ архитекторъ не проронилъ ни слова изъ этого разговора, который то сердилъ его, то вызывалъ въ немъ смѣхъ, то трогалъ до глубины души.

Дѣятельной натурѣ его было противно всякое лѣнивое и праздное существо,— и вялое, равнодушное отношеніе разжирѣвшаго чиновника къ дѣлу, требовавшему отъ всѣхъ участвующихъ быстроты и напряженія силъ, вызвало на уста его тѣ нѣсколько словъ, въ которыхъ онъ теперь раскаявался.

Конечно, его не могла не раздражать глупая, нищенская гордость управителя,— да и кому же пріятно слышать что-нибудь унизительное о своемъ происхожденіи,—но жалобы несчастной дочери этого человѣка возбудили въ немъ искреннее участіе къ ней. Ему жаль было и безразсуднаго бѣдняка, котораго онъ могъ мановеніемъ руки лишить послѣдняго пристанища,—человѣка, оскорбленнаго его словами гораздо глубже, нежели былъ онъ самъ только-что имъ слышанными рѣчами,—и Понтій съ радостью поддался увлеченію благородной души своей пощадить гордость этого родственника египетскихъ царей.

Онъ съ силою постучался извнутри въ дверь прихожей, громко кашлянулъ и съ низкимъ поклономъ появился на порогѣ столовой.

— Я пришелъ исполнить долгъ свой и навѣстить тебя, благородный Керавнъ,— сказалъ онъ съ привѣтливою улыбкой.— Извини за поздній часъ, но ты едва ли можешь себѣ представить, какъ я былъ занятъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались.

Керавнъ посмотрѣлъ на поздняго гостя сперва испуганными, потомъ остолбенѣвшими отъ удивленія глазами.

Но вдругъ, будто у него гора съ плечъ свалилась, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери и протянулъ архитектору обѣ руки съ такимъ теплымъ выраженіемъ искренняго довольства, что Понтій удивился, какъ не замѣтилъ онъ ранѣе благообразія лица этого толстаго чудака.

— Прими участіе въ нашей скромной трапезѣ, — попросилъ хозяинъ.—Поди, позови рабовъ, Селена! Можетъ-быть въ домѣ еще найдется фазанъ или жареная курица, или что-нибудь въ этомъ родѣ... Конечно, теперь довольно поздно.

— Отъ души благодарю тебя,—съ улыбкою возразилъ архитекторъ.—Ужинъ мой ожидаетъ меня въ залѣ музъ и я спѣшу вернуться къ рабочимъ, ты же съ своей стороны сдѣлалъ бы мнѣ большое удовольствіе, согласившись раздѣлить его со мною. Вамъ нужно поговорить объ освѣщеніи покоевъ, а такого рода дѣла всегда улаживаются лучше за кускомъ сочнаго мяса и кувшиномъ хорошаго вина.

— Весь къ твоимъ услугамъ!— проговорилъ Керавнъ, кланяясь.

— Такъ я пойду впередъ, а ты покамѣстъ вели собрать, сколько у тебя найдется, лампъ, факеловъ и смоляныхъ плошекъ и выдай ихъ рабамъ, которые черезъ нѣсколько минутъ будутъ за дверями дожидаться твоихъ приказаній.

Съ этими словами Понтій покинулъ жилище управителя.

— Ахъ, какъ я перепугалась!— глубоко вздохнувъ, проговорила Селена.—Я пойду и разыщу эти лампы. Какъ ужасно могло бы все это окончиться!...

— Я и самъ радъ, что дѣло уладилось такъ мирно,— пробормоталъ Керавнъ.—Если принять во вниманіе его происхожденіе, надо сознаться, что архитекторъ еще очень порядочный человѣкъ.

Глава пятая.

Выраженіе досады и раздраженія, съ которымъ Понтій разыскивалъ жилище управителя, уступило мѣсто веселой улыбкѣ на мужественныхъ губахъ, когда онъ бодрымъ шагомъ возвращался оттуда къ своимъ рабочимъ.

— Господинъ управитель имѣлъ нѣкоторое основаніе считать себя обиженнымъ,— сказалъ онъ, отвѣчая на вопросительный

взглядъ встрѣтившаго его надсмотрщика.— Теперь мы съ нимъ друзья и онъ сдѣлаетъ для освѣщенія все, что можетъ.

Въ залѣ музъ онъ остановился у перегородки, за которой работалъ Поллуксъ.

— Другъ ваятель, послушай-ка,—крикнулъ онъ ему,—не пора ли ужинать?

— Давно пора,—отозвался Поллуксъ,—иначе ужинъ вашъ обратится въ завтракъ.

— Такъ отложи черезъ четверть часа свои инструменты въ сторону и помоги мнѣ съ здѣшнимъ управителемъ уничтожить присланный мнѣ ужинъ.

— Для этого тебѣ не нужно моей помощи, коль скоро съ тобою будетъ Керавнъ,—передъ нимъ всякое кушанье таетъ какъ ледъ передъ солнцемъ.

— Въ такомъ случаѣ хоть спаси его отъ чрезмѣрнаго отягощенія желудка.

— Невозможно! Я только-что немилосердно трудился надъ блюдомъ капусты съ сосисками. Моя мать сварила это божественное кушанье, а отецъ принесъ его своему первенцу.

— Капуста съ сосисками!— повторилъ архитекторъ и въ голосѣ его слышалось, что голодный его желудокъ не прочь былъ бы поближе познакомиться съ этимъ блюдомъ.

— Взойди сюда,—тотчасъ же воскликнулъ Поллуксъ,—и будь моимъ гостемъ. Съ капустой случилось то же, что предстоитъ этому дворцу,—она разогрѣта.

— Подогрѣтая капуста вкуснѣе свѣжей, но огонь, на которомъ мы стараемся подновить это зданіе, пылаетъ слишкомъ жарко и требуетъ слишкомъ большаго ухода отъ истопника. Къ тому же лучшія вещи расхищены и врядъ ли могутъ быть замѣнены.

— Какъ сосиски, которыя я выловилъ изъ своей капусты,— засмѣялся ваятель.—Угостить тебя хорошенько я не могу, потому что съ моей стороны было бы непростительною лестью назвать это блюдо «капустой съ сосисками». Я обращался съ нимъ какъ съ горнымъ рудникомъ, и теперь, когда колбасныя залежи почти истощились, остается одна непригодная руда, въ которой два или три жалкихъ обломка напоминаютъ о минувшемъ богатствѣ. На дняхъ матушка сваритъ это блюдо для тебя; она приготовляетъ его съ неподражаемымъ искусствомъ.

— Славная мысль, но на сегодняшній вечеръ ты будешь моимъ гостемъ.

— Я окончательно сытъ.

— Ну, такъ пусть твоя веселость будетъ приправой къ нашему ужину.

— Извини меня, Понтій, но лучше позволь мнѣ остаться за моей перегородкой. Во-первыхъ, я въ прекрасномъ настроеніи, въ самомъ разгарѣ дѣла и чувствую, что въ эту ночь изъ моей работы что-нибудь да выйдетъ...

— Въ такомъ случаѣ до завтра.

— Дослушай меня до конца.

— Ну?

— Пригласивъ меня, ты оказалъ бы плохую услугу и другому твоему гостю.

— Развѣ ты знаешь управителя?

— Еще бы!... Съ самаго дѣтства. Я—сынъ привратника этого дворца.

— Вотъ какъ! Значитъ, ты родомъ изъ уютнаго домика съ плющомъ, птицами и веселой старушкой?

— Эта самая старушка и родила меня на свѣтъ, и вотъ, какъ только ея придворный мясникъ будетъ бить свинью, она приготовитъ намъ съ тобой такое блюдо капусты, какого еще не видалъ никто.

— Я съ удовольствіемъ его отвѣдаю.

— Вотъ приближается нильскій гиппопотамъ или, что одно и то же, управитель Керавнъ.

— Ты съ нимъ во враждѣ?

— *Я* съ нимъ нисколько, но *онъ*-то меня терпѣть не можетъ,— возразилъ ваятель. — Это—глупая исторія, о которой не спрашивай меня за ужиномъ, если желаешь имѣть веселаго собесѣдника. Да и вообще лучше не говори Керавну, что я здѣсь: это ни къ чему доброму не приведетъ.

— Какъ тебѣ угодно. Вотъ наконецъ и наши лампы.

— Ихъ довольно, чтобъ освѣтить подземное царство!—воскликнулъ Поллуксъ, сдѣлалъ архитектору прощальный знакъ рукой и скрылся за своею перегородкой, чтобы съ новымъ рвеніемъ предаться работѣ надъ моделью.

Было далеко за полночь. Рабы, съ большимъ усердіемъ принявшіеся за дѣло, уже окончили въ залѣ музъ свою работу и

могли въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ отдыхать на соломѣ, разостланной въ другомъ отдѣленіи дворца.

Архитекторъ Понтій надѣялся также воспользоваться этимъ временемъ, чтобы нѣсколькими часами сна возстановить свои силы для трудовъ слѣдующаго дня, но между этимъ намѣреніемъ и его выполненіемъ стала объемистая фигура управителя.

Пригласивъ Керавна, онъ разсчитывалъ насытить мясомъ человѣка, обрекшаго себя, по скудости средствъ, на питаніе однимъ хлѣбомъ, и дѣйствительно чудовищный аппетитъ гостя оправдалъ всѣ возложенныя на него ожиданія.

Но послѣ того, какъ приняли со стола послѣднее блюдо, управитель счелъ своею обязанностью отблагодарить хозяина, доставивъ ему возможность болѣе продолжительно наслаждаться лицезрѣніемъ его высокородной особы.

Къ тому же прекрасное вино префекта развязало языкъ обыкновенно несообщительному старику.

Сначала онъ распространялся о разныхъ недугахъ, мучившихъ его и угрожавшихъ самой его жизни, а когда Понтій, желая свести разговоръ на что-либо другое, неосторожно упомянулъ о собраніи гражданъ, краснорѣчіе Керавна заблистало съ полною силой. Осушая чашу за чашей, онъ подробно изложилъ основанія, заставлявшія какъ его, такъ и друзей его дѣлать все возможное, чтобы лишить правъ гражданства многочисленную общину іудеевъ и даже по возможности совершенно вытѣснить ее изъ самой Александріи.

Горячность его достигла, наконецъ, такихъ размѣровъ, что, позабывъ и о хорошо извѣстномъ ему происхожденіи хозяина, и даже о самомъ его присутствіи, онъ сталъ не стѣсняясь настаивать на необходимости удалить изъ среды гражданъ и всѣхъ потомковъ вольноотпущенниковъ.

При видѣ пылавшихъ щекъ и посоловѣлыхъ глазъ толстяка, Понтій легко догадался, что это вино говоритъ въ немъ, и оставилъ слова его безъ отвѣта. Но, въ твердомъ намѣреніи не лишать себя долѣе ни минуты столь нужнаго ему покоя, онъ всталъ изъ-за стола и, пробормотавъ нѣсколько словъ въ видѣ извиненія, удалился въ комнату, гдѣ уже давно было приготовлено для него мягкое ложе.

Раздѣвшись, онъ приказалъ рабу поглядѣть, что дѣлаетъ Керавнъ, и вскорѣ получилъ успокоительное извѣстіе, что тотъ уже спитъ глубокимъ сномъ.

— Прислушайся самъ, — такъ закончилъ рабъ свое донесеніе, — даже отсюда слышенъ его могучій храпъ. Я подсунулъ ему подъ голову подушку, а то при такой тучности какъ бы не случилось съ господиномъ какого худа.

Любовь—растеніе, всходящее часто и для тѣхъ, кто его не сѣялъ,—растеніе, которое, становясь могучимъ деревомъ, щедрою тѣнью своей осѣняетъ многихъ, ничѣмъ не способствовавшихъ его росту.

Какъ мало старался управитель Керавнъ въ теченіе своей жизни пріобрѣсти любовь дочери и какъ много, напротивъ, сдѣлалъ онъ такого, что не могло не волновать теченіе ея молодой жизни! Но, несмотря на все это, Селена, девятнадцатилѣтній организмъ которой нуждался въ покоѣ, которая болѣе радовалась наступленію ночи и цѣлительнаго сна, чѣмъ утренней зарѣ, приносившей ей, что ни день, новыя заботы и новое горе,—Селена все еще сидѣла и работала при свѣтѣ бронзоваго трехсвѣчника, и чѣмъ позднѣе становилось, тѣмъ болѣе мучило ее продолжительное отсутствіе отца.

Съ недѣлю тому назадъ бодрый старикъ, хотя впрочемъ ненадолго, неожиданно лишился чувствъ; врачъ объяснилъ ей тогда, что дышащій повидимому здоровьемъ паціентъ долженъ строго слѣдовать его предписаніямъ и воздерживаться отъ всякихъ излишествъ. Малѣйшая неосторожность могла, по словамъ его, быстро и внезапно порвать его жизненную нить.

Въ этотъ вечеръ, проводивъ отца, ушедшаго вслѣдъ за архитекторомъ, Селена принялась за починку платьевъ маленькихъ братьевъ и сестеръ. Въ этомъ, конечно, могла бы помочь ей сестра ея, Арсиноя, которая только на два года была моложе ея и обладала не менѣе ловкими пальцами, но она рано удалилась на покой и спала съ дѣтьми, нуждавшимися въ надзорѣ и ночью.

Старая рабыня-негритянка, служившая еще ихъ бабкѣ, вызвалась было помочь ей, но, полуслѣпая и днемъ, она еще хуже видѣла при огнѣ и послѣ нѣсколькихъ стежекъ оказалась окончательно неспособной къ шитью.

Селена отправила ее спать и принялась одна за скучную свою работу.

Цѣлый часъ шила она, не поднимая глазъ и раздумывая о томъ, какъ бы устроить такъ, чтобы до конца мѣсяца получше

прокормить семью на тѣ немногія драхмы, которыя оставались въ ея распоряженіи.

Чѣмъ долѣе однако тянулось время, тѣмъ сильнѣе одолѣвала ее усталость, но она продолжала сидѣть, хотя хорошенькая ея головка все чаще и чаще склонялась на грудь.

И дѣйствительно, ей нужно было дождаться возвращенія отца: возлѣ нея стояло приготовленное врачомъ успокоительное питье, которое старикъ, безъ напоминанія дочери, пожалуй, позабылъ бы выпить по возвращеніи домой.

Въ концѣ втораго часа шитье выпало изъ рукъ Селены. Пригрезилось ей, что стулъ ломится подъ нею и она падаетъ сначала медленно, потомъ все быстрѣе и быстрѣе въ какую-то бездну, которая разверзлась подъ ея ногами.

Въ надеждѣ найти помощь,—такъ снилось ей,—она устремила взглядъ къ верху, но надъ пропастью не было ничего, кромѣ лица отца ея, равнодушно глядѣвшаго въ сторону.

Опускаясь все ниже и ниже, она стала звать его, умоляя о помощи, но Керавнъ долгое время, казалось, не слышалъ ея мольбы.

Наконецъ, онъ глянулъ внизъ и, замѣтивъ ее, спокойно улыбнулся; но вмѣсто того, чтобы броситься къ ней, онъ набралъ на краю пропасти земли и каменьевъ и сталъ бросать ихъ ей на пальцы, напрасно цѣплявшіеся за кусты и корни, наполнявшіе разсѣлины скалъ.

Она просила его бросить эту страшную игру, молила о состраданіи, о пощадѣ; но въ лицѣ, смотрѣвшемъ на нее сверху, не дрогнуло ни одного мускула,—оно какъ будто застыло въ какой-то бездушной улыбкѣ. Сердце отца ея также, казалось, окаменѣло. Комъ за комомъ, камень за камень безостановочно падалъ на нее, пока израненныя руки не оторвались наконецъ отъ спасавшихъ ее корней и не поглотила ее роковая бездна.

Собственный отчаянный крикъ пробудилъ Селену. Но, переходя отъ сна къ дѣйствительности, она еще на мгновеніе, за быстро рѣдѣющимъ туманомъ, ясно увидала, испещренную бѣлыми и желтыми анемонами, фіолетовыми колокольчиками и краснымъ макомъ, высокую траву лужайки, на которую она упала, какъ на мягкое, душистое ложе; вблизи синѣло и искрилось озеро, а за нимъ возвышались граціозно очерченныя горы съ розовыми вершинами, съ зелеными дубравами и склонами, блиставшими въ яркихъ лучахъ солнца. Ясный сводъ неба съ лег-

кими, серебристыми тучками, еле гонимыми дуновеніемъ нѣжнаго вѣтерка, покрывалъ эту очаровательную, быстро исчезавшую картину, которую она не могла сравнить ни съ чѣмъ, что когда-либо видѣла на родинѣ.

Не много поспала Селена, но когда, окончательно проснувшись, она стала протирать глаза, ей казалось, что сновидѣніе ея длилось почти цѣлую ночь.

Одинъ изъ огоньковъ бронзоваго свѣтильника потухъ, а другой еле вспыхивалъ около чадившей свѣтильни. Она быстро загасила его крючкомъ, висѣвшимъ на цѣпочкѣ у пояса, подлила новаго масла въ послѣднюю, еще горѣвшую, лампочку и при свѣтѣ ея заглянула въ спальню отца.

Онъ все еще не возвращался.

Ей стало невыносимо-страшно...

Ужь не лишило ли его сознанія вино архитектора?

Не новый ли обморокъ случился съ нимъ на возвратномъ пути домой?

Воображенію ея представился образъ тяжеловѣснаго старика, тщетно силящагося приподняться, можетъ-быть уже умирающаго, лежа на холодномъ полу.

Тутъ выбирать было нечего.

Она должна была отправиться въ залу музъ, чтобъ узнать, что случилось съ отцомъ, поднять его, подать ему помощь, или, если онъ все еще сидитъ за ужиномъ, подъ какимъ-нибудь предлогомъ постараться заманить его домой.

Вся судьба семьи, можетъ-быть, зависѣла теперь отъ быстроты ея рѣшенія: жизнь отца, кровъ и пища для восьми безпомощныхъ существъ.

Декабрская ночь была сурова.

Рѣзкій, холодный вѣтеръ дулъ черезъ плохо защищенное отверстіе въ потолкѣ. Селена повязала себѣ голову платкомъ и накинула на плечи плащъ, принадлежавшій нѣкогда ея покойной матери.

Въ длинной галлереѣ, отдѣлявшей жилище Керавна отъ передней части громаднаго дворца, ей приходилось непрестанно защищать рукой мерцавшій свѣтильникъ, которымъ она освѣщала свой путь.

Колеблемое вѣтромъ пламя и вся ея стройная фигура отражались то здѣсь, то тамъ на гладкой поверхности темнаго мрамора.

Толстыя сандаліи, подвязанныя къ ея ногамъ, прикасаясь къ каменнымъ плитамъ, будили громкое эхо въ пустомъ пространствѣ огромныхъ залъ и страхъ все болѣе и болѣе овладѣвалъ встревоженною душой Селены. Пальцы ея, державшіе свѣтильникъ, дрожали и сердце громко стучало, когда она проходила черезъ круглую залу, гдѣ, какъ говорили, много лѣтъ тому назадъ Птоломей Эвергетъ Толстый умертвилъ собственнаго сына и гдѣ каждое ея дыханіе, казалось, вызывало отголосокъ.

Но даже и здѣсь, среди этой страшной залы, любящая дочь не переставала оглядываться по сторонамъ, отыскивая глазами отца.

Наконецъ, она вздохнула свободнѣе. Черезъ щели надтреснутой боковой двери залы музъ пробивался лучъ свѣта и, преломляясь, отражался на полу и стѣнѣ послѣдняго покоя, который ей предстояло миновать.

Селена вступила въ залу, тускло освѣщенную лампами изъза перегородки ваятеля и нѣсколькими сильно нагорѣвшими восковыми свѣчами.

Свѣчи эти горѣли на столѣ, наскоро сколоченномъ въ дальнемъ углу залы изъ козелъ и досокъ, за которымъ уснулъ ея отецъ.

Низкіе тоны, вырывавшіеся изъ широкой груди спящаго, ясно звучали среди пустаго пространства и Селенѣ отъ нихъ снова стало страшно. Но еще болѣе пугали ее мрачныя, длинныя тѣни колоннъ, которыя какъ преграды ложились на ея пути.

Прислушиваясь, остановилась она среди залы и вскорѣ въ этомъ, напугавшемъ ее, ревѣ признала съ дѣтства знакомые ей звуки отцовскаго храпа..

Немедленно бросилась она къ старику, начала дергать его за платье и встряхивать, звала его, опрыскала ему лобъ водой, называла самыми нѣжными именами, съ которыми сестра ея Арсиноя обыкновенно ласкалась къ отцу. Неравнъ оставался неподвиженъ. Селена освѣтила лампой его лицо; ей показалось тогда, что расплывшіяся черты его покрыты синеватымъ отливомъ и она разразилась тѣми болѣзненными рыданіями, которыя за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ растрогали сердце архитектора.

Въ эту минуту за перегородкой, скрывавшей ваятеля и его возникавшее созданіе, обнаружились признаки жизни.

Поллуксъ долго работалъ съ охотой и рвеніемъ, но наконецъ храпѣніе управителя стало надоѣдать ему.

Тѣло его музы приняло уже опредѣленныя очертанія, за выполненіе же головы онъ могъ приняться только при дневномъ свѣтѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ приливъ творческаго вдохновенія покинулъ Поллукса, руки его опустились; онъ чувствовалъ себя утомленнымъ и сознавалъ, что безъ модели ему врядъ ли удастся справиться съ драпировкою одеждъ Уранiи, и потому, подвинувъ скамейку къ наполненному гипсомъ ящику, онъ облокотился на него, чтобы немного отдохнуть.

Но сонъ бѣжалъ отъ глазъ художника, сильно возбужденнаго быстрой ночною работой, и едва Селена отворила дверь, онъ уже снова стоялъ на ногахъ и смотрѣлъ сквозь щели перегородки.

Увидавъ высокую, закутанную фигуру, съ дрожавшимъ въ рукѣ свѣтильникомъ, которая, проходя черезъ обширную залу, вдругъ остановилась и какъ бы замерла на ея срединѣ, онъ перепугался не на шутку, но это не помѣшало ему наблюдать за каждымъ движеніемъ ночнаго привидѣнія съ несравненно большимъ любопытствомъ, нежели страхомъ.

Когда затѣмъ Селена обернулась и свѣтъ лампы упалъ на блѣдное, красивое лицо ея, онъ немедленно узналъ въ ней дочь дворцоваго управителя и легко догадался, зачѣмъ она явилась сюда.

Тщетныя попытки ея разбудить отца безспорно имѣли въ себѣ много трогательнаго, но въ то же время въ нихъ было что-то неотразимо-забавное и Поллуксъ минутами чувствовалъ сильное искушеніе разсмѣяться. Но, услыхавъ горестный плачъ Селены, онъ быстро раздвинулъ двѣ рамы перегородки и, приблизившись къ ней, сталъ звать ее по имени, сперва тихо, чтобы не испугать, потомъ громче и громче. Когда она повернула къ нему голову, онъ ласково просилъ ее не пугаться, завѣряя, что онъ не духъ, а только весьма скромный смертный и именно, какъ она видитъ, не болѣе какъ негодный, но находящійся на пути къ исправленію, сынъ привратника Эвфоріона.

— Это ты, Поллуксъ?—съ удивленіемъ спросила дѣвушка.

— Да, Селена. Но что съ тобой? Не могу ли я чѣмъ-либо помочь тебѣ?

— Мой бѣдный отецъ,—вся въ слезахъ, проговорила она,— онъ неподвиженъ, онъ окоченѣлъ... А лицо-то, лицо-то его!... О, вѣчные боги!

— Кто храпитъ, тотъ не умеръ,—возразилъ ваятель.

— Но, вѣдь, врачъ предупреждалъ меня...

— Помилуй, онъ совсѣмъ и не боленъ! Дѣло въ томъ, что Понтій угостилъ его болѣе крѣпкимъ виномъ, чѣмъ-то, къ которому онъ привыкъ. Оставь его въ покоѣ! Съ этой подушкой подъ головой онъ спитъ такъ же безмятежно и крѣпко, какъ дитя. Когда онъ недавно запѣлъ носомъ черезчуръ громко, я пробовалъ было свистать по-птичьему: это иногда заставляетъ храпящихъ замолчать; но, кажется, легче заставить плясать вонъ этихъ каменныхъ музъ, чѣмъ пробудить его отъ сна.

— Еслибы мы могли только перенести его домой на кровать.

— Конечно, если у тебя есть четверня лошадей...

— Ты все такой же дурной, какъ и прежде.

— Право, немного получше, Селена... Тебѣ надо снова привыкнуть къ моей манерѣ выражаться. Я только хотѣлъ сказать, что мы оба вмѣстѣ не достаточно сильны, чтобы поднять его.

— Но что же мнѣ теперь дѣлать? Врачъ говорилъ мнѣ...

— Не говори ты мнѣ о врачахъ! Болѣзнь, которою страдаетъ твой отецъ, мнѣ хорошо извѣстна. Завтра она пройдетъ, а если и оставитъ послѣ себя какія-нибудь послѣдствія до солнечнаго захода, такъ это—маленькую боль, которую онъ будетъ ощущать подъ волосами. Право, дай ему выспаться.

— Да... но здѣсь такъ холодно.

— Такъ вотъ возьми мой плащъ и прикрой его хорошенько.

— Тогда ты будешь зябнуть.

— Къ этому-то я привыкъ... А съ какихъ это поръ Керавнъ сталъ водиться съ врачами?

Селена разсказала, какой несчастный случай приключился съ ея отцомъ, и, слѣдовательно, какъ основательны были ея опасенія.

Ваятель молча выслушалъ ея разсказъ и заговорилъ тогда, измѣнивъ совершенно тонъ:

— Меня это искренне огорчаетъ. Давай-ка, помочимъ ему голову холодною водой. Пока не придутъ рабы, я черезъ каждые четверть часа буду перемѣнять компрессъ. Вотъ сосудъ съ водой, а вотъ и полотенце. Отлично! Вотъ дѣло и сдѣлано. Можетъ-быть онъ отъ этого проснется, а если и нѣтъ, то люди перенесутъ его къ вамъ, какъ только вернутся на работу.

— Какъ стыдно, какъ стыдно! — со вздохомъ проговорила дѣвушка.

— Ни мало. Самъ верховный жрецъ Сераписа бываетъ иногда нездоровъ. Поручи это дѣло мнѣ.

— А ну какъ онъ снова взволнуется, если увидитъ тебя? Онъ на тебя такъ сердитъ, такъ сердитъ...

— Великій Зевсъ! да что же я такого особеннаго ему сдѣлалъ? Боги прощаютъ грѣхи мудрецовъ, а человѣкъ не хочетъ извинить ребяческой шалости...

— Ты поднялъ его на смѣхъ.

— Я, дѣйствительно, прилѣпилъ на плечи толстаго Салека, что у воротъ, на мѣсто отбитой головы новую изъ глины, которая походила на него. Это была первая моя самостоятельная работа.

— Ты сдѣлалъ это, чтобъ огорчить моего отца.

— Да вовсе же нѣтъ, Селена! Я просто увлекся шуткой — и только.

— Но вѣдь ты зналъ, какъ легко оскорбить его.

— Да развѣ пятнадцатилѣтній сорванецъ думаетъ когда-либо о послѣдствіяхъ своей проказы?... Ну, побей онъ меня тогда хорошенько, такъ сердце его разрядилось бы въ громы и молніи и снова настала бы ясная погода. Но поступить такъ... Вѣдь онъ срѣзалъ ножомъ лицо моего дѣтища и медленно растопталъ ногами оставшіеся обломки. Мнѣ онъ далъ только одну затрещину,—правда, я чувствую ее даже и теперь,—а потомъ началъ обращаться со мной и моими родителями такъ холодно и грубо, съ такимъ презрѣніемъ...

— Онъ никогда не приходитъ въ сильный гнѣвъ, но ужь если сердится, такъ сердится долго... Такимъ раздосадованнымъ, какъ тогда, мнѣ рѣдко случалось его видѣть.

— Ему бы можно было свести свои счеты со мною съ глазу на глазъ, а то былъ тутъ мой отецъ, посыпались сильныя выраженія, матушка прибавила своего,—ну, съ тѣхъ поръ и объявлена вражда между нашимъ домишкой и вами тутъ, на верху. Всего болѣе огорчило меня то, что тебѣ съ сестрой запретили ходить къ намъ и играть со мною.

— Это и меня заставило провести не мало скучныхъ часовъ.

— А вѣдь хорошо было, когда мы, бывало, наряжались въ различный театральный хламъ и плащи отца!

— Иногда ты лѣпилъ намъ куколъ изъ глины.

— Помнишь, какъ мы изображали также олимпійскія игры?

— Я всегда была учительницей, когда мы съ меньшими играли въ школу.

— Съ Арсиноей тебѣ всего труднѣе было справляться.

— А наше уженье?... Какъ дѣйствительно было тогда весело!

— А помнишь, когда мы приносили рыбу домой, то матушка давала намъ муки и изюму, чтобы варить ее?

— Ты не забыла, вѣроятно, и праздникъ Адониса, и какъ я остановилъ бѣшенаго скакуна нумидійскаго всадника?

— Еще бы мнѣ это позабыть!... Лошадь уже свалила съ ногъ нашу Арсиною. Матушка подарила тебѣ въ награду миндальный пирогъ.

— Да, который, изъ благодарности, и былъ немедленно съѣденъ твоей неблагодарной сестренкой. Мнѣ же она оставила одни только крохи... Ну, что Арсиноя? Такая ли она красавица, какой обѣщала быть? Вотъ уже два года, какъ я видѣлъ ее въ послѣдній разъ,— вѣдь, нашъ братъ-художникъ только въ сумерки можетъ оставлять свои занятія. Цѣлые восемь мѣсяцевъ работалъ я на хозяина въ Птолемаидѣ и своихъ-то стариковъ я могъ видѣть не болѣе разу въ мѣсяцъ.

— Мы также мало выходимъ, а къ вамъ-то не смѣемъ и заглянуть. Сестра моя...

— Она очень хороша, не правда ли?

— Мнѣ кажется, да. Попадись ей только кусочекъ ленты, она тотчасъ же вплетаетъ его себѣ въ волосы и всѣ мужчины на улицѣ заглядываются на нее. Ей минуло недавно шестнадцать лѣтъ.

— Шестнадцать лѣтъ... маленькой Арсиноѣ? Да сколько же, значитъ, прошло времени со смерти вашей матери?

— Четыре года и восемь мѣсяцевъ.

— Время ея смерти глубоко врѣзалось тебѣ въ память. Такую мать, правда, и забыть трудно. Добрая была она женщина. Я никого не встрѣчалъ привѣтливѣе ея; я знаю также, что она старалась смягчить твоего отца въ отношеніи къ намъ, но ей пришлось умереть, не достигнувъ этого.

— Да,— глухо проговорила Селена.— Какъ могли боги допустить ея кончину!... Правда, они иногда бываютъ болѣе жестоки, чѣмъ самые люди...

— Бѣдные твои малютки!

Дѣвушка грустно поникла головой. Самъ художникъ нѣкоторое время молча глядѣлъ въ землю; потомъ онъ быстро поднялъ голову.

— У меня дома есть кое-что, что̀ порадуетъ тебя, Селена!— воскликнулъ онъ.

— Ничто не можетъ радовать меня съ тѣхъ поръ, какъ она умерла.

— Увидишь, увидишь! — живо возразилъ Поллуксъ. — Ты знаешь, что я не могъ забыть этой милой женщины и вотъ въ минуты досуга мнѣ удалось на память вылѣпить ея бюстъ. Завтра я тебѣ принесу его.

— Да неужели? — воскликнула Селена и радостный лучъ блеснулъ изъ ея большихъ, утомленныхъ, глазъ.

— Что, обрадовалась, не правда ли?

— Я очень, очень рада, конечно... Но если отецъ узнаетъ, что ты подарилъ мнѣ это изваяніе?

— Неужели онъ въ состояніи разбить его?

— Если и не разобьетъ, такъ просто не потерпитъ у себя дома, какъ только узнаетъ, что это — твоя работа.

Поллуксъ снялъ полотенце со лба управителя, смочилъ его и снова бережно положилъ на голову спящаго.

— Меня осѣнила блестящая мысль! — воскликнулъ онъ затѣмъ, ударяя себя рукою по лбу. — Вѣдь все дѣло только въ томъ, чтобы бюстъ мой иногда напоминалъ тебѣ черты твоей покойной матери; для этого ему нѣтъ никакой надобности стоять непремѣнно у васъ въ комнатахъ. На площадкѣ, виднѣющейся съ вашего балкона и мимо которой ты можешь ходить, когда тебѣ угодно, стоятъ бюсты царицъ изъ дома Птоломеевъ; нѣкоторые изъ нихъ страшно изуродованы и должны быть реставрированы. Я возьму на себя подновленіе Вероники и на ея-то плечи и приставлю головку твоей матери. Нравится ли тебѣ мой планъ?

— Да, Поллуксъ, ты — добрый человѣкъ.

— А что же я тебѣ говорилъ?... Я уже начинаю исправляться. Но времени-то, времени откуда мнѣ взять? Если браться за Веронику, такъ придется дорожить каждою минутой.

— Такъ возвращайся же поскорѣе къ своему дѣлу, а я останусь здѣсь и буду дѣлать компрессы, къ чему я, въ несчастью, слишкомъ хорошо привыкла.

Сказавъ это, Селена, чтобы свободнѣе дѣйствовать руками, откинула за плечи материнскій плащъ, и стройная фигура ея съ правильнымъ профилемъ блѣднаго лица и живописными склад-

ками одежды представилась въ эту минуту художнику какъ будто изваянною изъ мрамора.

— Оставайся такъ, въ этомъ положеніи, не шевелись!— крикнулъ Поллуксъ изумленной дѣвушкѣ такъ живо и громко, что она испугалась.—Плащъ этотъ восхитительно-непринужденно спадаетъ съ твоего плеча. Ради всѣхъ боговъ не прикасайся къ нему! Если ты позволишь мнѣ лѣпить по нему теперь, то въ нѣсколько минутъ я выиграю цѣлый день для нашей Вероники. Компрессы я буду дѣлать во время роздыховъ.

Не дожидаясь отвѣта Селены, ваятель бросился за свою перегородку, вернулся сперва съ рабочею лампой въ каждой рукѣ и маленькими инструментами въ зубахъ, а потомъ вынесъ оттуда свою восковую модель и поставилъ ее на самый край стола, за которымъ покоился управитель.

Свѣчи были потушены, лампы нѣсколько разъ передвигались съ мѣста на мѣсто и ставились то выше, то ниже, пока, наконецъ, не получилось удовлетворительное освѣщеніе. Бросившись тогда на стулъ, Поллуксъ выставилъ ноги впередъ и на подобіе ястреба, высматривающаго отдаленную добычу, вытянулъ шею и голову съ горбатымъ носомъ, то опуская глаза, то опять поднимая ихъ, чтобы схватить какую-нибудь новую черту. Концы его пальцевъ и ногти такъ и плясали по поверхности восковой модели, вонзались въ мягкое вещество, наклеивали новые куски на формы, казавшіяся уже оконченными, или рѣшительно срѣзывали цѣлые пласты, быстро и ловко скатывая ихъ для новаго употребленія.

Судорожно двигались руки художника, но изъ-подъ сведенныхъ бровей его сверкалъ серьезный, строгій и спокойный взглядъ, исполненный невыразимо-глубокаго вдохновенія.

Ни однимъ словомъ не дозволила ему Селена обращаться съ нею какъ съ моделью для статуи; тѣмъ не менѣе какъ будто воодушевленіе его сообщилось и ей,—она какъ бы окаменѣла въ своемъ положеніи,—и когда во время работы взглядъ его останавливался на ней, дѣвушка чувствовала, какъ далеки въ эти минуты обычная легкость и веселость отъ товарища ея дѣтскихъ игръ.

Ни онъ, ни она нѣкоторое время не открывали рта.

Наконецъ, Поллуксъ отступилъ на нѣсколько шаговъ отъ своего произведенія и, низко нагнувшись, смѣрилъ съ ногъ до головы сперва Селену, потомъ свою работу строгимъ, испытующимъ взглядомъ.

— Такъ,—сказалъ онъ тогда, глубоко вздохнувъ и очищая руки отъ воска, — такъ и должно это выйдти на статуѣ! Теперь я положу отцу твоему новый компрессъ, а затѣмъ опять примемся за дѣло. Если ты устала, то можешь пошевелиться.

Селена весьма умѣренно воспользовалась этимъ позволеніемъ и работа закипѣла снова.

Когда Поллуксъ сталъ тщательно поправлять нѣсколько распустившихся складокъ ея покрова, она уже дернулась было, чтобъ отступить, но онъ строго сказалъ ей: «не шевелись!» и она повиновалась этому приказанію.

Мало-по-малу пальцы и рѣзецъ художника начали двигаться спокойнѣе, взглядъ его сдѣлался менѣе напряженнымъ и онъ снова прервалъ молчаніе.

— Ты очень блѣдна,—сказалъ онъ.—Конечно, много значитъ также свѣтъ лампы и безсонная ночь.

— Я днемъ имѣю совершенно такой же видъ, но я не больна.

—. Мнѣ думалось, что Арсиноя будетъ всѣхъ болѣе похожа на мать, но теперь я и въ тебѣ нахожу съ нею поразительное сходство, множество общихъ чертъ. Овалъ лица у тебя такой же, носъ почти такъ же прямолинейно примыкаетъ ко лбу, а большіе глаза твои и изгибы бровей точно будто взяты съ лица покойной; впрочемъ, ротъ твой поменьше и красивѣе, чѣмъ у ней, и врядъ ли она могла связать свои волосы на затылкѣ въ такой тяжелый узелъ... Притомъ же волосы у тебя и посвѣтлѣе.

— Говорятъ, до замужства волосы ея были еще гуще моихъ, а ребенкомъ она была, можетъ-быть, такой же бѣлокурой, какъ и я. Теперь и моя коса начинаетъ темнѣть.

— Ты похожа на нее и въ томъ, что волосы твои не вьются кудрями, а мягкими волнами ложатся вокругъ головы.

— Ихъ можно положить какъ угодно.

— Ты, однако, переросла свою мать.

— Нѣтъ... Только, будучи полнѣе, она казалась ниже меня. Скоро ты кончишь?

— А ты устала стоять?

— Не очень.

— Въ такомъ случаѣ потерпи еще немного... Глядя на тебя, я словно переживаю годы моего дѣтства. Какъ я радъ буду увидѣть Арсиною!.. Такъ и кажется, что время побѣжало вспять и прошлое все воротилось... Ты не испытываешь этого чувства?

Селена отрицательно покачала головой.

— Ты несчастлива?

— Нѣтъ.

— Я знаю, что тебѣ приходится въ молодости исполнять слишкомъ тяжелыя для тебя обязанности.

— Дома все какъ-то идетъ само собой.

— Нѣтъ, нѣтъ, я знаю, что ты ничему не даешь идти какъ попало. Ты, какъ мать, заботишься о своихъ меньшихъ.

— Какъ мать...—повторила Селена и горькая улыбка передернула ея хорошенькій ротъ.

— Конечно, любовь матери не замѣнима, но вѣдь семья твоя имѣетъ всѣ основанія быть довольною и твоей.

— Можетъ-быть маленькія, да нашъ слѣпой Геліосъ и довольны, но Арсиноя...

— Ты опечалена,—я слышу это по твоему голосу,—а вѣдь прежде ты была бодрой и веселой, хотя и не такой проказницей, какъ твоя сестрица.

— Да, прежде...

— Какъ грустно слышать это изъ твоихъ устъ!... Но, помилуй, ты красива и молода, у тебя еще цѣлая жизнь впереди.

— Какая жизнь?

— Какая?—спросилъ ваятель, отрывая руки отъ работы и обдавая своимъ огненнымъ взглядомъ красивую, блѣдную дѣвушку, неподвижно стоявшую передъ нимъ.—Жизнь,—съ жаромъ продолжалъ онъ,—которая вся могла бы быть исполнена счастья и любви.

Дѣвушка снова отрицательно покачала головой.

— Любовь есть радость, наслажденіе,—спокойно отвѣчала она.—Такъ говорила мнѣ христіанка, надзирающая за нашими работами на папирусной фабрикѣ. А я еще ничему не радовалась съ тѣхъ поръ, какъ скончалась матушка. Все счастіе моей жизни боги сразу излили на меня въ дѣтствѣ. Теперь я довольна, если не грозятъ намъ самыя тяжелыя несчастія. Все остальное я переношу безропотно, потому что ничего не въ силахъ измѣнить. Сердце мое окончательно пусто, и если оно что-нибудь дѣйствительно чувствуетъ, такъ это страхъ. Добраго мнѣ нечего ожидать въ будущемъ, да отъ этой надежды я давно уже отвыкла.

— Дѣвушка, дѣвушка!—воскликнулъ Поллуксъ,—что-жь это съ тобою сдѣлалось? Я не понимаю и половины изъ того, что

ты говоришь. О какой ты тамъ разсказываешь папирусной фабрикѣ?

— Не выдай меня!—испуганно прошептала Селена.—Еслибъ отецъ это услыхалъ...

— Онъ спитъ и того, что ты захочешь довѣрить мнѣ, не узнаетъ никто.

— Передъ тобою мнѣ нечего скрываться. Мы съ Арсиноей каждый день ходимъ на два часа въ мастерскую, чтобы заработать немного денегъ.

— Тайкомъ отъ отца?

— Да. Онъ допустилъ бы насъ скорѣе умереть съ голоду, чѣмъ помириться съ этимъ. Что ни день, все съ тѣмъ же отвращеніемъ приходится прибѣгать къ обману, но иначе нельзя. Арсиноя думаетъ только о себѣ, играетъ съ отцомъ въ пашки, иной разъ возится съ дѣтьми, какъ съ куклами, а всѣ заботы объ этихъ малюткахъ мнѣ приходится брать на себя.

— И ты, ты говоришь, что ты не знаешь любви?... Къ счастію, тебѣ никто не вѣритъ, а я-то ужь всего менѣе. Еще на дняхъ матушка разсказывала мнѣ о тебѣ и я тогда же подумалъ, что ты дѣвушка, изъ которой можетъ выйти жена именно такая, какою она должна быть.

— Ну, а сегодня?

— Сегодня я въ этомъ увѣренъ.

— Ты можешь ошибиться.

— Нѣтъ, нѣтъ! Твое имя— Селена, и ты кротка и привѣтлива, какъ лунный свѣтъ. Имена имѣютъ свое таинственное значеніе.

— Моего брата, никогда еще не видавшаго дневнаго свѣта, зовутъ Геліосомъ,—возразила дѣвушка.

Поллуксъ говорилъ съ большимъ жаромъ, но послѣднія слова Селены испугали его и нѣсколько охладили въ немъ порывъ горячаго чувства.

Не получая отвѣта на свое горькое восклицаніе, дѣвушка заговорила сама, сначала спокойно, потомъ все болѣе взволнованнымъ голосомъ:

— Ты начинаешь вѣрить мнѣ, и ты правъ. Все, что я дѣлаю для семьи, я дѣлаю не отъ доброты, не изъ любви къ ней, не потому, чтобы благо другихъ было для меня выше моего собственнаго. Отъ отца я унаслѣдовала гордость и мнѣ было бы невыносимо-обидно, еслибы братья и сестры мои ходили оборванными и люди знали, до какой степени мы бѣдны. Для меня всего ужаснѣе болѣзнь въ домѣ, потому что она увеличиваетъ никогда

не покидающее меня чувство страха и поглощаетъ послѣднюю сестерцію, и вотъ почему я не хочу, чтобы дѣти голодали. Я не желаю представлять себя хуже, чѣмъ я въ дѣйствительности: мнѣ, конечно, и жаль ихъ, когда онѣ болѣютъ, но радости не приноситъ мнѣ ни одно мое усиліе, ни одно удавшееся мнѣ дѣло; все это развѣ только ослабляетъ мою болѣзнь. Ты спросишь, чего я боюсь?—Всего, всего, что можетъ случиться, потому что ждать хорошаго я не имѣю основаній. Стучится ли кто-нибудь въ дверь,—мнѣ такъ и кажется, что это заимодавецъ; на Арсиною глазѣютъ на улицѣ, — мнѣ уже мерещится позоръ, слѣдующій за нею по пятамъ; если отецъ дѣйствуетъ вопреки предписанію врача,—я воображаю всѣхъ насъ безъ пристанища и выброшенными на улицу. Трудилась ли я когда-нибудь съ весельемъ?—Конечно, я не бываю праздной, но я завидую каждой женщинѣ, которая можетъ сидѣть сложа руки и пользоваться услугами рабынь. Еслибы мнѣ откуда-нибудь достался кладъ, я пальцемъ не двинула бы, просыпаясь тогда, когда солнце уже высоко стоитъ на небѣ, и предоставляя рабамъ заботиться объ отцѣ и дѣтяхъ. Жизнь моя — одно сплошное горе. Если когда и выпадетъ болѣе счастливый часъ, такъ я только удивляюсь; но не успѣешь оглядѣться, какъ онъ уже прошелъ.

Ваятеля слова эти обдали холодомъ и сердце его, беззавѣтно открывшееся передъ прекрасною подругой дѣтства, болѣзненно сжалось.

Прежде, чѣмъ онъ нашелся, что сказать, чтобъ ободрить и утѣшить ее, во дворцѣ раздался, повторяемый эхомъ, звукъ трубы, созывавшій рабочихъ на работу.

Селена содрогнулась, плотнѣе окуталась плащомъ, попросила Поллукса позаботиться объ отцѣ и спрятать отъ людскихъ глазъ стоявшее еще передъ нимъ вино, и, забывъ даже свой свѣтильникъ, быстрыми шагами направилась къ двери, черезъ которую пришла.

Поллуксъ поспѣшилъ за нею и, освѣщая ей путь до самаго жилища Керавна, теплыми и чудесно дѣйствовавшими на сердце ея словами добился отъ нея обѣщанія—еще разъ послужить для него моделью въ своемъ плащѣ.

Черезъ четверть часа управитель уже лежалъ на своей постели, продолжая спать крѣпкимъ сномъ, а Поллуксъ, бросившійся на тюфякъ за своею перегородкой, долго еще думалъ о блѣдной дѣвушкѣ и объ ея окаменѣвшей душѣ.

Наконецъ задремалъ и онъ. Въ радужномъ снѣ грезилась ему хорошенькая, маленькая Арсиноя, которая безъ него непремѣнно была бы раздавлена лошадью на праздникѣ Адониса. Снилось ему, какъ она утащила у Селены миндальный пирогъ и дѣлится съ нимъ похищеннымъ лакомствомъ. Блѣдная сестра не сердилась на это и глядѣла на нихъ съ тихою, покойною улыбкой...

Глава шестая.

Вся Александрія была въ движеніи.

Ожидавшійся въ скоромъ времени пріѣздъ императора отвлекъ трудолюбивый муравейникъ александрійскихъ гражданъ отъ того пути, по которому изо дня въ день, спѣша, поощряя и перегоняя другъ друга, они гонялись за хлѣбомъ и за средствами повеселиться въ свободные отъ работы часы.

На многихъ фабрикахъ, въ мастерскихъ, училищахъ и магазинахъ безустанно вертящееся колесо труда внезапно остановилось: люди всѣхъ профессій и всѣхъ состояній были воодушевлены однимъ и тѣмъ же желаніемъ отпраздновать предстоящее посѣщеніе ихъ роднаго города Адріаномъ рядомъ неслыханно-блестящихъ торжествъ.

Все, отличавшееся среди гражданъ изобрѣтательностью, богатствомъ или красотой, призывалось принять участіе въ играхъ и зрѣлищахъ, долженствовавшихъ продолжаться нѣсколько дней.

Богатѣйшіе изъ гражданъ-язычниковъ приняли на себя постановку предполагавшихся театральныхъ представленій, равно какъ и устройство въ присутствіи императора морскихъ битвъ и кровавыхъ зрѣлищъ въ амфитеатрѣ. Число богатыхъ, желавшихъ принять на себя болѣе или менѣе крупные расходы, было даже несравненно больше, чѣмъ требовалось.

Тѣмъ не менѣе постановка нѣкоторыхъ отдѣловъ представленій, участвовать въ которыхъ допускались и люди небогатые, сооруженіе построекъ въ гипподромѣ, убранство улицъ и содержаніе римскихъ гостей требовали такихъ значительныхъ суммъ, что онѣ показались необычайно громадными даже самому префекту, привыкшему видѣть, какъ бросаютъ милліоны его собратья, римскіе вельможи.

Въ качествѣ императорскаго намѣстника, онъ долженъ былъ выражать свое одобреніе всему, что предназначалось для утѣхи зрѣнія и слуха его повелителя.

Но, предоставляя вообще полную свободу дѣйствій гражданамъ Александріи, онъ не разъ принужденъ былъ сильно возставать противъ излишествъ, ибо хотя императоръ могъ вынести и много удовольствій, но то, что они первоначально желали заставить его пересмотрѣть и прослушать, превышало самыя неутомимыя человѣческія силы.

Всего болѣе хлопотъ причиняли ему и выбраннымъ гражданами распорядителямъ празднествъ непрестанные раздоры между языческой и іудейской половинами населенія и затѣмъ процессіи, въ которыхъ не только каждая изъ двухъ этихъ партій желала первенствовать, но даже отдѣльные граждане отказывались занимать второе или третье мѣсто.

Съ одного изъ собраній, на которомъ всѣ приготовленія къ празднествамъ были безповоротно порѣшены вслѣдствіе его энергическаго вмѣшательства, Тиціанъ отправился въ Кесареумъ, чтобы посѣтить императрицу, чего она ежедневно отъ него ожидала.

Онъ радъ былъ, что хотя отчасти покончилъ съ этими дѣлами, такъ какъ уже прошло шесть сутокъ съ тѣхъ поръ, какъ начались работы на Лохіи и день прибытія Адріана приближался все болѣе и болѣе.

Какъ и всегда, онъ нашелъ Сабину на ея мягкомъ ложѣ, но сегодня она сидѣла выпрямившись на своихъ подушкахъ.

Императрица видимо отдохнула отъ усталости морскаго переѣзда и, какъ бы въ знакъ того, что чувствуетъ себя лучше, положила на щеки и губы болѣе румянъ, чѣмъ за послѣдніе дни; волосы ея, ради ваятелей Паппія и Аристея, посѣтившихъ ее въ это утро, были причесаны какъ на статуѣ побѣдоносной Венеры, съ аттрибутами которой,—конечно, не по свободному выбору художника,—она была изваяна изъ мрамора лѣтъ пять тому назадъ.

Когда копія съ этой статуи была выставлена въ Александріи, какой-то острякъ сдѣлалъ слѣдующее злое замѣчаніе, часто впослѣдствіи повторявшееся между горожанами:

«Эта Афродита, безспорно, побѣдоносна: кто ее ни увидитъ, всякій спѣшитъ поскорѣе убраться.... Ее бы слѣдовало назвать Кипридой, гонительницей мужей».

Взволнованный ѣдкою перебранкой и невеселыми сценами, которыхъ онъ только-что былъ свидѣтелемъ, Тиціанъ вступилъ въ маленькій покой, гдѣ императрица на этотъ разъ ожидала его одна со своимъ дворецкимъ и нѣсколькими прислужницами.

Префектъ почтительно освѣдомился объ ея здоровьи.

— Какимъ же ему быть?—отвѣчала Сабина, пожимая плечами.—Сказать: хорошо—значитъ солгать; сказать: дурно—значитъ видѣть вокругъ себя соболѣзнующія лица, которыя меня ни мало не забавляютъ. Надо какъ-нибудь переносить жизнь. Впрочемъ, конечно, обиліе дверей въ этихъ покояхъ сведетъ меня въ могилу, если я буду вынуждена долго оставаться здѣсь.

Тиціанъ взглянулъ на двѣ двери маленькой пріемной, въ которой сидѣла императрица, и началъ выражать свое сожалѣніе по поводу этого незамѣченнаго имъ недостатка. Сабина перебила его.

— Вы, мужчины,—сказала она,—никогда не замѣчаете того, что непріятно намъ, женщинамъ. Нашъ Веръ—единственный, кто это чувствуетъ и понимаетъ,—кто это чуетъ, хотѣлось бы мнѣ сказать. Здѣсь тридцать пять дверей въ этой занимаемой мною половинѣ,—я нарочно велѣла сосчитать ихъ,—тридцать пять дверей! Не будь онѣ такъ стары и изъ драгоцѣннаго дерева, я бы, право, подумала, что ихъ сдѣлали мнѣ на смѣхъ.

— Нѣкоторыя изъ нихъ могутъ, вѣроятно, быть замѣнены портьерами.

— Пусть себѣ остаются такъ!... Нѣсколькими непріятностями болѣе или менѣе въ моей жизни—не все ли равно?... Ну, что же александрійцы? Покончили ли они, наконецъ, съ своими приготовленіями?

— Надѣюсь, да, — со вздохомъ отвѣчалъ префектъ. — Они бьются изо всѣхъ силъ, чтобы сдѣлать какъ можно лучше, но, стараясь выдвинуться впередъ, каждый изъ нихъ воюетъ съ своимъ сосѣдомъ и я до сихъ поръ нахожусь еще подъ впечатлѣніемъ непріятныхъ ссоръ, которыя мнѣ пришлось выслушивать нѣсколько часовъ къ ряду и не разъ успокоивать своимъ рѣшительнымъ «я васъ!»

— Да? — спросила Сабина и улыбнулась, будто услыхавъ нѣчто ей пріятное. — Разскажи мнѣ что-нибудь объ этомъ собраніи. Я просто изнемогаю отъ скуки, такъ какъ Веръ, Бальбилла и другіе отпросились у меня посмотрѣть работы на Лохіи. Я уже привыкла къ тому, что все предпочитается моему обществу. Да и должна ли я этому удивляться, когда присутствіе мое не въ состояніи заставить друга моего мужа позабыть о какихъ-то ничтожныхъ непріятностяхъ?... Мои бѣглецы что-то

долго не возвращаются,—должно-быть нашли много интереснаго у тебя на Лохіи.

Префектъ постарался подавить дурное расположеніе духа и, ничѣмъ не выразивъ своего опасенія, что архитекторъ и его помощники будутъ отвлечены посѣтителями отъ дѣла, началъ рѣчь свою тѣмъ тономъ, какимъ говорятъ обыкновенно вѣстники въ трагедіяхъ.

— Первое междоусобіе возгорѣлось изъ-за устройства зрѣлищъ.

— Отодвинься подальше! — перебила его Сабина и, будто чувствуя боль, прикрыла ухо правою, покрытой кольцами, рукой.

Щеки пятидесятилѣтняго префекта слегка вспыхнули, но онъ исполнилъ желаніе супруги кесаря и, понизивъ голосъ, снова началъ свое повѣствованіе:

— Итакъ, миръ былъ впервые нарушенъ изъ-за вопроса о зрѣлищахъ.

— Это я уже слышала,—зѣвая проговорила матрона.—Я очень люблю зрѣлища.

— Но здѣсь,—отвѣчалъ почтенный сановникъ, съ трудомъ скрывая свою досаду,—здѣсь, какъ и въ Римѣ, какъ и вездѣ, гдѣ устройствомъ зрѣлищъ не распоряжается кто-нибудь одинъ, они вѣчно порождаютъ раздоръ, даже когда назначаются для празднованія въ честь мира.

— Тебѣ, кажется, досадно, что ихъ устроиваютъ въ честь Адріана?

— Это, конечно, шутка съ твоей стороны... Только потому, что я дорожу ихъ возможно-большимъ великолѣпіемъ, я и вхожу самолично въ мельчайшія подробности. Я даже съумѣлъ, къ своему великому удовольствію, сдѣлать самыхъ задорныхъ спорщиковъ болѣе сговорчивыми. Врядъ ли въ кругъ моихъ обязанностей по должности входитъ...

— Я думала, что ты не только чиновникъ государства, но и другъ моего супруга.

— Я горжусь этимъ названіемъ.

— Да, у Адріана много, очень много друзей съ тѣхъ поръ, какъ онъ носитъ пурпуръ... Ну, какъ теперь твое расположеніе духа? Ты должно-быть сдѣлался очень обидчивымъ, Тиціанъ! У бѣдной Юліи прераздражительный супругъ...

— Она менѣе заслуживаетъ сожалѣнія, чѣмъ ты думаешь,—возразилъ Тиціанъ съ достоинствомъ.—Дѣла службы такъ погло-

щаютъ все мое время, что ей рѣдко представляется случай видѣть меня не озабоченнымъ. Если я не съумѣлъ скрыть передъ тобою своего волненія, то прошу извинить меня въ виду моего рвенія устроить Адріану достойный его пріемъ.

— Будто я на тебя сержусь!... Но вернемся къ твоей супругѣ. Значитъ, она, какъ я слышу, раздѣляетъ мою участь?... Бѣдныя мы, право! Намъ нечего ожидать отъ своихъ мужей, кромѣ остывшаго кушанья, которое оставляютъ намъ ихъ дѣла, поглощающія все остальное!... Но что же твой разсказъ, твой разсказъ?...

— Самыми тяжелыми минутами обязанъ я дурнымъ отношеніямъ между іудеями и остальными гражданами Александріи.

— Я ненавижу эти проклятыя секты, этихъ іудеевъ, христіанъ или какъ ихъ тамъ еще!... Что же, они отказываются сдѣлать съ своей стороны пожертвованія для пріема императора?

— Напротивъ! Алабархъ, ихъ богатый старѣйшина, предлагаетъ взять на себя всѣ расходы по устройству навмахіи, а единовѣрецъ его Артеміонъ...

— Ну, такъ что же? Пусть отберутъ у нихъ деньги, пусть ихъ отберутъ!

— Эллины чувствуютъ себя достаточно богатыми, чтобъ уплатить и безъ нихъ всѣ издержки, которыя достигнутъ многихъ милліоновъ сестерцій, и желаютъ, гдѣ только возможно, исключить іудеевъ изъ участія въ своихъ представленіяхъ и играхъ.

— Они правы.

— Позволь мнѣ спросить тебя, справедливо ли препятствовать половинѣ александрійцевъ чествовать своего императора?

— Безъ этого чествованія Адріанъ обойдется съ радостью. Прозванія: африканскій, германскій, дакійскій служили почестью для нашихъ побѣдителей, но Титъ не захотѣлъ однако называться іудейскимъ послѣ того, какъ разрушилъ Іерусалимъ.

— Его страшило воспоминаніе о тѣхъ потокахъ крови, которые пришлось пролить, чтобы сломить неслыханно-упорное сопротивленіе этого народа. Пядь за пядью, камень за камнемъ пришлось отвоевывать у побѣжденныхъ, прежде чѣмъ они рѣшились покориться.

— Ты снова начинаешь поэтизировать!... Или, быть-можетъ, эти люди выбрали тебя своимъ адвокатомъ?

— Я знаю ихъ и стараюсь, чтобъ имъ, какъ и всѣмъ гражданамъ этой страны, оказывалась справедливость. Они платятъ столько же податей, какъ и другіе александрійцы, даже болѣе, потому что между ними есть очень богатые люди. Они съ честью отличаются въ торговлѣ, въ ремеслахъ, въ наукахъ и искусствахъ, и потому я считаю долгомъ прилагать къ нимъ ту же самую мѣрку, какъ и къ остальнымъ жителямъ этого города. Что же касается ихъ суевѣрія, то оно тревожитъ меня такъ же мало, какъ и суевѣріе египтянъ.

— Но вѣдь оно превышаетъ, однако, всякую мѣру! Въ Эліи-Капитолинѣ, которую Адріанъ украсилъ множествомъ зданій, они отказались приносить жертвы передъ статуями Юпитера и Геры. Это значитъ, что они считаютъ недостойнымъ поклоняться мнѣ и моему супругу.

— Ихъ законъ воспрещаетъ имъ поклоняться иному богу, кромѣ своего. Элія построена на пепелищѣ ихъ разрушеннаго Іерусалима, а статуи, о которыхъ ты говоришь, стоятъ на самыхъ священныхъ для нихъ мѣстахъ.

— Наимъ-то какое до этого дѣло?

— Ты знаешь, что и Каю не удалось добиться того, чтобъ они поставили его изображеніе въ святилищѣ своего храма. Даже намѣстникъ Петроній долженъ былъ сознаться, что ихъ принудить—значитъ уничтожить ихъ.

— Такъ пусть же съ ними и будетъ то, чего они заслуживаютъ!... Пусть истребятъ ихъ!—воскликнула Сабина.

— Истребить.... ихъ?—повторилъ префектъ.—Истребить въ одной Александріи около половины гражданъ, т. е. нѣсколько сотъ тысячъ покорныхъ подданныхъ?...

— Такъ много?—спросила императрица, испугавшись.—Вѣдь это ужасно! Могущественный Зевсъ! что если вся эта масса поднимется на насъ? Никто не говорилъ мнѣ объ этой опасности. Въ Киренаикѣ, на Саламинѣ и на Кипрѣ они умертвили десятки тысячъ своихъ согражданъ.

— Ихъ довели до крайнихъ предѣловъ раздраженія... Притомъ же они были тамъ многочисленнѣе и сильнѣе своихъ притѣснителей.

— Да и въ собственной-то ихъ землѣ, говорятъ, вспыхиваетъ возстаніе за возстаніемъ.

— Все изъ-за жертвоприношеній, о которыхъ мы съ тобой говорили.

— Ну, теперь Тинній Руфъ легатомъ въ Палестинѣ. У него отвратительный, крикливый голосъ, но, если судить по его наружности, онъ не позволитъ съ собою шутить и съумѣетъ укротить это опасное отродье.

— Можетъ быть, — возразилъ префектъ. — Но боюсь, что одною суровостью онъ не достигнетъ своей цѣли, а если и достигнетъ, такъ не иначе, какъ обративъ провинцію въ безплодную пустыню.

— Въ имперіи все-таки слишкомъ много людей.

— Но никогда не можетъ быть достаточно полезныхъ гражданъ.

— Это мятежные-то богопротивники—полезные граждане?

— Здѣсь, въ Александріи, гдѣ многіе изъ нихъ вполнѣ переняли нравы, образъ мыслей и даже языкъ эллиновъ, они положительно таковы и не менѣе другихъ преданы нашему императору.

— Они принимаютъ участіе въ празднествахъ?

— Да, насколько это допускаютъ ихъ эллинскіе сограждане.

— А устройство навмахіи?

— Въ этомъ имъ отказано, но Артеміону разрѣшена поставка дикихъ звѣрей для зрѣлищъ въ амфитеатрѣ.

— И онъ не показалъ себя скупымъ?

— Напротивъ, ты даже удивишься его щедрости. Этотъ человѣкъ, вѣроятно, умѣетъ, какъ Мидасъ, обращать въ золото камни.

— А много ли найдется подобныхъ ему между іудеями?

— Порядочное количество.

— Въ такомъ случаѣ я желала бы, чтобъ они попытались возстать, потому что если мятежъ пожираетъ богачей, то остается ихъ золото.

— Пока я искренно желаю и приложу всѣ старанія, чтобъ они остались цѣлы и невредимы, какъ хорошіе плательщики податей.

— Адріанъ раздѣляетъ это желаніе?

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— Твой преемникъ можетъ-быть наведетъ его на иныя мысли.

— Адріанъ всегда дѣйствуетъ по собственному своему усмотрѣнію и я пока еще нахожусь въ должности! — гордо сказалъ Тиціанъ.

— Да поможетъ же тебѣ іудейскій богъ сохранить ее на долгое время!—съ насмѣшкой возразила ему Сабина.

Глава седьмая.

Прежде, чѣмъ Тиціанъ собрался что-либо отвѣтить, главныя двери покоя были отворены настежъ, хотя и осторожно, безъ шума, и въ комнату вступили преторъ Люцій-Аврелій Веръ, жена его Домиція-Люцилла, молоденькая Бальбилла и позади всѣхъ исторіографъ Анней Флоръ.

Всѣ четверо были весело настроены и хотѣли тотчасъ же, послѣ привѣтствія императрицы, приступить къ разсказу о томъ, что видѣли на Лохіи, но Сабина остановила ихъ движеніемъ руки.

— Нѣтъ, нѣтъ, не теперь!—прошептала она.—Я чувствую себя измученной: это долгое ожиданіе, и потомъ... Мой флаконъ съ духами, Веръ!... Левкиппа, дай мнѣ воды съ фруктовымъ сокомъ, только не такъ сладко, какъ обыкновенно!

Греческая рабыня поспѣшила исполнить это приказаніе.

— Не правда ли, Тиціанъ, — томнымъ голосомъ продолжала императрица, поднося къ носу изящный, выточенный изъ оникса, флакончикъ,—уже маленькая вѣчность, какъ мы толкуемъ съ тобой о государственныхъ дѣлахъ? Вамъ всѣмъ извѣстно, что я откровенна и не могу молчать, когда наталкиваюсь на превратныя воззрѣнія. Пока вы были въ отсутствіи, мнѣ пришлось много говорить и многое выслушать, а для этого нужны силы покрѣпче моихъ. Я еще удивляюсь, какъ вы не нашли меня въ болѣе жалкомъ положеніи!... Что можетъ быть такъ утомительнѣе для женщины, какъ необходимость энергически спорить съ мужчиной, защищающимъ совершенно противоположные ей взгляды?... Подай мнѣ воду, Левкиппа!

Пока императрица, безостановочно двигая тонкими блѣдными губами, маленькими глотками выпивала поданный ей фруктовый сокъ, Веръ подошелъ къ Тиціану и шепотомъ спросилъ его:

— Ты долго былъ наединѣ съ Сабиною, братецъ?

— Да,—отвѣчалъ Тиціанъ, стиснувъ зубы и сжавъ кулаки съ такою силой, что Веръ не могъ ошибиться относительно того, что онъ при этомъ думалъ.

— Ее надо жалѣть,—тихо возразилъ онъ,—именно теперь на нее находятъ минуты...

— Какія минуты?—спросила Сабина,—отнимая бокалъ отъ губъ.

— Такія,—не запинаясь отвѣчалъ Веръ,—когда мнѣ нѣтъ

надобности заботиться о сенатѣ и государственныхъ дѣлахъ. Кому опять-таки, какъ не тебѣ, обязанъ я этимъ?

Говоря это, онъ приблизился къ матронѣ съ нѣжною заботливостью, какъ внимательный сынъ къ горячо любимой, страдающей матери, и взялъ изъ рукъ ея осушенный ею бокалъ, чтобы передать его гречанкѣ.

Императрица нѣсколько разъ ласково кивнула претору въ знакъ благодарности и проговорила потомъ замѣтно повеселѣвшимъ голосомъ:

— Ну, разсказывайте! Что же вы видѣли на Лохіи?

— Чудеса!—быстро отвѣчала Бальбилла, обрадовавшись, что ей наконецъ позволили говорить, и всплескивая своими маленькими, красивыми руками.—Кажется, будто какой-то пчелиный рой или муравейникъ проникъ въ этотъ старый дворецъ,—такъ много трудится тамъ и бѣлыхъ, и коричневатыхъ, и черныхъ рукъ. Сколько ихъ, мы не могли и счесть; но изъ сотенъ рабочихъ, которые двигаются и хлопочутъ, куда ни взглянешь, ни одинъ не мѣшаетъ другому, ибо какъ предусмотрительная мудрость боговъ указываетъ пути звѣздамъ на темномъ покровѣ божественной ночи,—пути, на которыхъ онѣ никогда не могутъ столкнуться,—такъ и движеніями всѣхъ этихъ людей управляетъ маленькій человѣкъ.

— Я долженъ вступиться за архитектора Понтія,—перебилъ разсказчицу Веръ.—Онъ человѣкъ по крайней мѣрѣ средняго роста.

— Пусть будетъ по-твоему! — возразила Бальбилла.—Чтобъ удовлетворить твоему чувству справедливости, скажу, что ими управляетъ человѣкъ по крайней мѣрѣ средняго роста, съ свиткомъ папируса въ правой и свинцовымъ штифтомъ въ лѣвой рукѣ. Въ такомъ видѣ тебѣ болѣе нравится мой разсказъ?

— Онъ никогда не можетъ мнѣ не нравиться, — возразилъ преторъ.

— Дай же Бальбиллѣ продолжать!—обратилась къ нему императрица.

— Мы видѣли хаосъ,—снова начала дѣвушка.—Но среди общаго безпорядка уже чуятся условія будущей гармоніи творенія; ихъ даже можно видѣть глазами...

— А на нѣкоторыя изъ нихъ прямо наталкиваешься ногами!—снова со смѣхомъ перебилъ ее преторъ.—Будь тамъ темно и будь рабочіе червями, мы навѣрное нередавили бы до смерти болѣе половины,— такъ много кишило ихъ на полу...

— Что же они тамъ дѣлали?—спросила Сабина.

— Все!—не замедлила отвѣтомъ Бальбилла.—Одни ровняли испорченныя мѣста, другіе накладывали новые куски мозаики тамъ, гдѣ старая была расхищена, а искусные художники малевали пестрыя фигурки на ровной гипсовой поверхности. Каждая колонна, каждая статуя окружены высокимъ помостомъ, достигающимъ потолка; по этимъ помостамъ поднимались люди, тѣснясь какъ матросы, которые во время навмахіи взбираются на бортъ непріятельскаго корабля.

Щеки хорошенькой дѣвушки покрылись яркимъ румянцемъ,—такъ живо вспомнила она все видѣнное ею,—а полные выраженія жесты, которые она дѣлала въ продолженіе своей рѣчи, заставляли дрожать густые локоны ея высокой прически.

— Твое описаніе становится поэтическимъ, — замѣтила императрица.—Можетъ-быть вдохновенная муза уже нашептываетъ тебѣ новое стихотвореніе?

— Всѣ девять Піэридъ,—сказалъ преторъ,—имѣютъ своихъ представительницъ на Лохіи. Восемь изъ нихъ мы видѣли; у девятой же, покровительствующей астрологамъ и изящнымъ искусствамъ, у великой Уранія, на мѣстѣ головы покамѣстъ... отгадаешь ли ты, что̀, божественная Сабина?

— Ну, говори же!

— Соломенное помело.

Императрица, шутя, вздохнула.

— Какъ ты думаешь, Флоръ,—сказала она,—нѣтъ ли между твоими учеными и пишущими стихи собратьями людей похожихъ на эту Уранію?

— Во всякомъ случаѣ мы остроумнѣе богини, — отвѣчалъ историкъ,—потому что содержимое нашихъ головъ прикрыто твердою оболочкой черепа и болѣе или менѣе густыми волосами, между тѣмъ какъ Уранія откровенно показываетъ свѣту свою солому.

— Судя по твоимъ словамъ, — воскликнула Бальбилла, со смѣхомъ указывая на свои густые локоны, — можно подумать, что мнѣ было особенно необходимо скрыть, что находится подъ этими волосами.

— Пѣвица Лесбоса также называлась «велекудрой»,—съ поклономъ возразилъ Флоръ.

— И ты дѣйствительно наша Сафо!—сказала жена претора, Люцилла, прижимая къ груди своей руку дѣвушки.

— Серьезно, не хочешь ли ты изложить въ стихахъ, что ты видѣла сегодня?—спросила императрица.

Дѣвушка на минуту потупила глаза, но потомъ весело сказала:

— Отчего же нѣтъ?... Все удивительное, все выходящее изъ ряду вонъ, всегда меня вдохновляетъ.

— Но послѣдуй совѣту грамматика Аполлонія,—горячо замѣтилъ Флоръ.—Ты—Сафо нашего времени и потому должна бы слагать стихи свои не на аттическомъ, а на древне-эолійскомъ нарѣчіи.

Веръ расхохотался. Императрица, грудь которой была слаба, тихо, но порывисто и рѣзко засмѣялась.

— Вы думаете,—съ живостью спросила Бальбилла,—что мнѣ не удастся достигнуть этого?... Завтра же начну упражняться въ древне-эолійскомъ діалектѣ.

— Брось это намѣреніе!—сказала, обнимая ее, Домиція-Луцилла,—самыя простыя твои пѣсни всегда были самыми прекрасными.

— Я не желаю, чтобъ надо мной смѣялись,—упрямо горячилась Бальбилла.—Черезъ нѣсколько недѣль я буду въ состояніи писать по древне-эолійски, потому что я могу все, что только захочу,—все, все!...

— Что за упрямая головка подъ этими кудрями!—сказала императрица и милостиво погрозила ей пальцемъ.

— И какія способности!—воскликнулъ Флоръ.—Мнѣ говорилъ ея учитель грамматики и метрики, что изо всѣхъ его учениковъ лучше всѣхъ была дѣвушка благороднаго происхожденія, и притомъ поэтъ, однимъ словомъ—Бальбилла.

Слова эти вызвали яркую краску удовольствія на щеки той, къ которой они относились.

— Ты льстишь мнѣ,—спросила она радостнымъ и нѣсколько взволнованнымъ голосомъ,—или дѣйствительно Гефестіонъ говорилъ тебѣ что-либо подобное?

— Увы!—воскликнулъ преторъ.—Гефестіонъ былъ и моимъ учителемъ; слѣдовательно, я принадлежу къ тѣмъ ученикамъ, которыхъ Бальбилла такъ далеко оставила позади себя. Впрочемъ, для меня это не новость: александріецъ говорилъ мнѣ то же самое, что и Флору, и я не настолько горжусь своими стихами, чтобы не чувствовать справедливости его сужденія.

— Вы слѣдуете различнымъ образцамъ,—замѣтилъ Флоръ:—ты—Овидію, она—Сафо; ты пишешь по-латыни, она—по-гре-

чести. Кстати, ты еще возишь съ собою любовныя пѣсни своего Овидія?

— Постоянно,—подтвердилъ Веръ,—какъ Александръ своего Гомера.

— И, вѣроятно, изъ уваженія къ учителю, супругъ твой при помощи Венеры старается согласоваться съ его произведеніями и въ жизни?—прибавила императрица, обращаясь къ Домиціи-Луциллѣ.

Стройная, красивая римлянка ограничилась легкимъ пожатіемъ плечъ въ отвѣтъ на этотъ не особенно любезный намекъ, между тѣмъ какъ Веръ, поднявъ свалившееся на полъ шелковое одѣяло, заботливо укутывалъ имъ колѣни Сабины.

— Высшее счастіе,—прошепталъ онъ ей,—заключается для меня въ томъ, что я пользуюсь материнскою благосклонностью *побѣдоносной* Венеры. Но ты не дослушала нашего повѣствованія до конца: наша лесбійская лебедь повстрѣчалась на Лохіи съ другою птицей въ образѣ талантливаго скульптора.

— Съ какихъ это поръ стали причислять ваятелей къ птицамъ?—спросила Сабина.—Ужь если ихъ можно сравнить съ какими-либо изъ нихъ, такъ это развѣ съ дятлами!

— Да, когда они трудятся надъ деревомъ,—засмѣялся Веръ.—Но нашъ художникъ—помощникъ Паппія и производитъ величественныя фигуры изъ благороднаго вещества. Впрочемъ, на этотъ разъ онъ дѣйствительно приготовлялъ свою статую изъ совершенно удивительнаго матеріала....

— Веръ потому, вѣроятно, называетъ нашего знакомаго птицею,—прервала претора Бальбилла,—что онъ, когда мы приближались къ перегородкѣ, за которой онъ работаетъ, такъ чисто, весело и громко насвистывалъ губами какую-то пѣсню, что она, пересиливая шумъ и говоръ рабочихъ, раздавалась изъ конца въ конецъ огромнаго пустаго зала. Пѣніе соловья не бываетъ мелодичнѣе. Мы остановились и слушали. Наконецъ, этотъ веселый малый замолчалъ и потомъ, услыхавъ голосъ архитектора, крикнулъ ему изъ-за своей перегородки: «Теперь дѣло за головой Уранія. Ужь она окончательно обрисовалась - было у меня въ воображеніи; еще нѣсколько часовъ работы и я бы ее покончилъ, но Паппій говоритъ, что у него есть готовая въ запасѣ. Любопытно будетъ посмотрѣть, что за приторное, дюжинное лицо налѣпитъ онъ мнѣ на этотъ торсъ, которымъ я до сихъ поръ положительно остаюсь доволенъ. Припаси-ка мнѣ хорошенькую

модель для бюста Сафо! У меня просто мурашки по коже бѣгаютъ и я въ такомъ возбужденномъ состояніи, что теперь, кажется, мнѣ все удастся, за что я ни примусь!»

Послѣднія слова Бальбилла произнесла, стараясь подражать голосу молодаго художника, и, замѣтивъ улыбку на лицѣ императрицы, съ живостью продолжала:

— Все это дышало такою свѣжестью, такъ очевидно исходило прямо изъ сердца, полнаго весельемъ, сознаніемъ силы и жаждой творчества, что я пришла въ восторгъ и всѣ мы приблизились къ перегородкѣ, чтобы просить у ваятеля разрѣшенія взглянуть на его работу....

— И что же вы нашли?—спросила Сабина.

— Сначала онъ на-отрѣзъ отказался допустить насъ за свою ограду,—отвѣчалъ преторъ, — но Бальбилла съ женскою ловкостью съумѣла выманить у него позволеніе проникнуть туда. И дѣйствительно длинновязый малый этотъ кое-чему да научился. Драпировка одежды, покрывающей тѣло Уранiи, совершенно соотвѣтствуетъ возможной дѣйствительности, роскошна, выполнена съ силой и умѣньемъ и удивительно тонкой работы. Муза его, глядя на звѣзды, плотно окутываетъ плащомъ свои стройные члены, будто защищая ихъ отъ ночной прохлады. Покончивъ съ этою статуей, онъ займется нѣсколькими женскими бюстами, которые нужно реставрировать. На одинъ изъ нихъ, изображающій, сколько помнится, Веронику, онъ еще сегодня же поставитъ новую, уже готовую, голову, а для Сафо я предложилъ ему взять себѣ моделью Бальбиллу.

— Прекрасная мысль!—сказала императрица.—Если бюстъ удастся, я увезу его съ собою въ Римъ.

— Я охотно посижу передъ нимъ!—воскликнула дѣвушка.—Этотъ веселый художникъ мнѣ понравился.

— Какъ и Бальбилла ему,—прибавила жена претора.—Онъ глядѣлъ на нее какъ на какое-то чудо и добился отъ нея обѣщанія отдать ему завтра, если ты позволишь, свою головку въ полное его распоряженіе на три часа.

— Онъ начинаетъ съ головы,—вздыхая, проронилъ Веръ.—Что за счастливцы, подумаешь, эти художники! Ему она, не задумываясь, позволитъ поворачивать себѣ голову и устраивать складки своего пеплума, а вѣдь вотъ когда сегодня приходилось обходить гипсовыя болота и цѣлыя лужи свѣжей краски, она едва позаботилась о подолѣ своей одежды и ни разу не позво-

лила мнѣ перенести себя черезъ худшія мѣста, хотя и знаетъ, сколько бы я далъ, чтобы подержать такое милое созданіе!...

Бальбилла вспыхнула и сказала, нѣсколько разсердившись:

— Право, Веръ, я не потерплю, чтобы ты такъ со мною говорилъ! Запомни это разъ навсегда: я такъ не люблю всего нечистаго, что мнѣ и безъ поддержки легко его избѣгать.

— Ты слишкомъ строга,—съ безобразной улыбкой перебила ее императрица.—Не правда ли, Домиція-Люцилла, она должна бы дать твоему супругу право услуживать ей?

— Если императрица находитъ это приличнымъ и должнымъ,— отвѣтила та, поднимая плечи и съ многозначительнымъ жестомъ.

Сабина поняла смыслъ этого движенія и снова безобразно зѣвнула.

— Въ наше время,—сказала она шутливо,—надо быть снисходительной къ супругу, который избралъ своимъ неразлучнымъ спутникомъ любовныя пѣсни Овидія.... Что тамъ такое, Тиціанъ?

Уже въ то время, когда Бальбилла разсказывала о своей встрѣчѣ съ ваятелемъ Поллуксомъ, дворецкій подалъ префекту важное, требовавшее безотлагательнаго прочтенія, письмо.

Сановникъ удалился съ нимъ въ глубину покоя, сломалъ печать и только-что дочиталъ его до конца, когда императрица обратилась къ нему съ вопросомъ.

Маленькіе глаза Сабины, дѣятельно слѣдившіе за всѣмъ, что происходило вокругъ нея, тотчасъ же замѣтила безпокойное движеніе префекта, когда онъ складывалъ полученное имъ посланіе.

Въ немъ, очевидно, заключалось что-нибудь важное.

— Письмо это,—отвѣчалъ Тиціанъ на вопросъ императрицы,— настоятельно требуетъ моего возвращенія въ префектуру. Позволь же мнѣ откланяться! Въ скоромъ времени я надѣюсь имѣть возможность сообщить тебѣ кое-что пріятное.

— Что заключается въ этомъ письмѣ?

— Важныя извѣстія изъ провинціи, — спокойно отвѣчалъ префектъ.

— Нельзя ли намъ съ ними познакомиться?

— На этотъ вопросъ я долженъ, къ сожалѣнію, отвѣтить отрицательно, получивъ отъ кесаря приказаніе хранить это дѣло въ совершенной тайнѣ. Распоряженія, которыя мнѣ приходится

по нему сдѣлать, требуютъ чрезвычайной поспѣшности и я вижу себя вынужденнымъ проститься съ тобою немедленно.

— Сабина съ ледяною холодностью отвѣтила на прощальный поклонъ префекта и тотчасъ же велѣла вести себя во внутреннiе покои, чтобы приготовиться къ ужину.

Бальбилла послѣдовала за ней, а Флоръ отправился въ «Олимпiйскую трапезу», превосходную харчевню нѣкоего Ликорта, о которой римскiе гастрономы разсказывали ему чудеса.

Веръ остался съ глазу на глазъ съ своею женой.

— Ты позволишь мнѣ отвести тебя въ твое помѣщенiе?— спросилъ онъ, съ любезнымъ видомъ подходя къ ней.

Домицiя-Люцилла бросилась на подушки, закрыла лицо обѣими руками и не отвѣчала ни слова.

— Ты позволишь мнѣ?—повторилъ преторъ.

Снова не получивъ никакого отвѣта, онъ подошелъ къ женѣ и положилъ руку на нѣжные, изящные пальцы, скрывавшiе ея лицо.

— Ты, кажется, на меня сердишься?—сказалъ онъ съ нѣкоторою нѣжностью въ голосѣ.

— Оставь меня!—воскликнула она, мягкимъ движенiемъ отстраняя отъ себя его руку.

— Да, я, къ сожалѣнiю, долженъ тебя оставить,—со вздохомъ произнесъ Веръ.—Дѣла призываютъ меня въ городъ и я...

— И ты заставишь молодыхъ александрiйцевъ, съ которыми ты вчера пировалъ цѣлую ночь, показывать себѣ новыхъ красавицъ... Я это знаю.

— Здѣсь есть дѣйствительно женщины невѣроятной красоты,—совершенно не смущаясь, отвѣчалъ Веръ,—бѣлыя, смуглыя, мѣдно-красныя, черныя, и каждая изъ нихъ въ своемъ родѣ очаровательна. Просто не устаешь ими любоваться!...

— А твоя жена?—спросила Люцилла, подымаясь съ подушекъ и пристально глядя ему въ глаза.

— Жена моя?... Да, прекраснѣйшая жена, или супруга. Это—очень важный, почетный титулъ, но онъ не имѣетъ ничего общаго съ наслажденiями жизни. Развѣ я могу ставить тебя на одну доску съ тѣми бѣдными созданiями, которыя сокращаютъ мнѣ годы досуга?...

Домицiя-Люцилла уже давно привыкла къ подобнымъ выраженiямъ со стороны мужа, но на этотъ разъ ей было горько

слышать ихъ. Она скрыла однако свою жгучую боль и, скрестивъ руки на груди, рѣшительно и съ достоинствомъ сказала:

— Такъ продолжай же свой жизненный путь съ своимъ Овидіемъ и съ своими амурами, но не пытайся раздавить невинность подъ колесами твоей колесницы!

— Ты намекаешь на Бальбиллу?—спросилъ преторъ и громко расхохотался.—Она умѣетъ защищаться сама и слишкомъ умна, чтобы попасться въ руки эротамъ. Милому сынишкѣ Венеры нечего и дѣлать съ такими добрыми друзьями, какъ мы.

— И я могу тебѣ вѣрить?

— Даю тебѣ слово, что мнѣ отъ нея ничего не нужно, кромѣ нѣсколькихъ ласковыхъ словъ,—воскликнулъ онъ, съ чистосердечнымъ видомъ протягивая руку женѣ.

Люцилла только слегка коснулась до нея пальцами.

— Отошли меня обратно въ Римъ, — сказала она, помолчавъ.—Я несказанно стосковалась по дѣтямъ, особенно по нашемъ мальчикѣ.

— Нельзя,—серьезно возразилъ Веръ, — теперь нельзя! Ты уѣдешь, надѣюсь, черезъ нѣсколько недѣль.

— Отчего же не ранѣе?

— Не спрашивай меня объ этомъ.

— Матери естественно желать узнать, почему ее разлучаютъ съ ея лежащимъ въ колыбели сыномъ.

— Эта колыбель стоитъ теперь въ домѣ твоей матери, которая нѣжно, повѣрь, заботится о нашихъ малюткахъ. Потерпи немного, ибо то, къ чему я стремлюсь для тебя, для себя, для нашего сына, такъ велико, такъ необычайно велико и трудно, что въ состояніи уравновѣсить долгіе годы одиночества и скуки.

Эти послѣднія слова Веръ произнесъ тихо, но съ тѣмъ достоинствомъ, которое было свойственно ему въ самыя торжественныя минуты его жизни. Прежде чѣмъ онъ окончилъ рѣчь, Люцилла уже вскочила съ своего мѣста и судорожно схватила его за руку обѣими своими руками.

— Ты стремишься къ пурпуру?—спросила она боязливымъ шепотомъ.

Онъ утвердительно кивнулъ на это головой.

— Такъ это потому?—пробормотала она.

— Что потому?

— Твои отношенія съ Сабиной...

— Нѣтъ, не потому только. Она жестка и непріятна въ обращеніи съ другими, но ко мнѣ, съ самаго моего дѣтства, всегда была добра и ласкова.

— Меня она ненавидитъ.

— Терпѣніе, Люцилла, терпѣніе! Настанетъ день, когда ты будешь супругой кесаря, а прежняя императрица... Но объ этомъ я умолчу. Ты знаешь, что я привязанъ къ Сабинѣ и искренне желаю долгой жизни императору.

— А усыновленіе?

— Тише! Кесарь ужь думаетъ о немъ, а Сабина горячо его желаетъ.

— Можетъ ли оно послѣдовать въ скоромъ времени?

— Кто въ состояніи сказать, на что рѣшится кесарь черезъ какой-нибудь часъ... Но можетъ-быть онъ приметъ окончательное рѣшеніе тридцатаго декабря.

— Въ день твоего рожденія?

— Да, онъ справлялся о немъ и, вѣроятно, поставитъ мой гороскопъ въ ту самую ночь, когда я впервые увидѣлъ свѣтъ.

— Значитъ, звѣзды должны рѣшить нашу участь?

— Не однѣ звѣзды. Адріанъ долженъ самъ быть расположеннымъ истолковать ихъ положеніе въ мою пользу.

— Чѣмъ я могу тебѣ помочь?

— Покажи себя въ обращеніи съ кесаремъ совершенно такою, какова ты дѣйствительно.

— Благодарю за эти слова и болѣе не прошу тебя отпустить меня къ дѣтямъ. Еслибы быть женою Вера значило что-либо болѣе почетнаго титула, я и не желала бы новаго достоинства подруги кесаря...

— Я не пойду сегодня въ городъ и останусь съ тобой. Довольна ты?

— О, да, да!—воскликнула Люцилла и подняла уже руку, чтобъ обвить ею шею своего красиваго супруга, но Веръ тихо оттолкнулъ ее отъ себя.

— Оставь эти пастушескія забавы!—шепнулъ онъ ей.—Онѣ не совмѣстимы съ погоней за кесарскою порфирой.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Изъ пѣсенъ о возрожденіи.

Ужь твой могильный крестъ давно оросъ травой!...
А кажется, давно-ль, давно-ль, моя родная,
Сюда я схоронилъ остывшій пепелъ твой,
Надъ нимъ безъ памяти, отчаянно рыдая?
И вотъ, покинувши столичный шумный свѣтъ
Съ его вседневною гремящей суетою,
Гдѣ въ памяти людей тебя и слѣда нѣтъ,
Я вновь пришелъ сюда, чтобъ теплою слезою
Съ молитвой оросить почившій милый прахъ.
Но гдѣ же ты?... Въ землѣ безслѣдно ли истлѣла?
Или, простившись съ ней и ей отдавши тѣло,
Ты въ горней высотѣ паришь на небесахъ?...
Неразрѣшимая, великая загадка!...
А вкругъ давно весна... Такъ радостно и сладко,
Играя съ вѣтеркомъ, шумитъ зеленый лѣсъ;
На ясномъ куполѣ лазоревыхъ небесъ
Сребристыхъ облаковъ, скользя, несутся волны;
Лучъ утренній златитъ кресты и сельскій храмъ
И трели жаворонка несутся къ небесамъ
Съ проснувшихся полей, веселой жизнью полны.
Вонъ курятся дымки въ деревнѣ за рѣкой,
Въ сіяньи золотомъ играя безмятежно,
И отражается во влагѣ голубой
Лазурь небесная такъ ласково и нѣжно...
Какая жизнь кругомъ! Какъ радостно, свѣтло,
Въ нарядѣ праздничномъ, все блещетъ предо мною,
Какъ будто бы земли ожившее чело
Блеститъ воскресною, торжественной мольбою!

И въ смерть не вѣрится въ минуту эту мнѣ...
Мечта прекрасная, какъ свѣтлое видѣнье,
Слетаетъ на душу въ отрадной тишинѣ,
Что за могилой есть и жизнь, и возрожденье...
Что въ этотъ самый мигъ, быть-можетъ, какъ стою
Одинъ я надъ родной, завѣтною могилой,
Оплакивая смерть недавнюю твою
И въ прошлое несясь мечтой моей унылой,—
Быть-можетъ, въ этотъ мигъ, уже въ краю другомъ,
Быть-можетъ, далеко, на югѣ золотомъ,
На мирномъ берегу зеркальнаго залива,
Гдѣ лодки рыбаковъ колеблются лѣниво
Подъ говоръ сладостный полуденной волны,
Ты въ этотъ самый мигъ,—дитя другой страны,—
Полна сіяющихъ надеждъ и упованій,
Уже не вѣдаешь тоски воспоминаній,
Забывъ былую жизнь и гнетъ былыхъ скорбей,
И съ тихой, радостной улыбкою своей,
Встрѣчая солнца свѣтъ, сверкающій росою
Въ цвѣтахъ вокругъ тебя, благословляешь ты
Тотъ самый лучъ златой, что съ ясной высоты
Играетъ здѣсь моей горячею слезою,
Упавшей на твои могильные цвѣты...
Отрадная мечта!... Когда-жь промчатся годы
И за тобой сойду я, сбросивъ гнетъ скорбей,
Гнетъ одиночества, и горя, и невзгоды,—
То снова, какъ вдали давно минувшихъ дней,
Проснувшись, можетъ-быть, твой милый взоръ я встрѣчу,
Какъ прежде, блещущій любовію святой,
Со смѣхомъ и слезой я на него отвѣчу
И съ лепетомъ прильну къ груди твоей родной!...

Л. Пальминъ.

Народныя артели.

I.

Нѣсколько словъ по поводу классификаціи.

Намѣреваясь изложить насколько возможно полно и обстоятельно строй артели, я буду держаться такого плана: сначала затрону нѣсколько литературу вопроса, перейду къ изложенію строя, начиная съ рыболовныхъ артелей и вообще группируя артели по ихъ занятіямъ, по промысламъ, затѣмъ коснусь исторіи артели и въ заключеніе сдѣлаю уже общіе выводы, установлю основныя положенія, попытаюсь опредѣлить значеніе артели, ту роль, которую артель можетъ, должна и, думаю, будетъ играть *въ организаціи народно-государственнаго хозяйства*.

Знаю, меня могутъ упрекнуть въ ненаучной классификаціи артелей, въ отсутствіи строго обдуманнаго плана и т. д. Объяснюсь. Разные ученые, компетентные и совсѣмъ не компетентные, пытались уже много разъ классифицировать артели, дѣлить ихъ на группы по научнымъ основнымъ признакамъ. Въ этомъ, признаться, недостатка не было. И если я, приступая къ изложенію строя артели, не слѣдую по тому же пути, а отложу общіе выводы, основныя положенія, даже опредѣленіе артелей и, быть-можетъ, даже научную классификацію, то не потому, чтобъ я былъ не въ состояніи сдѣлать это, или не имѣлъ бы на это права, а потому, что, думаю, тѣ выводы и положенія, которыя сдѣлаю на основаніи точнаго и обстоятельнаго изложенія фактовъ, будутъ имѣть бо́льшую гарантію научности, истинности, а потому убѣдительности, безспорности.

Г. Исаевъ *) достаточно убѣдительно показалъ всю неполноту, несостоятельность и ошибочность попытокъ классификаціи

*) *Русская Мысль*, январь, „Промышл. артели въ Россіи“.

только нѣкоторыхъ ученыхъ и неученыхъ, оставляя многихъ безъ всякаго вниманія, но и самъ впадаетъ въ ту же ошибку *).

Онъ дѣлитъ артели на слѣдующія группы: 1) промышленныя, 2) потребительныя, 3) кредитныя, 4) страховыя. «Эти четыре обширныя группы,—говоритъ г. Исаевъ,—допускаютъ дальнѣйшее дробленіе... Промышленныя артели могутъ быть разбиты: а) на сырьевыя..., б) складочныя..., в) производительно-подсобныя, г) производительныя.... Кредитныя могутъ основывать свои операціи какъ на личномъ кредитѣ, такъ и на кредитѣ вещномъ. Совокупность землевладѣльцевъ можетъ образовать *кредитную артель съ выпускомъ закладныхъ листовъ... Страховыя могутъ принимать форму сберегательныхъ кассъ, вспомогательныхъ, пенсіонныхъ, обществъ взаимнаго страхованія отъ огня, градобитія, скотскихъ падежей»* и т. д.

«Установленная нами группировка,—заявляетъ г. Исаевъ,—въ виду огромной важности вопроса, заставляетъ и меня немного остановиться на ней. Начать съ того, что эта группировка, классификація установлена не здѣсь, а въ вышедшей два года тому назадъ его же книгѣ—«Промышленныя товарищества во Франціи и Германіи» **),—это во-первыхъ; а во-вторыхъ, *установлена* не г. Исаевымъ, а европейскими учеными, вложившими огромный трудъ въ разработку принциповъ ассоціаціи и въ пропаганду ея.

Г. Исаевъ, какъ сказано уже выше, дѣлитъ артели на 4 группы. «Эти 4 *обширныя* группы допускаютъ дальнѣйшее дробленіе»,—продолжаетъ авторъ. Вполнѣ признавая обширность первыхъ 2-хъ группъ, я рѣшительно отказываюсь признать *обширными* группы кредитныхъ и страховыхъ артелей. Гдѣ это авторъ видѣлъ *кредитныя* и *страховыя артели*, и притомъ настолько въ значительномъ количествѣ, чтобъ установлять изъ нихъ «обширныя» группы? Къ величайшему сожалѣнію, г. Исаевъ

*) Мы печатаемъ на страницахъ нашего журнала возраженія на статью нашего почтеннаго сотрудника, А. А. Исаева, въ томъ соображеніи, что вопросъ объ артеляхъ у насъ такъ мало разработанъ, что никто еще не можетъ взять на себя исчерпать его вполнѣ, сказать о немъ послѣднее слово, и такъ существенно важенъ и для насъ, и самъ по себѣ, что необходимо всесторонее его обсужденіе. Въ этомъ, конечно, согласится съ нами и многоуважаемый профессоръ. Само собою разумѣется, мы такъ же охотно напечатаемъ и его отвѣтъ Г. П. Сазонову. Изъ спокойнаго, безпристрастнаго обмѣна мнѣній выясняется истина, а для насъ нѣтъ ничего выше истиннаго пониманія основаній жизни нашего народа, народной русской правды.

Ред.

**) Исаевъ: „Промышленныя товарищества во Франціи и Германіи“, стр. 5—8.

заканчиваетъ статью такъ: «Широкая распространенность въ Россіи и особая важность промышленныхъ артелей, живучесть союзовъ этой группы среди нашего народа—побуждаютъ меня *исключительно* сдѣлать ихъ предметомъ настоящаго изслѣдованія». Итакъ, авторъ не желалъ изслѣдовать ни кредитныхъ, ни страховыхъ артелей. Какъ это жаль, право,—изслѣдованіе «обширныхъ группъ» кредитныхъ и страховыхъ артелей, несомнѣнно, было бы интересно!...

Несмотря на это, я думаю, что подъ кредитными артелями авторъ разумѣетъ ссудо-сберегательныя товарищества и даже чисто-капиталистическія товарищества въ родѣ обществъ взаимнаго поземельнаго кредита. Первыя, будучи занесены изъ заграничнаго кладезя мудрости, одновременно съ столь знаменитыми верещагинскими сыроварнями, несмотря даже на слишкомъ усердное насаживаніе ихъ, блистательно провалились: сыроварни — безповоротно, окончательно, ссудо-сберегательныя же товарищества попали въ руки кулаковъ и оказываютъ теперь народу печальную услугу, споспѣшествуя сугубому закабаленію мужика кулакомъ. Это ли артели?... Что же касается до кредитныхъ артелей изъ «совокупности землевладѣльцевъ... съ выпускомъ закладныхъ листовъ», то этого я уже совсѣмъ не понимаю. Называйте это обществомъ, товариществомъ, компаніей, но только не артелью. Вѣдь нѣсколько выше, на стр. 260, самъ авторъ вполнѣ основательно заявляетъ: «Чтобъ опредѣлить его (слова—артель) значеніе, мы будемъ слѣдовать воззрѣнію народа на союзы этого вида.... *Разъ это слово заимствовано у народной рѣчи, было бы несправедливо не считаться съ тѣми требованіями, которыя она ставитъ союзамъ, называя ихъ артелями*». Итакъ, по меньшей мѣрѣ, по признанію самого автора, онъ дѣлаетъ несправедливость по отношенію къ народу, а это—самый худшій видъ несправедливости. Несправедливость эта еще значительнѣе въ 4-й группѣ, тоже «*обширной*»—страховыя артели. Можетъ быть г. Исаевъ и встрѣтилъ гдѣ-нибудь страховую артель, но выдѣлять въ «обширную» группу ее все-таки не имѣлъ основанія.

Въ виду всего этого, я рѣшился предпочесть быть-можетъ и менѣе, по мнѣнію нѣкоторыхъ, научную вообще классификацію по промысламъ, но въ данное время я ее считаю за самую научную, удобную, простую. Въ этомъ меня поддерживаетъ и то важное обстоятельство, что г. Калачовъ, г-жа Ефименко и прочіе лучшіе изслѣдователи стоятъ за группировку артелей по заня-

тіямъ, промысламъ. Болѣе научная классификація если и возможна, то не теперь, — теперь *безотложна крайняя необходимость сдѣлать сводку, обработать обширный накопившійся матеріалъ*, весьма трудно поддающійся изученію по своей необыкновенной разбросанности и потому крайне трудно доступный. Затѣмъ, что еще *болѣе важно, пора серьезно, систематически-научно, въ обширныхъ размѣрахъ, изслѣдовать артель на мѣстѣ*. Было бы крайне желательно, чтобы за это важное дѣло, недоступное силамъ одного человѣка, взялось какое-либо ученое общество; но еще болѣе желательно, чтобы кромѣ распространенія программъ и проч. была бы снаряжена экспедиція изъ людей подготовленныхъ для изслѣдованія артели.

Что касается моего плана, моей группировки, я долженъ сказать, почему я начинаю именно съ рыболовныхъ артелей, а оканчиваю историческимъ очеркомъ. Рыболовныя артели болѣе распространены; притомъ на нихъ давно обратили вниманіе и частные люди, и правительство,—имъ потому болѣе посчастливилось въ смыслѣ изученія, въ нихъ болѣе серьезно, болѣе картинно рисуется обычно-бытовая и экономическая сторона. Эти два обстоятельства даютъ возможность сравнительно полнѣе, точнѣе, опредѣленнѣе представить артель не только въ основныхъ принципахъ, но и въ деталяхъ, въ особенностяхъ, иногда замѣчательно наглядно показывающихъ глубокіе тайники народнаго міровоззрѣнія, мужицкой души. Историческій же очеркъ я отношу на конецъ, какъ вслѣдствіе желанія скорѣе ознакомить съ современнымъ положеніемъ артели, такъ и вслѣдствіе сознанія затруднительности историческаго изученія артели и, потому, необходимости глубже вникнуть самому въ исторію ея. Но все-таки, я думаю, не лишнее будетъ нѣкоторымъ бѣлѣе важнымъ группамъ, особенно рыболовной, предпослать краткій историческій очеркъ артелей именно этихъ группъ.

Необходимо еще имѣть въ виду слѣдующее: значеніе капитала у насъ все болѣе и болѣе растетъ; голосъ его раздается все громче и громче; требованія становятся все рѣзче, рѣшительнѣе; область его дѣйствій все расширяется. Отъ его алчности не спасается и артель. Какъ это происходитъ, понять не трудно, если припомнить, что «въ мірѣ есть царь; этотъ царь безпощаденъ, голодъ—прозванье ему». Голодная, дочиста обираемая, забитая, но сильная, почти могучая своимъ существомъ, проникнутая великими принципами общности, равноправ-

ности, кроткая, смиренная, дѣвственница-артель вступаетъ, или скоро должна вступить, въ рѣшительный бой съ врагомъ. А врагъ ужасенъ. Будучи самъ по себѣ богатыремъ, съ ногъ до головы закованный въ несокрушимые доспѣхи науки, знанія, прогресса, онъ—любимое дѣтище государства, печати,—хитрый, все разсчитывающій, безжалостный, жестокій, не щадящій ни женъ, ни дѣтей, съ безмѣрнымъ желудкомъ, съ неукротимымъ аппетитомъ.

Какая невиданная борьба, какая необыкновенная трагедія: кроткій агнецъ вступаетъ въ борьбу съ кровожаднымъ львомъ! Да возможна ли борьба?... Левъ въ минуту пожретъ овцу и—конецъ. Къ счастью для человѣчества, не всегда грубая сила одолѣваетъ. Мнѣ вспоминается библейскій юноша, слабый, кроткій, дѣвственный, безоружный, но проникнутый великою идеей; онъ выходитъ на борьбу съ могучимъ, искуснымъ богатыремъ, закованнымъ въ желѣзо, вооруженнымъ, самоувѣреннымъ, издѣвающимся надъ врагомъ. Взмахъ пращи юноши и—богатырь палъ, и его же мечомъ юноша отрубаетъ богатырскую голову. Передо мною одинокій, безпомощный, но сильный духомъ, сознаніемъ, Христосъ несетъ въ мірѣ могучую идею братства, любви; дикая, грубая сила распинаетъ его, но не распяло идею, и т. д. Настоящій историческій моментъ замѣчателенъ, и онъ быть-можетъ самый великій именно потому, что наступаетъ рѣшительная борьба смертельныхъ враговъ: общинно-артельности и капитализма,—борьба болѣе трудная, хоть и не на мечахъ.

Естественно, что слѣдить за этою борьбой, внимательно наблюдать за исходомъ ея въ томъ или другомъ случаѣ, анализировать причины успѣха той или другой стороны, предугадывать послѣдствія—все это имѣетъ такое огромное значеніе, что было бы преступленіемъ обходить это. Къ несчастію, на эту именно сторону менѣе всего обращалось вниманія и потому матеріала крайне недостаточно.

То или иное отношеніе между артелью и капитализмомъ можетъ стать *научнымъ критеріемъ классификаціи артелей*, рѣзко разграничивая чистыя, самостоятельныя артели отъ артелей порабощенныхъ капиталомъ, кулацкихъ. Между этими противуположными группами есть третья группа — промежуточная, болѣе склоняющаяся въ ту или другую сторону.

II.

Обзоръ литературы.

Состояніе нашихъ знаній артели пока крайне несовершенно, ничтожно. Собственно говоря, артель всецѣло подверглась изученію только одинъ разъ сенаторомъ Калачовымъ, 15 лѣтъ назадъ, въ его книжкѣ—«Артели въ древней и нынѣшней Россіи», ставшей теперь библіографическою рѣдкостью. Отдавая должную дань уваженія автору, какъ первому ученому, заговорившему серьезно объ артеляхъ и довольно хорошо, по тому времени, разобравшему исторію артели,—я долженъ сказать, что теперь, когда накопилась масса сырыхъ матеріаловъ, книжка эта является крайне неполною. Судите сами: изъ 93 страницъ 30 страницъ наполнены приложеніями, изъ нихъ 20 стр. заняты не особенно интересными постановленіями биржевыхъ артелей, 19 стр. занимаетъ исторія артели и только остальныя 43 стр. посвящены современнымъ артелямъ. Если принять во вниманіе, что изъ этихъ 43 стр. значительная часть посвящена опять-таки излюбленнымъ авторомъ биржевымъ артелямъ, во многомъ существенно нарушившимъ принципіальныя основы артели, то станетъ понятно, какъ поверхностно, почти мимолетно, коснулся авторъ «нынѣшнихъ» артелей. Разумѣется, и нѣкоторые выводы автора не могутъ быть приняты. Г. Дитятинъ вполнѣ правъ, называя этотъ трудъ «небольшою статьей *). Какъ ни странно, все-таки приходится повторить, что и доселѣ это—единственный научный трудъ объ артели вообще.

Полный, обстоятельный, прекрасный трудъ Александры Ефименко, помѣщенный въ 1-мъ и 2-мъ выпускахъ «Сборника матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи», изданнаго комитетомъ о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, заслуживаетъ вниманія во всѣхъ отношеніяхъ. Это—единственный, прекрасный, большой трудъ, но, къ величайшему сожалѣнію, авторъ исключительно говоритъ объ артеляхъ Архангельской губерніи, придавая своему труду мѣстный, какъ бы частный, характеръ, тѣмъ болѣе, что артель имѣетъ множество разновидностей, особенностей, обусловливаемыхъ мѣстными условіями—обычными, экономическими. На этихъ дняхъ вышелъ трудъ Ф. Щербины—«Очеркъ южно-русскихъ артелей и общинно-артельныхъ формъ», составленный на поло-

*) Дитятинъ: „Устройство и управленіе городовъ".

вину изъ статей напечатанныхъ ранѣе въ повременныхъ изданіяхъ и носящій, какъ и предыдущій, таже мѣстный характеръ, но уже южной окраины Россіи. Трудъ этотъ, при несомнѣнныхъ достоинствахъ, отличается растянутостью.

Книжка профессора Вредена: «Страховыя артели»—разработываетъ только проектъ страховыхъ артелей. Собственно же артелей въ ней нѣтъ. Для характеристики этого произведенія привожу его взглядъ на производительныя артели: «Артель является по отношенію своему къ вещественному элементу предпріятія—предпринимательскому капиталу—*обязательною кассою бережливости*, а по отношенію къ личному элементу служитъ лучшею школой для приготовленія своихъ членовъ къ *предпринимательной дѣятельности. Въ этихъ двухъ услугахъ и слѣдуетъ видѣть всю будущность производительныхъ артелей*... Считать артель высшей, конечною вообще формой организаціи предпріятій, ожидать отъ развитія ассоціацій со временемъ полнаго поглощенія всѣхъ прочихъ формъ предпріятій—значитъ вдаваться въ утопію, не подтверждаемую никакимъ научно-состоятельнымъ доводомъ». Итакъ, вся будущность артели, во-первыхъ, въ томъ, что она приготовляетъ своихъ членовъ къ единоличной предпринимательской дѣятельности и, во-вторыхъ, даетъ для этого скопленный капиталъ. Выходитъ, что артель, вмѣсто того чтобы стать прочнымъ оплотомъ противъ эксплуатаціи, вмѣсто того, чтобъ обезпечить относительное довольство рабочаго, дать обезпеченіе на старость, — вдругъ обращается въ «лучшую школу для приготовленія своихъ членовъ», въ эксплуататоровъ, въ разсадникъ кулаковъ. То же самое профессоръ говоритъ и въ своемъ «Курсѣ политической экономіи» 1880 года.

Вообще до какой степени ничтожны наши знанія артели, какія смутныя представленія создаются о ней даже среди ученыхъ, можетъ служить иллюстраціей еще слѣдующій примѣръ. Профессоръ Дитятинъ толково доказываетъ, что г. Калачовъ ошибается, считая древнѣйшимъ образчикомъ артели вервь или виру. «Вервь «Русской Правды»,—говоритъ онъ,—ни въ какомъ случаѣ не есть товарищество, образовавшееся съ промышленно-экономическими цѣлями. *Первообразомъ такого союза равноправныхъ членовъ съ цѣлью промысловою скорѣе можно считать первоначальную дружину варяго-русскихъ князей* (!), между членами которой было полное равенство, и самъ князь являлся

не болѣе какъ первымъ между равными» *). И тутъ мудрый варягъ!...

Очень полно, даже болѣе чѣмъ слѣдуетъ, разработаны биржевыя артели въ большой брошюрѣ Григорія Немирова—«Биржевыя артели въ С.-Петербургѣ 1876 года». Вообще биржевымъ артелямъ посвящена въ столичной прессѣ масса статей. Очень неполно разработана крайне важная земледѣльческая артель въ безъименной брошюрѣ. Есть и тенденціозныя брошюры, задавшіяся цѣлію — *пропагандировать (!) артельный принципъ въ народѣ*, какъ, напримѣръ, брошюры Верещагина: «Что такое артельная сыроварня», 1870 г.; «Чтеніе о наивыгоднѣйшемъ способѣ обработки молочныхъ продуктовъ», 1870 г.; «О сыродѣліи и сыроваренныхъ ассоціаціяхъ въ Швейцаріи», М. Л.; «Артели рабочихъ для основанія фабрикъ и мастерскихъ», Кіевъ, 1870 г.; «Какъ взяться за промыселъ, чтобы онъ сталъ прибыльнѣе», Москва, 1873 г., П. Александрова; «Какъ завелись у насъ *правильныя* артели», С.-Петербургъ, 1871 г., и т. д.

Для характеристики подобныхъ произведеній, остановлюсь нѣсколько на послѣдней. Брошюра эта интересна главнымъ образомъ въ томъ отношеніи, что она рельефно, наглядно, характеризуетъ огромную массу статей объ артеляхъ въ петербургской періодической прессѣ конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ, когда вопросъ этотъ былъ моднымъ и когда каждый, умѣвшій держать перо въ рукахъ, считалъ едва ли не обязанностью писать объ артели. Къ тому же соблазнительно было и облагодѣтельствовать черный народъ, темную массу.

Авторъ послѣдней брошюры, П. Александровъ, назвалъ ее историческимъ разсказомъ. Правильными артелями авторъ считаетъ верещагинскія сыроваренныя, петербургскую столярную, тверскія кузнечныя и сапожныя. Такимъ образомъ иниціаторомъ *правильныхъ* артелей является столь превознесенный и такъ глубоко упавшій Н. В. Верещагинъ. Но почему же эти именно артели авторъ считаетъ правильными?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно найти въ концѣ брошюры, на стр. 38—39. Вотъ онъ: «Изъ того, что было сказано, легко понять разницу между *старыми* нашими артелями и *новыми правильными*. *Въ старой артели есть подрядчикъ и подчиненные ему рабочіе*. Онъ беретъ заказъ и раздаетъ потомъ работу масте-

*) Дитятинъ: „Устройство и управленіе городовъ".

рамъ, назначая имъ за это плату часто весьма незначительную. Работаютъ они здѣсь много, а получаютъ мало. Выгода въ этихъ артеляхъ только та, что *харчи да жилье—общіе*—обходятся немного дешевле, чѣмъ въ-одиночку. Такихъ артелей существуетъ у насъ множество, но никто не слыхалъ, чтобъ онѣ улучшили житье-бытье нашего рабочаго. Другое дѣло—новыя артели. Здѣсь завѣдуетъ дѣломъ выборный староста, который отвѣчаетъ въ своихъ дѣйствіяхъ передъ общимъ собраніемъ артельщиковъ», и т. д. Итакъ, по автору, *новыя* земско-верещагинскія артели дѣйствительно правильныя, основанныя на выборномъ началѣ, и проч., остальныя же артели — *старыя*, съ хозяиномъ-подрядчикомъ во главѣ и съ подчиненными ему рабочими — только называются артелями, на самомъ же дѣлѣ артельнаго въ нихъ ничего нѣтъ. Смѣлымъ почеркомъ пера авторъ сразу уничтожаетъ цѣлый строй, огромную массу вполнѣ прекрасныхъ, чистыхъ народныхъ артелей. Брошюра эта важна именно какъ характеристика цѣлой бездны статей столичной прессы прошлыхъ лѣтъ. Иные авторы даже слово «артель», вѣроятно ненавистное имъ, какъ продуктъ невѣжественной массы, замѣняли культурнымъ словомъ—«ассоціація»; нѣкоторые писали не только статьи, но даже цѣлыя книги объ «ассоціаціяхъ», боясь можетъ-быть замараться объ артели.

Даже въ самое послѣднее время г. Исаевъ, говоря объ организаціи кустарей, предлагаетъ устраивать ихъ *въ товарищества*, при чемъ систематически избѣгаетъ слова «артель». Оно, конечно, артель—то же товарищество; но къ чему понятное всему народу, необыкновенно распространенное, имѣющее глубокое историческое происхожденіе, слово замѣнять инымъ, имѣющимъ къ тому же такое общее неопредѣленное понятіе, какъ товарищество? Вѣдь товарищества бываютъ акціонерныя и проч., чисто-капиталистическаго свойства, ничего не имѣющія общаго съ народною артелью?... Къ чему вносить такую путаницу понятій?

Но это бы еще ничего. Но вотъ что тотъ же авторъ говоритъ далѣе: «Кто изучалъ эту жизнь (народа), тотъ знаетъ, *какъ цѣпко держится крестьянинъ изстари сложившихся формъ*, какъ туго переходитъ онъ къ новымъ отношеніямъ, какъ медленно привыкаетъ онъ къ учрежденіямъ, существенно измѣняющимъ его бытъ». И далѣе: «Каждое учрежденіе такого рода (*артель*) *настолько необычно въ крестьянской обстановкѣ, что кустарникъ долженъ быть подготовленъ къ его уразумѣнію*». Кто же долженъ

быть подготовителемъ? «Дѣятельность земскихъ и государственныхъ учрежденій,—говоритъ г. Исаевъ,—по отношенію къ товариществамъ должна быть двоякая: 1) доставленіе кустарникамъ капиталовъ, необходимыхъ для оборотовъ товарищества, и 2) организаторская—устроеніе товариществъ, ознакомленіе кустарниковъ съ новыми способами веденія дѣла, воспитаніе въ самихъ членахъ привычки руководить новосозданнымъ учрежденіемъ». Авторъ подробно, съ большимъ знаніемъ дѣла, почти съ любовью останавливается на этихъ ученыхъ миссіонерахъ-организаторахъ,—онъ въ нихъ влагаетъ свою душу. «Подобнымъ учрежденіямъ(артели),—говоритъ онъ,—обезпеченъ успѣхъ только въ томъ случаѣ, если твердая и опытная рука направляетъ простолюдина, устанавливаетъ опредѣленную связь между нимъ и новосозданнымъ учрежденіемъ. Словомъ, *каждое товарищество нуждается, кромѣ денежныхъ средствъ, и въ организаторѣ, способномъ руководить первыми шагами новаго учрежденія, развить въ кустарникѣ его пониманіе и пріучить ихъ къ самоуправленію*».

Изслѣдователь долженъ обладать и практическимъ смысломъ, организаторскими способностями, умѣньемъ *привить въ средѣ кустарниковъ новое, неизвѣстное имъ, учрежденіе*... «Оставить товарищество въ теченіе первыхъ лѣтъ по его основанін безъ искуснаго руководителя—значитъ погубить дѣло... *Когда въ средѣ членовъ будетъ воспитана привычка къ управленію товариществомъ, тогда руководитель можетъ выйти съ спокойнымъ сердцемъ*».

Относительно доставленія артели капиталовъ авторъ чрезвычайно строгъ: «Необходимымъ условіемъ, обезпечивающимъ успѣхъ товариществъ,—объясняетъ онъ,—являются матеріальныя жертвы ихъ первыхъ участниковъ. Выгоды этихъ учрежденій настолько велики, что *мы требуемъ жертвъ отъ лицъ*, которымъ будутъ служить новыя предпріятія. Пусть кустарникъ въ теченіе 2—3 лѣтъ уменьшаетъ на половину вѣсъ своего праздничнаго бѣлаго хлѣба, пусть онъ положитъ на поддевку и сапоги десятокъ лишнихъ заплатъ, пусть онъ докажетъ готовность самопожертвованія на пользу себя и своей семьи. Когда готовность эта доказана, тогда, и *только тогда, наступитъ время придти кустарникамъ на помощь, выдать имъ земскую или государственную ссуду*»...

Но довольно выписокъ!

Нѣсколько обстоятельствъ заставляютъ меня остановиться на этомъ. Во-первыхъ, говорится это молодымъ профессоромъ, заслу-

жившимъ себѣ почетное имя и въ литературѣ, а именно трудами по экономическимъ вопросамъ,—человѣкомъ, желающимъ всѣхъ благъ народу; во-вторыхъ, статья эта является прекрасною, блестящею характеристикой массы подобныхъ, хоть и менѣе талантливыхъ, статей; въ-третьихъ, пожеланія и требованія г. Исаева находятъ и найдутъ массу сторонниковъ и убѣдительностью своею, конечно, не могутъ не вліять на «дѣятельность земскихъ и государственныхъ учрежденій»; поэтому, въ-четвертыхъ, положенія автора пріобрѣтаютъ огромное значеніе не только въ теоретическомъ, но и въ практическомъ отношеніи; и въ-пятыхъ, мнѣ кажется, эти положенія совсѣмъ невѣрны.

Посмотримъ же, насколько авторъ правъ: «Крестьянинъ цѣпко держится изстари сложившихся формъ, туго переходитъ онъ къ новымъ отношеніямъ». Товарищество «настолько необычно въ крестьянской обстановкѣ, что кустарникъ долженъ быть подготовленъ къ его уразумѣнію». Эти два основныя положенія естественно указываютъ на необычайную трудность устройства артели.

Вполнѣ соглашаясь съ первымъ положеніемъ, я думаю, что эта особенность народа—очень симпатичная, прекрасная. Это—не тупая косность, не безшабашный консерватизмъ; народъ только «туго переходитъ» къ новому, т. е. онъ не бросается, сломя голову, на все новое; ему противна мода, деспотически царящая среди интеллигенціи; онъ даже не увлекается блестящимъ, справедливо разсуждая: «не все то золото, что̀ блеститъ». Но, въ силу этой мудрой осторожности, онъ узна̀етъ золото; даже если оно и не блеститъ, онъ оцѣнитъ его и охотно приметъ въ обмѣнъ, но только если это—дѣйствительно золото; мишура же, блескъ, журавль въ небѣ его не прельстятъ. Справедливое, хорошее, истинно-полезное охотно примется народомъ сознательно, хотя и осторожно. Но за то, разъ это воспримется имъ, оно войдетъ въ его плоть и кровь.

Второе положеніе совершенно невѣрно. Глубочайшая древность, широкая распространенность артелей и теперь несомнѣнна; это утверждаетъ и самъ авторъ въ другомъ мѣстѣ. Несомнѣнно и то, что если артель не имѣетъ еще бо́льшаго района, не захватываетъ еще глубже и всестороннѣе нашей жизни, то не потому, чтобъ у народа не было склонности къ этому строю, и не потому, чтобы товарищества были «необычны въ крестьянской обстановкѣ»,—совсѣмъ нѣтъ, а именно потому, что нужда, государственный и кулацкій гнетъ—слишкомъ сильные враги артели.

Одно изъ двухъ, почтенный профессоръ: или, какъ вы справедливо говорите — «*широкая распространенность въ Россіи и особая важность промышленныхъ артелей, живучесть союзовъ этой группы среди нашего народа* побуждаетъ меня», и т. д. *); или—*товарищества «настолько необычны въ крестьянской обстановкѣ*, что кустарникъ долженъ быть подготовленъ къ его воспріятію». Такое противорѣчіе непримиримо: если артели распространены, важны, живучи, то не могутъ онѣ въ то же время быть «настолько необычны въ крестьянской обстановкѣ, что кустари должны быть подготовлены къ ихъ воспріятію». Никакихъ компромиссовъ между этими противоположными мнѣніями нѣтъ и не можетъ быть,—одно другое уничтожаетъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что первое мнѣніе, вполнѣ правильное, высказано двумя мѣсяцами позже втораго; вѣроятно, въ теченіе этихъ *двухъ мѣсяцевъ* у автора были какія-либо значительныя обстоятельства, заставившія его такъ рѣшительно противорѣчить себѣ черезъ два мѣсяца. Послѣднее обстоятельство даетъ право смотрѣть на первое правильное мнѣніе какъ на случайное, мимолетное,—нельзя же думать, чтобъ авторъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ могъ серьезно выработать научный взглядъ на самыя основы вопроса, такъ радикально-расходящійся со вторымъ взглядомъ, выработаннымъ быть-можетъ долгимъ, усидчивымъ трудомъ, трудомъ, быть-можетъ, нѣсколькихъ лѣтъ. Стало-быть, этотъ взглядъ—истинно-авторскій, не случайный и съ нимъ приходится тѣмъ болѣе считаться.

Это ложное мнѣніе, положенное въ основу дальнѣйшихъ разсужденій, какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, привело г. Исаева къ неправильнымъ выводамъ. «Подобнымъ учрежденіямъ обезпеченъ успѣхъ,—говоритъ онъ,—только въ такомъ случаѣ, если *твердая и опытная рука* (аристократа?) *направляетъ простолюдина*... Словомъ, каждое товарищество нуждается и *въ организаторѣ, способномъ руководить первыми шагами новаго учрежденія, развить въ кустарникѣ его пониманіе и пріучить ихъ къ самоуправленію*. Изслѣдователь долженъ обладать умѣньемъ *привить въ средѣ кустарниковъ новое, неизвѣстное имъ, учрежденіе»*, и т. д. То ли не благодѣяніе?... Твердая и опытная рука барина направляетъ, руководитъ, *развиваетъ, даже прививаетъ къ дикому, грубому* дереву нѣжные тропическіе

*) *Русская Мысль*, кн. 1, „Промышленныя артели".

ростки, которые дадутъ прелестные плоды (разумѣется, для барина же)... Она пріучаетъ это тупое стадо барановъ даже къ самоуправленію!... Замѣчательное, истинно-благородное самопожертвованіе!! Исторія оцѣнитъ, благодарное потомство не забудетъ этого...

Въ моихъ статьяхъ я не разъ буду имѣть случай доказать, что именно въ тѣхъ артеляхъ, гдѣ являлись организаторы, искажались самыя существенныя, излюбленныя народомъ, основы ея и прежде всего, конечно, самоуправленіе, и артели эти не имѣли, и не могли имѣть, никакой будущности. Пока же скажу: народъ—далеко не стадо барановъ; предоставленный себѣ, онъ умѣетъ прекрасно организоваться и самоуправляться, и учить его не нужно здѣсь, а нужно не мѣшать,—объ этомъ придется также много говорить. Чуждые народу организаторы—вовсе не мудрые пастыри...

Пора понять, что мы пришли къ ужасной пропасти и стоимъ теперь у самаго края ея именно потому, что на народъ смотрѣли какъ на стадо барановъ, съ которыхъ нужно только тщательно стричь шерсть,—что слишкомъ было много пастырей, учителей, организаторовъ,—что народъ былъ для нихъ именно нарумяненнымъ болваномъ, котораго они, для собственнаго удовольствія, угощали, насколько хватало силъ, тяжелыми тумаками. *Преступленія караются*; тяжесть кары зависитъ отъ тяжести преступленія. *И еще Богъ знаетъ, какая кара постигнетъ насъ за самое ужасное, самое позорное преступленіе—насиліе надъ народомъ, душеніе его.* Довольно уже надругались надъ народомъ, довольно искажали его самыя святыя чувства и желанія, довольно душили его неотъемлемыя права, чистыя стремленія, довольно терзали его душу и тѣло, довольно наблагодѣтельствовали... Довольно, довольно!... Оставьте хоть теперь его въ покоѣ, дайте осмотрѣться, свободно вздохнуть!

Гораздо важнѣе благодѣтельныхъ господъ-организаторовъ для артели капиталы. Собственно говоря, капиталы для нея почти все, это—вопросъ: «быть или не быть». Въ сущности доставленіемъ капитала и должна ограничиться роль и правительства, и земства, и благодѣтелей-господъ. Но г. Исаевъ, прежде чѣмъ дать ссуду, говоритъ: «Мы требуемъ жертвъ отъ лицъ, которымъ будутъ служить новыя предпріятія. Пусть кустарникъ въ теченіе 2—3 лѣтъ уменьшитъ на половину вѣсъ своего праздничнаго бѣлаго хлѣба, пусть онъ положитъ на поддевку и сапоги десятокъ лишнихъ заплатъ, пусть онъ докажетъ готовность самопожертво-

ванія... Только тогда наступитъ время придти на помощь кустарникамъ, выдать имъ земскую или государственную ссуду». Здѣсь авторъ слѣпилъ другъ съ другомъ самопомощь и государственную помощь, заставилъ обняться Лассаля съ Шульце, поставивъ на первомъ планѣ самопомощь, а въ зависимости отъ нея—государственную помощь.

Ироніей становятся требованія профессора: пусть положитъ десятокъ лишнихъ заплатъ на сапоги, поддевку, пусть откажется отъ куска бѣлаго хлѣба!... *Откровеннѣе слѣдовало бы сказать: пусть онъ совсѣмъ откажется отъ пищи, отъ платья, пусть пожретъ своихъ дѣтей, пусть наконецъ самъ умретъ съ голоду*, но докажетъ сытымъ организаторамъ желаніе самопожертвованія, и тогда, *только тогда наступитъ время придти на помощь*... Въ самомъ дѣлѣ, неужели не извѣстно профессору, что нищета, кабала, убійственный трудъ кустаря дошли до крайней степени? Неужели мало позора, неужели не появится краска стыда на лицѣ у *русскаго человѣка* при воспоминаніи, что на Парижской выставкѣ эксперты, хорошо знакомые съ европейскимъ пролетаріемъ, заявили невозможность существованія при нашихъ условіяхъ работника-кустаря?... А вы требуете лишеній въ хлѣбѣ, лишнихъ заплатъ. Да развѣ одежда, обувь рабочаго не есть сплошной рядъ дыръ и заплатъ?

Послѣ этого съ любовью приходится остановиться на провинціальной прессѣ. Правда, въ ней нѣтъ громкихъ именъ, нѣтъ выдающихся блестящихъ статей, но за то есть много, очень *много фактовъ, сырыхъ, необработанныхъ матеріаловъ*. Конечно, затруднительно, убійственно-тяжело, собирать эти крупицы, часто очень незначительныя, буквально въ тысячахъ фоліантовъ провинціальной прессы, особенно 60-хъ годовъ. Оно было бы почти невозможно, еслибы не было благодѣтельныхъ библіографическихъ указателей: напр., г. Якушкина—въ «Обычномъ правѣ», г. Межова—въ «Матеріалахъ объ артеляхъ», г. Тимоховича—въ указателѣ статей въ «Трудахъ Имп. Вольно-Экономическаго Общества» г-жи Ефименко—статей въ *Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*, или указателей, напр., за десять лѣтъ нѣкоторыхъ журналовъ, какъ *Отечественныя Записки*, и газетъ, какъ *Голосъ*. Руководясь этими, хотя въ сущности очень несовершенными, указателями, углубляешься въ изученіе вопроса, причемъ находишь массу новыхъ статей и фактовъ, не указанныхъ въ указателяхъ.

Указывать журнальныя и тѣмъ болѣе газетныя статьи въ столичной и провинціальной прессѣ, даже лучшія изъ нихъ, я рѣшительно считаю невозможнымъ, вслѣдствіе огромнаго количества ихъ.

Много также матеріаловъ, фактовъ, можно отыскать въ различныхъ сочиненіяхъ географовъ, путешественниковъ, въ книгахъ экономическаго и бытоваго характера. Въ этомъ отношеніи особенно выдѣляются разныя изданія ученыхъ обществъ, земствъ и правительственныхъ учрежденій.

На первомъ планѣ, конечно, здѣсь «Матеріалы объ артеляхъ въ Россіи», 1-й и 2-й выпуски, изданіе комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ. Кстати о комитетѣ. «Спб. отдѣленіе комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ», сознавая огромную важность изученія артели, при изданіи 1-го выпуска «Сборника матеріаловъ объ артеляхъ», въ предисловіи говоритъ: «Отдѣленіе надѣется, что при содѣйствіи публики оно не остановится на этомъ первомъ выпускѣ, что за первымъ, вѣроятно, послѣдуетъ 2-й *и т. д. до тѣхъ поръ*, пока собранный имъ матеріалъ дастъ возможность составить научное изслѣдованіе артели во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ». Это было въ 1873 году. Черезъ годъ вышелъ 2-й выпускъ, затѣмъ 3-й выпускъ—о потребительныхъ товариществахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ артелью. Съ тѣхъ поръ прошло семь лѣтъ, а комитетъ ничего не далъ и впереди ничего не предвидится. Отъ того ли это, что не было «содѣйствія публики», или комитетъ думаетъ, что напечатанный имъ «матеріалъ даетъ возможность составить научное изслѣдованіе артели во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ», или по какимъ другимъ причинамъ—не извѣстно. Во всякомъ случаѣ крайне жаль, что прекрасная идея комитета не осуществилась, или осуществилась только отчасти.

Есть матеріалы въ «Трудахъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества». Изъ земскихъ изданій особенно замѣчательны «Протоколы тверскаго губернскаго земскаго собранія» лѣтъ за 12, нѣкоторые журналы, доклады, протоколы новгородскаго, вятскаго, ярославскаго, олонецкаго, московскаго, черниговскаго и многихъ уѣздныхъ земствъ.

Изъ правительственныхъ изданій особенно много о рыболовныхъ артеляхъ даетъ замѣчательный трудъ ак. Бэра и Дани-

левскаго—«Изслѣдованіе о состояніи рыболовства въ Россіи», 8 большихъ томовъ; затѣмъ «Докладъ коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельскаго производства въ Россіи», 5 фоліантовъ, даетъ не мало матеріаловъ объ артеляхъ; также «Матеріалы для изученія кустарной промышленности», «Труды коммиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности», 6 выпусковъ, «Сборникъ свѣдѣній по департаменту земледѣлія и сельско-хозяйственной промышленности», и т. д.

Что касается книгъ бытоваго и экономическаго характера, въ которыхъ между прочимъ можно найти указанія и на артели, то говорить о нихъ болѣе подробно невозможно, за многочисленностью ихъ, а потому укажу только нѣкоторыя. Здѣсь на первомъ планѣ придется поставить книгу барона Гакстгаузена: «Изслѣдованіе внутреннихъ отношеній народной жизни». Этотъ замѣчательный ученый, *хотя и иностранецъ*, очень сознательно, *глубоко отнесся къ самымъ существеннымъ вопросамъ нашей народной жизни*. Надо удивляться тому огромному уму, замѣчательной наблюдательности и рѣдкой проницательности, съ которой Гакстгаузенъ громко заговорилъ, и не только заговорилъ, но и понялъ, и оцѣнилъ, и далъ много матеріаловъ очень цѣнныхъ, что важнѣе всего, по такимъ кореннымъ вопросамъ, какъ артель, община, расколъ... Я знаю, конечно, тѣ промахи и невѣрности, которыя вполнѣ естественны для иностранца, но все-таки думаю, что еще долго изслѣдователи народа будутъ съ любовью и благодарностью заглядывать въ «Изслѣдованіе» г. Гакстгаузена. Затѣмъ укажу на книгу г. Максимова — «Годъ на сѣверѣ», на прекрасный «Нижегородскій Сборникъ» Гациского, 4 т., на г. Ядринцева— «Община въ тюрьмѣ и ссылкѣ», П. Ефименко—«Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ», г. Тернера—«О рабочемъ классѣ», на г. Дитятина — «Устройство и управленіе городовъ», на г. Соколовскаго—«Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія» и «Очеркъ исторіи общины», на г. Пахмана—«Обычное гражданское право въ Россіи», Майкова—«Поѣздка въ Обонежье и Корелу», Вредена—«Курсъ политической экономіи», г. Оршанскаго, и т. д.

Желающій познакомиться съ исторіей артели найдетъ не мало матеріаловъ, начиная съ древнѣйшихъ актовъ, какъ нѣкоторыя лѣтописи, «Русская правда», «Псковская судная грамота», «Договоръ Новгорода съ нѣмецкими городами», «Договоръ Смоленска», «Грамоты помытчикамъ», «Договоры князей съ Новгородомъ» и т. д. Затѣмъ разсѣяно множество фактовъ и указаній

въ разныхъ актахъ, особенно въ «Актахъ юридическихъ», въ «Актахъ экспедиціи», въ «Актахъ юридическаго быта древней Россіи», и проч.

Далѣе можно найти указанія у академиковъ-путешественниковъ прошлаго столѣтія. Вотъ что находимъ по этому поводу въ «Полномъ собраніи ученыхъ путешествій по Россіи», изданіе Академіи Наукъ, I т., 1818 года. Кромѣ астрономическихъ экспедицій въ 1769 году Разумовскаго, Иноходцева, Ловица, Екатерина предначертала вмѣстѣ съ тѣмъ путешествія, коихъ обширная цѣль означена въ данныхъ тогда «инструкціяхъ». Для сего приготовлены были двѣ астраханскія и три оренбургскія экспедиціи. Онѣ начались въ 1768 году и кончились въ 1773 году. Инструкціи предписывали «дѣлать *точныя* изслѣдованія» по разнымъ вопросамъ, между которыми отмѣчены слѣдующіе пункты: 3) о тогдашнемъ положеніи земледѣлія, 6) о рыбныхъ и звѣриныхъ промыслахъ, 8) объ искусствахъ, ремеслахъ и другихъ предметахъ промышленности; 10) «собирать *все, что касается до нравовъ, разныхъ обычаевъ*, языковъ, преданій, древностей, вообще замѣчать съ точностью все, что найдутъ примѣчанія достойнаго по всѣмъ симъ предметамъ».

Академики, знаменитые европейскіе ученые, снабженные такой широкою программой, а главное—огромными средствами и полномочіями, потратившіе на изученіе Россіи цѣлые годы!... Подумаешь, сколько въ сочиненіяхъ ихъ должно быть интереснаго, сколько *точныхъ* изслѣдованій о промыслахъ, ремеслахъ, земледѣліи, *нравахъ, обычаяхъ*!... Да вѣдь это—кладъ!... Съ увлеченіемъ накидываешься на «Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской имперіи Петра-Симона Палласа, медицины доктора, естественной исторіи профессора, Россійской Императорской Академіи Наукъ, Вольнаго Экономическаго Спб. Общества, Римской Императорской естествоиспытателей Академіи и королевскихъ Аглинскаго, Шведскаго и Геттингенскаго собраніевъ члена» съ 1768—1773 годъ, 5 томовъ. Съ надеждой берешь Гмелина; съ грустью, съ разочарованіемъ просматриваешь Ив. Ив. Лепехина «Дневныя записки», 5 т.; переходишь къ Рычкову—«Журналъ или дневныя записки путешествія» и «Оренбургская топографія»; перерываешь «Записки путешествія академика Фалька», Георги—«Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ, *въ переводѣ весьма во многомъ (!) исправленное и вновь сочиненное (!)*»; берешь нѣсколько позднѣйшихъ ученыхъ

путешественниковъ, какъ Антонъ фонъ-Пошманъ—«Архангельская губернія въ хозяйственномъ, коммерческомъ обозрѣніи», академика Н. Озерецковскаго—«Описаніе Колы и Астрахани» 1804 года, Берга—«Путешествіе въ Чердынь и Соликамскъ», и т. д.

Перечитавъ эти десятки толстыхъ фоліантовъ, конечно, наберешь не мало, иногда и очень интересныхъ, матеріаловъ о экономическомъ и бытовомъ положеніи, даже статистическихъ цифръ, въ томъ числѣ не мало указаній и на артель; но все-таки въ результатѣ я долженъ сказать, что господа ученые слишкомъ легко, крайне поверхностно отнеслись къ народу, а академики положительно не исполнили своей обязанности—*«дѣлать точныя изслѣдованія» всегда, «что касается до нравовъ, разныхъ обычаевъ»*. И понятно, будучи спеціалистами, они *съ любовью*, крайне подробно, описываютъ пещеры, флору, фауну, а такъ какъ *обязаны* были изслѣдовать нравы и обычаи, то иногда *по неволѣ* касались и этихъ, неинтересныхъ для нихъ, вопросовъ, конечно, стараясь говорить объ этомъ какъ можно меньше и какъ можно рѣже.

Затѣмъ историческія указанія на артели можно найдти во многихъ книгахъ историческаго, бытоваго, экономическаго характера: напр., у г. Калачова—«Артели въ древней и нынѣшней Россіи», у г. Аристова—«Промышленность древней Руси», у г. Костомарова—«Сѣверно-русскія народоправства», у Александры Ефименко—«Артели Архангельской губерніи».

Вотъ легкій очеркъ литературы вопроса. Въ огромномъ большинствѣ это совершенно не затронутый, сырой матеріалъ. Желающему изучить артель придется, конечно, окунуться, и на продолжительное время, въ этотъ сырой матеріалъ, не говоря уже о *необходимости* изучать артель и въ самой жизни.

Послѣднее особенно необходимо въ виду того крайне печальнаго обстоятельства, что, повидимому, обширная литература оказывается очень несостоятельною: часто это — безсодержательная болтовня; иногда же хотя и есть дѣйствительное изученіе и сообщаются факты, но изслѣдователи, не владѣя подготовкой и не имѣя подъ руками никакихъ пособій, какъ программы, даютъ свѣдѣнія крайне неполныя, несовершенныя, говорятъ, напримѣръ, пространно о неважномъ и часто очень кратко или и вовсе ничего не говорятъ о важномъ. Даже есть господа, которые удовлетворяются тѣмъ, что называютъ мѣста, въ кото-

рыхъ есть артели. Нерѣдко просто поражаешься тѣмъ индифферентизмомъ и какою-то апатіей, какіе проявляютъ даже хорошіе ученые относительно артели (въ предыдущей статьѣ, въ январской книжкѣ *Русской Мысли*, я уже нѣсколько коснулся этого). Полныхъ научныхъ и точныхъ изслѣдованій почти нѣтъ.

Такое положеніе—крайне ненормальное, печальное. Было бы въ высшей степени нежелательно, чтобы знаменательное стремленіе, въ послѣднее время охватившее и отдѣльныхъ ученыхъ, и ученыя общества, и земства, и даже правительство,—изслѣдовать, изучить, познать народъ, по крайней мѣрѣ съ болѣе важныхъ, съ болѣе характерныхъ сторонъ,—чтобъ это благое, прекрасное стремленіе обошло такой огромной важности вопросъ, какъ артель. Началось серьезное изученіе общины, обычнаго права, экономическаго положенія, раскола, земства, кустарничества,—ужели забудется артель? Вѣдь въ жизни русскаго народа едва ли есть другое учрежденіе имѣющее столь огромное значеніе въ бытовомъ, экономическомъ и государственномъ отношеніяхъ, какъ артель.

Резюмируя краткій очеркъ артели въ другомъ мѣстѣ, я высказалъ слѣдующее: «Итакъ, если артель—явленіе бытовое, продуктъ самотворческаго народнаго духа, съ самой глубокой древности уже излюбленный народомъ и въ настоящее время завѣтный идеалъ его стремленій; если, съ другой стороны, и теоретически артель представляетъ такую организацію труда, которая, не будучи уродуема внѣшними условіями, можетъ стать прочнымъ оплотомъ противъ разбойническаго натиска капитализма, вѣрнѣе—кулачества, и въ то же время усиливая производительность труда, выигрывая во времени, расходахъ, матеріалахъ, сбытѣ,—представляетъ залогъ благосостоянія своихъ членовъ, а за ними и общества,—слѣдовательно, залогъ довольства и счастія общества,—то я въ правѣ сказать, что артель для насъ, при зловѣщемъ нашемъ экономическомъ положеніи, вопросъ огромной важности, почти вопросъ—«быть или не быть» намъ.

«Довольно уже разныхъ неудавшихся экспериментовъ надъ благосостояніемъ народа; пора разувѣриться въ магической силѣ кабинетныхъ благодѣтелей народа, начиная отъ власти имущихъ и кончая симпатичными мечтателями à la Фурье; пора убѣдиться въ ничтожности ихъ пигмейскихъ силъ... Пора, давно пора, со-

знать, что только то разумно, истинно и непреложно, что долгими вѣками выработано народомъ, что вошло въ его плоть и кровь: «что отъ старины ведется,—какъ справедливо говоритъ народъ,—то не минется», и что вмѣстѣ съ тѣмъ и теоретически представляется истиннымъ, разумнымъ: такова артель».

Артель имѣетъ великое идеальное значеніе: въ ней именно—та могучая сила, тотъ стихійный принципъ, который можетъ противостать другому страшному міровому принципу—капиталу; это—тотъ именно проблематическій, сказочный нашъ богатырь, который можетъ вступить въ борьбу,—борьбу на жизнь и смерть,—съ современнымъ чудовищемъ, стоглавою гидрой; мало того, при благопріятныхъ обстоятельствахъ онъ можетъ одолѣть чудовище—и, если одолѣетъ, счастіе, благоденствіе, миръ и любовь разольются на землѣ, а страданіямъ, бѣдствіямъ, плачу и скрежету зубовъ настанетъ конецъ. Мы теперь именно, какъ сказочный богатырь, стоимъ на распутьи трехъ дорогъ:

«Кому въ этую дороженьку ѣхати—богату быть,
А во другую поѣхать—женату быть,
А во третею да ѣхати—убиту быть».

Хочется думать, что, подобно своему любезнѣйшему «сильному, могучему богатырю» Ильѣ Муромцу, счастливо одолѣвшему всѣ преграды и препятствія, уничтожившему все злое, темное,—подобно богатырю, въ котораго вложилъ народъ свои глубокія думы, какъ бы свою судьбу, — хочется думать, что и народъ, самъ одолѣвъ всѣ препятствія, козни враговъ, также выйдетъ на широкій, свободный путь, довольный, счастливый, но проблематической дорожкѣ: «*богату быть, да препятство есть*».

То несомнѣнно, что чудище—капитализмъ—не продуктъ народныхъ стремленій, идеаловъ; онъ—продуктъ стремленій антинародныхъ, искуственно, насильственно насажденный. Но несомнѣнно и то, что онъ уже значительно возросъ, возмужалъ и все бо́льшую и большую часть народа захватываетъ въ свои дьявольскія объятія. До сихъ поръ судьба ему покровительствовала и особенно въ послѣднее 20-тилѣтіе. Посмотрите, какія невѣроятно огромныя суммы издержаны правительствомъ на желѣзныя дороги, на кредитъ и пр. *).

*) См. *Слово* 1880 г., кн. X, «Пореформенное хозяйство».

И если такъ продолжится еще 20 лѣтъ, то мы уже вступимъ на путь капиталистическаго производства и поворотъ назадъ будетъ уже невозможенъ. «Когда какое-нибудь общество напало на слѣдъ *естественнаго закона своего развитія*, то оно не можетъ ни переступить черезъ естественныя фазы своего развитія, ни устранить ихъ путемъ декретовъ» *). Но неужели это будетъ? Неужели хладнокровно будемъ идти къ этой ужасной пропасти? Еще не поздно одуматься. *Все зависитъ, конечно, пока отъ судьбы, обстоятельствъ*. Обернется судьба лицомъ къ страдальцу-народу, подастъ ему могучую руку помощи, поможетъ окрѣпнуть народно-артельному хозяйству, дастъ полный просторъ, свободу его стремленіямъ, идеаламъ—«и тьма его (народъ) не объятъ». Хочется вѣрить, что будетъ такъ. Сознательный напоръ истинной науки, умъ и сердце мыслящихъ людей помогутъ этому. Гдѣ же эти мыслящіе честные люди?

Къ тебѣ обращаюсь, молодое поколѣніе! Въ лицѣ своихъ представителей, ты всегда честно, самоотверженно стояло за народные интересы... И, понятно, грандіозно-ужасающая, возмутительная картина историческаго *распятія* мученика-народа, его невыразимыя страданія, раздирающіе душу стоны... смѣняется другою картиною: разъяренная, звѣрская толна хищниковъ-эксплуататоровъ, ихъ искаженныя лица, дикіе, грозные крики: «Распни, распни его!... Нужно быть инквизиторомъ по натурѣ, безъ души, безъ сердца, чтобы молча, хладнокровно смотрѣть на такую картину.

Къ сожалѣнію, молодое поколѣніе не понимаетъ своей задачи: выдѣляя лучшихъ представителей, огромная масса погружена въ грубо-эгоистическіе интересы, другіе же, болѣе хорошіе, съ какимъ-то азартомъ накидываются на изученіе разныхъ спеціальностей, особенно медицинской, смотрятъ на нихъ (спеціальности) какъ на ремесла и занимаются ими преимущественно съ корыстною цѣлью; другіе же предаются разработкѣ разныхъ частностей въ наукахъ, когда передъ ними почти невѣдомый родной имъ народъ съ неизслѣдованными еще богатствами и тайнами его жизни. Этимъ мудрецамъ напоминаю слова одного ученаго (Бонмеръ): если «полки цѣлой библіотеки ломятся подъ тяжестью томовъ, посвященныхъ одной исторіи пчелъ», если «шелковичные черви, муравьи, бабочки имѣютъ свою лѣтопись»,

*) Марксъ: «Капиталъ».

если, наконецъ, «ученые знаютъ, какъ живутъ и умираютъ эфемериды, инфузоріи, древесный мохъ и грибы служатъ предметомъ продолжительныхъ и упорныхъ изслѣдованій ученыхъ»,— *странно будетъ забыть человѣка*, какъ существо общественное, этотъ перлъ созданія, это разумное существо. *Съ тяжелымъ укоромъ, почти негодованіемъ къ русскимъ молодымъ ученымъ и спеціалистамъ приходится кончить.*

Г. Сазоновъ.

НОЧИ.

Альфреда де-Мюссэ.

(Переводъ съ французскаго.)

Декабрская ночь.

I.

Въ давно промчавшіеся годы,
Когда не зналъ я злой невзгоды,
Когда не вѣдалъ я утратъ,
Ко мнѣ вошелъ, въ одеждѣ бѣдной,
Ребенокъ и больной, и блѣдный,
Похожій на меня, какъ братъ.

II.

Въ меня впиваясь робкимъ взглядомъ,
Вошелъ и сѣлъ со мною рядомъ.
Читалась грусть въ его очахъ.
Ко мнѣ съ любовью онъ склонялся
И такъ всю ночь со мной остался
Съ улыбкой свѣтлой на устахъ.

III.

Однажды, по лѣсу гуляя,
Я встрѣтилъ юношу (тогда я
Достигъ ужь отроческихъ лѣтъ).
Онъ шелъ ко мнѣ въ лучахъ заката,
Со мной имѣлъ онъ сходства брата
И въ платьѣ черномъ былъ одѣтъ.

IV.

Онъ блѣденъ былъ; одной рукою
Держалъ онъ лиру, а другою
Букетъ изъ розановъ держалъ.
Я у него спросилъ дорогу.
Скрывая тайную тревогу,
Онъ мнѣ на гору указалъ.

V.

Въ года сердечныхъ увлеченій,
Подъ гнетомъ тягостныхъ сомнѣній,
Сидѣлъ я разъ, тоской объятъ,
Когда, какъ призракъ изъ могилы,
Вошелъ какой-то странникъ хилый,
Похожій на меня, какъ братъ.

VI.

На небо мнѣ одной рукою
Онъ указалъ, а мечъ другою
Держалъ, въ раздумье погруженъ...
Онъ мнѣ дарилъ слезу участья...
Лишь разъ вздохнувъ, какъ призракъ счастья,
Какъ грёзы сна, умчался онъ...

VII.

Во дни веселаго досуга,
Чтобъ выпить за здоровье друга,
Виномъ наполнилъ я бокалъ;
Но не успѣлъ допить бокала,
Какъ сердце вдругъ затрепетало,—
Я прежній призракъ увидалъ.

VIII.

Вѣнкомъ увѣнчанный лавровымъ,
Съ лицомъ печальнымъ и суровымъ,
Въ одеждѣ жалкой и худой,
Онъ шелъ ко мнѣ съ заздравной чашей.
Стаканы встрѣтилися наши
И въ мигъ стаканъ разбился мой.

IX.

Я, годъ спустя, отца лишился.
Когда я плакалъ и молился,
Нѣмымъ отчаяньемъ убитъ,
Все тотъ же юноша, что прежде,
Явился въ траурной одеждѣ;
Онъ схожъ со мною былъ, какъ братъ.

X.

Въ вѣнкѣ изъ терній, полонъ муки,
Въ отчаяньи, ломая руки,
Съ разбитой лирой онъ стоялъ,
Обрызганъ кровью. Слѣдъ багряный
Бросала кровь, струясь изъ раны,
Что въ грудь его нанесъ кинжалъ.

XI.

Моей тоскѣ иль мукѣ вторя,
Въ часы хандры, въ минуты горя
Тотъ призракъ, страшный и нѣмой,
Красой таинственной сіяя,
Исчадье ада или рая,
Всегда встаетъ передо мной.

XII.

Когда, отчаяньемъ томимый,
Покинулъ я свой край родимый,
Гдѣ гасъ во мнѣ остатокъ силъ,
Чтобъ смерть мои закрыла вѣжды
Или чтобъ свѣтлый лучъ надежды
Мой путь тяжелый освѣтилъ;—

XIII.

Въ роскошной Ниццѣ, нѣги полной,
Въ мѣстахъ, гдѣ Рейна льются волны,
Гдѣ Кёльна высится соборъ;
Въ дворцахъ Флоренціи счастливой,
Близъ Генуэзскаго залива;
Среди снѣговъ Альпійскихъ горъ;—

XIV.

Близъ водъ сѣдаго океана;
Въ садахъ Вэвэ, въ дворцахъ Милана,
Облитыхъ солнцемъ золотымъ;
Среди Венеціи унылой
Гдѣ Лидо, мрачный какъ могила,
Заснулъ надъ моремъ голубымъ;—

XV.

Вездѣ, гдѣ сердце трепетало,
Гдѣ грудь томилась и страдала
Отъ тяжкихъ ранъ, отъ горькихъ думъ,
Гдѣ раздавался голосъ муки
И призракъ безобразной скуки
Давилъ мнѣ грудь, мутилъ мой умъ;—

XVI.

Вездѣ, вездѣ, гдѣ, горя полный,
Сидѣлъ я мрачный и безмолвный,
Гдѣ скорбь кривила мнѣ уста,
Гдѣ, мчась за свѣтлымъ идеаломъ,
Томился я и острымъ жаломъ
Меня язвила клевета;—

XVII.

Гдѣ, полонъ горькими мечтами,
Я закрывалъ лицо руками,
Гдѣ я, какъ женщина, рыдалъ,
Гдѣ на себѣ я рвалъ одежду
И за надеждою надежду,
За грёзой грёзу я терялъ;—

XVIII.

Вездѣ, вездѣ, гдѣ я скитался,
Гдѣ сна безплодно добивался,
Гдѣ скорой смерти жаждалъ я,—
Ко мнѣ являлся призракъ блѣдный,
Въ одеждѣ траурной и бѣдной,
Какъ братъ похожій на меня.

XIX.

Скажи, кто ты, безплотное видѣнье?
Зачѣмъ всегда витаешь предо мной?
Въ твоихъ очахъ я вижу сожалѣнье,
Не вѣрю я, что ты—мой геній злой...
Твоя печаль—сестра моей печали,
Она съ святою дружбою сходна.
Мы часто вмѣстѣ слезы проливали;
Онѣ меня съ судьбою примиряли...
Твоя улыбка сладости полна.

XX.

Но ты глядишь безмолвно на страданья...
Безпомощность—твой горестный удѣлъ...
Напрасно я, въ минуты испытанья,
Найти въ тебѣ заступника хотѣлъ,—
Приходишь ты, когда въ душѣ тревога,
Когда гнетутъ унылыя мечты...
Повѣдай мнѣ, коль ты посланникъ Бога,
Зачѣмъ, со мной идя одной дорогой,
Мнѣ помощи подать не можешь ты?...

XXI.

Сегодня въ ночь, какъ свѣтлый призракъ друга,
Опять явился ты передо мной...
Уныло вѣтеръ вылъ, шумѣла вьюга;
Одинъ сидѣлъ я, мрачный и больной...
Я сожалѣлъ погибшую до срока
Горячую, безумную любовь...
Я женщины коварной и жестокой
Изивѣну вспоминалъ, вздыхалъ глубоко
И плакалъ я... Во мнѣ хладѣла кровь.

XXII.

Поблекшіе цвѣты, записки милой
Я собиралъ дрожащею рукой,
О прежнемъ счастьѣ сердце говорило
Былыхъ надеждъ я видѣлъ свѣтлый рой!...

Счастливыхъ дней сокровища святыя
Я грустно созерцалъ въ послѣдній разъ...
Часы любви, душой пережитые,
Живыя слезы, сердцемъ пролитыя,
Мелькнули вы и скрылись въ тотъ же часъ.

XXIII.

Въ больной груди напрасно сердце рвется;
Забвенье губитъ царство свѣтлыхъ грезъ;
Отъ всей любви погибшей остается
Увянувшій цвѣтокъ иль прядь волосъ...
Какъ жгуча боль сердечнаго обмана!
Вдали отъ глазъ и свѣта, и людей
Я слезы лилъ; въ груди болѣла рана;
Какъ утлый челнъ въ пучинѣ океана,
Я утопалъ въ нѣмой тоскѣ своей.

XXIV.

Я созерцалъ развалины былаго;
Невольно изъ груди стремился стонъ;
Все думалъ я, что это бредъ больнаго,—
Все думалъ я, что это мрачный сонъ...
Безумное и жалкое созданье!
Скажи, зачѣмъ, въ минуту разставанья,
Дышали скорбью блѣдныя черты?
Скажи, зачѣмъ и слезы, и рыданья,
Когда меня обманывала ты?

XXV.

Мы разошлись... Но съ горькою тоскою
О прошлыхъ дняхъ ты будешь вспоминать,
О свѣтлыхъ грёзахъ, попранныхъ тобою,—
Онѣ твой путь не будутъ озарять...
Пускай насталъ тяжелый часъ разлуки,
Все лучъ надежды въ сердцѣ не потухъ...
Еще не разъ любви узнаю муки
И нѣжныхъ клятвъ плѣнительные звуки
Еще не разъ мой будутъ тѣшить слухъ.

XXVI.

Прости, прости!... Безсмертная природа
Тебѣ въ удѣлъ не все хотѣла дать.
Зачѣмъ обманъ? Законъ любви—свобода;
Тотъ не любилъ, кто не умѣлъ прощать...
На вѣкъ разстались мы по волѣ рока...
Не все еще съ тобой утратилъ я...
Но я любилъ и свято, и глубоко...
Скажи, зачѣмъ сгубила ты до срока
Мою любовь и скрылася любя?...

XXVII.

Кругомъ молчало все. Я въ кельѣ бѣдной
Одинъ сидѣлъ; уныло вѣтеръ дулъ.
Вдругъ предо мной, беззвучно и безслѣдно,
Какой-то мрачный призракъ промелькнулъ...
«Одѣтый въ черномъ, полный муки тайной,
Унылый гость, повѣдай мнѣ, кто ты?
Что значитъ твой приходъ необычайный?
Иль это—сонъ? Иль въ зеркалѣ случайно,
Смутясь, я увидалъ свои черты?

XXVIII.

«Зачѣмъ за мной слѣдишь ты неустанно,
Печальный призракъ юности моей?
Кто ты, пришлецъ таинственный и странный,
Неутомимый спутникъ грустныхъ дней?
Приходишь ты въ минуты испытанья,
Когда душа отъ горестныхъ утратъ
Томится и болитъ; когда страданья
Гнетутъ больную грудь... Свое призванье
Повѣдай мнѣ, мой геній и мой братъ!»

Призракъ.

XXIX.

«Я не дарую утѣшенья;
Какъ демонъ, словомъ обольщенья,
Я души смертныхъ не гублю.

Меня ведетъ чужая воля;
Не знаю я, какая доля
Постигнетъ тѣхъ, кого люблю.

XXX.

«Какъ братъ, я буду вѣкъ съ тобою,—
Мнѣ предназначено судьбою
Тебя вездѣ сопровождать.
Когда-жь въ тебѣ угаснутъ силы,
Надъ одинокою могилой
Я буду слезы проливать...

XXXI.

«Зови меня въ минуту горя:
Твоей тоскѣ уныло вторя,
Всегда на зовъ къ тебѣ явлюсь...
Но не могу тебя обнять я;
Руки моей не жди пожатья,—
Я одиночествомъ зовусь».

П. Козловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Очерки иностранной журналистики.

II *).

Величественное торжество въ день рожденія Виктора Гюго ясно показало, что романтизмъ не умеръ во Франціи, что экспериментальный романъ не убилъ и не вытѣснилъ своего соперника. Идутъ дни за днями, и насмѣшливое отношеніе къ художникамъ-идеалистамъ снова смѣняется горячимъ сочувствіемъ. Встревоженный умъ и наболѣвшее сердце утоляются отъ цифръ и трезваго изображенія дѣйствительной, т. е. будничной, жизни, ищутъ свѣтлыхъ картинъ, гдѣ величаво и смѣло нарисованы привлекательные люди, гдѣ царитъ «насъ возвышающій обманъ». Обновляются упавшія силы, вольнѣе дышетъ усталая грудь и даже не шевелится досада, когда замѣчаешь пренебрежительную улыбку сторонника экспериментальнаго направленія.

Въ числѣ французскихъ писателей есть одно имя, которое должно быть особенно дорого русскому образованному человѣку, потому что на произведеніяхъ этого писателя воспиталось цѣлое поколѣніе, потому что они оказали сильное вліяніе на Бѣлинскаго, на литературу сороковыхъ и отчасти пятидесятыхъ годовъ. Читатель, вѣроятно, догадался, что я говорю о Жоржъ-Зандъ.

Во второй январской книжкѣ Revue des Deux Mondes напечатано продолженіе переписки Жоржъ-Зандъ, о которой я уже упоминалъ въ февральскихъ «Очеркахъ».

Эта переписка можетъ послужить важнымъ матеріаломъ для характеристики Авроры Дюдеванъ и какъ человѣка, и какъ писательницы. По справедливому замѣчанію Георга Брандеса, историческая роль Жоржъ-Зандъ заключается въ томъ, что она вела за женщину освободительную борьбу, которую революція 1789 года вела за одного мужчину. Въ сочиненіяхъ этой великой писательницы столько художественныхъ достоинствъ, столько ума и чувства, что на нихъ съ наслажденіемъ отдохнетъ и со-

*) *Русская Мысль*, февраль.

временный читатель. Если вглядѣться пристальнѣе въ образы, которые созданы въ романахъ Жоржъ-Зандъ,—если, забывши всякую злобу дня, остановиться на описаніяхъ природы, разсѣянныхъ повсюду въ ея произведеніяхъ, то впечатлѣніе отъ повѣстей Жоржъ-Зандъ можно сравнить съ впечатлѣніемъ, которое производитъ задушевный, слегка наивный разсказъ о лучшихъ дняхъ дѣтства, о свѣтлой, быстро промчавшейся, юности. Какъ туманъ, раздвигается рядъ картинъ, добытыхъ жизненнымъ опытомъ, и за этимъ туманомъ раскрывается обаятельный міръ, гдѣ льются послѣднія слезы о горѣ быломъ и манятъ за собою первыя грёзы о счастьи иномъ. Но было бы непростительною ошибкой отрицать у Жоржъ-Зандъ тонкую наблюдательность и утверждать, что въ ея романахъ нѣтъ ничего, что такъ неудачно назвали экспериментальнымъ. Наблюдайте за собою построже,—писала Аврора Дюдеванъ еще въ 1830 году къ молодому человѣку, который занимался воспитаніемъ ея сына,—въ теченіе только одного дня и вы увидите, сколько жалкаго тщеславія, грубой и безумной гордости, несправедливаго эгоизма, безсовѣстной зависти свойственно нашей отвратительной природѣ. Какъ рѣдки добрыя внушенія, какъ быстры и постоянны дурныя!... Жоржъ-Зандъ убѣждаетъ молодаго человѣка не относиться съ рѣзкимъ презрѣніемъ къ людямъ. Кто жилъ только двадцать лѣтъ, тотъ еще не можетъ и предположить, что выйдетъ изъ него въ сорокъ, въ шестьдесятъ. И откуда являются принципы, совѣсть, которыми человѣкъ гордится? Не произведеніе ли они матерей и воспитателей? Послѣднихъ и надо благословлять и прославлять. Доброжелательное отношеніе къ людямъ вовсе не заключается въ обманѣ, а только въ благосклонности, въ прощеніи недостатковъ. Въ наши дни,—говорится въ другомъ письмѣ Жоржъ-Зандъ,—энтузіазмъ есть добродѣтель глупыхъ. Вѣкъ желѣза, эгоизма, низости и безсовѣстности, гдѣ надо или насмѣхаться, или плакать, чтобы не быть безсмысленнымъ или жалкимъ!... Если припомнить тяжелую семейную обстановку, которую создалъ для Жоржъ-Зандъ ея мужъ, то станетъ еще болѣе ясно, какъ много въ ея жизни было *экспериментальнаго*. Но она находила утѣшеніе въ страстной привязанности къ дѣтямъ, въ особенности къ сыну, Морису, и въ дружбѣ. Надо прочесть тѣ мѣста ея переписки, гдѣ говорится о воспитаніи Мориса, чтобы понять всю глубину материнскаго чувства автора «Индіаны». Для дѣтей она готова на величайшія жертвы. Что касается до дружбы, то Жоржъ-Зандъ видѣла въ ней единственное исцѣленіе отъ горестей и невзгодъ. Только эгоистъ можетъ найти счастье въ себѣ самомъ. Дѣйствительное счастье состоитъ въ сочувствіи и уваженіи, которое человѣкъ возбуждаетъ,—не у всѣхъ, что невозможно, но у извѣстнаго числа друзей.

Нѣтъ, я думаю, надобности говорить о томъ, съ какимъ безпокойствомъ, съ какимъ страстнымъ сочувствіемъ слѣдила Жоржъ-Зандъ изъ провинціи за ходомъ іюльской революціи. Но вотъ происходитъ рѣшительный разрывъ съ мужемъ, который, почувствовавъ свою неправоту, въ виду обна-

руженной Жоржъ-Зандъ твердости и такта, вынужденъ былъ предоставить ей свободу. Жоржъ-Зандъ въ Парижѣ. Она избираетъ себѣ, повинуясь влеченію, литературную карьеру. Ея намѣренія очень скромны и заключаются прежде всего въ разсчетѣ на заработокъ. Я не привлеку на себя,—говоритъ Жоржъ-Зандъ,—ни зависти, ни ненависти. Большая часть писателей живетъ, правда, въ огорченіяхъ и борьбѣ, но будущій авторъ «Пьера Гюгенена» желаетъ въ тиши и въ тѣни пріобрѣтать трудомъ средства къ жизни. Изъ всѣхъ состояній наиболѣе свободное и быть-можетъ наиболѣе незамѣтное есть состояніе писателя, чуждаго гордости и фонфаронства. Черезъ три недѣли Жоржъ-Зандъ пишетъ, что, несмотря на огорченіе и усталость, несмотря на бѣдную обстановку, она чувствуетъ свою жизнь наполненною. «Я имѣю цѣль, задачу, назовемъ по имени—*страсть*». Когда эта страсть писать овладала бѣдною головой, то остановиться уже нельзя, замѣчаетъ великая писательница, хотя сознается, что ея первое произведеніе не имѣло успѣха. Ей сказали, что въ этомъ произведеніи слишкомъ много нравственнаго и доблестнаго, такъ что общество сочтетъ его неправдоподобнымъ. Это справедливо,—говоритъ Жоржъ-Зандъ,—надо служить модѣ, то-есть писать плохія вещи.

Но великій талантъ скоро пробиваетъ себѣ дорогу. Жоржъ-Зандъ уже нѣтъ надобности писать фельетоны для Figaro, по семи франковъ за колонну. Завѣтное желаніе и горячая увѣренность ея оправдались на дѣлѣ: своимъ перомъ она была полезна дѣтямъ больше, чѣмъ могла бы быть полезна иголкою.

Какъ поучительно сопоставить съ перепискою Жоржъ-Зандъ переписку Проспера Мериме, которая начата печатаніемъ съ первой февральской книжки Nouvelle Revue. Иное время, печальное время второй имперіи, ярко выступаетъ передъ читателемъ въ письмахъ Мериме къ Паницци, одному изъ хранителей британскаго музея. Письма эти отличаются непринужденностью. Они то быстро слѣдуютъ одно за другимъ, то перемежаются. Въ этомъ безъискусственномъ, отрывочномъ разсказѣ о самыхъ разнообразныхъ событіяхъ и случаяхъ заключается главный интересъ переписки Мериме, какъ историческаго матеріала. Въ чисто-литературномъ отношеніи они отличаются живостью и мѣткостію языка, остроуміемъ и красотою сравненій, всѣми обычными достоинствами произведеній этого писателя.

Наканунѣ итальянской войны, 12 марта 1859 г., Мериме пишетъ, что французы стали невѣроятными трусами и желаютъ мира. Луи-Филиппъ,—говоритъ Мериме,—восьмнадцать лѣтъ проповѣдывалъ этому народу поклоненіе матеріальнымъ интересамъ, и наша старая галльская кровь испортилась. Такое же сужденіе долженъ былъ бы произнести Мериме и о второй имперіи, съ 1859 года до самаго Седана. О человѣчествѣ и славѣ никто не заботится; не обращаютъ вниманія и на возможность революціи, а толкуютъ только, подымутся или упадутъ разныя акціи и облигаціи. Но армія,—прибавляетъ Мериме,—настроена воинственно. Въ письмѣ отъ

10 мая говорится, что императора провожала на войну громадная толпа, что она восторженно, безумно привѣтствовала его. Салоны по-прежнему безучастны, но въ массѣ населенія императоръ теперь популярнѣе, чѣмъ когда-либо.

Послѣ итальянской войны любопытно слѣдить, какъ на первый планъ при дворѣ, въ высшемъ обществѣ и въ отраженіи ихъ жизни—письмахъ Меримэ—все болѣе и болѣе выступаетъ легкомысленное веселье, остроумный каламбуръ, охота, балы и интриги. Веселье второй имперіи дорого стоило французскому народу. Нѣтъ, конечно, надобности оговариваться, что это зависѣло отъ *качества* веселья. Я веселюсь вездѣ,—писала Жоржъ-Зандъ къ Шарлю Дювернэ,—вездѣ, гдѣ не видно подозрѣнія, несправедливости, горечи. Для второй имперіи это было бы слишкомъ наивно.

Посмотрите на этого изящнаго писателя, на этого умнаго и проницательнаго человѣка, на Проспера Меримэ. Какое глубокое нравственное паденіе чувствуется въ его разсказахъ о придворной жизни! Герцогъ Морни и Меримэ, по требованію императора, импровизируютъ эпиграммы на всѣхъ присутствующихъ, не исключая Наполеона III и его супруги. Мы *безпощадно осмѣяли*,—пишетъ Меримэ,—силонность императора къ римскимъ древностямъ. Дошла очередь и до императрицы—за ея страсть къ мебели, къ такому загроможденію комнатъ, что становится невозможнымъ въ нихъ двигаться.

Въ самомъ дѣлѣ, какая независимость и смѣлость! Какъ дышетъ отъ этой мнимой свободы сужденія ядовитымъ раболѣпіемъ!... Владыка, который топталъ ногами мысль и совѣсть общества и издѣвался надъ правами народа, снисходительно улыбается, когда царедворцы говорятъ злыя эпиграммы насчетъ его слабости къ римскимъ древностямъ. А эти умные, широко образованные царедворцы изящно притворяются, что сами удивляются великимъ размѣрамъ предоставленной имъ свободы!... Тотъ же Просперъ Меримэ сообщаетъ о своей бесѣдѣ съ однимъ изъ министровъ въ началѣ 1862 года. Министръ просилъ его поговорить съ императоромъ, указать ему на затруднительность положенія. «Какъ хотите вы, чтобы меня выслушали, когда я не нахожусь въ томъ положеніи, которое заставляетъ выслушивать?» — «Именно потому-то васъ, можетъ-быть и выслушаютъ», отвѣтилъ министръ, и этого одного отвѣта достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о наполеоновскомъ правленіи.

Весьма интересно прочесть тѣ письма Меримэ, которыя относятся къ послѣднимъ годамъ второй имперіи. Они появятся также въ Nouvelle Revue раньше выхода отдѣльною книгою.

Въ мартовскомъ выпускѣ *Новаго Обозрѣнія*, который нами еще не полученъ, должно закончиться печатаніе посмертнаго романа Густава Флобера—«Буваръ и Пекюше». Этотъ романъ, при всѣхъ его достоинствахъ, производитъ на насъ непріятное впечатлѣніе своею надоѣдливою ученостью, не дѣйствительнымъ знаніемъ, а тѣмъ же стремленіемъ—по поводу кам-

даго пустяка глубокомысленно цитировать знаменитыхъ и незнаменитыхъ писателей, какимъ отличается «Оселъ» Виктора Гюго. Буваръ и Пекюше читаютъ въ Гаврѣ, въ ожиданіи отхода почтоваго парохода, фельетонъ о преподаваніи геологіи, и сейчасъ начинаются доктрины Ламарка и Жоффруа Сентъ-Илера, возраженія священника, извлеченныя изъ Бональда, теорія о поднятіи горъ Эли де-Бомона, ископаемыя растенія у Баффинова залива, и пр., и пр. Черезъ нѣсколько страницъ Буваръ и Пекюше задаются вопросами: кто былъ основателемъ аббатства Святой Анны? Существуетъ ли родство между Онфруа, который, въ XII ст. (?), ввезъ новый видъ картофеля, и губернаторомъ Гастингса въ эпоху завоеванія, тоже Онфруа?... Еще нѣсколько страницъ—и мы вступаемъ въ дремучую область кельтской археологіи, и передъ глазами немного озадаченнаго читателя начинаютъ мелькать Киркъ и Кронъ, Таранисъ и Геталемніа. Затѣмъ (все это изъ отрывка, напечатаннаго въ одномъ выпускѣ Nouvelle Revue) мы попадаемъ къ меровингамъ и каролингамъ, задѣваемъ Робеспьера и Дантона, перескакиваемъ черезъ Лакретеля и Верньо къ воспоминаніямъ Кампанъ и окончательно теряемъ терпѣніе на двухъ слѣдующихъ страницахъ, сталкиваясь съ Саллюстіемъ, Сенекою, Бофоромъ, Зороастромъ, Плутархомъ, Монтескьё и халдеями. Слишкомъ много учености, слишкомъ много учености!...

Новая французская школа хватила черезъ край,—забыла преданія лучшихъ изъ своихъ писателей, пренебрегаетъ эстетическими требованіями Дидро, такъ блистательно развитыми у Лессинга. Нѣмцы недавно торжественно помянули день, въ который исполнилось столѣтіе со смерти творца «Натана Мудраго». По этому поводу въ Германіи явилось много статей и замѣтокъ. Мы остановимся на статьѣ берлинскаго профессора Вильгельма Шерера, въ февральской книжкѣ Deutsche Rundschau.

15 февраля 1781 года, послѣ кратковременной болѣзни, на 52 году отъ рожденія, скончался въ Брауншвейгѣ великій писатель. За два дня до смерти Лессингъ принималъ дѣятельное участіе въ литературномъ кружкѣ, гдѣ обсуждался отвѣтъ Жерузалема на письмо Фридриха Велинаго о германской литературѣ. Въ октябрской книжкѣ *Нѣмецкаго Меркурія*, за тотъ же годъ, появился прекрасный некрологъ Лессинга, написанный Гердеромъ.

Шереръ раздѣляетъ литературную жизнь Лессинга на три періода. Въ первомъ (1747—1755) онъ является преимущественно журналистомъ, во второмъ (1755—1772)—эстетикомъ, въ третьемъ—богословомъ.

Еще въ школѣ Лессингъ отличался страстнымъ стремленіемъ къ истинѣ и его пытливый умъ переходилъ отъ одной области знанія къ другой. Семнадцати лѣтъ съ небольшимъ началъ онъ печатать маленькія стихотворенія, а въ январѣ 1748 года въ Лейпцигѣ съ успѣхомъ шла его комедія «Молодой ученый», въ которой заключались нападки на педантовъ, на школьную мудрость, состоявшую въ цитированіи чужихъ словъ.

Гердеръ указываетъ, что стихотворенія Лессинга еще при жизни его стали народными пѣснями, а эпиграммы, какъ образцы остроумія, вошли въ учебные сборники. Несомнѣнно, однако, что, какъ поэтъ, Лессингъ является довольно слабымъ подражателемъ Клопштока. Онъ чувствуетъ къ послѣднему глубокое уваженіе и говоритъ, что въ «Мессіадѣ» нѣмецкое слово впервые вознеслось къ небесамъ (ewiger Gesang durch den der deutsche Ton zuerst in Himmel drang). Во второмъ періодѣ своей литературной дѣятельности онъ относится къ Клопштоку, конечно, гораздо справедливѣе, т. е. безъ восторженнаго удивленія.

Въ ноябрѣ 1748 года Лессингъ явился въ Берлинъ и начинаетъ работать въ Vossiche Zeitung, которую редактировалъ его другъ, Миліусъ. Въ 1755 году, во Франкфуртѣ на Одерѣ, была поставлена Лессинговская «Миссъ Сара Сампсонъ». Пьеса слаба, но она соотвѣтствовала вкусамъ публики и имѣла большой успѣхъ. Современное извѣстіе говоритъ, что зрители сидѣли три съ половиною часа, какъ статуи, и плакали. Явилось множество подражаній «Сарѣ Сампсонъ»,—всѣ были довольны ею, кромѣ самого Лессинга, который неустанно стремился впередъ.

Этою пьесой,—говоритъ профессоръ Шереръ,—оканчивается первый періодъ дѣятельности Лессинга. Въ 1766 году появляется «Лаокоонъ», въ слѣдующемъ году «Минна фонъ-Барнхельмъ», въ 1767—1769 гг.—«Гамбургская драматургія», въ 1772 г. — «Эмилія Галотти». Во всѣхъ драматическихъ произведеніяхъ великаго писателя,—справедливо замѣчаетъ Шереръ,—начиная самыми юношескими и кончая самыми зрѣлыми, вѣетъ духомъ свободы, ненавистью ко всякой тираніи. Къ несчастію, до насъ дошло весьма мало свѣдѣній о трагедіи, задуманной Лессингомъ еще въ 1755 году и героемъ которой долженъ былъ явиться Фаустъ, вѣчно стремящійся проникнуть въ тайну міра, охватить своимъ умомъ всю истину. Извѣстно, что на Лессинга имѣла вліяніе въ данномъ случаѣ кальдероновская «Жизнь—сонъ» и что конецъ драмы былъ примиреніемъ, а не трагическою развязкой, какъ въ народномъ преданіи. Въ «Спартакѣ», который былъ задуманъ Лессингомъ, можно подмѣтить уже идею развитую впослѣдствіи Шиллеромъ въ «Разбойникахъ».

Шереръ высоко ставитъ «Эмилію Галотти». По его мнѣнію, въ этой драмѣ Лессингу удалось глубоко заглянуть въ женскую душу, чего нельзя сказать даже про «Минну фонъ-Барнхельмъ». Эмилія, дѣйствительно, главное лицо, къ которому тяготѣетъ все дѣйствіе. Когда она не появляется на сценѣ, тогда о ней говорятъ другія дѣйствующія лица. Шереръ видѣлъ въ пьесѣ слѣдующій недостатокъ: рѣшимость отца принести въ жертву дочь недостаточно мотивирована, такъ какъ драма допускаетъ возможность спасенія Эмиліи отъ искательствъ князя и инымъ путемъ, кромѣ ея смерти. Но впечатлѣніе отъ развязки, избранной Лессингомъ, весьма сильно, и другая развязка ослабила бы впечатлѣніе. «Эмилія Галотти» — мужественная и талантливая защита неприкосновенности и достоинства частной

жизни, куда имѣютъ обыкновеніе вторгаться всесильные и безсердечные деспоты. Близость принцевъ приноситъ несчастіе даже тогда, когда эти принцы — хорошіе люди: необузданная власть дѣлаетъ всякаго человѣка эгоистомъ и тираномъ. Подальше отъ придворной жизни, если вы хотите сохранить непорочность вашихъ дочерей, мужественную честность вашихъ сыновей! Эмилія умираетъ, а погубившій ее деспотъ продолжаетъ наслаждаться жизнью. Этотъ конецъ трагичнѣе, сильнѣе дѣйствуетъ на нравственное чувство зрителей, чѣмъ всякій другой.

Какъ побѣды Фридриха Великаго въ Семилѣтнюю войну завоевали самостоятельность нѣмецкаго государства,—говоритъ Шереръ,—такъ произведенія Лессинга завоевали самостоятельность нѣмецкой литературы.

Третій періодъ въ дѣятельности Лессинга есть періодъ «Натана». Изъ борьбы родилось посланіе мира; богословскіе споры, наиболѣе ожесточенные изъ всякихъ споровъ, пробудили въ Лессингѣ потребность высказаться самымъ рѣшительнымъ образомъ въ пользу полной вѣротерпимости. Но его мнѣнія въ этомъ отношеніи сложились давно, подъ вліяніемъ семейныхъ преданій, подъ вліяніемъ глубокаго стремленія къ истинѣ, которымъ была проникнута эта благородная натура. Шереръ сообщаетъ, что въ 1670 году дѣдъ Лессинга, при окончаніи университетскаго курса, защищалъ идею религіозной свободы и терпимости по отношенію ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ. Въ произведеніи двадцати-лѣтняго юноши Лессинга «Die Juden» уже заключается въ зародышѣ, конечно, содержаніе «Натана Мудраго», образцомъ для котораго, говорятъ, послужила свѣтлая личность Моисея Мендельсона. Шереръ напомнилъ о вліяніи Вольтера на знаменитаго германскаго писателя. Хотя Лессингъ и боролся со многими взглядами великаго энциклопедиста, но всегда отдавалъ справедливость генію автора «Трактата о терпимости» (1763 г.), къ взглядамъ котораго на средніе вѣка, на борьбу магометанъ съ христіанами онъ присоединился въ «Натанѣ Мудромъ».

Извѣстный историкъ, Генрихъ Трейчке, говоритъ, что нѣмцы тогда только могутъ счесть себя дѣйствительно образованнымъ, нравственнымъ народомъ, когда идеи «Натана Мудраго» войдутъ цѣликомъ въ германское законодательство, воплотятся въ немъ. Какое благословеніе русскаго законодательства заслужитъ «Натанъ Мудрый»!

Моисей Мендельсонъ писалъ брату Лессинга, когда умеръ послѣдній: «Фонтенелль сказалъ про Коперника: онъ обнародовалъ новую систему міра и умеръ. Біографъ вашего брата съ одинаковымъ правомъ можетъ сказать: Лессингъ написалъ «Натана Мудраго» и умеръ».

Вся жизнь Лессинга,—говоритъ Робертъ Боксбергеръ *),—была безустаннымъ стремленіемъ къ освобожденію вѣка. Боксбергеръ горячо сожа-

*) *Die Gegenwart*, № 17, „Zum Gedächtniss Gotthold Ephraim Lessings", am seinem 100. Todestage, 15 Februar 1881.

лѣетъ о томъ, что съ Лессингомъ не былъ лично знакомъ Фридрихъ Великій, и упрекаетъ послѣдняго за пренебреженіе къ геніальному писателю, отчего пострадалъ всего болѣе самъ король. А воззваніе къ подпискѣ на памятникъ Лессингу въ Берлинѣ, подписанное Ауэрбахомъ, Дройзеномъ, Форкенбекомъ, Гельмгольцемъ, Гольцендорфомъ, Фридлендеромъ, Лазарусомъ, Полемъ Линдау и многими другими извѣстными именами, говоритъ, что имя Г. Э. Лессинга возбуждаетъ въ каждомъ нѣмцѣ мысли о духовной свободѣ. Какъ мыслитель и поэтъ, Лессингъ есть образецъ неустаннаго стремленія къ истинѣ.

Увы, комитетъ для сооруженія памятника Лессингу образовался еще въ 1861 году и въ двадцать лѣтъ не собралъ достаточно денегъ, чтобы поставить въ Берлинѣ статую творцу «Эмиліи Готти» и «Натана Мудраго»! Несмотря на благородныя усилія свободно-мыслящихъ людей, умственный уровень и въ особенности нравственный характеръ германскаго народа понижается, а его трудовыя деньги идутъ на пушки и ружья, на крѣпости и казармы. Было бы даже странно присутствовать въ современномъ Берлинѣ, гдѣ воздвигнуто гоненіе на евреевъ, при открытіи памятника страстному и геніальному бойцу за полную свободу вѣрованій. Вотъ Бисмарку и Мольтке въ столицѣ Гогенцоллернской имперіи величественныя статуи явятся скоро...

Въ той же февральской книжкѣ Deutsche Rundschau напечатана статья Ястрова о всемірной исторіи въ новыхъ историческихъ произведеніяхъ.

Въ области изысканія прошлаго, разбора историческихъ фактовъ жизни человѣчества, Германіи, по общему признанію, принадлежитъ главное мѣсто. Revue historique, основанная нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ, выступила въ первомъ же выпускѣ съ статьею, которая признавала основательность этого мнѣнія. Но знаменательно,—говоритъ Ястровъ,—что проходятъ десятилѣтія, а не появляется книги, охватывающей разрозненный матеріалъ и дающей общую картину историческаго движенія германскаго народа. Болѣе посчастливилось всемірной исторіи. Ястровъ говоритъ прежде всего о знаменитой книгѣ Бокля и критикуетъ многія ея положенія, между прочимъ отрицаніе свободы воли и неподвижность нравственныхъ идей. Въ замѣчаніяхъ нѣмецкаго автора нѣтъ ничего интереснаго и новаго для русскихъ читателей.

Подъ могучимъ вліяніемъ дарвинизма, Фридрихъ Гельвальдъ написалъ «Культурную исторію въ ея естественномъ развитіи», доказывая въ ней, что единственнымъ двигателемъ и здѣсь, какъ вездѣ въ природѣ, является неумолимая борьба за существованіе. Ястровъ говоритъ, что книга Гельвальда есть жаркая полемика противъ господствующихъ воззрѣній, но не представляетъ положительнаго разрѣшенія вопроса.

Бѣглыя замѣчанія автора, его указанія то на Гердера, то на Шлёссера, то на Ранке, совсѣмъ не удовлетворяютъ читателя и мало соотвѣтствуютъ

довольно притязательному заглавію небольшой статьи — «Die Weltgeschichte in ihren neuesten Dorstellungen).

За исключеніемъ статьи объ открытіи гипнотизма, принадлежащей извѣстному іенскому профессору Прейеру, въ остальномъ содержаніи февральскаго выпуска Deutsche Rundschau нѣтъ ничего замѣчательнаго. Это даетъ намъ возможность сказать нѣсколько словъ объ издаваемомъ Фридрихомъ Шпильгагеномъ журналѣ — Westermann's illustrirte deutsche Monats-Hefte.

Журналъ составляется разнообразно и занимательно. Разсказы и повѣсти, оригинальные и переводные, путешествія и научныя сообщенія, въ доступномъ каждому читателю изложеніи, вѣроятно, обезпечиваютъ успѣхъ изданія. Въ текстѣ журнала помѣщаются портреты и иллюстраціи.

Минуя повѣсти и разсказы о путешествіяхъ, остановимся на статьѣ Ерлиха: Музыкально-эстетическая литература съ 1850 г.

Уже давно философія занималась музыкой, но 1849 годъ составляетъ въ этомъ отношеніи эпоху. Начали рѣшительно утверждать, что музыка есть высшее искусство, что она глубже всѣхъ остальныхъ проникаетъ въ душу человѣка и призвана могущественно содѣйствовать къ преобразованію національной жизни. И оптимисты, и пессимисты, и вѣрующіе люди, и матеріалисты, говоря о музыкѣ, выражаются почти одинаковымъ языкомъ. Всѣми признается нравственное значеніе за ораторіями и церковною музыкою Баха и Хенделя, за кантатами Шумана и Брамса, за музыкальною драмою Вагнера и симфоническими поэмами Листа. Защитники свободы воли и ея рѣшительные противники съ равною силой настаиваютъ на высокомъ призваніи музыки.

Старые представители романтической школы, Фридрихъ Шлегель и Вакенродеръ, превознося значеніе музыкальнаго искусства, обнаруживали почти дѣтское пониманіе его. Шеллингъ говоритъ о господствующемъ въ звѣздномъ мірѣ ритмѣ, о чистой мелодіи движенія небесныхъ свѣтилъ, но у этого мыслителя нѣтъ указанія, въ подтвержденіе своихъ теорій, ни на одно музыкальное произведеніе.

Романтикомъ привлекала въ музыкѣ внѣшняя непринужденность, свободная игра фантазіи, къ чему стремился Тикъ въ своихъ комедіяхъ и драмахъ. Ни одно изъ искусствъ не соотвѣтствовало въ такой степени возродившемуся мистицизму, возродившимся средневѣковымъ религіознымъ воззрѣніемъ, какъ музыка. И въ настоящее время возможны толки среди благочестивыхъ протестантскихъ писаній о христіанскомъ значеніи текста къ Götterdämmerung Вагнера.

Къ этому присоединилось еще поклоненіе прекрасной природѣ, ея защита противъ аскетической нравственности.

Но замѣчательно, что, просматривая музыкальные журналы и газеты съ 1795 до 1815 г., убѣждаешься въ отсутствіи всякаго вліянія романтической школы на музыкантовъ, тогда какъ про Канта говорится очень

часто, хотя Кантъ (равнымъ образомъ и Лессингъ) отводитъ музыкѣ второстепенное мѣсто *потому, что она просто играетъ ощущеніями.*

Чѣмъ объясняется это странное явленіе? Число послѣдователей романтической школы среди образованнаго общества было невелико; большая часть увлекалась Гёте и Шиллеромъ, которые по своимъ эстетическимъ воззрѣніямъ примыкаютъ къ Канту. Въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка въ музыкѣ царили Гайднъ и Глюкъ; Моцартъ пользовался гораздо меньшею популярностію, а Бетховенъ, какъ разсказываетъ Шюрь въ своей авто-біографіи, возбуждалъ почти всеобщую скуку. Гайднъ же и Глюкъ своими произведеніями давали мало матеріала для романтическихъ замѣчаній и взглядовъ. Слѣдуетъ, кромѣ того, припомнить, что музыкальнымъ центромъ въ то время была Вѣна, аристократическіе кружки которой были мало способны увлекаться изслѣдованіями въ области философіи искусства, довольствуясь естественно-развитымъ эстетическимъ вкусомъ.

Послѣ войны за освобожденіе отъ наполеоновскаго владычества музыка была самымъ любимымъ искусствомъ. Поэзія, въ которой отражались либеральныя идеи, возбуждала боязливое недовѣріе нѣмецкихъ правительствъ, и Гёте съ 1815 года или молчалъ, или печаталъ изслѣдованія въ области естественныхъ наукъ и рецензіи. Лишь изрѣдка появлялись его стихотворенія. Что касается до живописи, то лучшіе германскіе художники жили въ Римѣ и не пользовались вслѣдствіе этого большимъ вліяніемъ на современниковъ. А музыканту-республиканцу Бетховену можно было безнаказанно развивать передъ императоромъ Францемъ II свои политическія убѣжденія. Какъ музыкальный критикъ, первое, чрезвычайно вліятельное мѣсто занялъ Гофманъ, съ котораго критика переходитъ изъ узкаго круга спеціальныхъ журналовъ на столбцы газетъ.

Указывая на то, что Гегель, Вейссе и Шлейермахеръ отводили много мѣста музыкальному искусству въ своихъ философскихъ построеніяхъ, Эрлихъ утверждаетъ, что музыкальное пониманіе всего сильнѣе развито было у Вейссе.

Въ 1827 году появилась весьма талантливая, но прошедшая незамѣченною, книга Трандорфа—«Эстетика или міросозерцаніе въ искусствѣ» (Trahndorff: Aesthetik oder Weltanschauung in der Kunst). Оно написано подъ сильнымъ вліяніемъ Шопенгауэра, самое имя котораго въ эту эпоху было мало кому извѣстно, хотя «Міръ, какъ воля и представленіе» напечатано еще въ 1819 году. Любопытна между прочимъ слѣдующая мысль въ «Эстетикѣ» Трандорфа: «первый звукъ, изданный человѣкомъ, былъ болѣзненнымъ крикомъ *въ борьбѣ за существованіе*». За крикомъ скорби слѣдовалъ крикъ радости, въ предѣлахъ которыхъ и находится музыка, отъ тихаго «ахъ» до величественнаго хора.

Съ 1849 года начинается сильное вліяніе Шопенгауэра и новая эпоха въ музыкальномъ искусствѣ.

Сергѣй Невѣровъ.

Новый трудъ князя А. И. Васильчикова: «Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи». Спб. 1881 г.

Недавно вышедшее сочиненіе кн. Васильчикова посвящено одному изъ тѣхъ вопросовъ, которымъ суждено еще долго занимать общественное вниманіе не только Россіи, но и всей Европы. Въ виду важности самаго вопроса и того значенія, которое должно быть придано мнѣніямъ кн. Васильчикова, какъ лица извѣстнаго своими трудами, мы позволимъ предложить читателямъ довольно подробное изложеніе содержанія лежащей передъ нами книги.

Вопросъ о народномъ хозяйствѣ пріобрѣлъ въ наше время огромное значеніе не только у насъ, но и на Западѣ, по мнѣнію кн. Васильчикова, потому, что либералы всѣхъ странъ, придавая слишкомъ большое значеніе освобожденію труда и политическимъ формамъ,—думали, что съ достиженіемъ этихъ благъ и образованіемъ массъ будетъ достигнуто и благосостояніе народа, и поднятіе культуры. Какъ видно, авторъ не согласенъ съ мнѣніемъ этихъ либераловъ, но онъ также не согласенъ и съ мнѣніемъ тѣхъ лицъ, которыя надѣются достигнуть всякихъ благъ однимъ улучшеніемъ сельскохозяйственной техники. Онъ говоритъ: «Мечтать о просвѣщеніи народныхъ массъ для улучшенія сельскаго хозяйства и народнаго быта, о благомъ дѣйствіи образцовыхъ фермъ, ремесленныхъ школъ и вообще примѣра образованныхъ хозяйствъ — это значитъ, по нашему мнѣнію, откладывать улучшенія до того времени, когда они сдѣлаются невозможными или крайне затруднительными». Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ признаетъ, что «мелкое землевладѣніе, такъ-называемая демократизація собственности... имѣетъ безспорно ту опасную сторону, что развиваетъ хищническую культуру». Въ виду этого онъ предлагаетъ «организовать особое и самостоятельное вѣдомство, имѣющее исключительнымъ предметомъ охраненіе хозяйственныхъ интересовъ страны и народа». Для охраненія хозяйственныхъ интересовъ страны вѣдомство это должно заботиться о сохраненіи и богатствѣ страны, расхищаемыхъ неразумною культурой, а въ интересахъ народа оно должно принять мѣры къ огражденію благосостоянія народныхъ массъ. Но прежде всего необходимо знать

настоящее положеніе дѣла, а для этого нужно организовать статистику народнаго хозяйства, современное положеніе которой авторъ считаетъ ниже всякой критики, такъ какъ большая часть доставляемыхъ ею свѣдѣній совершенно вымышлены. Авторъ признаетъ неудовлетворительнымъ и самый способъ выраженія статистическихъ данныхъ средними величинами и предлагаетъ составлять подворныя описи, въ которыя должны вноситься свѣдѣнія о числѣ душъ въ семьѣ и возрастѣ ея членовъ, о количествѣ скота въ хозяйствѣ и цѣнѣ строеній и, наконецъ, «количество земли, т. е. душевыхъ надѣловъ, состоящихъ въ дѣйствительномъ владѣніи домохозяина». «Здѣсь всего нужнѣе,—по мнѣнію кн. Васильчикова,—узнать, держитъ ли онъ (домохозяинъ) всю землю, сколько на него по мірской разверстѣ причитается, или сдаетъ часть надѣла, или вовсе отъ него отказался, или, наоборотъ, снимаетъ чужія полосы сверхъ своей надѣльной земли». Значеніе этихъ свѣдѣній объясняется тѣмъ, что количество земли, состоящей въ дѣйствительномъ владѣніи, составляетъ главный масштабъ большаго или меньшаго достатка домохозяевъ. Эти подворныя описи и должны составить главнѣйшій источникъ нашихъ свѣдѣній о настоящемъ положеніи крестьянства.

Мы не будемъ далѣе излагать предлагаемый княземъ Васильчиковымъ способъ регистрированія статистическихъ данныхъ, но остановимся только на тѣхъ главахъ, въ которыхъ авторъ излагаетъ свои мнѣнія по вопросамъ, составляющимъ, такъ сказать, злобу дня. Таковы: гл. VI—Народная помощь и народный кредитъ, гл. VIII—Безземельные крестьяне, гл. IX—Малоземелье въ крестьянскомъ быту, гл. X—Объ улучшеніи сельскаго хозяйства въ Россіи, гл. XI—Переселенія и колонизація и гл. XII—Значеніе настоящаго экономическаго кризиса въ Россіи.

Собственно говоря, мнѣнія кн. Васильчикова по многимъ изъ перечисленныхъ вопросовъ давно уже извѣсты читающей публикѣ изъ его сочиненія «Землевладѣніе и земледѣліе» и нѣсколькихъ мелкихъ статей. Если мы напоминаемъ теперь читателю эти мнѣнія, то дѣлаемъ это отчасти ради полноты обзора, отчасти имѣя въ виду высказать нѣкоторыя соображенія по поводу этихъ мнѣній.

Суть воззрѣній кн. Васильчикова на кредитъ можно выразить слѣдующимъ образомъ: кредитъ—значитъ довѣріе, а довѣрять можно только тому, кто можетъ оправдать довѣріе, т. е. тому, кто еще не совсѣмъ разорился. Кредитъ нуженъ крестьянамъ для того, чтобы поддержать въ нуждѣ случайной, временной и тѣмъ спасти хозяйство отъ раззоренія; онъ не поможетъ крестьянину улучшить свое хозяйство, но крестьянинъ все же останется хозяиномъ. Поэтому кредитъ не будетъ мѣрой для улучшенія положенія. «Коренное улучшеніе быта,—по мнѣнію автора,—дѣло другое. Но прежде, чѣмъ улучшать, надо упрочить поземельное хозяйственное состояніе народныхъ массъ». Такъ какъ кредитъ служитъ не всѣмъ, а только болѣе состоятельнымъ «среднимъ» крестьянамъ, то для бѣднѣй-

шихъ, совсѣмъ упавшихъ хозяйствъ нужно «призрѣніе», «народная помощь». При отсутствіи кредита, случайныя бѣдствія, въ родѣ падежа скота, пожара и пр., могутъ вести за собою полное разореніе. Но есть и причины «естественныя — неотразимыя случайности, которыя приводятъ извѣстное число крестьянскихъ семействъ къ безысходной бѣдности, бобыльщинѣ», наприм.—смерть единственнаго работника или отлучка его на службу. Возстановить такія «разоренныя» хозяйства «рѣдко удается» и «кредитъ имъ не поможетъ», и именно потому, что «всякія кредитныя учрежденія не достигаютъ цѣли, если цѣлью полагается помощь неимущимъ: этотъ разрядъ крестьянъ, именно неимущихъ, остается внѣ круга ихъ дѣйствія, потому что кредитъ — значитъ довѣріе, а довѣрять ссуды людямъ несостоятельнымъ, требовать возврата ссудъ отъ неимущихъ — значитъ искажать самое понятіе о кредитѣ». Все это, очевидно, говорится по поводу того, что «заявляются требованія о распространеніи дѣйствія кредитныхъ учрежденій на всѣхъ жителей, въ полномъ составѣ сельскихъ обществъ». Пока всѣ эти разсужденія примѣняются къ личному кредиту, т. е. къ тѣмъ ссудамъ на поправку послѣ случайнаго несчастія, которыя приводятся въ примѣрахъ,—то можно, пожалуй, согласиться съ авторомъ; но дѣло въ томъ, что въ своемъ окончательномъ резюме (стр. 258) кн. Васильчиковъ прилагаетъ тѣ же разсужденія и къ земельнымъ банкамъ, а это—вовсе не одно и то же. Какъ извѣстно, то же воззрѣніе на земельный кредитъ кн. Васильчиковъ проводилъ въ своемъ проектѣ устава товариществъ взаимнаго земельнаго кредита. Въ уставѣ это воззрѣніе выразилось въ видѣ разрѣшенія не только цѣлымъ общинамъ, но и товариществамъ пайщиковъ и даже отдѣльнымъ лицамъ дѣлаться членами товариществъ и, слѣдовательно, получать ссуду для покупки земли. Этотъ пунктъ устава возбудилъ въ свое время горячія пренія въ литературѣ и обществѣ. Противники кн. Васильчикова утверждали, что выдача ссудъ отдѣльнымъ лицамъ или даже компаніямъ пайщиковъ дастъ возможность кулакамъ эксплуатировать кредитныя учрежденія въ свою пользу и во вредъ массѣ крестьянства. Съ своей стороны кн. Васильчиковъ утверждалъ, что, допуская кредитъ для однихъ сельскихъ обществъ, мы сдѣлаемъ самыя кредитныя учрежденія безполезными, такъ какъ во всякой общинѣ найдутся крестьяне, которымъ, вслѣдствіе ихъ бѣдности, въ тягость и та земля, какая есть, и которые, поэтому, никогда не согласятся принять на себя новую тяжесть въ видѣ платы процентовъ и погашенія по ссудѣ. Намъ кажется, что обѣ стороны упускали здѣсь изъ виду одно, весьма существенное, обстоятельство. Дѣло въ томъ, что разъ существуетъ убѣжденіе въ возможности *покупки земель въ общественную собственность* или, что то же, убѣжденіе въ томъ, что *крестьяне будутъ владѣть купленною землей на общинномъ, а не общемъ правѣ*,—слѣдовательно, не на правахъ пайщиковъ, — то возраженіе кн. Васильчикова падаетъ самособою. При этомъ условіи крестьянинъ-общинникъ никогда не станетъ

противиться покупкѣ земли въ общинную собственность, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, ибо онъ прекрасно знаетъ, что пока онъ въ силахъ обработывать только ту землю, которая у него есть теперь, то міръ не дастъ ему больше земли (полагая, конечно, что владѣніе землею выгодно), но и не потребуетъ съ него платы за ту часть земли, какая должна бы прійтись на его долю изъ «купчей» земли (кромѣ, можетъ-быть, доплаты части стоимости, не покрываемой ссудой изъ банка). Не менѣе того крестьянинъ знаетъ, что чѣмъ больше земли имѣетъ община, тѣмъ болѣе онъ можетъ потребовать земли на свою долю, коль скоро рабочія силы его семьи возрастутъ и, слѣдовательно, всякая покупка земли въ общинную собственность для него выгодна. Но это будетъ только при томъ условіи, если крестьяне считаютъ и «купчую» землю общинной, *а не принадлежащею каждому лично на правѣ частной собственности* и только состоящею въ общемъ владѣніи. Если же утвержденіе кн. Васильчикова основывалось на наблюденныхъ имъ фактахъ (и мы думаемъ, что это дѣйствительно такъ), то, значитъ, безразлично, будетъ ли земля куплена въ общинную яко бы собственность, или какъ иначе, — все равно она можетъ, въ концѣ-концовъ, оказаться въ рукахъ того же кулака. Мы убѣждены, что это именно такъ; но, не имѣя возможности войти здѣсь въ подробное обсужденіе этого предмета, обращаемъ пока только вниманіе читателя на то, что это положеніе, если оно будетъ доказано, должно совершенно измѣнить постановку вопроса объ увеличеніи надѣловъ, предполагая, что при этомъ желательно сохраненіе общины.

Но возвратимся къ разбираемой книгѣ.

Въ главѣ «о безземельныхъ крестьянахъ» кн. Васильчиковъ указываетъ, что только число безземельныхъ, т. е. «крестьянъ-домохозяевъ, которые получили душевой надѣлъ при утвержденіи уставныхъ грамотъ, а впослѣдствіи по какимъ-либо причинамъ отказались отъ земли», можетъ дать основаніе «для правильнаго сужденія объ упадкѣ или развитіи крестьянскаго хозяйства». Эти крестьяне составляютъ именно «главный контингентъ неимущихъ», тогда какъ другія категоріи безземельныхъ имѣютъ совершенно другое, часто противоположное, значеніе. Такъ, «большое число мѣщанъ и разночинцевъ, приписавшихся къ обществу, часто означаетъ, что мѣстность эта пользуется нѣкоторыми экономическими выгодами», такъ какъ эти лица, равно какъ и бывшіе дворовые, выбираютъ для приписки «наиболѣе состоятельныя общества, гдѣ имъ не угрожаетъ круговая порука за недоимку».

Причинъ обезземеленія кн. Васильчиковъ указываетъ двѣ, именно: 1) для нечерноземной сѣверной полосы — несоотвѣтствіе поземельныхъ окладовъ съ доходностью земли и 2) для хлѣбородныхъ и густо-населенныхъ мѣстностей — слишкомъ тѣсные надѣлы, заставляющіе болѣе состоятельныхъ крестьянъ всѣми мѣрами стараться отбить землю у болѣе слабыхъ. Слѣ-

довательно обѣ эти причины могутъ быть сведены къ одной: неудовлетворительности самого «Положенія» о крестьянахъ.

Обращаясь къ вопросу «о малоземельи», кн. Васильчиковъ прежде всего заявляетъ, что вопросъ этотъ поставленъ въ литературѣ совершенно невѣрно и именно самое основаніе для сужденія о малоземельи избрано неправильно. По его мнѣнію, если стать на ту точку зрѣнія, что крестьянскіе надѣлы должны обезпечивать быть и повинности, то вопросъ окажется неразрѣшимымъ, потому что какъ домашніе расходы, такъ и подати постоянно возрастаютъ. «Такимъ образомъ,—говоритъ авторъ,—мы принимаемъ двѣ мѣры, постоянно увеличивающіяся, и чтобы слѣдить за ними, надо предположить, что въ данной мѣстности будетъ всегда достаточно земли для покрытія возрастающихъ нуждъ прирастающаго населенія». Поэтому авторъ находитъ нужнымъ «для сужденія о большемъ или меньшемъ достаткѣ земель искать другое основаніе, которое бы приблизительно представляло какую-либо опредѣленную величину. За такую величину авторъ принимаетъ количество земли, какое крестьянинъ можетъ обработать, т. е. то, что нѣмцы называютъ «рабочею площадью» (Arbeits-fläche). Авторъ оговаривается при этомъ, что нельзя, конечно, вычислять эту рабочую площадь по существующимъ системамъ хозяйства, потому что тогда въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ практикуются до сихъ поръ лядинная (лѣсопольная) и переложная системы, эта площадь расширилась бы до огромной величины. Но самъ авторъ не указываетъ, какую же систему нужно принять за исходную точку для опредѣленія величины рабочей площади, и говоритъ только о какомъ-то «порядочномъ» хозяйствѣ. Далѣе авторъ, сославшись на примѣръ Литвы и Остзейскихъ губерній, гдѣ «полное тягловое хозяйство считается въ 15—20 десят.», выводитъ для Россіи норму въ 10—13 десятинъ на рабочаго, «или 5—6½ десятинъ» на душу. «Пропорцію эту,—прибавляетъ авторъ,—слѣдовало бы нѣсколько уменьшить въ сѣверныхъ губерніяхъ и увеличить въ южныхъ». Но мы не видимъ, почему Литва и Остзейскій край могутъ или даже должны указать намъ норму надѣловъ для всей Россіи. Чтобъ эти области могли дать намъ такую норму, необходимо взвѣсить, на сколько условія той или другой полосы Россіи лучше или хуже условій этихъ областей, или поскольку культура разныхъ областей можетъ быть сходна или отлична отъ культуры въ Литвѣ или Остзейскомъ краѣ. Словомъ, авторъ совершенно не доказалъ законность своихъ нормъ. Точно также мы не можемъ признать правильнымъ положеніе автора, что въ сѣверныхъ областяхъ—въ нечерноземной полосѣ—надѣлы должны быть меньше, чѣмъ въ южной—черноземной полосѣ. Въ доказательство справедливости своего взгляда, авторъ говоритъ, что крестьянину нечерноземной полосы просто не хватитъ времени для обработки такого количества земли, какое можетъ обработать крестьянинъ, наприм., Тамбовской или Воронежской губерній, гдѣ лѣто гораздо продолжительнѣе и погода постояннѣе. Очевидно, однако, что вся эта аргументація построена

на томъ предположеніи, что крестьяне той и другой полосы будутъ обработывать свою землю приблизительно одинаковымъ способомъ и засѣвать ее приблизительно одинаковыми растеніями, напр., зерновыми хлѣбами. Но самъ же авторъ (въ главѣ «объ улучшеніи сельскаго хозяйства въ Россіи») предлагаетъ введеніе травосѣянія на сѣверѣ и корнеплодовъ на югѣ,—положимъ, хоть въ срединной черноземной полосѣ,—и этимъ значительно подрываетъ вышеприведенную аргументацію. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что травы требуютъ наименьшаго количества работы на единицу площади, тогда какъ корнеплоды, наоборотъ, наибольшаго; слѣдовательно при посѣвѣ травъ та же рабочая сила можетъ обработать значительно большее пространство, чѣмъ при посѣвѣ корнеплодовъ. Но этого мало: вслѣдствіе меньшей потребности въ содержаніи скота на черноземѣ, а также вслѣдствіе большей продолжительности лѣта и возможности болѣе разнообразныхъ культуръ, въ средней черноземной полосѣ можетъ быть выгодно держать скотъ и лѣтомъ на стойлѣ и, слѣдовательно, можно совсѣмъ не имѣть выгоновъ. На сѣверѣ же, при нечерноземной почвѣ, скота придется держать много, чтобъ имѣть удобреніе, и нужно притомъ лѣтомъ непремѣнно держать этотъ скотъ на выгонѣ, потому что,—особенно при значительномъ количествѣ его,—крестьянинъ не можетъ найти свободнаго времени для заготовки корма. Повторяемъ, что всѣ положенія автора относительно нормы надѣла мы считаемъ совершенно недоказанными; мы думаемъ, что нормы надѣловъ можно опредѣлить только по отношенію къ извѣстной, опредѣленной, системѣ хозяйства, и потому прежде, чѣмъ мы условимся относительно того, какая система хозяйства должна практиковаться въ той или другой мѣстности,—всякія пренія о необходимой величинѣ надѣла будутъ лишены почвы.

Но понятно, что, регулируя надѣлы не по тѣмъ системамъ хозяйства, которыя въ настоящее время практикуются крестьянами, а по тѣмъ, улучшеннымъ, которыя еще только проектируется ввести,—необходимо озаботиться и о томъ, чтобъ эти улучшенныя системы изъ проектовъ перешли въ дѣйствительность. Какія же мѣры предлагаетъ кн. Васильчиковъ для введенія улучшеній въ наше сельское хозяйство?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ авторъ въ главѣ «объ улучшеніи сельскаго хозяйства въ Россіи». Собственно культурныя улучшенія, предлагаемыя авторомъ, ограничиваются введеніемъ травосѣянія въ нечерноземной и культуры корнеплодовъ въ черноземной (вѣроятно, центральной) полосахъ и затѣмъ примѣненіемъ усовершенствованныхъ орудій. Мѣры же, долженствующія способствовать проведенію этихъ улучшеній въ жизнь, должны, по мнѣнію автора, заключаться въ слѣдующемъ: «1) Необходимо, чтобы земскія управы, во-первыхъ, опредѣлили, какія именно культуры заслуживаютъ въ данной мѣстности наиболѣе поощренія, и, во-вторыхъ, чтобъ онѣ устроили запасы такихъ сѣмянъ. 2) Для распространенія культуры корнеплодовъ необходимы нѣкоторыя измѣненія

акцизнаго положенія, преимущественно винокуреннаго, поощреніе мелкихъ хозяйственныхъ производствъ и винокуренія изъ картофеля. 3) Выдѣлка и удешевленіе земледѣльческихъ орудій... плуговъ, боронъ, катковъ, конныхъ молотилокъ». — Но, очевидно, что всѣ эти мѣры могутъ только облегчить введеніе извѣстныхъ улучшеній въ томъ случаѣ, когда необходимость ихъ уже сознана населеніемъ, но ихъ нельзя назвать дѣятельными мѣрами для проведенія въ жизнь улучшеній. Правда, авторъ оговаривается, что «упомянутыми соображеніями не исчерпывается вопросъ объ улучшеніи сельскаго хозяйства», но, очевидно, что предложенныя имъ мѣры онъ считаетъ самыми важными. Нужно прибавить, что кромѣ упомянутыхъ мѣръ авторъ предлагаетъ еще облѣсеніе степей и осушеніе болотъ, или, выражаясь словами автора: «для поощренія лѣсонасажденій въ безлѣсныхъ краяхъ необходимо завести на счетъ земства или казны питомники. Осушеніе болотъ въ сѣверной и западной полосахъ заслуживаетъ нѣкоторыхъ пожертвованій и пособій, которыя могли бы выразиться въ субсидіяхъ или ссудахъ отъ земства или правительства». Словомъ, и тутъ только «поощреніе» и «пособіе», а не дѣятельное участіе земства или правительства, которое авторъ прямо отрицаетъ, несмотря на то, что въ другомъ мѣстѣ (стр. 151) онъ говоритъ: «въ такія критическія минуты (какъ переживаемая нами въ настоящее время) для народныхъ массъ нужно *разумное и твердое руководство*, помощь кредита, *содѣйствіе правительства* и *образованныхъ классовъ*». Мы думаемъ, что въ предложенныхъ кн. Васильчиковымъ мѣрахъ трудно усмотрѣть «разумное и твердое руководство и содѣйствіе образованныхъ классовъ» народнымъ массамъ, по крайней мѣрѣ относительно улучшенія культуры. Прямое же участіе правительства и земства авторъ отвергаетъ, говоря: «Однимъ словомъ, надо разъяснить, въ чемъ именно состоитъ поощреніе сельскаго хозяйства со стороны земства и правительства; *очевидно* (?), что ни то, ни другое не могутъ принять на себя починъ улучшеній частныхъ (?) хозяйствъ, не могутъ предпринимать такихъ сложныхъ операцій, какъ введеніе травосѣянія, *насажденіе лѣсовъ, осушеніе болотъ*». Еслибы дѣло шло дѣйствительно объ улучшеніи *частныхъ хозяйствъ*, т. е. хозяйствъ отдѣльныхъ лицъ, въ дѣлѣ благоденствія которыхъ государство весьма мало заинтересовано, то положеніе автора, конечно, не подлежитъ спору. Но такъ какъ рѣчь идетъ о *поднятіи хозяйствъ огромной массы населенія*, благосостояніе котораго всецѣло обусловливаетъ благосостояніе государства, то было бы правильнѣе сказать, что государство *не только можетъ*, но *должно* принять на себя починъ въ этомъ дѣлѣ. А что государство *можетъ* это сдѣлать, это доказывается не только тѣмъ, что оно уже ведетъ крупнѣйшія изъ этихъ предпріятій — лѣсонасажденіе и осушеніе болотъ на свой собственный счетъ, но также и тѣмъ, что оно ведетъ или, по крайней мѣрѣ, даетъ средства вести предпріятія, требующія еще гораздо большихъ затратъ, каковы, напр., желѣзныя дороги. Ка-

ковы тѣ мѣры и способы, помощью которыхъ государство и земство могутъ принять дѣятельное участіе въ дѣлѣ улучшенія культуры, — мы здѣсь, конечно, излагать не будемъ, но замѣтимъ только, что безъ такого участія улучшенія эти, можно думать, останутся только въ проектахъ, или, выражаясь словами автора, придется «откладывать улучшенія до того времени, когда они сдѣлаются невозможными или крайне затруднительными».

Чтобы покончить съ главой «объ улучшеніи сельскаго хозяйства», укажемъ еще на мнѣніе автора о значеніи земледѣлія въ сѣверныхъ и западныхъ губерніяхъ. Онъ говоритъ именно, что «хлѣбопашество въ этихъ губерніяхъ никогда не было и не будетъ выгоднымъ промысломъ» и что «здѣсь вопросъ объ улучшеніи быта обусловливается облегченіемъ платежей и развитіемъ промысловъ, а не улучшеніемъ земледѣлія, которое едва ли когда-либо выйдетъ изъ своего стѣсненнаго положенія». Конечно, «облегченіе платежей» или, точнѣе, *соразмѣреніе платежей* съ дѣйствительными средствами крестьянъ можетъ имѣть для указанныхъ областей большее значеніе, чѣмъ, напр., для черноземной полосы, но это происходитъ не отъ выгодности земледѣльческаго промысла, а отъ того, что здѣсь несоразмѣрность платежей съ доходностью земли больше. Несомнѣнно также, что и доходы отъ промысловъ должны составлять здѣсь большую долю въ бюджетѣ крестьянина, чѣмъ въ черноземной полосѣ; но и это происходитъ не отъ безвыгодности земледѣлія въ сѣверныхъ и западныхъ губерніяхъ, а отъ того, что здѣшній крестьянинъ условіями климата вынуждается посвящать промысламъ больше времени, чѣмъ крестьянинъ черноземной полосы. Теперешняя же безвыходность и часто даже убыточность земледѣлія въ этихъ губерніяхъ, какъ и во всей почти не черноземной полосѣ, обусловливается, кромѣ непосильныхъ платежей, еще и тѣмъ, что существующая здѣсь система хозяйства, основанная на производствѣ зерновыхъ хлѣбовъ, не соотвѣтствуетъ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ въ гораздо большей степени, чѣмъ въ какой-либо другой полосѣ государства. Въ послѣднее же время, стѣсненное въ пользованіи землей, особенно выгонами, земледѣліе у крестьянъ должно было еще болѣе пасть; этому же содѣйствовало и развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ, сдѣлавшее производство зерновыхъ хлѣбовъ еще болѣе невыгоднымъ въ виду конкурренціи болѣе плодородныхъ мѣстностей. Этимъ объясняется, между прочимъ, и та жадность крестьянъ къ посѣвамъ льна, на которую указываетъ кн. Васильчиковъ и которая вовсе не была такимъ неразумнымъ стремленіемъ, какимъ считаетъ его авторъ:—ленъ былъ единственнымъ извѣстнымъ для крестьянина доходнымъ растеніемъ.

Въ главѣ «Переселенія и колонизація» кн. Васильчиковъ, признавая вопросъ о переселеніяхъ «однимъ изъ важнѣйшихъ въ общей системѣ нашего хозяйственнаго устроенія», находитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что «земство и правительство, предоставляя каждому право вольнаго перехода на свой счетъ и рискъ... должно содѣйствовать выселеніямъ только изъ тѣхъ

мѣстностей, гдѣ густота населенія угрожаетъ общему благосостоянію, когда населеніе достигаетъ извѣстной нормы, стѣснительной для всѣхъ жителей». За такую норму авторъ принимаетъ, примѣрно, 30—40 жит. на квадр. версту. Намъ кажется, что норма эта если и можетъ быть установлена, то, во-первыхъ, сообразно мѣстнымъ условіямъ и именно необходимой величинѣ надѣла и развитію промысловъ; во-вторыхъ, и при этомъ условіи должны быть допущены исключенія, такъ какъ рекомендуемый кн. Васильчиковымъ способъ увеличенія надѣловъ въ мѣстностяхъ, не имѣющихъ густаго населенія, помощію кредита, для покупки земли, можетъ оказаться непригоднымъ вслѣдствіе искуственнаго возвышенія цѣнъ на землю, благодаря урѣзкѣ крестьянскихъ надѣловъ. Это явленіе, конечно, имѣло мѣсто хотя бы, наприм., въ тѣхъ пяти уѣздахъ, которые приводитъ авторъ, гдѣ «сиротскіе» надѣлы (меньше 1 дес. на душу) получили отъ 34 до 86% всего крестьянства. Рѣшая далѣе вопросъ: кому должны выдаваться пособія на переселенія,—авторъ отвѣчаетъ: только «тѣмъ семействамъ, которыя имѣютъ достаточно рабочихъ людей и *нѣкоторый запасъ* для покрытія первыхъ расходовъ». Изъ дальнѣйшихъ разсужденій можно заключить, что запасъ этотъ долженъ быть достаточенъ для дорожныхъ расходовъ, на что, по вычисленію автора, требуется 200—300 руб. Эта сумма на столько значительна, что едва ли такой расходъ будетъ по силамъ даже среднему крестьянину многихъ наиболѣе несчастныхъ мѣстностей. Было бы, кажется, правильнѣе начать выселеніе именно съ тѣхъ крестьянъ, которые терпѣли отъ случайныхъ бѣдствій и потому требуютъ если не пособія, то по крайней мѣрѣ кредита, даже и оставаясь на прежнихъ мѣстахъ; притомъ такіе крестьяне, конечно, охотнѣе согласятся выселиться.

Остановимся, наконецъ, еще на предпослѣдней главѣ, озаглавленной «Значеніе настоящаго экономическаго кризиса въ Россіи». Причины кризиса кн. Васильчиковъ видитъ въ слѣдующихъ обстоятельствахъ: 1) Наши землевладѣльцы и земледѣльцы при крѣпостномъ правѣ вели чисто-хищническую культуру,—вмѣсто того, чтобы пользоваться только рентой, растрачивали легкомысленно самый капиталъ. 2) Положеніе наше относительно условій земледѣльческой производительности чрезвычайно невыгодно: нигдѣ въ мірѣ нѣтъ «такихъ народныхъ массъ поселенныхъ въ глубинѣ материка, вдали отъ морей, съ рѣками мелководными и половину года скованными льдомъ, на голыхъ равнинахъ, доступныхъ всякимъ неблагопріятнымъ атмосферическимъ вліяніямъ». Вслѣдствіе такого неблагопріятнаго положенія всякій нашъ шагъ по пути прогресса обходится намъ гораздо дороже, чѣмъ другимъ народамъ. Третья и, по мнѣнію кн. Васильчикова, «первая и общая причина настоящаго кризиса»—это то, что «пропорція между экономическими силами и трудомъ, требуемымъ для введенія новыхъ порядковъ и всякихъ улучшеній, была нарушена. Мы предприняли разомъ слишкомъ много, не разсчитавъ напередъ нашихъ силъ, не опре-

дѣливъ источниковъ, изъ коихъ будутъ покрываться расходы». Вліяніе нашей неразсчетливости особенно рѣзко сказалось потому, что періодъ реформъ совпалъ съ тѣмъ кризисомъ въ сельско-хозяйственной промышленности, который былъ вызванъ хищническою культурой, послѣдствіемъ которой было «истощеніе производительныхъ природныхъ силъ и необходимость перейти къ другимъ системамъ хозяйства». Вспоминая, что такой, чисто сельско-хозяйственный, кризисъ постигъ въ свое время и Европу и что тамъ «наука... посредствомъ лучшихъ орудій и раціональной агрономіи возвратила почвѣ большую часть производительныхъ силъ, растраченныхъ прежними грубыми культурами»,—авторъ спрашиваетъ: не слѣдуетъ ли и намъ положиться на то, «что либеральныя учрежденія, свобода труда и промысловъ выведутъ насъ сами собою на путь экономическаго прогресса». Но авторъ справедливо указываетъ, что если Европа пришла къ описанному результату безъ покровительства земледѣлію, то это обошлось чрезвычайно дорого слабымъ и несостоятельнымъ земледѣльцамъ. «Примѣръ другихъ народовъ и собственный нашъ опытъ послѣднихъ годовъ, — такъ заключаетъ кн. Васильчиковъ эту главу, — указываютъ намъ, что въ такія критическія минуты для народныхъ массъ нужно разумное и твердое руководство, помощь кредита, содѣйствіе правительства и образованныхъ классовъ,—словомъ, правильная организація сельскохозяйственнаго управленія».

Съ этимъ заключеніемъ нельзя не согласиться, но не надо забывать, что всякое «руководство», «помощь» и «содѣйствіе» должны быть таковыми не только по названію, но и по существу.

А. Скворцовъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Когда мы пишемъ эти строки, вѣсть о кончинѣ Императора Александра II распространилась уже по всей Русской землѣ, достигла наиболѣе отдаленныхъ и глухихъ деревень, пробуждая печаль и негодованіе крестьянъ, освобожденныхъ злодѣйски убитымъ царемъ. Отовсюду получаемъ мы извѣстія, что крестьяне потрясены насильственною смертью своего Освободителя.

Насиліе всегда возмутительно. Что же сказать объ убійствѣ, объ убійствѣ царя, котораго горячо любилъ благодарный народъ?.. Какая безумная извращенность чувства, какое глубокое презрѣніе къ силѣ человѣческаго разума, къ достоинству человѣческой совѣсти, въ этихъ фанатизированныхъ убійцахъ, которые не щадятъ своей жизни, лишь бы погубить царя!... Революціонеры-террористы имѣютъ своими ближайшими родственниками въ русской исторіи тѣхъ изувѣровъ-раскольниковъ, которые сжигали себя въ срубахъ, сжигали живыми своихъ женъ и дѣтей...

Гласный петербургской городской думы, г. Семевскій, упоминая о маломъ сочувствіи, встрѣченномъ покойнымъ Государемъ въ высшихъ слояхъ общества при проведеніи великихъ реформъ, сообщилъ слѣдующій фактъ, совершившійся незадолго до ужасной кончины Императора: прочитывая посмертныя записки сенатора Я. А. Соловьева, Государь Императоръ встрѣтилъ въ нихъ слѣдующія слова: «Справедливы были слова Государя, когда Его Величество въ Кисингенѣ говорилъ графу Киселеву, что онъ не имѣетъ никого, кто бы помогъ ему въ крестьянскомъ дѣлѣ. Государю слѣдовало бы къ этому прибавить,—замѣчаетъ сенаторъ Соловьевъ, — а имѣетъ очень много людей, которые употребляютъ всѣ усилія помѣшать ему». Противъ послѣднихъ двухъ строкъ Государь собственноручно написалъ: «Правда».

Какая это горькая правда!... Законодательное собраніе одного изъ Штатовъ великой Сѣверо-Американской республики справедливо сравнило дѣятельность Императора Александра II съ дѣятельностью благороднѣйшаго президента этой республики, Авраама Линкольна.

Затаенныя желанія нашихъ заграничныхъ враговъ не осуществятся, Россія не вступитъ на путь реакціи, которая задержала бы ея государственное развитіе, исказила бы разрѣшеніе экономическихъ и политическихъ задачъ ближайшаго будущаго. Передъ свѣжею могилой Государя, освободившаго крестьянъ, даровавшаго намъ судъ присяжныхъ и прочное начало самоуправленія, мы не станемъ оспаривать тѣхъ, немногихъ, къ счастію, газетъ, которыя и въ эти печальные дни не удержались отъ недостойныхъ выходокъ противъ либеральной печати. Въ тяжелую годину историческихъ испытаній русскому народу необходимо ясное сознаніе своихъ обязанностей и правъ, полное отсутствіе слѣпой злобы, которая можетъ покарать невиновныхъ, затемнить народное самосознаніе, нанести нелегко-поправимый вредъ государству. Намъ нужна свободная совѣсть, неприкосновенная личность и неподкупный, неумолимый законъ. Въ знаменитые пушкинскіе дни въ Москвѣ, академикъ М. И. Сухомлиновъ сказалъ, что наше горе заключается въ томъ, что недосказанная по-неволѣ правда казалась ложью, а недосказанная ложь принималась за правду. Этимъ горемъ страдаемъ мы и до настоящаго времени. Такъ-называемый нигилизмъ могъ развиться именно благодаря условіямъ подобнаго рода.

Началось новое царствованіе. Много труда предстоитъ молодому Императору, много думъ и тревогъ. Но насъ не покидаетъ надежда на мирное, счастливое развитіе Россіи; въ насъ зрѣетъ увѣренность, что приближается конецъ безумнымъ попыткамъ и злодѣйскимъ покушеніямъ. Едва ли надобно добавлять, что все, чего такъ желали мы до настоящаго времени, до мученической кончины Императора Александра II, всѣ стремленія и взгляды, которые высказывались на страницахъ внутренняго обозрѣнія *Русской Мысли*, будутъ высказываться и впредь. Мы глубоко убѣждены, что крѣпкій союзъ верховной власти съ свободнымъ народомъ спасетъ Россію отъ горькихъ испытаній; мы глубоко убѣждены, что «на поприщѣ ума нельзя намъ отступать».

Въ числѣ вопросовъ, къ разрѣшенію которыхъ было приступлено въ царствованіе покойнаго Императора, одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ занимаетъ фабричный вопросъ. Состояніе нашихъ фабрикъ и заводовъ описывалось часто. За весьма немногими исключеніями, онъ не удовлетворяетъ самымъ насущнымъ требованіямъ техники и гигіены. Жизнь и здоровье рабочихъ находятся въ непрерывной опасности, а скудная пища при тяжеломъ трудѣ подкашиваетъ силы фабричныхъ, отражается на ихъ дѣтяхъ, все болѣе и болѣе уродуя населеніе. Иногда слышатся голоса, что газетныя извѣстія преувеличиваютъ темныя стороны фабричнаго быта, что они составляются тенденціозно или несвѣдущими людьми. Но пишущій эти строки принадлежитъ къ числу членовъ фабричной коммиссіи, учрежденной г. московскимъ генералъ-губернаторомъ, и можетъ засвидѣтельствовать, что состояніе столичныхъ фабрикъ, въ огромномъ большинствѣ

случаевъ, ужасно. Когда будетъ обработанъ собранный коммиссіей матеріалъ, когда описанія фабрикъ будутъ сведены въ одну общую картину, тогда придутъ въ ужасъ и тѣ лица, которыя теперь скептически относятся къ требованію изданія фабричныхъ законовъ.

Но существуютъ и въ настоящее время данныя, достовѣрность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Таковы, напр., свѣдѣнія, заключающіяся въ «Историко-статистическомъ описаніи Тверской губерніи».

На двухъ тверскихъ бумаго-прядильныхъ и бумаго-ткацкихъ фабрикахъ, Каулинской и Морозовской, находится болѣе восьми тысячъ рабочихъ. Сумма производства превышаетъ 6.000.000 рублей. Посмотримъ на *благоустройство* этихъ фабрикъ.

Первый фактъ, грустно поражающій на Рождественской (Каулинской) мануфактурѣ, заключается въ томъ, что несовершеннолѣтніе составляютъ до 20% общаго числа рабочихъ. На Морозовской фабрикѣ несовершеннолѣтнихъ (отъ 15 до 18 лѣтъ) мужскаго пола 684 и женскаго — 544, дѣтей—мальчиковъ 471 и дѣвочекъ—265. Всего несовершеннолѣтнихъ, слѣдовательно, *двѣ тысячи человѣкъ* (1.964) изъ 4.566.

Посмотримъ теперь, при какихъ условіяхъ работаютъ эти несчастныя дѣти вмѣстѣ съ взрослыми рабочими.

Срокомъ найма для фабричнаго бываетъ обыкновенно срокъ его паспорта, но «отъ хозяина не отъемлется право отпускать отъ себя работника до истеченія договорнаго срока по причинѣ неисполненія (работникомъ) своихъ обязанностей и дѣности въ работѣ». Иначе говоря, на основаніи этихъ правилъ, фабрикантъ можетъ прогнать рабочаго въ любую минуту, а рабочій уйти не можетъ,—это будетъ нарушеніемъ *свободнаго* договора.

Рабочая плата значительно колеблется по роду занятій. «Ткачъ, работающій на одномъ станкѣ, можетъ выткать въ день, т. е. въ 12 часовъ, кусокъ миткаля и за это получитъ 40 копѣекъ. Такимъ образомъ, работая безпрерывно въ теченіе мѣсяца (25 рабочихъ дней), онъ можетъ получить 10 руб., а за разными вычетами (на баню, на больницу, на уплату разныхъ штрафовъ)—отъ 8 до 9 руб.». Если взять послѣднюю цифру, то въ вознагражденіе за часовой трудъ ткачъ получитъ *три копѣйки*... Дѣти зарабатываютъ отъ 10 до 15 копѣекъ въ сутки.

Но этого мало: владѣльцы фабрики наживаются отъ рабочихъ еще съ помощію лавочки. «Доходы отъ штрафовъ и лавочки такъ велики,—говоритъ г. Покровскій,—что на каждой изъ большихъ фабрикъ, о которыхъ идетъ рѣчь, они съ избыткомъ покрываютъ расходы по администраціи, даже шеститысячныя жалованья директорамъ».

Даровыя фабричныя квартиры узки, низки, грязны. Комната съ однимъ окномъ вмѣщаетъ въ себѣ человѣкъ семь или восемь, а комната въ два окна—человѣкъ двадцать и болѣе. Въ лучшемъ случаѣ на жильца приходится по одной кубической сажени воздуха, а нужно, чтобы не разру-

шалось здоровье, при хорошей вентиляціи, но три кубическихъ сажени на человѣка.

Не лучше помѣщаются рабочіе и на частныхъ квартирахъ. «Уже по наружности своей рабочій, пробывшій нѣсколько лѣтъ на фабрикѣ, рѣзко отличается отъ прочихъ людей той же крестьянской среды, изъ которой онъ вышелъ: блѣдный цвѣтъ лица, впалые глаза и щеки, впалая грудь, плохо развитые мускулы — вотъ характеристичныя черты фабричнаго. Чахотка—весьма распространенный между фабричными недугъ—поддерживается неумѣреннымъ потребленіемъ водки. Сифилитическія болѣзни настолько распространены между рабочими, что одинъ изъ докладчиковъ четвертаго съѣзда земскихъ врачей Тверской губерніи, старшій врачъ губернской больницы, прямо говоритъ, что тверскія фабрики служатъ почти всегда разсадниками сифилиса». Опасность отъ послѣдняго еще усиливается тѣмъ, что рабочіе скрываютъ заразительную болѣзнь изъ боязни лишиться мѣста. Къ этому надо присоединить вредныя послѣдствія совмѣстной ночной работы молодыхъ работниковъ и работницъ, взрослыхъ и дѣтей. Фабрики распложаютъ больное, безнравственное, изуродованное при несчастныхъ случаяхъ машинами, населеніе. Г. Покровскій говоритъ, что нельзя не замѣтить вырожденія въ тѣхъ мѣстностяхъ, откуда много крестьянъ ходитъ на фабричныя работы, и указываетъ на нѣкоторыя изъ этихъ мѣстностей. Убѣдительнымъ, наглядпымъ доказательствомъ справедливости этого мнѣнія служитъ тотъ фактъ, что средній ростъ и средній объемъ груди новобранцевъ, поставляемыхъ фабричными мѣстностями, менѣе, чѣмъ у новобранцевъ изъ другихъ мѣстностей.

Наше законодательство не принимаетъ никакихъ мѣръ противъ указаннаго зла, не обезпечиваетъ ни въ какомъ отношеніи рабочаго отъ произвола предпринимателей, отъ губительнаго вліянія условій производства. Приведемъ еще нѣсколько данныхъ въ доказательство неотложной необходимости государственнаго вмѣшательства въ фабричныя отношенія.

Въ одномъ изъ засѣданій Московскаго Хирургическаго Общества докторъ Брунсъ сообщилъ о хроническомъ фосфорномъ отравленіи, которое обязано своимъ происхожденіемъ спичечному производству. Тяжкимъ послѣдствіемъ этого отравленія является омертвѣніе лицевыхъ костей, преимущественно верхней и нижней челюстей. Въ московскую Маріинскую больницу поступило такихъ больныхъ въ 1878 году—7, въ 1879 г.—11, въ 1880 г.—3 человѣка. Докторъ Брунсъ ссылается на описанія спичечныхъ фабрикъ въ Московской, Рязанской и Новгородской губерніяхъ и ясно показываетъ отсутствіе самыхъ необходимыхъ мѣръ предосторожности. Фабрики Рязанской губерніи описаны докторомъ Вондяловскимъ (*Здоровье*, 1880 г., №№ 34—36). Онѣ расположены въ Зарайскомъ (четыре) и Егорьевскомъ (шестьдесятъ четыре) уѣздахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ существуютъ съ начала спичечнаго производства въ Россіи, но оффиціальное разрѣшеніе имѣютъ только 13 фабрикъ. Почти всѣ постройки—деревянныя и

расположены по концамъ деревень. Вслѣдствіе такого близкаго сосѣдства, воздухъ въ деревняхъ пропитывается парами сѣры и фосфора. Всѣ фабрики, исключая одной, приготовляютъ сѣрныя спички. Многія употребляютъ столярный клей, который, кромѣ вреда при маканіи, издаетъ еще сильное зловоніе. Большинство рабочихъ, смотря по продолжительности и по роду занятій, въ большей или меньшей степени подверглись отравленію. Внѣ фабрикъ встрѣчается много крестьянъ, бывшихъ фабричныхъ, съ явными признаками такого же отравленія. Въ новгородскихъ фабрикахъ (описаніе ихъ—въ *Архивѣ судебной медицины*, 1871 г. мартъ, и въ *Словѣ*, 1880 г. августъ) платье рабочихъ настолько пропитывается фосфорными парами, что свѣтится и внѣ фабрики. Вслѣдствіе постоянно проглатываемой слюны, выдѣленіе которой, подъ вліяніемъ фосфорныхъ паровъ, значительно увеличивается, отрыгаемый воздухъ свѣтится. Докторъ Филипповъ изслѣдовалъ 384 рабочихъ на спичечныхъ фабрикахъ и изъ нихъ больныхъ оказалось 24%. Работаютъ дѣти моложе 15 лѣтъ; они составляли 58,6% общаго числа занимавшихся изготовленіемъ спичекъ. Часто на фабрикахъ подобнаго рода можно встрѣтить восьмилѣтнихъ малютокъ. Работа продолжается по 14 — 16, а иногда и по 18 часовъ въ сутки.

Докторъ Брунсъ говоритъ, что до сихъ поръ не извѣстно ни одного средства, которое предохраняло бы отъ фосфорнаго отравленія, и выражаетъ надежду, что и у насъ скоро, по примѣру европейскаго Запада, явится законъ, безусловно запрещающій употребленіе желтаго фосфора при изготовленіи спичекъ.

И приведенныхъ нами данныхъ достаточно, чтобъ убѣдить каждаго въ необходимости скорѣйшаго изданія въ Россіи фабричныхъ законовъ. Немедленное учрежденіе фабричныхъ инспекторовъ изъ лицъ, получившихъ медицинское или техническое образованіе, принесло бы неисчислимую пользу, оградивши рабочихъ отъ вопіющихъ, по крайней мѣрѣ, недостатковъ въ фабричномъ устройствѣ. Запрещеніе работать дѣтямъ, моложе десяти или двѣнадцати лѣтъ, также могло бы быть приведено въ исполненіе ранѣе выработки остальныхъ частей фабричнаго законодательства. Каждый день уноситъ здоровье рабочихъ, уродуетъ ихъ, отнимаетъ жизнь, и государство имѣетъ полное право, точнѣе сказать — на немъ лежитъ святая обязанность, вступить въ борьбу съ хлопчато-бумажными баронами и суконными маркизами. Примѣръ западно-европейскихъ государствъ убѣдительно показываетъ, что отъ такого вмѣшательства государства нисколько не пострадало правильное развитіе фабричной и заводской промышленности, а въ жертву невѣжеству и корыстолюбію капиталистовъ нельзя приносить благосостоянія большинства народонаселенія. Фабричная и заводская промышленность не получила еще въ Россіи такого широкаго распространенія, какъ на Западѣ Европѣ; нашъ народъ остается по преимуществу земледѣльческимъ народомъ, почему главныя заботы правительства и общества должны быть направлены къ расширенію крестьян-

ского землевладѣнія и къ улучшенію крестьянскаго хозяйства. Но фабрики и у насъ притягиваютъ уже болѣе милліона рабочихъ. Въ настоящее время принятіе мѣръ, регулирующихъ отношенія между предпринимателями и рабочими, можетъ быть исполнено безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій для хода промышленности, а правильная постановка этого дѣла теперь предохранитъ насъ отъ многихъ опасностей въ будущемъ.

Фабриканты и заводчики имѣютъ полную возможность вступать между собою въ соглашеніе и такимъ образомъ, безъ всякаго для себя риска, понижать заработную плату въ любое время. Подобныя же соглашенія направляются и противъ потребителей. Въ ноябрѣ прошлаго года, напримѣръ, водочные заводчики Пріуральскаго и Западно-Сибирскаго края, какъ сообщаетъ *Екатеринбургская Недѣля* (№ 3), постановили на *конгрессѣ*, сколько сотенъ тысячъ ведеръ вина должно быть выкурено въ текущемъ году и какая часть этого количества выпадаетъ на долю каждаго изъ заводчиковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ,—говоритъ газета,—обозначаются районы дѣйствій и устанавливается *minimum* цѣны на вино при оптовой, ведерной и чарочной продажѣ. Съ отдѣльныхъ заводчиковъ берется обѣщаніе не вторгаться съ своею водкою въ округи сосѣдей, а для обезпеченія въ этомъ отношеніи вносится членами конгресса денежный залогъ. «Заводчики-короли, не попавшіе въ ряды тѣхъ счастливцевъ, которымъ предоставлено драгоцѣнное право винокуренія, получаютъ арендныя деньги, обязываясь за это не пускать свои заводы въ дѣйствіе».

Когда для извлеченія наибольшихъ выгодъ изъ наибольшаго распространенія въ народѣ пьянства устраиваются подобныя тайныя общества, то нѣтъ ничего мудренаго, что въ водкѣ тонутъ народная нравственность и благосостояніе. Прогрессивное умноженіе кабаковъ въ уѣздахъ нашей губерніи,—пишутъ изъ Вязьмы въ *Смоленскій Вѣстникъ* (№ 19),—въ послѣднее время сдѣлалось всеобщимъ явленіемъ. На каждомъ *большакѣ*, ведущемъ изъ Вязьмы въ другіе города, не проѣдете и десятка верстъ, чтобы съ той или другой стороны не мелькнула *елка*. «Въ откупное время,—говорилъ г. Воейковъ въ засѣданіи петербургскаго собранія сельскихъ хозяевъ *), — всякое общественное противодѣйствіе пьянству считалось едва ли не бунтомъ; откупщики съумѣли вкоренить мнѣніе, что интересъ казны солидаренъ съ ними, что едва ли не погибнетъ Россія, если народъ перестанетъ пить. Какъ всегда бываетъ, вкоренившееся разъ убѣжденіе далеко пережило свое время; акцизное вѣдомство, въ лицѣ многихъ своихъ представителей, пошло далѣе откупщиковъ, или, по крайней мѣрѣ, стало опаснѣе и сильнѣе уже тѣмъ, что это мнѣніе не имѣло уже противъ себя всѣхъ честныхъ людей, какъ въ откупное время.

«Въ истекшія 17 лѣтъ дѣйствія акцизной системы мы видѣли, что, по требованію министерства финансовъ, дѣлались надлежащія внушенія тѣмъ

*) *Голосъ*, № 55.

кто противодѣйствовалъ пьянству, какъ, напримѣръ, мировымъ посредникамъ Казанской губерніи. Намъ не извѣстно, отмѣнено ли распоряженіе министра финансовъ (помѣщенное на стр. 202-й I-го т. и стр. 218-й II-го т. «Свѣдѣній о питейномъ сборѣ»), коимъ запрещалось собирать городскія собранія или сельскіе сходы для составленія приговоровъ о воздержаніи. Извѣстные пензенскіе приговоры (о результатахъ которыхъ дѣйствительно мало извѣстно хорошаго) не могутъ служить въ нашихъ глазахъ доказательствомъ отмѣны этого распоряженія, такъ какъ они доказываютъ только извѣстную непослѣдовательность нашихъ *административныхъ* дѣйствій. Энергическое преслѣдованіе возникшихъ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, обществъ трезвости,—убѣжденіе, проникшее и въ литературу, что движеніе противъ пьянства можетъ вызываться только приказаніемъ или корыстными цѣлями,—наконецъ, отдѣльныя административныя распоряженія, содѣйствующія пьянству, и усердная работа цѣловальниковъ въ деревняхъ—все это поддерживаетъ и укрѣпляетъ кабакъ на совершенно неподходящей высотѣ государственнаго учрежденія, а въ народѣ закрѣпляетъ убѣжденіе, что противодѣйствовать пьянству небезопасно».

Въ Московской губерніи одно питейное заведеніе приходится на 165 душъ, а расходъ на вино составляетъ 38¹/₄ руб. на хозяйство, т. е. 15% годоваго дохода. Сельское населеніе тратитъ на водку около 6¹/₂ милліоновъ рублей, тогда какъ на всѣ подати и сборы идетъ съ него по губерніи 5.000.000 рублей.

Горькая нужда и отсутствіе всякаго образованія, всякихъ духовныхъ интересовъ, толкаютъ крестьянина къ кабаку, а кабакъ окончательно опутываетъ и губитъ крестьянина. Но опутываютъ его не одни кабатчики, но и графы,—раззоряетъ его не одна водка, но и ясновельможные управляющіе. Уманьскій корреспондентъ *Зари* пишетъ, что и тамъ процвѣтаютъ люторическіе порядки. «Случайно, — говоритъ корреспондентъ,—я попалъ въ камеру мироваго судьи 1 участка уманьскаго судебно-мироваго округа. Меня поразила биткомъ-набитая камера крестьянами, вызванными въ судъ по искамъ, какъ я впослѣдствіи узналъ, предъявленнымъ къ нимъ Чаплинскимъ. Все, начиная отъ основанія *исковъ*, продолжая *великодушнымъ отношеніемъ* Чаплинскаго къ крестьянамъ и кончая безропотною покорностью крестьянъ, сознававшихъ свое безсиліе предъ сильнымъ человѣкомъ, представляетъ въ высшей степени назидательный интересъ». Корреспондентъ передаетъ слѣдующіе факты, достовѣрность которыхъ обязуется, въ случаѣ надобности, подтвердить документами *). «Прошлою еще зимой экономія баронессы Корфъ, въ лицѣ своего управляющаго Чаплинскаго, заключила съ крестьянами письменныя условія, о которыхъ крестьяне, какъ выяснилось на судѣ, имѣли самыя смутныя понятія. По этимъ условіямъ крестьяне обязывались проработать въ экономіи 6

*) *Заря*, № 4.

лѣтнихъ мѣсяцевъ, за что каждый изъ рабочихъ долженъ былъ получить по 38 рублей, т. е. *20 съ чѣмъ-то коп.* въ лѣтній рабочій день, причемъ экономія снабдила рабочихъ задаточными деньгами—кого 30, кого 25 р. По условію, между прочимъ, былъ опредѣленъ штрафъ по *одному* рублю за каждый прогульный день. Наступаетъ рабочее время... Крестьяне,—кто по болѣзни, кто вслѣдствіе ничтожности наемной платы,—проработавъ 3—4 мѣсяца, уходятъ; были и такіе, которые загуляли и пропустили дни... Вотъ эти-то прогульные дни и послужили Чаплинскому основаніемъ иска, предъявленнымъ къ 25 крестьянамъ. На судѣ крестьяне подтвердили, что дѣйствительно пропускали рабочіе дни, причемъ указали и на вышеизложенныя причины, побудившія ихъ оставить работы въ экономіи, и заявили вмѣстѣ съ тѣмъ, что готовы отработать прогульные дни. Но Чаплинскій на это не соглашался: онъ требовалъ, чтобы судъ, согласно условію, присудилъ ему деньги за прогульные дни, считая каждый день по 1 руб. При этомъ однако Чаплинскій высказалъ все свое великодушіе (и за это спасибо ему): было много изъ явившихся по сему дѣлу крестьянъ, за которыми считалось по 2 и даже по 3 прогульныхъ мѣсяца, такъ что еслибы Чаплинскій захотѣлъ воспользоваться своимъ правомъ, то крестьяне должны были бы возвратить ему кто по 60, а кто по 90 руб.; но г. управляющій *великодушничалъ*: онъ потребовалъ только возврата забранныхъ крестьянами денегъ. Были между крестьянами такіе, которые проработали въ потѣ лица по 3 и даже по 4 мѣсяца и, вѣроятно, значительно увеличили экономическій карманъ; но трудъ этихъ бѣдняковъ пропалъ, конечно, даромъ. Несмотря на усиленныя старанія мироваго судьи склонить Чаплинскаго къ миру съ крестьянами, несмотря на всѣ убѣжденія судьи, — онъ былъ неумолимъ; онъ твердилъ одно: «Не извольте безпокоиться, г. судья,—когда у меня будутъ въ рукахъ исполнительные листы, то сами прійдутъ ко мнѣ мириться». Прійдутъ — это вѣрно, какъ вѣрно и то, что ихъ заставятъ проработать въ вознагражденіе за присужденныя съ нихъ взысканія цѣлое лѣто уже безъ всякихъ задаточныхъ денегъ, ибо таковыя уже получены крестьянами въ видѣ прошлогднихъ прогульныхъ дней; болѣзнь или что другое вновь породятъ прогульные дни—и вновь явится основаніе для иска, и т. д. и т. д. Да вѣдь это вѣчная кабала!...»

Совершенно справедливо. А вотъ какъ совершается *свободный* договоръ найма на сѣверо-востокѣ Россіи.

Почти по всей Имперіи извѣстны вятскіе бурлаки, дроворубы, рудокопы и другіе рабочіе. Наемъ этихъ рабочихъ очень часто происходитъ слѣдующимъ образомъ. Является въ волость наниматель и заноситъ сначала у писаря и волостнаго старшины. «Угостивъ ихъ чайкомъ и водочкой, задобривъ обѣщаніемъ болѣе существенной благодарности и давъ небольшое количество въ задатокъ, наниматель условливается о дняхъ и мѣстахъ найма. Послѣ этого условія въ волостномъ правленіи идетъ

оживленная работа: созываются сельскіе старосты и сборщики податей и провѣряется, по какому обществу и сколько недовзыскано податей» *). По окончаніи этой предварительной работы, каждому сельскому старостѣ объявляется, чтобы къ назначенному дню и въ опредѣленномъ мѣстѣ былъ созванъ сельскій сходъ.

«На сельскій сходъ выѣзжаютъ старшина, писарь и волостные судьи. Ко дню схода заготовляются розги, на случай экзекуціи нерадивыхъ къ платежу податей. Сходъ открывается и начинается выкликаніе недоимщиковъ и грозные разспросы о причинахъ несвоевременнаго взноса податей. Старшина строгъ и неумолимъ. Судьи неопустительно приговариваютъ недоимщиковъ. Въ это время, *невзначай*, является наниматель, начинаетъ упрашивать старшину о помилованіи и предлагаетъ заплатить подати за тѣхъ, которые, можетъ-быть, пожелаютъ заключить съ нимъ договоръ о наймѣ. Послѣ небольшаго колебанія и рѣчи на тему: «слѣдовало бы ихъ, каналій, проучить»,—старшина даетъ недоимщикамъ отсрочку. Послѣ этого идетъ ряда и пишется контрактъ, который и свидѣтельствуется волостнымъ правленіемъ» **).

Можно себѣ представить, какъ выгодны для крестьянъ бываютъ эти контракты, которые *свободно* заключаются, чтобъ избавиться отъ жестокой порки. Конечно, будь нашъ темный сельскій людъ хоть грамотенъ, проникни въ деревенскую глушь хоть искра просвѣщенія, и многое изъ творимыхъ надъ народомъ безобразій станетъ положительно невозможнымъ. Въ доброе старое время наивные люди говаривали, что на святой Руси съ голоду не умираютъ. Этою поговоркой характеризуется дѣйствительное добродушіе русскаго народа, дѣйствительная готовность подать, вовсе не отъ избытка, кусокъ хлѣба нищему или *несчастненькому;* но съ голода на Руси умирало много народа, и часто умирало. Покойный профессоръ В. Н. Лешковъ насчитываетъ въ XI—XIV столѣтіяхъ двадцать семь полныхъ неурожаевъ. Голодъ повторялся и въ слѣдующіе вѣка. Въ 1512 году, напримѣръ, былъ общій неурожай, произведшій такую дороговизну, что бѣдные умирали съ голоду. Но въ древней Руси не было искуственныхъ путей сообщенія и въ одной мѣстности государства хлѣбъ сгнивалъ въ то время, какъ на противоположной окраинѣ народъ умиралъ съ голоду. Къ сожалѣнію, случаи подобнаго рода происходили и въ новѣйшее время. Учрежденіе въ 1834 году по всей имперіи запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ и общаго продовольственнаго капитала было въ высшей степени благоразумною мѣрою. Но управленіе хлѣбными запасами и капиталомъ было въ большинствѣ случаевъ неудовлетворительно. Къ этому присоединилось еще стремленіе во что бы то ни стало превращать хлѣбъ въ капиталъ, бросать натуральное хозяйство и переходить исклю-

*) *Екатеринбургская Недѣля*, № 2.

**) Ibid.

чительно на денежное. Такое стремленіе отличалось нѣсколько теоретическимъ пристрастіемъ и стало въ послѣднее время, въ виду указаній опыта, значительно ослабѣвать.

А нужда велика въ различныхъ уголкахъ земли Русской. Вотъ одинъ изъ многихъ, очень многихъ, случаевъ. Корреспондентъ *Смол. Вѣстн.* пишетъ изъ Сычевки, что въ любой деревнѣ вы найдете нѣсколько дворовъ совершенно пустыхъ, такъ какъ безхлѣбица заставила хозяевъ уйти въ *кусочки*, т.-е. побираться милостынею. Въ одной изъ этихъ деревень онъ натолкнулся на семью, *умиравшую съ голода*. Отецъ пропалъ изъ дому. Осталась жена и семь малолѣтнихъ дѣтей. Войдя въ избу, — говоритъ корреспондентъ, — мы застали такую картину: «Въ переднемъ углу избы, на голой соломѣ, прикрытая изумительно-грязной — не то тряпкой, не то попоной, лежитъ какая-то безжизненная, едва обнаруживающая движеніе, масса. Я подошелъ ближе, приподнялъ немного одѣяло-попону и — о, ужасъ! — увидѣлъ передъ собою блѣдную, какъ смерть, до-нельзя исхудалую женщину съ мутными, блуждающими глазами и съ едва замѣтными проблесками сознанія.... Я предложилъ вопросъ, какъ давно она нездорова, но не получилъ никакого отвѣта; больная только повернула голову въ мою сторону и чуть слышнымъ, прерывающимся голосомъ, могла сказать: «ба... ринъ по...моги намъ»; при этомъ она глазами указала на противоположный уголъ избы, въ которомъ, свернувшись клубочкомъ, босыя, въ однѣхъ рубашонкахъ, дрожа и ежась отъ холода, поминутно всхлипывая, лежали ея «кровныя», умирающія съ голоду «дѣтки», и она, видя, что сама уже не можетъ избавить ихъ отъ гибели, рѣшилась умолять о помощи... «Баринъ, помоги намъ», еще разъ простонала несчастная и, грустно-грустно покачивая головой, закрыла свои мутные глаза... «Заплась, бѣдная, заплась, цѣлую недѣлю въ ротъ ничего не беретъ», жалобно заторапорили ввалившіяся къ избу сосѣдки» *).

Какъ же не сказать послѣ этого съ Некрасовымъ:

«Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка—Русь!»

Изъ села Куликовки, Вольскаго уѣзда, *Саратовскому Листку* сообщаютъ: «Нужда начинаетъ губительно дѣйствовать на здоровье бѣдняковъ: какъ передавали намъ люди, заслуживающіе довѣрія, въ этомъ селѣ появился, какъ выразился очевидецъ, голодный тифъ. Человѣкъ до ста больныхъ; умерло же только шесть. Грустно смотрѣть на этихъ бѣдняковъ: у многихъ не только хлѣба, даже картофеля не хватаетъ, сколько

*) *Смоленскій Вѣстникъ*, № 18.

слѣдуетъ. Пособія же отъ земства пока нѣтъ. Требуется неотложная помощь. Подобная же голодуха, если не бо́льшая, тяготѣетъ надъ бѣдняками и деревни Нечаевки. Еще осенью,—разсказывали намъ,—много семействъ питалось картофелемъ съ тыквою. Отъ такой пищи, какъ передаютъ, у нѣкоторыхъ стали ноги и животъ пухнуть. Семействъ уже до 40 выѣхали на сторону для пропитанія. Не мало найдется другихъ селъ и деревень, гдѣ тоже царствуетъ голодуха, съ ея гибельными послѣдствіями, и гдѣ также требуется скорѣйшая помощь».

Въ *Московскомъ Телеграфѣ* (№ 70) напечатанъ текстъ депеши, которую чрезвычайное самарское губернское земское собраніе, открывшееся 5 марта, постановило отправить г. министру внутреннихъ дѣлъ:

«Выданною продовольственною ссудою нѣкоторые уѣзды обезпечены лишь на первыя числа марта; заготовленный хлѣбъ не вполнѣ оплаченъ; сѣяннаго пріобрѣтено тоже не полное количество; отпущенныхъ правительствомъ суммъ недостаетъ ни до окончательной расплаты за хлѣбъ купленный, ни на покупку вновь необходимаго. По послѣднему исчисленію, при понизившихся цѣнахъ на хлѣбъ, необходимо для обезпеченія населенія продовольствіемъ по первое мая 600.012 руб. и для заготовки сѣмянъ 296.349 р.; для продовольствія нуждающихся въ маѣ 558.295 р. Собраніе постановило: просить ваше сіятельство 100.000 р., имѣющіеся въ вашемъ распоряженіи, перевести теперь же телеграфомъ и ходатайствовать о новомъ кредитѣ въ 1,354.656 р. Изъ нихъ 796.361 р. необходимы теперь же. Въ противномъ случаѣ получавшіе до сихъ поръ продовольственный хлѣбъ крестьяне неминуемо продадутъ рабочій скотъ и яровыя сѣмяна, а многія семейства, уже не имѣющія ни скота, ни сѣмянъ, подвергнутся всѣмъ послѣдствіямъ голода».

Такимъ образомъ самарскій голодъ, который нѣкоторыя газеты стали съ настойчивостью отрицать, вновь и внушительно заявляетъ о своемъ существованіи, свидѣтельствуя объ истощеніи почвы, о крайнемъ упадкѣ сельскаго хозяйства; о необходимости расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Въ нашихъ рукахъ находится «Проектъ положенія о выдачѣ ссудъ земледѣльцамъ Рязанской губерніи при покупкѣ ими земли». Проектъ этотъ принадлежитъ А. И. Кошелеву, что достаточно ясно говоритъ объ его серьезныхъ достоинствахъ, о твердо-намѣченной цѣли и практичности средствъ, предложенныхъ для ея разрѣшенія. Въ виду оживленной защиты *теоріи достаточности крестьянскихъ надѣловъ*, мы считаемъ весьма полезнымъ привести основныя черты «Положенія» А. И. Кошелева. Къ сожалѣнію, рязанское земство изъявило намѣреніе выдавать ссуды не крестьянскимъ только обществамъ, но и *земледѣльческимъ товариществамъ и земледѣльцамъ*. Мы не принадлежимъ къ числу безусловныхъ противниковъ частной земельной собственности, но полагаемъ, что стремленіе пріобрѣсти свой участокъ земли не требуетъ общественнаго содѣйствія. Впрочемъ статья третья «Проекта» отчасти пара-

лизуетъ возможныя вредныя послѣдствія первой статьи: «Товарищества и лица имѣютъ право на упомянутую ссуду въ томъ только случаѣ, если они на воздѣлываніе земли посвящаютъ свой личный трудъ». Злоупотребленія, конечно, не устраняются этою статьею, даже съ прибавленіемъ новой, четвертой статьи, по которой «ссуды на покупку земли выдаются какъ крестьянскимъ обществамъ, такъ и товариществамъ, и лицамъ, только въ такомъ размѣрѣ, чтобы владѣемыя ими земли, съ вновь пріобрѣтаемыми, *не превышали двойнаго количества земли противъ высшихъ, закономъ 19 февраля 1861 года установленныхъ для каждой мѣстности, нормальныхъ надѣловъ*, по числу наличныхъ душъ мужскаго пола». Уже самый фактъ составленія «Проекта» и внесенія его на обсужденіе земскаго собранія свидѣтельствуетъ о признаніи такимъ компетентнымъ лицомъ, какъ А. И. Кошелевъ, недостаточности надѣловъ; подчеркнутыя же нами выраженія служатъ яснымъ и точнымъ подтвержденіемъ основательности *теоріи недостаточности надѣловъ*. Извѣстные органы нашей печати развязно объясняютъ эту «теорію» слѣпымъ подражаніемъ Западу (гдѣ нѣтъ ничего подобнаго), легкомысліемъ, невѣжествомъ, т. е., по терминологіи тѣхъ же газетъ, *либерализмомъ*. Намъ любопытно, приложатся ли всѣ эти бранныя выраженія къ автору «Проекта положенія о выдачѣ ссудъ земледѣльцамъ Рязанской губерніи».

Когда товарищество и лицо,—говорится въ проектѣ,—обратятся за ссудою для покупки земли, то, предварительно выдачи ссуды, губернская управа спрашиваетъ сосѣднія съ этимъ участкомъ сельскія общества и селенія, не желаютъ ли они воспользоваться ссудою для пріобрѣтенія его, и только въ случаѣ ихъ отказа ссуда выдается товариществу или лицу. При разрѣшеніи ссуды губернская управа требуетъ изъ губернскаго казначейства (или изъ отдѣленія государственнаго банка) ссудныхъ билетовъ на такія суммы, какія должны быть выданы заемщикамъ, съ препровожденіемъ слѣдующихъ полугодовыхъ процентовъ. Завѣдываніе дѣлами по выдачѣ ссудъ распредѣляется между губернскими и уѣздными собраніями и управами.

Быть-можетъ эту *либеральную* попытку А. И. Кошелева ожидаетъ лучшая участь, чѣмъ схожія попытки въ московскомъ и ярославскомъ земствахъ. Дѣйствительная народная правда должна же, наконецъ, взять свое. Недостаточность размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія чувствуется и на югѣ Россіи.

Въ кіевской *Зарѣ* (№ 40), наприм., приводились данныя, доказывающія, что ни казаки, ни крестьяне Нѣжинскаго уѣзда, Черниговской губерніи, не имѣютъ достаточнаго надѣла. Въ заключеніе статьи говорилось, что *у сельскаго обывателя Нѣжинскаго уѣзда* «при недостаточности надѣла нѣтъ и подспорья въ другихъ промыслахъ; не ищетъ онъ, за весьма малыми исключеніями, и выхода изъ своего невеселаго положенія на сторонѣ, въ отхожихъ промыслахъ: малороссъ любитъ свою родину и, какъ

бы плохо ему ни жилось, ищетъ заработка среди родныхъ мѣстъ, исключительно въ эксплоатаціи своей, а за недостаткомъ послѣдней — панской земли».

Гласный Линдфорсъ въ черниговскомъ губернскомъ земскомъ собраніи указывалъ на то, что въ этой губерніи находится уже *сто сорокъ тысячъ пролетаріевъ*. Во время преній, вызванныхъ докладомъ г. Карпинскаго, гласный Псіолъ выражалъ сожалѣніе, что на югѣ Россіи нѣтъ общиннаго землевладѣнія: подворное владѣніе повело къ обезземеленію казаковъ. Гласный Псіолъ не сомнѣвается, что законъ ограничитъ, наконецъ, развитіе подворно-наслѣдственной формы землевладѣнія.

Послѣ вопросовъ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія и о созданіи у насъ фабричныхъ законовъ важнѣйшимъ вопросомъ является преобразованіе податной системы и уѣзднаго самоуправленія. Объ этихъ послѣднихъ вопросахъ мы уже не разъ говорили и вернемся къ нимъ въ ближайшихъ обозрѣніяхъ. Кажется, большаго эгоизма мы, либералы, настаивая прежде и больше всего на народныхъ нуждахъ, до сихъ поръ не обнаруживали. Не хитрость ли это съ нашей стороны? Можетъ ли быть, чтобы лукавые, легкомысленные, невѣжественные либералы были безкорыстны?...

«Докажите противное!»—дѣлаемъ мы вызовъ нашимъ противникамъ.

Нечего говорить, и у насъ существуютъ желанія для самихъ себя, и у насъ находятся потребности, которыя, къ сожалѣнію, еще не составляютъ потребностей народа, но будутъ ими непремѣнно. Такова прежде всего потребность либераловъ въ свободѣ печати. Но намъ мало *фактической* свободы,—мы желаемъ *законной*. Пусть законъ опредѣлитъ, что называется преступленіемъ и проступкомъ печати,—пусть судъ, независимый и коллегіальный, постановитъ приговоръ, — мы преклонимся предъ этимъ приговоромъ. Но необходимо обезпечить насъ отъ произвола администраціи, которая ссылаетъ оправданныхъ по суду. Какъ этого достигнуть?—Мы не видимъ другаго средства, кромѣ учрежденія общественнаго контроля надъ дѣйствіями администраціи. Это учрежденіе не можетъ быть мѣстнымъ, такъ какъ въ кругъ контроля должна войти вся имперія.

Контроль необходимъ и въ государственномъ хозяйствѣ. Мы уже много разъ говорили объ этомъ на страницахъ *Русской Мысли* и считаемъ своею обязанностью говорить до тѣхъ поръ, пока соединенными усиліями правительства и общества не будетъ созданъ у насъ порядокъ, при которомъ сдѣлаются почти невозможными злоупотребленія и расхищенія народнаго достоянія. «Печатное слово, выразился начальникъ Кубанской области, генералъ-лейтентъ Кармалинъ,—это такая сила, которая въ состояніи остановить всякаго человѣка отъ дурнаго дѣла, когда онъ будетъ знать, что можетъ быть изобличенъ печатно». Но для того, чтобы печать пользовалась дѣйствительнымъ вліяніемъ, чтобъ она поднимала нравственное чувство общества, необходима закономъ огражденная свобода не

слова только, но и личности. Что толку, если мое слово признаютъ свободнымъ, а меня самого безъ суда отправятъ въ Мезень, въ Колу, въ Восточную Сибирь?... Наши противники ужасаются, какъ это можно говорить объ ограниченіи власти. Но развѣ требованіе свободы печати, которое заявляетъ, напримѣръ, газета *Русь*, не есть требованіе ограничить власть, и весьма значительно ограничить? Почему провѣрка доходовъ и расходовъ государства, непріятная, быть-можетъ, для нашей бюрократіи, не могла бы быть поручена верховною властью представителямъ земли? Кому и какой именно вредъ могъ бы быть причиненъ подобною провѣркою?... По нашему мнѣнію, неблагопріятныя послѣдствія такого порядка вещей почувствовали бы только лица, расхищавшія казенныя земли въ Уфимской губерніи и ихъ достойные товарищи по другимъ вѣдомствамъ. И мы искренно желаемъ, чтобъ они почувствовали на себѣ, и поскорѣе, тяжелую руку закона, чтобъ открытое обсужденіе бюджета компетентными лицами сбросило съ исторической дороги Россіи Юхонцевыхъ и всѣхъ червонныхъ валетовъ русскаго государственнаго хозяйства.

В. Г.

Какъ наше земство зарождалось и какъ подрастало.

*(Окончаніе *).*

5. *Полеводство.*

Улучшеніе сельскаго хозяйства зависитъ отъ возможно-лучшаго соединенія трехъ разнородныхъ капиталовъ—знанія, денегъ и трудолюбія. Нарощеніе всѣхъ этихъ капиталовъ можетъ совершаться лишь весьма медленно, состоя притомъ въ зависимости отъ множества обстоятельствъ, въ которыхъ земство ни причемъ; поэтому отъ земскаго самоуправленія и нельзя ожидать, чтобъ оно уже успѣло оказать сколько-нибудь существенное *непосредственное* вліяніе на улучшеніе земледѣлія. Достаточно уже того, если земство успѣло обратить вниманіе на этотъ важный предметъ, намѣтивъ при этомъ дорогу, на которой придется идти въ будущемъ. Такова была дѣятельность александровскаго земства, что касается попеченія о полеводствѣ; но мы должны сначала ознакомить читателей съ нѣкоторыми распоряженіями земства, только косвенно касающимися сельскаго хозяйства и тѣмъ не менѣе могущими замѣтно отозваться на экономическомъ благосостояніи края.

Къ такимъ мѣрамъ относимъ мы ходатайство, возбужденное земствомъ только въ 1879 году, очевидно послѣ того, когда самый вопросъ назрѣлъ и сталъ вытекать изъ требованій практической жизни; мы говоримъ о стремленіи земства къ тому, чтобы право вѣдать дѣла и совершать акты по отчужденію недвижимой собственности цѣною не свыше 500 рублей было предоставлено мировымъ съѣздамъ. Управа, служа интересамъ большинства населенія, обратила вниманіе собранія на то, какія непреодолимыя препятствія у насъ встрѣчаетъ землевладѣлецъ, который пожелалъ бы пріобрѣсти мелкій участокъ земли, положимъ, наприм., хоть въ десять десятинъ; между тѣмъ число такихъ лицъ съ году на годъ увеличивается вопреки всѣмъ этимъ препятствіямъ. Продавецъ и покупщикъ должны, для означенной сдѣлки, иногда поѣхать въ крайне отдаленный губернскій

---

*) *Русская Мысль*, мартъ.

городъ, въ которомъ и прожить чуть не цѣлый мѣсяцъ, или передать дѣла повѣреннымъ. Въ первомъ случаѣ обѣ стороны, при самомъ умѣренномъ разсчетѣ, издержатъ по 80 рублей каждая и рублей по 100 во второмъ; значитъ, не говоря уже о крайне высокихъ пошлинахъ, совершеніе купчей крѣпости на имѣніе въ 10 десятинъ, стоющее четыреста рублей, обойдется каждой изъ сторонъ въ 25% цѣны всего имѣнія собственно только изъ-за того, что купчей нельзя совершить на мѣстѣ. Въ виду замѣтнаго въ крестьянахъ стремленія къ пріобрѣтенію земли и въ виду того, что облегченіе перехода поземельной собственности, увеличивая число покупателей, поднимаетъ цѣну на землю и съ этимъ вмѣстѣ и арендную плату, а потому выгодно и для землевладѣльцевъ,—нельзя не пожелать полнаго успѣха ходатайству александровскаго земства. Рядомъ съ этимъ можно поставить, еще въ 1866 году безуспѣшно сдѣланное земствомъ, представленіе о томъ, чтобы не только межевымъ дѣйствіямъ лица, облеченнаго въ оффиціальное званіе «уѣзднаго землемѣра», присвоялось законное, документальное значеніе, но и межевымъ дѣйствіямъ землемѣра, состоящаго при управѣ: не только слишкомъ часто приходится перевѣрять пріобрѣтаемые поземельные участки, но и при покупкѣ мелкихъ участковъ, т. е. не цѣлыхъ дачъ, необходимо всякій разъ отмежевывать ихъ и составлять особые планы; все это до-нельзя затрудняется тѣмъ, что «уѣздный землемѣръ» не въ состояніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ, къ нему обращеннымъ теперь, несмотря на то, что передвиженіе мелкихъ поземельныхъ участковъ, какъ мы видѣли, до-нельзя затруднено.

Но присвоеніе большей авторитетности землемѣрамъ земства имѣетъ и еще ближайшее отношеніе къ полеводству, такъ какъ безъ разбивки полей на правильные лаги невозможно и правильное распредѣленіе полей, а на крайній безпорядокъ въ этомъ отношеніи указывали сами крестьяне въ александровскомъ земскомъ собраніи. Еще въ самомъ началѣ дѣла, 14 лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ государственныхъ крестьянъ указалъ собранію на то, что неурядицею въ посѣвахъ у государственныхъ крестьянъ совершенно уничтожены труды «кадастровой коммиссіи», правильно распредѣлившей земли на угодья. Нѣсколько позже явился докладчикомъ по этому вопросу священникъ, по полномочію отъ крестьянъ, заявляя о томъ, что его прихожане неоднократно и справедливо сѣтовали на то, что ихъ хлѣбъ гибнетъ въ ужасающихъ размѣрахъ отъ сусликовъ собственно потому, что они не засѣваютъ сплошныхъ, сколько-нибудь значительныхъ пространствъ, что очень часто выгонъ, сѣнокосъ и пахатное поле—озимый и яровой посѣвы—у крестьянъ перепутаны. Священникъ докладывалъ собранію, что не разъ мірскія сходки касались этого важнаго вопроса и здраво рѣшали его, но затѣмъ отдѣльные хозяева не обращали никакого вниманія на приговоры, постановленные при ихъ же участіи. Заявленіе священника подтвердили землевладѣльцы и крестьяне, а мировой посредникъ добавилъ, что онъ неоднократно обращалъ вниманіе сельскихъ об-

ществъ на этотъ предметъ, но, къ сожалѣнію, безъ малѣйшаго результата. Собраніе, лишенное всякой возможности принять въ этомъ отношеніи какія-нибудь рѣшительныя мѣры, такъ какъ по закону это значило бы вторгаться въ предметы вѣдомства сословныхъ учрежденій, къ которымъ относится и крестьянское самоуправленіе,—не могло исполнить просьбы докладчика, состоявшей въ томъ, чтобы «правильное полеводство было сдѣлано обязательнымъ для крестьянъ», должно было ограниться лишь тѣмъ, чтобъ обратить вниманіе мировыхъ посредниковъ на этотъ вопросъ. Съ тѣхъ поръ прошло 14 лѣтъ, а дѣло не улучшилось, но значительно ухудшилось.

Впрочемъ уже во время преній по этому существенному вопросу было основательно замѣчено однимъ изъ гласныхъ, что правильное полеводство до чрезвычайности затрудняется огромностію селъ, ведущею къ непомѣрной отдаленности полей отъ усадебъ. Добавимъ къ этому, что въ степной мѣстности, гдѣ помѣщичье хозяйство существуетъ, какъ извѣстно, при помощи хуторовъ, т. е. чрезвычайно мелкихъ поселковъ, государственные крестьяне водворены огромнѣйшими селами въ нѣсколько тысячъ душъ. Такъ какъ было бы несправедливо, чтобъ одному крестьянину, вслѣдствіе благосклонности однажды выпавшаго ему жребія, приходилось всегда производить посѣвъ въ одной верстѣ отъ села, а другому всегда въ восемнадцати верстахъ, — то крестьяне во многихъ селахъ *ежегодно* передѣляютъ *всѣ* пахатные участки. Легко себѣ представить, на сколько усердно пашетъ крестьянинъ доставшуюся ему на одинъ годъ землю, при сознаніи, что на слѣдующій годъ не онъ будетъ ею пользоваться. Что же касается затратъ на улучшеніе почвы, то при такой системѣ полеводства, состоящей въ самой тѣсной зависимости отъ непомѣрной величины многихъ селъ и вызываемой ими отдаленности полей, о нихъ нельзя и помышлять. По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ александровскимъ земствомъ былъ поднятъ вопросъ о необходимости переселенія крестьянъ на ихъ полевыя угодья или, вѣрнѣе сказать, раздробленія слишкомъ крупныхъ селъ при содѣйствіи земства и правительства.

Возбужденіе этого вопроса дѣлаетъ, по нашему мнѣнію, величайшую честь земской управѣ 1879 года, которая заявила собранію, что многіе изъ крестьянъ на столько сознаютъ всю невыгоду настоящаго поселенія. что готовы были бы сейчасъ же покинуть село и выбраться, въ числѣ нѣсколькихъ хозяевъ, въ степь, поближе къ пахатнымъ полямъ своимъ, еслибы только были у нихъ на то средства и представлялась возможность по закону побороть волю сельскаго общества. Чтобъ убѣдить собраніе въ невыгодахъ настоящаго порядка вещей для крестьянина, управа вычисляетъ, во что обходится крестьянину перевозка двухъ копенъ ячменя не за 18 верстъ, а только за 10. Для того, чтобы на волахъ съѣздить за этими двумя копнами за 10 верстъ, нагрузить ихъ и затѣмъ привезти домой, необходимъ цѣлый день въ августѣ мѣсяцѣ, когда происходитъ

возовица, а такая подвода на день стоитъ три рубля въ это время. Допустивъ даже, что каждая копна ячменя дастъ умолоту по цѣлой четверти, стоющей въ нормальный годъ три рубля, и въ такомъ случаѣ окажется, что крестьянину одна *перевозка* такого хлѣба, который онъ можетъ продать за три рубля, обходится въ полтора рубля, а нужно принять въ расчетъ еще работу — посѣвъ, уборку хлѣба и молотьбу его. Великъ ли въ такомъ случаѣ будетъ доходъ крестьянина?... Что же дѣлаютъ крестьяне? Всегда ли они хозяйничаютъ въ убытокъ, очертя голову?—Нѣтъ. Мы восхищаемся тѣмъ, что крестьяне всѣ надѣлены землей, а они часто бросаютъ слѣдующіе имъ отъ общества въ 18-ти-верстномъ разстояніи полевые надѣлы, или сдаютъ ихъ въ аренду за безцѣнокъ, а сами платятъ въ-три-дорога за гораздо худшую землю, но поближе къ селу. Для того, чтобы пособить этому горю, собраніе, согласившись съ управой, ходатайствовало о томъ, чтобы сельское общество, въ случаѣ заявленія десятью домохозяевами желанія выселиться въ особый хуторъ въ степи, обязано было выдѣлить имъ необходимое на то пространство земли, сообразно съ принадлежащими имъ поземельными надѣлами, и чтобы губернскому земству было разрѣшено оказать переселенцамъ безпроцентную ссуду изъ страховаго капитала на десять лѣтъ, не свыше 120 рублей на дворъ, для переноса жилья и устройства колодцевъ или пруда, если крестьяне не предпочтутъ получить безвозвратное денежное пособіе въ 40 рублей. Лучшимъ доказательствомъ хозяйственной цѣлесообразности поселенія крестьянъ немноголюдными селами служитъ то, по справедливому указанію управы, что нѣмецкіе колонисты, покидая свои колоніи для поселенія на пріобрѣтенныхъ имя земляхъ, избѣгаютъ селиться слишкомъ многолюдными обществами, а иногда поселяются даже такъ, что каждый хозяинъ живетъ въ центрѣ своего поземельнаго участка.

Изъ мѣръ Александровскаго уѣзда, могущихъ отозваться непосредственно на земледѣліи, мы можемъ указать только на то, что, благодаря ходатайству земскаго собранія, министерство государственныхъ имуществъ обязалось отводить казенную землю лицамъ, которыя пожелали бы заняться воздѣлываніемъ винограда, культура котораго существуетъ пока только въ немногихъ садахъ уѣзда, но успѣла доказать, что въ малыхъ размѣрахъ, при условіи укрыванія винограда на зиму, она можетъ приносить значительную выгоду, какъ не страдающая отъ степныхъ засухъ. Такое ходатайство возникло вслѣдствіе заявленія тремя крестьянами изъ малороссовъ желанія заняться этимъ дѣломъ.

Еще въ 1869 г. земствомъ разосланъ во всѣ школы уѣзда «Популярный курсъ земледѣлія» Соковнина для того, чтобы поднять сельскохозяйственный уровень самихъ жителей и тѣмъ оказать посильную услугу народу. Но мы не можемъ не пожалѣть о томъ, что земское собраніе 1871 года отнеслось съ излишнею, кажется намъ, робостію и нерѣшительностію къ чрезвычайно полезному проекту управы открыть при ней

складъ земледѣльческихъ орудій, цѣною не свыше 500 рублей каждое, преимущественно для крестьянъ и мелкихъ землевладѣльцевъ; послѣдніе часто, для пріобрѣтенія улучшеннаго плуга, стоющаго 80 рублей, должны издержать на поѣздку въ отдаленный губернскій городъ и за доставку этого орудія чуть не половину стоимости его, если принять въ разсчетъ убытки по хозяйству во время отсутствія хозяина. Разсчитывая на то, что фабриканты охотно дадутъ свои издѣлія на комиссію, управа проектировала на этотъ предметъ самый незначительный расходъ со стороны земства. Намъ кажется, что не только слѣдовало согласиться съ предположеніями управы, но и пойти дальше: пріобрѣтая *исключительно* дешевыя улучшенныя орудія, доступныя средствамъ и размѣрамъ крестьянскаго хозяйства, продавать ихъ лицамъ владѣющимъ не болѣе 20 десятинами земли съ разсрочкою на 10 лѣтъ; за такую мѣру, вполнѣ доступную тѣмъ земствамъ, у которыхъ, подобно александровскому, какъ мы тотчасъ же увидимъ, накопились капиталы отъ штрафовъ за истребленіе сусликовъ, народъ сказалъ бы искреннее спасибо.

6. Истребленіе вредныхъ для земледѣлія животныхъ.

Говоря о врагахъ земледѣльца, истребляемыхъ земствомъ, начнемъ съ суслика или овражка, этого чрезвычайно быстро размножающагося грызуна, по величинѣ и наружному виду напоминающаго крысу, который до борьбы съ нимъ земства, живя въ безчисленномъ множествѣ норъ, владѣлъ полями и другими угодьями нашего отечества на всемъ пространствѣ на югъ отъ Курска. Для того, чтобы заинтересовать вопросомъ объ истребленіи этого животнаго и тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые не только никогда не видѣли того, какъ отъ работы сусликовъ не остается на нивѣ *ни стебелька*, но которые и съ любимою пищею суслика, пшеницею, знакомы только по трехкопѣечной булкѣ, покупаемой у булочника, мы начнемъ *съ конца* и скажемъ, что за первыя пять лѣтъ существованія александровскаго земства, заставшаго *милліоны* сусликовъ, ихъ истреблено въ одномъ уѣздѣ 15.060.618 штукъ. При этомъ васъ можетъ поражать, читатель, не только огромность количества истребленныхъ овражковъ, но даже и самая *точность* вычисленія. Прошу васъ вполнѣ вѣрить въ точность этой цифры, такъ какъ изъ дальнѣйшаго вы сами убѣдитесь въ томъ, что самоуправленію доступна точность даже въ такомъ сложномъ, по мелочности, вопросѣ, какъ счетъ овражковыхъ хвостовъ, которые представляются населеніемъ въ управу, какъ доказательство исполненной имъ обязанности, возложенной на него земствомъ. Читатель убѣдится въ томъ, какіе обширные и въ то же время мелкіе вопросы подъ силу самоуправленію, когда ознакомится съ организаціей, принятою для истребленія сусликовъ; теперь же мы приглашаемъ его вдуматься въ то, сколько спасено имущества тѣмъ, что съ 1866 по 1870 годъ истреблено 15.060.618 сусликовъ, не говоря уже о томъ, что и съ 1870 года,

за послѣднія десять лѣтъ, ихъ истреблено значительно больше 10 милліоновъ. Допустимъ, что изъ 15 милліоновъ, истребленныхъ за пять лѣтъ земствомъ, только половина истреблена на пахатныхъ поляхъ, такъ какъ суслики водились въ невѣроятномъ количествѣ и на выгонахъ, близъ поселковъ; допустимъ далѣе, что каждый сусликъ истребитъ хлѣбъ только на пространствѣ 24 квадратныхъ саженъ и что, слѣдовательно, каждые сто сусликовъ истребятъ только одну десятину хлѣба,—и при такихъ, *въ высшей степени умѣренныхъ*, разсчетахъ окажется, что суслики, пойманные за пять лѣтъ, только на пахатныхъ поляхъ Александровскаго уѣзда истребили бы, еслибы предоставить имъ жить, *семьдесятъ пять тысячъ* десятинъ, засѣянныхъ хлѣбомъ. Если предположить далѣе, что на десятинѣ уродилось бы, считая всѣ хлѣба, даже такіе многоплодные, каковы овесъ и просо, только по три четверти круглымъ счетомъ, то-есть что предстоялъ бы урожай ниже средняго, то и въ такомъ случаѣ суслики, хвосты которыхъ за пять лѣтъ представлены въ управу, истребили бы 225 тысячъ четвертей хлѣба, на сумму никакъ не менѣе *полутора милліоновъ рублей*,—по крайней мѣрѣ на такую же сумму, принимая въ разсчетъ возвысившіяся цѣны, спасено земствомъ хлѣба и въ послѣднія десять лѣтъ. Значитъ, *по самымъ умѣреннымъ* разсчетамъ, земствомъ *одного* уѣзда только истребленіемъ сусликовъ сохранено для уѣзда никакъ не менѣе *трехъ милліоновъ* рублей. Зная все это, читатель пойметъ, что на вопросѣ объ истребленіи сусликовъ стоитъ остановиться повнимательнѣе тому, кто задумалъ провѣрить силу учрежденія по результатамъ, какихъ оно можетъ достигать.

До введенія земскихъ учрежденій въ Александровскомъ уѣздѣ суслики истреблялись нѣмецкими колонистами уѣзда и вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ; но только на колоніяхъ уѣзда сколько-нибудь отзывались результаты борьбы съ тѣмъ грызуномъ, которому южное земство обязано своимъ пробужденіемъ, который открылъ намъ глаза на себя самихъ и далъ намъ познать силу самоуправленія на первыхъ же порахъ существованія земскихъ учрежденій. Наканунѣ закрытія первой сессіи земскаго собранія получено отношеніе екатеринославскаго губернатора, который обращалъ вниманіе на истребленіе сусликовъ, но указывалъ исключительно на мѣры, падавшія на одни *податныя сословія* уѣзда. Земское собраніе, принимая во вниманіе эту не земскую точку зрѣнія администраціи, отказалось обсуждать сообщеніе ея по существу, тѣмъ болѣе, что вопросъ уже былъ рѣшенъ имъ *не* въ сословномъ, но въ *земскомъ* духѣ еще раньше того дня, когда о немъ высказалась администрація. Несмотря на то, что первая сессія земскаго собранія происходила 6-го апрѣля, во время посѣва, въ самое неблагопріятное для истребленія сусликовъ время, земство успѣло уже за эту *первую весну* истребить до *двухъ милліоновъ* сусликовъ.

Нѣкоторые изъ гласныхъ предлагали ограничиться ассигновкою суммы денегъ на уплату за всякаго убитаго овражка, но большинство нашло та-

кой способъ дѣйствія недостаточно энергичнымъ и пришло къ заключенію, что необходимо потребовать отъ всего населенія уѣзда, крестьянъ и землевладѣльцевъ, представленія извѣстнаго числа убитыхъ сусликовъ, а для удобства—хвостовъ ихъ, отъ каждой десятины земли, состоящей во владѣніи каждаго собственника. Возраженіе, что справедливѣе было бы обложить однѣ пахатныя земли и что могутъ оказаться такіе участки земли, на которыхъ вовсе нѣтъ сусликовъ, было устранено тѣмъ, что и помимо ихъ есть множество доходныхъ земель, изобилующихъ овражками, и что еслибы могли встрѣтиться немногіе участки, свободные отъ овражковъ, то владѣльцамъ ихъ легко было бы найти ихъ у сосѣдей. Короче сказать, земское собраніе пришло къ заключенію, что необходимо всю землю уѣзда, безъ всякаго изъятія, обложить доставленіемъ извѣстнаго числа овражковыхъ хвостовъ отъ десятины.

Но тутъ явился вопросъ, какъ совершить *справедливую* и по возможности *равно обременительную* раскладку этого налога, на сколько налогомъ возможно вообще называть обязательное дѣйствіе на пользу общую. Вотъ при этомъ-то случаѣ и выработалось *регрессивное* распредѣленіе овражковой повинности, о которомъ мы уже упоминали въ первой статьѣ. Предварительное обсужденіе вопроса было поручено комиссіи изъ 18 гласныхъ, въ составъ которой вошли 9 гласныхъ изъ землевладѣльцевъ, 8 гласныхъ изъ крестьянъ и одинъ священникъ, и столь осторожно въ сословномъ отношеніи составленная комиссія пришла къ *единогласному* заключенію, что, по мѣрѣ *возрастанія* землевладѣнія, необходимо *понижать* «овражковую норму», то-есть количество обязательно отъ каждой десятины доставляемыхъ убитыхъ овражковъ. *Крестьяне* настойчиво доказывали въ собраніи, что такъ какъ засѣваемыя ими пространства несравненно мельче полей, засѣваемыхъ землевладѣльцами, то на первыхъ и овражковъ несравненно больше, не говоря уже о легкости истребленія ихъ на выгонахъ, близъ села. Само по себѣ понятно также, что чѣмъ легче добыть сусликовъ и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ и добываніе ихъ обходится дешевле. Отсюда слѣдуетъ, что еслибы, напримѣръ, потребовать отъ землевладѣльца тысячи десятинъ доставленія десяти тысячъ убитыхъ овражковъ, то такое требованіе могло бы оказаться не только обременительнымъ, но и неисполнимымъ; между тѣмъ какъ если въ той же пропорціи обязать крестьянина къ доставленію сорока овражковъ отъ четырехдесятиннаго душеваго надѣла, то для крестьянина такая обязанность не только не превратится въ неисполнимую, или обременительную, денежную повинность, но крестьянская семья легко за одинъ день «вылъетъ» *) все требуемое количество овражковъ. Крестьяне

*) Въ нору льютъ воду до тѣхъ поръ, пока овражекъ изъ нея станетъ выходить; тогда его убиваютъ, а отсѣченный хвостъ сохраняютъ, для представленія въ управу.

такъ убѣдительно говорили въ собраніи въ пользу регрессивности этой повинности, справедливо находя къ тому же, что чѣмъ болѣе кто истребитъ сусликовъ на своихъ поляхъ, тѣмъ болѣе ему же самому отъ того будетъ и пользы,—что землевладѣльцы, въ виду неосуществимости равнаго распредѣленія овражковой подесятинной нормы, также пришли къ заключенію о необходимости *регрессивнаго* распредѣленія овражковой повинности. Такимъ образомъ постановленіе о необходимости понижать овражковую норму, по мѣрѣ увеличенія землевладѣнія, состоялось *единогласно*. Оставалось лишь выработать таблицу для возможно болѣе правильнаго пониженія овражковой нормы по мѣрѣ увеличенія землевладѣнія; такая таблица и была составлена однимъ изъ гласныхъ. По этой таблицѣ, утвержденной собраніемъ, землевладѣнія отъ 1 до 50 десятинъ должны были доставлять ежегодно по 200 овражковъ каждое, или по 4 оврашка съ десятины; затѣмъ отъ землевладѣній въ 51 до 150 десятинъ требовать тѣ же 200 овражковъ съ первыхъ 50 десятинъ, но на остальныя 100 десятинъ надбавлялось всего по $1^1/_{10}$ оврашка съ десятины, что, при округленіи цифры, и составляло всего 300 овражковъ отъ землевладѣній этой нормы. Наконецъ, всѣ землевладѣнія уѣзда распредѣлялись еще на десять нормъ землевладѣнія, при чемъ для каждой изъ нихъ норма истребленія овражковъ понижалась на $^1/_{10}$ оврашка съ каждой прибавившейся, сравнительно съ предыдущею нормою землевладѣнія, десятины земли. Постепенно понижая норму, эта *регрессивная таблица*, утвержденная собраніемъ, требовала съ землевладѣнія отъ 12.001 до 16.000 десятинъ доставленія 5.095 (т. е. 5.100) овражковъ. Еслибъ обложить землевладѣльца въ 16.000 десятинъ не по регрессивной таблицѣ, но тѣми же 4 оврашками, которыми по таблицѣ облагалось землевладѣніе въ 50 десятинъ, какъ мы видѣли, то крупному землевладѣльцу пришлось бы доставлять ежегодно въ управу по 64.000 овражковыхъ хвостовъ и дѣло было бы, очевидно, доведено до абсурда, до чего оно и могло легко бы дойти въ кабинетѣ, но до чего не допустила его жизненная сила земства.

Дальнѣйшая судьба этого регрессивнаго распредѣленія овражковой повинности видоизмѣнялась также сообразно съ жизнію; по мѣрѣ уменьшенія овражковъ въ уѣздѣ, земство понижало и норму ихъ истребленія для всѣхъ видовъ землевладѣнія, а въ 1879 году отмѣнена и самая *регрессивность* распредѣленія подесятинной овражковой нормы,—на столько измѣнились обстоятельства въ уѣздѣ. Оказалось, что землевладѣльцы представляютъ въ управу несравненно болѣе овражковъ, чѣмъ отъ нихъ требуютъ, и, согласно постановленію собранія, получаютъ отъ земства деньги за излишне истребленныхъ овражковъ. Это объясняется тѣмъ, что большая часть *крупныхъ* землевладѣній перешла въ руки арендаторовъ, а потому разбилась на *мелкіе* участки, легкость истребленія овражковъ на которыхъ и побудила первоначально собраніе увеличить для мелкихъ

землевладѣній подесятинную овражковую норму. По этимъ соображеніямъ земство, непрерывно почерпая свои силы изъ жизни и современной дѣйствительности, въ 1879 году, отмѣнивъ регрессивность истребленія сусликовъ, обязало все населеніе уѣзда къ представленію по $1^1/_2$ суслика съ каждой десятины, вслѣдствіе чего общее количество убиваемыхъ во всемъ уѣздѣ сусликовъ оставалось безъ измѣненія; при этомъ назначено по 3 к. штрафа за всякаго неистребленнаго суслика и по 2 коп. награды за всякаго излишне истребленнаго.

Не легко было добиться земству права облагать населеніе штрафомъ за неистребленіе сусликовъ, безъ котораго самая обязательность истребленія, оказавшаяся на столько спасительною, превратилась бы въ пустой звукъ, въ такое же истребленіе сусликовъ чернилами или циркулярами, какое практиковалось до открытія земскихъ учрежденій. Въ этомъ отношеніи александровскому земству приходилось первому пролагать путь въ цѣлой Россіи.

Въ теченіе цѣлыхъ *трехъ лѣтъ* александровскому земству пришлось истреблять сусликовъ не только при отсутствіи всякаго содѣйствія со стороны мѣстной администраціи, но вопреки прямому противодѣйствію бывшаго въ то время екатеринославскаго губернатора. Но мы не станемъ возвращаться къ тѣмъ страннымъ дѣйствіямъ начальника губерніи, о которыхъ мы уже упоминали въ первой статьѣ, говоря объ отношеніи администраціи къ земству. Констатируя фактъ, что самоуправленіе устояло и настояло на возможности уничтожать враговъ земледѣлія, сусликовъ, мы напомнимъ читателю только о томъ, что на третій годъ многострадальной дѣятельности александровскаго земства по этому вопросу послѣдній былъ рѣшенъ въ законодательномъ порядкѣ въ пользу земства, но и при этомъ случаѣ въ обязательный для земства законъ вошло распоряженіе, крайне стѣснительное на практикѣ, на которое тотчасъ же было обращено вниманіе александровскимъ земствомъ. По закону, постановленія *уѣздныхъ* земскихъ собраній объ истребленіи сусликовъ представляются на утвержденіе *губернскаго* земскаго собранія, которое представляетъ свое заключеніе министру внутреннихъ дѣлъ, имѣющему право въ теченіе двухъ мѣсяцевъ возразить на постановленіе губернскаго земскаго собранія. Изъ этого прямо слѣдуетъ, что, въ случаѣ согласія губернскаго земства съ уѣзднымъ, губернская управа обязана выжидать ежегодно по крайней мѣрѣ 15 февраля для того, чтобы считать постановленіе объ истребленіи сусликовъ утвержденнымъ министромъ; между тѣмъ весна въ южной Россіи нерѣдко наступаетъ именно въ эту пору и всѣ распоряженія объ истребленіи сусликовъ управа должна сдѣлать непремѣнно въ январѣ, тѣмъ болѣе, что съ 15 февраля недѣли на двѣ прекращаются всякія сообщенія изъ-за разлитія рѣкъ и что чѣмъ раньше весною истреблять овражковъ, пока еще не успѣли появиться первые дѣтеныши, тѣмъ выгоднѣе для дѣла. Что же будетъ, если министръ не согласится съ постановленіемъ

губернскаго собранія?—Въ такомъ случаѣ въ мартѣ состоятся экстренныя уѣздныя собранія, а въ апрѣлѣ—экстренное губернское, для обсужденія отзыва министра, и затѣмъ придется вновь выжидать *два мѣсяца* отзыва министра, не приводя постановленій въ исполненіе; такимъ образомъ земство доживетъ до іюня мѣсяца, къ какому времени хлѣба уже будутъ на столько истреблены сусликами, что нечего будетъ и убирать. Принимая во вниманіе всѣ эти вопіющія неудобства, уѣздное земство ходатайствовало о томъ, чтобы было разрѣшено—постановленія уѣздныхъ собраній объ истребленіи сусликовъ представлять, помимо губернскаго собранія, непосредственно въ министерство, для выигрыша времени. Но на это послѣдовалъ отказъ со стороны министерства съ приведеніемъ такого мотива, который трудно понять: министерство внутреннихъ дѣлъ пояснило, что просимый уѣзднымъ земствомъ порядокъ несогласенъ съ порядкомъ, установленнымъ въ законѣ, разрѣшившемъ земству введеніе обязательнаго истребленія сусликовъ. Но потому. только и было основаніе къ *ходатайству*, что была желательна отмѣна стѣснительныхъ распоряженій закона; если же лишить земство права указывать въ ходатайствахъ на неудобства, узаконенныя распоряженіемъ высшей власти, то во что же обратится право ходатайства земства и какая косность, какой застой станутъ удѣломъ нашего законодательства?

Но, какъ бы то ни было, министерство внутреннихъ дѣлъ не дало хода означенному ходатайству земства, которому рѣшительно не везло въ вопросѣ объ истребленіи сусликовъ. Такъ, еще весною 1866 г. гласные просили о предоставленіи земству права обложить штрафомъ *за неистребленіе* сусликовъ, а штрафъ разрѣшенъ только *чрезъ два съ половиною года*; до тѣхъ же поръ въ народѣ, которому крайне трудно было разобраться въ юридическихъ тонкостяхъ протестовъ губернатора и жалобъ на него собранія, настойчиво ходилъ слухъ о томъ, что «губернаторъ запрещаетъ истреблять сусликовъ», а министерство внутреннихъ дѣлъ сдѣлало все, что отъ него зависѣло, чтобы только не допустить ходатайство александровскаго земства объ установленіи штрафа до его осуществленія. Такъ министерство, внося постановленіе уѣзднаго собранія на разсмотрѣніе губернскаго, высказывало цѣлый рядъ доводовъ противъ наложенія штрафовъ за неистребленіе сусликовъ; но, къ счастію, губернское земское собраніе не вняло этимъ доводамъ и на этотъ разъ поддержало александровское земство, встрѣтившее затѣмъ, какъ мы уже говорили, защиту и въ самомъ законѣ.—И при такихъ-то обстоятельствахъ удалось земству истребить за первыя пять лѣтъ болѣе 15 милліоновъ сусликовъ. Но еще несравненно значительнѣе были въ первые годы недоимки по доставленію населеніемъ убитыхъ овражковъ; съ тѣхъ поръ, какъ установленъ штрафъ за неистребленіе, дѣло пошло еще гораздо лучше, но тѣмъ не менѣе недоимки, при всей ничтожности штрафа за всякаго неистребленнаго, изъ обязательной къ истребленію нормы, овражка

(всего по 1 коп.), на столько еще бывали значительны, что къ 1 іюля 1880 года въ рукахъ уѣзднаго земства сосредоточился «овражковый капиталъ» въ 117.847 руб. 15 коп. По закону, онъ, къ сожалѣнію, предназначенъ почему-то *исключительно* для истребленія вредныхъ животныхъ, а не на экономическія нужды уѣзда вообще. Мы затрудняемся понять, какъ согласуется подобное ограниченіе земства въ спеціально-хозяйственномъ вопросѣ съ «самостоятельностію», предоставленною ему по закону.

Ознакомившись до сихъ поръ съ принципами, положенными земствомъ въ основаніе своей дѣятельности по истребленію вредныхъ животныхъ, съ результатами послѣдней и встрѣченными ею препятствіями, мы скажемъ еще нѣсколько словъ и о самой организаціи этой борьбы съ сусликами, такъ какъ одну изъ существеннѣйшихъ выгодъ самоуправленія и составляетъ возможность вникнуть въ самыя мелкія подробности дѣла и настоять на исполненіи ихъ. Къ тому же, поступая такимъ образомъ, мы думаемъ, что удовлетворяемъ весьма естественному любопытству читателя, который, быть-можетъ, уже не разъ до сихъ поръ предлагалъ себѣ вопросъ: *какими мѣрами* земство добилось такого громаднаго результата, какъ спасеніе посѣвовъ на нѣсколько милліоновъ рублей. Уѣздъ былъ раздѣленъ на 20 участковъ, изъ которыхъ во главѣ каждаго былъ поставленъ особый, земскимъ собраніемъ избранный, «овражковый попечитель». Въ числѣ первыхъ 20 попечителей избраны собраніемъ 12 крестьянъ, и всѣ они дѣйствовали весьма успѣшно по истребленію сусликовъ и безъ всякаго вознагражденія до 1876 года, когда, къ сожалѣнію, постановлено собраніемъ выдавать имъ денежное вознагражденіе изъ овражковаго сбора. Мы сожалѣемъ объ этомъ, такъ какъ если земство должно оплачивать и двухнедѣльный трудъ каждаго изъ участвующихъ въ общественномъ дѣлѣ лицъ, то самоуправленіе должно стать экономически несостоятельнымъ. Все населеніе должно было свезти слѣдующее отъ каждаго число овражковыхъ хвостиковъ не позже 1 апрѣля въ извѣстные пункты, указанные управой въ каждомъ участкѣ, гдѣ «овражковые попечители» считали всѣ представленные хвостики и отправляли ихъ въ управу, при отношеніи, въ которомъ показывалось, сколько именно представлено каждымъ овражковыхъ хвостовъ, для того, чтобъ управа могла вычислить для каждаго «овражковую недоимку» и перевести ее на деньги, считая по 1 коп. за всякаго недоистребленнаго овражка. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ стали требовать, какъ доказательствъ истребленія, овражковыхъ лапокъ, въ другихъ—овражковыхъ шкурокъ, а въ третьихъ—овражковыхъ хвостовъ, то оказалась возможность одного и того же убитаго овражка распредѣлить на три уѣзда, а потому александровское земство снеслось съ послѣдними уѣздами и достигло того, чтобы вездѣ требовали представленіе только овражковыхъ хвостовъ, какъ доказательствъ истребленія овражковъ. Въ обязанность «овражковыхъ попечителей» входило и освидѣтельствованіе во-время тѣхъ землевладѣній, на которыхъ, по заявленію собственниковъ,

вовсе нѣтъ овражковъ или ихъ до чрезвычайности мало; въ такомъ случаѣ могло послѣдовать освобожденіе такого землевладѣльца вполнѣ или частію отъ штрафа за недоистребленныхъ имъ овражковъ. Лица, истреблявшія сусликовъ *раньше* извѣстнаго срока, имѣли право на истребленіе ихъ по пониженной нормѣ. Самый штрафъ впослѣдствіи установленъ собраніемъ въ *прогрессивномъ* размѣрѣ, т. е. чѣмъ меньшею нормой истребленія облагалось землевладѣніе въ виду увеличивающагося, съ возрастаніемъ землевладѣнія, стоимостію суслика, тѣмъ *большимъ* облагался штрафомъ всякій недоистребленный сусликъ. — Мы не можемъ вдаваться въ еще большія подробности и полагаемъ, что и сказаннымъ выяснено, что только самоуправленію могла быть подъ силу такая всесторонняя и добросовѣстная разработка вопроса.

Говоря объ истребленіи вредныхъ животныхъ александровскимъ земствомъ, мы только вскользь упомянемъ о томъ, что имъ разсматривается проектъ правилъ объ истребленіи саранчи, составленный земствомъ Ростовскаго уѣзда, которому приходится вести борьбу и съ этимъ животнымъ, щадившимъ въ послѣднее время Александровскій уѣздъ. Но, имѣя задачею — изслѣдованіе только одного уѣзда, мы перейдемъ непосредственно къ мѣрамъ Александровскаго земства по истребленію хлѣбнаго жука (anisoplia austriaca). Но объ этомъ, къ несчастію, можно сказать лишь весьма мало, кромѣ того, что александровское земство обратило вниманіе на этотъ вопросъ цѣлыхъ *девять лѣтъ раньше*, чѣмъ заговорила о немъ вся Россія въ печати: еще въ 1870 г., когда хлѣбныхъ жуковъ было еще относительно немного, александровское земство постановило выплачивать по 3 рубля за каждый четверикъ истребленнаго жука и выдать тысячу рублей преміи за изобрѣтеніе такого способа истребленія жука, который оказался бы примѣнимымъ, при введеніи обязательнаго истребленія жука земствомъ. Но эти распоряженія земства на практикѣ не дали никакого результата, между тѣмъ жуки стали размножаться въ ужасающихъ размѣрахъ. Въ 1876, 1877 и 1879 гг. земство испытывало машины для собиранія жуковъ, не щадя затратъ на этотъ предметъ, но и эти мѣры ни къ чему не повели. Въ 1879 г. управа, указывая на полное безсиліе земства въ этомъ отношеніи, при крайней малонаселенности уѣзда, предлагала ходатайствовать предъ правительствомъ о высылкѣ войскъ для собиранія жуковъ руками на тѣ 20 дней, когда жуки существуютъ въ наибольшемъ количествѣ, и о созывѣ общаго съѣзда всѣхъ заинтересованныхъ земствъ южной Россіи. Едва ли теперь возможно и придумать что-либо болѣе раціональное, какъ ни первобытенъ способъ собиранія жуковъ руками. Сгонять ихъ канатомъ съ нивы значитъ хоть сколько-нибудь спасать свой собственный посѣвъ только на этотъ годъ и губить посѣвъ сосѣда, если послѣдній бездѣйствуетъ; но это не значитъ *истреблять* жука: канатъ, какъ *палліативъ*, на столько неизбѣжное и сподручное средство, что когда послѣдовало, по закону, воспрещеніе прибѣгать къ этому способу, то въ Александровскомъ

уѣздѣ бывали случаи, что крестьяне, желая избѣжать штрафа, привязывали себѣ канатъ къ ногамъ и такимъ образомъ ходили по нивѣ, а иногда и открыто сопротивлялись всякой попыткѣ не дозволить примѣненіе каната. Еслибы по отношенію къ хлѣбнымъ жукамъ земству удалось дѣло хоть на половину того, какъ оно успѣло въ истребленіи сусликовъ, то было бы чему порадоваться; но разница великая тутъ въ томъ, что въ эпоху открытія земскихъ учрежденій уже было извѣстно, что вода составляетъ лучшее средство, чтобы вынудить овражка выйти изъ своей норки въ такомъ ошеломленномъ состояніи, что его легко взять руками; средство же къ истребленію иногда чрезвычайно глубоко зарывающихся личинокъ хлѣбныхъ жуковъ или къ собиранію жуковъ большими массами еще не найдено и составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ не только земскихъ учрежденій, но и правительства.

7. *Скотоводство.*

Дѣятельность александровскаго земства на пользу скотоводства уѣзда была преимущественно направлена къ улучшенію коневодства, какъ отрасли хозяйства, значительно упавшей въ степной полосѣ Россіи въ послѣднее время. Мы можемъ указать также на попытку земства содѣйствовать къ улучшенію тонкоруннаго овцеводства въ уѣздѣ, какъ нуждающемся въ постоянномъ обновленіи крови, что не достигается крайне шарлатанскою продажей племенныхъ барановъ на ярмаркахъ. Что же касается разведенія рогатаго скота, то, въ виду того, что край еще обладаетъ прекрасною породой украинскаго скота, дѣятельность земства, какъ увидимъ, была направлена исключительно къ сохраненію существующаго.

Въ 1873 г. управа справедливо обратила вниманіе собранія на то, что «нѣстныя лошади, годныя къ работѣ, совершенно выродились» и что на ярмаркахъ продаются «не лошади, а какія-то подобія лошадей»; между тѣмъ еще 15 лѣтъ тому назадъ почти у каждаго землевладѣльца были табуны лошадей, славившихся правильностію склада. Въ то же время погоня за возможно болѣе обширными, хотя бы и крайне небрежно произведенными, посѣвами побуждаетъ крестьянъ замѣнять обработку полей волами—работою лошадей. Употребленіе воловъ вытѣсняется работою на лошадяхъ и потому, что понизилась состоятельность крестьянина, у котораго можетъ стать средствъ на покупку одной лошади, чтобы запречь ее въ соху и кое-какъ бороздить до истощенія уже перепаханную землю, но не хватитъ подъ-часъ средствъ на покупку пары воловъ и даже на выращеніе нѣсколькихъ паръ воловъ, необходимыхъ для работы плугомъ. Въ виду такой потребности въ лошадяхъ и въ улучшеніи существующаго въ уѣздѣ коневодства, собраніе, согласившись съ управой, постановило, принявъ на свой счетъ приводъ 15 жеребцовъ государственнаго коннозаводства и содержаніе ихъ на время случки, просить правительство о предоставленіи земству въ пользованіе показаннаго числа про-

изводителей, которыхъ распредѣлить по тремъ пунктамъ уѣзда. Но и при этомъ опять оказалось свое «но», отъ земства не зависящее: не говоря уже о томъ, что на породы *рабочихъ* лошадей нашимъ государственнымъ коннозаводствомъ обращено до сихъ поръ лишь весьма мало вниманія; не говоря о томъ, что на первый разъ отпущенные жеребцы были признаны населеніемъ прямо негодными, а впослѣдствіи высылавшіеся неудовлетворительными,—государственное коннозаводство не пожелало почему-то предоставить земству расходъ по содержанію жеребцовъ, но, оставивъ его за собою, потребовало платы за каждую случку, между тѣмъ какъ земство разсчитывало, что ею воспользуется населеніе безвозмездно. Вслѣдствіе всѣхъ перечисленныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, населеніе воспользовалось приводимыми ежегодно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, жеребцами лишь въ незначительной степени, несмотря на то, что земство приняло на свой счетъ уплату половины таксы за случку *крестьянскихъ* кобылъ. Въ 1877 г., напримѣръ, удалось управѣ получить изъ 12 жеребцовъ *4 рабочихъ* и тѣмъ не менѣе на всѣхъ трехъ случныхъ пунктахъ, устроенныхъ земствомъ, случено всего 98 кобылъ, вмѣсто 500 и даже болѣе, которыя могли бы быть допущены къ случкѣ.

Однимъ изъ гласныхъ было предложено собранію устройство *земской* племенной овчарни на началахъ, выработанныхъ полтавскимъ обществомъ сельскаго хозяйства. По этому проекту овчарня изъ 500 чистокровныхъ матокъ «негретти» съ соотвѣтствующимъ количествомъ барановъ должна была возникнуть на 40 тысячъ рублей, собранные съ овцеводовъ уѣзда, которые разобрали бы 200 паевъ, въ 200 рублей каждый, съ тѣмъ, чтобы, начиная съ третьяго года со дня открытія овчарни, получать изъ овчарни на каждый пай ежегодно, безвозмездно, въ свою собственность по одному чистокровному барану или въ замѣнъ его по 3 ягницы или 5 бракованныхъ матокъ. По прошествіи 12 лѣтъ пайщики, уже щедро вознагражденные, въ видѣ выданныхъ имъ племенною овчарнею животныхъ, за уплату по паямъ и проценты на капиталъ, должны были лишиться своихъ паевъ, а вся овчарня должна была сдѣлаться *собственностію земства*, которое такимъ образомъ должно было пріобрѣсти ее безъ всякой затраты и съ огромною пользой для населенія, такъ какъ, независимо отъ результатовъ для овцеводства пайщиковъ, все населеніе, по проекту, должно было имѣть право на безплатное обученіе въ племенной овчарнѣ сортировщиковъ и оспопрививателей. Земское собраніе, поручивъ разсмотрѣніе вопроса особой коммиссіи, пришло къ заключенію, что тутъ нельзя обойтись безъ того, чтобы ходатайствовать о предоставленіи земству участка казенной земли подъ племенную овчарню, но что прежде всего необходимо, чтобъ осуществилось самое общество пайщиковъ для уплаты по 200 паямъ; поэтому собраніе, напечатавъ самый проектъ при протоколахъ, для бо́льшаго распространенія его, обѣщало въ постановленіи свое содѣйствіе въ будущемъ. Но, къ сожалѣнію, общество учредителей племенной овчарни

не состоялось и потому благія начинанія земства въ этомъ отношеніи ни къ чему пока еще не привели.

Желая охранять существующее въ уѣздѣ скотоводство, земство обратило вниманіе на ветеринарію, на мѣры противъ заразительныхъ скотскихъ болѣзней и на прекращеніе невѣроятно распространеннаго на югѣ Россіи ското-и конокрадства. Населеніе на столько страдаетъ отъ скотскихъ падежей, что уже въ самый годъ открытія земскихъ учрежденій однимъ изъ гласныхъ было составлено въ высшей степени удобопонятное наставленіе о томъ, какъ при помощи самыхъ незначительныхъ средствъ предупреждать въ селахъ заболѣваніе животныхъ гигіеническими мѣрами и какъ внутреннимъ карантиномъ въ селѣ и внѣшнимъ карантиномъ, для разобщенія зараженнаго села съ незараженными, оберегать здоровый скотъ отъ заболѣванія. Эта записка была напечатана на счетъ земства Александровскаго уѣзда и разослана во всѣ волости; но во время преній по этому вопросу уже выяснилось, что не одни крестьяне, но и интеллигенція края не довѣряетъ ветеринаріи, или, вѣрнѣе сказать, ея представителямъ въ Россіи. Впослѣдствіи взглядъ на это дѣло однако измѣнился и въ 1873 г. собраніемъ постановлено пригласить одного ветеринарнаго врача и одного ученаго коновала. Земство отпускало крестьянамъ лѣкарства для скота безплатно и въ 1878 г. управа отзывалась весьма хорошо объ успѣхахъ ветеринара и, на сколько возможно судить по вѣдомостямъ ветеринара, не мало имущества спасено его усиліями.

Кража воловъ и лошадей, лишая крестьянина нерѣдко всѣхъ средствъ къ существованію, организована на югѣ Россіи съ такимъ искусствомъ, и притомъ на весьма значительныя разстоянія, что и введеніе мироваго суда оказало лишь весьма слабое вліяніе на ослабленіе этого бича южнаго края. Не удивительно, что въ земскомъ собраніи не разъ касались этого вопроса, при чемъ крестьяне высказывались неоднократно со слезами, выражавшими не то горе, не то ожесточеніе противъ воровъ, не то отчаяніе. Такъ, одинъ гласный изъ крестьянъ, считая цыганъ, приписавшихся по нѣскольку человѣкъ къ мѣщанскимъ обществамъ въ уѣздныхъ городахъ, пристанодержателями, «воровскими станціями» по отношенію къ конокрадству, просилъ собраніе ходатайствовать о томъ, чтобы цыганамъ былъ воспрещенъ въѣздъ далѣе извѣстнаго числа верстъ отъ мѣста жительства. Другой крестьянинъ жаловался, что нѣтъ никакого толку и отъ того, если воровъ поймаютъ, такъ какъ полиція скоро ихъ выпуститъ, или же они сами убѣгутъ изъ крайне плохихъ сельскихъ арестантскихъ. Кромѣ того, указывали въ собраніи на необходимость самому населенію ловить конокрадовъ и выдавать со стороны земства денежныя награды тѣмъ, которые отличатся въ изловленіи воровъ... Что могло отвѣчать на всѣ эти заявленія земское собраніе?—Оно ходатайствовало о соблюденіи ограничительныхъ законовъ о цыганахъ, а цыгане продолжали разъѣзжать по ярмаркамъ цѣлыми таборами; земство ходатайствовало о томъ, чтобы

было обращено особенное вниманіе полиціи на конокрадовъ, и мѣстная администрація писала самыя строгія предписанія, а конокрадство усиливалось. Наконецъ, въ 1871 г., земство, какъ бы поставленное въ осадное положеніе конокрадами, рѣшилось на крайне жестокую мѣру: принимая во вниманіе, что сельскія общества обладаютъ по закону правомъ высылки изъ своей среды въ Сибирь завѣдомо порочныхъ членовъ общества и что нерѣдко общества затрудняются въ примѣненіи этой мѣры только сопряженными съ нею расходами, земство ассигновало двѣ тысячи рублей для вспомоществованія сельскимъ обществамъ, желающимъ удалить по суду хотя и не уличенныхъ, но завѣдомо конокрадствомъ и скотокрадствомъ промышляющихъ лицъ. Такое постановленіе состоялось единогласно, за исключеніемъ лишь *одного* гласнаго, считавшаго несовмѣстною съ судебною реформой и достоинствомъ земства ссылку людей, *не обвиненныхъ по суду*. Терпимость къ произволу и даже поощреніе его воспитаны въ насъ, къ несчастію, нашею исторіей; но не пора ли законодательству подумать о томъ, что не всякое средство ведущее къ цѣли нравственно и что крайне невыгодно для будущаго страны примѣненіе безнравственныхъ средствъ? Не пора ли, напримѣръ, подчинить судамъ не контролируемое право сельскаго общества переселять цѣлыя семьи въ Сибирь, поддерживаемое, какъ мы видѣли, и александровскимъ земствомъ,—подчинить пока контролю съѣзда мировыхъ судей и затѣмъ упразднить этотъ анахронизмъ, находящій себѣ оправданіе только въ безсиліи нашей полиціи?... Мы, впрочемъ, обязаны привести въ оправданіе александровскаго земства то, что уже раньше его другими уѣздами губерніи стало поощряться право сельскихъ обществъ на ссылку въ Сибирь. Судя по докладу управы, предложившей указанную мѣру, земство опасалось, что конокрады, подъ вліяніемъ постигшаго ихъ въ другихъ уѣздахъ террора, обратятся въ Александровскій уѣздъ, если и онъ не приметъ соотвѣтствующихъ мѣръ. Къ этому мы должны добавить однако, что и вопреки террористическимъ мѣропріятіямъ жалобы на конокрадство не прекращаются.

Наконецъ, въ связи съ заботами земства о скотоводствѣ уѣзда мы должны поставить то, что земство выплачиваетъ награду за всякаго убитаго волка и что въ 1876 г. оно предотвратило примѣненіе къ Александровскому уѣзду отравленія волковъ посредствомъ стрихнинныхъ шилюль и гильзъ, по способу, одобренному министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и имъ предложенному на обсужденіе земства. Собраніе указало на то, что проектируемый администраціей способъ поведетъ къ истребленію крайне многочисленныхъ и совершенно необходимыхъ въ уѣздѣ собакъ-овчарокъ и къ истребленію хорьковъ, въ высшей степени цѣнныхъ, какъ ведущихъ ожесточенную войну съ сусликами.

8. *Народное продовольствіе.*

Обезпеченіе народнаго продовольствія, къ сожалѣнію, стояло у насъ до сихъ поръ крайне странно: Россія вспоминала объ этомъ существенномъ вопросѣ только въ голодные годы и совершенно теряла его изъ виду въ благополучное время. Прекратить наступившій голодъ не въ силахъ никакое самоуправленіе по той простой причинѣ, что оно само питается голодающими, если только голодъ наступилъ; только государство, если притомъ голодъ распространенъ не повсемѣстно,—что въ нашемъ отечествѣ, при разнообразіи физическихъ условій, трудно себѣ представить,—въ состояніи помочь голодающей мѣстности на счетъ не голодающихъ. Но на земство падаетъ великая забота о возможно-лучшемъ *предотвращеніи* голода, что можетъ быть болѣе или менѣе достигнуто только цѣлымъ рядомъ мѣръ на пользу экономическаго развитія страны. Когда голодъ уже наступилъ, то самоуправленіе *незамѣнимо*—для выясненія нужды населенія *во-время*, для распознаванія болѣе нуждающихся отъ менѣе нуждающихся, для пріобрѣтенія и самой раздачи хлѣба; но задача и поприще дѣятельности земства по *предупрежденію* голода еще гораздо обширнѣе: въ этомъ отношеніи дѣятельность земства должна состоять изъ цѣлаго ряда постоянныхъ и никогда не прерывающихся заботъ объ экономическомъ преуспѣяніи края.

Такъ, напримѣръ, какъ ни слабы начинанія александровскаго земства, но если представить себѣ удовлетворительное разрѣшеніе всѣхъ задуманныхъ и осуществленныхъ имъ мѣропріятій, то нельзя не согласиться съ тѣмъ, что уровень благосостоянія на столько улучшился бы, что голодъ сталъ бы гораздо менѣе возможнымъ. Такъ, мы видѣли, что земство избавило населеніе отъ гнетущей натуральной повинности и предоставило возможность крестьянамъ пересылать деньги и паспорты въ уѣздный городъ безвозмездно; мы видимъ, что оно достигло установленія таксы закономъ, при проѣздѣ по дорогамъ, и прекратило поборы, тяготѣвшіе до тѣхъ поръ надъ населеніемъ; оно хлопотало объ уменьшеніи пьянства, о лучшемъ распредѣленіи полевыхъ угодій и большемъ порядкѣ въ крестьянскихъ посѣвахъ, о выселеніи части домохозяевъ изъ наиболѣе многолюдныхъ селъ въ мѣста ближайшія къ ихъ посѣвамъ; возбуждались вопросы о содѣйствіи земства къ доступности для крестьянъ улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій и объ устройствѣ племенной овчарни; земство заботилось о лѣченіи заболѣвшаго скота и о разобщеніи его съ здоровымъ; оно устроило случные пункты для улучшенія породы лошадей, съ большимъ успѣхомъ истребляло сусликовъ и *во-время* принялось за борьбу съ хлѣбнымъ жукомъ. Если добавить къ этому то, что мы скажемъ ниже о мѣрахъ земства на пользу лѣсоразведенія и народнаго здравія и объ устройствѣ земствомъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, то нельзя не согласиться съ тѣмъ, что всѣ эти мѣры, въ соединеніи съ весьма энер-

гичною дѣятельностію земства по народному образованію, о которой намъ также предстоитъ говорить, непремѣнно поведутъ, въ случаѣ ихъ успѣшнаго осуществленія, къ увеличенію благосостоянія и къ удовлетворительному разрѣшенію продовольственнаго вопроса, если только все задуманное осуществится и если осуществленное продержится не годъ и не два, но долгое время. Поднимая нравственную и матеріальную культуру края, содѣйствуя улучшенію хозяйства, уменьшенію расходовъ и увеличенію сбереженій населенія, земство борется съ возможностію голода въ будущемъ, на сколько вообще это бѣдствіе предотвратимо человѣческими усиліями.

Но, независимо отъ перечисленныхъ нами косвенныхъ мѣръ, могущихъ отозваться въ будущемъ на продовольственномъ вопросѣ, александровскимъ земствомъ была принята, на сколько отъ него зависѣло, и такая мѣра, которая, какъ принятая уже четырнадцать лѣтъ тому назадъ, могла отозваться непосредственно на обезпеченіи населенія хлѣбомъ и предупредить ужасы текущаго года. Земское собраніе, не обладая, по закону, по отношенію къ народному продовольствію инымъ правомъ, кромѣ періодическаго появленія членовъ управы въ общественныхъ хлѣбныхъ магазинахъ для того, чтобъ убѣждаться въ томъ, что они пусты,—земское собраніе, не обладая, по закону, правомъ издавать постановленія о способахъ обезпеченія народнаго продовольствія, которыя были бы *обязательны* для сельскихъ обществъ,—еще въ 1866 г. «рекомендовало» сельскимъ обществамъ уѣзда общественную запашку, какъ лучшее средство къ пополненію общественныхъ магазиновъ и къ обезпеченію народнаго продовольствія. Если только мы не кончимъ обязательными, *по закону*, общественными запашками, — если мы не съумѣемъ настоять, чтобъ онѣ производились не на бумагѣ только, а въ дѣйствительности, то мы никогда не перестанемъ жить подъ угрозою такого положенія вещей, которое испытываемъ въ настоящее время. Александровское земство, указывая на эту неотразимо-неизбѣжную мѣру, которая можетъ повести къ накопленію значительныхъ запасовъ и значительныхъ общественныхъ капиталовъ, не ограничивалось простымъ указаніемъ на нее, но разработало вопросъ въ особой коммиссіи, при самомъ живомъ участіи отъ крестьянъ. Такимъ образомъ, обсудивъ вопросъ, земское собраніе пришло къ заключенію о томъ, что общественная запашка должна производиться *ежегодно* въ размѣрѣ 2 гарнцевъ озимаго и 2 гарнцевъ яроваго хлѣба на каждую ревизскую душу. Слѣдовательно, при надѣлѣ въ 4 десятины на душу, 100 ревизскихъ душъ должны уступить подъ общественную запашку только 10 десятинъ, или *одну сороковую* часть своего надѣла, предполагая рѣдкій посѣвъ, по 5 мѣръ на десятину. Коммиссія полагала, что такая общественная запашка должна производиться только до пополненія запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ; но она согласилась съ доводами крестьянъ, настаивавшихъ на томъ, чтобы производить общественную запашку

постоянно въ виду необходимости замѣнять старый хлѣбъ новымъ и возможности продажею излишняго хлѣба образовать мірскіе капиталы. Такъ разсудило и собраніе, согласно мнѣнію одного гласнаго изъ крестьянъ добавившее еще совѣтъ сельскимъ обществамъ—засѣвать общественное поле преимущественно пшеницею, какъ болѣе дорогимъ хлѣбомъ, затѣмъ продавать общественную пшеницу и на вырученныя деньги покупать болѣе дешевый, но необходимый для продовольствія, хлѣбъ—рожь.

Приведенное постановленіе собранія осталось мертвою буквой. Исполни его сельскія общества, то, полагая, для крупнаго счета, пятьдесятъ тысячъ ревизскихъ душъ въ Александровскомъ уѣздѣ настоящаго состава, *ежегодно* должно бы быть произведено по *пяти тысячъ десятинъ* общественной запашки. Полагая урожай съ десятины только въ двѣ четверти, т. е. ниже средняго результата, для уѣзда за послѣднія восемь лѣтъ *ежегодно* среднимъ счетомъ должно бы быть собираемо 10 тыс. четвертей хлѣба, а за 14 лѣтъ общественная запашка дала бы 140 тысячъ четвертей хлѣба, то-есть слишкомъ въ $2^1/_2$ раза болѣе того количества, котораго по разсчетамъ управы не хватило населенію на продовольствіе и посѣвъ въ 1880 году, когда наступилъ *голодъ* для уѣзда. Полагая стоимость хлѣба только въ 6 рублей среднимъ счетомъ и предполагая, что изъ 140 тысячъ четвертей сохранилось бы въ натурѣ только 70 тысячъ четвертей, что значительно превосходило бы количество хлѣба, затребованное теперь уѣздною управой отъ государства, — остальныя 70 тысячъ четвертей, обращенныя въ деньги, представляли бы мірскіе капиталы на сумму 420 тысячъ рублей. Вотъ какіе результаты могло бы дать самоуправленіе при постоянствѣ и настойчивости и при содѣйствіи со стороны закона.

Вмѣсто этого представляется намъ такая картина. Къ 1 января 1867 г., т. е. вскорѣ по открытіи земскихъ учрежденій, мы застали, какъ уже и упоминали о томъ, говоря о наслѣдствѣ, полученномъ земствомъ отъ администраціи, въ хлѣбныхъ магазинахъ всего *одну шестую часть* того количества хлѣба, которое въ нихъ должно было находиться по закону. Земство съ тѣхъ поръ непрерывно хлопотало о пополненіи хлѣбной недоимки, но, тѣмъ не менѣе, и къ 1 января 1880 года въ запасныхъ магазинахъ не хватало приблизительно двухъ третей положеннаго по закону количества. Не взирая на очень плохіе года, дѣло пополненія магазиновъ, какъ видно, улучшилось *вдвое*, но этимъ, тѣмъ не менѣе, не рѣшился продовольственный вопросъ. Осенью 1880 года управа прямо заявила собранію, что уѣзду предстоитъ *голодъ*, и заявила, что на продовольствіе и обсѣмененіе полей необходимо добавить къ существующимъ въ уѣздѣ 49:894 четвертямъ хлѣба еще 55.590 четвертей. Въ настоящее время недостающее количество хлѣба представляетъ цѣнность не менѣе 666 тысячъ рублей, что, очевидно, превосходитъ средства самоуправленія, еще не нажившаго запасовъ. Между тѣмъ будь исполнено постановленіе земскаго собранія объ общественныхъ запашкахъ, состоявшееся еще 14 лѣтъ тому назадъ,

и дай общественная запашка, какъ нами обстоятельно выяснено выше, 140 тысячъ четвертей хлѣба,—потребность для уѣзда въ тѣхъ 105.484 четвертяхъ хлѣба (считая наличный запасъ и недостающее, требуемое управою, количество), которыя, по разсчетамъ управы, необходимы для существованія уѣзда,—была бы удовлетворена съ избыткомъ, *не прибѣгая къ помощи ни губернскаго земства, ни государства.* Казалось бы, что надъ подобною организаціей продовольственнаго вопроса стоило бы подумать не только земству, но и правительству.

9. Лѣсоводство.

Исполнимость обязательныхъ постановленій земства составляетъ первое условіе для ихъ успѣха, и вотъ почему мы указывали выше на предоставленіе земству права вводить общественную запашку въ селахъ, если земство признаетъ ее нужною. Безцѣльность неисполнимыхъ постановленій испыталъ александровское земство по вопросу о лѣсоразведеніи, составляющемъ такой существенный вопросъ для безлѣсныхъ мѣстностей степнаго юга Россіи, что александровское земство обращало на него особенное вниманіе и увлеклось, какъ увидимъ, до несостоявшагося на дѣлѣ обязательнаго лѣсоразведенія или «древоводства». (оно называлось такъ въ уѣздѣ потому, что обязательныя насажденія предполагались не въ размѣрахъ лѣсовъ, но лишь въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ древесныхъ насажденій). И этотъ вопросъ поднятъ александровскимъ земствомъ одиннадцать лѣтъ *раньше* того времени, когда министерство государственныхъ имуществъ пришло къ заключенію о необходимости усиленнаго лѣсоводства въ южной Россіи и бывшій лѣсничій Александровскаго уѣзда, Л. Г. Баркъ, указалъ на въ высшей степени успѣшный способъ лѣсоразведенія посредствомъ посадки деревьевъ «подъ колъ». Самый вопросъ былъ возбужденъ въ собраніи однимъ изъ гласныхъ, который, въ числѣ весьма немногихъ другихъ землевладѣльцевъ, понималъ и любилъ это дѣло, что и доказалъ разведеніемъ довольно обширной плантаціи среди пустынной и безводной степи. Землевладѣльцы, поощряемые блестящими результатами лѣсоразведенія въ Велико-Анадольскомъ лѣсничествѣ вѣдомства государственныхъ имуществъ, созданнаго покойнымъ академикомъ В. Е. Граффомъ, схоронившимъ въ нашихъ степяхъ всю свою молодость и все свое здоровье, не возражали противъ обязательнаго лѣсоразведенія. Но иначе отнеслись къ нему въ собраніи крестьяне: всѣ гласные изъ крестьянъ подписали заявленіе, въ которомъ указывали собранію на то, что во многихъ селеніяхъ нѣтъ удобныхъ мѣстъ для плантацій; что чрезвычайно трудно будетъ предохранить плантаціи отъ пасущагося на выгонахъ скота; что весною крестьяне заняты не посадкою деревьевъ, а истребленіемъ сусликовъ; что земли у крестьянъ и безъ того мало; что если будетъ введено обязательное разведеніе, то «хоть торбами таскай землю, а сади, и на солонцахъ сади»; наконецъ, что практика министерства государствен-

ныхъ имуществъ доказала, что понудительныя мѣры въ древоводствѣ ровно ни къ чему не ведутъ. Не трудно было бы опровергнуть каждый изъ приведенныхъ доводовъ, но на это не стало бы теперь ни времени, ни мѣста. Достаточно будетъ сказать, что пренія въ собраніи по этому вопросу были чрезвычайно продолжительны и что собраніе, руководствуясь тѣмъ, что крестьяне почти нигдѣ еще не посадили въ уѣздѣ ни одного деревца даже во дворѣ и что, напротивъ, нѣмецкія колоніи уѣзда только потому и утопаютъ въ зелени, что тамъ древоводство было обязательно,—постановило, убѣдивъ лишь немногихъ гласныхъ изъ крестьянъ, большинствомъ 26 голосовъ противъ 16 слѣдующее: «Принимая во вниманіе, что съ древоводствомъ связана польза всего населенія и что эта польза имъ еще на столько мало сознается, что безъ обязательности древоводство не можетъ имѣть успѣха,—обязать все населеніе уѣзда, землевладѣльцевъ и крестьянъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ, сообразно руководству Буницкаго (одного изъ гласныхъ), развести по 100 деревьевъ на каждую тысячу десятинъ землевладѣнія; отъ такого обязательнаго древовозращенія освободить лишь тѣхъ жителей уѣзда, у которыхъ уже существуютъ лѣсныя плантаціи показаннаго размѣра, относя къ плантаціямъ всякія насажденія изъ лѣсныхъ деревьевъ».

Изъ приведеннаго постановленія слѣдуетъ, что земское собраніе требовало лѣсоразведенія въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ: такъ, согласно постановленію земства, при четырехдесятинномъ надѣлѣ крестьянъ въ уѣздѣ, селу въ 250 ревизскихъ душъ предстояло за четыре года посадить всего 100 деревьевъ. Ничтожностію размѣра обязательнаго древоводства опровергалось большинство доводовъ крестьянъ, противъ него приведенныхъ, и самая обязательность разведенія древесныхъ насажденій установлялась собраніемъ какъ бы для того только, чтобы побороть недовѣріе и нерадѣніе крестьянъ къ этому дѣлу и сдѣлать въ немъ починъ. Тѣмъ не менѣе это постановленіе было неисполнимо не только по отвращенію къ нему крестьянъ и къ отсутствію какого бы то ни было содѣйствія со стороны сельской администраціи, но и по затруднительности въ то время, для многихъ мѣстностей уѣзда, добыть сажанцевъ для посадки и отсутствію свѣдущихъ лѣсниковъ для руководства работами. Считая вопросъ о возможномъ облѣсеніи степей однимъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ государственной экономіи, въ смыслѣ вліянія лѣса на производительность почвы, на здоровье и на безопасность отъ пожаровъ, не говоря уже о непосредственной доходности его,—мы не считаемъ возможнымъ ограничиться указаніемъ на то, что постановленіе александровскаго земства было невозможно. Добавимъ къ этому, что стоило бы только земству пригласить одного свѣдущаго лѣсника и обзавестись сажанцами для того, чтобы стало чрезвычайно легкимъ, при самой ничтожной затратѣ труда крестьянъ, засадить въ четыре года проектированное земствомъ пространство земли. Но при производствѣ первыхъ посадокъ было бы необходимо

собности такую же осторожность, какъ при устройствѣ первыхъ школъ: необходимо было гарантировать успѣхъ посадокъ тщательною осеннею обработкою почвы предъ посадкою, тщательнымъ огораживаніемъ посадокъ и тщательною поливкою ихъ на первый годъ. При ничтожности проектированныхъ посадокъ, все это было вполнѣ возможно подъ контролемъ лѣсника; но для того, чтобы насажденія уцѣлѣли и, послуживъ образцомъ для крестьянъ, могли повліять на нихъ матеріально и нравственно, у земства должно было стать настойчивости не на одинъ годъ, но на первыя двадцать лѣтъ.

Закончимъ обзоръ дѣлъ александровскаго земства по лѣсоводству указаніемъ на то, что на счетъ земства было напечатано упоминаемое въ вышеприведенномъ постановленіи собранія «Руководство къ древоразведенію», чрезвычайно популярное и сподручное, и разослано не только во всѣ школы, но и во всѣ села уѣзда.

10. Ссудо-сберегательныя товарищества.

Не повторяя сказаннаго уже нами *) о томъ, что министерство финансовъ не утвердило проектированнаго александровскимъ земствомъ «*хлѣбнаго* ссудо-сберегательнаго товарищества», такъ какъ министерство признало невыгоднымъ для земства то, что само земство признавало для себя выгоднымъ,—остановимъ вниманіе читателя на томъ, что первое ссудо-сберегательное товарищество основано въ уѣздѣ еще въ самомъ началѣ развитія этого дѣла въ Россіи. Тогда земство предоставило этому товариществу безпроцентную ссуду въ тысячу рублей, срокомъ на десять лѣтъ; нашелся просвѣщенный руководитель для товарищества и дѣла послѣдняго пошли на столько хорошо, что, по отзыву высшихъ учрежденій, ревизовавшихъ отчеты его, это товарищество, по порядку счетоводства и правильности операцій, относилось къ числу образцовыхъ въ Россіи. Но со смертію распорядителя дѣлъ перваго изъ основанныхъ въ уѣздѣ товариществъ пришли въ совершенный упадокъ; тѣмъ не менѣе проложенная имъ дорожка не заросла и по ней пошло александровское земство, которому удалось осуществить съ 1875 года *семь* ссудо-сберегательныхъ товариществъ въ уѣздѣ, несмотря на то, что къ этому времени, за отдѣленіемъ отъ Александровскаго уѣзда сначала Маріупольскаго греческаго округа и затѣмъ Маріупольскаго уѣзда, территорія и населеніе уѣзда уменьшились на половину. Еслибы, по всей Россіи, на каждыя 50 тысячъ населенія въ уѣздѣ приходилось, какъ въ Александровскомъ уѣздѣ, по семи товариществъ, возникшихъ при содѣйствіи земства, то ссудо-сберегательныя товарищества, которыхъ у насъ въ Россіи всего 864, считались бы тысячами. Между тѣмъ практика показываетъ, что со стороны земства требуется лишь весьма ничтожное содѣйствіе для осуществленія товари-

*) См. статью первую—«Отношеніе земства къ администраціи».

ществъ, столь благодѣтельно отзывающихся на благосостояніи народа: на всѣ *семь* товариществъ александровскимъ земствомъ выдано только 3.500 рублей безпроцентной ссуды на десять лѣтъ, по 500 руб. на каждое, между тѣмъ нѣкоторыя изъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ достигли за короткое время чрезвычайно обширныхъ оборотовъ и съумѣли заслужить такое довѣріе, что привлекли весьма почтенную цифру вкладовъ. Такъ, напримѣръ, въ одно изъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ въ селѣ принято вкладовъ отъ мѣстныхъ крестьянъ и торговцевъ за одинъ 1879 годъ 51.390 руб. и роздано за тотъ же годъ ссудъ на 56.200 руб.; при этомъ товарищество заработало чистой прибыли, за уплатою дивиденда пайщикамъ и процентовъ по всѣмъ займамъ и вкладамъ, за отчисленіемъ извѣстной доли въ запасный капиталъ, 869 рублей. Другимъ сельскимъ товариществомъ уѣзда роздано за 1879 годъ ссудъ на 48.347 р.; третьимъ сельскимъ ссудо-сберегательнымъ товариществомъ выдано крестьянамъ ссудъ, не свыше 50 руб. каждому, согласно уставу, 46.409 руб. въ 1879 году. Пособіе, оказываемое земствомъ ссудо-сберегательнымъ товариществамъ, имѣетъ то важное значеніе, что обязываетъ товарищества представлять отчеты ежегодно въ управу, а послѣднюю—контролировать операціи ихъ. Такъ, напримѣръ, изъ семи ссудо-сберегательныхъ товариществъ, осуществленныхъ земствомъ, одно не представило отчета къ 1-му января 1880 года; разслѣдованіе члена управы на мѣстѣ обнаружило большіе безпорядки и управою была назначена обстоятельная ревизія товарищества. Остальными шестью товариществами за 1879 годъ роздано мелкихъ ссудъ на сумму 170.952 рубля; этой одной цифры достаточно, чтобы показать, чего можетъ достигать самоуправленіе, и объяснить себѣ то довѣріе, которое оно вызываетъ къ себѣ въ массѣ.

11. Народное здравіе.

По отношенію къ народному здравію дѣятельность александровскаго земства была направлена къ предупрежденію и къ пресѣченію болѣзней.

До открытія земскихъ учрежденій въ уѣздѣ повсемѣстно господствовалъ обычай, преслѣдуемый закономъ, намачивать ленъ и коноплю въ водѣ, служащей для питья людей и животныхъ, въ рѣкахъ и прудахъ, вмѣсто того, чтобы рыть для этого особыя ямы. Земство неоднократно ходатайствовало о прекращеніи этого обычая, въ высшей степени вредно отзывающагося на здоровьѣ населенія и производящаго скотскіе надежи. Эти ходатайства нѣсколько ослабили издавна укоренившуюся въ населеніи привычку, хотя полное искорененіе ея можетъ лишь наступить съ поднятіемъ нравственной культуры населенія посредствомъ открытыхъ земствомъ же школъ и общаго политическаго воспитанія народа.

Земство не только не застало въ уѣздѣ порядка въ оспопрививаніи, но не застало и здоровой оспенной матеріи на столько, что съѣздъ земскихъ врачей уѣзда, указывая на то, что вмѣстѣ съ оспою иногда при-

вивается и сифилисъ, признанъ необходимымъ учредить въ уѣздѣ депо телятъ, на которыхъ разводилась бы оспа. Земское собраніе, разсчитавъ, что содержаніе 12 телятъ, для развитія на нихъ оспы, вмѣстѣ съ покупкою ихъ, обойдется не дороже 660 рублей въ годъ, ассигновало въ 1873 г. на это полезное дѣло 550 руб., разсчитывая, что недостающая сумма можетъ быть пополнена продажею телятъ. Дѣло оспопрививанія стало развиваться при помощи земскихъ врачей и фельдшеровъ и въ 1878 г. управа могла уже заявить собранію о томъ, что настойчивыя усилія земства «начинаютъ приносить плоды, народъ начинаетъ осваиваться съ дѣломъ и сознавать цѣлесообразность оспопрививанія». А кто возьмется вычислить, сколько рабочей силы сохранено стараніями земства предупредить оспенную эпидемію!

О томъ, какъ стояло дѣло прекращенія эпидемическихъ болѣзней и вообще лѣченіе больныхъ въ уѣздѣ, собраніе получило представленіе въ самую первую очередную сессію: тогда же одинъ гласный изъ крестьянъ заявилъ, что минувшимъ лѣтомъ въ селѣ показалась холера, а первый медикъ прибылъ въ село полтора мѣсяца послѣ появленія холеры, послѣ того, какъ уже умерло отъ нея 60 человѣкъ. Не рѣшаясь еще указывать на земскую кассу, докладчикъ просилъ собраніе только о томъ, нельзя ли оказать содѣйствіе къ тому, чтобы для селъ государственныхъ крестьянъ были приглашены медики на счетъ процентовъ отъ существующихъ мірскихъ капиталовъ. Изъ преній выяснилось, что, не говоря о селахъ, даже въ уѣздномъ городѣ нѣтъ *ни одной* больницы для населенія, такъ какъ «городская больница» содержится на счетъ военнаго вѣдомства, а потому и не принимаетъ никакихъ больныхъ, кромѣ военнослужащихъ. Собраніе тогда же поручило управѣ къ слѣдующей очередной сессіи представить свои соображенія объ устройствѣ медицинской части въ уѣздѣ на земскій счетъ. Затѣмъ земская медицина, организованная съ 1868 года, постепенно развивалась, представляя не мало характеристическаго для нашего самоуправленія. Но мы можемъ коснуться лишь наиболѣе существеннаго.

Остановимся прежде всего на служебномъ положеніи земскаго врача, такъ какъ, въ виду крайняго недостатка въ образованныхъ людяхъ въ уѣздной глуши, уже по этой одной причинѣ въ высшей степени желательно и полезно привлеченіе въ нее земствомъ врачей, какъ лицъ обладающихъ высшимъ образованіемъ; но послѣднихъ земство должно умѣть поставить соотвѣтственно ихъ развитію и такъ, чтобъ они могли приносить пользу уѣзду. Въ этомъ отношеніи на «Инструкціи для земскихъ врачей», первоначально составленной управой, отразилась до осязательности та *бюрократическая* закваска, объ унаслѣдованіи которой земствомъ мы уже имѣли случай упоминать. Такъ, управа, совершенно упустивъ изъ виду, что земская управа можетъ случайно составиться даже изъ лицъ едва грамотныхъ и что во всякомъ случаѣ ее нельзя признать

учрежденіемъ *медицински*-компетентнымъ, проектировала, между прочимъ, слѣдующіе пункты въ инструкціи, обязательность которой долженъ былъ признавать врачъ при поступленіи на земскую службу: «Несоблюденіе врачами ихъ обязанностей влечетъ за собою различныя взысканія (?!), смотря по важности послѣдствій, отъ того происходящихъ. Взысканія врачамъ налагаются управой и опредѣляются ею въ коллегіальномъ засѣданіи. Взысканія сіи суть: замѣчаніе, строгое замѣчаніе, предостереженіе объ увольненіи отъ должности, увольненіе отъ должности»... Такъ и хочется дописать въ этой градаціи: «увольненіе отъ должности съ тѣмъ, чтобы впредь никуда не принимать»; но на такой бюрократическій аккордъ не стало власти и управа ограничилась приведеннымъ нами диссонансомъ.

Совѣщательно-ревизіонная коммиссія, прибывъ для засѣданій еще до наступленія сессіи собранія, разошлась съ управою радикально по многимъ вопросамъ врачебной инструкціи и въ числѣ другихъ по вышеприведеннымъ пунктамъ, доказывая собранію, что такое бюрократическое отношеніе хозяйственнаго учрежденія къ представителю науки потому только, что трудъ послѣдняго оплачивается, недостойно и что долженъ быть придуманъ иной способъ контроля надъ земскимъ врачомъ, такъ какъ безъ контроля никакая статья въ самоуправленіи немыслима. Но прежде, чѣмъ перейти къ средству контроля, придуманному однимъ изъ членовъ коммиссіи, обсужденіе котораго повело къ весьма наставительнымъ преніямъ, мы поспѣшимъ успокоить читателя сообщеніемъ того, что указанные нами бюрократическіе пункты устояли лишь на одинъ годъ и затѣмъ были замѣнены гораздо болѣе благообразнымъ установленіемъ: «управа неисправнаго по службѣ врача предостерегаетъ о томъ, что дѣйствія его будутъ отданы на обсужденіе собранія, а въ *крайнихъ случаяхъ* увольняетъ его отъ службы».

Новое средство контроля надъ земскими врачами, предлагавшееся въ собраніи, заявлялось уже въ томъ пунктѣ земской инструкціи, который касался самаго поступленія врача на земскую службу. Этотъ пунктъ, указывая на общественное мнѣніе, какъ на лучшее средство контролировать врача, установлялъ, по проекту коммиссіи, чтобы врачъ, назначенный на службу земскою управой, могъ быть уволенъ отъ службы ею же только въ случаѣ проступковъ, его званію не соотвѣтствующихъ, но во всякомъ случаѣ, прослуживъ годъ земству, подвергался *баллотировкѣ земскаго собранія* съ тѣмъ, чтобы постановленія и результаты баллотировки врачей не печатались, а затѣмъ земскимъ врачамъ предоставлялось участвовать съ правомъ голоса въ земскомъ собраніи по всѣмъ медицинскимъ вопросамъ. Но, несмотря на то, что въ обсужденіи этого предложенія собраніемъ принимали участіе нѣсколько врачей, оно не встрѣтило сочувствія въ собраніи и вызвало въ немъ даже цѣлую бурю. Въ высшей степени важный вопросъ, принципіальный вопросъ, опустился просто до вопроса: «кто за коммиссію, кто за управу, кто *недовѣряетъ*

управѣ?» Крики гвельфовъ и гибеллиновъ заглушали голоса немногихъ членовъ собранія, относившихся къ дѣлу объективно и нисколько не отрицавшихъ того, что современная этой бурѣ управа дѣйствительно заслуживаетъ величайшаго довѣрія. Но, при всей страстности преній, было приведено не мало доводовъ противъ баллотировки врачей и въ пользу этой мѣры, и такъ какъ самую мысль о подобномъ контролѣ врачей собраніемъ намъ не случалось встрѣчать въ иныхъ земскихъ собраніяхъ, кромѣ александровскаго, а мы считаемъ ее вполнѣ раціональною, то мы приведемъ главнѣйшіе изъ высказанныхъ въ собраніи доводовъ, желая тѣмъ также показать, на сколько разработываются вопросы органами самоуправленія тамъ, гдѣ имъ предоставляется просторъ и они относятся къ дѣлу внимательно.

Противъ періодической баллотировки земскимъ собраніемъ земскихъ врачей, уже годъ прослужившихъ, возражали, что при баллотировкахъ въ собраніи часто могутъ встрѣчаться ошибки и даже злоупотребленія по кумовству и интригамъ, что невозможно будетъ найти медиковъ, которые согласились бы поступить на такихъ условіяхъ на земскую службу, и что земское собраніе не компетентно для того, чтобы произнести свой судъ о спеціалистѣ. На это отвѣчали, что если неизбѣжны ошибки и злоупотребленія при баллотировкѣ врача шестьюдесятью гласными, то еще гораздо больше вѣроятія для пристрастія, произвола, злоупотребленій и ошибокъ со стороны такой немногочисленной комиссіи, какова управа; что баллотировка врача, при допущеніи его съ правомъ голоса въ собраніе, вмѣсто того, чтобы печатное обнародованіе резолюціи могло повредить репутаціи врача навсегда, на столько возвыситъ общественное положеніе земскаго врача, что не только не затруднитъ, но облегчитъ земству пріисканіе уважающихъ себя врачей, которые предпочтутъ зависимость отъ представителей всего населенія, отъ общественнаго мнѣнія, зависимости отъ произвола пяти лицъ, входящихъ въ составъ управы. Наконецъ,—продолжали защитники баллотировки,—некомпетентность публики о достоинствахъ врача только кажущаяся: врачъ-практикъ соприкасается съ публикою двумя сторонами, медицинскою и общечеловѣческою, и послѣдняя вполнѣ доступна суду публики, которая можетъ вполнѣ компетентно выразить свое мнѣніе о человѣколюбіи или вымогательствѣ врача, о дурномъ или хорошемъ обращеніи его съ паціентами, о степени его лѣни или усердія. Что же касается другой стороны дѣятельности врача, медицинской, то публикѣ дѣйствительно не по силамъ медицинскій контроль надъ врачомъ; но въ виду того, что предлагаютъ баллотировать въ собраніи только тѣхъ изъ земскихъ врачей, которые уже успѣли прослужить земству нѣкоторое время, въ данномъ случаѣ публикѣ, т.-е. гласнымъ, не трудно будетъ выразить баллоторовкою, отличалась ли врачебная практика врача въ большинствѣ случаевъ особенно благопріятными, или особенно неблагопріятными результатами. Всѣ виды спеціальности, каковы, напримѣръ, судьи, педагоги, литераторы, въ нѣкоторой

мѣрѣ подлежать суду и контролю некомпетентной въ ихъ спеціальности публики и нѣтъ основанія дѣлать исключеніе для однихъ врачей. Впрочемъ, какъ бы ни относиться къ компетентности земства по отношенію къ врачу, невозможно во всякомъ случаѣ не согласиться съ тѣмъ, что управа, состоя изъ такихъ же гласныхъ, какъ и земское собраніе, отнюдь не болѣе послѣдняго компетентна въ вопросѣ объ оцѣнкѣ врача.

Всѣ эти пренія происходили въ 1868 году и на этотъ разъ баллотировка врачей была отвергнута большинствомъ 31 гласнаго противъ 11, несмотря на то, что меньшинство согласилось съ предложеніемъ единственнаго медика, защищавшаго принципъ баллотировки, не подвергать земскихъ врачей *періодической* баллотировкѣ собранія, но лишь въ томъ случаѣ, если заявятъ о необходимости баллотировать такого-то врача не менѣе пяти гласныхъ. По прошествіи двухъ лѣтъ вопросъ былъ возобновленъ и на этотъ разъ было установлено, чтобы земское собраніе періодически баллотировало земскихъ врачей, но съ тѣмъ, что земскому врачу, прослужившему, при баллотировкѣ собраніемъ, три года, повышается окладъ его первоначальнаго жалованья на 20%, прослужившему 6 лѣтъ добавляется къ первоначальному жалованью 40% и врачу, прослужившему, при періодической баллотировкѣ собраніемъ, 9 лѣтъ добавляется къ первоначальному жалованью 60%, послѣ чего жалованье болѣе уже не возрастаетъ. Но это постановленіе продержалось всего годъ и затѣмъ было отмѣнено. Еще годомъ позже была вновь введена баллотировка земскихъ врачей, но продержалась всего два года и въ 1875 году замѣнена установленіемъ особой комиссіи изъ управы, изъ избранныхъ собраніемъ гласныхъ *и всѣхъ земскихъ врачей* уѣзда, которой и предоставлена дисциплинарная власть надъ земскими врачами и увольненіе ихъ отъ должности. Впрочемъ и на этомъ дѣло не остановилось: въ 1879 году вопросъ о контролѣ надъ земскими врачами вступилъ въ совершенно новый фазисъ, который, мы надѣемся, будетъ и окончательнымъ,—на столько дѣло выработалось разумно.

Въ уѣздѣ, гдѣ и до того времени иногда созывались съѣзды земскихъ врачей для обсужденія спеціальныхъ вопросовъ, съ 1879 года возникъ «съѣздъ земскихъ врачей», какъ учрежденіе *постоянное*, собирающееся для засѣданій два раза въ годъ, всякій разъ не болѣе какъ на три дня. Предсѣдатель управы, которая и созываетъ съѣздъ, предсѣдательствуетъ на съѣздѣ земскихъ врачей, а за отсутствіемъ его земскіе врачи избираютъ предсѣдателя съѣзда изъ членовъ управы, которые всѣ состоятъ и членами съѣзда врачей. Кромѣ медицинскаго контроля надъ врачами и больницами уѣзда, съѣзду врачей принадлежитъ право увольнять врача въ отпускъ и замѣщать его въ участкѣ другимъ врачомъ, право удалять врача отъ должности и подвергать послѣдняго дисциплинарному взысканію отъ замѣчанія до вычета мѣсячнаго жалованья; если управа замѣтитъ какія-либо упущенія со стороны врача, то разслѣдованіе производится членомъ

управы, совмѣстно съ однимъ изъ земскихъ врачей, и дѣло представляется на усмотрѣніе съѣзда врачей; въ случаѣ разногласія на съѣздѣ между управою и земскими врачами вопросъ переносится въ земское собраніе, которымъ и рѣшается окончательно; съѣзду врачей, состоящему, какъ мы сказали, изъ земскихъ медиковъ и земской управы, предоставляется все управленіе медицинскою частью въ уѣздѣ.

Для того, чтобъ исчерпать вопросъ о служебномъ положеніи врача, отъ котораго зависитъ возможность приносить пользу уѣзду, мы должны остановиться на томъ, что не мало времени затрачено александровскимъ земствомъ на рѣшеніе вопроса, долженъ ли земскій врачъ совершать *періодическіе* объѣзды по участку и должны ли фельдшера обладать извѣстною самостоятельностію, по отношенію къ врачу, въ лѣченіи больныхъ. И по этимъ чрезвычайно важнымъ вопросамъ было два мнѣнія: одни, желая возможно большей доступности врача населенію, требовали того, чтобы докторъ появлялся періодически въ каждомъ селѣ, въ заранѣе для того назначенные дни, и чтобы, въ отсутствіе врача, за невозможностію устроить дѣло иначе, земскіе фельдшера лѣчили заболѣвающихъ. Другіе доказывали, что безразсудно обязывать врача къ срочнымъ объѣздамъ участка и предоставлять медицинскую практику фельдшерамъ, которымъ она не принадлежитъ и по закону. Защитники этого мнѣнія справедливо полагали, что крайне странно будетъ положеніе врача и больныхъ при *срочныхъ*, обязательныхъ поѣздкахъ врача по участку: больные ближайшіе къ мѣсту жительства врача къ нему обратятся, а онъ ихъ броситъ и поѣдетъ, къ такому-то назначенному сроку, въ такое-то село, въ которомъ можетъ не застать ни одного больнаго; больные будутъ такимъ образомъ бѣгать за врачомъ, а врачъ будетъ бѣгать отъ больныхъ. Что касается фельдшеровъ, то они могутъ быть весьма полезны, но только при полномъ подчиненіи ихъ врачамъ; а сами врачи могутъ принести пользу только въ томъ случаѣ, если будутъ располагать пріемными покоями и больницами, самый же выѣздъ врача по участку долженъ быть предоставленъ усмотрѣнію врача и долженъ опредѣляться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ самымъ положеніемъ дѣла.

Это послѣднее мнѣніе взяло верхъ въ собраніи. Въ уѣздѣ возникли сначала только пріемные покои, а затѣмъ и больницы, и, наконецъ, по приглашеніи въ уѣздъ врачей, фельдшеровъ и повивальныхъ бабокъ, земская медицина получила на 1880 годъ слѣдующую организацію: уѣздъ подраздѣляется на 4 врачебныхъ участка и 3 врачебныхъ отдѣленія при 6 врачахъ; участковый врачъ получаетъ 1.300 руб. жалованья въ годъ. Кромѣ 6 земскихъ врачей, въ уѣздѣ съ 50.000 населенія мужскаго пола 23 фельдшера, съ жалованьемъ отъ 200 до 300 рублей, 5 акушерокъ, съ жалованьемъ въ 300 рублей, и 26 оспопрививателей, съ вознагражденіемъ въ 37 руб. 50 коп. каждый. Земство ассигнуетъ ежегодно извѣстную сумму денегъ на устройство временныхъ больницъ, на случай появленія

эпидемій, но кромѣ того содержитъ 6 постоянныхъ земскихъ больницъ въ уѣздахъ, затрачивая отъ 1.000 до 1.500 рублей на каждую изъ 5 сельскихъ и 4.600 рублей на городскую. Земство затрачиваетъ на лѣкарства для больницъ и амбулаторныхъ больныхъ по 6.300 руб. въ годъ и издерживаетъ на всю медицинскую часть 37.837 руб. 10 коп. въ годъ. О размѣрахъ приносимой этимъ пользы можно судить по тому, что въ 1878 г., когда въ уѣздѣ было всего пять больницъ, въ земскихъ больницахъ перебывало на излѣченіи 1.328 душъ, а врачи въ уѣздѣ кромѣ того приняли 19.243 амбулаторныхъ приходящихъ больныхъ.

Наконецъ самоуправленіе имѣло случай оказать земскою медициной существенную услугу государству. Въ началѣ 1877 года александровское земство, на случай объявленія войны, открыло управѣ кредитъ въ тридцать тысячъ рублей, предоставивъ ей полную свободу дѣйствія по удовлетворенію потребностей военнаго времени. Управа порѣшила сообщить начальнику губерніи о томъ, что въ случаѣ военныхъ дѣйствій раненые и больные будутъ приниматься въ больницы александровскаго земства, и съ 1 сентября стали поступать раненые и больные, которымъ отпускались преимущественно мясная пища, водка, вино, чай и курительный табакъ; за девять мѣсяцевъ пользованіе 266 раненыхъ и больныхъ шло такъ успѣшно, что умеръ лишь одинъ человѣкъ, а въ больницѣ выздоравливало отъ 60 до 80%; это побудило генералъ-адъютанта Кушелева, осматривавшаго больницы по Высочайшему повелѣнію, «объявить искреннюю признательность Ихъ Императорскихъ Величествъ представителямъ александровскаго земства», прося предсѣдателя земской управы поблагодарить персоналъ «какъ врачебный, такъ и хозяйственный земскихъ больницъ за вполнѣ добросовѣстное исполненіе ими своихъ обязанностей».

Если только припомнить, что все это происходило въ уѣздѣ, въ которомъ до открытія земскихъ учрежденій, четырнадцать лѣтъ тому назадъ, не было *ни одной* больницы, *ни одного* врача, кромѣ миѳическаго «уѣзднаго медика», *ни одного* фельдшера и *ни одной* акушерки, то нельзя не порадоваться за самоуправленіе, въ особенности если не упускать при этомъ изъ виду всѣхъ тѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ наше земство зарождалось и подрастаетъ.

12. Народное образованіе.

Многіе изъ нашихъ читателей, знакомые съ дѣятельностью александровскаго земства по народному образованію, теперь будутъ крайне поражены, узнавши, что съ *формальной* точки зрѣнія *земство* Александровскаго, уѣзда Екатеринославской губерніи, если не принимать въ разсчетъ ходатайствъ земскаго собранія, никогда *не было* дѣятелемъ по народному образованію; съ *формальной* точки зрѣнія земскія учрежденія этого уѣзда всегда какъ бы осуществляли идеалъ бывшаго министерства народнаго просвѣщенія, т.-е. ровно ничего не дѣлали на поприщѣ образованія, кромѣ

уплаты денегъ на школы. Но такъ стоялъ вопросъ только съ внѣшней стороны, съ чисто-формальной точки зрѣнія, такъ какъ все дѣло образованія было всегда въ рукахъ «уѣзднаго училищнаго совѣта», учрежденія *правительственнаго*, какъ состоявшаго изъ исправника, депутата отъ духовенства, штатнаго смотрителя уѣзднаго училища и только *двухъ* членовъ отъ земства. Впрочемъ, судя по практикѣ александровскаго земства, не извѣстно, къ чему относить уѣздные училищные совѣты—къ учрежденіямъ ли правительственнымъ, или земскимъ: когда идетъ рѣчь о снабженіи училищъ книгами, то ихъ относятъ къ учрежденіямъ *земскимъ*, которымъ довѣрять нельзя, и бывшее министерство просвѣщенія позволило себѣ разорить восемь учительскихъ библіотекъ, устроенныхъ училищнымъ совѣтомъ; когда александровское земство ходатайствовало у министра внутреннихъ дѣлъ объ освобожденіи училищнаго совѣта отъ оплаты его оффиціальной корреспонденціи, то онъ отказалъ въ этомъ, ссылаясь на то, что *земскимъ* учрежденіямъ не разрѣшается безплатная корреспонденція по закону. Какъ бы то ни было, а въ Александровскомъ уѣздѣ съ формальной точки зрѣнія не земское собраніе и не земская управа завѣдывали народными училищами, а *на дѣлѣ* все народное образованіе въ уѣздѣ было въ рукахъ *земскихъ* людей и уѣздный училищный совѣтъ, безъ малѣйшаго отступленія отъ Положенія о народныхъ училищахъ 1864 года, преобразовался въ *земское* учрежденіе въ самомъ буквальномъ значеніи этого слова. Какъ произошла эта спасительная метаморфоза, доказавшая всю силу самоуправленія, мы узнаемъ ниже, а теперь остановимся на минуту на томъ законѣ, которымъ земство было призвано къ участію въ распространеніи образованія.

Это Положеніе 1864 года составляетъ еще не достаточно оцѣненную заслугу министра просвѣщенія Головнина, который, принимая министерство, засталъ всесильнымъ графа Блудова, даже въ послѣднія минуты, на смертномъ одрѣ, предвѣщавшаго гибель Россіи, если всѣ народныя школы не будутъ переданы въ непосредственное вѣдѣніе святѣйшаго синода. Ежедневно, ежечасно высшія сферы осаждались доносами то со стороны духовенства, то со стороны полиціи на мнимое развращеніе юношества министерствомъ народнаго просвѣщенія, и среди такихъ-то обстоятельствъ министерство Головнина съумѣло спасти дѣло народной школы, призвавъ въ уѣздные училищные совѣты депутатовъ отъ враждебныхъ вѣдомствъ, духовнаго и полицейскаго. Во главѣ губернскихъ училищныхъ совѣтовъ, какъ извѣстно, были поставлены мѣстные архіепископы; послѣ этого доносы духовнаго вѣдомства и полиціи на училищные совѣты были бы доносами на самихъ себя, и доносы прекратились. Въ то же время одна статья Положенія предоставляла уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ избраніе предсѣдателя изъ своей среды; слѣдовательно, ничто не мѣшало облечь *земскаго* представителя въ званіе предсѣдателя совѣта. Другая же статья того же Положенія предоставляла уѣздному училищному совѣту

представлять, безъ ограниченія въ числѣ, попечителей школъ въ губернскій училищный совѣтъ для возведенія ихъ въ званіе членовъ уѣзднаго училищнаго совѣта; слѣдовательно, ничто не мѣшало уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ ввести въ свою среду, на правахъ членовъ, *земскихъ* людей въ такомъ числѣ, чтобы большинство голосовъ въ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ принадлежало представителямъ *земства*. Такъ и поступилъ александровскій уѣздный училищный совѣтъ: начавъ съ избранія въ предсѣдатели одного изъ двухъ гласныхъ, вошедшихъ въ составъ его, совѣтъ постепенно, въ теченіе двухъ лѣтъ, представилъ еще трехъ земскихъ людей, изъ коихъ двухъ гласныхъ и одного мироваго посредника, въ званіе членовъ училищнаго совѣта, въ которомъ, слѣдовательно, оказалось *пять* земскихъ членовъ противъ *трехъ* отъ правительства, и совѣтъ превратился въ *земское* учрежденіе. Успѣхи же народнаго образованія значительно выиграли отъ того, что земская управа, обремененная огромною и разнообразнѣйшею работой, предоставила завѣдываніе училищами спеціальному земскому учрежденію, касса котораго велась всегда *управой*, платившей по ассигновкамъ совѣта, самые обстоятельные денежные и педагогическіе отчеты котораго всегда докладывались въ земскомъ собраніи и печатались во всеобщее свѣдѣніе.

Бываютъ въ жизни отдѣльнаго лица и цѣлаго народа такія обстоятельства, среди которыхъ однимъ почеркомъ пера, однимъ словомъ можно создать многое, повидимому ничего не созидая, лишь при устраненіи препятствій. Вотъ предъ вами лежитъ человѣкъ связанный по рукамъ и по ногамъ, но еще не лишившійся своей природной силы отъ такого положенія; вы перерѣзаете веревку и говорите: «ходи». Человѣкъ встаетъ, пошатывается и идетъ. Такова была роль Положенія о народныхъ училищахъ министерства Головнина: этотъ законъ, создавая училищные совѣты, не предоставилъ имъ никакой *власти* на пользу образованія, кромѣ развѣ права *запрещать* открытіе школъ и закрывать существующія; онъ не предоставилъ имъ никакихъ матеріальныхъ средствъ даже на переписку, безъ которой немыслимо никакое «вѣдомство»; онъ просто сказалъ: «до сихъ поръ мы считали революціонеромъ всякаго, кто задумалъ бы заботиться о просвѣщеніи массы; отнынѣ если хотите и можете, то работайте и сами оберегайте себя, стоя на-стражѣ закона». И вотъ то весьма незначительное численное меньшинство русскаго общества, которое еще не лишилось силы и энергіи отъ продолжительнаго оцѣпененія, тронулось съ мѣста, пошло; очнулась Русь, а повело ее земство. Въ Александровскомъ уѣздѣ училищный совѣтъ преобразованъ въ *земское* учрежденіе не апріористически, не по какимъ-либо принципіальнымъ соображеніямъ, не для того, чтобъ оттереть представителей правительства, съ которыми за все время существованія совѣта не произошло *ни одного* пререканія,— привлеченіе въ совѣтъ большинства изъ земскихъ людей вытекло непосредственно изъ практики, что и доказало всю разумность существовав-

шаго въ то время закона. Двое гласныхъ, первоначально избранные въ совѣтъ по закону, сами себя навязали земскому собранію, такъ какъ этой должности, при которой предстояла лишь перспектива утопать въ невылазной грязи осенью и весною, рискуя жизнію, безъ всякаго почета или вознагражденія,—никто не искалъ; они хотѣли потрудиться, не чуждаясь черной работы, и училищное дѣло развилось такъ быстро, что не оказалось физической возможности управиться съ нимъ наличнымъ членамъ совѣта, а потому послѣдніе и позаботились о пріисканіи себѣ сотрудниковъ изъ лучшихъ попечителей школъ, на основаніи закона. На сколько такое преобладаніе земства въ дѣлѣ народной школы оказалось опаснымъ въ смыслѣ охранительномъ и политическомъ, очевидно всякому изъ того, что за *восемь лѣтъ* существованія такого *земскаго* училищнаго совѣта, при семидесяти учителяхъ въ уѣздѣ, набиравшихся со всѣхъ концовъ свѣта, а не поставлявшихся, какъ нынѣ, тогда еще не существовавшими, учительскими семинаріями, не только не произошло *ни одного* политическаго ареста, но и не встрѣтилось *ни одного* недоразумѣнія по какимъ бы то ни было политическимъ вопросамъ. Правда, что состоялся одинъ доносъ архіерею, написанный священникомъ, обвинявшимъ главнаго земскаго дѣятеля по народному образованію въ стремленіи искоренить религію изъ школы; но по справкѣ оказалось, что не инымъ нѣмъ, какъ этимъ богоотступникомъ проектирована и примѣнена первая въ Россіи программа преподаванія закона Божія въ народной школѣ и добыты безвозмездно отъ русскаго Библейскаго Общества три тысячи экземпляровъ Евангелія на русскомъ языкѣ, которые и были розданы ученикамъ уѣзда за собственноручною подписью каждаго. Но мы еще будемъ имѣть случай остановиться на цѣлесообразности отмѣны министерствомъ графа Д. А. Толстаго Положенія 1864 года и замѣны его новымъ закономъ, тщательно устранившимъ земство отъ народной школы и отъ предсѣдательства въ училищномъ совѣтѣ, ввѣренномъ предводителю дворянства; теперь же пора обратиться къ тому, что было сдѣлано въ Александровскомъ уѣздѣ тѣмъ самоуправленіемъ, къ которому министерство графа Д. А. Толстаго отнеслось какъ къ врагу, вмѣсто того чтобъ искать въ немъ *союзника* *).

Мы можемъ сказать, при этомъ, лишь нѣсколько словъ о томъ, въ какомъ положеніи было дѣло народнаго образованія въ уѣздѣ до появленія въ немъ земскаго училищнаго совѣта, такъ какъ для того, чтобъ

---

*) Говоря о враждебности бывшаго министерства просвѣщенія къ земскому самоуправленію, мы этого отнюдь не относимъ спеціально къ александровскому уѣздному училищному совѣту; у *этого* совѣта не было ни одного пререканія съ министерствомъ и послѣднее до 1874 г. ни разу не дало почувствовать ему ни своего кулака, ни своей поддерживающей руки, кромѣ однажды оказаннаго пособія въ 80 рублей въ добавленіе къ тѣмъ 120 тысячамъ рублей, которые издержаны на народныя школы уѣзда за шесть лѣтъ. *Авт.*

исчерпать вопросъ, нужно бы написать цѣлую книгу. Раньше земскаго училищнаго совѣта въ уѣздѣ существовала обязательность обученія грамотѣ въ нѣмецкихъ колоніяхъ уѣзда, гдѣ дѣти систематически притуплялись задалбливаніемъ Библіи и механическимъ заучиваніемъ очертаній буквъ для письма и двухъ дѣйствій ариѳметики. Въ русскихъ сёлахъ была допущена полная «свобода». Что касается селъ временно-обязанныхъ, то за исключеніемъ лишь одного села, въ которомъ помѣщикъ уже лѣтъ десять содержалъ относительно, по тогдашнему времени, хорошее училище, дѣйствовали такіе учителя, какъ волостной писарь одного села, получавшій за всю зиму обученія, за всю школу, шесть рублей, изъ которыхъ онъ отдавалъ половину своему помощнику, пономарю. Но въ сёлахъ государственныхъ крестьянъ правительствомъ были организованы такъ-называемыя «штатныя училища», наставниками которыхъ состояли священники, получавшіе сто рублей жалованья въ годъ. Результаты отъ этихъ училищъ характеризируются тѣмъ, что въ 1867 г. оказалось *пять* грамотныхъ крестьянъ въ селѣ, которому каждый грамотный обошелся въ 880 рублей, такъ какъ въ этомъ селѣ, за 13 лѣтъ существованія въ немъ «штатнаго училища», издержано на школу мѣстнымъ населеніемъ 4.400 рублей. Въ другомъ селѣ «штатное училище» существовало съ 1842 года и по списку, составленному въ волости въ 1876 г., оказалось, что за 25 лѣтъ всего перебывало въ училищѣ 73 лица изъ населенія въ нѣсколько тысячъ душъ. Кромѣ трехъ перечисленныхъ нами категорій школъ, существовали такъ-называемыя «приходскія училища», открытыя духовенствомъ, которыя нѣкогда считались въ оффиціальныхъ отчетахъ на Высочайшее имя десятками тысячъ и затѣмъ стали исчезать изъ нихъ. Такія школы, за однимъ лишь исключеніемъ, обнаружившимъ священника, безвозмездно, честно и съ пользою работавшаго въ учрежденной имъ школѣ грамотности, болѣе или менѣе походили на ту школу, въ которой земскій посѣтитель, готовясь къ открытію училищнаго совѣта изученіемъ школъ на мѣстахъ, засталъ 43 ученика, изъ которыхъ *ни одинъ* не умѣлъ писать и только *двое* могли читать,—или на ту, въ которой ученикъ, читая совершенно машинально и съ чудовищными искаженіями текста, молитву Господню, связалъ ее съ молитвою «Возставъ отъ сна, припадаемъ Ти, Блаже» и остановился только послѣ того, какъ толкнулъ его въ локоть учитель, дьячокъ; послѣдній объяснялъ этотъ случай тѣмъ, что въ молитвенникѣ обѣ молитвы напечатаны одна вслѣдъ за другою. Къ этому можно добавить, что въ одну изъ первыхъ очередныхъ сессій собранія было заявлено гласнымъ изъ крестьянъ, что *на бумагѣ* съ 1862 г. были открыты въ селахъ государственныхъ крестьянъ «женскія училища», на которыя ассигновано особо 75 руб., но и эти деньги въ большинствѣ случаевъ достались наставникамъ «штатныхъ училищъ», уже получавшимъ 100 руб. жалованья, такъ какъ отдѣльнаго помѣщенія для дѣвочекъ не отведено и дѣвочки почти не посѣщали училищъ. Но вотъ крайне суще-

ственное дополненіе ко всему сказанному о положеніи школы до открытія совѣта: въ первую же сессію собранія одинъ гласный изъ крестьянъ категорически заявилъ, что «когда у него въ селѣ открывалось училище, то крестьяне радовались, а когда увидѣли, что *толку изъ него мало*, то перестали посылать туда своихъ дѣтей».

Словами этого крестьянина опредѣлялась вся программа дѣятельности возникавшаго земскаго училищнаго совѣта, которому предстояло доказать народу, что можетъ быть *толкъ* отъ училища, и тѣмъ *вызвать въ немъ сочувствіе* къ школѣ. Но какъ этого достигнуть, когда нѣтъ учителей, не существуетъ никакихъ учебниковъ, кромѣ «Роднаго Слова» Ушинскаго, методъ обученія грамотѣ котораго совершенно недоступенъ *неподготовленному* учителю,—когда нѣтъ денегъ на то, чтобы сколько-нибудь прилично вознаградить трудъ учителя, какъ и на то, чтобы снабдить школы хоть какими-нибудь учебными пособіями? Въ годъ открытія александровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта не было денегъ не только на удовлетвореніе указанныхъ потребностей, но не на что было купить бумаги для того, чтобы написать первые протоколы, и не изъ чего было уплатить за нихъ писцу. А земство?... Не вините его въ томъ, что оно заблаговременно не обезпечило совѣтъ извѣстной ассигновкой; оно не имѣло никакого представленія о томъ, что предстоитъ совѣту, и, выросшее во времена различныхъ «блюстителей училищъ», никогда училищъ не посѣщавшихъ, не могло себѣ представить, чтобы непосѣщеніе училищъ и номинальное служеніе дѣлу могло стоить денегъ. Не было основанія, судя по прошлому, ожидать реальнаго, дѣйствительнаго служенія дѣлу, и первоначальные дѣятели, заставъ крестьянъ вооруженными противъ дѣла, должны были не словомъ, а дѣломъ *убѣждать и самое земство* въ томъ, что стоитъ затрачивать деньги на школы. Но какъ прикажете убѣждать самымъ дѣломъ, когда не на что произвести самое-то дѣло, нѣтъ матеріальныхъ средствъ? Вотъ тутъ-то и сказалась вся сила частной иниціативы, въ союзѣ съ самоуправленіемъ, и вся благодѣтельность закона и административныхъ распоряженій, еще не обратившихъ попечителя школы въ пѣшку или сторожа при школѣ, затрачивающаго деньги на школу съ тѣмъ, чтобы распоряжались въ ней и имъ самимъ другіе.

Озабоченные прежде всего пріобрѣтеніемъ денежныхъ средствъ для веденія дѣла, не считая себя въ правѣ ходатайствовать объ установленіи земскаго налога въ пользу народной школы, въ концѣ дискредитированной въ глазахъ массы и меньшинства всѣмъ ея прошлымъ, и не желая, къ тому же, терять цѣлый годъ, пока могла бы состояться земская раскладка съ поступленіями по ней,—земскіе члены училищнаго совѣта, одновременно съ подготовкою къ самому открытію совѣта, весною 1867 года прінскали въ уѣздѣ 49 лицъ, которыя, по довѣрію къ нимъ, выразили готовность принять на себя званіе попечителей школъ и взносить *ежегодно*, каждый, по 50 рублей въ кассу совѣта. Такимъ образомъ сразу, раньше того,

какъ земство успѣло ассигновать хотя бы одну копѣйку, бюджетъ училищнаго совѣта выражался уже суммою 2.450 руб. *ежегодныхъ* поступленій; кромѣ того, до наступленія осени, совѣтъ успѣлъ вызвать единовременныхъ пожертвованій на 282 рубля, не считая книгъ; на слѣдующій же годъ поступило уже до двухъ тысячъ рублей, вырученныхъ отъ продажи педагогическихъ сочиненій и отчетовъ одного изъ земскихъ членовъ совѣта, пожертвованныхъ имъ въ кассу совѣта, и 237 рублей, вырученные концертомъ любителей, даннымъ въ селѣ. Всѣ эти поступленія состоялись независимо отъ постоянныхъ попечительскихъ взносовъ, которые поступали въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и прекратились только послѣ того, какъ попеченіе совѣта о народныхъ училищахъ уѣзда было прочно обезпечено ассигновкою земскаго собранія. Что касается послѣдняго, то при самомъ введеніи земскихъ учрежденій въ уѣздѣ, еще за годъ до открытія училищнаго совѣта, земство ассигновало 2.000 руб. на воспитаніе въ уѣздѣ народныхъ учителей, о чемъ скажемъ ниже; на народныя же школы или въ распоряженіе училищнаго совѣта первая земская ассигновка состоялась лишь осенью 1867 года, и то въ самомъ скромномъ размѣрѣ—1.400 руб. на весь уѣздъ въ такой годъ, когда частныя пожертвованія слишкомъ вдвое превосходили ассигновку земства. Но къ осени 1868 года дѣло уже настолько развилось и школы успѣли заявить себя въ глазахъ массы и меньшинства съ такой хорошей стороны, что земскій училищный совѣтъ рѣшился выпросить себѣ у земскаго собранія еще дополнительную къ прежней ассигновку въ 2.500 рублей; но и за симъ, при 3.900 рубляхъ, предоставленныхъ земствомъ, въ 1868 и 1869 годахъ частныя пожертвованія почти на цѣлую тысячу рублей превосходили всю ассигновку земства. Съ этихъ поръ ассигновка земства возрастала, а частныя пожертвованія уменьшались. Но мы не станемъ входить въ эти подробности, такъ какъ и сказаннаго достаточно для того, чтобы выяснить, на сколько дѣло народнаго образованія въ уѣздѣ обязано частной иниціативѣ, которой земство протянуло руку помощи. Къ сказанному остается добавить, что весь училищный совѣтъ, въ составъ котораго, какъ мы говорили, входили пять земскихъ членовъ, считая вознагражденіе дѣлопроизводителю, ревизовавшему училищное имущество во всѣхъ школахъ уѣзда, считая вознагражденіе за завѣдываніе книжнымъ складомъ совѣта, считая расходы по разъѣздамъ всѣхъ членовъ и уплату канцеляріи,—никогда не обходился дороже 1.300 рублей въ годъ, когда число школъ въ уѣздѣ доходило до *семидесяти*, а число учащихся—до *трехъ тысячъ*. Такіе результаты доступны только самоуправленію.

Вопросомъ о пріобрѣтеніи средствъ еще далеко однако не выяснилась для училищнаго совѣта возможность дѣйствовать на пользу училищъ, такъ какъ совѣту, на что мы уже указывали, Положеніе 1864 года не предоставляло никакой *власти*, да къ тому же предписаніями не всего можно было и достигнуть. Училища, какъ они ни были ужасны, содержались до

открытія совѣта на счетъ сельскихъ обществъ и совѣтъ, признавая и несправедливымъ, и, по положенію земской кассы, немыслимымъ хлопотать о томъ, чтобы земство приняло на себя полное содержаніе всѣхъ училищъ, вмѣсто того, чтобы доплачивать къ жалованью учителей, устраивать учительскіе съѣзды и библіотеки, снабжать всѣ училища учебными пособіями и поощрять лучшихъ учителей денежными наградами,— должно было позаботиться о томъ, чтобы деньги затрачивались сельскими обществами производительно. Усиліями земскаго училищнаго совѣта достигнуто то, что во многихъ селахъ выстроены новыя училищныя зданія, по плану училищнаго совѣта, и что всѣми сельскими обществами, содержавшими школы, выданы совѣту приговоры, которыми общества обязывались не приглашать учителемъ кого бы то ни было иначе какъ по рекомендаціи совѣта и соблюдать во всѣхъ отношеніяхъ инструкціи училищнаго совѣта. Такимъ образомъ, благодаря приговорамъ сельскихъ обществъ, но никакъ не закону, училищный совѣтъ становился *педагогическимъ* распорядителемъ всѣхъ школъ уѣзда, непрерывно заботясь и о томъ, чтобы сельскія общества, по мѣрѣ силъ, съ году на годъ увеличивали свои ассигновки на пользу училищъ. Результаты обученія такъ зарекомендовали школу, что крестьяне вносили добровольно въ 1868 году 21 тысячу рублей въ годъ на школы, хотя и не безъ проволочекъ въ удовлетвореніи учителей, благодаря безпорядку, но безъ одной копѣйки недоимки въ такіе годы, когда полиціи не удавалось никакъ взыскать податей, не взирая на всевозможныя мѣры принужденія.

Еслибы мы задались задачей хотя вкратцѣ обозрѣть содержаніе тѣхъ обстоятельныхъ отчетовъ совѣта и пяти участковыхъ членовъ его, которые въ печати составляютъ болѣе двухъ сотъ печатныхъ листовъ, за семь лѣтъ дѣятельности *земскаго* училищнаго совѣта, до замѣны его, по Положенію министерства графа Д. А. Толстаго, *правительственнымъ* въ 1874 году, то мы, очевидно, превзошли бы размѣры не только настоящей статьи, но и спеціальной журнальной статьи по народному образованію; поэтому мы можемъ наметить лишь главнѣйшія направленія, въ которыхъ совершилась дѣятельность земскаго училищнаго совѣта, привлекающая наше вниманіе, какъ одинъ изъ опытовъ для провѣрки силы самоуправленія.

Снабженіе школъ возможно лучшими учителями совѣтъ и вмѣстѣ съ нимъ александровское земство всегда считали самою существенною стороной дѣла; но мы уже видѣли*), какъ министерство государственныхъ имуществъ не согласилось на преобразованіе, на счетъ земства, существовавшей въ то время школы лѣсниковъ въ учительскую школу и какъ министерство народнаго просвѣщенія за четырнадцать лѣтъ не дало и отвѣта на просьбу земства, на счетъ послѣдняго, открыть педагогическіе курсы для воспитанія учителей. Между тѣмъ недостатокъ въ учителяхъ, при всемъ томъ, что совѣтъ довольствовался, что касается познаній учителей, среднимъ уровнемъ лицъ, окончившихъ курсъ въ уѣздномъ училищѣ, былъ

*) Въ 1868 году.

такъ великъ, что въ 1867 году, напримѣръ, въ 27 селахъ уѣзда, въ которыхъ сельскія общества ассигновали 5.047 рублей въ годъ на школы, училища остались *неоткрытыми* по неимѣнію учителей. Для того, чтобы добывать учителей, совѣтъ сносился съ различными мѣстностями Россіи, а членами предпринимались даже спеціальныя поѣздки для приглашенія учителей въ уѣздъ. Но и огромное большинство тѣхъ учителей, которые доставались совѣту такимъ образомъ, ни мало не было *педагогически* подготовлено къ дѣлу, а потому прежде опредѣленія на должность проходили чрезъ руки земскихъ руководителей школъ, которые знакомили ихъ съ пріемами обученія, дѣлая то же самое и ежегодно, при осеннемъ посѣщеніи школъ, посредствомъ образцовыхъ уроковъ, обращенныхъ къ ученикамъ. Рядомъ съ этимъ земство и училищный совѣтъ не переставали заботиться о подготовленіи для уѣзда систематически обученныхъ учителей, а потому въ теченіе двѣнадцати лѣтъ ежегодно опредѣлялись въ кубанскую учительскую семинарію земскіе стипендіаты, число которыхъ доходило до 11. Наконецъ, въ виду невозможности, по средствамъ, надѣлять одну, хотя бы крайне многочисленную, школу нѣсколькими учителями и принимая во вниманіе, что учителями приглашаются обыкновенно помощники, ничтожество познаній которыхъ обыкновенно соотвѣтствуетъ ничтожности предоставляемаго имъ содержанія, земскій училищный совѣтъ постановилъ, что 120 рублей получитъ отъ совѣта тотъ изъ учителей уѣзда, который представитъ на экзаменъ, по программѣ, указанной совѣтомъ, подготовленнаго имъ изъ учениковъ народной школы учительскаго помощника, не моложе 14 лѣтъ. Такіе помощники могли бы приносить огромную пользу дѣлу за какіе-нибудь 100 рублей въ годъ; но въ настоящее время это было бы немыслимо, такъ какъ министерство народнаго просвѣщенія требуетъ того, чтобы *помощниками* учителей могли быть только лица, обладающія *учительскими* свидѣтельствами, т. е. на практикѣ имѣющія право на вознагражденіе въ 300 рублей въ годъ. Какъ же поступить въ селѣ, въ школѣ котораго набралось 100 учениковъ? Заплатить 600 руб. жалованья двумъ учителямъ не изъ чего, а «помощника» за малыя деньги не пускаютъ въ школу,—какъ же быть?... Остается только выгнать половину учениковъ изъ школы!

Но чѣмъ больше земскій училищный совѣтъ заботился объ улучшеніи учительскаго персонала, тѣмъ болѣе долженъ онъ былъ заботиться и о томъ, чтобы возвысить учительское жалованье въ уѣздѣ. Въ этомъ отношеніи, благодаря полнѣйшей децентрализаціи и отсутствію какихъ бы то ни было законныхъ нормъ, на соблюденіе которыхъ совѣтъ могъ бы настаивать, существовало величайшее разнообразіе въ уѣздѣ: жалованье учителю колебалось между 32-мя и 400 рублей въ годъ. При отсутствіи педагогически-подготовленныхъ наставниковъ не только десять лѣтъ тому назадъ, но и въ настоящее время, извѣстное разнообразіе въ ассигновкахъ учительскаго вознагражденія цѣлесообразно, если только послѣднее не

опускается ниже извѣстной нормы и если руководители дѣла старательно сортируютъ учителей по ихъ познаніямъ, для рекомендаціи ихъ сельскимъ обществамъ: при такой системѣ простыя школы грамотности, на которыя станетъ средствъ небольшихъ селъ, могутъ обходиться значительно дешевле училищъ съ болѣе развитою программой и тѣмъ не менѣе приносить огромную образовательную и воспитательную пользу. Но, не говоря уже о томъ, что совѣтъ долженъ былъ стремиться къ тому, чтобъ и наименѣе подготовленные учители не получали меньше извѣстной *низшей* нормы, по которой совѣтъ избралъ размѣръ жалованья въ 150 р., земскій училищный совѣтъ долженъ былъ еще обратить вниманіе на то, что сельскія общества крайне различно обременяютъ себя налогомъ въ пользу школы и что нерѣдко тѣ именно сельскія общества, которыя *относительно* всего болѣе платятъ съ души, обладаютъ и худшими учителями, такъ какъ по числу душъ въ селѣ составляется лишь самое несчастное вознагражденіе учителю. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ селъ уѣзда крестьяне обложили себя по 1 р. 40 к. (sic!) съ души, а учителю собиралось такимъ образомъ жалованья всего 100 руб.; въ другомъ селѣ, при уплатѣ по 2 руб. 50 коп. съ души, жалованье учителю составляло всего 75 р. въ годъ. Не сказать же было этимъ селамъ: бросьте школу,— она вамъ не по зубамъ!... Вотъ почему совѣтомъ постановлено доплачивать въ жалованье учителямъ до 150 руб. недостающую сумму въ тѣхъ селахъ, въ которыхъ населеніе обложитъ себя болѣе 40 коп. съ ревизской души и тѣмъ самымъ докажетъ свое сочувствіе къ школѣ. Результатомъ этой мѣры было то, что въ 1871 году изъ 63 учителей и учительницъ уѣзда 48 получали *болѣе* 150 руб. жалованья въ годъ, а въ 1873 г., за годъ до разгрома совѣта Положеніемъ объ училищахъ 1874 г., *среднее* учительское жалованье въ уѣздѣ составляло 210 р. въ годъ, безъ переноса всего школьнаго бюджета въ земскій бюджетъ. Благодаря принятію всѣхъ школъ на счетъ земства, маріупольское уѣздное земство, наприм., въ прошломъ году было поставлено въ трагическое положеніе—на просьбу *пяти* сельскихъ обществъ объ открытіи у нихъ училищъ, повсемѣстно принятыхъ въ этомъ уѣздѣ на счетъ земства, отвѣчать: «не на что, за непоступленіемъ земскихъ сборовъ и за скудостію кассы земства». Съ 1876 года значительно увеличены земскія доплаты учителямъ, такъ какъ въ тѣхъ селахъ, въ которыхъ общество уплачиваетъ не менѣе 20 коп. съ души (вмѣсто прежней нормы въ 40 коп.) и въ школѣ которыхъ собирается не менѣе 40 учениковъ, совѣтъ доплачиваетъ учителю всю сумму, недостающую до 300 руб. (вмѣсто прежнихъ 150 руб.); кромѣ того совѣтъ допускаетъ, на извѣстныхъ условіяхъ, еще двѣ нормы учительскаго жалованья—въ 250 и 200 руб. Но этого совѣтъ достигъ отмѣной тѣхъ учительскихъ наградъ въ 100 и въ 50 р., которыя выдавались учителямъ до 1875 г., *независимо* отъ доплаты къ ассигнованному селомъ учительскому жалованью, сообразно результатамъ весеннихъ экзаменовъ въ школѣ.

Мы соглашаемся съ мнѣніемъ того члена совѣта, который жаловался на это распоряженіе земскому собранію, указывая на то, что такимъ образомъ земскія деньги достались многимъ изъ самыхъ плохихъ учителей, а интересы лучшихъ были нарушены; но земское собраніе, пріученное Положеніемъ 1874 г. не соваться въ училищное дѣло, какъ не въ свое, и не обсуждало даже этого важнаго вопроса по существу; впрочемъ, безспорно и то, что система учительскихъ наградъ можетъ достигать цѣли только при самой внимательной *педагогической* оцѣнкѣ *каждаго* учителя *ежегодно*, что и было до 1874 г., пока существовалъ *земскій* училищный совѣтъ, и что стало немыслимымъ послѣ устраненія самоуправленія отъ дѣла.

Для того, чтобы возможно скорѣе поднять уровень образованія учителей, земскій училищный совѣтъ организовалъ учительскіе съѣзды. Первый изъ нихъ состоялся еще въ 1867 г., когда въ Россіи еще не заговаривали о съѣздахъ, но не для учителей всего уѣзда, а лишь для учителей одного училищнаго участка, противъ дома одного изъ участковыхъ членовъ «земскаго училищнаго совѣта; къ нему въ срединѣ перваго учебнаго года, когда возникало столько вопросовъ, съѣхались всѣ учителя участка на нѣсколько часовъ для того, чтобы разрѣшить свои сомнѣнія и подѣлиться наблюденіями и достигнутыми уже успѣхами. Когда дѣло показало, что этотъ съѣздъ отразился въ высшей степени благодѣтельно на результатахъ обученія, тогда только совѣтъ исходатайствовалъ у земства ассигновку на учительскій съѣздъ для учителей всего уѣзда, продолжавшійся 10 дней. Не задаваясь неосуществимою задачей дать на учительскомъ съѣздѣ учителямъ недостающее имъ образованіе, совѣтъ весьма успѣшно подвинулъ собственно методику обученія въ уѣздѣ посредствомъ образцовыхъ уроковъ по всѣмъ предметамъ элементарнаго курса. Но и это дѣло было сначала затруднено, а затѣмъ и разрушено министерствомъ графа Толстаго, все изъ-за того, что въ то время педагогическія соображенія всегда уступали мѣсто политическимъ, и министерство считало себя призваннымъ къ непрерывной борьбѣ съ какимъ-то миражемъ революціи, самою борьбою этой наводя учителей на такія мысли, которыхъ у нихъ и въ головѣ-то не было.

Заботы земскаго совѣта о школахъ выражались ежегоднымъ посѣщеніемъ и внимательнымъ изслѣдованіемъ *каждой* школы уѣзда *не менѣе* двухъ разъ въ теченіе *каждой* учебной зимы, причемъ всѣ статистическія свѣдѣнія всегда собирались членами совѣта исключительно въ самыхъ школахъ. Какъ далеко отъ такой дѣятельности самоуправленія до казенныхъ посѣщеній инспектора разъ въ два года, которыми она была замѣнена! По весьма обстоятельнымъ *педагогическимъ* вѣдомостямъ того времени можно вычислить, что въ 1871 году всѣ классныя комнаты 67 школъ уѣзда, не считая нѣмецкихъ колоній, занимали пространство въ 7.138 кв. арш., изъ которыхъ на каждую школу причиталось среднимъ счетомъ по 106 кв. арш.; при этомъ было въ то время 16 училищъ, въ которыхъ классныя комнаты занимали болѣе 120 квадр. арш. Слѣдова-

тельно, благодаря настояніямъ совѣта, за четыре года времени уже многія хатенки, въ которыхъ происходило обученіе, замѣнились приличными школьными зданіями. Изъ 67 школъ того времени только 8 находились во временныхъ помѣщеніяхъ, а не спеціально для школы сооруженныхъ зданіяхъ.

На второй же годъ своей дѣятельности училищный совѣтъ могъ уже представить земскому собранію подробную вѣдомость о разосланныхъ имъ учебныхъ пособіяхъ и *къ тому времени* уже оказались разосланными въ школы до 16.000 книгъ, распадавшихся на 30 различныхъ категорій. Кромѣ того совѣтъ организовалъ въ уѣздѣ 8 библіотекъ для чтенія учителей и учащихся, каждую въ 76 томовъ, кромѣ глобуса, карты Россіи и Европы. *Всѣ* школы уѣзда были снабжены совѣтомъ очень крупными счетами, картинами для наглядnаго обученія, картою Александровскаго уѣзда и ежегодно снабжались стальными перьями, карандашами, бумагою и «книгою для отмѣтки явившихся и неявившихся учениковъ».

Совокупность всѣхъ перечисленныхъ мѣръ дала блестящіе результаты обученія въ Александровскомъ уѣздѣ, которому изъ первыхъ пришлось доказать правительству, что служить школѣ не значитъ служить революціи, а обществу, что и при бѣдности нашей на людей, на деньги и на учебныя пособія, при полной апатіи массы по отношенію къ школѣ, при отсутствіи какого бы то ни было содѣйствія со стороны государства и при нерѣдкомъ противодѣйствіи, самоуправленію доступно осуществить толковую школу, которую полюбитъ народъ. Эти результаты категорически выясняются самыми точными вычисленіями совѣта: такъ, напр., весною 1871 года читали при экзаменаторахъ изъ неизвѣстной имъ книги 1.957 учениковъ и изъ нихъ 90% читали *сознательно*, то-есть отдали отчетъ въ прочитанномъ, а если исключить худшія школы, всего до 400 учащихся, то сознательныхъ чтецовъ оказывалось 96%; 1.645 учениковъ были въ состояніи изложить свою мысль или разсказъ экзаменатора на бумагѣ; изъ 1.237 учениковъ, обучавшихся ариѳметикѣ, писали числа вполнѣ безошибочно на экзаменѣ 76%, а за исключеніемъ худшихъ школъ на 744 ученика писали числа *безошибочно* 93%. Если мы приводимъ эти данныя, несмотря на всю спеціальность ихъ, то лишь потому, что желали бы сказать, что до тѣхъ поръ, пока министерство народнаго просвѣщенія будетъ ограничиваться счетомъ числа учащихся, а не дѣйствительно *научающихся*, и не обратится къ *педагогической* статистикѣ, подобной вышеприведенной, до тѣхъ поръ мы будемъ по отношенію къ народной школѣ бродить въ потемкахъ.

Такъ стояло дѣло въ уѣздѣ; но въ 1874 г. наступило для земства прощаніе съ нимъ и до этой минуты дожилъ еще одинъ изъ почтенныхъ первоначальныхъ сподвижниковъ дѣла, который, готовясь передать свое предсѣдательское званіе предводителю дворянства, представилъ земскому собранію обзоръ дѣятельности земскаго училищнаго совѣта за всѣ семь лѣтъ его существованія. Оказалось, что земская ассигновка, начавшись

съ 200 р. въ годъ, дошла до 8.000 р. и не уменьшена въ 1878 г., несмотря на то, что отъ Александровскаго уѣзда отдѣлился Маріупольскій, что уменьшило платежныя силы уѣзда на половину; сельскими обществами издержано, по довѣрію къ совѣту, 86.625 руб., а всего учениковъ перебывало за это время въ школахъ 17.449, причемъ, считая земскій расходъ (35.500 р.) и расходъ крестьянъ, учащійся обошелся въ сложности только въ 6 р. 94 к. Училищнымъ совѣтомъ роздано 7.187 руб. въ награду лучшимъ учителямъ.

И этому великому дѣлу самоуправленія суждено было *не* погибнуть: случайно предводителемъ дворянства Александровскаго уѣзда былъ избранъ одинъ изъ бывшихъ членовъ земскаго училищнаго совѣта, который, за невозможностью совидать при существующихъ условіяхъ, позаботился о томъ, чтобы по возможности меньше разрушать. Не выясняетъ ли этотъ случай самымъ наглядным и очевиднымъ образомъ, въ какую странную ошибку впало бывшее министерство народнаго просвѣщенія, представивъ себѣ, что если оно лишитъ уѣздные училищные совѣты права избирать предсѣдателя изъ своей среды и навяжетъ эту должность предводителю дворянства, обремененному множествомъ самыхъ разнородныхъ занятій, ничего не имѣющихъ общаго со школою, то оно окажетъ содѣйствіе къ торжеству «охранительныхъ началъ». Гарантія этой «охраны» дѣйствительно существуетъ, но состоитъ не въ званіи дворянина, а въ собственности, такъ какъ и купецъ-собственникъ, и крестьянинъ-собственникъ отнюдь не болѣе дворянина-собственника мечтаютъ о томъ блаженномъ времени, когда «анархія» отберетъ у нихъ ихъ собственность. Министерство забыло о томъ, что и въ *земскихъ* собраніяхъ дворяне, изъ которыхъ почти исключительно состоитъ интеллигенція въ провинціи, являются главнѣйшими дѣятелями; слѣдовательно, если нельзя довѣрять земству, то нельзя довѣрять и дворянству, и воображать себѣ въ нашемъ уѣздномъ захолустьѣ какое-то несуществующее «третье сословіе», готовое перевернуть все вверхъ дномъ, по меньшей мѣрѣ смѣшно. Да, кому—смѣхъ, а кому—слезы; на долю же земства достались слезы, такъ какъ его оскорбили ничѣмъ не вызваннымъ недовѣріемъ и отстранили отъ дѣла, для котораго оно было матерью, а не мачихой. И что же оказалось на практикѣ?—Преобразованный училищный совѣтъ, подъ опекою инспектора училищъ, тотчасъ же нашелся вынужденнымъ просить многихъ попечителей школъ производить испытаніе въ школахъ, т. е. создать тѣхъ же *земскихъ* блюстителей школы, которыхъ хотѣли выкурить. Утѣшеніемъ для первоначальныхъ дѣятелей можетъ служить то, что хотя съ 1876 г. земская управа перестаетъ произносить и самыя слова «народное образованіе» въ своихъ отчетахъ, а училищный совѣтъ, ограничиваясь краткимъ отчетомъ собранію, не печатаетъ болѣе отчетовъ о посѣщеніи училищъ,—народная школа пріобрѣла право гражданства въ уѣздѣ на столько, что земство не скупится на ассигновку. То самое земство, которое на-

чало съ издержки въ 1.400 рублей въ такое время, когда сельскія общества издержали 20.342 рубля, какъ въ 1868 году, настолько *перевоспиталось успѣхами народной школы* въ рукахъ самоуправленія, что издержало въ 1879 г., на уѣздъ *на половину* уменьшенный, 10.144 р., а сельскія общества—12.157 руб. Въ настоящее время есть села, въ которыхъ *все* мужское населеніе въ школьномъ возрастѣ посѣщаетъ училище, а среднимъ счетомъ для всего уѣзда *третья часть* всѣхъ мальчиковъ тѣхъ селъ, въ которыхъ есть школы, учится.

Въ заключеніе, говоря о результатахъ, возможныхъ отъ самоуправленія для народнаго образованія, мы не можемъ не упомянуть о томъ, что московскимъ комитетомъ грамотности былъ командированъ въ Александровскій уѣздъ секретарь его, В. С. Кашинъ, а г. намѣстникомъ кавказскимъ были присланы сюда, по представленію г. попечителя, учитель образцоваго училища при учительской семинаріи, инспекторъ народныхъ училищъ Блюдовъ и директоръ кубанской учительской семинаріи, уважаемый педагогъ Д. Д. Семеновъ. Послѣдній, независимо отъ своихъ отзывовъ въ печати, имѣлъ случай выразить свое мнѣніе объ александровскихъ школахъ въ письмѣ на имя тогдашняго предсѣдателя, съ которымъ мы ознакомились, перечитывая протоколы собранія за 1873 годъ. Вотъ это письмо отъ слова до слова:

«М. Г. Изъ прилагаемой оффиціальной бумаги и изъ разсказовъ вашего учителя вы убѣдитесь, что мы сдѣлали все для учениковъ школъ Александровскаго уѣзда,—школъ дѣйствительно лучшихъ во всей Россіи. Это доказали и бывшіе стипендіаты, и настоящіе. Несмотря на то, что къ намъ поступаютъ и ученики духовныхъ семинарій, и гимназій, и уѣздныхъ училищъ, но ваши ученики опережаютъ ихъ, потому что они смышлены, естественны: то, что знаютъ—знаютъ основательно; то, что читаютъ—понимаютъ; фразами не блестятъ, а говорятъ о томъ, что дѣйствительно усвоили и уразумѣли, и, главное, они—хорошіе, трудолюбивые и добросовѣстные работники, а это служитъ признакомъ того, что привычка къ усидчивому труду развита у нихъ уже въ школѣ. Дай Богъ, чтобы побольше давали наши народныя школы такихъ молодыхъ людей для семинарій: тогда будущность ихъ вполнѣ обезпечена.

«Съ истиннымъ почтеніемъ, имѣю честь быть искренно васъ уважающій

«Д. Семеновъ».

13 августа 1873 года.

Таковы были результаты для народнаго образованіи въ уѣздѣ отъ дружнаго содѣйствія частной иниціативы и самоуправленія, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ.

13. Мѣстный судъ.

Не останавливаясь на томъ, что земство всего лучше можетъ содѣйствовать къ правильной организаціи мировой юстиціи осторожнымъ и внимательнымъ отношеніемъ къ производству выборовъ въ мировые судьи,

такъ какъ это разумѣется само собою, мы обратимъ вниманіе читателей на иныя мѣры, выразившія стремленіе александровскаго земства содѣйствовать къ возможно-лучшему осуществленію мироваго суда въ уѣздѣ.

Начнемъ съ того, что еще до введенія мировыхъ судей въ уѣздѣ земское собраніе въ первое же очередное засѣданіе свое уже внесло ходатайство о скорѣйшемъ введеніи ихъ, при чемъ драгоцѣннымъ указаніемъ, выражающимъ все значеніе судебной реформы, служитъ то, что означенное ходатайство не вытекло изъ самостоятельнаго доклада по этому вопросу, который можно было бы упрекнуть въ отвлеченности, или заподозрить въ зависимости отъ навѣянныхъ со стороны принципіальныхъ соображеній,—нѣтъ, это ходатайство оказалось результатомъ продолжительныхъ преній по вопросу о прекращеніи скотскихъ падежей, выяснившихъ, что на бумагѣ у насъ существуютъ самые полезные законы, ограждающіе населеніе отъ распространенія скотской заразы, но они не соблюдаются, такъ какъ не предъ кѣмъ обвинять нарушителей закона.

Введенію мироваго суда предшествовало также ходатайство объ измѣненіи 34 ст. Устава о судебныхъ установленіяхъ, буквальный смыслъ которой требовалъ единогласнаго постановленія всѣхъ, въ законѣ положенныхъ, а не только съѣхавшихся для засѣданія, гласныхъ для избранія въ мировые судьи лица, не совмѣщающаго условій узаконеннаго ценза. Александровское земство ходатайствовало о томъ, чтобы было разрѣшено считать избранными тѣхъ, за которыхъ подадутъ свой голосъ *три четверти всѣхъ съѣхавшихся* гласныхъ; это ходатайство вызывалось мѣстными обстоятельствами, тѣмъ болѣе, что во всемъ Александровскомъ уѣздѣ, совмѣщавшемъ въ то время до полутора милліоновъ десятинъ земли, при населеніи выше ста тысячъ душъ мужскаго пола, не оказывалось болѣе 25 лицъ, удовлетворявшихъ законнымъ условіямъ ценза. Прошелъ годъ послѣ *единогласно* состоявшагося ходатайства и тогда оказалось, что въ этотъ промежутокъ времени состоялось законодательное разъясненіе 34 статьи въ томъ смыслѣ, что для избранія въ судьи лицъ безъ ценза требуется *единогласное* постановленіе всѣхъ *прибывшихъ* гласныхъ, а не трехъ четвертей, какъ ходатайствовало земство. Начальникъ губерніи, въ виду этого разъясненія, вовсе не представилъ ходатайства земства, а возвратилъ его для новаго обсужденія. Собраніе не возобновило своего ходатайства, не разсчитывая на успѣхъ его.

Стремленіе къ возможно-лучшему устройству мѣстнаго суда выразилось и въ томъ, что земство, имѣя право, по закону, назначить каждому изъ мировыхъ судей лишь по 1.500 рублей содержанія въ годъ, повысило его до наибольшей, дозволенной закономъ, нормы—2.200 руб. въ годъ каждому, уплачивая, кромѣ того, по 200 р. въ годъ на содержаніе каждой камеры мироваго судьи. При пяти судьяхъ въ уѣздѣ необязательная доплата, которою земство разсчитывало привлечь лучшія силы и содѣйствовать къ независимости судьи, составила за 12 лѣтъ 53.000 рублей.

Организуя мировую юстицію согласно закону, земству стоило не мало усилій побороть предразсудки тѣхъ изъ гласныхъ, которые, не обращая вниманія на крайнюю нецентральность и ничтожность въ то время уѣзднаго города, настаивали на томъ, чтобъ и съѣздъ мировыхъ судей, подобно всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, засѣдалъ въ уѣздномъ городѣ. Партіи помирились на томъ, чтобы съѣздъ засѣдалъ 8 разъ въ году въ центральномъ *селѣ* и 4 раза въ уѣздномъ городѣ. И тутъ, слѣдовательно, восторжествовала идея самоуправленія надъ бюрократическими традиціями.

Закончимъ нашъ обзоръ отношенія земства къ мировой юстиціи тѣмъ, что вмѣсто прежнихъ арестантскихъ, которыя управа справедливо называла «вертепами зловонія и тѣсноты», александровское земство выстроило въ четырехъ селахъ хорошія зданія и такимъ образомъ уѣздъ располагаетъ теперь, считая и городскую арестантскую, пятью тюрьмами для заключенія лицъ, арестуемыхъ по приговору мировыхъ судей. Каждый арестантскій домъ устроенъ на 20 человѣкъ и состоитъ изъ пяти особыхъ отдѣленій: для подвергаемыхъ *предварительному* заключенію, мужчинъ и женщинъ отдѣльно, для *приговоренныхъ* къ аресту, мужчинъ и женщинъ особо, и особаго отдѣленія для дѣтей.

Мы надѣемся, что, выяснивъ тѣ условія, при которыхъ совершилась дѣятельность земства Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, и тѣ предметы, которыхъ она коснулась, мы привели столько фактовъ, что читатель совершенно самостоятельно придетъ къ заключенію о томъ, что при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ сдѣлано было не мало. Но что одинъ уѣздъ въ нашемъ обширномъ отечествѣ?—Это только одинъ атомъ всего земскаго организма, и слишкомъ странно было бы не допустить того, что не мало мѣстностей въ Россіи, гдѣ сдѣлано столько же, или еще и гораздо больше. Если же это такъ, то справедливо и то, что не даромъ просуществовали до сихъ поръ наши еще подрастающія земскія учрежденія, что въ нихъ все наше будущее и что стоитъ поставить ихъ въ такія условія, чтобъ они могли окрѣпнуть, возмужать и развиваться. Въ 1876 г. земство Александровскаго уѣзда, чествуя десятилѣтіе со времени введенія земскихъ учрежденій въ уѣздѣ, выразило свою вѣрноподданническую признательность Государю Императору за дарованное самоуправленіе. Мы живо помнимъ то время, когда въ средѣ александровскаго земства имя русскаго Царя-Освободителя вызывало *неподдѣльный* восторгъ, такъ какъ служило знаменемъ всѣхъ, желавшихъ прогресса не въ одномъ уѣздѣ, но въ цѣлой Россіи. Пусть же совѣтники Государя держатъ высоко это знамя, къ которому народъ обращается съ довѣріемъ и надеждою.

Бар. Н. Корфъ.

Деревня „Нескучное“
Екатериносл. губ.

Хроника французской жизни.

I.

Вопросъ дня: выборы по департаментамъ и выборы по округамъ; отношеніе къ нимъ гамбеттистовъ и анти-гамбеттистовъ; обновленіе палаты по частямъ.—Внѣшняя политика: миролюбіе Франціи и ея отношеніе къ греческому и ирландскому вопросамъ; Парнель въ Парижѣ.— Вопросъ объ уничтоженіи смертной казни и вопросъ о разводѣ.— Юбилей Виктора Гюго.— Кончина одного изъ министровъ второй имперіи.—Мериме и его переписка съ Панизци.—Кузенъ, его любовно-литературныя увлеченія и его послѣдователи.— «Жена маршала Вильяра и ея время», г. Жиро.—«Графъ де-Сэрръ, его жизнь и его время», Карла Лакомба.— «Та или другая», романъ графини Апраксиной.— Чѣмъ замѣнили цензуру римской куріи и попытка раздѣлаться съ Гёте и Дидеро.— Карнавалъ въ Парижѣ.— Скандальный процессъ въ Бордо.—Пятнадцатилѣтній убійца.—Театръ: возобновленіе «Лукреціи Борджіа»; «Нана».— Выставки картинъ.—Антиквары и собиратели рѣдкостей: Леопольдъ Дублъ и Маріетъ Бей.— Трагическая смерть внука маршала Нея.

Во внутренней политикѣ Франціи среди вопросовъ дня первенствующее мѣсто занимаетъ вопросъ объ измѣненіи избирательнаго закона, въ смыслѣ возстановленія выборовъ по департаментскимъ спискамъ (scrutin de liste) взамѣнъ нынѣшней системы выборовъ по округамъ (scrutin d'arrondissement). Гамбетта упорно стоитъ за первый способъ избранія членовъ палаты, и оно понятно: такая реформа избавила бы его отъ необходимости подвергаться сомнительной баллотировкѣ въ Бельвиллѣ и дала бы ему возможность выступить кандидатомъ во многихъ департаментахъ. Отсюда двойная выгода: избавленіе отъ слишкомъ яснаго осужденія со стороны его прежнихъ избирателей, что, конечно, на много уменьшило бы его популярность, и затѣмъ избраніе милліонами голосовъ, которое неминуемо послужило бы ему чѣмъ-то въ родѣ плебисцита, — пьедесталомъ той власти, которой онъ такъ жаждетъ, на которую смотритъ какъ на нѣчто рано или поздно долженствующее выпасть на его долю,—и расчистило бы ему путь къ президентству республики. И потому именно, что въ данномъ дѣлѣ Гамбетта и его друзья преслѣдуютъ свои личныя цѣли, всѣ его противники, къ какой бы партіи они ни принадлежали, дружно противодѣйствуютъ реформѣ, проводимой гамбеттистами.

Не лишнимъ будетъ припомнить, какъ и при какихъ условіяхъ баллотировка по департаментскимъ спискамъ появилась на нашей политической аренѣ. Въ царствованіе Луи-Филиппа во всей Франціи было всего

200.000 избирателей, имущественный цензъ коихъ требовался въ 200 франковъ земельнаго налога, и всего 30.000 лицъ, обладавшихъ такимъ же цензомъ въ 500 франковъ и потому могшихъ подлежать избранію. Выходило такъ, что депутатъ избирался двумя-тремя стами избирателей, которые чрезъ то и держали въ своихъ рукахъ всѣ дѣла округа, заботясь преимущественно о томъ, чтобъ изъ этой избирательной монополіи извлечь для себя возможно болѣе выгодъ. Лучшимъ кандидатомъ считался тотъ, который могъ доставить своимъ избирателямъ болѣе мѣстъ и другихъ щедротъ. Положеніе, наконецъ, сдѣлалось невыносимымъ; скандалы, порожденные этою системой, дошли до такихъ размѣровъ, что, по удачному выраженію Ламартина, «*презрѣніе совершило переворотъ*», приведшій къ установленію всеобщей подачи голосовъ. Сперва выборы производились по департаментамъ, такъ какъ прежде всего хотѣли сдѣлать депутатовъ болѣе независимыми отъ слишкомъ мѣстныхъ интересовъ. Но затѣмъ при имперіи баллотировка по округамъ была возобновлена, причемъ правительство руководилось не столько соображеніемъ о возможности удачнѣе заправлять выборами при одноименной баллотировкѣ по округамъ, чѣмъ при баллотировкѣ по департаментскимъ спискамъ, а болѣе тѣмъ, что послѣдній способъ требуетъ образованія избирательныхъ комитетовъ, императорское же правительство, въ особенности въ первое время своего существованія, не допускало никакихъ сходокъ. Кромѣ того, при избраніи по округамъ оффиціальный кандидатъ имѣлъ передъ своимъ противникомъ огромное преимущество: въ то время, какъ администрація всѣми зависящими отъ нея мѣрами, всѣмъ своимъ вліяніемъ и участіемъ всѣхъ своихъ агентовъ проводила избраніе своего кандидата,—лицо, не пользовавшееся правительственною поддержкой, должно было на себѣ одномъ выносить всю тяжесть избирательной борьбы, всегда сопряженной съ значительными матеріальными жертвами, съ большими расходами на публикаціи, афиши и т. п. Республика сперва было вернула намъ выборы по департаментамъ, но первая проба была столь же неудачна, какъ и въ 1848 и 49 годахъ. Многіе республиканцы приписывали свою неудачу на выборахъ способу баллотировки и въ 1875 году онъ былъ снова измѣненъ установленіемъ нынѣ дѣйствующей системы выборовъ по округамъ.

Нельзя не признать, что на практикѣ выборы по спискамъ (scrutin de liste) представляютъ много затрудненій. Они производятся по департаментамъ. Избиратель подаетъ голосъ за нѣсколькихъ внесенныхъ въ списокъ кандидатовъ, число коихъ болѣе или менѣе значительно—отъ 8 до 43, смотря по численности населенія департамента. Представьте себѣ несчастнаго малограмотнаго работника, вынужденнаго выставить 43 имени: можетъ ли онъ сдѣлать это сознательно, зная, за кого подаетъ голосъ? И если теперь еще разъ возстановятъ баллотировку по спискамъ, то необходимо по крайней мѣрѣ ограничить число вносимыхъ въ списки кандидатовъ — пятью, напримѣръ. Но и это въ свою очередь имѣетъ свою

дурную сторону: вынуждая формированіе спеціально-избирательныхъ округовъ, оно влечетъ за собой искуственное группированіе жителей.

Наиболѣе сильнымъ доводомъ въ пользу выборовъ по спискамъ служитъ указаніе, что при такомъ спискѣ избиратели подаютъ голоса не столько за то или другое лицо, сколько за извѣстный принципъ, представляемый ихъ кандидатами. Но, возражаетъ противная сторона, баллотировка по спискамъ не есть избраніе прямое, непосредственное, ибо каждый избиратель долженъ волей-неволей безусловно подчиниться рѣшенію того или другаго комитета. Онъ можетъ только принять списокъ составленный однимъ изъ комитетовъ; онъ рѣшаетъ только, какой изъ списковъ ему кажется лучшимъ. Попробуй избиратель составить свой собственный списокъ, и онъ останется въ одиночествѣ, голосъ его будетъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Не ограничиваясь этимъ, защитники баллотировки по округамъ, т. е. баллотировки одноименной, указываютъ, что послѣдній способъ устанавливаетъ связь между избирателями и избираемыми, ведущую къ тому, что депутатъ не только облекается полномочіями, но и дѣлается отвѣтственнымъ представителемъ требованій своихъ избирателей. На это противники окружной системы возражаютъ, что именно слишкомъ тѣсная зависимость отъ избирателей, опека ихъ надъ депутатами и влечетъ за собой весьма частое принесеніе въ жертву интересовъ общегосударственныхъ интересамъ мѣстнымъ и даже личнымъ. Многое можно сказать за и противъ той и другой системы выборовъ, и наиболѣе добросовѣстные республиканцы, ставящіе этотъ вопросъ внѣ борьбы партій, находятся въ большомъ затрудненіи. Какъ бы то ни было, палата назначила уже коммиссію для разсмотрѣнія предложенія, внесеннаго Барду. Коммиссія, за исключеніемъ трехъ ея членовъ, стоитъ за выборы по округамъ, но это вовсе не предрѣшаетъ исхода дѣла въ палатѣ, такъ какъ при составленіи коммиссіи большинство сторонниковъ окружной системы состояло всего изъ 30 голосовъ, отсутствовавшихъ же депутатовъ было болѣе 100. Тѣхъ, которые подадутъ свой голосъ за баллотировку по спискамъ, Гамбетта обѣщаетъ занести въ свои списки и тѣмъ содѣйствовать ихъ избранію, какъ содѣйствовалъ онъ, по словамъ его, избранію 363 депутатовъ, вошедшихъ въ составъ нынѣшней палаты. Онъ манитъ на свою сторону, представляя возможность избѣгнуть тратъ, такъ какъ всѣ расходы по выборамъ будутъ произведены комитетомъ. Но, подобно самому Гамбеттѣ, думающему всего болѣе о своихъ личныхъ выгодахъ, въ данномъ случаѣ и каждый членъ палаты подастъ свой голосъ за тотъ или другой порядокъ выборовъ, руководствуясь всего болѣе своими личными соображеніями о своемъ будущемъ избраніи, тѣмъ болѣе, что закрытая подача голосъ развязываетъ всѣмъ руки, освобождаетъ отъ путъ, наложенныхъ всесильнымъ президентомъ палаты. Во всякомъ случаѣ рѣшеніе палаты по данному вопросу предвидѣть невозможно. Дѣло рѣшится въ послѣднюю минуту. Но уже и теперь предвидятъ, что вы-

боры по департаментамъ, если они будутъ установлены, должны повлечь за собой правительственныя кандидатуры, ибо не будетъ другаго средства бороться, среди сумятицы всѣхъ партій, съ кандидатами клерикальныхъ комитетовъ, достаточно уже доказавшихъ необыкновенную способность возводить клерикаловъ и легитимистовъ въ представителей страны, всего менѣе солидарной съ направленіемъ этихъ родственныхъ другъ другу партій. По-видимому, необходимость оффиціальныхъ кандидатуръ не очень смущаетъ правительство,—напротивъ, оно весьма не прочь имѣть тотъ или другой предлогъ для усиленія своего вліянія на выборы.

Гамбетта хотѣлъ бы возстановленіе выборовъ по спискамъ сопроводить еще другимъ измѣненіемъ, а именно—обновленіемъ палаты по частямъ, такъ чтобы будущая палата была избрана на шесть лѣтъ и затѣмъ каждые два года треть депутатовъ выбывала для замѣны ихъ вновь избранными. По увѣреніямъ почтеннаго предсѣдателя палаты, такая система оградила бы республику отъ опасности столь частыхъ и быстрыхъ перемѣнъ общественнаго настроенія и существованіе республики перестало бы быть вопросомъ, тогда какъ при существующей общей перемѣнѣ палаты случайное анти-республиканское большинство легко можетъ переиначить нынѣшній государственный строй, съ такимъ трудомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, созидавшійся. На это ему возражали, что предлагаемая имъ мѣра не соотвѣтствуетъ народнымъ нравамъ, что во Франціи избирательное воодушевленіе возможно только при общихъ выборахъ, что обновленіе палаты по частямъ усыпило бы общественную мысль, общественное сознаніе, въ то время, когда все требуетъ, если только желаютъ сохранить республику, возможно-большаго поднятія народнаго духа. Несмотря на столь вѣскія возраженія, Гамбетта не легко откажется отъ своего намѣренія, такъ какъ выполненіе его теперь же дастъ ему палату избранную на шесть лѣтъ, т. е. именно такую, которой предстоитъ произвести избраніе будущаго президента республики. А имѣя, повидимому, основаніе разсчитывать на благопріятный для него составъ той палаты, которая будетъ избрана въ текущемъ году, онъ далеко не можетъ возлагать тѣхъ же надеждъ на выборы, имѣющіе быть черезъ пять лѣтъ. Что же касается Жюля Ферри и вообще кабинета, то онъ, не противясь возстановленію выборовъ по департаментскимъ спискамъ, не соглашается на обновленіе палаты по частямъ.

Внѣшняя политика Франціи идетъ по пути для нея необычному: страна, которая съ такою страстью вмѣшивалась въ дѣла всего свѣта и всюду старалась водрузить свое вліяніе, почти совершенно перестала принимать участіе въ происходящемъ внѣ ея границъ. И въ этомъ феноменальномъ поворотѣ, въ этомъ новомъ состояніи французскаго духа нельзя видѣть обдуманнаго сосредоточенія Россіи послѣ Парижскаго мира,—это скорѣе сильное нравственное утомленіе, инстинктивная боязнь думать о будущемъ, о тѣхъ новыхъ опасностяхъ, которыми оно грозитъ, объ осложненіяхъ

и усиліяхъ, которыя могутъ потребоваться. Нельзя не замѣтить, что политическій горизонтъ Франціи съуживался соотвѣтственно измѣненію численности участниковъ въ разрѣшеніи ея общественныхъ дѣлъ. Такъ, всесильная при Луи-Филиппѣ буржуазія въ стремленіяхъ своихъ не выходила за черту города. Нынѣшній республиканецъ-ремесленникъ всего чаще ограничиваетъ свои заботы тѣснымъ кругомъ своего ремесла. А каковы избиратели, таковы и представители ихъ. Къ тому же матеріальные интересы достигли небывалаго развитія. Финансисты управляютъ государствомъ болѣе, чѣмъ государственные люди. Печать—въ рукахъ первыхъ, а это чрезвычайно способствуетъ апологіи мира во что бы то ни стало. Еще очень недавно передъ нами происходило нѣчто весьма странное: министръ иностранныхъ дѣлъ, Бартелеми-де-Сентъ-Илеръ, повторилъ во всеуслышаніе слова Казиміра Перье,—тѣ самыя, которыя въ 1831 году возбудили такое негодованіе оппозиціи, и что же?—сказанныя теперь, они даже въ самой крайней прессѣ вызвали только упрекъ въ недостаточной категоричности. Только одинъ журналъ и одно обозрѣніе замѣтили, что министръ весьма бы могъ обойтись безъ комментированія постановленій Берлинскаго конгресса въ смыслѣ самомъ неблагопріятномъ для тѣхъ, которыхъ Франція покровительствуетъ. Но разъ, что, благодаря чрезмѣрности своего усердія, министру удалось на нѣсколько мѣсяцевъ отдалить представлявшіяся столкновенія на Востокѣ, онъ дѣлался недосягаемымъ. Значеніе Франціи въ рѣшеніи міровыхъ задачъ, правда, уменьшилось, за то биржа на нѣкоторое время была удовлетворена. Греки, разсчитывавшіе на симпатію къ нимъ переводчика Аристотеля, горько разочаровались, подобно тому, какъ разочаровались въ 1831 году итальянцы, разсчитывавшіе на поддержку корсиканца Себастіани. Гамбетта съ своей стороны нашелъ, что интересы грековъ, въ которыхъ онъ, какъ казалось, принималъ большое участіе, далеко не заслуживаютъ того, чтобъ изъ-за нихъ былъ нарушенъ миръ, точно такъ какъ Луи-Филиппъ охладѣлъ къ итальянцамъ послѣ заявленія Меттерниха, что его кабинетъ не допуститъ никакихъ перемѣнъ въ Италіи, даже и въ томъ случаѣ, еслибы пришлось не останавливаться на однѣхъ фразахъ и разговорахъ. Греки же, во время Берлинскаго конгресса, видя, что Франція за нихъ хлопочетъ, что они имѣютъ въ ней сильную опору, запросили то, что имъ всего труднѣе было получить, и вмѣсто того, чтобы требовать возсоединенія съ ними частей турецкой территоріи съ преобладающимъ греческимъ населеніемъ, потребовали себѣ области, эллинизмъ коихъ весьма сомнителенъ и во всякомъ случаѣ спорный. Послѣ войны 1877 года греки очень легко могли бы получить Кандію, подобно тому какъ въ 1866 году итальянцы получили Венецію, тогда какъ присоединеніе къ нимъ Япины представляетъ, пожалуй, не меньше трудностей, чѣмъ уступка итальянцамъ Тріеста, еслибы послѣдніе, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, вздумали его требовать у европейскаго конгресса. — Греки вѣрили Франціи и не обратили вниманія на то, что представитель Турціи на

Берлинскомъ конгрессѣ подписалъ протоколъ только благодаря замѣчанію князя Бисмарка, что подписаніе это почти ни къ чему не обязываетъ Турцію. Они не приняли также въ соображеніе и то, что Франція поставлена въ такое положеніе, что въ настоящее, по крайней мѣрѣ, время она ни въ чью защиту меча своего обнажать не будетъ. И если греки, благодаря своей настойчивости, добьются чего-либо отъ Турціи, то, тѣмъ не менѣе, тѣ два вопроса, защиту которыхъ Франція такъ великодушно взяла на себя, получатъ далеко не удовлетворительное разрѣшеніе и не столько въ силу присущихъ имъ затрудненій, сколько благодаря нежеланію другихъ державъ вершить дѣла, могущія усилить нравственный авторитетъ и значеніе Франціи.

Внутри Франціи греческій вопросъ имѣетъ ту особенность, что именно та фракція палаты, принципы которой всего болѣе могли бы служить грекамъ, т.-е. крайняя оппозиція, оказалась противъ нихъ, по той причинѣ, что Гамбетта, казалось, не прочь помочь имъ, что онъ получилъ приглашеніе отъ короля Георга и греческій дипломъ доктора. Этого было достаточно, чтобъ объявить, что Гамбетта изъ честолюбія, подобно бывшей императрицѣ, затѣваетъ войну, и упрекать его въ недостаточномъ миролюбіи. А между тѣмъ несомнѣнно, что если Гамбеттѣ когда и случается произнесть слово, которое можетъ льстить надеждамъ и желаніямъ арміи, то происходитъ это не столько изъ искренняго желанія возвеличія, сколько изъ необходимости для него поддерживать въ рядахъ войска нѣкоторую къ себѣ симпатію.

Органы періодической прессы враждебные президенту палаты, а съ нимъ и интересамъ греческаго народа, по отношенію къ ирландцамъ высказались, наоборотъ, вполнѣ сочувственно. За то этой несчастной странѣ не сочувствуютъ органы руководимые Гамбеттой. Правительство Франціи старается не гнѣвить Англію, а Гамбетта, видимо подлаживаясь къ принцу Вельскому, оказываетъ крайнее невниманіе Парнелю. Благодаря послѣднему обстоятельству, великій агитаторъ Ирландіи, въ теченіе двухъ недѣль два раза являвшійся въ Парижъ, былъ принятъ одинаково радушно какъ католическимъ духовенствомъ, хотя самъ онъ протестантъ, такъ и *непримиримыми*. Викторъ Гюго обѣщалъ ему написать воззваніе къ человѣчеству о помощи умирающей съ голоду Ирландіи. Надо думать, что великому поэту удастся доказать, что ирландцы не суть орудіе клерикализма, а народъ вполнѣ несчастный, достойный участія. Въ бытность свою въ Парижѣ, Парнель объяснилъ, что движеніе, которымъ онъ руководитъ, исключительно соціальное, имѣющее единственною цѣлью — доставленіе ирландцамъ возможности жить въ Ирландіи, откуда ихъ систематически выживаютъ мѣстные землевладѣльцы, находящіе для себя болѣе выгоднымъ обращать принадлежащія имъ земли въ пастбища.

Эмиграція изъ Ирландіи такъ велика, что насчитываютъ уже болѣе трехъ милліоновъ ирландцевъ, переселившихся въ Америку и Австралію,

гдѣ они размножились и составляютъ шесть милліоновъ жителей, такъ что теперь ирландцевъ, живущихъ внѣ своего отечества, болѣе чѣмъ въ самой Ирландіи. И у всѣхъ этихъ оторванныхъ отъ родной земли людей одно желаніе—возвратиться въ отечество, совершить то, что они называютъ своимъ *исходомъ*; теперь же ихъ главнѣйшая забота — помогать братьямъ, оставшимся на родинѣ.

Ирландцы дѣлятся на нѣсколько партій. Есть между ними такіе, которые мечтаютъ о совершенной независимости Ирландіи; другіе удовольствовались бы возстановленіемъ союза, т. е. возвращеніемъ къ двумъ отдѣльнымъ парламентамъ подъ общимъ скипетромъ королевы Великой Британіи и Ирландіи; третьи требуютъ автономіи Ирландіи; наконецъ, Парнель и его единомышленники ограничиваютъ свои требованія разрѣшеніемъ аграрнаго вопроса и желали бы, чтобъ англійское правительство, выкупивъ у лэндлордовъ фермы, которыми они владѣютъ, перепродало бы ихъ арендаторамъ, что, конечно, нисколько бы не уменьшило ни значеніе, ни могущество Англіи, какъ не ухудшилось положеніе Россіи чрезъ выкупъ части помѣщичьихъ земель и передачу ихъ въ собственность тѣхъ, чьими руками онѣ обработываются. Въ аграрномъ вопросѣ ирландцы гораздо болѣе единодушны, чѣмъ были они при О'Коннелѣ по вопросу о религіозной равноправности. Теперь между католиками и протестантами царствуетъ полное согласіе. Парнель, какъ мы уже замѣтили, протестантъ, но онъ пользуется полною поддержкой католическаго духовенства, большинство коего составлено изъ крестьянскихъ сыновей, само собой разумѣется, смотрящихъ на вопросъ о землевладѣніи глазами своихъ отцовъ. Но и Парнель, и его сторонники очень хорошо знаютъ, что Англія никогда ни въ чемъ не уступала Ирландіи иначе, какъ подъ страхомъ худшихъ отъ неуступчивости послѣдствій. Такъ, когда герцогъ Веллингтонъ рѣшился, наконецъ, предложить установленіе религіозной полноправности, то единственнымъ его доводомъ передъ парламентомъ было указаніе на то, что лучше сдѣлать эту уступку, чѣмъ рисковать тѣми вредными послѣдствіями, которыя всегда влечетъ за собой даже подавленное возстаніе. Нынѣ же возстанія не желаютъ даже самые дѣятельные агитаторы. Парнель, являвшійся во Францію съ цѣлью развѣдать ея намѣренія, уѣхалъ съ убѣжденіемъ, что правительство Франціи ничѣмъ не поможетъ Ирландіи и никоимъ образомъ не согласится причинить какое-либо затрудненіе своей сосѣдкѣ. Даже архіепископъ парижскій, благословляя Парнеля, а въ его лицѣ и притязанія Ирландіи, добавилъ: «лишь бы вы отбросили всякую мысль прибѣгать къ насилію». Англія, видя, что ей нечего бояться немедленнаго возстанія, старается возможно скорѣй обезоружить ирландцевъ и откладываетъ реформы. Но ирландцы слишкомъ далеко зашли, чтобъ успокоиться, ничего не получивъ.

Дома у насъ Луи Бланъ сдѣлался проводникомъ уничтоженія смертной казни. Съ этою цѣлью онъ досталъ въ Италіи прекрасные труды

Манчини, который занимался этимъ вопросомъ въ то время, когда былъ министромъ юстиціи. Луи Бланъ вполнѣ убѣжденъ въ правотѣ своего стремленія, но, повидимому, онъ будетъ имѣть еще менѣе успѣха, чѣмъ имѣлъ его сотоварищъ, Наке, поднявшій вопросъ о возстановленіи развода.

Вопросу о разводѣ у насъ положительно не везетъ. Но и то сказать, сторонники развода дѣйствовали не особенно ловко. Вмѣсто того, чтобы держаться исключительно на почвѣ свободы совѣсти, оспаривать которую большинство парламента не могло бы и не стало бы, они начали доказывать великія достоинства развода, съ чѣмъ далеко не всѣ согласны. Разводъ, допускавшійся наполеоповскимъ кодексомъ, въ 1816 году былъ исключенъ изъ него палатой, извѣстной подъ названіемъ «introuvabbe», по той единственной причинѣ, что онъ противорѣчитъ догматамъ католической религіи, признаной по «хартіи» религіей государственной. Казалось бы, что когда послѣ революціи 1830 года господство католической религіи было изъ хартіи исключено, разводъ долженствовалъ быть возстановленъ; но случилось такъ, что палата отвергла его, благодаря вліянію короля, желавшаго угодить королевѣ Амеліи и ея духовнику. Послѣ этого вопросъ о разводѣ не подымался до 1848 года, когда потребовалъ его, но безуспѣшно, еврей Кремьё. Собраніе того времени не было расположено дѣлать что-либо такое, что могло не нравиться духовенству; но въ настоящее время, когда клерикальное настроеніе ослабѣло, было бы вполнѣ политично представить въ пользу развода одни только анти-клерикальные доводы. Къ тому же доводы этого рода вполнѣ основательны и не страдаютъ противорѣчіемъ. Дѣло заключается вовсе не въ томъ, чтобы сдѣлать разводъ обязательнымъ, а въ томъ, чтобы законъ не принуждалъ не-католиковъ въ наиболѣе серьезномъ жизненномъ дѣлѣ соблюдать догматъ чуждой имъ вѣры. Разводъ никогда никакою религіей не почитался идеальнымъ установленіемъ,—всѣ и всегда смотрѣли на него только какъ на врачеваніе большаго зла,—но невозможно утверждать, что разводъ безнравственъ, ибо у тѣхъ, гдѣ онъ существуетъ, какъ, напримѣръ, у израильтянъ, у всѣхъ протестантовъ и даже у бельгійцевъ, исповѣдующихъ католическую вѣру, семейное начало ничего не утратило въ своей чистотѣ, семья не стала менѣе нравственна, чѣмъ у насъ. И если еще можно понять, что законодательство той страны, гдѣ во всей силѣ царятъ неизмѣнные и абсолютные догматы католической церкви, не допускаетъ расторженія того, что служитель алтаря соединилъ именемъ Бога, то какъ-то смѣхотворно стараніе удержать неразрывность узъ, налагаемыхъ у насъ гражданскимъ чиновникомъ, а еще менѣе понятно, что общество, не признающее ничьей непогрѣшимости, отказываетъ несчастнымъ супругамъ въ возможности исправить сдѣланную ими ошибку, нерѣдко причиняющую большія страданія. Католическая церковь, удерживая неразрывность брачныхъ узъ, въ монастыряхъ своихъ, по крайней мѣрѣ, давала убѣжище несчастнымъ, тогда какъ извѣстный, предостав-

лемый закономъ, выходъ, такъ-называемое «séparation de corps», въ большинствѣ случаевъ служитъ только прологомъ еще большихъ страданій жены и безчестія мужа.—Весьма вѣроятно, что въ будущемъ году новая палата допуститъ разводъ, тѣмъ не менѣе на нашихъ глазахъ произошло событіе болѣе чѣмъ странное: республиканцы и между ними люди ни во что не вѣрующіе вмѣнили въ обязанность тысячамъ своихъ согражданъ ненарушимо чтить догматъ, который они сами не признаютъ.

Парижъ недавно отпраздновалъ юбилей Виктора Гюго. Парижъ не имѣетъ Капитолія, за то самое жилище великаго поэта (avenue d'Eylau) было преобразовано въ храмъ. Первый явился къ нему Жюль Ферри и отъ лица правительства преподнесъ прелестную севрскую вазу. День былъ холодный, сырой и пасмурный, но виновникъ торжества, справедливо подумавъ, что множество людей, долго ждавшихъ возможности его привѣтствовать, разойдутся недовольными, если его не увидятъ, нѣсколько часовъ просидѣлъ у окна съ непокрытою головой и сотни тысячъ людей дефилировали передъ нимъ. Его друзья боялись вредныхъ послѣдствій отъ столь сильныхъ впечатлѣній, но онъ, выдѣляясь надъ эстрадой, заваленной вѣнками, имѣлъ ликующій видъ. *Фигаро* очень зло замѣтилъ, что онъ могъ бы принять эту процессію за репетицію своихъ похоронъ.

На слѣдующій день международное общество литераторовъ поднесло ему три великолѣпныхъ альбома, наполненныхъ десятью тысячами подписей.

Великіе люди часто бываютъ несчастливы, но Виктору Гюго счастье никогда не измѣняло. Родившись въ бѣдности, онъ быстро обогатился. Онъ забралъ въ свои руки главенство въ литературѣ и составилъ себѣ дворъ въ болѣе молодыхъ годахъ, чѣмъ достигъ того же на своемъ поприщѣ Наполеонъ первый, а когда, наконецъ, политическія невзгоды забросили его на островъ, онъ царилъ болѣе, чѣмъ когда-либо. И вотъ теперь, когда тотъ, котораго онъ заклеймилъ прозвищемъ *«ничтожный»* (Napoleon le petit), покончилъ дни свои въ изгнаніи, передъ нимъ торжественно проходитъ громадная армія поклонниковъ. Ему выпало на долю быть преждевременно, если можно такъ выразиться, заживо канонизированнымъ міранами. Но какъ бы великъ ни былъ человѣкъ, которому такія почести воздаются при жизни, выходитъ обыкновенно такъ, что потомству мало что остается добавить въ воздаяніе его памяти.

Викторъ Гюго придалъ поблекшему было французскому языку блескъ и живость и довершилъ въ сферѣ стиха то, чему Шатобріанъ положилъ начало въ прозѣ. Но романы его уже утрачиваютъ свое значеніе, а его драмы съ ихъ внутреннимъ содержаніемъ, производившимъ въ былое время такой фуроръ, начинаютъ казаться устарѣлыми. Тѣмъ не менѣе имя его навсегда останется однимъ изъ славныхъ именъ Франціи. Ему не мало вредитъ излишество усердія его фанатическихъ поклонниковъ; такъ, напримѣръ, къ чему было печатать черняки и наброски его старыхъ рукописей?

Гюго, хотя и космополитъ по направленію и весьма благосклонно относится къ чужеземнымъ знаменитостямъ, мало однако усвоилъ себѣ чужаго, считая вѣроятно достаточнымъ озарить міръ блескомъ французскаго ума. Съ иностранною литературой онъ почти совсѣмъ не знакомъ. Это, впрочемъ, недостатокъ общій французамъ его поколѣнія. Однажды, у себя на вечерѣ, онъ сильно нападалъ на Гёте и при этомъ сказалъ:

— Онъ написалъ одну только драму «Валенштейнъ», да и въ той только начало хорошо.

Одинъ изъ присутствовавшихъ робко замѣтилъ, что «Валенштейнъ» написанъ Шиллеромъ.

— Гёте или Шиллеръ,—рѣзко возвразилъ Гюго,—мнѣ все равно,—этихъ двухъ нѣмцевъ я одинаково не люблю.

Въ послѣдніе мѣсяцы онъ сильно постарѣлъ. Его лицо, прежде столь цвѣтущее, поблѣднѣло и осунулось, глаза углубились. Замѣтно, что если онъ и бодръ для своихъ 80 лѣтъ, то все-таки бремя ихъ даетъ себя чувствовать. Онъ ненавидитъ одиночество,—его гостиныя каждый вечеръ наполняются космополитическою толпой посѣтителей. Работаетъ онъ стоя, держится прямо.

Микель-Анжело, Дантъ и Байронъ вѣчно жаждали дѣятельности и искусство служило для нихъ убѣжищемъ. Викторъ же Гюго хотя и принималъ участіе въ современныхъ ему событіяхъ, но не обладаетъ политическимъ темпераментомъ. Зрѣлище неизгладимой изъ памяти осады и ужасы международной войны вдохновили его на одинъ только томикъ стиховъ. Смѣлость его поэтическихъ твореній придаетъ ему издали сходство съ воинствующимъ громовержцемъ, но въ сущности самъ онъ удовлетворяется переложеніемъ своихъ мечтаній и стремленій на бумагу, весьма покойно предоставляя выполненіе ихъ временамъ грядущимъ. Въ словѣ, съ которымъ онъ обратился къ рабочимъ, отличающемся довольно-таки аффектированною скромностью (истинная скромность французскимъ свѣтиламъ какъ-то не дается), онъ ничего не нашелъ сказать лучшаго, какъ нѣсколько экзальтированныхъ превознесеній городскаго рабочаго надъ земледѣльцемъ, при чемъ трудъ городскаго пролетарія назвалъ трудомъ божественнымъ, творческимъ, а трудъ хлѣбопашца—только человѣческимъ (?!).

Кому принадлежитъ иниціатива устроеннаго въ честь его празднества—не извѣстно, но въ ходъ мысль эта пущена была журналомъ La Lanterne, редакторъ которой, прежній биржевикъ, эксплуатируетъ теперь политику подобно тому, какъ ранѣе эксплуатировалъ общественные фонды. На его призывъ отозвались и провинція, и Парижъ, и глава государства, и министры. Если спросятъ, почему сотни тысячъ людей провели цѣлый дождливый день подъ окнами юбиляра, то можно съ увѣренностью отвѣтить, что тутъ было не одно только любопытство, но и дань уваженія къ человѣку, который въ теченіе полстолѣтія, такъ или иначе, стоялъ за прогрессъ и

свободу, и если не всегда принадлежалъ къ одному лагерю, то неизмѣнно выказывалъ и благородство мысли, и великодушіе сердца.

Во время этого торжества полиція впервые ни во что не вмѣшивалась. Поддержаніе порядка было поручено избраннымъ на то распорядителямъ праздника и порядокъ ничѣмъ не былъ нарушенъ.

Въ то самое время, когда Викторъ Гюго былъ у себя дома привѣтствуемъ толпою, въ честь его въ залѣ Тракадера, подъ предсѣдательствомъ Луи Блана, происходило литературное торжество. Артисты исполнили наиболѣе извѣстныя творенія поэта, а Луи Бланъ произнесъ рѣчь, въ которой высказалъ, что отрадно видѣть, какъ во Франціи, подобно древней Греціи, бываютъ дни, когда, забывъ всякую рознь и борьбу партій, люди сходятся, руководимые однимъ общимъ чувствомъ признательнаго почитанія.

Насколько блестящъ былъ юбилей Виктора Гюго, настолько же незамѣтно прошла кончина Дрюена-де-Льюиса. Бывшій министръ имперіи умеръ на семьдесятъ-шестомъ году своей жизни. Онъ обладалъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ состояній Франціи. Альтонъ Ше, въ своихъ воспоминаніяхъ, разсказываетъ, что онъ зналъ Дрюена-де-Льюиса въ Италіи, когда тотъ былъ еще молодъ, но уже достаточно чванливъ. Будучи депутатомъ при Луи-Филиппѣ, онъ, благодаря одному изъ противоправительственныхъ голосованій, лишился мѣста, которое занималъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Это обстоятельство сблизило его съ оппозиціей. Онъ былъ въ числѣ требовавшихъ преданія суду Гизо и послѣ революціи быстро достигъ высокаго положенія. Ему обязана Франція печальной памяти мексиканскою экспедиціей. Во время австрійско-прусской войны онъ удовлетворился безплодною демонстраціей на Рейнѣ, а какъ только воевавшія державы заключили миръ, онъ вдругъ, ни съ того, ни сего, потребовалъ отъ Пруссіи Майнцъ и Палатинатъ. Пруссія разсмѣялась ему подъ носъ. Онъ никогда не стоялъ на твердой почвѣ и, подобно своему державному властелину, всегда шелъ ощупью. Послѣ крушенія 1870 года онъ, подобно другимъ своимъ сотоварищамъ, тщился оправдаться, но это нисколько не сняло съ него тяжелой доли отвѣтственности за цѣлый рядъ промаховъ и ошибокъ, увѣнчанныхъ седанскою катастрофой. Покинувъ политику, онъ предался занятію агрономіей и былъ предсѣдателемъ Общества земледѣлія. Онъ умеръ бездѣтнымъ.

Недавно вышелъ первый томъ писемъ Меримэ къ Паницци, долгое время занимавшему должность хранителя Британскаго музея и годъ тому назадъ умершему въ Лондонѣ. Паниццы былъ близокъ со многими государственными людьми Англіи, каковы, напр., Гладстонъ, Пальмерстонъ и др. Какъ библіофилъ, онъ былъ въ сношеніяхъ съ Меримэ, и когда въ 1858 году возгорѣлся итальянскій вопросъ, то онъ воспользовался этими отношеніями для блага своей родины, своей дорогой Италіи. Меримэ находился въ большой дружбѣ съ графиней Монтихо и потому былъ однимъ изъ

постоянныхъ посѣтителей «*голубаго салона*» императрицы Евгеніи. И вотъ случилось такъ, что одно изъ писемъ Паниццци, попавъ на глаза императору, вызвало отвѣтъ, писанный министромъ Фульдомъ, который Паниццци сообщилъ Пальмерстону. Умный и ловкій итальянецъ, оказавъ императору нѣсколько услугъ по устройству нѣкоторыхъ дѣлъ его съ Англіей, пріобрѣлъ къ нему доступъ по вопросу о независимости и объединеніи Италіи. Особенной его заботой было возсоединеніе Рима. Меримэ, скептикъ и недоброжелатель римской куріи, былъ именно такой человѣкъ, который лучше другихъ могъ внушить Паниццци, а чрезъ него и государственнымъ людямъ Италіи, необходимость терпѣливаго выжиданія. Въ его перепискѣ много жесткихъ словъ о святѣйшемъ престолѣ,—болѣе жестнихъ чѣмъ тѣ, которыя дозволялъ себѣ его собесѣдникъ,—но всѣ они сопровождались изложеніемъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя препятствовали императору вывести свои войска изъ Рима, и указаніемъ на необходимость предосторожностей, чтобы не слишкомъ сильно задѣть религіозное чувство многихъ французовъ и тѣмъ поставить ихъ во враждебныя къ себѣ отношенія.

Одно изъ наиболѣе интересныхъ мѣстъ переписки то, гдѣ Меримэ, въ виду появившихся въ 1859 году предположеній о войнѣ между Италіей и Австріей, говоритъ, что войны этой желаютъ и императоръ, и народъ, но упорно противъ нея стоятъ всѣ парижскіе салоны и весь дѣловой людъ, увѣряющій, что Франція къ войнѣ не готова, тогда какъ въ арміи царствуетъ превосходное воинственное воодушевленіе и ни одинъ офицеръ, ни одинъ солдатъ не сомнѣвается въ успѣхѣ.

Меримэ во многихъ своихъ письмахъ, писанныхъ очевидно по внушенію свыше, доказываетъ необходимость для Англіи, дабы не снизойдти на степень второстепенной державы, дѣйствовать совмѣстно съ Франціей. По поводу дѣлъ на Востокѣ, 23 мая 1860 года, онъ между прочимъ пишетъ: «Русская нота произвела сегодня большой эффектъ. Конгрессу трудно будетъ помочь послѣднимъ судорогамъ «больнаго», который если и пережилъ императора Николая, то все же чрезъ это силы не набрался. Недавно Тувенель говорилъ мнѣ, что всего болѣе разрѣшенію восточнаго вопроса мѣшаетъ то, что разложеніе христіанъ Балканскаго полуострова столь же велико, какъ и разложеніе турокъ. Это—груда труповъ, навалеиныхъ другъ на друга... Греки и болгары,—говоритъ онъ,—еще бо́льшая дрянь, чѣмъ турки. Нужно начать съ того, что ихъ всѣхъ уничтожить и затѣмъ поселить тамъ честныхъ людей. Изъ этого слѣдуетъ, что теперь не съ кѣмъ и не для кого что-либо дѣлать, развѣ только въ отдаленномъ будущемъ, да и то такъ, чтобы не причинить ущерба общественному достоянію». Всегда симпатизировавшій Россіи, Меримэ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, говоритъ, что мексиканская экспедиція имѣла ту хорошую сторону, что связала Наполеону руки во время событій въ Польшѣ.

Во многихъ изъ его, писанныхъ наскоро, писемъ попадаются любопытныя подробности о женскихъ происках, послужившихъ къ воз-

вышенію графа Валевскаго, и о несогласіяхъ между императоромъ и его женой, по поводу которыхъ герцогъ Персиньи, какъ-то въ октябрѣ 1862 года, сказалъ императору: «Вы, подобно мнѣ, позволяете своей женѣ управлять вами. Но я рискую только своимъ состояніемъ, жертвуя имъ для домашняго спокойствія, тогда какъ вы жертвуете вашими интересами, интересами вашего сына и всей страны. Могутъ подумать, что вы отказались отъ власти, вы теряете ваше значеніе и приводите въ отчаяніе всѣхъ оставшихся у васъ преданныхъ друзей, которые служатъ вамъ вѣрой и правдой».

Мериме не любилъ принца Наполеона. Онъ выставляетъ его человѣкомъ пресыщеннымъ, безтактнымъ, трусливымъ, краснорѣчивымъ,—это правда,—но говорящимъ какъ виртуозъ, не думающій о своихъ слушателяхъ.

Мериме преимущественно литераторъ, эпикуреецъ и эгоистъ. Онъ всегда говоритъ языкомъ свѣтскаго человѣка и его письма отличаются такою тщательностью отдѣлки, которая болѣе свойственна прошлому столѣтію, нежели нынѣшнему; читаются они съ большимъ интересомъ и будущій историкъ второй имперіи найдетъ въ нихъ многое, могущее характеризовать дворъ и общество того времени. Въ нихъ никогда не слышно ни грусти, ни огорченія, даже тогда, когда онъ описываетъ кончину въ Каннѣ своего друга, Виктора Кузена, который, будучи менѣе черствъ, чѣмъ Мериме, и одержимый потребностью какой-либо привязанности, посвятилъ старческія мечты свои оживотворенію портретовъ обольстительныхъ женщинъ прошлыхъ вѣковъ. Кузенъ не одинъ въ своемъ родѣ, — онъ имѣетъ послѣдователей. Между ними Шарль Жиро — членъ института наиболѣе выдающійся. Онъ тоже влюбляется въ прабабокъ. Соперниковъ встрѣтить ему трудно и онъ можетъ въ волю и безъ помѣхи воображать себя обладателемъ всѣхъ ихъ прелестей и тайнъ. И надо сказать, что этими невинными и легкими побѣдами онъ довольнотаки тщеславится. Это столь странное «*романсованіе*», эти своеобразныя воздыханія въ честь, давно въ загробный міръ отшедшихъ, красавицъ до нѣкоторой степени объяснимы. Эпоха «возрожденія» была временемъ воспѣтой Петраркой платонической любви. Во Франціи направленіе это не замедлило переродиться въ изысканную приторность чувствъ и выраженій (précіosité), которая въ свою очередь замѣнилась воркованіемъ героевъ Мариво (marivaudage). Но дѣло въ томъ, что нелѣпыя «précieuses ridicules» и еще болѣе нелѣпые герои и героини романовъ Мариво живьемъ, такъ-сказать, наполняли собою «le pays du Tendre», тогда какъ пламенныя и страстныя воздыханія Кузена и писателей его школы направлены въ загробный міръ тѣней. Доживъ до тѣхъ лѣтъ, когда политика и глазки madame Луизъ Колле перестали волновать его, Кузенъ невольно долженъ былъ искать исхода и своей страсти писать, и своей чувствительности. Философъ-эклектикъ, заимствовавшій у каждой системы то, что болѣе было ему по вкусу, и дошедшій до пріурочиванія философіи къ вопросамъ

дня, къ интересамъ минуты, онъ не могъ остановиться ни на той искренней привязанности къ прошлому, смягченной живыми предчувствіями свѣтлаго будущаго, которая такъ поэтически осѣнила старость Шатобріана, ни на той пламенной любви къ человѣчеству, которая поддерживала Ламенэ до его послѣдняго вздоха. И вотъ въ головѣ своей онъ состряпалъ себѣ любовь особаго рода. Силою воображенія, вынимая изъ склепа одну изъ женщинъ XVII вѣка, онъ ухаживалъ за ней. Горя къ ней страстью, онъ съ жаромъ описывалъ всѣ ея прелести душевныя и тѣлесныя. Онъ весь углублялся въ созерцаніе своей богини. Но не надолго. Скоро и какъ-то сразу онъ переходилъ къ другой. Натура непостоянная, онъ не умѣлъ остаться вѣрнымъ ни m-me Готфоръ, ни m-me Лонгвиль, ни m-me Сабле. Эклектизмъ не покидалъ его и въ тѣхъ изысканіяхъ, которыя онъ дѣлалъ въ области любовной археологіи. Въ мечтахъ и грезахъ своихъ онъ составилъ себѣ цѣлый гаремъ прелестницъ того вѣка, который особенно изобиловалъ женщинами высоко-изящными. Всего охотнѣе онъ завладѣвалъ великими грѣшницами, полагая вѣроятно, что тѣ, которыя такъ много любили, и къ нему не будутъ жестоки. Словомъ, человѣкъ предавался какому-то чувственному донъ-кихотству, ломая въ честь своей Дульцинеи перья вмѣсто копій. Герой сумасбродства, онъ облизывается при представленіи прелестей своей героини, усердно ихъ перечисляетъ и тщательно описываетъ. Но, тогда какъ Донъ-Кихотъ Сервантеса не ограничивается однимъ поклоненіемъ Дульцинеѣ и отважно, беззавѣтно бьется въ честь ея съ воображаемыми врагами, что и придаетъ ему извѣстную долю симпатичности,—Кузенъ занимается исключительно только замогильнымъ волокитствомъ.

То же можно сказать и о произведеніи г. Жиро, облекшагося въ цвѣта жены маршала Вильяра. Онъ менѣе пылокъ, чѣмъ Кузенъ, умѣвшій увлекаться лишь тѣми историческими тѣнями и образами, покровы съ которыхъ онъ съ такимъ наслажденіемъ снималъ. Къ кажденію своей героини Жиро примѣшиваетъ служеніе идеаламъ болѣе современнымъ. Его книга, озаглавленная «Супруга маршала Вильяра и ея время» («Madame la maréchale de Villars et son temps»), посвящена герцогинѣ Галліера, одной изъ самыхъ богатыхъ барынь нашего времени. Мужъ ея всю жизнь свою былъ по уши погруженъ въ биржевыя спекуляціи и оставилъ послѣ себѣ громадное состояніе, къ которому сынъ его отнесся съ необыкновеннымъ въ наши дни пренебреженіемъ. Герцогиня, не зная, что дѣлать съ своими милліонами, поднесла принадлежавшее ей царское помѣстье въ Италіи герцогу Монпансье, одному изъ тѣхъ орлеанскихъ принцевъ, которые инстинктивно придерживаются славянской поговорки «Беручи рука не приберется», а даючи придастся (т. е. оскудѣетъ). Руководясь болѣе разумными побужденіями, герцогиня предназначаетъ свои богатыя коллекціи произведеній искусства для музея, который она хочетъ принесть въ даръ городу Парижу. Геную она одарила дворцомъ Бриньоль (Brignoles). Въ посвященіи своемъ Жиро, подражая напыщенности того

вѣка, о которомъ онъ пишетъ, восклицаетъ: «Герцогиня! Вы не только привлекаете общее къ себѣ вниманіе здѣсь, на землѣ, но уже и тамъ, въ другомъ мірѣ, m-me Шанталь и m-me де-Мирамонъ *) непрестанно бесѣдуютъ о васъ». Но если такое вычурное низкопоклонство въ былое время доставляло пенсіи и награды, то теперь оно способно вызвать развѣ только пожатіе плечъ.

Монографіи, впрочемъ, имѣютъ и хорошую сторону, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ трактуютъ о людяхъ, не имѣющихъ историческаго значенія, — онѣ уясняютъ характеръ эпохи. Только въ этомъ смыслѣ и можетъ быть признана полезною дѣятельность тѣхъ ученыхъ, которые, оставляя безъ вниманія современное, всецѣло погружаются въ эпоху, напримѣръ, Людовика XIV. Мнѣ самому довелось слышать, какъ Шерюель **), возразилъ Мишеле говорившему, что въ такой-то день Людовикъ XIV охотился въ Марли: «Совсѣмъ нѣтъ, въ этотъ день король принималъ слабительное». Подобные ученые до тонкости знаютъ, сколько король тратилъ на свой гардеробъ, приходятъ въ восторгъ отъ всякой новой подробности о камердинерѣ Людовика XIV и остаются вполнѣ безучастными къ самымъ животрепещущимъ современнымъ событіямъ. Этимъ свойствомъ обладаетъ и г. Жиро. «Вспомните — говоритъ онъ, — что графъ Прованскій жилъ въ Версалѣ»,—точно съ нашей стороны было бы преступленіемъ забыть, гдѣ жилъ какой-нибудь побочный сынъ короля. Изъ его монографіи мы узнаемъ, что героиня повѣствованія 19 лѣтъ вышла замужъ за маршала, которому было пятьдесятъ. Сомнѣваюсь, чтобы читателю было столь же, какъ г. Жиро, интересно знать, былъ ли маршалъ за такую самонадѣянность наказанъ, или дѣло обошлось для него благополучно. Для насъ гораздо важнѣе знать, что характеръ жены маршала носитъ на себѣ отпечатокъ того покрытаго славою вѣка, въ которомъ она жила. Когда въ битвѣ при Монплаке мужъ ея былъ раненъ, она поспѣшила къ нему и оттуда сообщая королю, чрезъ посредство г-жи Ментенонъ, извѣстія о немъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ: «Вы любите его ради Франціи, а это величайшая слава и честь».

Психологическія данныя о г-жѣ Вильяръ столь скудны, что, несмотря на все стараніе автора, очеркъ ея вышелъ весьма блѣденъ. За то авторъ тщательно изобразилъ тѣ различныя общественныя сферы, въ которыхъ она вращалась въ теченіе своей долголѣтней жизни. Она умерла въ глубокой старости. Крайне интересно слѣдить за симптомами, которые съ конца царствованія Лудовика XIV предвѣщали близкое распаденіе французскаго общества того времени. Такъ, неповиновеніе арміи начальству, состоявшему изъ распутнаго и высокомѣрнаго дворянства, уже въ то

*) Двѣ благотворительницы и богомолки XVII вѣка. Первая изъ нихъ канонизирована католическою церковью въ 1767 году.

**) Шерюель (Chéruel), историкъ, родился въ 1809 г. въ Руанѣ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ былъ главнымъ инспекторомъ народнаго просвѣщенія.

время предвѣщало, что битва при Расбахѣ не будетъ единственною въ своемъ родѣ, но что за ней послѣдуютъ другія, ей подобныя, пораженія. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Вильяръ съ грустью разсказываетъ, что онъ вынужденъ былъ сказать своимъ командирамъ: «Неужели, господа, я, маршалъ Франціи, вашъ главнокомандующій, первый долженъ кинуться впередъ, чтобы васъ расшевелить?... Если такъ, то впередъ!» Онъ просилъ не разглашать этого, дабы, какъ онъ говорилъ, «враги ихъ не потеряли страха, которымъ онъ, при помощи Господа, надѣется еще воспользоваться».

Послѣ смерти Людовика XIV ханжество, введенное имъ во дни его старости, замѣнилось вакханаліями регентства. Посты, которые графиня д'Олонъ и герцогиня де-ла-Ферте накладывали на свою прислугу, думая, что тѣмъ спасаютъ свои души, уступили мѣсто ужинамъ и баламъ регентства. Вильяръ остался въ милости и при Людовикѣ XV. Онъ, подобно Массенѣ и другимъ военнымъ людямъ, былъ падокъ на деньги. Вступая въ управленіе порученною ему провинціей и выслушавъ рѣчь прокурора, въ которой послѣдній восхвалялъ безкорыстіе его предшественника, герцога Вандома, отказавшагося отъ поднесенныхъ ему по обычаю 20.000 франковъ, маршалъ быстро замѣтилъ:

— Что вы толкуете о герцогѣ Вандомѣ!... Вы хорошо знаете, что онъ неподражаемъ,—и затѣмъ принялъ подарокъ.

Разъ какъ-то Людовикъ XV, вспомнивъ о крупномъ содержаніи, выдававшемся маршалу, спросилъ его, какъ велика будетъ экономія, которую доставитъ его смерть.

— Не знаю, государь, что выгодаете вы, ваше величество, но король, вашъ дѣдъ, почелъ бы себя въ убыткѣ.

Маршалъ и его жена, эти послѣдніе обломки двора Людовика XIV, радушно принимали у себя молодаго Вольтера и помогали ему въ постановкѣ «Эдипа», на первомъ представленіи котораго присутствовалъ и герцогъ Орлеанскій. «Когда вспомнишь,—говоритъ Жиро,—тѣ вольности, которыми переполнена пьеса, затрудняешься объяснить себѣ восторгъ двора. То было знаменіе времени: внукъ Людовика XIV, рукоплещущій Филоктету, говорящему Геркулесу: «Что бы я былъ безъ него? Только сынъ короля». Хотя Жиро сосредоточилъ все свое вниманіе на женѣ маршала, но намъ самъ маршалъ кажется много интереснѣе,—на немъ лежитъ отпечатокъ энергіи общей дѣятелямъ великаго царствованія. Регентъ выговаривалъ ему, что онъ все ставитъ на большую ногу. «Дѣйствительно, ваше высочество,—отвѣтилъ ему маршалъ,—мои первыя мысли всегда стремятся къ великому, и къ посредственному обращаюсь я только тогда, когда великое недостижимо». Но въ эпоху регентства уже испарился духъ Людовика XIV, который, по словамъ m-me де-Севинье, «заставлялъ повиноваться и устремлялъ къ выполненію невозможнаго». Вильяръ умеръ 84 лѣтъ, находясь во главѣ своей арміи. На одрѣ смерти узнавъ, что маршалъ Бервикъ сраженъ пушечнымъ ядромъ, онъ воскликнулъ: «Этому человѣку всегда везло!»

Одновременно съ тѣмъ, какъ въ жизнеописаніи m-me де-Вильяръ, мы нѣсколько ознакомляемся съ французскимъ обществомъ того періода, когда прежній строй его, достигнувъ своего апогея, быстро и неудержимо падаетъ. Шарль Лакомбъ въ двухъ, недавно вышедшихъ, толстыхъ томахъ, озаглавленныхъ «Графъ де-Сэрръ, его жизнь и его время» («Le comte de Serre, sa vie et son temps»), тщится спасти отъ забвенія образъ министра временъ «реставраціи», старавшагося умѣрить невозможные предразсудки и непримиримость вражды возвратившихся изъ изгнанія роялистовъ. Но всѣ эти де-Сэрры и Мартиньяки, желавшіе образумить незнавшій удержу бурбонизмъ, сами по себѣ слишкомъ ничтожны, чтобъ интересовать публику, и сочиненіе г. Лакомба и ему подобныя могутъ служить развѣ только для справокъ при изученіи исторіи «реставраціи».

Графъ де-Сэрръ родился въ 1776 году. Будучи артиллерійскимъ юнкеромъ, онъ эмигрировалъ въ 1789 году и участвовалъ въ отступленіи пруссаковъ въ Шампаньи, съ такою тонкою иронією описанномъ Гёте. Впослѣдствіи герои-республиканцы сломили надменную гордость эмигрантовъ и, вызвавъ удивленіе герцога Ангьенскаго, заставили его воскликнуть: «Это уже не тѣ, что въ 1793 году,—они бьются какъ боги».

Въ царствованіе Наполеона де-Сэрръ вернулся, поступилъ на службу и занялъ должность въ магистратѣ Гамбурга. Онъ велъ себя съ большимъ тактомъ по отношенію къ нѣмцамъ, императорскимъ декретомъ обращеннымъ во французовъ. «Земли, насильственно присоединенныя, никогда не могутъ обратиться въ отечество побѣдителей,—говоритъ Лакомбъ.—Между покореннымъ населеніемъ и чужеземною властью постоянно существуетъ обоюдное недовѣріе, которое подрываетъ искренность частныхъ отношеній». Де-Сэрръ однако съумѣлъ заслужить уваженіе въ Гамбургѣ и оставилъ тамъ по себѣ добрую память. Послѣдняго никакъ нельзя сказать о маршалѣ Даву, котораго де-Сэрръ старался по возможности оправдать. Узнавъ объ его смерти, де-Сэрръ пишетъ: «Отсутствіе дѣятельности губитъ людей, созданныхъ для обширной, необычайной дѣятельности». Самъ авторъ—неслѣдователь Монтеламбера. Онъ смотритъ на «реставрацію» какъ на благодѣяніе и не замѣчаетъ, что пораженіе подъ Ватерлоо попятило назадъ жизнь потрясенныхъ Наполеономъ народовъ. Во Франціи, правда, послѣ его паденія явилась трибуна, но клерикализмъ и аристократія угрожали свободѣ крестьянъ и только іюльская революція отстояла льготы, добытыя первою революціей. Де-Сэрръ не угадалъ, что легитимизмъ во Франціи не имѣетъ уже болѣе жизненной силы, но, во всякомъ случаѣ, это былъ честный человѣкъ. Съ этой стороны его хорошо характеризуетъ одно изъ его писемъ къ женѣ: «Знай,—говоритъ онъ,—что человѣкъ не умѣющій горячо любить отечество не можетъ любить ни жены, ни дѣтей, ни друзей, ни родныхъ, ибо каждая любовь истекаетъ изъ одного и того же сердца». Повидимому, графъ де-Сэрръ былъ прекрасный семьянинъ. Онъ слылъ и краснорѣчивымъ ораторомъ, но я не нашелъ ни одного слова,

которое стоило бы передать. Къ тому же въ своихъ рѣчахъ онъ отстаивалъ большею частью порядки, которые вмѣстѣ съ «реставраціей» отжили свой вѣкъ и болѣе не воскреснутъ. Разсужденія о размѣрѣ избирательнаго ценза и о выборахъ чрезъ уполномоченныхъ, нѣкогда волновавшія публику, кажутся весьма устарѣлыми при всеобщей подачѣ голосовъ. Де-Сэрръ мечталъ объ умѣренной политикѣ, примиряющей ультра-роялистовъ съ либералами, но бурбоны — древо съ подгнившими корнями и сердцевиной, у котораго ни одинъ садовникъ въ мірѣ не въ силахъ вызвать листвы. У лучшихъ изъ ихъ слугъ не хватало логики. Такъ, самые фанатическіе приверженцы «хартіи» не поколебались воспрепятствовать испанцамъ добыть себѣ такое же конституціонное устройство. Шатобріанъ откровенно сознавался, что, задерживая развитіе свободы въ Испаніи, онъ имѣлъ въ виду лишь интересы бѣлаго знамени. Какой непомѣрный эгоизмъ въ этомъ принесеніи въ жертву свободы сосѣдняго народа пустой надеждѣ, что цѣною несправедливо пролитой крови герцогъ Ангулемскій пріобрѣтетъ славу Наполеона!... Графъ де-Сэрръ сочувствовалъ этой несчастной войнѣ, имѣвшей единственнымъ результатомъ усиленіе въ народѣ ненависти къ «реставраціи». Лишившись министерскаго портфеля, де-Сэрръ получилъ мѣсто посланника въ Неаполѣ. Тамъ онъ и умеръ въ 1824 году. У насъ было два рода политическихъ доктринеровъ: одни—державшіеся болѣе исключительнаго направленія, другіе—болѣе либеральнаго. Де-Сэрръ принадлежалъ къ числу первыхъ, представителемъ другихъ можетъ по справедливости считаться Гизо, политика котораго, получивъ перевѣсъ благодаря революціи 1830 года, въ 1848 году въ свой чередъ должна была уступить напору требованій, предъявленныхъ цѣлою націей... И вотъ нынѣ ограниченные и запоздалые умы, желающіе подъ покровомъ парламентаризма наэлектризовать и вызвать къ жизни ту или другую изъ этихъ умершихъ олигархій и опасаясь высказаться прямо, принялись за хвалебные гимны своимъ подвижникамъ. Эти синодики пользуются большимъ почетомъ и у графа Шамбора, и у графа Парижскаго, но трудно думать, чтобъ обратилъ на нихъ вниманіе французскій народъ, о чемъ собственно и хлопочутъ публицисты, подобные Карлу Лакомбу.

Недавно появилась книга, озаглавленная «Та или другая» («L'une ou l'autre»). Авторъ ея—графиня Юлія Апраксина. Въ ней разсказывается, что одна молодая дѣвушка, пользуясь сходствомъ съ своей сестрой-близнецомъ, влюбляетъ въ себя офицера и затѣмъ тщательно скрывается отъ него. Зачѣмъ, почему?—никто не знаетъ. Въ погонѣ за ней офицеръ является въ домъ ея отца и застаетъ ее въ летаргіи, — ее считаютъ умершей. Кто бы, напримѣръ, повѣрилъ, что въ богатой аристократической семьѣ кирасира оставятъ цѣлую ночь одного при тѣлѣ молодой дѣвушки и что никто изъ родныхъ мнимо-умершей не побезпокоится взглянуть на нее. Однако въ романѣ все происходитъ именно такъ. Подъ утро молодая дѣвушка пробуждается. Любовь беретъ свое,—они забываются. Опять на сцену является

услужливая летаргія. Обольститель исчезаетъ. Выздоровѣвъ и почувствовавъ себя матерью, молодая дѣвушка впадаетъ въ отчаяніе. Дѣло заканчивается вѣнчаніемъ на ея смертномъ одрѣ. Она умираетъ, а кирасиръ идетъ въ монахи. Словомъ, цѣлый ворохъ несчастій, тѣмъ болѣе ошеломленному читателю непонятныхъ, что дѣйствующія лица, по увѣренію автора, всѣ—добрые люди и хорошіе между собой знакомые—принадлежатъ къ одной средѣ и ничто, повидимому, не мѣшало молодымъ людямъ упрочить свое благоденствіе обыкновеннымъ порядкомъ, отнюдь не прибѣгая къ непостижимой таинственности. Характеры выставленные въ романѣ крайне ничтожны и во всемъ видна полнѣйшая неопытность автора. Во всей книгѣ нѣтъ и признака того, чтобъ авторъ прочувствовалъ то, что писалъ, вдумывался бы въ свое произведеніе. Надо думать, что мысль написать этотъ романъ навѣяна чтеніемъ Понсонъ-дю-Терайль, но и подражаніе этому литературному жонглёру графини Апраксиной не удалось,—она намного отъ него отстала.

По распространенному въ средѣ французскихъ литераторовъ обыкновенію, нѣкто Барбье-д'Орвильи (Barbey-d'Aurvilly) собралъ въ одинъ томъ нѣсколько уже изданныхъ имъ статей о Гёте и Дидеро. Самъ онъ входитъ въ составъ того полка литературныхъ янычаръ, который сформировалъ Вельо для обороны все еще остающихся обломковъ былаго клерикальнаго строя. Въ литературной полемикѣ онъ прибѣгаетъ къ тому же оружію, которымъ на политическомъ поприщѣ такъ прославилъ себя его наставникъ. Удары онъ сыплетъ градомъ, но всегда невпопадъ. Кричитъ громко, но слышна одна только брань, а путнаго — ни слова. Читателю сдается, будто на мирнаго прохожаго напала шайка буяновъ, съ единственною цѣлью отколотить несчастнаго. Между прочимъ Барбье-д'Орвильи объявляетъ, что Гёте—дуракъ, а Дидеро—шалопай, и оба они такъ скучны, что, читая ихъ, пропадешь съ тоски. Изъ всѣхъ обвиненій для автора послѣднее самое опасное. Нашъ критикъ это хорошо знаетъ и надѣется этой уловкой отклонить публику отъ чтенія книгъ непріятныхъ святѣйшему престолу болѣе успѣшно, чѣмъ можетъ то сдѣлать церковная цензура, которая съ тѣхъ поръ, какъ она утратила возможность сожженія книгъ ею не одобренныхъ, служитъ для многихъ лишь указателемъ того, что слѣдуетъ прочесть, и стала скорѣй рекламой, чѣмъ безчестіемъ позорнаго столба.... И вотъ д'Орвильи съ полнымъ самодовольствомъ и вполнѣ серьезно объявляетъ, что «идеи Гёте, когда онѣ не представляютъ собою квадратную или сферическую и крайне тяжеловѣсную глупость, суть не что иное какъ какой-то мыслительный чадъ, обманчиво походящій на мысли и идеи». Далѣе онъ говоритъ, что Гёте—«созданіе пустое и посредственное, писака, стихоплетъ, компиляторъ, ретушёръ, человѣкъ всюду сующій свой носъ, ротозѣй, педантъ, старый фатъ съ клеенчатой душой, барышникъ, обезьяна, источникъ нечистотъ, нѣмецкій колпакъ, германскій Жокрисъ» и т. д. и т. д. Не имѣя въ рукахъ книги, трудно повѣ-

рить, что нашелся человѣкъ рѣшившійся отзываться такъ о великомъ писателѣ, слава котораго столь прочно установлена. Но еще удивительнѣе, что есть читатели, рукоплещущіе такимъ сорванцамъ-критикамъ... Своими необузданными нападками на одного изъ царей мысли нашего вѣка и величайшаго германскаго писателя авторъ, къ сожалѣнію, льститъ разомъ двумъ нехорошимъ страстямъ: съ одной стороны есть французы, національная гордость которыхъ, оскорбленная воспоминаніями 1871 года, радуется этому побіенію камнями германскаго писателя, взамѣнъ неудачъ надъ графомъ Молтке, съ другой—чувство зависти, низвергшее колоссу Наполеона I, тѣшится возможностью низверженія колоссовъ литературнаго міра.

Девизомъ своимъ д'Орвильи выбралъ слово «*иконоборецъ*», но соотвѣтствуетъ ли оно консерватору, которымъ онъ себя провозгласилъ? Что же касается Дидеро, то съ нимъ онъ обходится еще хуже, чѣмъ съ Гёте. Несомнѣнно, что изъ многочисленныхъ сочиненій Дидеро въ будущемъ немногое сохранитъ свое значеніе. Письма къ m-lle Валланъ, не предназначавшіяся для печати, быть-можетъ все, что уцѣлѣетъ изъ этой громоздкой литературной поклажи, но имя Дидеро всегда будетъ стоять въ ряду славныхъ именъ подготовителей великой революціи.

Карнавалъ въ Парижѣ. Эти слова ничего не говорятъ. Когда скажутъ: карнавалъ въ Венеціи, то гдѣ-то издали слышатся звуки волшебной скрипки Паганини. Карнавалъ въ Ниццѣ — это роскошь дождя изъ цвѣтовъ юга, но жизнь Парижа въ дни карнавала ничѣмъ особеннымъ не отличается: тотъ же вѣчно, непрестанно, изо дня въ день праздничный видъ города. Правда, въ нынѣшнемъ году было особенно много маскарадовъ. Не переживаемъ ли мы вновь времена директоріи? Необузданность удовольствій и наслажденій всегда влечетъ за собой эпидемію преступленій. Неслыханные скандалы ознаменовали собой недѣлю веселья. Въ Бордо идетъ процессъ, названный процессомъ «*усыпляющихъ сатировъ*». Богатые негоціанты и нѣсколько высшихъ офицеровъ изнасиловали дѣтей, проданныхъ имъ горничной, при чемъ и дѣти, и родители были предварительно усыплены наркотическими средствами. Въ Парижѣ пятнадцатилѣтній юноша Леметръ убилъ шестилѣтняго мальчика. Начитавшись скверныхъ романовъ и скандальныхъ процессовъ, ему захотѣлось познать ощущенія, сопровождающія убійство, и снеобробиться явки передъ уголовнымъ судомъ. Онъ, впрочемъ, разсчиталъ послѣдствія своего поступка и знаетъ, что несовершеннолѣтіе избавляетъ его отъ гильотины. Онъ говоритъ, что изрѣзать ребенка — такое наслажденіе, что, будь онъ свободенъ, повторилъ бы свое преступленіе. Литераторы, не брезгающіе общественнымъ смрадомъ и этими міазмами старающіеся возбудить ослабшее обоняніе богачей, упускаютъ изъ виду, что есть несчастные, которыхъ этотъ смрадъ опьяняетъ. Они, какъ плохою водкой, упиваются скверными романами до кровожаднаго хмеля.

«Реализмъ!»—кричатъ намъ. Одинъ очень умный беллетристъ, г. Жюль Леметина, посвятилъ недавно весьма удачную бесѣду вопросу, дѣйствительно ли реалисты сами не причастны тѣмъ пріемамъ и тѣмъ условіямъ, противъ которыхъ они такъ возстаютъ. И что же?—Весьма легко доказать, что они часто сами злоупотребляютъ тѣмъ, что составляетъ предметъ ихъ гоненія. Къ тому же они невѣрно, плохо изображаютъ ту грязь, въ которую влекутъ читателя. «Нана» на сценѣ—скучнѣйшая мелодрама, лишенная живости дѣйствія. Реализмъ до омерзительности доведенъ въ изображеніи оспы. Презрѣнная Нана умираетъ, ухаживая за ребенкомъ. Такія женщины кончаютъ обыкновенно иначе. Полиція на дняхъ нашла одну изъ нихъ задушенною ея любовникомъ,—слѣды зубовъ виднѣлись на подушкѣ. Что хочетъ доказать Зола?... То ли, что падшей женщинѣ не подобаетъ дѣлаться добродѣтельной, или, наоборотъ, что ни одно падшее созданіе не можетъ, какъ говоритъ Гюго, заглушить въ себѣ божественной искры?—Ни то, ни другое. Зола и литераторы его школы хотятъ доказать, что на землѣ все—дѣло случая. Возмутительно, право, это обращеніе, это низведеніе нашихъ добрыхъ и дурныхъ поступковъ на степень простыхъ случайностей жизни. Для реалистовъ смыслъ и мораль всякой житейской драмы—случайное сцѣпленіе обстоятельствъ. По ихъ понятіямъ, порокъ и добродѣтель—такія же случайности, какъ то, что одинъ родится съ бородавкой, другой съ горбомъ, а нравственное паденіе человѣка—то же, что паденіе сорванной вѣтромъ черепицы.

Въ театрѣ Гэте (Gaité) снова даютъ «Лукрецію Борджіа». Г-жа Фаваръ великолѣпна въ своей роли. Какъ извѣстно, Викторъ Гюго во всѣхъ своихъ драмахъ проводитъ мысль, что одно прекрасное и сильное чувство можетъ искупить всякія низости. Его преступники умираютъ съ ореоломъ внезапно пробудившейся добродѣтели, которую они сами въ себѣ не подозрѣвали. Такъ, въ драмѣ «Король забавляется» сумасшедшій возведенъ на пьедесталъ отеческой любви и властвуетъ надъ дворомъ Франсуа I; въ «Моріонъ Делормъ» падшая женщина искупаетъ свои грѣхи пламенемъ чистой и безкорыстной любви; Лукреція драпируется въ материнскую любовь. Во всѣхъ этихъ пьесахъ много неестественнаго и устарѣлаго. Публика неохотно мирится съ героями, у которыхъ сама добродѣтель отзывается эгоизмомъ. Трибуле поощрялъ распутство короля до тѣхъ поръ, пока обольщеніе не дошло до его дочери; Моріонъ Делормъ, ни во что не ставившая любовь другихъ, какъ львица воспрянула въ защиту своего собственнаго чувства; у Лукреціи Борджіа жалость пробуждается только къ своему сыну. Потому-то, быть-можетъ, для всѣхъ выведенныхъ Викторомъ Гюго трагическихъ лицъ нѣтъ другого исхода, кромѣ смерти. У нихъ не хватаетъ добродѣтели, чтобъ исправить свою жизнь,—имъ остается только благородно умирать. И въ этомъ отношеніи Гюго несомнѣнно заслуживаетъ предпочтеніе передъ другими драматургами. Возьмемъ, напримѣръ, «Жака» и «Принцессу Багдадскую».

Кто-то сказалъ о какомъ-то негодяѣ: «онъ на все способенъ, даже на доброе дѣло». Въ Жакѣ выведена развратница, которую даже материнское чувство не исправляетъ. Принцесса Багдадская—знатная дама, которая изъ досады готова продать себя первому встрѣчному, но ее удерживаетъ крикъ ребенка: еслибъ обольститель не такъ грубо обошелся съ нимъ и вмѣсто пинка поднесъ ему игрушку, развязка была бы другая. Посѣтители Théâtre Français отнеслись весьма несочувственно къ этому новому произведенію Александра Дюма, выставившаго high life столь пошлымъ и безстыднымъ, что богачъ можетъ безъ всякихъ обиняковъ и подходовъ предложить знатной барынѣ промѣнять добродѣтель на пышный отель, а та допустить возможность подобной сдѣлки. Трудно рѣшить, превзошелъ ли Дюма дѣйствительность, или же, въ данномъ случаѣ, зрители оказались похожими на тѣхъ, которые сердятся на сходство своихъ портретовъ.

На второстепенныхъ сценахъ даютъ «L'article 47» въ Атенеѣ, «Divorçons» въ Поле-Роялѣ и «Le Roussotte» въ Variété—все это ничтожные фарсы, буржуазныя вакханаліи, въ которыхъ мужья обманываютъ женъ, а жены мужей, и вмѣсто того, чтобъ убивать другъ друга, какъ то полагается въ Comedie Française, хохочутъ во все горло. Въ общемъ итогѣ наши театральныя пьесы не что иное, какъ физіологія прелюбодѣйства. Неужели къ тому же стремится и все искусство, всѣ его отрасли?... Живопись уже имѣетъ своихъ Нана. Въ этомъ можно убѣдиться, посѣтивъ выставки, устроенныя нѣкоторыми парижскими клубами, какъ, напримѣръ, на площади Вандомъ, улицѣ Вольне и др. Публика посѣщаетъ эти выставки охотно, но картины написаны въ томъ же духѣ, какъ и модныя мелодрамы. Г. Жервекъ изобразилъ нагую Нана, передъ зеркаломъ расчесывающую волосы; другой художникъ представилъ послѣднюю сцену поэмы Ролла, Альфреда Мюссэ. Есть впрочемъ и нѣсколько хорошихъ портретовъ: такъ, между прочимъ, портретъ дѣтей г. Кларетти, выполненный мастерскою кистью Каролюса Дюранъ; но выдающихся произведеній не видно. Жеромъ выставилъ изображеніе стѣны храма Соломона. Бида нѣкогда удачно нарисовалъ іудеевъ, плачущихъ надъ этою развалиной; художникъ вложилъ въ свое произведеніе много чувства. Жеромъ же такъ старательно отдѣлалъ свою стѣну, что она кажется только-что выстроенной. Передъ нею стоитъ жидъ въ высокой шляпѣ и отнюдь не молится, а скорѣе разсчитываетъ, во сколько можетъ обойтись квадратный метръ подобной постройки. Антокольскій выставилъ весьма удачный барельефъ и бюстъ доктора Боткина, но послѣдній нѣсколько вульгаренъ. Доре поставилъ группу акробатовъ. Его живопись и скульптура идутъ исключительно въ Америку, рисуетъ же онъ для обоихъ полушарій.

Недавно умеръ Леопольдъ Дублъ, знаменитый антикварій. Домъ его—настоящій музей. У него было много всякой рѣдкой старины, но преимущественно любилъ онъ вѣкъ Людовика XV и со страстью собиралъ все, что

когда-то окружало м-ме Помпадуръ, Дюбарри и Марію-Антуанету. Другой собиратель древностей, Маріетъ Бей, открывшій Серапеумъ *) и ухищреніямъ котораго Лувръ обязанъ лучшею частью своего египетскаго музея, покоился въ сдѣланномъ имъ опустошеніи земли фараоновъ и соорудилъ музей въ Булакѣ **) гдѣ нынѣ и покоится прахъ его въ великолѣпномъ саркофагѣ, вывезенномъ изъ Ѳивъ. Онъ послужилъ сюжетомъ для либретто оперы «Аида» и принадлежитъ къ числу тѣхъ ученыхъ, которые перевоплощаются въ людей изучаемой ими эпохи: онъ покланялся Озирису, какъ Гёте—Юпитеру.

Непріятно говорить о недавнемъ смертномъ случаѣ, надѣлавшемъ много шуму въ обществѣ. Ней, герцогъ Ельхингенъ, внукъ маршала, котораго Наполеонъ называлъ «храбрымъ изъ храбрыхъ», найденъ въ погребѣ съ головой пробитой двумя пулями. Друзья покойнаго думаютъ, что его убили, а публика говоритъ о самоубійствѣ. Посѣщая одинъ изъ парижскихъ вертеповъ, онъ попалъ въ руки людей, которые потребовали отъ него полмилліона, грозя въ противномъ случаѣ разгласить позорящія его обстоятельства. Сознавая, что уплата требуемой громадной суммы не спасла бы его, что на другой же день къ нему пристали бы съ такимъ же вымогательствомъ,—несчастный застрѣлился. Ему было 46 лѣтъ. Производившій объ этомъ слѣдствіе судебный слѣдователь Жило на дняхъ отставленъ отъ должност изза возвращеніе нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ писемъ, найденныхъ у проститутки. Разглашеніе этихъ писемъ могло бы, говорятъ, вызвать нѣсколько самоубійствъ или такой же процессъ, какъ въ Бордо. Духовенство сперва не хотѣло хоронить герцога, но нашелся услужливый врачъ, который выдалъ свидѣтельство, что покойный раненъ въ голову и страдалъ припадками умопомѣшательства, чѣмъ епископъ версальскій и удовлетворился.

W**.

Парижъ.
4 марта 1881 г.

*) Храмъ Аписа въ Мемфисѣ.
**) Предмѣстье и портъ Каира, расположенные на правомъ берегу Нила.

Политическія партіи въ Америкѣ наканунѣ избранія новаго президента.

*(Окончаніе *).*

Можно смѣло сказать, что со времени Линкольна республиканская партія въ первый разъ сдѣлала такой удачный выборъ; даже ея политическіе враги должны были признать, что съ выборомъ Гарфильда значительно поднялись шансы республиканцевъ на побѣду въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Разумѣется, это признаніе не мѣшало демократамъ раскопать всю подноготную его жизни и перебрать всю прошлую политическую карьеру. Къ своей великой радости, они нашли, что имя Гарфильда было замѣшано въ знаменитомъ скандалѣ Credit mobilie; но всѣ инсинуаціи и метаніе грязи въ него по этому поводу не производятъ желаемаго эффекта. За него стоятъ свидѣтельства демократовъ, его сотоварищей по конгрессу, которые, зная всѣ подробности этого архи-грязнаго дѣла, публично заявляли, что Гарфильдъ безупречно чистъ въ немъ. Его неподкупная честность подтверждается еще болѣе тѣмъ фактомъ, что, будучи въ теченіе многихъ лѣтъ предсѣдателемъ бюджетной комиссіи и имѣя въ своихъ рукахъ шнурки отъ государственнаго кошелька, онъ остается до сихъ поръ однимъ изъ бѣднѣйшихъ членовъ конгресса, тогда какъ большинство людей, бывшихъ на его мѣстѣ, съумѣли бы и жить «согласно съ строгою моралью», и нажить огромныя богатства.

Для русскаго читателя не безъинтересно познакомиться съ біографіей Гарфильда. Она показываетъ, что въ Америкѣ еще до сихъ поръ возможно бѣдному человѣку достигнуть высшихъ общественныхъ отличій, не прибѣгая ни къ низкимъ уловкамъ, ни къ обогащенію, а опираясь только на свои нравственныя и умственныя достоинства. Она еще разъ показываетъ все величіе и мощь человѣка, когда онъ, не поддаваясь вліяніямъ среды, не подчиняясь апатично внѣшней обстановкѣ, бодро и смѣло идетъ къ достиженію высшихъ и благородныхъ цѣлей.

---

*) *Русская Мысль*, мартъ.

На самомъ дѣлѣ вся жизнь Гарфильда была тяжелою борьбой съ бѣдностію и лишеніями всякаго рода. Родился онъ въ 1831 году. Отецъ его, бѣдный фермеръ въ Огайо, умеръ, когда ему было 18 мѣсяцевъ отъ роду. На рукахъ его матери оставалась семья, состоявшая изъ двухъ сыновей (старшему сыну было только 10 лѣтъ отъ роду) и двухъ дочерей. Чтобы покрыть долговыя обязательства своего мужа, она продала большую часть фермы и съ оставшимися 30-ю акрами земли перебивалась кое-какъ, пока ея старшій сынъ не подросъ достаточно, чтобы своею работой поддерживать семью.

Нашъ герой, подобно всѣмъ дѣтямъ бѣдныхъ фермеровъ, зимою ходилъ въ школу, а все остальное время былъ употребляемъ на посильныя для его возраста работы въ домѣ и на полѣ.

Мальчикъ имѣлъ страсть къ чтенію, но бѣдность не позволяла ему и думать о возможности имѣть что-либо кромѣ учебныхъ руководствъ и онъ часто, за неимѣніемъ лучшаго чтенія, перечитывалъ длинное и бомбастическое предисловіе къ грамматикѣ Кирхгама, по которой учился въ школѣ. Говорятъ, что даже теперь онъ можетъ передать это предисловіе отъ слова до слова,—такъ сильно врѣзалась оно въ его память отъ частаго перечитыванія. Случайно, впрочемъ, перепадали къ нему книги отъ сосѣдей. Чтеніе Робинзона Крузо и описанія морскихъ путешествій и битвъ возбудили въ немъ страстное желаніе быть морякомъ. 17-ти лѣтнимъ юношей онъ отправляется въ Клевеландъ, чтобы наняться матросомъ на озерныя суда. Разумѣется, что капитаны судовъ, при видѣ его молодости и неопытности въ дѣлѣ, отказывались нанять его и Гарфильдъ, обезкураженный первою неудачей, съ радостію согласился на предложеніе одного изъ своихъ дальнихъ родственниковъ быть погонщикомъ лошадей, тянувшихъ на бичевѣ барку. Хозяинъ барки, видя его добросовѣстность, а также и умѣнье дѣлать хорошо все, за что онъ ни принимался, перевелъ его вскорѣ на должность гребца, а потомъ рулеваго. На этомъ, впрочемъ, и покончилась его карьера мореходца. Осенью 1848 года онъ серьезно заболѣлъ лихорадкой, вернулся домой, пролежалъ въ постели всю зиму и истратилъ весь свой заработокъ на докторовъ и лѣкарства. Мать его, никогда не сочувствовавшая его страсти къ морю, старалась вдохновить въ него желаніе учиться и избрать учительскую карьеру. Молодой и даровитый учитель въ сосѣдней школѣ много помогалъ ей въ этомъ намѣреніи и Гарфильдъ, оправившись отъ болѣзни, поступилъ въ коллегію (нѣчто въ родѣ гимназіи), устроенную для вольно-приходящихъ мужчинъ и женщинъ на счетъ средствъ той религіозной секты, къ которой принадлежала вся его семья. Курсъ открывался только весной и осенью. Въ продолженіе лѣтнихъ каникулъ Гарфильдъ заработывалъ деньги на сѣнокосѣ и помогалъ матери на ея маленькой фермѣ; зимой онъ нанимался учителемъ въ приходскія школы за 12—15 долларовъ въ мѣсяцъ, поочередно пользуясь столомъ въ домахъ своихъ учениковъ. Такимъ образомъ онъ успѣвалъ

содержать себя, платить за свое ученье и помогать матери. О характерѣ Гарфильда, формировавшемся въ то время, можно судить по слѣдующимъ двумъ фактамъ. Однажды, читая автобіографію Генри Райта, онъ былъ пораженъ разсказомъ послѣдняго, какъ сильно занимался онъ, живя въ Шотландіи, и какъ счастливъ онъ былъ въ то время, хотя жилъ только на хлѣбѣ и молокѣ. Немедленно Гарфильдъ сталъ уговаривать своего товарища по квартирѣ усвоить діэту Генри Райта и въ теченіе долгаго времени ихъ издержки на пищу не превосходили 31 цента въ недѣлю на человѣка.—Другой фактъ. Въ одну изъ зимъ, когда онъ изъ голодающаго студента обращался въ учителя приходской школы, одинъ изъ наиболѣе способныхъ учениковъ просилъ Гарфильда помочь ему пройти геометрію. Гарфильдъ не зналъ еще геометріи въ то время, но, не желая отказывать мальчику въ просьбѣ и убѣжденный, что знаніе геометріи будетъ полезно и для него, онъ купилъ руководство геометріи, сталъ проводить ночи надъ изученіемъ новой для него науки, а днемъ объяснялъ мальчику только-что выученныя теоремы.

Въ 1851 г. съ нимъ случился внутренній переломъ. Онъ сталъ религіозенъ, бросилъ навсегда идею быть мореходцемъ и всѣ свои мысли, всю энергію направилъ на осуществленіе одной цѣли—окончить университетское образованіе. Послѣднему рѣшенію особенно содѣйствовала дѣвица Рудольфъ, вольно-приходящая студентка той же гимназіи. Ея знакомство съ Гарфильдомъ скоро перешло во взаимную любовь и они рѣшили между собой вступить въ бракъ не иначе, какъ послѣ окончанія Гарфильдомъ университетскаго курса, когда ему будетъ легче достать мѣсто, обезпечивающее безбѣдное существованіе семьи.

Въ три послѣдующіе года (1851—1854) Гарфильдъ прошелъ курсъ шести-лѣтній и приготовилъ себя къ третьему (снизу) университетскому курсу, заработывая въ то же время средства для существованія, для платежа за ученіе и стараясь сберечь по возможности больше для покрытія издержекъ университетской жизни.

Въ 1854 г. онъ отправился въ Вермонтъ для поступленія въ одинъ изъ лучшихъ университетовъ Америки. Черезъ два года онъ блистательно окончилъ курсъ, вернулся на родину, получилъ мѣсто директора той самой гимназіи, въ которой получилъ свое образованіе, женился и сталъ принимать участіе въ политическихъ вопросахъ, волновавшихъ тогда страну. Въ бытность свою директоромъ, онъ оставилъ неизгладимую память о себѣ во всѣхъ студентахъ, прошедшихъ черезъ его руки, какъ своимъ гуманнымъ обращеніемъ съ ними, такъ и своимъ трудолюбіемъ. Въ одно время, напримѣръ, онъ читалъ публичныя лекціи о геологіи, велъ публичные дебаты противъ спиритуализма, говорилъ проповѣди въ студенческой церкви каждое воскресенье, завѣдывалъ репетиціями пяти или шести классовъ ежедневно, управлялъ финансовыми дѣлами гимназіи, былъ дѣятельнымъ членомъ законодательнаго собранія въ Огайо и изучалъ

законы съ цѣлью сдѣлаться адвокатомъ. Такіе люди, можно навѣрное сказать, всегда успѣваютъ въ жизни.

Въ 1861 г. началась междоусобная война. Гарфильдъ, подобно всѣмъ истиннымъ республиканцамъ того времени, бросилъ семью и обезпеченное положеніе, чтобы принять участіе въ войнѣ. Не удивительно, что, при недостаткѣ въ высшихъ офицерахъ арміи, Гарфильдъ, какъ человѣкъ серьезно образованный, сразу былъ поставленъ на одну изъ видныхъ должностей.

Читатель, вѣроятно, знаетъ, что первый годъ войны былъ очень несчастливъ для Соединенныхъ Штатовъ. Не подготовленная къ войнѣ, не имѣющая хорошихъ офицеровъ и генераловъ, армія сѣверянъ была нещадно побиваема южанами. Въ это тяжелое время всякій успѣхъ оружія, какъ бы маловаженъ ни былъ, успокоивалъ на время ѣдкую боль самолюбивыхъ янки и имя генерала-счастливца было у всѣхъ на языкѣ.

Такимъ счастливцемъ оказался Гарфильдъ. Его удачная схватка съ однимъ изъ второстепенныхъ генераловъ Юга не имѣла никакихъ серьезныхъ послѣдствій; тѣмъ не менѣе ею было положено начало дальнѣйшей карьеры.

Говорятъ, что Линкольнъ, получивъ депешу объ этомъ успѣхѣ, обратился къ стоявшему возлѣ генералу, окончившему образованіе въ Вестъ-Пойнтской военной академіи, съ вопросомъ:

— Не можете ли вы сказать, отчего Гарфильдъ успѣваетъ тамъ, гдѣ проигрываютъ другіе?

— О,—саркастически отвѣтилъ генералъ,—вѣроятно отъ того, что онъ не былъ въ Вестъ-Пойнтѣ.

— Можетъ-быть,—сказалъ Линкольнъ.—Но главная причина заключается въ томъ, что онъ съ дѣтства долженъ былъ добывать все отъ жизни упорнымъ и тяжелымъ трудомъ.

Впрочемъ Гарфильдъ не долго оставался на войнѣ. Въ 1862 году онъ былъ избранъ народнымъ представителемъ въ конгрессъ и съ тѣхъ поръ до настоящаго времени оставался въ конгрессѣ, постоянно выбираемый вновь каждые два года. Необыкновенное трудолюбіе и добросовѣстное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, которыми отличался Гарфильдъ въ своей молодости, скоро выдвинули его въ число передовыхъ людей республиканской партіи... Когда Блэнъ (бывшій до 1872 года предсѣдателемъ палаты представителей) былъ избранъ сенаторомъ, Гарфильдъ сталъ предводителемъ республиканцевъ въ палатѣ представителей и выполнялъ эту щекотливую должность съ замѣчательнымъ тактомъ. А прошлою зимой законодательное собраніе штата Огайо, въ знакъ народной благодарности за заслуги Гарфильда, назначило его сенаторомъ въ конгрессъ на мѣсто другаго сенатора, отбывающаго свой срокъ 1-го декабря этого года.

Недавно на одной изъ публичныхъ демонстрацій, устраиваемыхъ республиканскою партіей, въ главѣ процессіи шли рабочіе со знаменемъ, на

которомъ, подъ портретомъ Гарфильда, красовалась надпись: «Отъ бичевой тропы къ президентству». Это лаконическое изреченіе заключаетъ въ себѣ все, что можно сказать и въ честь человѣка, и въ честь страны, допускающей возможность такихъ явленій.

Разумѣется, вопросъ о томъ, будетъ ли Гарфильдъ избранъ президентомъ, или нѣтъ, зависитъ не столько отъ его личныхъ качествъ, какъ отъ относительной силы борющихся партій, и, для болѣе вѣрнаго рѣшенія вопроса, намъ слѣдуетъ перейдти теперь къ оцѣнкѣ принциповъ и силы другихъ двухъ партій.

Я подробно говорилъ въ другомъ мѣстѣ, почему демократическая партія была ненавистна народу и почему ея оппозиція противъ республиканцевъ не имѣла никакого серьезнаго значенія. Теперь, когда она торжественно отреклась отъ права Штатовъ на выдѣленіе изъ Союза, когда она признала законность всѣхъ мѣръ, приведенныхъ въ Южныхъ Штатахъ послѣ войны, и помирилась съ расширеніемъ права голоса на негровъ,—теперь демократическая партія становится силой, серьезно угрожающею республиканцамъ.

Какъ ни хороша была администрація Гэса, она не въ состояніи вычеркнуть изъ памяти народа прежнія продѣлки республиканцевъ. Еще свѣжо то время, когда конгрессъ грабилъ страну, раздавая денежныя субсидіи желѣзнодорожнымъ компаніямъ (составленнымъ изъ тѣхъ же членовъ конгресса) и отдавая имъ обширныя территоріи,—когда палата представителей, не рѣшаясь изгнать изъ своей среды депутатовъ, завѣдомо и *доказательно* занимавшихся взятками, ограничивается только чтеніемъ публичнаго выговора,—когда конгрессъ рѣшаетъ увеличить жалованье народнымъ представителямъ и сенаторамъ съ обратною силой на прошлые года... Еще никто не забылъ, какъ жена Гранта, служа ширмою для мужа, спекулировала акціями различныхъ компаній,—какъ его родственники, разсаженные по хлѣбнымъ должностямъ, нагло потворствовали злоупотребленіямъ и какъ прокуроръ, разоблачившій ихъ, былъ смѣненъ Грантомъ, а слѣдствіе замято. Всѣмъ памятно, какъ его военный министръ, отданный подъ судъ сената за взятки и избѣгшій судебнаго наказанія только вслѣдствіе крючкотворныхъ формальностей, оставался и послѣ суда министромъ и конфиденціальнымъ совѣтникомъ Гранта. Народная совѣсть возставала противъ республиканцевъ. Разумѣется, пока народу угрожали новымъ распаденіемъ и новою войной, онъ готовъ былъ терпѣть вдвое большее зло, лишь бы не возобновлялась прежняя исторія. Но теперь, когда цѣлость Союза обезпечена, народъ все болѣе и болѣе склоняется на сторону демократовъ, сильныхъ обличеніемъ прежнихъ злоупотребленій и указаніемъ на вредные результаты централизаціи.

Измѣняя свои взгляды на право расторженія Союза, демократы измѣнили также свою финансовую политику. Прежде демократы были сильно заражены теоріей гринбакеровъ и постоянно противодѣйствовали усиліямъ

республиканцевъ вернуться къ возстановленію платежа звонкою монетой. Теперь, когда платежъ этотъ становится совершившимся фактомъ, а экономическое положеніе страны значительно улучшилось, они благоразумно перемѣнили свою тактику и въ «платформѣ» этого года заявили себя за сохраненіе существующаго порядка вещей.

Такая перемѣна не показываетъ особенной устойчивости и опредѣленности ихъ финансовой политики, за то они обезпечили за собой сочувствіе капиталистовъ и отняли у республиканцевъ возможность пугать народъ увѣреніемъ, что съ побѣдою демократовъ страна будетъ снова ввергнута въ состояніе экономической и финансовой анархіи.

Единственная разница во взглядахъ двухъ партій на финансы страны заключается въ томъ, что республиканцы стоятъ за протекціонный тарифъ, а демократы—за установленіе однообразной таможенной пошлины на всѣ ввозимые товары.

Газеты республиканской партіи много смѣются надъ недавними перемѣнами во мнѣніяхъ демократовъ и говорятъ, что, отбросивши всѣ свои политическія мнѣнія, демократическая партія если не распадается, то лишь вслѣдствіе сильнаго желанія захватить должностныя мѣста. Если смотрѣть на эти слова не какъ на острую шутку, а какъ на серьезное обвиненіе, то они не выдерживаютъ критики. Отбросивши распрю о самодержавіи Штатовъ и снявши свою оппозицію по финансовымъ вопросамъ, демократическая партія служитъ выразительницею серьезныхъ вопросовъ: должны ли Штаты обратиться въ провинціи, подчиненныя федеральной власти? Долженъ ли народъ терпѣть постоянное вмѣшательство президента и федеральныхъ солдатъ во внутреннія дѣла Штатовъ? Не грозитъ ли чрезмѣрный ростъ центральной власти окончательному уничтоженію мѣстнаго самоуправленія и созданію цезаризма? И не есть ли агитація республиканцевъ, стоящихъ за «strong man», только прямымъ и логическимъ послѣдствіемъ ихъ централизаціонныхъ стремленій?

Вопросы эти, повторяю, слишкомъ серьезны, чтобы ставить ихъ ни во что.

Нѣкоторые органы республиканской партіи нападаютъ на демократовъ съ другой стороны. Они утверждаютъ, что демократы только повидимому перестали быть «бурбонами», что они хотятъ только одурачить народъ и что, разъ захвативши власть, они круто повернутъ къ своимъ излюбленнымъ идеямъ и снова кинутъ страну въ состояніе политической и экономической анархіи. Такое обвиненіе могло бы имѣть силу, еслибы кандидатомъ демократической партіи былъ избранъ кто-либо изъ непримиримыхъ защитниковъ «бурбонизма», но, къ счастію для партіи, ея делегаты обнаружили необыкновенную мудрость. Въ засѣданіяхъ конвента не обнаружилось и слѣда той затаенной вражды и упорства, съ которыми боролись республиканцы. Мирно и скоро (на 2-ой баллотировкѣ) они избрали своимъ кандидатомъ генерала Ганкока, отличавшагося военными

подвигами въ войнѣ съ южанами и заклятаго врага сепаратизма. Его имя ручается въ невозможности поворота къ прошлому.

Возраженіе оппонентовъ, что Ганкокъ есть не болѣе какъ кукла, какъ послушное орудіе въ рукахъ демократовъ, теряетъ всю свою силу въ виду общеизвѣстной честности и силы характера Ганкока.

Карьера Ганкока была совершенно отлична отъ карьеры Гарфильда. Сынъ достаточныхъ родителей въ Пенсильваніи, онъ былъ отданъ въ Вестъ-Пойнтскую академію, прошелъ тамъ курсъ военнаго образованія и поступилъ офицеромъ въ армію. Онъ участвовалъ въ экспедиціяхъ противъ индѣйцевъ и въ мексиканской войнѣ, вездѣ отличаясь распорядительностью и спокойнымъ мужествомъ. Когда началась война съ Южными Штатами, онъ, хотя демократъ по убѣжденію, сталъ на сторону уніонистовъ. Онъ не обладалъ блестящими способностями Шермана или Гранта, но онъ былъ, употребляя классификацію Наполеона I, превосходнымъ корпуснымъ командиромъ и въ этой должности оказалъ замѣчательныя услуги странѣ.

Послѣ окончанія войны Южные Штаты были раздѣлены на военные округи и во главѣ каждаго изъ нихъ былъ назначенъ военный начальникъ, обязанность котораго состояла въ защитѣ только-что освобожденныхъ негровъ отъ притѣсненія бѣлыхъ.

Ганкокъ былъ назначенъ военнымъ начальникомъ Луизіаны. Федеральное правительство, довѣряясь честности и прямотѣ Ганкока, не побоялось довѣрить демократу наблюденіе за Штатомъ, населеннымъ самыми непримиримыми врагами Союза.

Многіе изъ начальниковъ, имѣя широкія полномочія и право вмѣшиваться во внутреннія дѣла Штатовъ, черезчуръ усердно исполняли свои обязанности. Малѣйшее проявленіе народной воли, не соотвѣтствующее видамъ республиканской партіи, было представляемо мятежомъ и федеральные солдаты легко приводили все къ желаемому концу. Военное управленіе начинало получать перевѣсъ надъ гражданскимъ. Подъ прикрытіемъ федеральныхъ штыковъ особеннаго рода паразиты, получившіе отъ южанъ кличку карпетъ-баговъ *), объявляли себя защитниками негровъ и, съ помощію ихъ голосовъ, занимали всѣ должности Штата. Отличаясь политическимъ безстыдствомъ и страстію къ наживѣ, они легко богатѣли на счетъ народа и были для него тяжелымъ бременемъ.

Ганкокъ добросовѣстно выполнялъ свою щекотливую обязанность и твердо поддерживалъ негровъ въ отстаиваніи ихъ новыхъ гражданскихъ и политическихъ правъ; но когда карпетъ-баги Луизіаны захотѣли пользоваться военною властію для достиженія своекорыстныхъ цѣлей, когда всякій протестъ противъ ихъ злоупотребленій они представляли мятежомъ

*) Отъ слова carpet bag—ковровый сакъ-вояжъ. Такъ назывались тѣ янки, которые съ легкимъ узелкомъ въ рукахъ переселились въ Южные Штаты.

и взывали къ Ганкоку за военною помощію,—Ганкокъ не могъ поступать подобно другимъ военноначальникамъ. Для руководства своимъ подчиненнымъ онъ издалъ циркуляръ, въ которомъ говорилъ, что военная власть, обязанная прекращать малѣйшую попытку къ возобновленію прежней войны, отнюдь не должна вмѣшиваться во внутреннее управленіе Штата, что въ республикѣ военная власть всегда должна быть подчинена гражданской и что всѣ препирательства между должностными лицами, если только они не выходятъ изъ предѣловъ законнаго протеста, должны рѣшаться судами Штата безъ всякаго вмѣшательства военной власти.

Циркуляръ этотъ, полный примирительнаго духа и великодушія со стороны побѣдителя, не приходился по вкусу карпетъ-багамъ и не соотвѣтствовалъ видамъ центральнаго правительства. Грантъ немедленно смѣнилъ Ганкока, переведя его на мѣсто военно-окружнаго начальника въ Сѣверныхъ Штатахъ *). Тѣмъ не менѣе его циркуляръ придалъ больше блеска его имени, чѣмъ всѣ его военные подвиги въ только-что оконченной войнѣ. Съ тѣхъ поръ Ганкокъ представляетъ собою идеалъ умѣренныхъ демократовъ и его имя постоянно встрѣчается въ числѣ баллотирующихся кандидатовъ на президентское званіе. Разумѣется, пока большинство демократовъ упорно отстаивало самодержавныя права Штатовъ и отрицало законность реконструкціонныхъ мѣръ федеральнаго правительства, Ганкокъ не могъ имѣть многочисленныхъ приверженцевъ. Съ поворотомъ въ мнѣніяхъ партіи, Ганкокъ сталъ пріобрѣтать все большую силу. Въ 1876 г. число делегатовъ, подавшихъ свой голосъ за Ганкока, доходило до 289 голосовъ (при общемъ числѣ 756 делегатовъ), а въ этомъ году онъ сталъ, употребляя выраженіе американцевъ, знаменосцемъ партіи.

Выборъ этотъ безспорно хорошъ,—личность Ганкока вполнѣ безупречна. Даже республиканцы, съ жадностію отыскивающіе всякій случай, могущій повредить его репутаціи, ограничиваются только обвиненіемъ его въ суровомъ обращеніи съ Сюраттъ (женщиной, участвовавшей въ заговорѣ на жизнь Линкольна и приговоренной судомъ къ повѣшенію) и въ томъ, что, будучи военнымъ начальникомъ въ Вашингтонѣ, онъ настаивалъ на немедленномъ исполненіи судебнаго приговора надъ этою женщиной. Впрочемъ, я чуть было не забылъ упомянуть о другомъ обвиненіи почти такой же важности: республиканцы узнали, что Ганкокъ носитъ корсетъ (!).

Не будучи въ состояніи подкопаться подъ его репутацію, какъ человѣка, республиканцы ограничиваются только общими возраженіями, въ родѣ такихъ, что Ганкокъ, проведя свою жизнь въ военной службѣ, не знакомъ ни съ состояніемъ умовъ въ странѣ, ни съ экономическими нуждами народа, и что онъ не съумѣетъ такъ хорошо управлять государственнымъ кораблемъ, какъ управлялъ своимъ корпусомъ. И говорится все

*) Въ настоящее время Ганкокъ — начальникъ Нью-Іоркскаго военнаго округа.

это безъ зазрѣнія совѣсти, послѣ того, какъ они сами въ продолженіе 8 лѣтъ имѣли генерала своимъ президентомъ и, несмотря на его неспособность къ государственнымъ дѣламъ, такъ недавно и сильно агитировали въ пользу его новаго избранія.

Видя неуязвимость Ганкока, республиканцы тѣмъ съ большею яростію накинулись на Инглиша, демократическаго кандидата на вице-президентское званіе и извѣстнаго милліонера и банкира въ Индіанополисѣ (главномъ городѣ въ Штатѣ Индіаны). Инглишъ (English) былъ выбранъ только потому, что демократическая партія сильно желаетъ перетянуть Индіану на свою сторону. Штатъ этотъ всегда горячо оспаривается во время президентскихъ выборовъ, такъ какъ число республиканцевъ и демократовъ въ немъ почти одинаково и часто переходъ нѣсколькихъ сотенъ голосовъ изъ одного лагеря въ другой измѣнялъ относительную силу партій. Понятно, почему каждая партія употребляетъ всѣ усилія, чтобъ имѣть за собою большинство населенія и такимъ образомъ обезпечить за собой избирательную коллегію Индіаны; понятно также, что личное вліяніе и связи Инглиша, живущаго въ этомъ Штатѣ, а въ особенности его деньги—могутъ оказать значительную помощь демократамъ.

Личность Инглиша, вѣроятно, ничѣмъ не отличается отъ сотни другихъ ему подобныхъ капиталистовъ. Такъ же, какъ и они, онъ рачительно блюдетъ интересы своего кармана, даетъ деньги за проценты, взыскиваетъ неустойки и продаетъ съ аукціона имущество неоплатныхъ должниковъ. Во время народнаго бѣдствія 1874—1878 годовъ онъ наравнѣ съ другими капиталистами имѣлъ хорошую наживу. Словомъ, онъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ сотоварищей по ремеслу. Но республиканцы позабыли, вѣроятно, что подобныя явленія становятся возможными только вслѣдствіе ихъ финансовой политики. Они выкопали изъ архивовъ и опубликовали во всѣхъ своихъ газетахъ длинный листъ всѣхъ судебныхъ взысканій и продажъ съ аукціона, совершенныхъ Инглишемъ, и отъ души смѣются надъ этимъ «другомъ народа». Будемъ утѣшаться мыслію, что они не знаютъ русской пословицы: «не тотъ воръ, кто воруетъ, а кто лѣстницу подставляетъ»,—иначе они попріудержали бы свои восторги и старались бы быть нѣсколько послѣдовательнѣе.

Отвернемся же поскорѣе отъ полемики между соперничествующими партіями, во время которой пускаются въ ходъ всѣ пружины, могущія обезпечить успѣхъ, не останавливаются передъ самымъ безстыднымъ искаженіемъ фактовъ, выказываютъ самую наглую непослѣдовательность. Перейдемъ лучше къ третьей партіи. Она знаетъ свою малочисленность, не претендуетъ на захватъ власти и основываетъ свою силу не на униженіи и насмѣшкахъ надъ своими противниками, а на внутреннемъ достоинствѣ своихъ принциповъ.

Я долженъ въ самомъ сжатомъ видѣ изложить основныя доктрины этой партіи, которая выражаетъ собой протестъ противъ общераспростра-

неннаго заблужденія, будто только золото и серебро могутъ быть деньгами, т. е. средствомъ для обмѣна продуктовъ. Члены этой партіи говорятъ, что полный обмѣнъ продуктовъ и экономическое благосостояніе страны возможны только со введеніемъ раціональной системы бумажныхъ денегъ.

Ихъ главнѣйшія положенія и теоремы, ведущія къ такому выводу, можно представить въ слѣдующемъ видѣ:

1. Извѣстно, что даже драгоцѣнные металлы находятся въ обращеніи не столько въ силу своей внутренней стоимости, сколько въ силу довѣрія къ правительству, такъ какъ изношенная, потертая и часто продыравленная монета, завѣдомо меньшая своего нормальнаго вѣса, обращается въ народѣ одинаково съ полновѣсною монетой и во всякомъ случаѣ легче принимается въ обмѣнъ, чѣмъ полновѣсный кусокъ, металлъ, не имѣющій правительственной санкціи (т. е. безъ правительственнаго штемпеля).

2. Извѣстно, что внутренняя стоимость драгоцѣнныхъ металловъ постоянно измѣнялась и измѣняется съ улучшеніемъ техническихъ обработокъ, съ открытіемъ новыхъ и истощеніемъ прежнихъ розсыпей, и что покупательная сила денегъ вслѣдствіе этого значительно измѣняется.

Но, кромѣ этого, покупательная сила металлическихъ денегъ зависитъ отъ отношенія между количествомъ металла, находящагося въ странѣ, и количествомъ продуктовъ, предлагаемыхъ на продажу. Всякое увеличеніе въ производствѣ народнаго богатства и въ торговой дѣятельности страны и всякій отливъ металла изъ страны повышаютъ покупательную силу денегъ. Обратныя причины производятъ обратныя явленія. Цѣны на продукты, вслѣдствіе этого, постоянно и сильно колеблются, отношеніе между заимодавцами и должниками теряетъ опредѣлительность, страна находится въ состояніи экономическаго хаоса. Самый смирный человѣкъ энергически протестовалъ бы, еслибъ аршинъ, которымъ онъ измѣряетъ длину, или фунтъ, которымъ онъ измѣряетъ вѣсъ пріобрѣтаемой вещи, постоянно измѣнялись въ своей длинѣ или вѣсѣ. А между тѣмъ рубли и доллары, которыми онъ измѣряетъ стоимость вещи, постоянно измѣняютъ свою покупательную силу и подобная система не только повсемѣстно терпима, но даже признается нормальною.

3. Мало того, уже давно признано, что золота и серебра всего міра недостаточно для совершенія самаго необходимаго обмѣна, и банкиры, выпускающіе бумажныя деньги, обезпечивая ихъ размѣномъ на золото, оказывали странѣ большія услуги. Они увеличивали число денежныхъ знаковъ, находящихся въ обращеніи, облегчали всѣ сдѣлки обмѣна и показали впервые народу возможность совершить обмѣнъ съ помощью бумажныхъ знаковъ.

Тѣмъ не менѣе существующая нынѣ система бумажныхъ денегъ представляетъ громадныя неудобства:

а) Она основана на фиктивномъ положеніи, будто бумажка выражаетъ собой извѣстное количество драгоцѣнныхъ металловъ, тогда какъ всяко-

му извѣстно, что количество бумажныхъ денегъ по крайней мѣрѣ въ пять разъ превышаетъ все количество звонкой монеты.

А между тѣмъ, опираясь на этомъ положеніи, б) банкиры выпускаютъ больше «обѣщаній на бумагѣ», чѣмъ имѣютъ золота. Отъ этого въ самомъ лучшемъ случаѣ (то-есть когда банкиръ благоразуменъ и не злоупотребляетъ своею привилегіей выпуска бумажныхъ денегъ) они богатѣютъ на счетъ страны; въ самомъ худшемъ случаѣ они, пользуясь временными запросами на деньги, выпускаютъ кредитные билеты въ чрезмѣрно большомъ количествѣ и производятъ биржевые и промышленные кризисы; а при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ они регулируютъ количество бумажныхъ денегъ *возможною вѣроятностію обмѣна на золото*. Слѣдов., такъ какъ золота вообще мало въ странѣ, количество денежныхъ знаковъ далеко не соотвѣтствуетъ потребностямъ народа, процентъ на займы стоитъ непомѣрно-высокій и, ложась тяжелымъ бременемъ на производительность страны, выгоденъ только для капиталистовъ.

Обращеніе бумажныхъ денегъ (даже при современной финансовой системѣ) произвело большія перемѣны и въ экономической наукѣ, и во взглядахъ государственныхъ людей.

1. Оно показало, что богатство страны зависитъ не отъ количества денегъ, а отъ степени энергіи производительныхъ силъ народа. Испанія, владѣвшая одно время золотомъ всего цивилизованнаго міра, была одной изъ бѣднѣйшихъ странъ Европы; съ другой стороны, Америка, во время междоусобной войны, не имѣя ни одного доллара звонкой монеты во внутреннемъ обращеніи, выказала необыкновенный приростъ народнаго богатства.

Количество денежныхъ знаковъ вліяетъ только на большую или меньшую легкость въ обмѣнѣ продуктовъ, и всякій предметъ, имѣющій за собою санкцію правительства, можетъ служить орудіемъ обмѣна.

2. Оно доказало, что бумажныя деньги обращаются не въ силу обмѣна на золото и серебро, а въ силу довѣрія къ лицу ихъ выпускающему,—въ силу сознанія, что, получая бумажный знакъ въ обмѣнъ за свои продукты, онъ всегда имѣетъ возможность съ помощью этого знака пріобрѣсть другіе продукты и въ одинаковой стоимости съ первыми. Правительства давно уже поняли эту истину. Удивляться надо не тому, что правительства, подобно неразсчетливымъ банкирамъ, злоупотребляли этимъ довѣріемъ и выпускали больше денежныхъ знаковъ, чѣмъ нужно было для народа, а тому, какъ сильно это довѣріе къ правительству,—какъ часто бумажки, выпускаемыя правительствомъ въ самые критическіе моменты его существованія, довѣрчиво принимались народомъ и если падали въ цѣнѣ, то только вслѣдствіе ихъ избыточнаго количества.

3. Наконецъ въ наукѣ уже установился тотъ фактъ, что при данной степени довѣрія покупательная сила бумажныхъ денегъ, подобно звонкой монетѣ, зависитъ только отъ отношенія между количествомъ выпущен-

ныхъ въ обращеніе бумажекъ и количествомъ продуктовъ, предлагаемыхъ на продажу.

Опираясь на эти данныя, многіе въ Америкѣ начинаютъ серьезно требовать, чтобы правительство взяло на себя роль народнаго банкира, такъ какъ довѣріе къ правительству всегда сильнѣе довѣрія къ частному лицу и контроль надъ правительственными операціями (по крайней мѣрѣ въ республикѣ) всегда легче и удобнѣе.

Для того, чтобы новая финансовая система соединяла въ себѣ всѣ удобства прежней, безъ ея недостатковъ, необходимо, чтобы

1) Возстановлено было полное довѣріе къ бумажнымъ деньгамъ заявленіемъ, что правительство будетъ принимать ихъ въ уплату всѣхъ податей и пошлинъ *).

2) Количество выпускаемыхъ знаковъ должно опредѣляться не необходимостью обмѣна на золото, а потребностью народа въ деньгахъ, которая выражается высотою процента, платимаго за займы.

Въ настоящее время, когда регулировка денежныхъ знаковъ находится въ рукахъ банкировъ и капиталистовъ, процентъ на займы стоитъ отъ 7% въ Восточныхъ Штатахъ до 10—12% въ Западныхъ. Такой процентъ значительно превышаетъ ежегодный приростъ народнаго богатства (составляющій немного болѣе 3%) и средній должникъ въ странѣ долженъ терять отъ займа, т. е. платить своимъ кредиторамъ, больше, чѣмъ онъ въ состояніи заработывать. Результатомъ этого—повсемѣстная продажа съ аукціона собственности неоплатныхъ должниковъ и колоссальный ростъ въ богатствѣ немногихъ на счетъ обѣдненія многихъ.

Правительство, въ своей роли банкира, должно выпускать бумажныя деньги въ такомъ количествѣ, чтобы процентъ на займы сталъ ниже процентнаго прироста народнаго богатства (скажемъ 3%).

3) Покупательная сила денегъ не должна колебаться вовсе. Если одна единица въ новой денежной системѣ (будетъ ли она показываться долларомъ или днемъ работы, все равно) покупаетъ одинъ бушель пшеницы въ 1880 году, то она должна покупать одинъ бушель и въ 1890 г. (предполагая, разумѣется, что земледѣльческая техника не измѣнилась за это время). Выполнить это условіе очень нетрудно, если правительство будетъ *обязано* принимать назадъ денежные знаки въ обмѣнъ на государственныя облигаціи, приносящія 3%, и обратно принимать во всякое время государственныя облигаціи въ обмѣнъ на бумажныя деньги.

Посмотримъ, на самомъ дѣлѣ, что должно выйти при этомъ условіи. Положимъ, что правительство, усвоивъ новую теорію, начинаетъ платить своимъ чиновникамъ, солдатамъ, подрядчикамъ и т. п. бумажными день-

*) Главная причина, почему американскій кредитный билетъ не могъ стать at par съ золотомъ, заключалась въ томъ, что таможенныя пошлины уплачивались золотомъ, а кредитный билетъ принимался въ уплату только внутреннихъ податей.

гами. Съ началомъ финансовой революціи, естественно, будутъ связаны многія перемѣны въ народномъ хозяйствѣ. Съ увеличеніемъ денежныхъ знаковъ покупательная сила денегъ должна уменьшиться. Всѣ текущія долговыя обязательства станутъ невыгодными для заимодавцевъ, такъ какъ заемъ, скажемъ, въ 100 долларовъ и представлявшій собою прежде стоимость 150 бушелей пшеницы, теперь будетъ представлять стоимость, положимъ, 100 бушелей. Вообще говоря, во время этой финансовой революціи будутъ происходить явленія совершенно обратныя тѣмъ, которыя происходили недавно въ Америкѣ во время перехода отъ системы бумажныхъ денегъ къ платежу звонкою монетой.

Но всему есть конецъ. Наступитъ конецъ и этой революціи. Количество денегъ, находящихся въ обращеніи, будетъ такъ много, что процентъ на займы упадетъ до 3%. Съ тѣхъ поръ должна наступить пора прочной финансовой системы и прочныхъ экономическихъ отношеній. И въ самомъ дѣлѣ, допустимъ наиболѣе вѣроятное предположеніе: допустимъ, что, вслѣдствіе быстраго пониженія процента, появилась чрезмѣрная горячка въ торговой и мануфактурной дѣятельности страны и что вслѣдъ за тѣмъ наступаетъ реакція: съ уменьшеніемъ производства народнаго богатства будетъ уменьшаться покупательная сила денегъ и процентъ на займы будетъ стремиться стать ниже 3%. Тогда для обладателей денегъ будетъ выгодно отдавать свои деньги правительству въ обмѣнъ на облигаціи, приносящія 3%. Количество денегъ въ странѣ будетъ уменьшаться до тѣхъ поръ, пока покупательная ихъ сила не поднимется до нормальнаго уровня и процентъ на займы опять дойдетъ до 3%. Такимъ образомъ предотвратится финансовая и промышленная паника и производство страны, отдохнувъ отъ реакціи, будетъ идти нормальнымъ путемъ. Но вотъ, съ теченіемъ времени, съ увеличеніемъ народонаселенія и народнаго богатства, опять будетъ измѣняться отношеніе между количествомъ обращающихся денегъ и количествомъ обмѣниваемыхъ продуктовъ; покупательная сила единицы будетъ стремиться къ повышенію, соотвѣтственно тому будетъ увеличиваться процентъ на займы и владѣльцы 3%-ныхъ государственныхъ облигацій поспѣшатъ размѣнять ихъ на деньги; и обмѣнъ этотъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока количество денегъ опять не станетъ въ прежнее отношеніе къ количеству обмѣниваемыхъ продуктовъ, т. е. пока процентъ на частные займы не понизится до 3%.

Такая саморегуляція будетъ происходить не только вслѣдствіе причинъ медленно высказывающихся въ теченіе многихъ лѣтъ, но и вслѣдствіе причинъ, колеблющихъ денежный рынокъ въ теченіе одного года. Возьмемъ, напримѣръ, Америку съ ея громаднымъ производствомъ земледѣльческихъ продуктовъ. Обыкновенно осенью, послѣ уборки хлѣба, поступаетъ громадный запасъ на деньги для того, чтобы, съ ихъ помощію, передвинуть жатву извнутри страны къ портамъ Атлантическаго океана.

Съ окончаніемъ этого передвиженія наступаетъ періодъ сравнительнаго затишья. Въ настоящее время эти временныя колебанія денежнаго рынка представляютъ неисчерпаемый источникъ выгодъ для капиталистовъ, умѣющихъ ловить рыбу въ мутной водѣ. Въ новой финансовой системѣ нѣтъ мѣста подобнымъ явленіямъ. Во время болѣе активной дѣятельности облигаціи будутъ идти къ правительству въ обмѣнъ на деньги; во время сравнительнаго затишья деньги пойдутъ въ государственную кассу въ обмѣнъ на облигаціи.

Очень можетъ быть, что съ введеніемъ бумажныхъ денегъ золото и серебро потеряютъ большую часть своей драгоцѣнности, такъ какъ запросъ на нихъ для мануфактурныхъ и химическихъ цѣлей всегда былъ очень ограниченный. Во всякомъ случаѣ они обратятся тогда въ одинъ изъ продуктовъ народной производительности, мѣновая стоимость которой будетъ опредѣляться только стоимостію ихъ производства и колебаніями спроса и предложенія. Бумажныя деньги не могутъ измѣнить отношенія существующихъ между такъ-называемыми драгоцѣнными металлами и другими продуктами производства,—онѣ только облегчаютъ процедуру обмѣна; и до тѣхъ поръ, пока народъ будетъ нуждаться въ золотѣ для совершенія международныхъ сдѣлокъ, до тѣхъ поръ оно будетъ или добываться изъ розсыпей (какъ это дѣлается въ Америкѣ), или пріобрѣтаться въ обмѣнъ на другіе продукты (какъ дѣлаетъ Англія). Законы и практика международной торговли останутся тѣ же, съ тою только разницею, что приливъ или отливъ золота не будетъ измѣнять покупательной силы денегъ.

Но этимъ еще не исчерпываются всѣ выгоды новой финансовой системы (гордо называемой здѣсь американскою). Съ пониженіемъ процента на денежные займы понизятся въ такой же мѣрѣ ренты на землю, фабрики, орудія производства. Производительность страны будетъ усиливаться по двумъ причинамъ: *во-первыхъ*, многія предпріятія, невыгодныя теперь при высокомъ процентѣ на капиталъ, будутъ возможны при низкомъ процентѣ; *во-вторыхъ*, капиталисты, имѣя меньше возможности жить исключительно на проценты государственныхъ облигацій *), должны будутъ обратить свои капиталы на ту или другую производительность. Классъ капиталистовъ-тунеядцевъ значительно уменьшится и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнетъ пролетаріатъ, такъ какъ съ увеличеніемъ народной промышленности руки, желающія работы, всегда найдутъ ее. Большая часть прироста народнаго богатства будетъ оставаться въ рукахъ производителей-работниковъ, тогда какъ теперь приростъ этотъ идетъ въ руки капиталистовъ. Наступитъ эра сравнительнаго довольства и спокойствія и тогда кровавый призракъ соціальной революціи перестанетъ пугать людей.

---

*) Извѣстный богачъ Америки, Вандербильтъ, получаетъ теперь одними процентами на государственныя облигаціи до 8.000 долларовъ въ день.

Таковы картины, рисуемыя гринбакерами. Можетъ-быть они нѣсколько преувеличиваютъ благодѣтельныя вліянія новой системы, но ни одинъ здравомыслящій и безпристрастный человѣкъ не скажетъ, что они опираются на вздорные и неосновательные вымыслы. Картины эти имѣютъ много чарующаго вліянія на рабочихъ людей, и идеи гринбакеровъ вліяютъ больше на сердце и воображеніе, чѣмъ на умъ простыхъ людей, неспособныхъ понять сложныя и отвлеченныя истины экономической науки, которыя служатъ основаніемъ новой финансовой теоріи.

Я называю эту теорію новой только потому, что она нигдѣ еще не примѣнялась во всемъ своемъ объемѣ. Основная идея ея вовсе не нова. Громадныя выгоды, проистекающія отъ пониженія и уничтоженія процентовъ, были достаточно хорошо указаны Прудономъ. А въ Америкѣ нѣкій Келлогъ, купецъ въ Нью-Йоркѣ, еще въ 1844 году издалъ книгу, настаивая на необходимости экономической реформы и на принятіи финансовой системы, ничѣмъ почти не отличающейся отъ только-что изложенной. Идеи не новы,—онѣ только спали летаргическимъ сномъ и только теперь, когда республиканская партія стремится привить европейскую систему финансовъ къ республиканскимъ учрежденіямъ Америки, когда нищета и пролетаріатъ впервые появились на американской почвѣ, — теперь эти идеи воспрянули съ новою силой и находятъ себѣ отголосокъ въ тысячахъ «обдѣленныхъ на пиру жизни», которые во-очію видятъ, что даже пресловутая свобода Америки не спасаетъ бѣднаго человѣка отъ подчиненія капиталисту.

Было упомянуто уже, что защитники новой финансовой системы организовали политическую партію въ началѣ 1876 года. Лѣтомъ того же года они издали свою «платформу», настоятельно требуя: 1) уничтоженія частныхъ банковъ, 2) выпуска бумажныхъ денегъ, не размѣниваемыхъ на золото и принимаемыхъ правительствомъ въ уплату всѣхъ податей и пошлинъ, и 3) регуляціи этихъ денегъ обмѣномъ на государственныя облигаціи, приносящія 3,65% въ годъ (т. е. 1 сентъ на 100 долларовъ на каждый день года). Тогда же они заявили свою рѣшимость не подавать свои голоса ни за одну изъ старыхъ политическихъ партій и первымъ своимъ кандидатомъ на президентское званіе выбрали извѣстнаго милліонера и филантропа Петра Купера, всею душой преданнаго идеямъ гринбакеровъ.

Крупные органы республиканской и демократической партіи, эти «генералы американской прессы», старались показать свое презрѣніе къ гринбакерамъ, вовсе не упоминая о нихъ, какъ будто третья партія вовсе не существовала. Мелкія газеты и иллюстраціи надрывались изо всѣхъ силъ, чтобы позлѣе осмѣять вновь появившагося «тряпичнаго ребенка» (rag baby), желающаго обогатить страну обрывками своихъ тряпокъ.

Но ни насмѣшки, ни презрѣніе не могли остановить ростъ партіи. Тяжелыя времена, банкротства и безработица по неволѣ обращали вниманіе

всѣхъ на новый проектъ. Много людей присоединялось къ гринбакерамъ не потому, чтобъ убѣждались въ правотѣ ихъ взглядовъ, а потому, что экономическое состояніе страны было по-истинѣ плечевно и всякая перемѣна была, по ихъ мнѣнію, лучше бездѣйствія.

Ко времени народной подачи голосовъ (ноября 1876 г.) гринбакеры были еще слишкомъ слабы, чтобъ имѣть на своей сторонѣ большинство населенія хотъ въ одномъ Штатѣ и потому голоса ихъ не имѣли никакого вліянія на составъ электоральной коллегіи. За то въ нѣкоторыхъ избирательныхъ округахъ они оказались въ такой силѣ, что могли послать въ конгрессъ своихъ представителей. Все число гринбакеровъ въ палатѣ представителей не превосходило 10 — 12 человѣкъ; а такъ какъ число республиканцевъ въ ней было почти равносильно числу демократовъ, то эта большая кучка людей часто имѣла за собой рѣшающую силу, подавая свой голосъ то съ одною партіей, то съ другой, и по неволѣ заставила своихъ противниковъ уважать себя.

Въ продолженіе 4-хъ лѣтъ, протекшихъ со времени послѣдняго президентскаго выбора, сила и вліяніе гринбакеровъ растетъ постоянно. Рабочіе союзы, стоявшіе прежде отдѣльно отъ нихъ, начали мало-по-малу понимать, какъ благодѣтельно будетъ для ихъ интересовъ введеніе новой финансовой системы, и постепенно присоединялись къ третьей партіи. Сила ея особенно увеличивалась въ большихъ городахъ Союза и въ мануфактурныхъ центрахъ. Партія считала возможнымъ называть себя народною рабочею партіей гринбакеровъ (National Labor Greenback Party). Къ ужасу республиканцевъ и демократовъ, они стали одерживать побѣды на муниципальныхъ выборахъ, ставя своихъ мэровъ, судей и другихъ членовъ городскаго управленія; а въ Калифорніи эти «коммунисты» (кличка, данная имъ старыми партіями) настояли, чтобы во вновь составляемой конституціи Штата было ограничено право владѣнія большими имуществами.

Капиталисты и банкиры забили не малую тревогу. Rag-baby оказывался черезчуръ назойливымъ. Обходить его игнорированіемъ не приходилось. Надо было торопиться возобновленіемъ столь желаннаго для нихъ платежа звонкою монетой, чтобы поскорѣе вывести страну изъ неопредѣленнаго финансоваго состоянія и хоть тѣмъ пріостановить ростъ гринбакеровъ. Теперешній министръ финансовъ Шерманъ сначала противился этой мѣрѣ, считая ее преждевременною, но впослѣдствіи склонился на сторону капиталистовъ, не безъ основанія разсчитывая на ихъ поддержку ко времени будущихъ президентскихъ выборовъ.

Урожайные годы дали возможность Шерману возобновить платежи звонкою монетой скорѣе и легче, чѣмъ онъ предполагалъ прежде, а приливъ золота и эмигрантовъ *) придалъ странѣ видъ небывалаго довольства. Въ

*) Въ теченіе 9-ти мѣсяцевъ этого года эмигрантовъ прибыло 300.000 человѣкъ.

виду этихъ фактовъ демократы сняли свою оппозицію противъ финансовыхъ мѣръ правительства и многіе изъ гринбакеровъ стали переходить въ ряды прежнихъ партій. Но, несмотря на неблагопріятныя обстоятельства, третья партія все-таки продолжаетъ расти по-прежнему. Мѣсто каждаго выбывающаго изъ рядовъ заступается двумя или тремя новыми приверженцами. На мѣсто непостоянныхъ людей, политика которыхъ опредѣляется настроеніями минуты, становятся люди крѣпко убѣжденные въ правотѣ своихъ требованій. Повсемѣстно организуются клубы и появляются новыя газеты для пропаганды новой теоріи. Болѣе того, появляются апостолы этого ученія, т. е. люди фанатически убѣжденные, что въ реализаціи новой финансовой системы лежитъ панацея отъ всѣхъ золъ, и самоотверженно проповѣдывающіе благую вѣсть изъ-за чистаго побужденія принесть пользу ближнимъ.

Въ нашъ вѣкъ эгоистическихъ побужденій и поддѣльнаго энтузіазма подобные люди очень рѣдки. Ихъ искренность дѣйствуетъ чарующимъ образомъ на слушателей; они приносятъ громадную пользу своей партіи и доказываютъ своимъ примѣромъ, что партія, которой они служатъ, представляетъ дѣйствительно жизненную потребность народа.

Говоря о подобныхъ людяхъ, нельзя не упомянуть о Солонѣ Чэзѣ, имя котораго теперь на устахъ всѣхъ американцевъ. Человѣкъ сильнаго ума, но безъ всякихъ претензій, простой фермеръ въ Штатѣ Мэнъ, онъ, будучи республиканцемъ, энергически боролся противъ распространявшейся тогда ереси гринбакизма. Обольщенный ходячими предубѣжденіями людей, онъ разсчитывалъ одержать легкую побѣду надъ защитниками тряпичныхъ денегъ; но чѣмъ далѣе онъ входилъ въ полемику, тѣмъ болѣе онъ чувствовалъ, что путается въ необъяснимыхъ противорѣчіяхъ. Полагая, что его несостоятельность происходитъ отъ недостаточнаго знакомства съ наукой, онъ прекратилъ полемику и началъ усердно изучать всѣ доступные ему трактаты о финансахъ. Результатомъ изученія появилась такая же страстная приверженность къ новой теоріи, какъ страстны были прежде его нападки на нее. Движимый искреннимъ желаніемъ открыть глаза другимъ и избавить ихъ отъ заблужденій, которымъ подвергался такъ долго, онъ становится миссіонеромъ новой экономической теоріи. Переходя съ мѣста на мѣсто, вездѣ собирая народъ для бесѣды о необходимости финансовыхъ реформъ и соединяя фанатическое усердіе ново-обращеннаго съ умѣньемъ ясно и толково излагать самыя запутанныя теоремы финансовъ, Чэзъ въ самое короткое время дѣлаетъ свой Штатъ первымъ въ Союзѣ по относительному числу приверженцевъ новой финансовой системы.

Такимъ-то образомъ растетъ и крѣпнетъ новая партія. Вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и оппозиція привилегированныхъ классовъ противъ людей желающихъ видоизмѣнить существующій порядокъ вещей. Къ банкирамъ и капиталистамъ присоединилось и духовенство страны. Уже давно гремятъ съ амвоновъ проповѣди, убѣждающія народъ не поддаваться на со-

блазнительные толки гринбакеровъ и не присоединяться къ ихъ партіи. До сихъ поръ это можно было считать дѣломъ отдѣльныхъ личностей, но въ этомъ году церковь коллективно выразила свое неудовольствіе противъ гринбакеровъ, хотя и въ дѣтской формѣ. Дѣло въ томъ, что въ іюнѣ мѣсяцѣ этого года, когда делегаты каждой партіи съѣзжались для выбора своихъ кандидатовъ на президентское званіе, духовенство всѣхъ сектъ, имѣющихъ церковную іерархію, назначило циркуляромъ день общественной молитвы, чтобы во всѣхъ церквахъ молить Бога о ниспосланіи помощи республиканской и демократической партіи,—«чтобъ онѣ, движимыя чувствомъ мудрости, умѣренности и любви къ отечеству, избрали кандидатами своихъ лучшихъ людей». Ходатайство за гринбакеровъ не считалось нужнымъ. Люди постоянно толкующіе о процентахъ, облигаціяхъ, законахъ спроса и предложенія и т. п. отвлеченностяхъ, были занесены церковью въ разрядъ «неумѣренныхъ» и «коммунистовъ».

Разумѣется, это не помѣшало гринбакерамъ имѣть свой конвентъ, издать манифестъ съ изложеніемъ принциповъ и выбрать своимъ кандидатомъ на президентское званіе одного изъ своихъ членовъ въ палатѣ представителей—Вивера (Weaver).

Посмотримъ же теперь, въ какомъ отношеніи другъ къ другу стоятъ въ данную минуту три политическія партіи, и постараемся опредѣлить, которая изъ нихъ имѣетъ наиболѣе шансовъ на окончательную побѣду въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

Надо замѣтить, что каждая партія, остановивши свой выборъ на одномъ кандидатѣ, прекращаетъ на время внутреннія несогласія между отдѣльными фракціями и направляетъ всѣ усилія на пропаганду своихъ принциповъ и на восхваленіе своего кандидата. Чтобъ эти усилія не разбрасывались безслѣдно, а были бы направлены туда, гдѣ въ нихъ болѣе нуждаются, каждая партія формируетъ свой исполнительный комитетъ, котораго главная квартира находится въ Вашингтонѣ, а вѣтви—во всѣхъ Штатахъ Союза. Исполнительные комитеты составляются изъ людей опытныхъ въ политикѣ и въ ихъ рукахъ обыкновенно сосредоточиваются всѣ деньги, жертвуемыя частными людьми для успѣха партіи. Первая работа этихъ комитетовъ состоитъ въ томъ, чтобы, опираясь на оффиціальныя цифры прошлыхъ выборовъ и на свѣдѣнія, набранныя на мѣстѣ вѣтвями этихъ комитетовъ, оцѣнить по возможности точнѣе, какіе Штаты будутъ навѣрное на ихъ сторонѣ и въ какихъ Штатахъ исходъ борьбы будетъ сомнителенъ. Затѣмъ изъ сомнительныхъ Штатовъ на первое мѣсто выдвигаются тѣ изъ нихъ, которые вотируютъ раньше ноября *), и вотъ въ

*) Федеральная конституція говоритъ, что всѣ Штаты должны выбирать избирательныя коллегіи въ одинъ и тотъ же день (первый вторникъ ноября мѣсяца). Большая часть Штатовъ, для сбереженія издержекъ, перенесла на этотъ же день и свои мѣстные выборы; но въ нѣкоторыхъ Штатахъ мѣстные выборы до сихъ поръ происходятъ раньше ноября.

такіе Штаты направляютъ они всѣ средства и всю энергію партій. Предоставляя газетамъ вести печатную полемику, они стараются увлечь населеніе сомнительныхъ Штатовъ посредствомъ живаго слова, имѣющаго гораздо большее вліяніе на умы народа, чѣмъ чтеніе газетъ. Туда направляются лучшіе ораторы Америки, тамъ устраиваются импозирующія процесссіи со знаменами, музыкой, факелами и иллюминаціей. Въ каждой деревушкѣ устраиваются митинги, говорятся рѣчи; каждая партія употребляетъ всѣ усилія, чтобы переманить на свою сторону индифферентныхъ людей, употребляя для этого иногда и нечистыя средства.

Нужды нѣтъ, что выборы въ такихъ Штатахъ ограничиваются только избраніемъ правителя и представителей въ законодательныя собранія. Они служатъ превосходнымъ пробнымъ камнемъ для опредѣленія относительной силы партій, они указываютъ, въ какую сторону дуетъ вѣтеръ, и народъ привыкъ уже судить объ исходѣ президентской кампаніи по результатамъ мѣстныхъ выборовъ въ сомнительныхъ Штатахъ. Каждая партія страстно желаетъ одержать побѣду уже потому, что этотъ мѣстный успѣхъ сильно импозируетъ на умы людей, не имѣющихъ строго опредѣленныхъ мнѣній и всегда готовыхъ идти за побѣдителемъ.

Всѣхъ Штатовъ вотирующихъ раньше ноября мѣсяца — шесть; изъ нихъ сомнительными Штатами были въ этомъ году только два: Мэнъ, вотирующій 13 сентября, и Индіана, вотирующая 12 октября.

Борьба въ Мэнѣ только-что окончилась... Она была замѣчательна тѣмъ, что демократы, чувствуя свою слабость въ Штатѣ и невозможность одолѣть республиканцевъ, рѣшились соединиться съ гринбакерами, обязываясь вотировать за гринбакерскаго кандидата на правителя Штата и за ихъ представителей въ конгрессѣ; а гринбакеры взамѣнъ этого обязывались подать голосъ за демократическихъ кандидатовъ на второстепенныя должности.

Республиканцы, въ виду подобной коалиціи, начали сильно тревожиться и употребляли всѣ усилія, чтобы разстроить ее. Они говорили гринбакерамъ, что, вступая въ союзъ съ «бурбонами», они позорятъ честность своихъ намѣреній, и что партія, вступающая въ подобные компромиссы, не можетъ имѣть будущности; они указывали на аболиціонистовъ пятидесятыхъ годовъ, какъ на примѣръ достойный подражанія. Лесть, добрыя пожеланія и заботы о добромъ имени гринбакеровъ градомъ сыпались отъ республиканцевъ, всегда болѣе другихъ глумившихся надъ ними. Но все было напрасно,—коалиція не разстраивалась и приходилось начинать упорную, отчаянную борьбу.

Во главѣ республиканцевъ Мэна стоитъ сенаторъ Блэнъ, уже знающій, что съ торжествомъ республиканцевъ ему не миновать президентства въ близкомъ будущемъ. Идолъ республиканской партіи, человѣкъ этотъ дѣйствительно замѣчателенъ силою своего ума и своею способностью увлекать слушателей. Имя Блэна и успѣхъ были до сихъ поръ синонимами. Но даже онъ не могъ сломить коалиціи.

Республиканцы потерпѣли пораженіе въ двухъ избирательныхъ округахъ (всѣхъ округовъ въ Мэнѣ 5): за ихъ кандидата на правителя штата было подано 73.380 голосовъ, тогда какъ кандидатъ гринбакеровъ получилъ 73.520 голосовъ. Пораженіе это тѣмъ тяжелѣе, что Мэнъ всегда имѣлъ республиканское большинство и въ первый разъ ускользаетъ изъ-подъ ихъ контроля.

Успѣхъ гринбакеровъ, имѣющихъ на своей сторонѣ двухъ представителей въ конгрессѣ и правителя Штата, превзошелъ всякое ожиданіе. Даже политическіе враги ихъ должны сознаться, что имѣютъ дѣло съ опаснымъ противникомъ. Нью-Йоркскій трибунъ, напримѣръ, анализируя результаты выборовъ въ Мэнѣ, говоритъ: «Они (т.-е. результаты) доказываютъ, что партія гринбакеровъ составляетъ сильный и постоянно растущій элементъ оппозиціи. Она представляетъ собою честныя убѣжденія, хотя и ошибочныя; она умѣетъ вести упорную борьбу и не покидаетъ своего знамени, какъ бы малы ни были надежды на успѣхъ».

Разумѣется, какъ только окончились выборы въ Мэнѣ, вся страстность и ожесточеніе избирательной борьбы перешли въ Индіану. Демократы хотятъ во что бы то ни стало выиграть въ этомъ Штатѣ. Они увѣрены, что всѣ Южные Штаты пойдутъ за нихъ, а для того, чтобъ имѣть за собой большинство въ электоральной коллегіи, имъ надо выиграть только два Сѣверные Штата, и Индіана, не разъ уже подававшая свой голосъ за демократовъ, представляетъ для нихъ въ настоящее время наиболѣе лакомый призъ. Чтобы показать нагляднѣе, какая важность придается исходу борьбы въ Индіанѣ и какъ сильно работаютъ обѣ партіи, чтобъ обезпечить за собой побѣду на мѣстныхъ выборахъ этого Штата, я дамъ нѣкоторое понятіе о громадности пожертвованій, которыя идутъ въ руки исполнительныхъ комитетовъ для покрытія издержекъ кампаніи. Я уже говорилъ, что Инглишъ былъ выбранъ кандидатомъ на вице-президентство только въ силу своего богатства и онъ, какъ кажется, намѣренъ щедрою рукой сыпать деньги, добытыя отъ аукціонныхъ продажъ имущества его должниковъ. Его пожертвованія уже теперь превосходятъ сто тысячъ долларовъ, а къ концу кампаніи дойдутъ вѣроятно до 150.000. Несмотря на это, въ виду необходимости обезпечить за демократами Индіану, Самуилъ Тильденъ, бывшій кандидатомъ на президента въ 1876 году, послалъ на дняхъ туда же двадцать пять тысячъ долларовъ, а Августъ Шель, другой богачъ Нью-Йорка, двадцать тысячъ.

И эти полновѣсные вклады составляютъ только небольшую часть суммы, образуемой изъ множества пожертвованій отъ менѣе богатыхъ приверженцевъ партіи.

Республиканцы, разумѣется, не уступаютъ демократамъ ни въ желаніи одержать верхъ въ Индіанѣ, ни въ громадности средствъ, находящихся въ ихъ распоряженіи, а въ своихъ усиліяхъ удержать Штатъ и надолго обезпечить за собой большинство населенія они оказали замѣчательную

дальновидность. Они воспользовались «исходомъ негровъ» *) и съ помощію денежныхъ субсидій и дешевой раздачи земли успѣли переселить въ Индіану значительное число ихъ и ровно настолько увеличить число голосовъ, подаваемыхъ за республиканскую партію.

Черезъ нѣсколько дней борьба въ Индіанѣ придетъ къ концу. Если демократы одержатъ побѣду въ этой мѣстной борьбѣ, Ганкокъ будетъ навѣрное избранъ президентомъ въ ноябрѣ (когда всѣ Штаты Союза должны будутъ вотировать за электоральныя коллегіи). Заручившись двойною побѣдой въ Мэнѣ и Индіанѣ, они легко сломятъ оппозицію парализованныхъ и обезкураженныхъ республиканцевъ и увлекутъ за собой не только одинъ, но всѣ три сомнительные Штата (Нью-Йоркъ, Нью-Джерси и Коннектикутъ). Другое дѣло, если побѣда окажется на сторонѣ республиканцевъ. Каждая изъ двухъ партій, выигравши по одному Штату и въ виду нерѣшительности исхода, будетъ только подстрекаема къ дальнѣйшимъ усиліямъ. Въ продолженіе трехъ недѣль, остающихся до ноябрскихъ выборовъ, борьба будетъ кипѣть съ удвоенною энергіей. Но и въ этомъ случаѣ демократы будутъ имѣть преимущество надъ республиканцами, такъ какъ для окончательной побѣды имъ нужно выиграть только одинъ изъ сомнительныхъ Штатовъ, тогда какъ республиканцы, чтобы выйдти побѣдителями, должны удержать за собой всѣ три Штата.

Скажу болѣе. Допуская даже, что республиканцы удержатъ за собой всѣ Штаты Сѣвера, для демократовъ все-таки останется возможность провести своего кандидата, пользуясь примѣромъ 1876 года. Они могутъ, во время формальнаго счета голосовъ электоральной коллегіи, подъ предлогомъ какихъ-нибудь недоразумѣній или несоблюденія формъ, отвергнуть нѣсколько республиканскихъ голосовъ и—или дать большинство голосовъ Ганкоку, или избрать президента посредствомъ баллотировки въ конгрессъ. Они могутъ легко выполнить это, не выходя изъ предѣловъ строгой легальности, такъ какъ обѣ вѣтви конгресса находятся теперь подъ контролемъ демократовъ. За предлогами и придирками дѣло не станетъ, а въ нагломъ крючкотворствѣ, способномъ изъ-за какихъ-нибудь формальностей перерѣшать волю народа, демократы будутъ только слабыми подражателями своихъ предшественниковъ по власти.

Если же отъ оцѣнки мелкихъ разсчетовъ, интригъ и маневровъ, съ помощію которыхъ партіи желаютъ одолѣть другъ друга, мы перейдемъ на болѣе возвышенную точку зрѣнія и постараемся оцѣнить силы каждой партіи по ея внутреннему содержанію, то и тогда всякій безпристрастный человѣкъ не можетъ не придти къ заключенію, что республиканская пар-

---

*) Такъ называютъ американцы переселеніе негровъ, толпами уходящихъ изъ Южныхъ Штатовъ отъ притѣсненія бѣлыхъ. Годъ тому назадъ переселеніе это совершалось въ колоссальныхъ размѣрахъ и обратило на себя общее вниманіе страны.

тія, блистательно выступившая въ 1862 году въ качествѣ чисто-народной партіи, теперь находится въ нисходящемъ направленіи своего полета.

На самомъ дѣлѣ, изъ рядовъ республиканской партіи постоянно дезертируютъ люди несогласные съ финансовою политикой настоящаго времени. Только немногіе изъ дезертировъ настолько честны и смѣлы, чтобы открыто стать за гринбакеровъ; большинство же ихъ, не желая компрометтировать себя сообществомъ съ «коммунистами», переходятъ къ демократамъ, въ ожиданіи, что съ торжествомъ послѣднихъ soft money men составятъ преобладающій элементъ въ партіи и, вопреки увѣреніямъ ихъ манифеста, значительно измѣнятъ финансовую политику страны. Отъ республиканцевъ отошли также всѣ либералы, негодуя за проведеніе «Комстокова закона» и зная, что Гарфильдъ, какъ ревностный христіанинъ, будетъ симпатизировать дѣятельности христіанской ассоціаціи, тогда какъ убѣжденія Ганкока гораздо свободнѣе отъ вліянія христіанской религіи. Отошли отъ партіи всѣ не на шутку испуганные чуть не удавшеюся попыткой выбрать Гранта и привить къ странѣ нѣчто въ родѣ солдатской диктатуры. Наконецъ, отъ нея отходятъ многіе изъ-за убѣжденія, что представители и вожди ея уже достаточно испорчены долгимъ господствомъ въ странѣ и что дольше оставаться имъ у власти не слѣдуетъ. Самовосхваленіе республиканцевъ за услуги, оказанныя странѣ, начинаютъ надоѣдать отъ частаго повторенія, а ихъ увѣренія, что они и теперь нужны для спасенія Союза, теряютъ всякій смыслъ.

Но, несмотря на это, республиканцы до сихъ поръ представляютъ могущественную партію; они обладаютъ средствами, блистательными талантами. А страстность и увлеченіе, съ которыми они борются противъ демократовъ, таковы, какъ будто страна находится наканунѣ войны. Партія вовсе не показываетъ симптомовъ разложенія и слабости. Ключъ къ разрѣшенію этой загадки надо искать только въ томъ, что партія, теряя однихъ людей, пріобрѣтаетъ взамѣнъ поддержку другихъ,—что въ ней, слѣдовательно, происходятъ серьезныя перемѣны, что она становится выразительницею иныхъ взглядовъ и потребностей.

И дѣйствительно, съ самаго начала войны, люди, начинающіе богатѣть отъ нея, становились въ ряды республиканской партіи. Колоссальныя богатства частныхъ людей, положившія начало небывалой прежде въ Америкѣ «денежной аристократіи», появились результатомъ войны. Они начались съ подрядовъ, развивались посредствомъ ссудъ правительству, отдаваемымъ на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, и заканчиваются усовершенствованною системой такъ-называемыхъ народныхъ банковъ, по которой кредиторы страны могли выпускать въ обращеніе банковые билеты подъ обезпеченіе государственныхъ облигацій и такимъ образомъ получать двойной процентъ на одну и ту же сумму денегъ, т. е. получать проценты на облигаціи и проценты на банковые билеты, даваемые въ ссуду частнымъ лицамъ. Люди, разбогатѣвшіе отъ войны, естественно примкнули къ рес-

публиканской партіи; въ ихъ интересахъ было продолжать войну какъ можно больше, да они и теперь не прочь отъ возобновленія прежнихъ несогласій и, вмѣсто того чтобъ умиротворять страну, только вносятъ новые элементы раздора. Вначалѣ они были затерты на задній планъ честными людьми, подобно Сомнеру, Вэду, Грили; но теперь, когда старые ветераны сошли навсегда со сцены, а новые представители народныхъ интересовъ отошли отъ республиканской партіи, они чувствуютъ себя полными хозяевами партіи. Разумѣется, они прикрываютъ свои намѣренія прекрасными и возвышенными разсужденіями о благѣ народа. Они и теперь доказываютъ неопровержимыми фактами, какъ сильны ненависть и нетерпимость южанъ, и требуютъ, чтобы правительство Соединенныхъ Штатовъ энергически вступилось за право своихъ гражданъ и обезпечило за каждымъ человѣкомъ возможность подавать свой голосъ безъ страха быть высѣченнымъ или повѣшеннымъ.

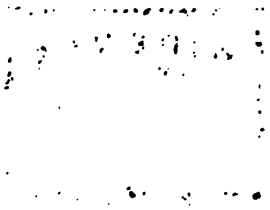
Они стараются представить себя и теперь партіей, дѣйствующей во имя народнаго блага, тогда какъ въ сущности они хотятъ еще усилить и безъ того уже враждебное настроеніе южанъ и дать поводъ федеральному правительству къ военному вмѣшательству. Они до сихъ поръ еще имѣютъ большое вліяніе на довѣрчивыя массы, хотя агитація гринбакеровъ мало-по-малу срываетъ съ нихъ маску. «Благо народа» становится какою-то чудовищною аномаліей въ виду того, какъ республиканцы, подъ шумокъ политическихъ рѣчей и обвиненій Юга, энергически защищаютъ денежные интересы банкировъ, торопятся возобновить уплату звонкою монетой и создаютъ пролетаріатъ.

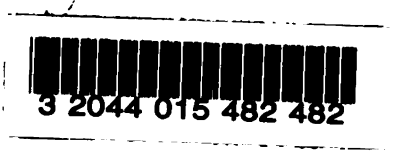
Республиканская партія перестаетъ быть народною партіей, каковою она была въ шестидесятыхъ годахъ. Она становится представительницею «денежной аристократіи» и, теряя людей искренно желающихъ народнаго блага, пріобрѣтаетъ поддержку «тузовъ». Къ ней постепенно примыкаютъ всѣ обезпеченные и довольные существующимъ порядкомъ вещей, чувствуя, что наступаетъ время, когда экономическіе вопросы станутъ вопросами дня и республиканская партія должна будетъ открыто стать на сторону консерваторовъ, тогда какъ гринбакеры и честные демократы (т. е. искренно отказавшіеся отъ абсурдной идеи самодержавія Штатовъ) будутъ выразителями прогрессивнаго начала.

Такой исходъ неизбѣженъ,—его не въ состояніи измѣнить случайныя отклоненія. Америка, разъ вступивши на путь западной Европы, должна неизбѣжно придти къ тому же результату и передъ интенсивностію экономической борьбы въ близкомъ будущемъ поблѣднѣютъ политическія агитаціи настоящаго времени.

W. F.

Редакторъ С. Юрьевъ.
Издатель В. Лавровъ.





This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

JAN -7'58 H

WIDENER
BOOK DUE
CANCELLED
OCT 24 1983
OCT 27 1983

STACK STUDY
CHARGE